Уважаемые коллеги и читатели!

Редакционный Совет выносит на Ваш суд первый номер Федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии» за 2026 год.

Особо хочу обратить Ваше внимание на следующие работы: Р.О. Восканян – кандидата экономических наук, доцента кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова «Разработка комплекса ковенантов для компаний, финансируемых с использованием мультиголосующих акций», Р.В. Кашбразиева – доктора экономических наук, профессора кафедры мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ и А.Д. Протоценя – аспиранта факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ «Цифровые валюты центральных банков: сравнительный анализ моделей Китая и Европейского союза», Р.Р. Гайсина – аспиранта кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета «Кибербезопасность и информационная безопасность: правовые проблемы терминологической дифференциации в международном и внутригосударственном праве», А.В. Краснова – кандидата юридических наук, доцента кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственно университета правосудия и А.А. Юсупова – кандидата юридических наук, доцента кафедры теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) «Новизна в судебных правовых позициях: мифы и реальность», Ю.Ю. Комлева – доктора социологических наук, профессора кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, профессор кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ» «Цифровая социология и цифровая девиантология: генезис, предмет, методы», Е.В. Щекотина – кандидата философских наук, доцента, заведующего кафедрой философии, истории и права Сибирского государственного университета водного транспорта «Когнитивная парадигма социального управления в цифровом обществе».

С уважением,
Главный редактор журнала «Вестник экономики, права и социологии»
Доктор экономических наук, профессор

В.В. Шлычков

Содержание

Экономика

Алтухов А.С.
Трансформация моделей взаимодействия российских компаний с государственным участием со стейкхолдерами в условиях санкционных ограничений 8

Виноградова Т.И.
Цифровая трансформация бюджетного процесса в системе государственного управления Республики Армения: обеспечение прозрачности и вовлеченности граждан 17

Волченко Т.А.
Комплексный анализ факторов роста туристических потоков в регионах России 25

Восканян Р.О.
Разработка комплекса ковенантов для компаний, финансируемых с использованием мультиголосующих акций 32

Ельшин Л.А., Мусаев А.К.
Влияние развития маркетплейсов в регионе на число самозанятых 39

Жильцов С.А.
Методика формирования стратегии инновационного развития электроэнергетики 44

Кашбразиев Р.В., Протосеня А.Д.
Цифровые валюты центральных банков: сравнительный анализ моделей Китая и Европейского союза 48

Квасников В.А.
Казначейское обслуживание как инструмент повышения уровня безопасности процесса социально-экономического развития субъектов РФ 53

Куклев Т.А.
Развитие экономического потенциала муниципальных органов власти за счет цифровизации бюджетных механизмов 59

Магомедов А.Ш.
Трансформация парадигм муниципального управления в контексте цифровизации и развития умных городов 65

Мяликов Э.Р.
Необходимость применения технологии больших данных в оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти 73

Новруззаде Ф.Т.
Теорема развития организационной приверженности молодых специалистов к деятельности в органах государственной власти 79

Оборин М.С., Акишева Д.В.
Концептуальные подходы к развитию предприятий общественного питания как объекта государственного управления 83

Оборин М.С., Орлов С.П.
Стратегические проблемы государственного управления и регулирования сферы туризма и рекреации в условиях восстановления экономики 90

Озаровская А.В., Коваленко А.С.
Государственно-частное партнерство в комплексном развитии территорий воссоединённых субъектов РФ 96

Павлова А.С.
Анализ теоретических подходов к определению качества, эффективности и результативности государственного управления в контексте целеполагания аудита государственного управления 101

Ромайкин П.Д.
Трансформация управления бюджетными расходами на социальную помощь в условиях влияния факторов внешней среды 107

Шлычков В.В., Морозов И.В.
Экономика России 2026 – изменение существующих парадигм как необходимое условие достижения национальных целей развития в долгосрочной перспективе 113

Право

Ашрафзянов И.Р.
Утрата традиционных семейных ценностей как вызов правовой политики современной России 120
Боковня А.Ю.
Окружающая природная среда как объект уголовно-правовой охраны 128
Валишева А.Л.
Понятие публично-правового интереса медицинских правоотношений 133
Вильданов Р.Р.
Развитие модельного законодательства о противодействии коррупции в СНГ 138
Гайсин Р.Р.
Кибербезопасность и информационная безопасность: правовые проблемы терминологической дифференциации в международном и внутригосударственном праве 143
Галимов И.И.
Правовые границы государственного контроля над иностранными инвестициями в стратегические отрасли 150
Гурьянова В.В., Чулюкин Л.Д.
Правовая природа целей юридического процесса 156
Захаров Д.Е.
Несоблюдение охранительной обязанности как условие привлечения к ответственности за нарушение договора в германском гражданском праве 165
Захарова О.Е.
Злоупотребление в семейном праве 172
Зейналбдыева А.В., Томащук Я.Ю., Савин В.С.
Проблемные аспекты преступлений с административной преюдицией 177
Ибрагимова А.М.
Информационные технологии в уголовном судопроизводстве 183
Ильгизаров Р.И.
Особые случаи непривлечения к уголовной ответственности осужденных, не содержавшихся под стражей и уклонившихся от отбывания наказания в виде лишения свободы 190
Кобчикова Е.В., Макаров Т.Г., Ситникова И.Е.
Право удержания в римском частном праве 197
Краснов А.В., Юсупов А.А.
Новизна в судебных правовых позициях: мифы и реальность 202
Набиуллин Р.Р.
Внебанкротная субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица 207
Никишов Д.В.
Материальное содержание судебных приставов Российской империи в результате реформ Александра II 212
Рязанова М.Н., Ларионова Н.Б.
Соотношение праксеологического и социологического подходов к пониманию юридической ответственности 218
Сафин З.Ф., Хабибуллина Г.Р.
Практика конституционализации земельного законодательства и ее механизм 223
Сорока В.С.
Доступность правосудия в уголовном процессе в условиях цифровизации 228
Сундурова О.Ф.
Критерии и факторы, влияющие на установление размера наркотических средств или психотропных веществ для квалификации преступлений 234
Туманов Д.Ю.
Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в послевоенные годы (1945-1991 гг.) 238

Хван Д.А.
Способы управления политическими рисками в гибридных режимах цифровой власти 243
Шамсутдинов И.Р.
Исполнение решений Международного уголовного суда в контексте резолюций Совета Безопасности ООН 254

Социология

Агапов О.Д.
Философия общего дела субъектов гражданского общества Татарстана 260
Ахмадуллин И.Р., Низамова А.Х.
Влияние социальных сетей на поведение подростков в ситуации конфликта 268
Блохин И.Л.
Дополнительное образование в вузе как фактор профессионально-личностного развития студентов магистратуры: социологический анализ 273
Вайсбург А.В.
Эзотерические учения и практики в молодежной среде: социологический анализ 278
Дианов С.А., Дианова Ю.В., Погребняк Д.А.
Геокультурная политика в регионах России: теоретико-методические и управленческие аспекты 283
Ершов А.Н., Сытин А.В.
Гражданская активность и гражданское участие как факторы развития децентрализации власти (на примере Франции) 289
Комлев Ю.Ю.
Цифровая социология и цифровая девиантология: генезис, предмет, методы 295
Котляр П.С., Николаев М.С.
Духовный опыт в контексте цифровой квазисакральности 304
Краснов А.С., Волчкова О.О., Федотов Д.Л.
Инверсия детерминации и тотализация стоимостных форм: современный капитализм как онтологический проект 312
Минзарипов Р.Г., Порошенко О.Ю.
Многомерная модель оценки влияния архитектурного наследия на компоненты культурного кода и имиджа региона 318
Смирнова Е.А.
Влияние поло-возрастных факторов на формирование отношения к прерыванию беременности 325
Сытин А.В., Ершов А.Н.
Местные сообщества как субъекты демократического развития страны (кейс Франции) 331
Терещенко Н.А., Шатунова Т.М.
От культурных индустрий к духовному производству 336
Хамитов Д.Д.
Социально-демографические и инфраструктурные проблемы малых городов-спутников Набережночелнинской агломерации: социологический анализ 343
Щекотин Е.В.
Когнитивная парадигма социального управления в цифровом обществе 355

Обзорные статьи

Варакин И.Н.
Административные и экономические факторы экономической безопасности предприятий теплоэнергетики 359
Малышева А.Ю.
Молодежная политика государства как фактор формирования ценностных ориентаций патриотической направленности современной российской молодежи 366

Вестник экономики, права и социологии, 2026 № 1

Попов М.А.
Отграничение юридического комплаенса от смежных понятий 373
Рыбушкин Н.Н., Дунин О.Н., Намазов Э.С.
Сравнительная характеристика деликвентных молодежных формирований на примере территориальных группировок и объединений футбольных хулиганов 379
Сундурова О.Ф.
Понятие вредоносности деяния и ее учет при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков 385
Сымчаан Д.Р., Чернышов И.Н., Савина О.В.
Развитие взаимодействия исправительных учреждений с государственными и коммерческими заказчиками как стратегическое направление повышения экономической безопасности региона 390
Хабибуллина Л.В.
Институциональная трансформация энергетического рынка России в условиях цифровизации 396
Шеставин Д.А.
Актуальные вопросы использования комплексного подхода при рассмотрении обращений граждан в органах прокуратуры 403
Шулындин Л.С.
Административно-правовое регулирование цифровой трансформации высшего образования: новые вызовы и подходы 408

Мнения и суждения

Заляев Рустем Ильхамович, Заляев Рамиль Ильхамович
К вопросу о требовании Федерального закона России «О политических партиях» к численности региональных отделений политических партий 412
Каштанова О.В.
Образ виктимблейминга в произведениях зарубежной и отечественной литературы 417
Нуруллин Р.А.
Интеллект и разум в системе творческого мышления человека и машины 422
Терешкина Н.Е., Халтурина О.А.
Авария на Чернобыльской АЭС: социально-экономические последствия для России спустя 40 лет 427
Шайхитдинова С.К.
«Эффект кобры» в публичном пространстве: к методу исследования 432

Практика применения

Вайсбург А.В.
Религиозное обращение женщин из православия в ислам в современном российском обществе: социологический анализ 438
Зиятдинова Э.М., Фатыхова Д.Р.
Социокультурный медиапроект как инструмент приобщения к традиционным ценностям обучающихся в школьной среде 442
Коверзнев А.Н., Шарапова Е.Р.
Интеграция ESG и систем оценки поставщиков в развитие устойчивых цепочек поставок 447
Макаров Т.Г.
Личные неимущественные права на результаты творческой деятельности, созданные в области онлайн-образования 453
Фомин А.А., Жуков П.В., Фёдорова Е.В.
Развитие научно-популярного туризма в Хибинском массиве: потенциал, потребительский спрос и перспективы 458

УДК 316.334.2:334.723:316.77
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-8-16

Трансформация моделей взаимодействия российских компаний с государственным участием со стейкхолдерами в условиях санкционных ограничений

Алтухов Андрей Сергеевич
Соискатель кафедры финансового менеджмента
факультета государственного управления
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Санкционные ограничения 2022–2024 гг. существенно изменили условия коммуникационной деятельности российских компаний с государственным участием (далее – КГУ): сузилась нормативная база обязательного раскрытия информации, а блокировка глобальных цифровых платформ обесценила многолетние инвестиции компаний в поддержание присутствия на них. Цель статьи – проанализировать трансформацию каналов взаимодействия КГУ со стейкхолдерами и определить соотношение нормативных и институциональных факторов, формирующих характер этого взаимодействия. Теоретическую основу составляет неоинституциональная экономическая теория; для анализа предложена трехуровневая классификация коммуникационных каналов – императивных (законодательно предписанных), конвенциональных (определяемых профессиональными стандартами и ожиданиями среды) и дискреционных (создаваемых по инициативе менеджмента). Введено понятие компенсаторной прозрачности – стратегии замещения сокращенного императивного раскрытия информацией активностью на конвенциональном и дискреционном уровнях. На материале сравнительного анализа ГК «Росатом» и ГК «Ростех» за период 2021–2024 гг. показано, что регуляторные изменения не привели к унификации коммуникационных практик в секторе КГУ, а усилили расхождение между двумя моделями: ресурсно-ориентированной, в которой информационная открытость обеспечивает доступ к внешним ресурсам, и административно-директивной, в которой публичная коммуникация сводится к подотчетности перед государством-собственником. Выбор модели определяется не нормативной рамкой, единой для всего сектора, а структурой стейкхолдеров и трансакционными издержками легитимации, специфичными для каждой корпорации.

Ключевые слова: *компании с государственным участием, стейкхолдеры, корпоративные коммуникации, санкционные ограничения, информационная открытость, трансакционные издержки, компенсаторная прозрачность, неоинституциональная экономическая теория, Росатом, Ростех*

Для цитирования: *Алтухов А.С. Трансформация моделей взаимодействия российских компаний с государственным участием со стейкхолдерами в условиях санкционных ограничений // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 8–16. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-8-16.*

Санкционное давление и ограничение доступа к международным рынкам капитала, с которыми российская экономика столкнулась в 2022 г., обусловили масштабную перестройку институциональной среды хозяйственной деятельности. Адаптация к изменившимся условиям затронула многие направления деятельности компаний, в том числе коммуникации с заинтересованными сторонами. Для компаний

с государственным участием (далее – КГУ) задача такой адаптации дополнительно осложняется двойственной природой их деятельности – необходимостью обеспечения рыночной эффективности при одновременном выполнении социальных функций, определяемых государством как собственником [1]. Двойственность деятельности обусловливает множественность стейкхолдеров – государственных органов, инвестиционного сообщества, населения территорий присутствия, отраслевых регуляторов, – взаимодействие с которыми сопряжено с необходимостью учета их разнородных, а нередко и взаимоисключающих ожиданий [2].

Цифровизация 2010–2020-х гг. существенно расширила инструментарий такого взаимодействия. Корпоративные сайты, социальные сети, мессенджеры, порталы обратной связи дополнили традиционные формы коммуникации и позволили многим компаниям перейти к модели, предполагающей прямое общение с аудиторией и получение обратной связи. Вместе с тем после 2022 г. условия коммуникационной деятельности КГУ претерпели серьезные изменения. Блокировка ряда международных платформ вынудила компании либо отказаться от части сложившихся форматов взаимодействия, либо переходить на отечественные площадки, заново выстраивая работу с аудиторией и адаптируя контент к их специфике. Одновременно трансформировалась нормативная база раскрытия информации: Постановление Правительства РФ от 04.07.2023 № 1102 [3] установило особый порядок публичного раскрытия при наличии санкционных рисков; Центральный банк ввел мораторий на отдельные виды обязательной отчетности [4]. Формальная обязанность информационной открытости, сохраняя нормативное закрепление, была дополнена системой исключений.

Цель настоящей статьи – проанализировать трансформацию моделей взаимодействия российских КГУ со стейкхолдерами в условиях санкционных ограничений и определить соотношение нормативных и институциональных факторов, формирующих характер этого взаимодействия. Эмпирическую основу составляет сравнительный анализ госкорпораций «Росатом» и «Ростех» за период 2021–2024 гг. – организаций, сопоставимых по правовой форме, масштабу деятельности и наличию режимных ограничений, но демонстрирующих контрастные подходы к информационной открытости. Сопоставимость институциональных условий при различии коммуникационных практик позволяет разграничить факторы, определяемые нормативной рамкой, и факторы, связанные с управленческим выбором руководства.

Каналы взаимодействия КГУ: институциональная структура и трансформация

К началу 2020-х гг. российские компании располагали широким набором цифровых каналов для взаимодействия со стейкхолдерами. Вместе с тем сам по себе доступ к новым инструментам не определяет характер их использования: компании, располагающие сопоставимым цифровым инструментарием и действующие в единой нормативной среде, могут демонстрировать принципиально разные коммуникационные практики. Это наблюдение указывает на то, что анализ технологических характеристик каналов – охвата, скорости, интерактивности – сам по себе недостаточен для объяснения различий и может быть дополнен обращением к институциональным факторам, формирующим условия выбора и использования каналов.

Теория коммуникаций предоставляет развитый инструментарий для изучения взаимодействия организации с внешней средой. Ситуативная теория стейкхолдеров позволяет дифференцировать заинтересованные стороны по степени их вовлеченности и влияния; модели Дж. Грюнига и Т. Ханта описывают спектр форм такого взаимодействия – от односторонней трансляции информации до двустороннего симметричного диалога [5]. Вместе с тем указанные подходы сфокусированы на самом процессе коммуникации и в меньшей степени ориентированы на среду, в которой он протекает – нормативные ограничения, сложившиеся отраслевые практики, организационную культуру. Между тем именно эти факторы во многом определяют, почему компании, располагающие сопоставимым набором каналов, используют их принципиально по-разному. Обращение к неоинституциональной экономической теории позволяет дополнить классификацию форм коммуникации анализом правил, регулирующих выбор и функционирование каналов.

В неоинституциональной экономической теории такого рода нормы – как формальные, так и неформальные – имеют институциональную природу. Согласно Д. Норту, институты – это «правила игры», упорядочивающие отношения между экономическими агентами [6]. Канал взаимодействия со стейкхолдерами в логике этого подхода представляет собой институциональную конструкцию, параметры которой – объем раскрываемой информации, круг адресатов, наличие или отсутствие обратной связи – задаются сочетанием нормативных требований и управленческих решений. Изменение этих параметров под влиянием цифровизации означает трансформацию институциональных условий, в которых компания выстраивает отношения с заинтересованными сторонами.

Экономическое содержание этих институциональных условий раскрывается через категорию трансакционных издержек – затрат на подготовку, передачу и верификацию информации, возникающих при взаимодействии компании со стейкхолдерами [7]. Цифровизация существенно изменила структуру таких затрат: если в аналоговую

эпоху основным барьером оставался доступ к сведениям о деятельности компании, то распространение цифровых каналов радикально снизило издержки доступа, одновременно увеличив издержки фильтрации и верификации данных [8]. Для КГУ проблема трансакционных издержек приобретает дополнительное измерение в силу структуры собственности. Государство как собственник делегирует менеджменту управление значительными ресурсами, но информация о принимаемых управленческих решениях распределена асимметрично – менеджмент располагает ею в существенно большем объеме, чем собственник и общество [9]. Система каналов взаимодействия в этих условиях выполняет функцию механизма снижения информационной асимметрии: чем она развитее и прозрачнее, тем выше возможности контроля со стороны стейкхолдеров и тем устойчивее основания для доверия к компании.

Степень свободы менеджмента в определении параметров отдельных элементов этой системы существенно различается: от форматов раскрытия, заданных законодателем, до самостоятельного выбора содержания, формы и адресата коммуникации. Наиболее регламентированную часть системы образуют каналы императивного уровня (*hard compliance*) – те, функционирование которых прямо предписано законодательством. К ним относятся публикация годовой финансовой отчетности (Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах») [10], раскрытие сведений о существенных фактах в соответствии с требованиями ЦБ РФ, отчетность госкорпораций перед государством-собственником, предусмотренная специальными федеральными законами (Федеральный закон от 23.11.2007 № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции "Ростех"» [11], Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом"» [12]). Отказ от использования императивных каналов влечет прямые юридические последствия – штрафные санкции, предписания регулятора, репутационный ущерб в глазах инвестиционного сообщества.

Императивные каналы выполняют функцию обеспечения формальной легитимности компании перед государством-регулятором и инвестиционным сообществом. Информация передается в стандартизированном формате, а адресат и периодичность раскрытия определяются соответствующим нормативным актом. Конструкция этих каналов не предусматривает обратной связи. Переход к электронным форматам раскрытия – публикации на серверах раскрытия информации и корпоративных сайтах – изменил технический носитель, но не затронул институциональную логику: компания выполняет нормативное требование, стейкхолдер получает доступ к сведениям, однако диалог между ними не возникает.

Если императивные каналы функционируют в силу прямого законодательного требования, то каналы дискреционного уровня (*strategic choice*) создаются преимущественно по инициативе менеджмента для реализации коммуникационной стратегии компании. К ним могут относиться, в частности, официальные аккаунты в социальных сетях, Telegram-каналы, цифровые экосистемы обратной связи, мобильные приложения для клиентов и партнеров. Ни формат, ни содержание, ни периодичность обновления этих каналов, как правило, не регламентированы извне; компания самостоятельно определяет тональность, аудиторию и интенсивность коммуникации. Дискреционный уровень, таким образом, в значительной мере отражает управленческий выбор руководства: готовность инвестировать ресурсы в снижение информационной асимметрии с широкими группами стейкхолдеров или решение ограничиться формальным минимумом.

Вместе с тем ряд элементов коммуникационной системы КГУ не сводится ни к исполнению нормативных предписаний, ни к инициативе менеджмента. Нефинансовая отчетность по стандартам *GRI* [13], публичные отчеты по устойчивому развитию, общественные советы при госкорпорациях не предусмотрены императивными нормами законодательства, хотя нередко опираются на рекомендации профессиональных ассоциаций, общественных организаций и других внешних стейкхолдеров. Отказ от этих практик, как правило, не влечет юридических санкций, однако сопряжен с репутационными издержками: снижением позиций в *ESG*-рейтингах, утратой доверия экспертного сообщества, несоответствием ожиданиям государства в области устойчивого развития. Эти элементы образуют конвенциональный уровень (*soft compliance*). Природу институционального давления на этом уровне П. Ди Маджио и У. Пауэлл описали как нормативный изоморфизм – процесс, при котором организации выравнивают свои практики не под воздействием закона, а под влиянием профессиональных стандартов и ожиданий среды, в которой они функционируют [14].

Сужение императивного уровня, однако, не ведет автоматически к снижению информационной открытости компании. Регуляторные изменения 2022–2024 гг. предоставили КГУ право ограничить раскрытие ряда сведений, но не установили запрета на их публикацию. Компания, таким образом, сохраняет возможность поддерживать прежний объем раскрытия и даже наращивать его за счет конвенционального и дискреционного уровней – в частности, через нефинансовую отчетность, присутствие в социальных сетях, площадки обратной связи. Характер и масштаб такого наращивания зависят от конкретной организации и определяются управ-

ленческим выбором ее руководства. Для описания этого механизма – замещение ограничений на одном уровне расширением коммуникации на других – в настоящей статье используется понятие компенсаторной прозрачности.

Реализация этого механизма, однако, предполагает, что компания располагает инфраструктурой для перераспределения коммуникационной активности – сформированной аудиторией, каналами обратной связи, устоявшимися процедурами раскрытия на конвенциональном и дискреционном уровнях. Санкционное давление и регуляторные изменения, начавшиеся в 2022 г., выявили существенные барьеры для такого перераспределения. Ключевым из них стала блокировка глобальных цифровых платформ, затронувшая дискреционный уровень коммуникационной системы КГУ – в частности, те каналы, на которых компании в течение предшествующего десятилетия сосредоточили значительную часть взаимодействия с широкой аудиторией.

До 2022 г. цифровая активность КГУ на дискреционном уровне развивалась преимущественно на глобальных площадках – *YouTube*, в экосистеме *Meta*[1] *(Facebook, Instagram), Twitter*. С позиций новой институциональной экономической теории аудиторные связи, сформированные на этих площадках, – подписные базы, наработанные форматы взаимодействия, репутационный капитал корпоративных аккаунтов – представляли собой специфический актив в терминологии О. Уильямсона (*asset specificity*) [15] – ресурс, ценность которого неразрывно связана с конкретной платформой и при перемещении в другую среду в значительной мере утрачивается. Признание *Meta*[1] экстремистской организацией в марте 2022 г., фактическое ограничение доступа к *Twitter*, нарастающие ограничения *YouTube* обесценили этот актив: компании лишились не только технического доступа к площадкам, но и накопленного на них социального капитала – аудитории, каналов обратной связи, отлаженных коммуникационных процедур.

Ограничение объема обязательного раскрытия на императивном уровне и утрата дискреционной инфраструктуры стали следствиями одного и того же внешнего давления 2022 г., однако механизм их воздействия на коммуникационную систему КГУ различался. Миграция на отечественные площадки – *VK, Telegram*, «Одноклассники», *Rutube* – потребовала повторных инвестиций в формирование аудитории, адаптацию контента и перестройку аналитических процедур. По существу, компании создавали заново тот специфический актив, который на глобальных платформах накапливался в течение десятилетия. Если до 2022 г. основные трансакционные издержки коммуникации приходились на производство контента и удержание аудитории, то после блокировки платформ к ним добавились затраты на освоение новой среды и повторное привлечение подписчиков.

Последствия блокировки глобальных площадок затронули КГУ неравномерно. Глубина этих последствий определялась тем, какую роль дискреционные каналы играли в повседневной деятельности компании до 2022 г. Для корпораций, чья работа предполагает широкое взаимодействие с населением, клиентами, региональными сообществами, обесценивание накопленного коммуникационного капитала создавало угрозу управляемости отношениями со стейкхолдерами. Восстановление этих связей на новых площадках для подобных организаций становилось вынужденной мерой, позволяющей снизить риск утраты обратной связи с ключевыми группами стейкхолдеров.

Для КГУ с ограниченным кругом контрагентов, преобладанием государственного заказа и режимными ограничениями на раскрытие присутствие на глобальных площадках в предшествующий период играло вспомогательную роль – их коммуникационные потребности удовлетворялись преимущественно через императивные и конвенциональные каналы. Блокировка платформ для таких корпораций не создала сопоставимого дефицита: основные каналы взаимодействия со стейкхолдерами продолжали функционировать, а отказ от цифровой активности не повлек ощутимых репутационных или операционных потерь.

События 2022 г., таким образом, не породили новые коммуникационные стратегии. а углубили различия в моделях поведения, сложившихся задолго до санкционного кризиса, превратив их из количественных (разная интенсивность присутствия на площадках) в качественные [16]. Компании, для которых дискреционная коммуникация составляла элемент операционной модели, вложились в ее восстановление; корпорации, не зависевшие от нее, закрепили минимальный формат присутствия. Неоднородность сектора КГУ – в структуре стейкхолдеров, степени рыночной ориентации, характере социальных обязательств –дополнилась поляризацией коммуникационных практик.

Поляризация коммуникационных моделей: эмпирический анализ

Для сравнительного анализа на эмпирическом материале выбраны две технологические государственные корпорации Российской Федерации – Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (далее – Росатом) и Государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» (далее – Ростех). Выбор обусловлен высокой сопоставимостью институциональных характеристик. Обе корпорации учреждены федеральными законами в 2007 г., действуют в еди-

[1] Деятельность компании *Meta Platforms Inc*. признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

ной организационно-правовой форме, объединяют крупные производственные комплексы – более 350 организаций в периметре Росатома и свыше 800 в периметре Ростеха. В обоих случаях государство выступает одновременно собственником, регулятором и крупнейшим заказчиком, а деятельность корпораций сопряжена с режимными ограничениями на раскрытие информации. Регуляторные изменения 2022–2024 гг., в том числе Постановление № 1102 [3] и мораторий Банка России [4], распространялись на Росатом и Ростех в равной мере. Сопоставимость правовой формы, масштаба и нормативной среды при контрастном коммуникационном поведении после 2022 г. позволяет сосредоточить анализ на факторах, лежащих за пределами единых для обеих корпораций нормативных предписаний, в частности на связи между структурой рынков сбыта, составом стейкхолдеров и интенсивностью информационной открытости.

При общем для обеих корпораций положении государства как ключевого стейкхолдера состав заинтересованных сторон, от которых зависит их операционная деятельность, существенно различается. Определяющим фактором дифференциации коммуникационных практик выступает структура внешних взаимодействий. Портфель Росатома включает проекты сооружения атомных электростанций в десяти зарубежных государствах, что обусловливает регулярное взаимодействие с национальными регуляторами ядерной безопасности стран-заказчиков, МАГАТЭ, экологическими организациями и местными сообществами в зонах размещения объектов. Часть этих стейкхолдеров располагает ресурсами прямого влияния на ход проектов, что делает информационную открытость условием доступа к рынку. Операционная модель Ростеха, ориентированная преимущественно на государственный оборонный заказ, подобной зависимости от внешних групп стейкхолдеров не предполагает: взаимодействие с заказчиком строится по закрытым ведомственным каналам, а публичная коммуникация не является условием получения и выполнения заказа.

Различие в составе внешних стейкхолдеров дополняется различием в характере связи каждой корпорации с территориями присутствия. Росатом непосредственно управляет рядом ЗАТО, реализует программы их социально-экономического развития и несет ответственность за функционирование социальной инфраструктуры. Предприятия Ростеха также входят в число крупнейших работодателей и налогоплательщиков в ряде городов и регионов, однако корпорация не наделена аналогичными функциями территориального управления. Для Росатома каналы обратной связи с населением – общественные приемные, встречи с жителями, территориальные информационные ресурсы – встроены в повседневное управление территориями и снижают риск накопления социального напряжения, способного обернуться кадровыми и репутационными потерями.

Выбор коммуникационной модели каждой корпорации определяется также унаследованной организационной культурой. Несмотря на институциональную преемственность по отношению к закрытому Министерству среднего машиностроения СССР, «Росатом» осуществил системную трансформацию коммуникационной модели и последовательную адаптацию коммуникационного контура к рыночным условиям. Общественный совет госкорпорации учрежден в 2006 г. при предшественнике «Росатома» – Федеральном агентстве по атомной энергии. Публикация интегрированных отчетов по стандартам *GRI* ведется с 2009 г., сеть общественных приемных охватывает 16 городов присутствия. К 2022 г. эти практики составляли устоявшийся элемент организационной модели. «Ростех» учрежден на базе ФГУП «Рособоронэкспорт» [11], чья деятельность связана с военно-техническим сотрудничеством и сопряжена с ограничениями на раскрытие информации. Сопоставимой инфраструктуры публичной коммуникации корпорация не формировала. Таким образом, «Ростех» воспроизвел контур закрытого взаимодействия, характерный для сферы ВТС.

«Росатом» с 2009 г. публикует интегрированные годовые отчеты, подготовленные в соответствии со стандартами *GRI* [13] и заверенные независимым аудитором. Помимо стандартной процедуры аудита, в корпорации действует процедура общественного заверения отчетности: проект отчета выносится на обсуждение с участием стейкхолдеров и экспертов, а полученные комментарии учитываются при подготовке окончательной версии, что по существу делает формально односторонний жанр отчетности элементом двусторонней коммуникации. После 2022 г. формат и объем раскрытия сохранились, в том числе с учетом обновленных стандартов *GRI* 2021 [17]. «Ростех» развернутых интегрированных отчетов по стандартам *GRI* или устойчивого развития не публиковал; сравнительно открытые годовые отчеты с ключевыми финансовыми показателями появились после 2018 г., а консолидированная отчетность по МСФО впервые раскрыта за 2021 г. [18]. После включения корпорации в санкционные списки США и Европейского союза в 2022 г. публикация годового отчета была прекращена [19]. Процедуры общественного обсуждения отчетности в «Ростехе» отсутствуют. Это подтверждает тезис о том, что транспарентность в модели «Ростеха» носит преимущественно вертикальный характер (административная подотчетность), тогда как модель «Росатома» предполагает наличие горизонтальных связей с широкими общественными группами.

Общественный совет «Росатома» – постоянно действующий коллегиальный орган, в состав кото-

рого входят представители экспертного сообщества, экологических организаций и регионов присутствия корпорации [20]. Совет проводит выездные заседания в городах расположения объектов атомной отрасли и контролирует экологическую проблематику, а сеть из 16 общественных приемных обеспечивает канал прямой обратной связи с населением: за 2024 г. приемные обработали свыше 3000 обращений граждан, из которых 90 % получили положительное разрешение [20]. Общественный совет в этой конфигурации – не совещательный орган с рекомендательными полномочиями, а элемент управления рисками, снижающий вероятность социального напряжения вокруг строительства и эксплуатации ядерных объектов. У «Ростеха» сопоставимого органа нет; данных о создании общественного совета, проведении слушаний по устойчивому развитию или систематической работе с обращениями граждан в открытых источниках не содержится.

На дискреционном уровне Росатом поддерживает присутствие на основных цифровых площадках – *Telegram*, ВКонтакте, Яндекс.Дзен, *YouTube* – и адаптирует контент под формат каждой из них: корпоративные новости дополняются просветительскими и научно-популярными материалами, рассчитанными на аудиторию, выходящую за пределы профессионального сообщества. «Ростех» представлен в *Telegram* и ВКонтакте, однако содержание каналов сводится к трансляции корпоративных новостей – сообщениям о разработках, выполнении гособоронзаказа, экспортных контрактах. Комментарии в *Telegram*-канале не подключены, что является институциональным маркером отказа от диалоговой модели, превращающим цифровую платформу в аналог традиционного СМИ. Содержание публикаций в обоих каналах носит односторонний информационный характер без элементов обратной связи. Таким образом, каналы «Ростеха» в социальных сетях, по существу, воспроизводят функцию пресс-службы на цифровых платформах.

Сопоставление двух корпораций по трем уровням коммуникационной системы обобщено в таблице 1.

На всех трех уровнях коммуникационная система «Росатома» включает элементы двусторонней коммуникации – общественное заверение отчетности, работу с обращениями граждан, открытые площадки в социальных сетях, – тогда как каналы «Ростеха» на каждом из уровней функционируют в режиме одностороннего информирования. Различие между корпорациями складывалось задолго до 2022 г. и определялось факторами, описанными выше: составом стейкхолдеров, характером территориальной встроенности и унаследованной организационной культурой. Регуляторные изменения 2022–2024 гг., предоставившие обеим корпорациям право ограничить раскрытие, не изменили коммуникационное поведение ни одной из них – каждая продолжила действовать в логике, заданной ее институциональной средой.

Проведенный анализ позволяет конкретизировать механизм компенсаторной прозрачности. Само по себе право ограничить раскрытие, предоставленное регулятором, не предопределяет коммуникационной стратегии корпорации – оно лишь расширяет пространство управленческого выбора. Использование этого пространства зависит от двух факторов: наличия сформированной инфраструктуры на конвенциональном и дискреционном уровнях и экономических стимулов к ее поддержанию. В случае «Росатома» устоявшаяся система общественных приемных, интегрированная отчетность, цифровые каналы с вовлеченной аудиторией снижали трансакционные издержки взаимодействия с зарубежными партнерами и местными сообществами [15] – и сохранение этой инфраструктуры оставалось экономически оправданным. «Ростех» сопоставимой инфраструктуры в предшествующий период не сформировал, а его операционная модель не создавала экономических стимулов для ее создания. Компенсаторная прозрачность, таким образом, – не универсальная реакция на расширение права ограничить раскрытие, а стратегия, доступная корпорациям с определенной структурой стейкхолдеров и накопленным коммуникационным капиталом.

Это наблюдение указывает на более общую закономерность, выходящую за пределы двух анализируемых кейсов. Степень информационной открытости КГУ определяется не столько нормативными предписаниями – они едины для всего сектора – сколько

Таблица 1

Сравнительная характеристика коммуникационных систем «Росатома» и «Ростеха»

Параметр	«Росатом»	«Ростех»
Направленность коммуникации	Двусторонняя (обратная связь встроена на всех уровнях)	Односторонняя (трансляция без механизмов обратной связи)
Динамика императивного раскрытия	Объем раскрытия сохранен	Реализовано право на закрытие информации
Наличие институтов общественного контроля	Общественный совет, 16 приемных	Отсутствуют
Функция цифровых каналов	Информирование + вовлечение аудитории	Трансляция корпоративных новостей
Основной адресат публичной коммуникации	Зарубежные партнеры, регуляторы, местные сообщества, экспертное сообщество	Государство-заказчик

Источник: составлено автором.

структурой трансакционных издержек легитимации [7, 15], специфичной для каждой корпорации. Для компаний, интегрированных в конкурентные рынки и зависимых от широкой кооперации, сокращение публичной коммуникации генерирует издержки, сопоставимые с прямыми операционными потерями: контрагенты и регуляторы воспринимают снижение объема раскрытия как сигнал повышенного риска, местные сообщества утрачивают канал обратной связи, а накопленный репутационный капитал обесценивается. Для корпораций, функционирующих преимущественно в контуре государственного заказа, издержки публичной открытости, напротив, могут превышать ее выгоды – при том что основной стейкхолдер получает информацию по ведомственным каналам и не нуждается в публичном раскрытии.

Сектор КГУ, при внешнем единообразии правовой формы и регуляторной среды, содержит, таким образом, по меньшей мере два устойчивых типа коммуникационных практик. Первый (ресурсно-ориентированный) характеризуется тем, что взаимодействие со стейкхолдерами встроено в операционную модель корпорации и обеспечивает доступ к ресурсам, зависящим от доверия внешних контрагентов, – рынкам сбыта, квалифицированной рабочей силе, согласованию проектов с местными сообществами и регуляторами. Второй тип (административно-директивный) предполагает, что публичная коммуникация не связана с привлечением ресурсов, критичных для операционной деятельности, и остается факультативным элементом корпоративного управления. Эмпирический анализ показал, что регуляторные изменения 2022–2024 гг. не сблизили эти типы, а усилили расхождение между ними: корпорации первого типа воспользовались конвенциональными и дискреционными каналами для поддержания объема раскрытия, корпорации второго – реализовали право на его сокращение.

Заключение

Нормативные изменения 2022–2024 гг. – расширение права на ограничение раскрытия информации – и инфраструктурные ограничения – блокировка глобальных цифровых платформ – не привели к унификации коммуникационных практик в секторе КГУ. Регуляторная рамка определила границы допустимого, однако конкретная стратегия внутри этих границ осталась результатом управленческого выбора, обусловленного экономическими, а не правовыми факторами. Ключевым среди них оказалась структура трансакционных издержек легитимации: для одних корпораций сокращение публичной коммуникации генерировало издержки, сопоставимые с операционными потерями, для других – не влекло ощутимых последствий.

Для описания механизма адаптации к этим условиям в статье введено понятие компенсаторной прозрачности – стратегии замещения сокращенного императивного раскрытия активностью на конвенциональном и дискреционном уровнях: через нефинансовую отчетность по стандартам *GRI*, институты общественного контроля, присутствие в цифровых медиа. Эмпирический анализ показал, что этот механизм не является универсальной реакцией на внешнее давление, а реализуется избирательно – корпорациями, которые к моменту кризиса располагали соответствующей инфраструктурой и экономическими стимулами к ее поддержанию.

Сравнительный анализ ГК «Росатом» и ГК «Ростех» зафиксировал формирование двух устойчивых коммуникационных моделей, различающихся по роли публичной коммуникации в операционной деятельности корпорации. В ресурсно-ориентированной модели информационная открытость обеспечивает доступ к внешним ресурсам и снижает трансакционные издержки взаимодействия с контрагентами; в административно-директивной она не выполняет ресурсной функции и сводится к подотчетности перед государством-собственником. Регуляторные изменения 2022–2024 гг. усилили расхождение между этими моделями.

Вместе с тем проведенное исследование имеет ряд ограничений. Выводы основаны на двух кейсах, представляющих полярные позиции в спектре коммуникационных практик КГУ, тогда как корпорации с частичной рыночной ориентацией или смешанной структурой стейкхолдеров остались за пределами анализа. Источниковая база ограничена открытыми данными, что не позволяет в полной мере оценить объем и характер информации, передаваемой по ведомственным каналам, и, соответственно, составить исчерпывающую картину коммуникационной активности корпораций, ориентированных на государственный заказ. Расширение эмпирической базы за счет КГУ, занимающих промежуточное положение между двумя выявленными моделями, позволило бы установить, в какой мере предложенная типология воспроизводится за пределами полярных случаев, и уточнить границы применимости механизма компенсаторной прозрачности. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется и количественная верификация связи между структурой стейкхолдеров и интенсивностью раскрытия – через сопоставление динамики публикаций с показателями, характеризующими степень рыночной ориентации корпорации.

Литература:

1. Радыгин А.Д., Энтов Р.М., Абрамов А.Е. Государственная компания: сфера проявления «провалов государства» или «провалов рынка»? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 45–79.
2. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston: Pitman, 1984. 276 p.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 04.07.2023 № 1102 «Об особенностях раскрытия и (или) предоставления информации, подлежащей раскрытию и (или) предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона "О рынке ценных бумаг" и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2023. № 28. Ст. 5213.
4. Информационное письмо Банка России от 02.03.2022 № ИН-06-28/16 «О некоторых особенностях раскрытия информации эмитентами ценных бумаг в связи с введением мер ограничительного характера». URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20220302_in-06-28-16.pdf (дата обращения: 15.01.2026).
5. Grunig J.E., Hunt T. Managing Public Relations. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1984. 550 p.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
7. Коуз Р.Г. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.
8. Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 442 с.
9. Akerlof G.A. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84. № 3. P. 488–500.
10. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
11. Федеральный закон от 23.11.2007 № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции "Ростех"» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2007. № 48 (ч. 2). Ст. 5814.
12. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом"» (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6078.
13. GRI. GRI Universal Standards 2021. Amsterdam: Global Reporting Initiative, 2021.
14. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. № 2. P. 147–160.
15. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Пер. с англ. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. 702 с.
16. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.
17. ГК «Росатом». Интегрированный годовой отчет за 2023 г. URL: https://report.rosatom.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).
18. ГК «Ростех». Консолидированная финансовая отчетность по МСФО за 2021 год. URL: https://rostec.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).
19. ГК «Ростех». Годовой отчет за 2021 год. URL: https://rspp.ru/upload/uf/3a6/asd2ndt6k7avefg9jwu79fdc19wr8f9m/Rostekh-IO-2021.pdf (дата обращения: 15.01.2026).
20. ГК «Росатом». Общественный совет Госкорпорации «Росатом». URL: https://www.rosatom.ru/about/obshchestvennyy-sovet/ (дата обращения: 15.01.2026).

Transformation of Stakeholder Engagement Models of Russian Companies with State Participation under Sanctions Restrictions

Altukhov A.S.
Lomonosov Moscow State University

The sanctions restrictions of 2022–2024 significantly altered the conditions of corporate communication for Russian state-owned enterprises (SOEs): the regulatory framework for mandatory disclosure was narrowed, while the blocking of global digital platforms devalued companies' long-standing investments in maintaining their presence on these platforms. The purpose of this article is to analyze the transformation of SOE communication channels with stakeholders and to determine the relationship between regulatory and institutional factors shaping the nature of this interaction.

The theoretical framework draws on new institutional economics; the analysis employs a three-level classification of communication channels – imperative (legally mandated), conventional (shaped by professional standards and environmental expectations), and discretionary (established at management's initiative). The article introduces the concept of compensatory transparency – a strategy of substituting reduced imperative disclosure with activity at the conventional and discretionary levels. Based on a comparative analysis of Rosatom and Rostec state corporations over the 2021–2024 period, the study demonstrates that regulatory changes did not lead to a unification of communication practices across the SOE sector but rather intensified the divergence between two models: the resource-oriented model, in which information openness provides access to external resources, and the administrative-directive model, in which public communication is limited to accountability before the state as owner. The choice of model is determined not by the regulatory framework, which is uniform across the sector, but by the stakeholder structure and legitimation transaction costs specific to each corporation.

Keywords: state-owned enterprises, stakeholders, corporate communications, sanctions restrictions, information disclosure, transaction costs, compensatory transparency, new institutional economics, Rosatom, Rostec

УДК 336.14:004.9; 351:004
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-17-24

Цифровая трансформация бюджетного процесса в системе государственного управления Республики Армения: обеспечение прозрачности и вовлеченности граждан

Виноградова Татьяна Ивановна
Кандидат политических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного и муниципального управления Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

Актуальность темы обусловлена необходимостью модернизации институтов государственного управления на принципах открытости, где бюджетная прозрачность и участие граждан служат базовыми элементами подотчетности и надлежащего управления (good governance). В Республике Армения данные Обзора открытости бюджета (Обзора) Международного бюджетного партнерства 2023 г. выявили разрыв показателей: уровень «умеренной прозрачности» (60 баллов) сочетается с низкой вовлеченностью общественности (11 баллов), что отражает несоответствие между доступностью информации и реальной степенью участия граждан.

Цель работы – разработка научно обоснованных рекомендаций по интеграции цифровых технологий в процессы государственного управления для обеспечения полноты бюджетных данных и расширения участия граждан в бюджетном цикле Республики Армения. Работа базируется на системном анализе процедур республики в сопоставлении со стандартами МВФ, ОЭСР и GIFT, изучении передового опыта зарубежных стран и эмпирическом анализе данных Обзора 2023 г. Научная новизна работы состоит в адаптации международных требований к специфике Армении и обосновании интерактивного цифрового взаимодействия с гражданами, базирующегося на интеграции процедур общественной верификации в автоматизированный бюджетный процесс. Результаты исследования включают идентификацию функциональных областей, требующих технологической модернизации, и обоснование таких решений, как единая цифровая экосистема «Открытый бюджет» и платформы дистанционного инициативного бюджетирования. Практическая значимость исследования заключается в применимости предложенных мер органами исполнительной власти для совершенствования управления государственными финансами и повышения позиций страны в международном рейтинге.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, бюджетная прозрачность, государственное управление, Армения, инициативное бюджетирование, интерактивная платформа*

Для цитирования: *Виноградова Т.И. Цифровая трансформация бюджетного процесса в системе государственного управления Республики Армения: обеспечение прозрачности и вовлеченности граждан // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 17–24. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-17-24.*

На фоне современных вызовов глобализации и цифровизации, а также возрастающих общественных требований к результативности государственного управления, бюджетная прозрачность и

подотчетность установились как общепризнанные принципы, определяющие качество взаимодействия государства и общества. Концепция надлежащего управления (*Good Governance*) трактует бюджетную прозрачность как фундамент доверия к институтам власти, инструмент противодействия коррупции и фактор финансовой устойчивости [1–4]. Раскрытие сведений о бюджетных потоках открывает гражданам логику стратегических приоритетов государства, гарантирует адресность социальной политики и оптимизирует распределение ограниченных ресурсов.

Ведущие международные институты, включая Международный валютный фонд (МВФ), Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Программу *PEFA* (*Public Expenditure and Financial Accountability* – «Государственные расходы и финансовая подотчетность»), Глобальную инициативу по фискальной прозрачности *GIFT* (*Global Initiative on Fiscal Transparency*) и Международное бюджетное партнерство (МБП), сформировали систему стандартов, нацеленных на полноту, достоверность и своевременность публикации бюджетных сведений [1; 5–8]. В этом процессе цифровизация выступает не только как технологический базис, но и как катализатор институциональной трансформации управления, формирующий инклюзивную среду взаимодействия государства и общества. Цифровая трансформация обеспечивает оперативную трансляцию точных бюджетных данных и технологически упрощает раскрытие бюджетной информации органами власти, снимая административные барьеры для ведения прямого диалога с обществом. В результате меняются как процедуры взаимодействия, так и восприятие информации участниками этого процесса [9].

Республика Армения, следуя по пути интеграции в глобальную экономическую систему и совершенствования национальных институтов, достигла определенных успехов в реформировании системы управления государственными финансами. Тем не менее результаты Обзора открытости бюджета (далее – Обзор) 2023 г. МБП выявили выраженную диспропорцию показателей. Несмотря на достижение уровня «умеренной прозрачности» (60 баллов из 100), в стране сохраняется крайне низкий уровень вовлеченности общественности, оцененный всего в 11 баллов [10]. Для сбалансированного развития данных направлений целесообразно совместить наращивание объемов публикуемой бюджетной информации с развитием интерактивных форматов, активизирующих полноценный прямой диалог с гражданами. Настоящее исследование посвящено анализу текущей ситуации и разработке предложений по повышению прозрачности бюджетных данных и вовлеченности общества на основе создания единой цифровой экосистемы бюджетной открытости.

Теоретические подходы и информационная база исследования

Бюджетная прозрачность, выступая составной частью надлежащего управления (*Good Governance*), в ходе цифровой трансформации приобретает новые формы и выполняет ряд системных функций, являясь одновременно условием, средством и инструментом повышения качества государственного администрирования. Как условие, прозрачность гарантирует гражданам доступ к верифицированным сведениям, что необходимо для их участия в принятии социально значимых решений. В качестве средства раскрытие фискальных данных минимизирует риски нецелевого расходования средств и открывает возможности для проведения независимого мониторинга выполнения государственных обязательств. При этом бюджетная прозрачность рассматривается не только как технический параметр, но и как предварительное условие макроэкономической финансовой устойчивости и общей финансовой справедливости в государстве [9]. В инструментальном плане цифровые технологии превращают статичные отчеты в динамические среды для взаимодействия, позволяя обществу не только потреблять информацию, но и влиять на приоритеты бюджетной политики. При этом цифровая среда может быть спроектирована как пространство не только информационной, но и коммуникативной открытости, предполагающей наличие обратной связи с потребителями государственных услуг, например, через проведение социологических опросов для оценки эффективности реализации государственной политики и степени удовлетворенности граждан качеством государственного управления [11].

В рамках настоящего исследования представляется необходимым разграничение понятий «бюджетная прозрачность» и «бюджетная открытость», которые зачастую ошибочно используются как синонимы. Под прозрачностью следует понимать статическую характеристику системы, выражающуюся в физической доступности, полноте и достоверности фискальных данных для внешнего наблюдателя. В свою очередь, открытость является более широкой категорией, описывающей качество взаимодействия государства и общества. Она интегрирует в себе прозрачность как базовое условие, дополняя её механизмами значимого участия граждан, инклюзивностью процедур и наличием действенной обратной связи, что трансформирует одностороннее информирование в полноценный партнерский диалог.

Современная концепция бюджетной открытости предполагает интеграцию трех функциональных уровней: информационной прозрачности (своевременное раскрытие ключевых бюджетных документов); общественного участия (возможность прямого взаимодействия граждан и власти на всех этапах бюджетного цикла); цифровой доступности (предо-

ставление данных в современных форматах, удобных для автоматизированного анализа и верификации).

Формирование международных стандартов в этой области началось в конце 1990-х гг. с внедрения Кодекса МВФ, определившего требования к фискальной отчетности и управлению рисками [12]. Дальнейшее развитие подходов ОЭСР [5] и запуск программы *PEFA* [6] сформировали предпосылки для систематизации лучших практик и разработки инструментария комплексной диагностики национальных систем управления общественными финансами. Интересен исторический опыт Швеции как первопроходца в этой области: еще в 1766 г. Законом «О свободе прессы» было закреплено право каждого гражданина на свободный доступ к официальным документам, включая бюджетные предложения, что заложило основы современной открытости [9]. Качественная трансформация концепции произошла под влиянием Глобальной инициативы по фискальной прозрачности (*GIFT*), включившей компоненту «общественного участия» как обязательный элемент значимой прозрачности на всех этапах бюджетного цикла [8].

Информационной базой настоящего исследования выступает Обзор МБП, интегрирующий вышеуказанные принципы [7]. Данный инструмент является признанным международным стандартом оценки качества управления финансами и предполагает агрегированный анализ по трем векторам: прозрачность бюджетной информации (на основе своевременности и содержательной полноты восьми ключевых бюджетных документов, публикуемых на разных этапах бюджетного цикла), участие общественности (наличие каналов для вовлечения граждан) и качество бюджетного надзора (глубина внешнего контроля со стороны Высшего законодательного органа/парламента и Высшего органа аудита). Методология Обзора ориентирована на анализ фактической доступности информации и использует систему баллов для верификации соответствия национальных практик международным стандартам.

Настоящее исследование базируется на анализе соответствия бюджетных процедур Республики Армения критериям оценки МБП [7]. Системный и сравнительный анализ ориентирован на: сопоставление практик фискальной открытости республики с передовым опытом зарубежных стран, выявление несоответствий существующих форматов раскрытия информации международным стандартам участия и обоснование цифровых решений для формирования сопричастности граждан к бюджетному процессу. Последнее предполагает повышение его инклюзивности – в трактовке МВФ, ОЭСР и *GIFT* – как процесса, охватывающего все группы населения: от финансовых экспертов и чиновников до молодежи, жителей отдаленных сел и социально уязвимых слоев.

Анализ бюджетной открытости Армении и международный опыт вовлечения граждан

Анализ показателей Республики Армения по результатам Обзора 2023 г. выявляет ряд проблемных зон в структуре государственного управления финансами (табл. 1).

Несмотря на то, что суммарный показатель прозрачности (60 баллов) сопоставим со среднемировыми значениями, в системе отчетности Армении выявлен ряд пробелов. В частности, «Полугодовой обзор» бюджета получил оценку в 0 баллов, что показывает либо полное отсутствие документа, либо его отсутствие в открытом доступе. В Армении данный документ не готовится, что снижает адаптивность бюджетной системы к меняющимся макроэкономическим реалиям, препятствует официальной актуализации параметров доходов и расходов в середине финансового цикла и лишает общественность актуальных сведений об обоснованности текущих изменений фискального курса. Показатель «Бюджета для граждан», составивший 33 балла, отражает формальный характер данного документа: он не в полной мере выполняет функцию трансляции сложных финансовых данных на доступный для населения язык, что снижает потенциал вовлеченности. Также требуется доработка «Проекта бюджета» в части сопроводительных материалов, необходимых для полноценного осуществления качественного анализа экспертным сообществом.

Таблица 1

Показатели бюджетной прозрачности Республики Армения

Показатель Обзора 2023 г.	Балл (из 100)	Уровень	Основная проблема
Прозрачность бюджета	60	Умеренный	Наличие значительных пробелов в доступности данных (24 оценки «Стандарт не соблюден» из 109 вопросов), отсутствие публикации «Полугодового обзора» и неполнота информации в «Бюджете для граждан»
Участие общественности	11	Крайне низкий	Отсутствие формальных механизмов вовлечения граждан на стадиях утверждения, исполнения и аудита бюджета; ограничение консультаций этапом формирования
Надзор за бюджетом	59	Умеренный	Слабый парламентский контроль на этапе исполнения бюджета, отсутствие публичных отчетов профильных комитетов и дефицит финансирования Аудиторской палаты Армении

Составлено автором на основе данных Обзора 2023 г. МБП [10].

Анализ нормативно-правовой базы – Закон Республики Армения от 21.07.1997 № ЗР-137 «О бюджетной системе Республики Армения» [13], регламентирующего спектр бюджетных отношений, Закон Республики Армения от 30.12.2016 № ЗР-237 «О внесении изменения в Закон Республики Армения «О местном самоуправлении» [14] и Закон Республики Армения от 22.10.2003 № ЗР-11 «О свободе информации» [15] – выявил наличие лишь базовых требований к раскрытию данных. Несмотря на то, что законодательство о местном самоуправлении учитывает специфику муниципального уровня, где через системы «электронного сообщества» (*e-community*) внедряются цифровые формы гражданского участия, общее правовое поле не в полной мере отвечает международным стандартам всеохватности. Действующее законодательство, фиксируя обязанность органов власти по предоставлению сведений, не предусматривает проактивного использования различных каналов взаимодействия с широким кругом лиц, включая недостаточно представленные группы населения. Кроме того, нормативное поле ограничивается гарантией права на получение данных в статичном виде, не накладывая на ведомства обязательств по внедрению интерактивных инструментов или организации партисипаторного бюджетирования [16; 17]. Указанный правовой пробел обуславливает низкий балл Армении по показателю участия общественности (11 из 100), переводя вовлечение граждан в разряд эпизодических консультативных практик.

Детальное изучение административной практики показывает, что основной причиной нулевой оценки «Полугодового обзора» бюджета являются технологические барьеры в системе государственного управления. Здесь проблема состоит в недостаточной автоматизации межведомственного обмена данными, что приводит к временным лагам при консолидации отчетности. В отсутствие единой цифровой среды, поддерживающей интеграцию финансовых потоков в режиме реального времени, подготовка качественного аналитического обзора в середине финансового года становится трудоемким процессом, не укладывающимся в установленные международной методикой сроки. Аналогичная проблема формализма характерна и для «Бюджета для граждан», который на текущем этапе не содержит механизмов выявления информационных потребностей различных социальных групп, что превращает его из коммуникационного инструмента в упрощенную копию официальной отчетности.

Низкая оценка участия общественности свидетельствует о преобладании в Армении традиционных «закрытых» практик государственного управления. Взаимодействие с гражданами носит эпизодический характер и ограничено этапом планирования, тогда как стадии исполнения и аудита остаются вне поля общественного контроля. Подобная ситуация расходится с международными принципами *GIFT*, требующими активного вовлечения общества на всех этапах бюджетного цикла. Альтернативой закрытым подходам служит международный опыт вовлечения граждан через внедрение интерактивных аналитических инструментов. В Германии системный характер цифровизации муниципальных финансов подтверждает платформа межмуниципальных сравнений *IKVS (Interkommunale Vergleichs-Systeme*), объединяющая более 800 администраций. Данный инструментарий преобразует массивы бюджетной отчетности в наглядную инфографику, сохраняя предельную детализацию расходов до уровня конкретных социальных объектов. Эстония, один из мировых лидеров цифровизации, развивает проект «*MeieRaha.eu*» («Наши деньги»), который предоставляет гражданам возможность не только визуализировать государственные расходы, но и моделировать изменения налоговых ставок, наблюдая за их влиянием на финансирование образования и здравоохранения в режиме реального времени. На муниципальном уровне в городе Тарту успешно реализована модель цифрового инициативного (партисипаторного) бюджетирования, где жители посредством интерактивной карты направляют предложения по распределению части инвестиционного бюджета и участвуют в открытом онлайн-голосовании. В Южной Африке портал «Открой бюджет» (*vulekamali.gov.za*), запущенный в рамках партнерства Национального казначейства и коалиции гражданского общества *Imali Yethu* («Наши деньги»), использует формат совместной аналитики. Данный ресурс упрощает доступ к сложной финансовой информации для широких слоев населения, трансформируя закрытые ведомственные данные в инструмент открытого общественного диалога. В Российской Федерации цифровая платформа «Электронный бюджет» (*budget.gov.ru*) консолидирует финансовые потоки в едином информационном пространстве, транслируя через специализированный портал оперативную аналитику и адаптированные отчеты «Бюджет для граждан». Данная система формирует цифровой след каждой бюджетной операции, что в сочетании с визуализацией данных на уровне государственных программ приближает формат раскрытия информации к международным стандартам прозрачности [18]. Следует выделить опыт Южной Кореи как пример национального, а не только муниципального бюджета участия. В научной среде он часто приводится как эталон цифровой демократии. На платформе *mybudget.go.kr* функционирует Национальная система бюджета участия. Данный ресурс реализует полный цикл прямого взаимодействия: от выдвижения гражданами инициатив до их публичного обсуждения и финального онлайн-голосования за включение

проектов в государственный бюджет. Интеграция платформы с общенациональной системой управления финансами превращает идеи населения в реальные статьи расходов, прошедшие ведомственную экспертизу. В Мексике в качестве формата содержательного взаимодействия используется «*Rally de Datos sobre el Gasto Público*» (Дата-ралли по государственным расходам), координируемое через специализированный портал *Transparencia Presupuestaria (transparenciapresupuestaria.gob.mx*). Данная инициатива представляет собой серию практических сессий по коллективному анализу открытых данных о бюджетных тратах в социальной и инвестиционной сферах. Подобный подход ведет к росту бюджетной грамотности и усилению общественного контроля, превращая сухую финансовую статистику в наглядные аналитические продукты, созданные самими гражданами. Значительный интерес представляет также цифровая трансформация государственного аудита во Франции. Запуск специализированной платформы участия граждан *Plateforme de participation citoyenne (participation.ccomptes.fr*) Высшим органом аудита (*Cour des comptes*) перевел вовлечение общественности в формирование планов проверок в практическую плоскость. Данная инициатива превращает аудит в действенный инструмент контроля за целевым и результативным использованием бюджетных средств, так как темы для будущих расследований теперь определяются с учетом предложений граждан.

Система государственного надзора в Армении, оцененная на умеренном уровне (59 баллов), также демонстрирует зоны технологического и процедурного роста. Ограничение эффективности Аудиторской палаты (57 баллов) во многом обусловлено неполным охватом аудиторскими проверками внебюджетных фондов и отсутствием практики публикации кратких, доступных для широкой аудитории резюме по итогам проверок. Более того, зафиксирован разрыв в подотчетности исполнительной власти перед обществом: механизмы публичного информирования о мерах, принятых для устранения выявленных аудитом нарушений, остаются недостаточно прозрачными. Укрепление надзорной функции требует не только расширения полномочий Национального Собрания в части контроля за использованием сверхплановых доходов, но и внедрения цифровых архивов экспертных заключений, доступных гражданам для независимой оценки качества государственного администрирования.

Формирование цифровой экосистемы бюджетной прозрачности и общественного участия в Республике Армения

Для роста баллов Армении в Обзоре МБП, особенно для преодоления низкого уровня вовлеченности граждан (11 из 100) необходимо дополнить публикацию бюджетных данных интерактивными форматами взаимодействия. Рекомендуемые цифровые решения, нацеленные на активизацию прямого диалога с гражданами для устранения дефицитов участия общественности в бюджетном процессе Республики Армения, разработанные с учетом критериев МБП, представлены в таблице 2.

В контексте необходимости повышения рейтинга страны по показателю открытости бюджета особую значимость приобретает совершенствование системы государственного управления Республики Армения через развитие инструментов интерактивного взаимодействия с гражданами. Первоочередной задачей представляется технологическое сопровождение публикации всех восьми ключевых документов в форматах открытых данных (*Open Data*). Целесообразным видится внедрение алгоритмов автоматизированного формирования «Полугодового обзора» и «Годового отчета», что исключает влияние человеческого фактора и гарантирует стопроцентную своевременность раскрытия информации. Перспективным направлением может рассматриваться разработка интерактивной версии «Бюджета для граждан», оснащенной средствами визуализации инфографикой и инструментами сравнительного анализа. Подобный формат адаптирует финансовые данные для восприятия широкими слоями населения. Детализация бюджетных ассигнований на интерактивной карте стимулирует привязку финансовых планов к фактическому этапу работ, что предопределяет верифицируемость данных и пре-

Таблица 2

Цифровые решения для повышения показателей участия общественности в бюджетном процессе Республики Армения

Выявленные дефициты открытости	Рекомендуемое цифровое решение
Отсутствие каналов прямого участия при формировании и исполнении бюджета	Формирование единой цифровой экосистемы бюджетной открытости («Открытый бюджет») как среды взаимодействия
Несвоевременность предоставления ключевых отчетов	Автоматизация генерации документов на основе принципов открытых данных (*Open Data*)
Недостаточная длительность и пассивный характер обсуждений на *e-draft*	Внедрение регламента обязательного реагирования и заблаговременного доступа к проектам
Отсутствие участия граждан в планировании государственного аудита	Интеграция интерактивных карт объектов и внедрение каналов учета предложений в планах проверок

Составлено автором.

дотвращает распространение недостоверных сведений о распределении ресурсов.

В качестве приоритетного вектора повышения открытости бюджета видится целесообразным формирование единой цифровой экосистемы бюджетной открытости «Открытый бюджет», ориентированной на активизацию полноценного диалога с обществом. Функционал такой платформы может опираться на личный кабинет гражданина для поддержания персонализированной обратной связи и мониторинга статуса поданных предложений. Интеграция интерактивной карты объектов визуализирует инфраструктурные проекты с привязкой к конкретным общинам (официальные административно-территориальные единицы Армении). Подобный подход открывает прямой канал общественного контроля за выполнением работ на стадиях планирования и исполнения. Развертывание единой цифровой экосистемы бюджетной открытости может рассматриваться как способ преодоления дефицита гражданского участия через трансляцию объективной картины приоритетов государственной политики, как способ противодействия распространению недостоверных сведений о приоритетах государственной политики, одновременно содействуя росту уровня бюджетной грамотности населения.

Логическим развитием экосистемы представляется интеграция функционала цифрового инициативного (партисипаторного) бюджетирования. Использование единой платформы для подачи заявок и голосования формализует процедуры участия, сочетая прозрачность отбора инициатив с минимизацией барьеров для жителей отдаленных территорий. Развитие подобных инструментов нацелено на повышение гражданской ответственности и прямое улучшение баллов Армении в международном Обзоре МБП. Качественная модернизация площадки «*e-draft*» может быть связана с предоставлением заблаговременного доступа к проекту бюджета не менее чем за 3–4 недели до его внесения в парламент, как того требуют рекомендации МБП. Трансформация портала в среду оперативного сбора экспертных комментариев требует внедрения регламента обязательной публикации отчетов о результатах рассмотрения предложений.

Особое внимание может быть уделено адаптации опыта по внедрению цифровых аналитических панелей (дашбордов), что переводит мониторинг исполнения бюджета в оперативный режим. Применение инструментов сравнительного анализа трансформирует финансовую отчетность в категорию наглядных параметров результативности государственных программ. В соответствии со стандартами статистики государственных финансов (ГФС) МВФ, аналитическая детализация показателей представляется необходимой для их корректной интерпретации гражданским обществом. Использование технологий искусственного интеллекта может быть нацелено на обнаружение отклонений в планировании и оптимизацию закупок, что ведет к росту подотчетности учреждений.

Усиление надзора в рамках парламентского контроля видится через развитие практики открытых слушаний по бюджетным отчетам с вовлечением экспертного сообщества. Технологическая реализация этого направления может быть связана с организацией трансляций заседаний и формированием открытых архивов экспертных заключений. В деятельности Аудиторской палаты приоритет может быть отдан каналам учета общественных предложений при планировании проверок. Подобная интеграция потенциала общества в систему государственного аудита рассматривается как способ замыкания цикла подотчетности, исключающий разрыв между общественным контролем и государственным надзором. Для поддержания актуальности данных ресурсов оправданным представляется применение аналитики посещаемости, результаты которой лягут в основу последующей оптимизации порталов под запросы пользователей.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает: при наличии сформированного базиса бюджетной прозрачности в Республике Армения потенциал вовлечения граждан в бюджетный процесс остается в значительной мере нереализованным. Учитывая выявленную диспропорцию показателей, цифровая трансформация становится движущей силой преодоления управленческой инертности, ускоряя переход государственных органов от пассивного раскрытия информации к формату открытого партнерства.

Научная значимость предложенных решений заключается в обосновании перехода к интерактивным экосистемам, где автоматизация отчетности дополняется процедурами общественной верификации данных. Внедрение единой цифровой экосистемы «Открытый бюджет» и развитие платформ инициативного бюджетирования необходимы для восполнения выявленных функциональных дефицитов.

Практическое внедрение сформулированных научно-практических рекомендаций, опирающихся на международные стандарты МВФ, ОЭСР и *GIFT*, имеет целью устранение разрыва между прозрачностью и участием, что формирует фундамент общественного доверия к бюджетной политике.

Литература:

1. Why Fiscal Transparency Matters. International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/en/topics/fiscal-policies/fiscal-transparency (дата обращения: 12.01.2026).
2. Wehner J., de Renzio P. Citizens, Legislators, and Executive Disclosure: The Political Determinants of Fiscal Transparency // World Development. 2013. Vol. 41. P. 96–108. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.06.005.
3. Виноградова Т.И. Бюджетная прозрачность как условие, средство и инструмент повышения качества государственного управления и снижения коррупции: современные вызовы и тенденции // Предупреждение коррупции как средство защиты прав человека и обеспечения эффективности государственного управления: состояние и перспективы: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Душанбе, 4-5 декабря 2024 г.). Душанбе: Академия гос. управления при Президенте Республики Таджикистан, 2024.
4. Cuadrado-Ballesteros B., Bisogno M. Budget Transparency and Financial Sustainability // Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management. 2021. Vol. 34. № 6. P. 210–234. DOI: 10.1108/JPBAFM-02-2022-0025.
5. OECD Budget Transparency Toolkit: Practical Steps for Supporting Openness, Integrity and Accountability in Public Financial Management, OECD Publishing, Paris. 2017. DOI: 10.1787/9789264282070-en.
6. PEFA Framework for Assessing Public Financial Management. February 2016. Second Edition. URL: https://www.pefa.org/sites/default/files/PEFA_2016_Framework_Final_WEB_0.pdf (дата обращения: 12.01.2026).
7. International Budget Partnership. The Guide to the Open Budget Questionnaire: An Explanation of the Questions and the Response Options. URL: https://internationalbudget.org/open-budget-survey (дата обращения: 12.01.2026).
8. Global Initiative on Fiscal Transparency. The High-Level Principles on Fiscal Transparency, Participation & Accountability. URL: https://fiscaltransparency.net/documents/GIFT-EHLP-9Feb18.pdf (дата обращения: 12.01.2026).
9. Мелентьева О.А. Цифровые сервисы для граждан как механизм реализации принципа прозрачности (открытости) бюджета // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3 (93). С. 414–420. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).414-420.
10. International Budget Partnership. Open Budget Survey 2023: Armenia. URL: https://www.internationalbudget.org/open-budget-survey/country-results/2023/armenia (дата обращения: 12.01.2026).
11. Файберг Т.В. Прозрачность (открытость) бюджета Российской Федерации: направления реализации и оценка современного состояния // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. № 4. С. 185–192. DOI: 10.47576/2949-1894.2024.4.4.022.
12. International Monetary Fund. Code of Good Practices on Fiscal Transparency: Declaration on Principles Adopted by the Interim Committee, April 16, 1998. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/history/2012/pdf/4d.pdf (дата обращения: 14.01.2026).
13. Закон Республики Армения от 21.07.1997 г. № ЗР-137 «О бюджетной системе Республики Армения» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3052.
14. Закон Республики Армения от 30.12.2016 № ЗР-237 «О внесении изменения в Закон Республики Армения «О местном самоуправлении» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=108348
15. Закон Республики Армения от 22.10.2003 № ЗР-11 «О свободе информации» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7112
16. Вагин В.В., Шатохин Д.А., Петрова И.В. Цифровые решения в инициативном бюджетировании: состояние, тренды и барьеры // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 3(147). С. 63–68.
17. Виноградова Т.И. Партисипаторное бюджетирование как инструмент, способствующий достижению целей устойчивого развития // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 2. С. 46–60. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-46-60.
18. Электронный бюджет: как устроена гигантская ИТ-система России. Инфографика // CNews: сетевое издание. 2025. 9 июля. URL: [https://www.cnews.ru/articles/2025-07-09_bez_bumagi_i_s_ii_kak_formiruetsya] (дата обращения: 21.01.2026).

Digital Transformation of the Budget Process in the Public Administration of the Republic of Armenia: Ensuring Transparency and Public Participation

Vinogradova T.I.
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

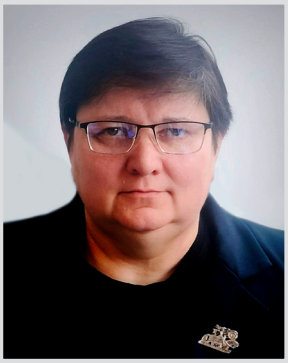
The relevance of the study is grounded in the necessity of modernizing public administration institutions based on the principles of openness, where fiscal transparency and public participation serve as the basic elements of accountability and good governance. In the Republic of Armenia, data from the 2023 Open Budget Survey (OBS) by the International Budget Partnership revealed a significant gap: a "moderate transparency" score (60 points) is coupled with low public engagement (11 points), reflecting a mismatch between information accessibility and the actual degree of citizen participation.

The research objective is to develop evidence-based recommendations for integrating digital technologies into public administration to ensure budget data completeness and expand citizen involvement in the budget cycle of the Republic of Armenia. The methodology is based on a systems analysis of the Republic's procedures against IMF, OECD, and GIFT standards, an examination of international best practices, and an empirical analysis of the 2023 Survey data. The scientific novelty lies in adapting international requirements to the Armenian context and justifying interactive digital engagement, based on the integration of public verification procedures into the automated budget process. The results include the identification of functional areas requiring technological modernization and the substantiation of specific solutions, such as the "Open Budget" unified digital ecosystem and remote participatory budgeting platforms. The practical significance lies in the applicability of these measures by executive authorities to improve public financial management and enhance the country's international ranking.

Keywords: Digital transformation, Budget transparency, Public administration, Armenia, Participatory budgeting, Interactive platform

УДК 338.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-25-31

Комплексный анализ факторов роста туристических потоков в регионах России

Волченко Татьяна Александровна
Аспирант факультета экономики и таможенного дела
Казанского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации

Рост внутреннего туризма в России отражает глубокие сдвиги в структуре спроса и системе пространственного развития, что обусловливает необходимость всестороннего анализа факторов, формирующих динамику туристических потоков. Целью исследования является выявление ключевых детерминант, влияющих на развитие туристической отрасли в регионах страны, с акцентом на институциональные, инфраструктурные, цифровые и маркетинговые компоненты. В работе детализированы механизмы государственного стимулирования, проанализированы барьеры организационно-экономического характера, а также оценена эффективность современных методологических подходов к моделированию туристических процессов. Научная значимость состоит в разработке интегрированной системы анализа, охватывающей поведенческие, инвестиционные и регуляторные аспекты, что позволяет точечно выявлять скрытые точки роста. Практическая ценность заключается в формировании инструментария для стратегического планирования, адаптированного к территориальной специфике и текущим вызовам. В результате предложена структурированная методика комплексной оценки, применимая к мониторингу и прогнозированию туристической активности в условиях ограниченных ресурсов и институциональной трансформации. Новизна исследования выражается в объединении междисциплинарных аналитических блоков в единую оценочную рамку, применимую для управления устойчивостью и конкурентоспособностью туристических территорий.

Ключевые слова: *внутренний туризм, туристические потоки, региональное развитие, инвестиции, инфраструктура, цифровизация, кластеризация*

Для цитирования: *Волченко Т.А. Комплексный анализ факторов роста туристических потоков в регионах России // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 25–31. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-25-31.*

Во многих странах туризм относится к числу ведущих секторов экономики, отличающихся высокой доходностью и стабильной динамикой развития. Его значение обусловлено не только вкладом в валовой внутренний и национальный продукт, но и воздействием на уровень занятости, налоговые поступления, а также формирование современной социальной и транспортной инфраструктуры. Согласно сведениям, опубликованным Всемирным советом по туризму и путешествиям (*WTTC*), в 2024 г. отрасль, объединяющая сферу туризма и путешествий, внесла вклад, эквивалентный приблизительно одной десятой части совокупного мирового валового продукта, что соответствует 10,9 трлн долл. США. Наряду с этим, доля занятых в указанной отрасли также составляет около 10 % от общей чис-

ленности рабочей силы: по оценкам на 2024 г., в различных сегментах туристического сектора были трудоустроены порядка 357 млн чел. [1]. Показатели мирового туристического сектора подтверждают его системообразующую роль в глобальной экономике, а высокая доля занятых в отрасли свидетельствует о её значительном влиянии на рынок труда и смежные сферы.

Факторы, определяющие рост туристических потоков

Изменения в международной обстановке и растущее значение внутренней устойчивости привели к трансформации приоритетов в сфере туризма. Потенциал внутреннего туристического рынка в исследовании И.М. Казибекова и Ю.Р. Лутфуллина оценивается на уровне десятков млн чел. [2, с. 145, 147], что подкрепляется необходимостью углубления территориального развития и повышения качества обслуживания на местах.

Государственная политика в области туризма сегодня нацелена на запуск новых механизмов привлечения инвестиций. В числе приоритетных направлений – реализация проектов по строительству гостиничных объектов модульного типа, развитие туристических зон в регионах с высоким природным потенциалом, а также поддержка инициатив, направленных на формирование туристической инфраструктуры вдоль автодорог и в охраняемых природных территориях [3, с. 282]. Основу инвестиционного климата составляют благоприятные условия для вложений, в том числе прозрачность процедур и предсказуемость результатов.

Развитие доступной и эффективной транспортной системы играет одну из ключевых ролей в активизации туристической активности. Анализ эмпирических данных указывает на тесную взаимосвязь между объемом реализованных туристических пакетов и такими параметрами, как уровень развития авиационного парка и средняя стоимость отдыха. Дополнительную роль играют высокоскоростные железнодорожные маршруты, напрямую влияющие на пространственную организацию туризма. Для оценки продуктивности инвестиций в транспортную и туристическую инфраструктуру в мировой практике используются пространственные эконометрические модели, что также находит применение в российских реалиях [4, с. 57]. Наличие разветвлённой и модернизированной транспортной сети выступает объективным условием роста туристических потоков и повышения территориальной связанности туристических дестинаций.

Широкое распространение цифровых сервисов коренным образом изменило механизмы предоставления туристических услуг. Онлайн-бронирование, электронные визы, цифровые справочники и маршрутизаторы сделали путешествия более доступными. Современные инструменты продвижения, включая *event*-маркетинг, использование геймификации и таргетированной рекламы, создают новые каналы привлечения туристов и усиливают имидж туристических территорий. Развитие цифровых брендов регионов, формирование узнаваемых дестинаций через социальные платформы и интерактивные решения становятся частью конкурентной стратегии субъектов туризма.

Туризм, будучи межотраслевой сферой, оказывает стимулирующее воздействие на десятки секторов экономики. Он способствует росту занятости, активизации малого и среднего предпринимательства, формированию доходов населения и выравниванию территориальных диспропорций.

Особое значение приобретают формы туризма, адаптированные к специфике конкретных территорий. Например, развитие аграрного туризма способствует укреплению локальной экономики, создает спрос на продукцию сельхозпредприятий и увеличивает привлекательность периферийных районов [5, с. 3]. Кластерный подход позволяет объединять туристические, рекреационные, производственные и образовательные элементы в единую экосистему, повышая эффективность функционирования отрасли. Государственная политика в области курортно-рекреационного планирования сегодня делает ставку на поддержку территорий с высоким потенциалом и на реализацию масштабных проектов с ярко выраженной специализацией, в том числе на оздоровительный, культурно-познавательный и экологический туризм [6, с. 127]. Специализация туристических продуктов с учетом региональной специфики и интеграция кластерного подхода формируют устойчивые модели развития, усиливающие территориальную самобытность и повышающие инвестиционную привлекательность.

Формирование устойчивого туристического потока в России обусловлено комплексом факторов, в числе которых – смещение приоритетов в сторону внутреннего туризма, расширение государственной инвестиционной поддержки, модернизация транспортной и цифровой инфраструктуры, а также внедрение маркетинговых и кластерных подходов, ориентированных на специфику территорий. Все перечисленные драйверы способствуют не только росту туристической активности, но и повышают социально-экономическую отдачу отрасли, формируя прочную основу для пространственного развития регионов и усиления их конкурентных преимуществ на туристическом рынке.

Ограничения и проблемы, препятствующие росту туризма

Организационная структура управления туристической отраслью в стране в последние годы подверглась трансформации.

В отличие от международной практики, как отмечают М.Д. Самакаева, И.Н. Ковалева и И.В. Фо-

мичев, российская экономическая политика в отношении туристического бизнеса зачастую характеризуется фискальной нагрузкой, усиливающейся в кризисные периоды. Увеличение налогов в условиях нестабильной экономики способствует банкротству предприятий гостиничного и курортного сектора, препятствуя их модернизации и расширению [7, с. 5]. О.Б. Буздалина обращает внимание на то, что отсутствие четких методических подходов к классификации налоговых преференций создает риск неполного учета затрат бюджета, связанных с туристической отраслью [8, с. 61], и препятствует внедрению эффективных механизмов поддержки предпринимателей в сфере туризма.

Развитие внутреннего туризма напрямую зависит от уровня обеспеченности территорий транспортной, гостиничной и сервисной инфраструктурой. Существенным условием является не только финансовое стимулирование, но и активное участие частного капитала в создании условий, обеспечивающих комфорт и безопасность туристов. Вместе с тем наблюдается отставание в достижении целей по формированию особых экономических зон туристско-рекреационного типа: многие из них не реализовали свой потенциал в привлечении потоков отдыхающих и инвестиций, что обусловлено не только финансовыми, но и институциональными факторами. Недостаточное развитие инфраструктурных компонентов и слабая реализация механизмов особых экономических зон сдерживают рост внутреннего туризма, снижая инвестиционную привлекательность регионов. Для преодоления этих ограничений требуется усиление институциональной поддержки и расширение участия частного сектора.

Состояние трудовых ресурсов в туристической отрасли демонстрирует ряд тревожных тенденций. После пандемийного кризиса 2020 г., согласно исследованию Е.Г. Леонидовой и Н.М. Румянцева, наблюдается значительное сокращение интереса среди абитуриентов к профессиональным образовательным программам в сфере туризма [10, с. 48]. Дефицит квалифицированных кадров сопровождается ростом внутренних рисков гостиничных предприятий, связанных с деградацией социального и профессионального капитала. Отсутствие целенаправленной государственной политики в области кадрового сопровождения отрасли ограничивает её способность адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры и требованиям потребителей.

Оценка реального вклада туризма в экономику страны осложнена отсутствием единых официально утвержденных подходов к расчету экономического эффекта. Применяемые методики сбора статистической информации ориентированы преимущественно на количественные характеристики, тогда как качественные аспекты, такие как мотивация путешествий, удовлетворенность туристов или уровень сервисного взаимодействия, зачастую остаются вне аналитического поля [11, с. 46]. Отсутствие маркетинговых инструментов в государственной системе мониторинга ограничивает возможности оперативного реагирования на изменения в потребительском спросе и туристических предпочтениях. Одним из значимых факторов, тормозящих развитие туристической сферы, остается слабая технологическая интеграция. В регионах наблюдаются значительные различия в степени цифровизации управления туризмом, что затрудняет формирование единого информационного пространства. Ситуацию усугубил уход с российского рынка ведущих международных онлайн-платформ бронирования, доля которых ранее превышала 80 % [12, с. 736]. Переход отелей на отечественные IT-решения требует времени и инвестиций, а также новых компетенций, что временно увеличивает административные и операционные издержки на ведение бизнеса.

Международные санкции и нестабильная внешнеполитическая обстановка значительно сузили возможности для развития как въездного, так и выездного туризма. Сложности с международной логистикой, удорожание авиаперелетов и ограничение транспортных коридоров снижают доступность многих направлений как для иностранных, так и для российских туристов. Кроме того, нестабильная геополитическая ситуация негативно влияет на восприятие России как туристической дестинации, что замедляет восстановление международных туристических потоков и снижает инвестиционную привлекательность отрасли.

Отраслевое законодательство в сфере туризма остается фрагментарным и недостаточно приспособленным к современным условиям. В нём отсутствуют положения, регулирующие создание туристических кластеров, что ограничивает возможности комплексного развития территорий с высоким рекреационным потенциалом. Также не разработаны устойчивые механизмы поддержки этнокультурных проектов и локальных инициатив, что особенно актуально для регионов, стремящихся использовать культурное наследие как ресурс развития туризма.

По оценкам, представленным в исследовании Л.И. Донскова, М.Ю. Маковецкий, А.Л. Баранникова, общее снижение туристических поездок по России составило до 35 %, а въездной туризм сократился почти на четверть [13, с. 35]. Эти процессы выявили системные уязвимости отрасли – от низкой диверсификации предложения до ограниченной устойчивости к внешним шокам – и подтвердили необходимость пересмотра стратегии развития туризма с учетом новых рисков и вызовов.

Сложившаяся совокупность ограничений в туристической отрасли демонстрирует многоплановый характер и требует комплексного подхода к их преодолению. Нерешённость институциональных,

экономических, инфраструктурных, кадровых и нормативных проблем, усугублённая внешнеполитической нестабильностью и технологическими разрывами, существенно снижает темпы восстановления и развития туристических потоков. Повышение устойчивости и конкурентоспособности внутреннего туризма возможно только при условии согласованного воздействия на ключевые системные барьеры, мешающие эффективному функционированию отрасли.

Методологические подходы к комплексному анализу туристических потоков

Межрегиональное туристическое взаимодействие рассматривается как фактор согласованного развития территорий, в рамках которого разные точки притяжения в пределах одного региона способны формировать единую стратегию роста. Это возможно благодаря совмещённому использованию инфраструктурных, природных и культурных ресурсов, а также посредством расширения каналов продвижения туристического продукта. Модель, рассмотренная в исследовании Л.Л. Бияк, Мо Юньи, позволяет выстраивать конкурентные преимущества всего региона на фоне усиливающейся конкуренции в туристической сфере. Теоретические позиции, разрабатываемые в области международного туризма, открывают возможности для более точного понимания логики передвижения туристов, в том числе при анализе российско-китайских маршрутов [14, с. 229]. На этой основе возможно формирование более гибких и адресных туристических маршрутов, а также проектирование продуктов, ориентированных на запросы трансграничной аудитории.

Оценка туристических перемещений через призму устойчивости позволяет выделить различные траектории воздействия потока на территорию. Согласно исследованию С.Е. Демидовой, регулярный контролируемый поток способен поддерживать долгосрочную эффективность отрасли, в то время как чрезмерное и нерегулируемое скопление туристов может стать источником напряжения для местной экосистемы и объектов культурного значения. Расширение меж- и внутрирегиональных перемещений способствует не только увеличению числа посетителей, но и активизации локальной экономики [15, с. 146, 148]. Последнее становится предпосылкой для формирования новых узлов роста, что особенно значимо в условиях асимметричного пространственного развития.

Моделирование туристических процессов с использованием цифровых технологий, рассмотренное в научной работе М.Е. Кузнецова и М.И. Никишовой, позволяет получить достоверную картину поведения системы и оперативно реагировать на её изменения. Применение цифровых двойников в управлении отраслью обеспечивает возможность перевода множества разнородных параметров в наглядную динамическую модель, где фиксируются предпочтения путешественников, загруженность туристических объектов и эффективность размещения новых точек интереса. Такой подход превосходит традиционные методы анализа, основанные на статических таблицах и линейных взаимосвязях. Прогностические сценарии, реализуемые с помощью имитационного моделирования в среде *AnyLogic*, базируются на инструментах ситуационного анализа и структурной динамики [16, с. 105, 106, 115]. Они позволяют формировать обоснованные управленческие стратегии в туризме на основе обработки значительных массивов статистических данных.

Междисциплинарная природа современного анализа туристических процессов требует интеграции методов анализа больших данных, включая машинное обучение, исследование текстов, активность в социальных сетях. Согласно исследованию Н.С. Палий, применение этих инструментов обеспечивает повышение точности прогнозирования, а также позволяет глубже понять поведенческие паттерны туристов. Необходимость интерпретации цифровых следов требует не только технологического оснащения, но и профессионального владения предметной областью. Изменения в туристско-рекреационном пространстве под влиянием инноваций, выражаются в новых критериях оценки направлений развития: акцент смещается в сторону системного подхода, адаптивности, культурной специфики и интегративного характера предлагаемых решений [17].

Одна из перспективных методик базируется на разработке стохастических моделей, позволяющих оценивать и прогнозировать изменение ключевых показателей туристической деятельности. Такие решения применимы при построении управленческих сценариев, ориентированных на развитие туризма в регионах. Их ценность, как отмечает Ю.Н. Полшков, заключается в возможности выработки экономически обоснованных рекомендаций как для органов власти, так и для частных участников рынка [18, с. 64, 65]. Отдельный интерес представляет экономико-математическое моделирование, в частности – использование сценарных подходов, учитывающих соотношение спроса и предложения в туристической инфраструктуре. Так, в исследовании Н.В. Щербаковой экономико-математическая модель строится с учётом различных стратегических сценариев – от инерционного до активно развивающегося – и позволяет оценить не только текущее состояние, но и выявить точки потенциального роста. В основу анализа закладываются мощность объектов размещения, насыщенность зоны общественного питания, транспортная связанность и логистическая доступность [19]. Это позволяет формировать динамичные и взаимосвязанные прогнозы, охватывающие всю совокупность показателей отрасли.

Комплексный анализ туристических потоков требует опоры на междисциплинарные подходы, сочетающие теоретические концепции международного и регионального сотрудничества, экологическую устойчивость, пространственное развитие и цифровые технологии. Эффективность применения математических моделей и интеллектуальных инструментов анализа во многом определяется глубиной учета специфики территории, характером взаимодействия внутренних и внешних факторов, а также способностью адаптировать методы прогнозирования к изменениям туристического спроса и инфраструктурной среды. На основании проведенного исследования предложена следующая авторская методика комплексного анализа факторов роста туристических потоков в регионах России, представленная в таблице 1.

Предложенная методика анализа туристических потоков охватывает ключевые параметры отраслевого развития, позволяя увязать поведенческие, институциональные и пространственные факторы в единую аналитическую рамку. Комбинация цифровых инструментов, сценарных моделей и междисциплинарных подходов открывает возможности для выявления скрытых точек роста и адаптации стратегий под региональные особенности. Структурная целостность методики делает её применимой как для текущего мониторинга, так и для построения прогностических траекторий устойчивого туризма.

Отдельное значение приобретают внутрирегиональные потоки, способные активизировать локальную экономику и обеспечить условия для пространственной трансформации. Эти процессы создают основу для новых центров роста, в том чис-

Таблица 1

Авторская методика комплексного анализа факторов роста туристических потоков в регионах России

№ п/п	Аналитический блок	Ключевые факторы анализа	Методологические подходы	Целевые параметры оценки
1.	Модификация туристического спроса	Изменение направленности потоков, внутренняя мобильность, мотивация путешествий	Контент-анализ соцсетей, исследование отзывов, краудсорсинговые платформы	Уровень удовлетворённости, поведенческие сценарии, частота повторных визитов
2.	Инфраструктурные преобразования	Состояние транспортной и гостиничной сети, цифровизация, качество сервисов	Пространственное моделирование, анализ логистической доступности, индекс цифрового охвата	Доступность маршрутов, загрузка мощностей, интеграция цифровых решений
3.	Инвестиционная активность и политика	Объёмы частных и государственных вложений, устойчивость инвестпроектов	*SWOT*-анализ инвестиционного климата, кейс-анализ проектных инициатив	Рентабельность, сроки окупаемости, институциональная привлекательность
4.	Территориальная специфика и кластеризация	Особенности локального туристического предложения, рекреационные и культурные зоны	Геоанализ, картографирование, сравнительная оценка кластерных моделей	Идентифицированные кластеры, их специализация, синергетический потенциал
5.	Трудовые и образовательные ресурсы	Квалификация кадров, дефицит специалистов, динамика профподготовки	Статистический анализ, экспертные интервью, опросные панели	Уровень обеспеченности кадрами, вовлечённость молодёжи, наличие образовательных программ
6.	Информационно-маркетинговая среда	Каналы продвижения, имидж территорий, визуальная идентичность	Семантический анализ брендов, отслеживание кампаний, метрики вовлечённости	Уровень узнаваемости, охват целевой аудитории, эффективность *digital*-коммуникаций
7.	Социально-экономические мультипликаторы	Влияние на занятость, развитие МСП, рост валового продукта	Мультипликативные модели, экономико-математическое моделирование	Дополнительные рабочие места, налоговые поступления, рост ВРП
8.	Устойчивость и экобаланс туризма	Экологическая нагрузка; регулирование посещаемости; сохранение культурных ландшафтов	Оценка предельной вместимости, индексы устойчивости, анализ территориального следа туризма	Индекс антропогенного воздействия, количество охраняемых объектов, доля экоинициатив
9.	Реакция на внешние вызовы	Последствия пандемии, санкционные ограничения, логистические изменения	Сценарный анализ, адаптивное моделирование, стохастические прогнозы	Уровень восстановительного турпотока, устойчивость к шокам, гибкость маршрутов
10.	Регулятивно-институциональная база	Согласованность нормативных актов, степень поддержки субъектов, механизм кластеризации	Экспертная оценка правовой среды, бенчмаркинг с международными стандартами	Уровень правовой определённости, количество мер поддержки, институциональная интеграция

ле в малых и периферийных населенных пунктах. Повышение эффективности туристической деятельности связано с актуализацией маркетинговых стратегий, совершенствованием институциональных механизмов и внедрением нишевых форм туризма, адаптированных к региональной специфике. Вектор развития устойчиво смещается в сторону проектов с высокой социальной и инвестиционной отдачей. В условиях приоритетного государственного внимания национальные инициативы становятся инструментом целенаправленного перезапуска внутреннего туризма как важнейшего звена региональной экономики.

Литература:

1. World Travel & Tourism Council. Economic Impact Reports. URL: http://wttc.org/research/economic-impact (дата обращения: 19.09.2025).
2. Казибеков И.М., Лутфуллин Ю.Р. Современные тенденции функционирования сферы туристских и рекреационных услуг // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 1. С. 144–151.
3. Пьянкова С.Г., Макаркина О.Ю. ключевые аспекты повышения эффективности стратегического управления туризмом в монопрофильных городах // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4(20). С. 280–297.
4. Николенко П.Г., Терехов А.М. Анализ состояния туристской отрасли в России и направления ее развития // Статистика и Экономика. 2022. Т. 19. № 4. С. 57–70.
5. Волконский Э.Э., Морозов М.А. Государственно-частное партнерство как эффективный инструмент формирования и развития туристских дестинаций // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 11(149). С. 1–5.
6. Оборин М.С. Стимулирование экономического роста регионов на основе развития курортно-рекреационных территорий как один из ответов на санкционную политику Запада // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. № 4. С. 124–132.
7. Самакаева М.Д., Ковалева И.Н., Фомичев И.В. Механизм формирования конкурентных моделей гостиничной индустрии Российской Федерации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 4(76). С. 1–15.
8. Буздалина О.Б. Совершенствование отдельных подходов государственного управления бюджетными средствами // Аудиторские ведомости. 2023. № 4. С. 59–63.
9. Масленникова О.А. Познавательные путешествия детей и молодёжи как инструмент кадровой политики в индустрии туризма, сервиса и гостеприимства // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2024. № 1(21). С. 24–33.
10. Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. Сценарное моделирование потребления туристских услуг в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 2. С. 35–51.
11. Луховская О.К., Фомина Н.В. Технологии цифрового анализа в оценке эффективности управления региональным развитием туристского бизнеса // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2024. № 2(78). С. 35–42.
12. Табачникова А.А., Табачникова В.М. Кастомизация как способ укрепления рыночных позиций предприятий гостиничного бизнеса // Вестник Академии знаний. 2024. № 2(61). С. 734–740.
13. Донскова Л.И., Маковецкий М.Ю., Баранников А.Л. Исследование потребителей на рынке внутреннего туризма в период пандемии: предпочтения и тенденции // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 1(103). С. 33–46.
14. Бияк Л.Л., Юньи Мо Китайско-российское сотрудничество и развитие в сфере туризма // Прогрессивная экономика. 2025. № 5. С. 226–236. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_226.
15. Демидова С.Е. Оценка устойчивости восстановления туризма в региональном разрезе // Финансовые исследования. 2024. Т. 25. № 3(84). С. 144–157. DOI: 10.54220/finis.1991-0525.2024.84.3.012.
16. Кузнецов М.Е., Никишова М.И. Методика оценки сценариев развития туристической отрасли Камчатского края на основе технологии цифрового двойника // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 1. С. 103–121. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.6.
17. Палий Н.С. Инновационные факторы развития современного туризма // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024. Т. 26. № 3. С. 110–121. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2024.3.9.
18. Полшков Ю.Н. Оценка и реализация потенциала развития отрасли туризма в экономике российских регионов // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12. № 3. С. 64–72. DOI: 10.35266/2949-3455-2024-3-6.
19. Щербакова Н.В. Оценка потенциала развития туризма в агломерации Салехард-Лабытнанги на основе системно-динамического подхода // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2025. № 1(25). С. 49–60. DOI: 10.18572/2686-858X-2025-25-1-49-60.

Comprehensive Analysis of Tourist Flow Growth Factors in Russian Regions

Volchenko T. A.
Kazan Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

The growth of domestic tourism in Russia reflects deep shifts in demand structure and spatial development system, which necessitates a comprehensive analysis of factors shaping tourist flow dynamics. The study aims to identify key determinants influencing the development of the tourism industry in the country's regions, focusing on institutional, infrastructural, digital, and marketing components.

The research details state stimulation mechanisms, analyzes organizational and economic barriers, and evaluates the effectiveness of modern methodological approaches to modeling tourist processes.

The scientific significance lies in developing an integrated analysis system covering behavioral, investment, and regulatory aspects, allowing for precise identification of hidden growth points. The practical value lies in forming strategic planning tools adapted to territorial specifics and current challenges.

As a result, a structured comprehensive assessment methodology has been proposed, applicable to monitoring and forecasting tourist activity under conditions of limited resources and institutional transformation. The research novelty is expressed in combining interdisciplinary analytical blocks into a unified evaluation framework applicable for managing the sustainability and competitiveness of tourist territories.

Keywords: domestic tourism, tourist flows, regional development, investments, infrastructure, digitalization, clustering

УДК 336.64
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-32-38

Разработка комплекса ковенантов для компаний, финансируемых с использованием мультиголосующих акций

Восканян Роза Оганесовна
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов устойчивого развития
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
(Москва)

В настоящее время мультиголосующие акции представляют собой относительно новый инструмент финансирования деятельности международных компаний на российском финансовом рынке, что обуславливает необходимость разработки инструментария управления рисками, с которыми сталкиваются инвесторы при выборе таких компаний в качестве объекта инвестиций. Цель исследования заключается в разработке комплекса ковенантных условий для повышения предсказуемости действий владельцев мультиголосующих акций и снижения информационной асимметрии на финансовом рынке.

Научная новизна работы состоит в создании универсального ковенантного комплекса, разделенного на три группы, который может использоваться в разных вариациях, что позволяет определить его как универсальный вспомогательный инструмент разработки финансовой стратегии компании. Применение комплекса на практике должно способствовать долгосрочным инвестициям в собственный капитал компаний, снижению уровня волатильности цен на акции и повышению уровня доверия к компаниям, финансируемым посредством мультиголосующих акций.

Ключевые слова: *инвестор, ковенантные условия, собственный капитал, финансирование, финансовый инструмент, ценная бумага*

Для цитирования: *Восканян Р.О. Разработка комплекса ковенантов для компаний, финансируемых с использованием мультиголосующих акций // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 32–38. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-32-38.*

Мультиголосующие акции – относительно новый инструмент формирования собственного капитала, который с 2022 г. стал доступен на российском финансовом рынке только международным компаниям. Своевременность решения российского регулятора об обращении мультиголосующих акций сложно переоценить. Ухудшение макроэкономической конъюнктуры предопределило редомициляцию компаний, основанных с использованием российского капитала на территории России, однако зарегистрированных в иностранных юрисдикциях. Ряд компаний завершает редомициляцию в форме международных компаний (далее – МК), в т.ч. регистрируются в форме международных публичных акционерных обществ (далее – МКПАО). В качестве иллюстрации приведем перечень компаний, чьи обыкновенные акции обращаются на Московской бирже: *ВК, «Лента», ОК, «РУСАЛ», «ТКС Холдинг», «Хэдхантер», «ЭН+ Груп», «Яндекс», «Озон»*. Теоретически будучи МКПАО вышеперечисленные компании могут использовать мультиголосующие акции как инструмент привлечения внешнего финансирования.

Российский законодатель предусмотрел, что мультиголосующая акция – тип долевой ценной

бумаги, т.е. и обыкновенная, и привилегированная акция предоставляют владельцу капитала более одного голоса на акцию, если подобное предусмотрено уставом организации. Одновременно с этим, одно из свойств мультиголосующих акций заключается в том, что они не обращаются на фондовом рынке. Пока на российском финансовом рынке отсутствует требование о раскрытии информации о наличии мультиголосующих акций в структуре собственного капитала компании. В данных обстоятельствах акционеры МКПАО, которые включают мультиголосующие акции в структуру собственного капитала, сталкиваются с повышением асимметрии информации.

Во-первых, асимметрия информации возрастает ввиду отсутствия у акционеров информации о характеристиках долевых ценных бумаг, не обращающихся на фондовой бирже. Во-вторых, даже если информация о наличии мультиголосующих акций раскрывается, отличительные свойства данной ценной бумаги не обязательны к публикации.

Поскольку на российском рынке еще не сложилась практика обращения мультиголосующих акций, для иллюстрации рассмотрим компанию *Alphabet*, входящую в пятерку публичных акционерных обществ с самой высокой капитализацией по состоянию на осень 2024 г. В годовом отчете компании за 2023 г. отмечается, что акции класса В предоставляют владельцам 10 голосов на акцию, акции класса А – один голос на акцию и акции класса С – ни одного голоса. При этом основатели компании – Л. Пейдж и С. Брин – обладали порядка 86,5 % акций класса В, что обеспечивало на конец декабря 2023 г. около 51,5 % от всех прав голоса, учитываемых на общем собрании акционеров [1, p. 20]. В отчете также отмечается, что всего 59 инвесторов обладают мультиголосующими акциями компании *Alphabet*. Однако отчет не содержит информации о сроке обращения данных акций, условиях конвертации, особенностях дивидендной политики и т.д.

Обозначенные вопросы могут быть урегулированы посредством разработки релевантной нормативно-правовой базы. В США она существует, однако в каждом штате своя. На российском финансовом рынке в отсутствии оной международные компании могут предусмотреть дополнительные права и обязанности участников уставного капитала в уставе организации и (или) обратиться к такой правовой конструкции как ковенант, т.е. к дополнительному условию договора, например корпоративного договора или договора о купле-продаже ценной бумаги.

В этой связи автором предпринимается попытка разработки комплекса ковенантов для компаний, финансируемых с использованием мультиголосующих акций с целью снижения уровня неопределенности для инвесторов, не владеющих мультиголосующими акциями, и повышения уровня доверия к финансовому рынку.

Основное требование к содержанию комплекса ковенантов

Экономическая сущность мультиголосующих акций предопределяет возможность разработки комплекса ковенантов на основании выявленных отличительных черт рассматриваемого финансового инструмента. Наше предположение заключается в том, что из-за отсутствия детализированного нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики по вопросу обращения мультиголосующих акций на российском финансовом рынке задача по формированию комплекса условий, дополняющих реализацию финансовой стратегии компаний, финансируемых с использованием мультиголосующих акций, ложится на руководителей компаний. Комплекс должен определять границы возможностей владельцев мультиголосующих акций таким образом, чтобы сохранялся баланс между:

1. Интересами владельцев мультиголосующих акций, побуждающих их сохранять статус долгосрочных инвесторов в собственный капитал компании и занимать активную позицию при обсуждении стратегических решений, принимаемых общим собранием акционеров.

2. Интересами владельцев немультиголосующих акций, побуждающих их сохранять ценные бумаги в инвестиционном портфеле и занимать менее активную позицию при рассмотрении решений, принимаемых общим собранием акционеров, доверяя знаниям и навыкам держателей мультиголосующих акций.

Тогда основное требование к комплексу ковенантов для компаний, финансируемых мультиголосующими акциями, состоит в формировании условий, стимулирующих участников уставного капитала сохранять позицию убежденного инвестора.

Иностранные ученые отмечают, что убежденный инвестор сохраняет долю владения в компании, несмотря на отсутствие текущих доходов, и проявляет терпимость к временным неудачам объекта инвестиций, рассчитывая на долгосрочный успех [2]. Следовательно, на микроуровне комплекс ковенантов должен содействовать привлечению долгосрочных инвестиций и снижению колебаний цен на акции компании. На макроуровне распространение комплекса ковенантов среди ряда компаний должно способствовать снижению волатильности на рынке долевых ценных бумаг и повышению уровня доверия инвесторов к МКПАО, включающих в структуру капитала мультиголосующие акции.

Комплекс ковенантов

Предлагаемый нами комплекс ковенантов для компаний, финансируемых с использованием мультиголосующих акций, носит концептуальный характер (рис. 1). Предполагается, что элементы комплекса в форме ковенантных условий могут применяться отдельно друг от друга с индивидуальными на-

стройками, позволяющими обеспечить достаточный уровень гибкости при разработке финансовой стратегии и вместе с тем, способствовать снижению уровня асимметрии информации.

Первая группа ковенантных условий состоит из элементов, определяющих влияние владельцев мультиголосующих акций на принятие решений в рамках общего собрания акционеров. На наш взгляд, данная группа ковенантов базовая, поскольку демонстрирует заинтересованность владельцев мультиголосующих акций в сохранении контроля над принятием стратегических решений. Также данная группа ковенантов сигнализирует участникам рынка о сохранении выбранного курса управления компанией и снижении вероятности кардинальных изменений в стратегическом подходе к осуществлению операционной деятельности, повышая тем самым предсказуемость результатов компании, определяемых внутренними факторами.

Установление верхней границы доли голосов, принадлежащих владельцам мультиголосующих акций, важно при разработке финансовой стратегии компании. Операции дополнительной эмиссии или обратного выкупа акций в данном случае следует проводить с учетом того, что установленная верхняя граница не будет нарушена.

Обеспечить выполнение данного условия возможно путем установления ковенантов. Например, путем установления предельного значения количества голосов на одну мультиголосующую акцию (негативный, запретительный ковенант) и (или) предоставления возможности или, напротив, запрета на увеличение количества голосов за счет приобретения и (или) конвертации иных финансовых инструментов в акции компании. Тогда в зависимости от выбранной формулировки ковенант станет позитивным (разрешительным) или негативным.

Внесение в договор купли-продажи мультиголосующей акции ковенанта о возможности (запрете) приобретения и конвертации иных финансовых инструментов в акции релевантно при условии одновременного владения инвестором доли в собственном и заемном капитале компании.

Ковенанты получили распространение в банковском кредитовании. Когда кредитная организация одномоментно влияет на реализацию финансовой стратегии компании посредством банковских ковенантов и участия в общем собрании акционеров как владелец мультиголосующих акций, влияние кредитной организации становится значимым. С одной стороны, участники рынка могут рассматривать это как дополнительный фактор повышения инвестиционной привлекательности компании, финансируемой с использованием мультиголосующих акций: институциональный инвестор владеет большим объемом информации и способен корректнее оценивать присущие компании риски ввиду позиции квалифицированного инвестора и даже маркет-мейкера. С другой стороны, конкретный институциональный инвестор осуществляет превалирующий контроль над компанией и способен ограничивать объемы привлечения внешнего капитала от иных участников финансового рынка, сокращая тем самым уровень диверсификации привлекаемых источников финансирования.

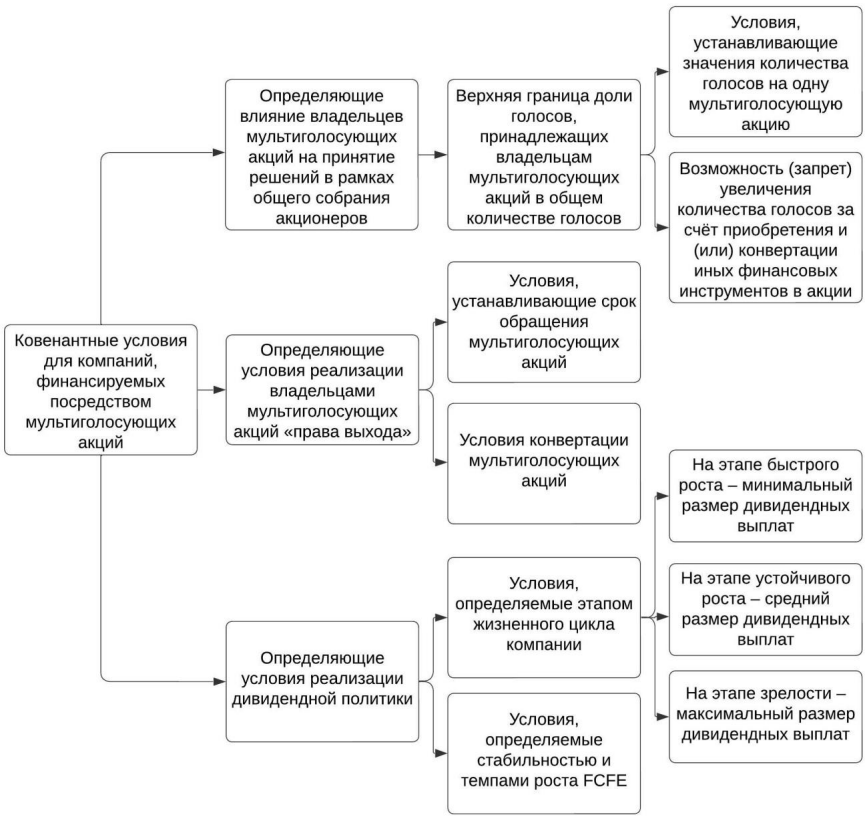

Рис. 1. Комплекс ковенантов для компаний, финансируемых посредством мультиголосующих акций

Источник: составлено автором.

Вторая группа ковенантных условий состоит из элементов, предопределяющих влияние реализации владельцами мультиголосующих акций «права выхода» [3], т.е. выхода из уставного капитала компании посредством продажи доли участия.

В первую очередь определение условий выхода владельцев мультиголосующих акций из уставного капитала определяется сроком обращения ценной бумаги. В отдельных странах (Индия, Индонезия и Южная Корея) предельный срок обращения мультиголосующих акций ограничивается регулятором финансового рынка и составляет

10 лет. В других странах, например, в Сингапуре, Китае, как и в России, срок обращения мультиголосующих акций законодательно не ограничен. Следовательно, период обращения мультиголосующих акций компаний может быть определен руководством компании исходя из стратегических задач.

Законодательное ограничение срока обращения мультиголосующих акций обусловлено двумя предположениями.

Во-первых, предполагается, что при достижении определенного этапа жизненного цикла компании владелец мультиголосующей акции, будучи автором предпринимательской идеи, потеряет активный интерес к компании и сконцентрируется на новых инвестиционных проектах. Это приведет к снижению вовлеченности инвестора в деятельность компании и уменьшению значимости его «активности» на общем собрании акционеров.

Во-вторых, предполагается, что ограничение срока обращения мультиголосующих акций повышает уровень определенности на финансовом рынке. Участники уставного капитала имеют четкое представление о том, когда владельцы мультиголосующих акций перестанут быть таковыми и прекратят оказывать мажоритарное влияние на определение стратегического развития компании. Данная информация позволяет владельцам других долевых ценных бумаг принимать более взвешенные инвестиционные решения в отношении акций компании.

Как отмечалось ранее, в ряде стран отсутствует законодательное ограничение срока обращения мультиголосующих акций. В таких случаях участники рынка корректируют условия обращения мультиголосующих акций. Например, в США мультиголосующие акции не ограничены сроком обращения, однако венчурные инвесторы ковенантными условиями ограничивают возможность предпринимателей работать в иных компаниях этого же сектора экономики во время владения акциями и некоторый период после выхода из бизнеса [4, p. 292]. Заметим, что приведенный пример негативного ковенанта вступает в противоречие с российским законодательством и не будет иметь юридической силы, однако удачно иллюстрирует желание венчурных инвесторов управлять уровнем риска со стороны конкурентов, лишая возможности переманить создателя предпринимательской идеи. Вместе с тем венчурные инвесторы подталкивают автора предпринимательской идеи к сохранению доли в уставном капитале и продолжению активной работы для повышения рыночной стоимости компании.

Российский регулятор, не ограничивая срок обращения мультиголосующих акций, предоставил участникам рынка свободу в принятии управленческих решений, связанных с разработкой финансовой стратегии компании.

Отсутствие ковенантов, устанавливающих срок обращения мультиголосующих акций, привлекательно для семейных компаний и для сторонних инвесторов, желающих занять позицию инвестора, не участвующего в общем собрании акционеров. Напротив, наличие дополнительных пунктов в уставе или ковенантов, ограничивающих срок обращения мультиголосующих акций, сигнализирует рынку, что помощь авторов предпринимательской идеи нужна до момента, когда компания выйдет на устойчивый рост.

Оба сценария предоставляют участникам рынка больший выбор при формировании инвестиционного портфеля с участием ценных бумаг компаний, финансируемых мультиголосующими акциями.

Применение ковенантов, определяющих условия конвертации мультиголосующих акций, релевантно для непубличных МК. В подтверждение данного тезиса отметим, что российским законодательством предусмотрено, что в случае МКПАО «акция, предоставляющая более одного голоса, конвертируется в акцию иной категории (типа), предоставляющую один голос», и в случае непубличных МК применяются те же условия, «если иное не предусмотрено уставом такой международной компании» [5].

Представляется возможным применение непубличными МК ковенантов, аналогичных требованию законодателя по отношению к МКПАО, при рассмотрении возможности размещения акций на фондовой бирже. Предположим, что мультиголосующая акция конвертируется в обыкновенную по причине заключения сделки купли-продажи. Так как номинальная стоимость акций общества одинакова, то коэффициент 1 представляется справедливым.

Но, если мультиголосующая акция конвертируется в обыкновенную по причине установленного ограничения срока обращения и ее владелец не планирует выходить из бизнеса (актуально для семейных компаний), установление коэффициента свыше единицы отвечает интересам владельца мультиголосующей акции. Ввиду вышеизложенного замечания об одинаковой номинальной стоимости всех категорий акций, предпочтительно не повышать коэффициент конвертации, а предусмотреть возможность дополнительного выпуска акций и предоставить владельцам мультиголосующих акций непубличных МК приобрести их в первоочередном порядке. Такой сценарий позволит компании, во-первых, привлечь дополнительные объемы долевого финансирования, что положительно скажется на финансовой устойчивости, и, во-вторых, подать сигнал рынку, что владельцы мультиголосующих акций все еще рассматривают ценные бумаги компании как инвестиционно-привлекательный актив.

Третья группа ковенантных условий состоит из элементов, определяющих условия реализации дивидендной политики компании, финансируемой мультиголосующими акциями.

Российское законодательство предусматривает, что объем прав владельцев обыкновенных и привилегированных акций разных типов, «в том числе в части очередности выплаты и (или) размера объявляемых дивидендов, очередности выплаты и (или) размера стоимости имущества, выплачиваемого при ликвидации международной компании, указывается в уставе международной компании» [5].

Теоретически владелец мультиголосующей привилегированной акции может отказаться от дивидендов в пользу общества, однако российское законодательство не содержит алгоритма подобной операции, поэтому подобные ковенантные условия могут включаться в корпоративный договор. На практике дивидендные выплаты, перечисленные акционеру, принявшему решение отказаться от них в пользу общества или иных лиц, облагаются налогом. Поэтому владельцам привилегированных мультиголосующих акций целесообразнее на общем собрании акционеров инициировать решение об отказе выплаты дивидендов за конкретный финансовый период в пользу реинвестиций для стимулирования роста стоимости компании и не применять негативные ковенантные условия, лишающие возможности получать дивиденды в будущем.

Если в уставе общества не определен размер дивиденда по привилегированным акциям, то владельцы привилегированных акций «имеют право на получение дивидендов наравне и в равном размере с владельцами обыкновенных акций» [6].

Вышеизложенное обуславливает возможность применения ковенантных условий, определяющих условия реализации дивидендной политики, одновременно для обыкновенных и привилегированных акций с множеством голосов.

Как правило, владельцы различных категорий акций получают одинаковые дивиденды. Иной прецедент сформировался на индийском рынке. В июле 2023 г. владельцы обыкновенных акций *Tata Motors* получили дивиденды в размере 2 рупии на акцию, владельцы мультиголосующих акций – 2,1 рупии на акцию; в июле 2024 г. владельцы обыкновенных акций получили 3 рупии на акцию, мультиголосующих – 3,1 рупии на акцию. Больший размер дивидендных выплат владельцам мультиголосующих акций обусловлен тем, что устав компании предусматривает предоставление 1 голоса на 10 мультиголосующих акций [7].

Поскольку индийская практика не получила широкого распространения на мировом финансовом рынке, представляется важным для российских компаний предусмотреть общее условие, согласно которому размер дивидендных выплат по всем типам акций различных категорий будет одинаков. Подобное условие снизит уровень неопределенности для инвесторов, заинтересованных в получении дивидендных выплат.

Корпоративный договор может быть дополнен частными условиями в виде финансовых ковенантов позитивного или негативного характера. 80-90-е гг. XX в. на американском рынке характеризовались тенденцией сокращения дивидендных выплат как по обыкновенным, так и по привилегированным акциям, поскольку это был один из самых распространенных негативных ковенантов, используемых кредитными организациями при заключении кредитного договора [8, p. 1423].

Владельцы немультиголосующих акций могут быть заинтересованы во внесении в корпоративный договор ковенантов о начале осуществления дивидендных выплат по мультиголосующим акциям после достижения компанией определенного этапа жизненного цикла. Например, на этапе быстрого роста, когда начальный этап уже позади, а выручка и операционный доход быстро растут. Увеличение размера дивидендных выплат возможно при достижении этапа устойчивого роста, оцениваемого по тенденциям к снижению уровня операционного риска, более предсказуемым значениям денежных потоков и т.д. В данном сценарии дивиденды по мультиголосующим акциям рассматриваются как вознаграждение за эффективное принятие решений на общем собрании акционеров в течение продолжительного периода, позволившего компании выйти на показатели устойчивого роста.

Таким образом, сохраняется паритет интересов участников уставного капитала. Владельцы мультиголосующих акций отказываются от дивидендов в пользу будущего наращения благосостояния за счет роста стоимости компании, отчасти контролируемого ими в рамках принятия решений на общем собрании акционеров. Владельцы немультиголосующих акций сохраняют акции компании в своем инвестиционном портфеле, рассчитывая на будущее повышение стоимости ценных бумаг, доверяя держателям мультиголосующих акций.

Подобного паритета интересов, снижающего волатильность цен акций компании, можно достичь и иначе. Дивидендные выплаты осуществляются из свободного денежного потока на собственность (*FCFE*) [9, с. 497], за исключением частных случаев по привилегированным акциям. Тогда возможно внесение в корпоративный договор финансового ковенанта, определяющего границы дивидендных выплат по мультиголосующим акциям после достижения *FCFE* стабильных темпов роста на протяжении нескольких отчетных периодов. Такой ковенант может получить большее распространение на российском рынке, т.к. ряд публичных акционерных обществ ориентируется на показатель свободного денежного потока (*FCF*) при принятии решений в области дивидендной политики. Как пример – *«Сегежа», НЛМК, ММК, «Лукойл», «Северсталь»* – компании, чьи официальные сайты раскрывают

информацию об использовании значений *FCF* в качестве основного критерия распределения дивидендных выплат.

Заключение

Финансовая стабильность во многом определяется объемом долгосрочных инвестиций в уставный капитал частных компаний. Макроэкономическая цель достижения финансовой стабильности предполагает решение задачи по снижению волатильности на фондовом рынке. Предполагаем, что решения на микроуровне способны содействовать решению данной задачи, в т.ч. путем разработки дополнительных условий реализации финансовой стратегии компаний.

Экономическая сущность долевых ценных бумаг определяет необходимость снижения неопределенности для инвесторов по вопросам принятия стратегических решений на общем собрании акционеров, условий реализации инвесторами «права на выход», а также осуществления дивидендной политики. Последняя представляет собой отдельное направление финансового менеджмента, однако тесно связана с финансовой политикой компании.

Внесение ковенантных условий в корпоративные договоры и (или) договоры купли-продажи долевых ценных бумаг, а также раскрытие этой информации позволит снизить уровень асимметрии информации и, благодаря более предсказуемой реализации финансовой стратегии компании, способствовать снижению волатильности цен на акции.

Разработанный в статье комплекс ковенантов для компаний, финансируемых с помощью мультиголосующих акций, можно использовать как базовый шаблон создания индивидуального комплекса ковенантных условий.

Предполагаем, что комплекс представляет интерес не только для руководства компании, перед которым стоит задача выбора источников финансирования, но и для институциональных инвесторов, стремящихся снизить уровень инвестиционного риска посредством большего участия в управлении объектом инвестиций.

Подводя итог, отметим, что в условиях нестабильной конъюнктуры и значительного дестабилизирующего влияния внешних факторов углублённая проработка внутренних условий реализации финансовой стратегии компании способствует снижению неопределенности на финансовом рынке.

Литература:

1. Alphabet 2023 Annual Report. Part I. P. 20. URL: https://abc.xyz/assets/52/88/5de1d06943cebc569ee3aa3a6ded/goog023-alphabet-2023-annual-report-web-1.pdf
2. Connelly B.L., Shi W., Hoskisson R.E., Koka B.R. Shareholder Influence on Joint Venture Exploration // Journal of Management. 2018. Vol. 45. Iss. 8. P. 3178–3203.
3. Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. USA, Cambridge: Harvard University Press, 1970. 176 p.
4. Kaplan S.N., Stromberg P. Financial Contracting Theory Meets the Real World: An Empirical Analysis of Venture Capital Contracts // National Bureau of Economic Research Working Paper Series. 2000. № 7660. P. 281–315.
5. Федеральный закон от 14.07.2022 № 332-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5299.
6. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
7. Ордов К.В. Дивидендные выплаты по мультиголосующим акциям: опыт Индии // Банковские услуги. 2024. № 11. С. 41–46.
8. DeAngelo H., DeAngelo L. Dividend Policy and Financial Distress: An Empirical Investigation of Troubled NYSE Firms // The Journal of Finance. 1990. Vol. 45. № 5. P. 1415–31.
9. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов: учебно-практическое пособие. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Альпина Паблишер, 2021. 1316 с.

Development of a Set of Covenants for Companies Financed with Multi-Voting Shares

Voskanian R.O.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

Currently, multi-voting shares represent a relatively new instrument for financing the activities of international companies in the Russian financial market, which necessitates the development of risk management tools that investors face when choosing such companies as an investment object. The purpose of the study is to develop a set of covenant conditions to increase the predictability of the actions of owners of multi-voting shares and reduce information asymmetry in the financial market.

The scientific novelty of the work consists in creating a universal covenant complex, divided into three groups and can be used in different variations, which makes it possible to define it as a universal auxiliary tool for developing a company's financial strategy. The practical application of the complex should contribute to long-term investments in companies' equity, reduce stock price volatility, and increase confidence in companies funded through multi-voting shares.

Keywords: investor, covenants, equity, financing, financial instrument, security

УДК 339.178
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-39-43

Влияние развития маркетплейсов в регионе на число самозанятых

Ельшин Леонид Алексеевич
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры экономики
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Мусаев Александр Константинович
Аспирант кафедры экономики
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием маркетплейсов в России, которые в 2024 г. заняли 81 % рынка интернет-торговли. Значительный рост онлайн-покупок (около 70 % населения) и их влияние на рынок труда, особенно на сегмент самозанятости, требует детального изучения.

Цель исследования – выявить и эмпирически доказать взаимосвязь между развитием маркетплейсов и ростом числа самозанятых в регионах России.

Научная значимость работы заключается в разработке методологии количественной оценки влияния интернет-торговли на рынок труда. Исследование расширяет понимание трансформации региональных рынков труда в условиях цифровизации экономики.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов органами власти при разработке стратегий регионального развития, регулировании торговой отрасли и формировании мер поддержки самозанятости.

Основными результатами исследования стали: установлено, что рост доли интернет-покупателей на 1 % приводит к увеличению самозанятости в регионе на 2,4 %; выявлено влияние экономического роста – увеличение ВРП на 1 % способствует росту самозанятости на 1,73 %; доказано существенное воздействие цифровизации на развитие самозанятости.

Исследование показало необходимость комплексного подхода к развитию маркетплейсов, включающего поддержку цифровой трансформации регионов, развитие логистической инфраструктуры и устранение территориальных диспропорций.

Ключевые слова: *маркетплейс, регион, самозанятость, интернет-торговля, структура занятости, торговля*

Для цитирования: *Ельшин Л.А., Мусаев А.К. Влияние развития маркетплейсов в регионе на число самозанятых // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 39–43. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-39-43.*

Существует ряд исследований авторов, которые определяют маркетплейс как научную категорию А.К. Ташибоева, Т.И. Бухтиярова, Ю.В. Лысенко, М.В. Лысенко, Д.Г. Демьянова, А.В. Сальникова, Ю.А. Кудимова и др. [1, с. 115–116; 2, с. 103; 3, с. 118] Мы определяем маркетплейс как бизнес-модель, которая через использование онлайн-платформ объединяет продавцов, покупателей и организует финансовое, маркетинговое и логистическое посредничество. Однако отдельный научный интерес вызывает проблема оценки влияния развития маркетплейсов на различные социально-экономические показатели развития регионов, поскольку маркетплейсы позволяют региональным производителям расширить рынок сбыта и географию продаж без создания собственных сетей, что особенно важно для микро-, малых и средних предприятий. Мы считаем, что развитие маркетплейсов меняет структуру занятости, в частности увеличивает число самозанятых в регионах, где население активнее использует маркетплейсы для заказа товаров. Данный факт объясняется возникновением дополнительных рабочих мест, связанных с работой пунктов выдачи заказов (далее – ПВЗ), логистических хабов и курьерской доставкой. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), развитие маркетплейсов стимулирует также развитие такого бизнеса как студии по подготовке контента, сервисы по созданию карточек товара и др. Например, занятость, связанная с деятельностью ПВЗ в 2023 г., достигла 1,2 млн чел. [4]. В 2024 г. профессия курьера была на 13 месте в рейтинге востребованности профессий, а их средний доход по РФ составлял 117 000 руб. [5]. Стоит отметить, что число самозанятых в РФ с 337,9 тыс. в 2019 г. возросло до 12,2 млн в 2024 г. [6]. Однако, эмпирически, наличие зависимостей между числом самозанятых и развитием маркетплейсов, не доказывалось в исследованиях.

Наблюдается неоднородность развития маркетплейсов по регионам РФ, так регионы с развитой инфраструктурой смогли в условиях санкционных ограничений оперативно перестроить логистические цепочки и интегрировать региональных производителей на маркетплейсах, такими регионами стали г. Москва, Московская область, Свердловская область, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра [7].

По данным *Data Insight*, в 2023 г. топ-10 регионов по развитию маркетплейсов концентрировали 70 % объемов продаж [8]. Местные производители активно выходили на маркетплейсы как основной канал сбыта продукции. Были запущены региональные программы поддержки выхода МСП на маркетплейсы, включая субсидии на комиссию, обучение предпринимателей и создание витрин «Сделано в регионе», «Сделано в России» [9]. Около 5 тыс. компаний представляли свои товары под брендом «Сделано в России» на выставках по всему миру в 2025 г. [10]. В результате, оборот компаний, например в Ростовской области на *Ozon*, вырос на 32 % в первом полугодии 2025 г. [7]. Регионы, лидирующие по числу селлеров – г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край и Республика Татарстан [11].

В условиях санкционного давления маркетплейсы позволили сохранить занятость населения, в том числе за счет гибких форм и самозанятости. Кроме того, они выступили драйвером развития региональных брендов.

Анализ статистической информации подтверждает, что регионы-лидеры по числу самозанятых также лидируют и по объемам продаж на маркетплейсах. Целью данной работы является эмпирическое выявление взаимосвязей между числом самозанятых в регионах РФ и развитием маркетплейсов.

Анализ региональной статистики позволяет в качестве индикативного показателя развития маркетплейсов использовать показатель доли населения, использовавшей интернет для заказа товаров (услуг) для оценки объемов торговли через интернет. На сегодняшний день в разрезе регионов отсутствует показатель, отражающий объемы торговли непосредственно через маркетплейсы. При этом нам известно, что в 2023 г. доля маркетплейсов в общем объеме онлайн составила 57 % (около 4 трлн руб.), в декабре 2024 г. она составила – 65 %. По количеству заказов маркетплейсы уверенно лидируют в структуре онлайн-торговли, достигнув показателя в 87 % [5; 12; 13].

В первой половине 2024 г. онлайн-торговля оценивается в 11,2 трлн руб., с прогнозируемым объемом продаж на маркетплейсах в 10,6 трлн руб. [8]. Таким образом, доля торговли на маркетплейсах наращивает свою долю в онлайн-торговле [13].

Было замечено, что регионы-лидеры по числу самозанятых и регионы-лидеры по объему покупок на маркетплейсах в значительной мере совпадают. Появление маркетплейсов стимулирует открытие ПВЗ, где, как правило, собственник и работники ПВЗ являются самозанятыми. Кроме того, с развитием маркетплейсов развиваются логистические хабы и курьерская доставка, где работники часто имеют статус самозанятых. Появление маркетплейсов трансформирует сферу занятости и стимулирует развитие самозанятости. Однако стоит отметить, что самозанятость как понятие возникает только в 2017 г. С 2019 г. был запущен пилотный проект в четырех регионах – Москва, Московская и Калужская область, Республика Татарстан. С января 2020 г. к эксперименту добавился ряд регионов, в том числе Санкт-Петербург, Ленинградская область, Красноярский край, Тюменская область и др. [14]. С июля 2020 г. самозанятые появляются практически в каждом регионе.

Существует ряд исследований, где изучается влияние развития электронной коммерции на региональный экономический рост, доходы домохозяйств и мобильность населения, и в качестве прокси-показателя развития электронной коммерции использованы данные по доле населения, использующей интернет для заказа товаров, доле онлайн-продаж в общем объеме розничных продаж, доле организаций, занимающихся онлайн-продажами [15, с. 692–693; 16, с. 16–23]. *Restu Arisantia, Efrilla Rita Utamib, Agus Muslimc и Ma'rufah Hayatid* находят обратную связь между экономическим ростом и развитием электронной коммерции, используя показатели ВРП на душу населения как показатель экономического роста [17, с. 153–155]. Панельный анализ и регрессионные модели применяются для изучения влияния электронной торговли на занятость и экономический рост в странах Европейского союза и России [15, с. 692–693; 18, с. 3158–3179]. На первом этапе исследования мы определили переменные. Цель исследования позволила нам определить в качестве зависимой переменной число самозанятых в регионе. Прокси-показателем развития маркетплейсов, опираясь на опыт аналогичных исследований, выбрана доля населения, использующей интернет для заказа товаров. В качестве прокси-показателя экономического развития региона использован ВРП на душу населения. Остальные переменные связаны с другими аспектами развития цифровизации в регионах. Одной из объясняющих переменных будет выступать показатель использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в домашних хозяйствах по субъектам Российской Федерации (%). Данный показатель выбран как базовый индикатор процессов цифровизации среди населения. Было отобрано на начальном этапе 12 показателей. В качестве объясняемой переменной был взят показатель y_1 – число самозанятых в регионе. Данный показатель, а также показатель ВРП на душу населения были прологарифмированы с помощью десятичного логарифма для приведения к общей размерности, поскольку данные показатели представлены не в относительных, а в натуральных величинах.

Вторым этапом стало построение матриц автокорреляции. Остальные показатели цифровизации населения выбраны с использованием построения матрицы автокорреляции для избегания мультиколлинеарности. Взяты те показатели, которые показали сильную связь (более 0,6) с объясняемой переменной и не показали такой связи между собой.

Третьим этапом стало построение регрессионных моделей с фиксированными и случайными эффектами. В ходе исследования было проведено тестирование модели на *F*-статистику, учтен коэффициент детерминации модели, проведена проверка моделей на *t*-статистику Стьюдента, на основании данных исследований отобраны лучшие модели и отброшены переменные, которые не соответствуют 1 % доверительному интервалу. Для анализа использован ряд панельных данных за период 2020–2023 гг. по 83 регионам РФ [12]. Массив данных позволил построить модель с 6 переменными. В таблице 1 обозначены переменные, вошедшие в итоговую модель, в качестве информационной базы использованы данные выборочного Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий Росстата.

Таблица 1

Обозначения переменных, используемые в модели

Обозначение	Показатель
y_1	число самозанятых в регионе, чел.
x_1	доля населения в возрасте 15–74 лет, использовавшего интернет для заказа товаров (услуг), (в процентах от общей численности населения в возрасте 15–74 лет, использовавшего интернет в течение последних 12 месяцев, соответствующего субъекта Российской Федерации), %
x_2	доля использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в домашних хозяйствах от общего числа населения, %
x_3	доля населения в возрасте 15–72 лет, имеющего электронную подпись, зарегистрированного на Едином и (или) региональном портале госуслуг, по субъектам Российской Федерации (в процентах от общей численности населения в возрасте 15–72 соответствующего субъекта РФ), %
x_4	ВРП на душу населения, руб.

Источник: составлено авторами.

Четвертым этапом стал выбор моделей. Были построены модели с фиксированными и случайными эффектами и выбрана модель с фиксированными эффектами, на основании анализа *p*-значений моделей. Таким образом использован панельный эконометрический метод с фиксированными эффектами, оценённый методом наименьших квадратов с робастными стандартными ошибками, кластеризованными по регионам. Из итоговой модели был исключен показатель x_3 после проверки уровня статистической значимости коэффициентов. Получено уравнение регрессии:

$$\ln y_1 = -20{,}9 + 0{,}024x_1 + 0{,}078x_2 + 1{,}73 \ln x_4 \quad (1)$$

Пятым этапом стало интерпретация полученных результатов. Так, 1 %-ный рост доли людей, осуществляющих покупки через интернет, ведет к росту самозанятости в регионе на 2,4 %, тогда как использование ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) на 7,8 %. Рост ВРП на 1 % ведет к росту доли самозанятых на 1,73 %. Использование электронной подписи для данной модели

оказалось менее значимым показателем и было исключено из модели. Все объясняющие переменные показали высокий уровень значимости на 1 % интервале, все $|t| > 2$. R^2 данной модели составил 0,74, что также позволяет говорить о высоком качестве модели. Модели прошли проверку по критериям Шварца, критериям Акикае, Хеннана-Куинна и Дарбина-Уотсона. Несмотря на короткую длину временных рядов, модель демонстрирует удовлетворительное качество аппроксимации, о чём свидетельствует умеренное значение стандартной ошибки регрессии (0,54) при высоком уровне объяснённой вариации. Расчеты выполнены с помощью *Gretl*.

Таким образом, развитие маркетплейсов открывает возможности для социально-экономического развития регионов. При этом расчетами доказано влияние развития маркетплейсов на самозанятость. Однако максимизация эффекта социально-экономического развития требует поддержки цифровой трансформации региона и населения, развития транспортной и логистической инфраструктур, правовой адаптации и сглаживания территориальных диспропорций. Развитие маркетплейсов предоставляет конечному потребителю более широкие возможности выбора, увеличивая выигрыш потребителя на конкурентном рынке.

Литература:

1. Табышова А.К. Маркетплейс (онлайн платформа электронной коммерции) как эффективная бизнес-модель торговли в условиях пандемии // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2020. № 5. С. 113–117.
2. Бухтиярова Т.И., Лысенко Ю.В., Лысенко М.В., Демьянов Д.Г. Площадка маркетплейс как инновационная бизнес-технология // Педагогическая наука и практика. 2021. № 2(32). С. 102–105.
3. Сальникова А.В., Кудимова Ю.А. Контрафакт в маркетплейс на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы // Вестник университета. 2021. № 2. С. 117–123. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-117-123.
4. Ускорение потребления: как маркетплейсы изменяют торговлю. URL: https://www.rbc.ru/industries/news/655c575c9a7947769b75727d?utm_source/(дата обращения: 19.02.2025)
5. Спрос на курьеров в России за два года вырос почти в два раза. URL: https://retailer.ru/spros-na-kurerov-v-rossii-za-dva-goda-vyros-pochti-v-dva-raza/?utm_source /(дата обращения: 19.02.2025)
6. Платформа поставки данных ФНС. Самозанятые. URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment(дата обращения: 28.01.2025)
7. Мусаев А.К. Маркетплейсы как бизнес-модель: эволюция и тенденции развития в цифровой экономике // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 76–79. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-76-79.
8. Маркетинговое исследование Рынок розничного онлайн-импорта в Россию 2025. URL: https://datainsight.ru/DI_b2c_online-import_2025 (дата обращения: 13.10.25)
9. На Ozon появилась витрина товаров «Сделано в Орловской области». Retail.ru. URL: https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/na-ozon-poyavilas-vitrina-tovarov-sdelano-v-orlovskoy-oblasti/https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/na-ozon-poyavilas-vitrina-tovarov-sdelano-v-orlovskoy-oblasti/(дата обращения: 28.11.2024)
10. Присоединиться к программе «Сделано в России». URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-opportunities/prisoedinitsya-k-programme-sdelano-v-rossii/ (дата обращения: 28.11.2024)
11. Селлеры на маркетплейсах: факторы, ограничивающие работу на площадках, и страхование рисков. URL: https://datainsight.ru/DI_SellersMP_Zunami_2024?utm_source=di&utm_medium=ppt&utm_campaign=bigecom25 (дата обращения: 13.10.25)
12. Выборочное Федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt23/index.html (дата обращения: 7.10.2025).
13. Карасик Е.А., Мусаев Р.К., Мусаев А.К. Развитие маркетплейсов как результат цифровой трансформации сферы торговли // Экономические науки. 2024. № 241. С. 221–224. DOI: 10.14451/1.241.221
14. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СПС Гарант.
15. Andreev O., Cong Phan The, Gura D., Bozhko L. The relationship between online retailing and the regional economy // Journal of Industrial and Business Economics. 2022. № 49. P. 691–711. https://doi.org/10.1007/s40812-022-00231-3.

16. Tan Q. The Impact of E-commerce Development on Regional Economy, Household Income, and Population Mobility: An Empirical Study Based on Zhejiang Province from 2000 to 2021 // Advances in Economics, Management and Political Sciences. 2024. № 126. P. 15–24.
17. Arisantia R., Utamib E.R., Muslimc A., Hayatid M. The relationship between economic growth and e-commerce at the beginning of Covid-19 pandemic in east Java // Decision Science Letters. 2023. № 12. P. 149–162.
18. Gherghina Ş.C.; Botezatu M.A.; Simionescu L.N. Exploring the Impact of Electronic Commerce on Employment Rate: Panel Data Evidence from European Union Countries // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. 2021. № 16. P. 3157–3183. https://doi.org/10.3390/jtaer16070172

The Impact of Marketplace Development in the Region on the Number of Self-Employed

Elshin L.A., Musaev A.K.
University of Management TISBI (Kazan)

The relevance of this study is driven by the rapid development of marketplaces in Russia, which accounted for 81 % of the e-commerce market in 2024. The significant growth of online shopping (approximately 70 % of the population) and its impact on the labor market, particularly on the self-employment segment, requires detailed study.

The aim of the study is to identify and empirically prove the relationship between the development of marketplaces and the growth of the self-employed in Russian regions.

The scientific significance of the study lies in the development of a methodology for quantitatively assessing the impact of e-commerce on the labor market. This study expands our understanding of the transformation of regional labor markets in the context of economic digitalization.

The practical significance lies in the potential use of the results by government agencies in developing regional development strategies, regulating the trade sector, and formulating self-employment support measures.

The main findings of the study include: a 1 % increase in the share of online shoppers leads to a 2.4 % increase in self-employment in the region; The impact of economic growth was identified: a 1 % increase in GRP contributes to a 1.73 % increase in self-employment; the significant impact of digitalization on self-employment development was demonstrated.

The study demonstrated the need for a comprehensive approach to marketplace development, including support for the digital transformation of regions, the development of logistics infrastructure, and the elimination of territorial disparities.

Keywords: marketplace, region, self-employment, online commerce, employment structure, trade

УДК 338.45:330.34(621.31)
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-44-47

Методика формирования стратегии инновационного развития электроэнергетики

Жильцов Сергей Алексеевич
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления инновациями
МИРЭА – Российский технологический университет (Москва)

Актуальность исследования связана с необходимостью преодоления проблем в электроэнергетике (далее – ЭЭ), таких как износ оборудования, недостаточное внедрение и финансирование инноваций, низкая квалификация кадров, что требует перспективного обновления отрасли. Выявлена недостаточная гармонизация приоритетов и показателей в стратегиях инновационного развития ЭЭ государственного, отраслевого и корпоративного уровня. Цель – предложить методику формирования стратегии инновационного развития ЭЭ. Задачи: выявить перспективы и индикаторы инновационного развития ЭЭ в стратегических документах различного уровня и научных изысканиях; разработать итеративно-интегративную методику перспективного развития ЭЭ. Методика включает порядок разработки стратегий для государственного, отраслевого, корпоративного уровня, их взаимное увязывание через итерационные взаимодействия организаций в составе интеграторов (кластеров, технологических платформ, сетевых объединений). Разработанная методика, гармонизирующая стратегии инновационного развития ЭЭ различного уровня, обладает научной новизной и развивает методы определения направлений инновационной деятельности. Практическая значимость состоит в применимости разработки в деятельности государственных органов, образовательных, научно-исследовательских и др. организаций, а также потребителей инноваций, вовлекаемых в разработку стратегии инновационного развития ЭЭ.

Ключевые слова: *инновационное развитие, электроэнергетика, методика формирования стратегии, государство, отрасль, корпорация*

Для цитирования: *Жильцов С.А. Методика формирования стратегии инновационного развития электроэнергетики // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 44–47. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-44-47.*

Электроэнергетика (далее – ЭЭ), обеспечивающая передачу по электросетям мощности до конечных потребителей – домохозяйств, объектов промышленности и сферы услуг, является важным источником экономических преобразований, но одновременно требует планомерной модернизации. Необходимость инновационного развития обусловлена рядом негативных тенденций в ЭЭ, в частности: повышающимся уровнем износа оборудования с медленным его обновлением и импортозамещением; потерями и авариями в сетях; сложностями охвата электроэнергией удаленных территорий; низкими объемами НИОКР вследствие недостаточного уровня финансирования и квалификации кадров [1].

Стратегия инновационного развития РФ до 2020 г. сменилась в 2023 г. Концепцией технологического развития до 2030 г., где в качестве приоритетов обозначены: необходимость технологического суверенитета в части сквозных и критических технологий; экономический рост через инновацион-

но-ориентированную деятельность; устойчивость деятельности производственных систем. В системе показателей достижения таких приоритетов выделены: повышение внутренних затрат на НИОКР, на инновационную деятельность, а также внешних частных инвестиций в высокотехнологичные компании; рост числа и доли инновационных товаров в общем объеме производства, доли заявок на интеллектуальную собственность, уровня инновационной активности; сокращение коэффициента технологической зависимости и т. д. В части ЭЭ указаны только необходимые для внедрения сквозные технологии интеллектуальных систем транспортировки, накопления, распределения энергии [2].

Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 г. отражает важность развития возобновляемой энергетики, микрогенерации, повышения эффективности функционирования центральных электросетей, цифровизации и автоматизации отрасли ЭЭ, развития конкурентных моделей обеспечения электроэнергией с усилением роли потребителей в них. В качестве контролируемых показателей выделены: индексы продолжительности и частоты отключений; экономически обоснованные затраты и потери в электросетях [3]. Исходя из документов инновационного и стратегического развития, можно отметить их слабую взаимосвязь в части приоритетных направлений и контролируемых показателей в ЭЭ, что обуславливает актуальность формирования стратегии инновационного развития электроэнергетики.

В ранних исследованиях [1; 4] выделена иерархия подходов к инновационному развитию ЭЭ: стратегический подход – реализуется на уровне государственного регулирования и планирования модернизации отрасли с формированием системы контролируемых показателей, определение источников инвестиций (государственных, частных организаций отрасли и венчурных [5]) и их объемов в долгосрочной перспективе; продуктовый и процессный подходы – применяются на уровне предприятий ЭЭ. Направлена на обновление продукта (источников электроэнергии, систем ее преобразования, накопления, хранения, распределения) и внедрение новых технико-технологических решений в отрасли [6].

Также существует подход к инновационному развитию, основанный на критериях эффективности новшеств в социально-экономическом и экологическом плане, такие как повышение занятости и квалификации кадров в ЭЭ, увеличение налоговых отчислений и поступлений в различные фонды, сокращение потребления невозобновляемых ресурсов и снижение выбросов от функционирования предприятий ЭЭ. Рассмотренные подходы не противоречат друг другу и преимущественно используются в комплексе для детализации долгосрочных мероприятий.

В стратегическом плане инновационное развитие ЭЭ связано с двумя основными направлениями: модернизация, повышение эффективности и сокращение потерь в традиционном секторе ЭЭ; расширение сектора возобновляемой энергетики, использующего самовосстанавливающиеся ресурсы для минимизации вредных выбросов, обосенно в транспортном сегменте, а также для обеспечения электроэнергией удаленных территорий и стимулирования их экономического роста [7].

Наиболее подробное аналитическое исследование официальных стратегических документов инновационного развития ЭЭ произведено М.В. Рыбиным с соавторами, где подчеркивается важность научно-технологических преобразований в отрасли, приращения добавленной стоимости и внедрения инноваций, ценных для потребителя и общества. Авторы отмечают детализацию некоторых показателей на государственном уровне в корпоративных стратегиях, включая: долю затрат на НИОКР в выручке; частоту аварий; уровень выбросов углекислого газа; количество патентов (разработанных и используемых); производительность труда. Авторами выявлена низкая синхронизация показателей между государственным, отраслевым и корпоративным уровнем и указана необходимость разработки способа их взаимного увязывания [8].

В исследованиях методологического характера представлены отдельные методики по выбору корпоративных инновационных стратегий в ЭЭ. Например, через: определение долгосрочных приоритетных инновационных направлений; установление критериев их выбора; экспертную оценку инновационности, проработанности, надежности, эффективности и затрат на каждое направление; выбор направлений на основе интегральной оценки выраженности и важности (веса) каждого критерия [9]. Однако в этих методиках отсутствует учет государственных и отраслевых приоритетов и особенностей развития отрасли ЭЭ.

Л.Н. Семеркова с соавтором отмечает, что методика формирования стратегии инновационного развития ЭЭ должна учитывать изменения в структуре связей в рамках отрасли, вследствие смены системы вертикальных связей, характерных для плановой экономики, на горизонтальные взаимодействия при создании ценности с распределенными активами между участниками отрасли. Такие бизнес-структуры предполагают усиление инноваций не только в продукте, но и в высокотехнологичном сервисе, взаимоотношениях с потребителями, наукоемких услугах в ЭЭ [10].

В этой связи особую значимость для разработки стратегии инновационного развития электроэнергетики приобретает формирование объединений участников создания стоимости, которые могут быть представлены интеграторами различных ти-

пов: кластерами, технологическими платформами и сетевыми объединениями. В состав интеграторов, помимо компаний, непосредственно участвующих в модернизации производства, накоплении и распределении электроэнергии, а также в процессах цифровизации и автоматизации, целесообразно включать широкий круг участников процесса разработки и выпуска инновационной продукции и услуг. К ним относятся вузы, научные организации, консалтинговые и исследовательские компании, инжиниринговые и сервисные предприятия, конечные потребители инноваций, а также представители государственных органов.

Соответственно, в условиях тенденций децентрализации взаимодействий между участниками создания стоимости в ЭЭ простые линейные методики разработки инноваций, основанные на фундаментальных и прикладных исследованиях и включающие последовательные этапы разработки, тестирования, контроля маркетинга и диффузии инноваций, не применимы, так как не учитывают интересы всех участников создания стоимости продукта или услуги в ЭЭ. Рыночные методики долгосрочного планирования инноваций в ЭЭ, опирающиеся на спрос к улучшениям и модернизацию в отрасли с последующим проведением прикладных исследований, также недостаточно эффективны, поскольку исходят из требований рынка и не позволяют своевременно внедрять радикальные инновации, основанные на фундаментальных изысканиях [11].

В связи с выявленными выше особенностями ЭЭ наиболее целесообразно применять интегративно-итеративную методику разработки стратегии инновационного развития ЭЭ, представленную на рисунке 1.

Методика включает учет мировых тенденций, перспективных разработок и требований рынка к продукции и услугам ЭЭ, а также согласование приоритетов, показателей, их значений и объемов финансирования по контуру обратной связи с интеграторами отрасли, что обуславливает интегративный характер модели. Кроме того, модель предполагает гармонизацию концепции технологического развития РФ, энергетической стратегии в части инновационного развития ЭЭ и корпоративных инновационных стратегий участников рынка. Это достигается через итеративный характер модели и наличие контуров обратной связи при формировании стратегий государственного, корпоративного и отраслевого уровня.

Предлагаемые в методике показатели не противоречат и дополняют индикаторы действующих долгосрочных программ инновационного развития корпоративного уровня. Например, в ПАО «Россети-Сибирь» на 2024–2029 гг. установлены показатели эффективности и их значения, в частности по производительности труда, издержкам вследствие внедрения инноваций, доли затрат на НИОКР в объеме выручки, доли затрат на НИОКР с участием научных и/или образовательных организаций и др. [12].

Разработана интегративно-итеративная методика формирования стратегии инновационного развития ЭЭ, которая не противоречит, но дополняет и гармонизирует современные документы государственного, отраслевого и корпоративного уровня по контурам обратной связи в несколько итераций. Это позволяет учитывать мнения заинтересованных лиц в составе специальных объединений-интеграторов, влияющих на формирование приоритетов и показателей долгосрочного инновационного развития.

Данная методика позволяет обеспечить системность и адаптивность стратегического планирования за счет последовательного вовлечения ключевых стейкхолдеров на каждом этапе итерации. Благодаря интеграции обратных связей и механизмов согласования интересов в рамках объединений-интеграторов удается не только выявить и минимизировать потенциальные противоречия между государственными, отраслевыми и корпоративными целями, но и сформировать единое видение приоритетов инновационного развития. Это, в свою

Рис. 1. Интегративно-итеративная методика разработки стратегии инновационного развития электроэнергетики

Источник: разработано автором.

очередь, способствует повышению эффективности реализации стратегии, ускорению внедрения инноваций и достижению устойчивого роста энергетического сектора в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Самаруха А.В., Карнаухова С.С. Методология стратегического инновационного развития электроэнергетики Восточной Сибири // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33. № 2. С. 300–311. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(2).300-311.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р «Концепция технологического развития до 2030 г.» // СПС Гарант.
3. Распоряжениее Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 № 1523-р «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г.» // СПС Гарант.
4. Ховалова Т.В. Инновации в электроэнергетике: виды, классификация и эффекты внедрения // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2019. № 4. С. 304–315. DOI: 10.17747/2078-8886-2019-4-304-315.
5. Ховалова Т.В. Инструменты стимулирования внедрения инноваций в электроэнергетике // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2022. Т. 10. С. 274–283.
6. Иваненко О.Б., Головкина Е.В. Цифровая трансформация российской электроэнергетики: перспективы и ограничения // Экономика, предпринимательство и право. 2023. № 3. С. 12–25.
7. Международное энергетическое агентство (МЭА). Возобновляемые источники энергии 2023: доклад о мировых трендах и прогнозах развития ВИЭ. Париж, 2024. URL: https://eepir.ru/new/vozobnovlyaemye-istochniki-energii-2023/ (дата обращения: 02.11.2025).
8. Рыбин М.В., Лобов Д.С., Сидяков Д.Ю., Шишонкова Ю.А. Анализ хода реализации стратегических документов в области инновационного развития энергетики в Российской Федерации на государственном, отраслевом и корпоративном уровнях // Контроллинг. 2023. № 88. С. 52–61.
9. Колчина З.В., Уразова Н.Г. Выбор инновационной стратегии развития энергетической компании (на примере ОАО «Иркутскэнерго») // Инновации. 2013. № 3 (173). С. 110–115.
10. Семеркова Л.Н., Остроухова Н.Г. Исследование бизнес-моделей предприятий топливно-энергетического комплекса России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 2 (42). С. 184–198.
11. Рудченко В.Н., Рудченко Н.Н. Инновационные аспекты развития предприятий энергетического комплекса. Монография. СПб.: РГГМУ, 2013. 186 с.
12. Программа инновационного развития ПАО «Россети Сибирь» на 2024–2029 гг. с перспективой до 2035 г. Красноярск, 2024. 78 с.

Methodology for the Formation of a Strategy for Innovative Development of Electric Power Industry

Zhiltsov S.A.
MIREA - Russian Technological University (Moscow)

The relevance of the study is associated with the need to overcome problems in the electric power industry (EPI) in the form of equipment depreciation, insufficient implementation and financing of innovations, low qualification of personnel, which requires long-term renewal of the industry. Insufficient harmonization of priorities and indicators in the strategies for innovative development of EPI at the state, industry, and corporate levels has been revealed. The goal is to propose a methodology for forming a strategy for innovative development of EPI; objectives: to identify prospects and indicators for innovative development of EPI in strategic documents of various levels and scientific research, to develop an iterative-integrative methodology for long-term development of EPI. The methodology includes the procedure for developing strategies for the state, industry, and corporate levels, their mutual coordination through iterative interactions of organizations as part of integrators (clusters, technology platforms, network associations). The developed methodology, which harmonizes the strategies for innovative development of EPI at various levels, has scientific novelty and develops methods for determining the directions of innovation activities. The practical significance lies in the applicability of the development in the activities of government agencies, educational, research and other organizations, as well as consumers of innovations involved in the development of a strategy for the innovative development of EPI.

Key words: innovative development, electric power industry, strategy formation methodology, state, industry, corporation

УДК 339.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-48-52

Цифровые валюты центральных банков: сравнительный анализ моделей Китая и Европейского союза

Кашбразиев Ринас Васимович
Доктор экономических наук,
профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Протосеня Александр Дмитриевич
Аспирант факультета международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

В статье исследуются альтернативные стратегии внедрения цифровых валют центральных банков (CBDC) на примере проектов цифрового юаня (e-CNY) и цифрового евро (digital euro). Актуальность работы обусловлена нарастающей трансформацией глобальной финансовой архитектуры и конкуренцией моделей цифровых платежей. Целью исследования является сопоставление архитектурных и институциональных решений в проектах КНР и ЕС для определения их влияния на перспективы международной интеграции. В отличие от стандартных описательных подходов, данная работа анализирует институциональную логику моделей «приоритета контроля» и «приоритета координации», выявляя структурные противоречия между скоростью внедрения, защитой прав пользователей и потенциалом международного влияния. Научная новизна заключается в анализе проектов на конец 2025 г. через призму рисков фрагментации мировой платежной системы. В результате выделены принципиальные различия проектов в механизмах обеспечения приватности и доступа к трансграничным операциям.

Ключевые слова: *цифровые валюты центральных банков, CBDC, цифровой юань, цифровой евро, финансовый суверенитет, mBridge, платежные системы*

Для цитирования: *Кашбразиев Р.В., Протосеня А.Д. Цифровые валюты центральных банков: сравнительный анализ моделей Китая и Европейского союза // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 48–52. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-48-52.*

Цифровые валюты центральных банков (*CBDC*) становятся реальностью мировой финансовой системы, при этом подходы к их внедрению радикально различаются: от ускоренного массового развертывания под жёстким государственным контролем до длительной подготовки с акцентом на многостороннее управление. По данным *Atlantic Council,* к середине 2025 г. порядка 134 стран изучали возможность запуска *CBDC* [1]. С учетом того, что траектория развития технологии обращения цифровых валют определяется не только техническими возможностями, но и фундаментальной институцио-

нальной логикой, основной целью данной статьи является определение влияния модели управления и архитектуры *CBDC* на потенциал ее интеграции в глобальную валютно-финансовую систему. В зависимости от выбранной модели национальная цифровая валюта будет интегрирована либо в мировую платежную систему, либо в относительно закрытую систему региональных платёжных блоков. Анализ проведем по следующим основным параметрам: архитектура, модель управления (распределение долей контроля), мотивы внедрения, принципы обеспечения приватности и трансграничный аспект.

Китайский проект цифрового юаня (*e-CNY*) базируется на гибридной технологической архитектуре, которую эксперты МВФ характеризуют как «централизованный распределённый реестр» (*Centralized DLT*). В основе системы лежит двухуровневая операционная модель, где Народный банк Китая (НБК) контролирует ядро системы, использующее элементы блокчейна для обеспечения неизменности данных, но сохраняющее высокую пропускную способность за счёт централизованного подтверждения транзакций [2]. К ноябрю 2025 г. объём операций в системе достиг 16,7 трлн юаней [3]. Такая архитектура позволяет НБК эффективно управлять денежной массой в реальном времени, фактически оставляя коммерческие банки лишь посредниками при обслуживании клиентов, без влияния на выпуск валюты. Централизованный контроль является ответом на доминирование частных платформ (*Alipay, WeChat Pay*) и нацелен на восстановление государственного контроля над розничными платежами.

Институциональным аспектом китайской модели является концепция «контролируемой анонимности», при которой техническая реализация конфиденциальности носит иерархический характер: данные скрыты от коммерческих контрагентов, но полностью доступны регулятору для анализа подозрительных операций. На международном уровне *e-CNY* развивается через проект *mBridge*, который к июню 2024 г. достиг стадии жизнеспособного продукта с минимально необходимым для такого типа проектов количеством участников (с участием 35 коммерческих банков). *MBridge* использует собственные блокчейн-протоколы для расчетов вне традиционной корреспондентской сети. При этом участие требует определённого уровня политико-экономического доверия, что создаёт условия для формирования избирательных региональных платёжных зон [4].

Проект цифрового евро, напротив, реализуется как модель «приоритета координации», опирающаяся на централизованный расчётный движок (*settlement engine*) с высокой степенью устойчивости [5]. Технология распределённого реестра (*DLT*) объединяет различные подходы к синхронизации данных между участниками сети, из которых блокчейн – лишь один из вариантов. Согласно ЕЦБ, цифровой евро не основан на *DLT*, однако заимствует из неё принципы криптографической верификации и целостности записей [6].

Решение ЕЦБ от октября 2025 г. о переходе к фазе технической реализации подтверждает фокус на защите приватности по принципу «встроенной защиты данных» (*privacy by design*). В отличие от иерархического подхода КНР, легитимность цифрового евро обеспечивается через сложный процесс согласования 20 национальных регуляторов и соответствие общеевропейскому регламенту *GDPR* (Общий регламент по защите данных). Техническая архитектура евро нацелена на совместимость с различными частными кошельками, что стимулирует конкуренцию между банками, а не их превращение в пассивных агентов. По данным исследований МВФ 2024 г., такой подход минимизирует риски монополизации данных центральным банком [2].

Оборотной стороной внедрения *CBDC* является риск потенциального оттока ликвидности из коммерческих банков. Для обеспечения финансовой стабильности КНР устанавливает административные лимиты на остатки в кошельках и делает *e-CNY* беспроцентным, позиционируя его как цифровой аналог наличных денег (агрегат М0) [4]. Это подчёркивает, что *e-CNY* не инструмент сбережения, а средство платежа. Крупные суммы не могут уходить из банковской системы, что сохраняет контроль над денежной массой и работу коммерческих банков. В Евросоюзе ключевым инструментом защиты банковской системы от оттока ликвидности является количественный лимит владения цифровым евро. Он предотвращает превращение *CBDC* в инструмент накопления и защищает кредитный потенциал банков. Согласно проекту ЕЦБ, каждому физическому лицу разрешено иметь только один счёт с лимитом 3000–4000 евро на одного индивидуального пользователя [7]. Для торговых предприятий и государственных органов предусмотрен нулевой лимит. Они могут принимать и осуществлять платежи, но не хранить средства. При превышении лимита излишек автоматически переводится на привязанный банковский счёт (механизм «водопада»).

Существенные различия наблюдаются и в области функциональности. КНР активно внедряет программируемость на уровне так называемых «смарт-денег»: смарт-контракты позволяют выдавать субсидии с жестко заданными условиями использования (например, только на приобретение определенных товаров в заданный срок) [2]. Это расширяет возможности социальной политики, но создаёт риски фрагментации платёжного пространства. ЕЦБ, напротив, исключает создание «ваучерных денег», ограничивая программируемость уровнем «автоматизированных платежей», инициируемых пользователем для регулярных транзакций,

что сохраняет статус евро как безусловного платёжного средства [2; 5].

Техническая реализация доступности *CBDC* для различных групп пользователей отражает системные приоритеты. В Китае обсуждалась возможность внедрения аппаратных кошельков для офлайн-платежей – карт с экранами и биометрией, чтобы облегчить доступ к цифровой валюте для пожилых людей и жителей сельских регионов [8]. Массовое внедрение таких устройств пока не произошло, и *e-CNY* в основном используется через цифровые кошельки на смартфонах. В ЕС разрабатывается офлайн-режим по принципу «устройство – устройство» (*device-to-device*), обеспечивающему уровень приватности, сопоставимый с наличными: данные о транзакции недоступны даже регулятору в момент совершения платежа [9]. Это требует использования защищённых элементов в смартфонах и подчёркивает приоритет прав пользователей над тотальным контролем.

Сопоставление технологических и институциональных характеристик моделей национальных цифровых валют представлено в таблице 1.

Сравнительный анализ представленных в таблице 1 моделей показывает, что обе успешно реализуют базовую концепцию *CBDC* – создание цифрового платёжного средства под эмиссионным контролем центрального банка, но выявляет фундаментальное противоречие между скоростью внедрения, степенью централизации контроля и потенциалом международной интеграции.

Китайская модель демонстрирует преимущество в скорости внедрения благодаря централизованной модели управления. Пилотное внедрение *e-CNY* началось в апреле 2020 г. в четырёх городах. К ноябрю 2025 г. было открыто 230 млн персональных кошельков и примерно 18,8 млн корпоративных [3], что свидетельствует о быстром масштабировании системы. Однако централизация китайской модели создаёт концентрацию системных рисков и высокий уровень недоверия у внешних акторов, обусловленный полной подотчётностью платежей государству. Для сравнения, проект цифрового евро прошёл фазу подготовки (ноябрь 2023 г. – октябрь 2025 г.), а потенциальный запуск запланирован на 2029 г. [5], то есть полный цикл от концепции до внедрения составляет примерно девять лет.

Европейская модель жертвует темпами внедрения ради обеспечения широкой доступности инструмента, защиты прав пользователей и встроенной защиты персональных данных (*privacy by design*). Это делает европейский проект потенциально более приемлемым в качестве основы для будущих международных стандартов *CBDC*. Однако количественный лимит владения (3000 евро на пользователя) существенно ограничивает функциональность цифрового евро как средства накопления, что может снизить его привлекательность для пользователей, ориентированных на крупные накопления или единовременные платежи.

Таким образом, выбор модели *CBDC* представляет собой сложный компромисс между конкурирующими приоритетами. Как справедливо подчёркивают А.И. Гали и А.И. Абдуллин, текущий выбор модели CBDC предопределяет траекторию развития глобальных финансов на десятилетия вперёд [4; 12].

Активное развитие национальных проектов *CBDC* ставит перед мировым сообществом вопрос о необходимости выработки единых технологических и правовых стандартов. В настоящее время КНР и ЕС фактически тестируют альтернативные траектории интеграции в мировую систему. Если модель *e-CNY*, опирающаяся на платформу *mBridge*, во многом тяготеет к созданию региональных расчётных блоков с избирательным доступом, то цифровой евро проектируется с акцентом на международную совместимость и соблюдение жёстких принципов приватности.

Такое расхождение создаёт реальные риски фрагментации глобального платёжного пространства. В условиях отсутствия единых протоколов трансграничные транзакции могут попасть в зависимость от сложных политико-экономических договорённостей между отдельными юрисдикциями, что снизит эффективность внедрения цифровых валют. Стандартизация форматов данных и процедур комплаенса позволила бы смягчить риски дублирования инфраструктуры. Эксперты МВФ и Банка международных расчётов (БМР / *BIS*) ука-

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей CBDC Китая и Евросоюза

Параметр сравнения	Модель *e-CNY* (КНР)	Модель цифрового евро (ЕС)
Технологическая база	Гибридная (*Centralized DLT*)	Централизованная
Контроль данных	Централизованный доступ регулятора	Встроенная защита приватности (*GDPR*)
Программируемость	Смарт-деньги (целевое использование)	Автоматизация платежей (без условий)
Защита банковской ликвидности	Беспроцентность, лимиты остатков	Количественный лимит владения (3000€ – 4000€)
Офлайн – платежи	Аппаратные кошельки (пилот)	*Device-to-device* (высокая приватность)
Интернационализация	Региональные блоки (mBridge)	Интеграция через международные стандарты (*PFMI, ISO* 20022)
Роль посредников	Оператор интерфейса (пассивный)	Конкурирующий провайдер (активный)

Источник: составлено авторами на основе [1; 2; 4; 5; 10; 11].

зывают на важность согласования таких стандартов на ранней стадии разработки, хотя практическая реализация этой координации в условиях растущей многополярности международной финансовой системы остаётся ограниченной.

В заключение следует отметить, что сравнение моделей Китая и ЕС отражает не технический спор, а столкновение институциональных подходов к внедрению и развитию *CBDC*. Если значительная часть стран изберёт траекторию доминирующего контроля над транзакциями, глобальная платёжная система сохраняет риски фрагментации на изолированные сегменты. Если же возобладает логика технологической совместимости и защиты персональных данных, появится шанс на формирование открытого глобального финансового пространства. *CBDC* является мощнейшим инструментом монетарного суверенитета, но его цена в закрытой модели – потенциальная изоляция, а в открытой – необходимость длительной и сложной многосторонней координации.

Литература:

1. Central Bank Digital Currency Tracker // Atlantic Council. 2025. URL: https://www.atlanticcouncil.org (дата обращения: 29.01.2026).
2. Central Bank Digital Currency: Progress and Further Considerations // IMF Working Paper. 2024. URL: https://www.imf.org (дата обращения: 29.01.2026).
3. Digital Yuan Stocks Surge as China Approves Interest-Bearing Wallets for 2026 // MEXC News. 2025. December 30. URL: https://www.mexc.co/en-GB/news/377602 (дата обращения: 07.02.2026).
4. Абдуллин А.И. Цифровой рубль: сущность, нормативные основы, влияние на российскую экономику // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 7–12.
5. Digital euro: preparation phase and key design principles // European Central Bank. 2025. URL: https://www.ecb.europa.eu (дата обращения: 29.01.2026).
6. Digital euro: Frequently Asked Questions // European Central Bank. 2025. URL: https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/faqs/html/ecb.faq_digital_euro.en.html (дата обращения: 06.02.2026).
7. Demertzis M., Martins C. Progress with the digital euro // Intereconomics. 2023. Vol. 58. № 4. P. 195–200. URL: https://www.intereconomics.eu/contents/year/2023/number/4/article/progress-with-the-digital-euro.html (дата обращения: 06.02.2026).
8. Mu C. Theories and practice of exploring China's e-CNY // Data, digitalization, decentialized finance and central bank digital currencies: The future of banking and money. 2023. С. 179–190.
9. Technology Solutions to Support CBDC with Limited Connectivity // IMF Fintech Note. 2025. URL: https://www.imf.org (дата обращения: 29.01.2026).
10. Синельникова-Мурылева Е.В. Цифровые валюты центральных банков: потенциальные риски и выгоды // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 147–159.
11. Panetta F. The digital euro: a new frontier for payments // European Central Bank. 2024. URL: https://www.ecb.europa.eu (дата обращения: 29.01.2026).
12. Гали А.И. Перспективы использования цифровых валют центральных банков в трансграничных расчетах стран ЕАЭС // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 104–109.
13. Evaluating the Implications of CBDC for Financial Stability // IMF Fintech Note. 2025. URL: https://www.imf.org (дата обращения: 29.01.2026).
14. Project mBridge – Connecting economies through CBDC // Bank for International Settlements. 2024. URL: https://www.bis.org (дата обращения: 29.01.2026).

Central Bank Digital Currencies: a Comparative Analysis of the Chinese and European Union Models

Kashbraziev R.V., Protosenya A.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article explores alternative strategies for implementing central bank digital currencies (CBDC) using the example of the Chinese digital yuan (e-CNY) and digital euro projects. The relevance of the work is due to the growing transformation of the global financial architecture and the competition between digital payment models. The aim of the study is a comparison of architectural and institutional solutions in the PRC and EU projects to determine their impact on the prospects for international integration. Unlike standard descriptive approaches, this work analyzes the institutional logic of «control-priority» and «coordination-priority» models, identifying structural compromises between implementation speed, user rights protection, and potential for international influence. The scientific novelty lies in the analysis of projects as of the end of 2025 through the prism of risks of fragmentation of the global payment system. As a result, fundamental differences between the projects in the mechanisms for ensuring privacy and access to cross-border transactions are identified.

Keywords: central bank digital currencies, CBDC, digital yuan, digital euro, monetary sovereignty, mBridge, payment systems

УДК 338.2 : 330.342
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-53-58

Казначейское обслуживание как инструмент повышения уровня безопасности процесса социально-экономического развития субъектов РФ

Квасников Владимир Анатольевич
Руководитель Управления Федерального казначейства
по Самарской области

Целью представленной работы является анализ текущего состояния межбюджетных отношений федерального центра и субъектов РФ, а также определение роли Казначейства России в процессах исполнения бюджетов всех уровней и обеспечения экономической безопасности регионов. Исследователь доказывает высокую эффективность казначейского исполнения бюджетов и рассматривает существующие сегодня варианты финансового взаимодействия участников бюджетного процесса, главным координатором и контролером стадии исполнения которого является Федеральное казначейство и его территориальные органы, выступающие в роли транзакционной, контрольно-учетной, аналитической и информационной системы в области финансовой деятельности публично-правовых образований. Одновременно в работе обосновывается позитивное влияние казначейского исполнения бюджета на гармонизацию интересов всех субъектов процесса и социально-экономического развития регионов, позволяющее за счет централизации бюджетной ликвидности генерировать дополнительные финансовые ресурсы и предоставлять казначейские кредиты, выступая при этом действенным инструментом управления публичными финансами.

В процессе достижения поставленной цели исследования использовались системный и доказательный подходы, а также методы ретроспективного, функционального и сравнительного анализов, синтез, дедукция и индукция.

Научная новизна исследования заключается в анализе отношений федерального центра и субъектов РФ, складывающихся при исполнении бюджетов всех уровней, и определении степени и форм воздействия органов Федерального казначейства на процессы обеспечения экономической безопасности и социально-экономического развития регионов, что позволяет дополнить научно-теоретическую базу исследований в данной области.

Практическая значимость работы выражается в выработке конкретных рекомендаций российским органам государственной власти и управления по повышению эффективности исполнения бюджетов всех уровней и совершенствованию межбюджетных отношений, а также расширению функций территориальных органов Федерального казначейства, позволяющих повысить прозрачность и результативность бюджетного процесса.

Ключевые слова: *бюджетный процесс, казначейское сопровождение, казначейский кредит, исполнение бюджета, межбюджетные отношения, публичные финансы, экономическая безопасность регионов, субъект РФ*

Для цитирования: *Квасников В.А. Казначейское обслуживание как инструмент повышения уровня безопасности процесса социально-экономического развития субъектов РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. –. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-*

Введение

Созданная после Октябрьской революции 1917 г. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР) изначально имела федеративное устройство [1], которое сохранилось как после её вхождения в состав СССР в 1922 г., так и по завершении выхода из Союза и провозглашения суверенитета в 1991 г. Ст. 1 действующей Конституции России определяет Российскую Федерацию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [2], что предопределяет не только форму административно-государственного устройства, но и структуру единой системы органов государственно-муниципальной власти и управления, функционирующую параллельно на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. При этом уровень безопасности российской национальной экономики напрямую зависит от способности государства обеспечить на всей территории страны принцип единства бюджетной системы и правового пространства, основанного на разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ, органами власти субъектов федерации и муниципальными образованиями [3]. Сегодня, когда финансовые ресурсы выступают в качестве важнейшего элемента экономической системы и уже столетия признаются «кровью государства» [4], именно эффективностью процесса управления публичными финансами в значительной мере определяется способность последнего успешно исполнять свои функции как в сфере комплексного обеспечения всех аспектов национальной безопасности, так и в части исполнения социальных обязательств перед своими гражданами, механизм реализации которых выступает регулятором социально-экономических отношений в обществе. И с учетом того, что бюджетная система России сегодня состоит из «федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации; бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов и местных бюджетов» [5], наличие столь значительного числа субъектов бюджетного процесса обуславливает необходимость его координации на всех четырех стадиях, возлагая на этапе исполнения бюджета на Казначейство России функции «предварительного, текущего и последующего контроля за ведением операций с бюджетными средствами», которые оно реализует во «взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти» [6].

Роль, функции и место Казначейства России в системе органов государственной власти и управления, обеспечивающих экономическую безопасность страны

Ключевым элементом национальной системы экономической безопасности на макроуровне является финансово-бюджетная безопасность, основу которой составляют публичные финансы [7]. В сегодняшних геоэкономических реалиях именно казначейская система является наиболее действенным и безоговорочно признанным мировым сообществом инструментом обеспечения безопасности, стабильности и прозрачности процесса управления государственными финансами [8, с. 30], позволяющим посредством унифицированного кассового исполнения бюджета осуществить оптимизацию бюджетного процесса и повысить его эффективность, что позитивно отражается на конкурентоспособности и устойчивости национальной экономики. Казначейская система исполнения бюджета оказывает прямое управляющее воздействие на реализуемую в стране социально-экономическую политику [9], возлагая на органы Федерального казначейства задачу постоянного «совершенствования системы финансового менеджмента в аспекте повышения результата бюджетного управления» [10, с. 53] посредством применения технологии казначейского исполнения бюджетов.

Институт казначейства в нашей стране имеет достаточно длительную историю, и ещё во времена Древней Руси князья и бояре для управления своими ценностями (казной) назначали специальных должностных лиц, именуемых казначеями. По мере укрепления государственности и возрастания роли бюджетного процесса в хозяйственной системе возникла необходимость в существовании особого органа управления государственными финансами, что привело к появлению в XV в. «казенных дворов», преобразованных в 1710 г. Петром I в Счетную или Казначейскую контору. Продолжая реформы финансово-бюджетной системы, Екатерина II в 1775 г. создала в каждой губернии казенные палаты и ввела должность уездных казначеев как основного финансового чиновника низшего уровня. В свою очередь, Александр I в 1802 г. создает единый орган управления финансами – Министерство финансов, полномочия которого в 1811 г. были распределены между тремя ведомствами – Министерством финансов, Государственным контролером и Государственным казначейством, причем последнее в 1821 г. вошло в структуру Минфина уже в качестве Департамента Государственного казначейства, просуществовавшего до начала XX в.

Возрождение и развитие казначейской службы современной России началось в 1992 г., с момента создания в составе Министерства финансов Российской Федерации Федерального казначейства, которое в 2005 г. было преобразовано в федеральную службу. Сегодня Казначейство РФ осуществляет свою деятельность на основании Положения «О Федеральном казначействе», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 703. В соответствии с ним Федеральное казначейство (Казначейство России) находится в ведении Министерства финансов Российской Федерации и является федеральной службой, «реализующей правоприменительные функции и осуществляющей свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы, подведомственные федеральные казенные учреждения во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, Центральным банком Российской Федерации, общественными объединениями и иными организациями» [6]. Являясь одним из ключевых субъектов процесса обеспечения финансово-бюджетной безопасности, Федеральное казначейство структурно выступает в роли транзакционной, контрольно-учетной, аналитической и информационной системы в области финансовой деятельности публично-правовых образований, решающей задачи:

– проведения кассовых операций, осуществляемых в ходе исполнения федерального бюджета;

– осуществления предварительного и текущего контроля за соблюдением бюджетного законодательства участниками бюджетного процесса;

– распределения (по законодательно установленным нормативам) доходов, поступивших в бюджетную систему, между бюджетами разных уровней;

– осуществления кассового обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов;

– своевременного и качественного составления отчетности об исполнении федерального бюджета [6].

В соответствии с действующим законодательством, Казначейство реализует следующие функции:

1) методологическое и методическое обеспечение;

2) организация исполнения федерального бюджета;

3) системы казначейских платежей;

4) казначейского обслуживания;

5) учета и распределения поступлений;

6) осуществления отдельных функций финансовых органов;

7) управления финансовыми ресурсами;

8) осуществления деятельности по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере и исполнению аналитических полномочий;

9) ведения казначейского учета и составление бюджетной, казначейской отчетности;

10) внешнего контроля деятельности аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям;

11) контроля (надзора) в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, в отношении аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям;

12) создания, развития, ведения, эксплуатации и обслуживания государственных информационных систем;

13) обеспечения деятельности Федерального казначейства;

14) производства по делам об административных правонарушениях;

15) осуществления иных функций в установленной сфере деятельности;

16) осуществления централизуемых полномочий [6].

Линейная структура казначейства состоит из трех уровней:

• федерального – главное управление Федерального казначейства (УФК);

• регионального – 89 территориальных (в каждом субъекте РФ) и 6 межрегиональных управлений в г. Москва (УФК);

• локального – подразделения на уровне муниципальных образований.

Ведение казначейской системы исполнения бюджета ведется по двум направлениям:

– открытие лицевых счетов бюджетополучателей на балансе финансового органа, который при этом будет осуществлять авторизацию платежей по счетам, а также контроль за казначейским исполнением бюджета (собственно казначейская система);

– открытие лицевых счетов бюджетополучателей в органе федерального казначейства (система кассового исполнения бюджетов через органы ФК) [11].

Казначейское исполнение бюджета как инструмент и элемент механизма обеспечения безопасности процесса социально-экономического развития регионов

Одним из ключевых инструментов регулирования всего комплекса внутригосударственных хозяйственных связей является бюджетная политика, а уровень развития национальной экономики напрямую зависит от эффективности всех стадий бюджетного процесса и результативности межбюджетных отношений. И на сегодня казначейское исполнение бюджета является постоянно эволюционирующим процессом государственного управления публичными финансами, нуждающимся в переосмыслении практики и последующем научно-методологическом

сопровождении. Необходимо признать факт того, что пока существует серьезное отставание в изучении проблем функционирования казначейской системы как на федеральном, так и особенно на региональном уровне, что не позволяет отечественному научному сообществу адекватно реагировать на запросы субъектов бюджетного процесса всех уровней.

Экономики субъектов РФ на сегодня являются основой национальной экономической системы и степень их развития в значительной мере влияет на «качество» социально-экономического потенциала страны и уровень её экономической безопасности, мотивируя государство оказывать комплексное управленческое воздействие в том числе и на финансово-бюджетные отношения внутри регионов. Существующая на сегодня в России многоуровневая бюджетная система предполагает гармонизацию интересов всех участников бюджетного процесса, гарантирующую финансовую самостоятельность регионов и муниципальных образований. Рассматривая оптимальный уровень бюджетной безопасности региона, как «состояние бюджетной системы региона, характеризующееся сбалансированностью, высоким уровнем ликвидности активов и наличием денежных, валютных и других резервов, способных обеспечить эффективное государственное управление и защиту экономических интересов региона, стабильность региональной экономики, устойчивый экономический рост, удовлетворение общественных потребностей» [12, с. 39], задача его достижения возложена в том числе и на органы Казначейства России, координирующих, санкционирующих и контролирующих деятельность всех иных участников процесса.

В соответствии с действующим законодательством субъекты РФ обладают широкими полномочиями как при принятии бюджетов, так и на стадии их исполнения. При этом предусмотрены два варианта финансового взаимодействия между регионом и федеральным центром, и субъект РФ самостоятельно выбирает между возможностью полностью передать функции по казначейскому обслуживанию и исполнению бюджетов Федеральному казначейству с открытием отдельных лицевых счетов для каждого бюджетного учреждения («полная касса») и правом самостоятельно вести финансовый учет внутри своей системы при обязательном прохождении всех денежных средств по счетам Федерального казначейства в режиме «постфактум» («неполная касса»). Причем число субъектов, избравших тот или иной вид казначейского обслуживания, приблизительно находятся в пропорции пятьдесят на пятьдесят [13].

Казначейство России сегодня представляет собой динамично развивающийся государственный орган, успешно адаптирующийся к изменениям среды функционирования. В своей деятельности оно сочетает централизованное и децентрализованное управление публичными финансами, основанное на принципах разграничения и совмещения функций между органами казначейства всех уровней и единства нормативной базы. И за последние годы система казначейского сопровождения трансформировалась от разрозненных сервисов до единого многопрофильного цифрового организма. УФК на местах реализуют свои полномочия и занимаются вопросами оперативного планирования и прогнозированием расходов, управлением консолидированных на казначейских счетах бюджетных средств и операциями со временно находящимися в распоряжении регионов средствами, кассовым обслуживанием расходов и доходов, фиксацией поступлений в бюджет, ведением бухгалтерского учета и составлением отчетности об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов, а также контролем за использованием средств бюджетов всех уровней, а созданный централизованный механизм мониторинга и диагностики рисков национальной финансово-бюджетной системы направлен в том числе на защиту экономических интересов регионов.

Обеспечение экономической безопасности субъектов РФ предполагает координацию деятельности всех ветвей власти и органов Казначейства, консолидацию финансовых и информационных потоков, а также их защиту за счет использования казначейских технологий, включая внедрение электронного документооборота и использование системы электронных платежей. В условиях неравенства нормативов бюджетной обеспеченности субъектов РФ установившаяся практика консолидации всей без исключения бюджетной ликвидности на едином казначейском счете и прохождения через него всех финансовых потоков, в совокупности с возможностями предварительного, текущего и последующего контроля за расходованием средств, создает предпосылки для эффективного управления и целевого использования бюджетных средств всеми участниками процесса. И для субъектов РФ расходы которых в 2025 г. составили 24,1 трлн руб. [14] повышение эффективности казначейского обслуживания создает дополнительный финансовый источник для ускорения экономического развития регионов. Механизм оперативного перераспределения Казначейством внутри бюджетной системы временно высвобожденных средств и размещение их на депозитах и в иных финансовых инструментах, дополнительно принес региональным бюджетам только в истекшем году 328 млрд руб. [15]. Кроме того, в 2025 г. 38 субъектов РФ воспользовались казначейскими кредитами, направив полученные средства на реализацию собственных программ развития. При этом постоянно повышается качество совместного макроэкономического прогнозирования и бюджетного планирования территориальных органов ФК и ре-

гиональных властей, о чем свидетельствует уменьшение количества вносимых изменений в законы о бюджетах регионов. В то же время эффективное бюджетное сопровождение договоров, контрактов и соглашений [16] позволяет адаптировать ресурсный потенциал к условиям повышенной турбулентности экономической среды и исключить случаи нецелевого расходования бюджетных средств.

Выводы:

1. Централизованное и унифицированное казначейское обслуживание субъектов РФ на сегодня является эффективным механизмом диагностики индикаторов актуальных угроз их экономической безопасности, выявления дополнительных источников экономического роста и обеспечения процесса поступательного социально-экономического развития как отдельных регионов, так и страны в целом.

2. В условиях повышенной турбулентности экономической среды [17], казначейские технологии являются одним из наиболее действенных инструментов обеспечения экономической безопасности финансово-бюджетной сферы регионов, позволяющим осуществить комплексное квалифицированное планирование и обеспечить эффективный контроль всех стадий бюджетного процесса, купируя нецелевое и нерациональное использование всегда ограниченных по объему средств бюджетов всех уровней, тем самым повышая эффективность последних.

3. Наметившаяся тенденция усиления степени воздействия Федерального казначейства на финансово-бюджетную систему регионов обусловлена расширением правоприменительных функций и завершением в 2026 г. процесса создания Единой бюджетной платформы (планирование-исполнение-учет-контроль-анализ) и Единой подсистемы управления доходами [16], позволяющих на базе уже цифровых технологий и ИИ существенно повысить прозрачность бюджетного процесса и увеличить уровень координации его участников, предоставляя последним объективную и достоверную информацию для принятия эффективных и наиболее оптимальных управленческих решений в рамках их компетенции.

4. Эффективность исполнения региональных и муниципальных бюджетов в значительной мере зависит от степени согласованности действий всех задействованных субъектов, при доминировании роли органов Федерального казначейства как главного координатора и контролера процесса.

5. Возрастание в процессе управления публичными финансами роли территориальных органов Казначейства России предопределяет необходимость разработки специальной программы их развития, предполагающей как дальнейшее расширение функционала, так и повышение эффективности процессов исполнения бюджета и управления бюджетной ликвидностью за счет внедрения инновационных технологий казначейского обслуживания.

Литература:

1. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Гарант.
3. Морозов И.В., Шлычков В.В. Укрепление социально-экономического потенциала субъектов российской федерации как фактор повышения уровня экономической безопасности России // Управление устойчивым развитием. 2024. № 4 (53). С. 13–17.
4. Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 31.03.2026) // СПС Гарант.
6. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 «Положение о федеральном казначействе». URL: http://archive.government.ru/power/78/base.html
7. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
8. Гуртуева Ф.А. Специфика и составляющие механизма бюджетного мониторинга в современных российских условиях // Национальная безопасность / Nota Bene. 2021. № 3. С. 24–34. DOI: 10.7256/2454–0668.2021.3.35988
9. Квасников В.А., Шлычков В.В. Казначейская служба как основа и ведущий фактор российской системы контроля и управления публичными финансами // Инновационное развитие экономики. 2023. № 4 (76). С. 82–90.
10. Врублевская Т.А. Влияние казначейской системы исполнения бюджета на результативность экономической политики // Проблемы управления финансами в государственном и корпоративном секторах экономики: Материалы III Межд. Конгресса молодых ученых по проблемам устойчивого развития, Москва, 10–31 мая 2017 г. М.: Изд-во «Перо», 2017. С. 50–56.
11. Приказ Федерального казначейства от 22.12.2021 № 44н «Об утверждении Порядка открытия лицевых счетов территориальными органами Федерального казначейства участникам казначейского сопровождения» // СПС Гарат.
12. Изотова Г.С. Методы обеспечения безопасности бюджетной системы региона: дисс. … канд. эконом. наук. СПб., 2004. 186 с.
13. Единая казначейская платформа – от цифрового контроля к нормированию затрат. URL: https://forum-goszakaz.ru/news/2023/12/28/

edinaya-kaznachejskaya-platforma-ot-czifrovogo-kontrolya-k-normirovaniyu-zatrat/
14. Почему регионы кратно нарастили дефицит бюджета по итогам 2025 года. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2026/02/27/1179448-pochemu-regioni-kratno-narastili-defitsit-byudzheta?from=copy_text.
15. Доходы от размещения средств, зачисленные в бюджеты. URL: https://roskazna.gov.ru/press/361602#:~:text=No%201020%20«О%20порядке%20и%20случаях%20зачисления%20средств%2С%20полученных%20от%20размещения
16. Шлычков В.В. Система государственно-муниципальных закупок: актуальные угрозы и инструменты повышения уровня экономической безопасности // Управление устойчивым развитием. 2025. № 4 (59). С. 35–40.
17. Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р. Санкционный прессинг и турбулентность глобальной экономики как ключевые внешние угрозы экономической безопасности России в 2025 г. // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2025. Т. 14. № 4. С. 137–142.

Treasury Service as a Tool for Enhancing the Security of Socio-Economic Development in the Constituent Entities of the Russian Federation

Kvasnikov V.A.
Federal Treasury Office for the Samara Region

The purpose of this study is to analyze the current state of inter-budgetary relations between the federal center and the constituent entities of the Russian Federation, as well as to define the role of the Treasury of Russia in the execution of budgets at all levels and in ensuring the economic security of the regions. The author demonstrates the high efficiency of treasury budget execution and examines current options for financial interaction between budget process participants. The Federal Treasury and its regional offices act as the primary coordinator and controller of the execution stage, serving as a transactional, control-accounting, analytical, and information system for the financial activities of public-law entities. Furthermore, the paper substantiates the positive impact of treasury budget execution on harmonizing the interests of all stakeholders and promoting the socio-economic development of regions. By centralizing budget liquidity, this approach enables the generation of additional financial resources and the provision of treasury loans, thus serving as an effective tool for public finance management.

To achieve the research objectives, systemic and evidence-based approaches were employed, alongside methods of retrospective, functional, and comparative analysis, synthesis, deduction, and induction.

The novelty of the research lies in the analysis of relations between the federal center and the constituent entities of the Russian Federation emerging during the execution of budgets at all levels. The study determines the extent and forms of the Federal Treasury's impact on regional economic security and socio-economic development, thereby expanding the theoretical framework of research in this field.

The practical value of the work is reflected in the formulation of specific recommendations for Russian state authorities and management bodies aimed at improving the efficiency of budget execution and refining inter-budgetary relations. Additionally, the study suggests expanding the functions of the Federal Treasury's regional offices to enhance the transparency and effectiveness of the budget process.

Keywords: budget process, treasury support, treasury loan, budget execution, inter-budgetary relations, public finance, regional economic security, constituent entity of the Russian Federation

УДК 336.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-59-64

Развитие экономического потенциала муниципальных органов власти за счет цифровизации бюджетных механизмов

Куклев Тимур Александрович
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

В период трансформации экономических процессов, стремительного развития цифровизации и дефицита бюджета в стране необходимо находить новые независимые внутренние источники дохода на уровне региональных и местных бюджетов для поддержания экономической стабильности.

В статье поставлена цель обоснования возможности в цифровой экономике усиления субъектности органов местного самоуправления в управлении социально-экономическими процессами за счет адаптации на уровне муниципалитетов механизма размещения временно свободных бюджетных средств как источника неналоговых доходов, разработанного и апробированного на уровне государственных органов Федеральным казначейством, в качестве инструмента бюджетной политики муниципальных органов самоуправления, направленного на стимулирование текущих источников бюджетных поступлений.

Научная значимость статьи заключается в выявлении и обосновании цифрового разрыва между действующими механизмами бюджетной политики муниципальных органов власти и современными возможностями при применении технологии больших данных, алгоритмических моделей и решений, базирующихся на искусственном интеллекте.

Практическая значимость исследования заключается в том, что исследована возможность применения цифровизированных подходов к реализации механизма размещения временно свободных бюджетных средств на муниципальном уровне власти с целью повышения устойчивости и развития бюджетной политики местных бюджетов.

Ключевые слова: *муниципалитеты, бюджетные механизмы, размещение средств, дотации, субсидии, субвенции, рыночная экономика, капитализация, искусственный интеллект, алгоритмические модели, цифровизация, управление капиталом*

Для цитирования: *Куклев Т.А. Развитие экономического потенциала муниципальных органов власти за счет цифровизации бюджетных механизмов // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 59–64. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-59-64.*

Бюджетная политика муниципальных образований представляет собой совокупность принципов, целей, механизмов и инструментов, реализуемых органами местного самоуправления для формирования, распределения и использования финансовых ресурсов, обеспечивающих социально-экономическое развитие территории. В теоретическом аспекте она занимает промежуточное звено между государственной бюджетной политикой и финансовой деятельностью муниципальных предприятий и организаций, являясь ключевым элементом системы публичных финансов.

Вместе с тем, с принятием Налогового кодекса РФ от 31.07.1998 число местных налогов и сборов кратно сократилось: вместо 24 источников доходов у муниципалитетов осталось только 3 – налог на имущество физических лиц, земельный налог и торговый сбор, который применяется лишь в городах федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) (табл. 1). Местные бюджеты также потеряли распределительный доход от налога на прибыль организаций, который в 2002 г. составлял 2 %, а уже в 2005 г. был ликвидирован и полностью перешел в федеральный и региональный бюджет.

Таблица 1

Распределение налоговых доходов по местным бюджетам до и после введения Налогового кодекса РФ [1]

Налог	До НК	После НК	2023 г.
Налог на имущество физических лиц	+	+	+
Земельный налог	+	+	+
Регистрационный сбор с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью	+	–	–
Налог на строительство объектов производственного назначения в курортной зоне	+	–	–
Курортный сбор	+	–	–
Сбор за право торговли	+	–	–
Целевые сборы с граждан, организаций на содержание милиции, благоустройство территории	+	–	–
Налог на рекламу	+	–	–
Налог на перепродажу автомобилей, ВТ и ПК	+	–	–
Сбор с владельцев собак	+	–	–
Лицензионный сбор за право торговли вино-водочными изделиями	+	–	–
Лицензионный сбор за право проведения местных аукционов и лотерей	+	–	–
Сбор за выдачу ордера на квартиру	+	–	–
Сбор за парковку автотранспорта	+	–	–
Сбор за право использования местной символики	+	–	–
Сбор за участие в бегах на ипподромах	+	–	–
Сбор за выигрыш на бегах	+	–	–
Сбор с лиц, участвующих в игре на тотализаторе на ипподроме	+	–	–
Сбор со сделок, совершаемых на биржах	+	–	–
Сбор за право проведения кино- и телесъемок	+	–	–
Сбор за уборку территорий населенных пунктов	+	–	–
Сбор за открытие игорного бизнеса	+	–	–
Налог на содержание жилищного фонда и объектов социально-культурной сферы	+	–	–
Торговый сбор	+	+	+

В дополнение к этому, с 2019 г. после введения Федерального закона от 03.08.2018 № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» внесены изменения в ст. 376 Налогового кодекса Российской Федерации, согласно которым налогом на имущество организаций облагается лишь недвижимое имущество, что значительно сузило налоговую базу и ухудшило финансовое положение субъектов Российской Федерации [2].

Единственным новым источником дохода стал туристический налог, введенный с 1 января 2025 г. согласно Федеральному закону от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», по которому местные органы власти будут получать дополнительные налоговые поступления от туристических услуг [3]. В то же время говорить об эффективности предложенной инициативы своевременно, ведь в 2025 г. ставка составила всего 1 %, а получить дополнительный доход смогут лишь муниципалитеты с уникальным историческим и природным наследием.

Вместе с тем ограниченность как реальных бюджетных механизмов, так и налоговых и неналоговых поступлений муниципалитетов спустя более двадцати лет после введения Налогового кодекса Российской Федерации только возрастает, о чем непосредственно свидетельствует отношение налоговых доходов к межбюджетным трансфертам, которые за последние семь лет снизились с 49 до 45 % (табл. 2).

При этом в большинстве зарубежных стран налоги в местных бюджетах преобладают в таких странах, как Канада, Швейцария, Соединенные Штаты Америки, и составляют 69–73 %. В Российской Федерации этот показатель значительно ниже и варьируется в диапазоне 27–32 % [5].

Причиной этому является высокая зависимость доходов муниципальных органов власти в России от НДФЛ, который за последние 10 лет остается неизменным и занимает 67 % от общего налогового дохода местных бюджетов (рис. 1). Следовательно, такого рода концентрация в одном источнике дохода, на который муниципалитеты оказывают незначительное влияние, в сочетании с долей межбюджетных трансфертов (более 67 % от совокупного бюджета) создает положение, при котором местным властям остается лишь ожидать новых поступлений из федерального и регионального бюджетов. Это приводит к полной потере

Таблица 2

Отношение межбюджетных трансфертов к налоговым доходам муниципальных органов власти в РФ, в млрд руб. [4]

Налоговые доходы	Период						
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	1 122,9	1 231,4	1 340,5	1 404,5	1 569,8	1 783,9	1 974,2
Межбюджетные трансферты (МБТ)	2 277,9	2 533,9	2 836,6	3 101,7	3 332,0	3 991,3	4 349,1
% МБТ к налоговым доходам	49 %	49 %	47 %	45 %	47 %	45 %	45 %
– дотации	342,3	390,8	437,6	544,6	597,5	640,6	674,4
– субсидии	594,7	688,6	852,9	909,2	950,2	1401,4	1569,2
– субвенции	1 340,9	1 454,5	1 546,1	1 647,9	1 784,3	1 949,3	2105,5

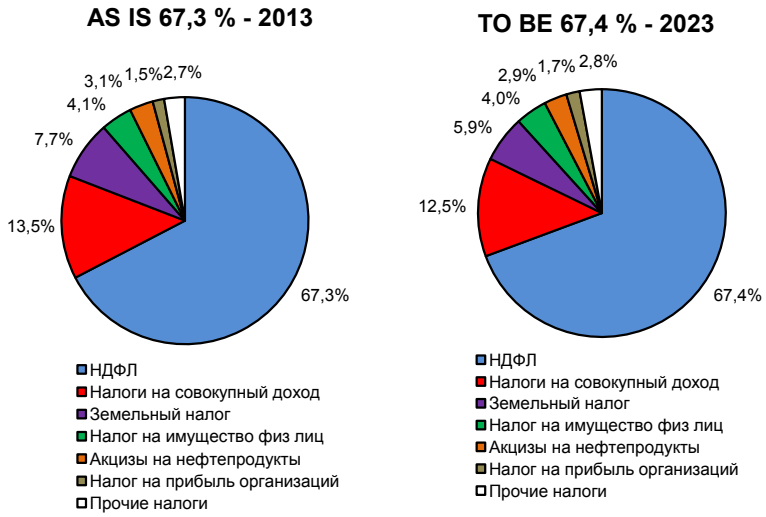

Рис. 1. Структура налоговых доходов муниципальных органов власти в процентном соотношении за 2013 и 2023 гг. [4]

мотивации к развитию собственных налоговых и неналоговых доходов.

Несмотря на высокую форму обеспечения муниципалитетов через федеральный и региональный бюджет, в ближайшей перспективе местные бюджеты имеют высокие риски к снижению объемов финансирования, так как Россия на протяжении двух следующих лет продолжит увеличивать дефицитный разрыв по причине внешнеполитического и внешнеэкономического положения после введения санкций в 2022 г., о чем свидетельствуют данные Министерства финансов по дефициту бюджета Российской Федерации в прогнозе до 2027 г. (рис. 2).

При даже минимальном снижении перераспределения средств из федерального и регионального бюджета на исполнение полномочий местных бюджетов через межбюджетные трансферты в форме субсидий, субвенций и дотаций, муниципалитеты в настоящее время неспособны оперативно нивелировать бюджетный разрыв с помощью собственных источников доходов, что приведет к ситуации, когда местные органы власти будут не способны обеспечивать социально-экономическую политику на закрепленных за собой территориях, как это было на протяжении девяностых годов.

Основной проблемой текущего положения муниципалитетов является не экономическое неравенство и не законодательная несостоятельность в отношении реализации своих полномочий, а разрыв, который произошел между федеральным и муниципальным уровнем в цифровизации за последние 20 лет в Российской Федерации, который можно выразить следующим образом (рис. 3).

Можно выделить следующие причины слабой формы цифровизации муниципалитетов:

• слабое инфраструктурно-ресурсное обеспечение и цифровое неравенство – низкий уровень интернет-обеспечения и мобильной связи в отдаленных территориях, недостаток сервисных мощностей и центров хранения и обработки данных;

• кадровый голод и низкая цифровая компетентность – дефицит IT-специалистов на территории муниципалитетов, недостаток компетенций в области бэк-разработки и архитекторов цифровых систем;

• фрагментация IT-ландшафта и несовместимость систем – множество разрозненных решений, внедренных в разные периоды времени без единой архитектуры;

• низкая зрелость процессов и качества данных – множество цифровых процессов не стандартизировано, использование бумажных носителей информации.

В синтезе с цифровизацией в последнее десятилетие в Российской Федерации наблюдается стре-

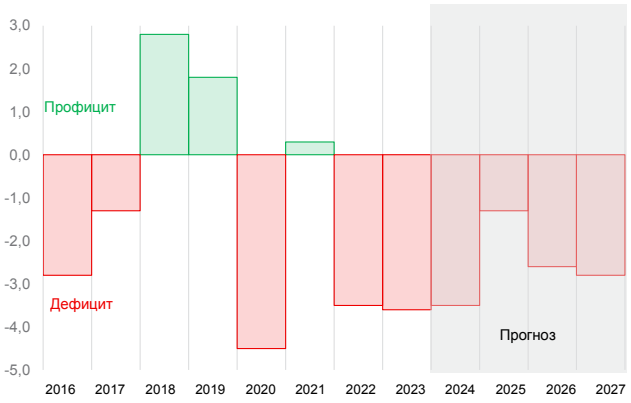

Рис. 2. Баланс федерального бюджета РФ до 2027 г., трлн руб. [6]

Рис. 3. Развитие цифровизации в Российской Федерации на федеральном и муниципальном уровне

Источник: составлено автором на основе изученного материала.

мительное развитие инструментов рыночной экономики, которые позволяют получать дополнительные источники доходов от размещения временно свободных бюджетных средств в сберегательные и инвестиционные инструменты.

Механизм размещения временно свободных бюджетных средств уже реализован Федеральным казначейством и регламентирован ст. 242.13 Бюджетного кодекса Российской Федерации «Управление остатками средств на едином казначейском счете» и активно приступил к реализации в 2005 году на федеральном уровне и в 2011 г. на уровне субъекта в рамках Бюджетного кодекса Российской Федерации ст. 236.1 «Операции по управлению остатками средств на едином счете бюджета».

Операции по управлению остатками средств на едином казначейском счете заключаются в размещении временно свободных средств для повышения эффективности управления бюджетом и получения дополнительного дохода от размещения свободных средств в сберегательные и инвестиционные инструменты на российском финансовом и банковском рынке.

Несмотря на то, что механизм первостепенно предназначался для реализации в рамках федерального бюджета, субъекты Российской Федерации начиная с 2011 г. стали активно адаптировать данный механизм на своих территориях; практика использования механизма ежегодно была поддержана все большим количеством субъектов РФ, и уже в 2023 г. 21 субъект РФ размещает свои временно свободные бюджетные средства, при этом средний процент размещения свободных остатков составляет более 65 %, а в столице страны и Санкт-Петербурге доля размещения составляет более 95 % (рис. 4).

Наиболее выражено применение механизма размещения временно свободных бюджетных средств отражается в динамике объемов размещения: если

Рис. 4. Средняя доля средств в размещении от объема временно свободных бюджетных средств в 2023 г, % [7]

с 2008 по 2012 гг. объем размещения составлял 28 млрд руб., то только за 2023 г. совокупные размещения федерального и регионального бюджета составили 180 млрд руб.

Немаловажно отметить, что значительный рост размещения временно свободных бюджетных средств начался именно после 2022 г., когда необходимо было оперативно находить новые источники дохода для обеспечения страны – аналогичную практику сегодня можно и нужно внедрять на уровне муниципалитетов, которые работают «на местах» и наиболее способны определять свободные бюджетные остатки для размещения с целью получения дополнительного дохода на реализацию своих полномочий и «антизависимости» от межбюджетных трансфертов.

Эффективность данного механизма в первую очередь подтверждают доходы, которые превысили 2 трлн руб. накопленным итогом с 2008 по 2023 гг., из которых 1 191,9 млрд руб. приходится на единый счет федерального бюджета и 819,2 млрд руб. – на едином казначейском счете.

При этом только за 2023 г. совокупный объем размещений составил 180 млрд руб., а основными инструментами для размещения стали банковские депозиты, операции РЕПО не на организованных торгах и овернайты (табл. 3).

Таблица 3

Объем размещения временно свободных бюджетных средств за 2023 г. по видам операции, в млрд руб. [7]

Совокупный объем размещений за 2023 г., в том числе по видам операций	180 529,3
Операции на финансовом рынке	180 003,6
Банковские депозиты	70 974,6
Операции РЕПО не на организованных торгах	41 633,5
Банковские счета (овернайт)	38 620,0
Операции РЕПО на организованных торгах	17 233,1
Депозиты с центральным контрагентом	11 542,5
Бюджетные операции	525,7
Бюджетные кредиты субъектам РФ и муниципальным образованиям	436,0
Бюджетный кредит государственному внебюджетному фонду	58,0
Покупка (продажа) иностранной валюты в рамках управления ДНД	31,7

Важно отметить, что возможность размещения временно свободных средств федерального бюджета появилась в 2005 г. На передачу возможности использования механизма размещения временно свободных бюджетных средств с федерального уровня на уровень субъекта ушло более 6 лет, при этом прошло уже более 14 лет, но данный механизм так и не был передан муниципальным органам власти ввиду высокого технологического и инфраструктурного разрыва между муниципальным и вышестоящими бюджетами, а также отсутствия компетенций для реализации механизма размещения временно свободных бюджетных средств «на местах».

Безусловно, муниципалитеты в настоящее время неспособны самостоятельно размещать свои временно свободные бюджетные средства в сберегательные и инвестиционные инструменты, но им это и не нужно. Российская Федерация, несмотря на свой незначительный опыт в рыночной экономике, сформировала внутри себя достаточное количество коллективных инвестиций, которые работают через управляющие компании, в том числе государственные; помимо этого, в последние пять лет стремительно развиваются алгоритмические и *ML*-модели, позволяющие распределять свободные остатки и сбережения через аналитику больших данных с помощью искусственного интеллекта. Принимая во внимание вышеуказанное, муниципалитетам будет необходимо лишь выбрать срок размещения – остальную донастройку параметров и инструментов размещения возьмет на себя либо специализированная управляющая компания, реализуя временно свободные бюджетные средства муниципалитетов через правила доверительного управления, либо готовые государственные и частные автоматизированные системы.

Дополнительно к этому, экономически муниципалитеты готовы уже сегодня применять данный механизм – это подтверждает тот факт, что за последние три года муниципалитеты исполняли свои бюджеты с профицитом, о чем свидетельствуют результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях, представленные Министерством финансов Российской Федерации (рис. 5).

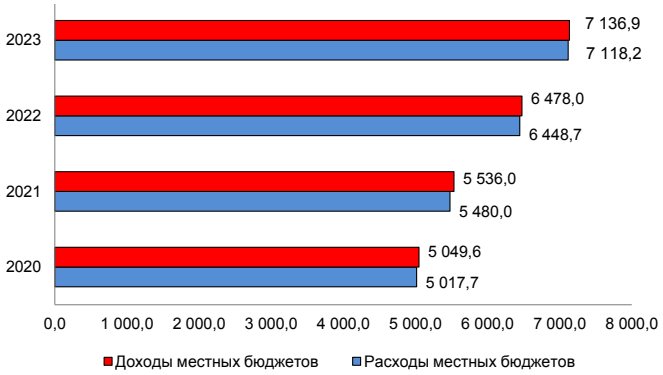

Рис. 5. Сбалансированность местных бюджетов в 2020–2023 гг., млрд руб. [7]

Таким образом, проведя законодательную гигиену в отношении прав муниципалитетов в части реализации полномочий по размещению временно свободных бюджетных средств, местные власти получат возможность укрепить свою финансовую автономность через развитие собственных компетенций, используя инструменты рыночной экономики, позволяющие системно повышать качество управления бюджетом и снижать межбюджетные трансферты, тем самым сохраняя больший объем средств в федеральном и региональном бюджете.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что размещение временно свободных бюджетных средств муниципальных образований в сберегательные и инвестиционные инструменты, при соблюдении приоритета сохранности и ликвидности, способно стать значимым фактором повышения эффективности управления муниципальными финансами и общей устойчивости бюджетной системы. Временная свободность бюджетных средств носит объективный характер и обусловлена не избытком ресурсов, а несовпадением во времени поступлений и кассовых выплат. В этой связи применение регламентированного механизма размещения временно свободных бюджетных средств выступает не альтернативой бюджетному процессу, а его логическим развитием – переходом от пассивного управления ликвидностью к управлению на основе планирования, прогнозиро-

вания, лимитирования рисков и прозрачного расчёта результатов на муниципальном уровне.

В результате местные органы власти получат возможность формировать собственные источники доходов в рамках своих бюджетных полномочий, а интеграция в цифровую среду создаст долгосрочный фундамент для будущих поступлений, которые незамедлительно окажут влияние как на социально-экономическую политику муниципалитета, так и на внутренний инвестиционный климат.

Литература:

1. Зотиков Н.З. Налоговый потенциал муниципальных образований как основа региональных бюджетов // Вестник ГУУ. 2024. № 7. С. 151–161.
2. Федеральный закон от 03.08.2018 № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах в Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2023 год. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/06/main/Rezultaty_monitoringa_2024.pdf (дата обращения: 11.11.2025)
5. Ткачева Т.Ю., Афанасьева Л.В., Севрюков В.В., Рыкунова В.Л., Трусов А.С., Барзыкин А.А. и др. Экономическая безопасность в бюджетно-налоговой сфере экономики. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2016. 315 с.
6. Правительство Российской Федерации. О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/727320-8 (дата обращения: 13.12.2025).
7. Итоги и перспективы операций по управлению остатками средств на едином казначейском счете в 2023-2024 гг. URL: https://www.moex.com/media/files/moex/18863-1.pdf?ysclid=mgysya914d375561455 (дата обращения: 17.12.2025).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с измен., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
9. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

Developing the Economic Potential of Municipal Authorities Through the Digitalization of Budgetary Mechanisms

Kuklev T.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

During the period of transformation of economic processes, rapid development of digitalization and budget deficit, the country needs to find new independent internal sources of income at the level of regional and local budgets to maintain economic stability.

The article aims to substantiate the possibility in the digital economy of strengthening the subjectivity of local governments in managing socio-economic processes by adapting at the municipal level the mechanism for allocating temporarily available budget funds as a source of non-tax revenues, developed and tested at the level of government agencies by the Federal Treasury, as a tool of budgetary policy of municipal governments aimed at stimulating current sources of budget revenues.

The scientific significance of the article lies in identifying and substantiating the digital gap between the current mechanisms of municipal government budget policy and modern opportunities in the application of big data technology, algorithmic models and solutions based on artificial intelligence.

The practical significance of the study lies in the fact that it explores the possibility of applying digitalized approaches to the implementation of a mechanism for allocating temporarily free budget funds at the municipal level of government in order to increase the sustainability and development of the budget policy of local budgets.

Keywords: municipalities, budgetary mechanisms, allocation of funds, subsidies, subsidies, subventions, market economy, capitalization, artificial intelligence, algorithmic models, digitalization, capital management

УДК 351.078.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-65-72

Трансформация парадигм муниципального управления в контексте цифровизации и развития умных городов

Магомедов Абдула Шамильевич
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления факультета Высшей школы управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Актуальность исследования обусловлена ускоренной цифровизацией публичного сектора и переходом ведущих городов мира к комплексным системам умного города, что вызывает фундаментальную трансформацию основ муниципального управления и требует теоретического осмысления происходящих парадигмальных сдвигов.

Целью работы является выявление и обоснование последовательных трансформаций парадигм муниципального управления под влиянием сквозных цифровых технологий и логики умных городов, а также формулировка новой концептуальной модели, отражающей современный этап развития.

Научная новизна статьи состоит в обосновании и введении в научный оборот концепции муниципального платформизма как четвёртой парадигмы эволюции муниципального управления, последовательно преодолевающей ограничения Новой государственной управленческой модели (чрезмерная фрагментация и рыночная конкуренция) и умного цифрового города (государственно-центричная логика и недостаточная полицентричность).

Впервые показано, что именно муниципальный уровень выступает «лабораторией» формирования пост-НГУ и пост-УЦЭ моделей благодаря высокой концентрации данных, прямой обратной связи с жителями и необходимости координации множества взаимосвязанных городских подсистем.

Полученные результаты дополняют существующие теории публичного управления и исследования платформизации городов, предлагая целостную рамку для анализа текущих изменений.

Практическая значимость заключается в том, что разработанная при проектировании городских цифровых платформ нового поколения, формировании стратегий «умный город» и переходе от реактивного к предиктивно-коллаборативному управлению. Модель муниципального платформизма позволяет обосновать приоритетность инвестиций не в отдельные цифровые сервисы, а в создание открытой многосторонней инфраструктуры совместного производства городской ценности, что особенно актуально для российских муниципалитетов в условиях ограниченных бюджетных ресурсов и необходимости выполнения целевых показателей национальных проектов.

Ключевые слова: *парадигма муниципального управления, цифровизация, умный город, «новое государственное управление», «управление цифровой эпохи», платформизм, муниципальный платформизм*

Для цитирования: *Магомедов А.Ш. Трансформация парадигм муниципального управления в контексте цифровизации и развития умных городов // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 65–72. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-65-72.*

В современных условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни и перехода ведущих мегаполисов мира к комплексным моделям «умного города» фундаментальной трансформации подвергаются базовые принципы публичного управления. Муниципальный уровень, будучи наиболее приближенным к потребностям граждан и концентрирующим огромные массивы данных о городской среде, становится эпицентром этих изменений. Внедрение сквозных технологий (интернета вещей, больших данных, искусственного интеллекта) и платформенных решений меняет не только инструментарий, но и саму логику управления, выводя на первый план горизонтальное взаимодействие, совместное создание общественных благ и управление в режиме реального времени.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления качественно новых процессов, происходящих в муниципальном управлении зрелых умных городов. Классические и неоклассические теории публичного управления, включая парадигму «нового государственного управления» (НГУ) и концепцию «управления цифровой эпохи» (УЦЭ), обладают существенными ограничениями при попытке объяснить феномен полицентричного взаимодействия множества акторов на единой цифровой платформе, ориентированной на максимизацию общественной ценности данных.

Проблема исследования заключается в наличии концептуального разрыва между эмпирически наблюдаемыми практиками в передовых городах (Москва, Сингапур, Барселона) и существующим теоретическим аппаратом. Отсутствие целостной модели, интегрирующей признаки платформенной организации, совместного производства и новой роли муниципалитета как архитектора и модератора, не позволяет адекватно описать текущий этап эволюции и сформулировать стратегические ориентиры для дальнейшего развития.

Целью данной работы является выявление и обоснование последовательных трансформаций парадигм муниципального управления под влиянием цифровизации и логики умных городов, а также разработка авторской концептуальной модели «муниципального платформизма», отражающей современный этап развития и преодолевающей ограничения предшествующих подходов.

Методологический подход исследования

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы о формировании новой парадигмы был применён комплекс взаимодополняющих методов, выбор которых обусловлен необходимостью сочетания теоретического, сравнительно-исторического и эмпирического анализа трансформаций в муниципальном управлении.

Методология исследования выстроена исходя из задачи выявления логики эволюции муниципального управления в условиях цифровой трансформации и роста сложности городских социально-экономических систем. В качестве общей методологической рамки использован системный и сравнительный анализ, позволяющий рассматривать управленческие модели не изолированно, а в их исторической преемственности, институциональном контексте и взаимосвязи с технологическими изменениями.

Ключевым этапом исследования стал критический обзор отечественной и зарубежной научной литературы, охватывающий 68 публикаций за период 1991–2025 гг., из которых 42 работы опубликованы после 2020 г. [1–28]. Это позволило зафиксировать смещение исследовательского фокуса от классических моделей публичного управления к цифровым и платформенным формам организации муниципальных процессов. В дополнение к традиционному обзору использованы элементы библиометрического и контент-анализа, направленные на выявление устойчивых исследовательских тем, терминологических расхождений и концептуальных «разрывов» в интерпретации современных управленческих трансформаций.

Для сопоставления различных управленческих подходов применён сравнительный анализ, основанный на критериях, вытекающих из концепции научных изменений Т. Куна, включая наличие аномалий в рамках предыдущих моделей, формирование новой управленческой логики, а также изменение объяснительной и предписывающей силы теоретических конструкций [25]. Такой подход позволил выявить ограничения нового государственного управления и управления цифровой эпохи при анализе процессов, характерных для зрелых умных городов.

Дополнительное внимание уделено системному анализу взаимосвязей ключевых признаков формирующейся модели муниципального платформизма. Данный анализ направлен на выявление механизмов их взаимного усиления и контуров обратной связи, определяющих устойчивость муниципальных цифровых экосистем.

Эмпирическая часть исследования основана на анализе вторичных данных и кейс-стади трёх городов – Москвы, Сингапура и Барселоны, которые рассматриваются как примеры различных институциональных и управленческих конфигураций внедрения цифровых платформ на муниципальном уровне. Использованы данные официальной статистики, аналитические отчёты *UN-Habitat* (2024), рейтинги *IMD Smart City Index* (2024–2025), материалы Росстата и Минцифры РФ, а также информация, размещённая на официальных цифровых платформах городов. Эмпирические показатели включают данные об экономической эффективности, уровне вовлечённости граждан и институциональных эффектах цифровизации.

Методологическая новизна исследования заключается в применении эволюционного подхода к анализу муниципального уровня управления с акцентом на формирование платформенных механизмов координации. В рамках данной логики муниципальный платформизм рассматривается не как устоявшаяся парадигма, а как концептуально оформляющаяся стадия развития управленческих моделей, направленная на преодоление выявленных ограничений нового государственного управления и управления цифровой эпохи.

Основным ограничением использованного методологического подхода является опора на вторичные данные и кейсы, что не позволяет в полной мере выявить каузальные связи. Однако комплексный характер анализа обеспечивает релевантность выводов для теоретического осмысления наблюдаемого парадигмального сдвига.

Теоретические основы и эмпирический анализ эволюции парадигм

Теоретической основой исследования парадигм муниципального управления являются работы М. Вебера, заложившего принципы классической бюрократической модели как идеального типа рационально-легального господства [1; 2], а также *C.A. Hood, D. Osborne* и *T. Gaebler*, разработавших концепцию НГУ и обосновавших переход к рыночным механизмам и ориентации на результат в публичном секторе [3; 4]. Современные исследования, *P. Dunleavy, H. Margetts, S. Bastow, J. Tinkler* доказывают, что сквозные цифровые технологии вызывают вторую волну трансформации публичного управления – УЦЭ, при которой происходит реинтеграция ранее раздробленных функций и переход к управлению на основе данных [5; 6].

В условиях развития умных городов и формирования комплексных городских цифровых экосистем указанные парадигмы управления выявляют существенные теоретические пробелы, выражающиеся в ограниченных возможностях интерпретации многосторонних платформенных взаимодействий и процессов управления на основе данных на муниципальном уровне, что подтверждается работами отечественных и зарубежных авторов [7–9]. Это обусловливает потребность в теоретическом осмыслении новой трансформации парадигмы муниципального управления, вызванной процессами цифровизации и логикой развития умных городов, а также в создании концептуальной модели, отражающей специфику современного этапа развития.

Для наглядного отображения эволюции и ключевых различий между традиционными и формирующимися парадигмами муниципального управления, а также для демонстрации места предлагаемой концепции «муниципального платформизма» в общей логике трансформации, представлена сравнительная таблица 1.

В таблице 1 представлены как парадигмы, так и развитые модели публичного управления, формировавшиеся в рамках различных этапов эволюции

Таблица 1

Эволюция парадигм муниципального управления в условиях цифровизации и развития умных городов

№	Парадигма / модель	Основные авторы и годы	Ключевая логика управления	Роль муниципалитета	Отношение к данным и технологиям
1	Классическая бюрократия	М. Вебер, 1922 [2]	Иерархия, формализация, процедурная рациональность	Монопольный исполнитель публичных функций	Технологии отсутствуют либо выполняют вспомогательную функцию
2	Новое государственное управление (НГУ, *NPM*)	C. Hood, 1991; D. Osborne, T. Gaebler, 1992 [3; 4]	Рыночная координация, конкуренция, ориентация на результат	Заказчик и регулятор, аутсорсинг услуг	ИКТ как инструмент контроля затрат и эффективности
3	Неовеберианское государство (*NWS*)	C. Pollitt, G. Bouckaert, 2004–2017 [24]	Сильное государство, профессионализм, законность	Центральный координатор и гарант публичных интересов	Цифровые технологии как средство повышения административной способности
4	Новое публичное управление (*NPG*)	S. Osborne, 2010–2018 [4]	Сетевое управление, партнёрства, совместное производство	Партнёр и участник сетей	Цифровые инструменты поддержки взаимодействия
5	Управление цифровой эпохи (УЦЭ, *DEG*)	P. Dunleavy et al., 2006–2021 [5; 6]	Реинтеграция, холизм, управление на основе данных	Оркестратор цифровых экосистем	Данные как центральный ресурс управления
6	Муниципальный платформизм (авторская концептуальная модель)	Авторское развитие	Платформенная координация, совместное создание ценности на основе данных	Архитектор, регулятор и гарант многосторонней городской платформы	Город как многосторонняя цифровая платформа

теории и практики государственного и муниципального управления. Неовеберианское государство и новое публичное управление рассматриваются как промежуточные и комплементарные модели, расширяющие объяснительный потенциал НГУ и классической бюрократии, но не снимающие ограничений, актуализированных в условиях цифровизации и развития умных городов.

Классическая веберовская модель муниципального управления, основанная на строгой иерархии, монопольном исполнении функций и приоритете процедурной рациональности, в 1980–2000-е гг. уступила место парадигме НГУ, которая ввела рыночные механизмы, аутсорсинг услуг, *KPI* и контракты по результату, пытаясь преодолеть бюджетные кризисы и повысить эффективность за счёт конкуренции поставщиков услуг. Однако в условиях умных городов и появления сквозных цифровых технологий (*IoT*, больших данных, межведомственных платформ) ограниченность НГУ стала очевидной: рыночная логика не способна обеспечить необходимую координацию сложных систем в реальном времени, реинтеграцию ранее раздробленных функций и управление городскими данными как единым ресурсом, что потребовало перехода к новым парадигмальным основаниям.

На муниципальном уровне НГУ проявился в массовой передаче коммунальных услуг (уборка территорий, общественный транспорт, содержание жилья) частным операторам, создании муниципальных унитарных предприятий с рыночными механизмами и внедрении системы «одного окна» как сервисного центра, конкурирующего по качеству с частным бизнесом.

УЦЭ – парадигма, предложенная *P. Dunleavy* с соавторами в 2006 г. и развитая во второй волне исследований 2021 г., фиксирует фундаментальный поворот публичного управления под влиянием сквозных цифровых технологий. В отличие от НГУ, который искусственно фрагментировал государственные функции ради конкуренции, УЦЭ провозглашает возврат к реинтеграции процессов, холизму и управлению на основе данных. На муниципальном уровне эта парадигма проявляется в создании единых городских цифровых платформ, ликвидации «силосного» принципа (отдельные ведомства с собственными информационными системами), переходе к сквозным бизнес-процессам и проактивному оказанию услуг.

Ключевые признаки УЦЭ в умных городах: реинтеграция ранее раздробленных функций (одна платформа вместо десятков ведомственных систем); централизованное управление данными как главным ресурсом города; автоматизация и сквозная цифровизация; снижение роли традиционных контрактов НГУ за счёт встроенных в платформы автоматических механизмов контроля и исполнения; переход от реактивного к предиктивному управлению (прогнозирование пробок, аварий ЖКХ, всплесков заболеваемости).

Эмпирическая верификация признаков УЦЭ: анализ городских практик

Опыт Москвы отражает формирование единой городской цифровой экосистемы, включающей электронный документооборот, платформы электронного участия и интегрированные суперсервисы. Процесс внедрения носил поэтапный характер: на первом этапе (2015–2020 гг.) был заложен институциональный и технологический фундамент за счёт масштабного внедрения электронного документооборота, тогда как в период 2021–2025 гг. акцент сместился на интеграцию технологий интернета вещей и предиктивной аналитики. По данным Минцифры РФ, реализация данных решений позволила снизить административные издержки на 28–32 %, а использование платформы «Активный гражданин» обеспечило рост вовлечённости жителей в процессы принятия решений примерно на 45 %. Дополнительный эффект был достигнут в сфере жилищно-коммунального хозяйства, где применение предиктивного мониторинга обеспечило экономию бюджетных средств на уровне 18–22 % [29].

Сингапур представляет собой пример институционально целостного и стратегически выстроенного подхода к развитию муниципальных и национальных цифровых платформ в рамках инициативы *Smart Nation*. Ключевой особенностью данной модели является сочетание механизмов государственно-частного партнёрства с долгосрочной государственной стратегией цифрового развития, реализуемой с 2014 г. По результатам международных сопоставлений Сингапур стабильно занимает лидирующие позиции в рейтинге *IMD Smart City Index* (2024–2025 гг.). Эмпирические данные свидетельствуют о существенной экономии ресурсов в транспортной и энергетической сферах (25–35 %), а также о высоком уровне удовлетворённости граждан качеством предоставляемых цифровых услуг, который в 2024 г. достиг 92 % [30].

Барселона демонстрирует альтернативную модель развития муниципального платформизма, основанную на принципах открытого кода, краудсорсинга и активного вовлечения гражданского общества. Ключевыми элементами данной экосистемы выступают платформа электронного участия *Decidim* и система мониторинга городской инфраструктуры *Sentilo*, использующая технологии интернета вещей. Реализация этих решений позволила снизить затраты на уличное освещение и мониторинг городской среды примерно на 25 %, а также обеспечить участие граждан более чем в 1200 муниципальных проектах в период 2020–2025 гг. По данным социологических опросов, в 2024 г. уровень доверия к муниципальным институтам в городе увеличился на 19 процентных пунктов [31].

В таблице 2 представлено сравнение анализируемых кейсов, где данные носят оценочный, агрегированный характер, сформированный на основе анализа вторичных источников. Опираясь на представленные в таблице данные, можно перейти к анализу управленческих моделей, имплементированных в этих городах.

Анализ механизмов внедрения платформенных решений в рассмотренных кейсах выявил три основные модели: централизованно-интеграционную (Москва), стратегически-партнёрскую (Сингапур) и общественно-ориентированную (Барселона). Несмотря на различия, общим элементом является трансформация роли муниципалитета от непосредственного поставщика услуг к роли архитектора платформенной экосистемы. Ключевыми факторами успешной имплементации выступают: наличие долгосрочной цифровой стратегии, инфраструктура для работы с данными и институциональные механизмы вовлечения стейкхолдеров.

Сопоставительный анализ рассмотренных кейсов показывает, что, несмотря на различия в институциональных моделях и механизмах внедрения, все три города демонстрируют переход к полицентричным формам управления и расширению практик совместного производства общественных благ. В этих условиях граждане, бизнес и общественные организации выступают не только как потребители услуг, но и как активные участники их проектирования и реализации.

Выявленные признаки муниципального платформизма образуют взаимосвязанную системную целостность. Полицентричность участников создаёт институциональные условия для развития совместного производства общественных благ; управление, основанное на данных в режиме реального времени, обеспечивает переход к проактивным и предиктивным форматам оказания услуг; ориентация на максимизацию общественной ценности данных способствует снижению транзакционных издержек и повышению эффективности муниципальных платформ. При этом роль муниципалитета трансформируется от доминирующего исполнителя к модератору и институциональному гаранту, обеспечивающему баланс интересов и соблюдение общественных норм в условиях многоакторной среды. Схематично взаимосвязи указанных признаков представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Схематичное представление взаимосвязей ключевых признаков муниципального платформизма

Источник: составлено автором.

Однако УЦЭ, оставаясь преимущественно государственной по своей логике, всё ещё исходит из центральной роли публичного актора как главного владельца платформы и данных. В условиях зрелых умных городов 2020-х гг. это ограничение преодолевается: граждане, бизнес, университеты и НКО становятся полноправными участниками совместного производства ценности в реальном времени. Это создаёт предпосылки для следующего парадигмального сдвига к муниципальному платформизму, где городская цифровая платформа превращается в многостороннюю инфраструктуру совместного создания общественных благ, а муниципалитет выступает одновременно регулятором, оператором платформы и гарантом общественных интересов.

Муниципальный платформизм

Таблица 2

Сравнительная таблица анализируемых кейсов

Критерий/Город	Москва	Сингапур	Барселона
Подход к платформе	Централизованная экосистема (сервисы)	Стратегическое ГЧП в рамках Smart Nation	Децентрализованная, на открытом коде и краудсорсинге
Ключевые количественные показатели	Снижение админ. издержек на 28–32 %; рост вовлечённости жителей в принятие решений (платформа «Активный гражданин») на 45 %	Экономия ресурсов в транспорте и энергетике 25–35 %; удовлетворённость граждан качеством цифровых услуг 92 %	Снижение затрат на освещение на 25 %; участие граждан в более чем 1200+ муниципальных проектах (2020–2025)
Механизм внедрения	Поэтапный, «сверху вниз», с акцентом на интеграцию IoT и предиктивную аналитику	Долгосрочная государственная стратегия с привлечением частных партнёров	Активное вовлечение гражданского общества, открытые данные
Роль муниципалитета	Архитектор и основной оператор	Стратегический координатор и регулятор	Модератор и гарант открытости

– предлагаемая авторская концептуальная модель, отражающая качественно новый этап эволюции муниципального управления в условиях формирования зрелых умных городов (2023–2030 гг.). Данная модель возникает как результат теоретического обобщения и развития существующих подходов и направлена на преодоление ограничений рыночной логики нового государственного управления и государственно-центричной реинтеграции, характерной для управления цифровой эпохи.

Муниципальный платформизм в настоящей работе рассматривается как самостоятельная управленческая модель муниципального уровня, формирующаяся в условиях зрелых умных городов в период 2023–2030 гг. В рамках данной модели муниципалитет выступает не столько исполнителем или контролёром, сколько координатором и институциональным организатором городской цифровой среды – открытой инфраструктуры, обеспечивающей совместное создание общественно значимых решений и услуг на основе текущих данных.

В логике эволюции муниципального управления данный подход отражает переход от жёстко иерархических форм организации, характерных для классической бюрократии, через рыночные механизмы нового государственного управления и государственно-центричную реинтеграцию управления цифровой эпохи к полицентричной модели, в которой создание общественной ценности осуществляется совместными усилиями органов местного самоуправления, жителей, бизнеса, некоммерческих организаций и научного сообщества. В этих условиях муниципалитет перестаёт быть монопольным поставщиком услуг или единственным оператором процессов и принимает на себя роль разработчика правил, гаранта общественных интересов и посредника во взаимодействии различных участников городской системы.

К числу ключевых признаков данной управленческой модели относятся: полицентричная организация взаимодействия, предполагающая участие множества акторов в принятии решений и реализации муниципальных проектов; использование данных в качестве основы управления, включая их анализ в режиме, приближенном к реальному времени; переход от реактивных к проактивным и прогностическим форматам предоставления муниципальных услуг; ориентация на извлечение общественной, а не узковедомственной или коммерческой ценности из городских данных; развитие практик совместного производства общественных благ, приходящих на смену как конкуренции поставщиков услуг, так и государственной монополии на их предоставление.

В отличие от УЦЭ, где муниципалитет остаётся главным собственником и оператором единой цифровой платформы, муниципальный платформизм превращает город в многостороннюю цифровую платформу, на которой ценность создаётся совместными усилиями всех участников городской экосистемы: администрации, жителей, бизнеса, научных и общественных организаций в режиме реального времени.

Таким образом, муниципальный платформизм завершает переход от иерархии (веберовская бюрократия) через рынок (НГУ) и государственную платформу (УЦЭ) к полицентричной городской платформе, где муниципалитет перестаёт быть единственным центром принятия решений и становится главным архитектором и гарантом правил совместного создания городской ценности в цифровую эпоху.

Несмотря на активное развитие исследований платформизации публичного сектора и управления умными городами, в современной научной литературе по состоянию на 2025 г. отсутствует устоявшаяся концептуальная модель, которая бы одновременно удовлетворяла трём требованиям [10–18]:

– во-первых, чётко фиксировала специфику именно муниципального уровня управления (в отличие от общегосударственного УЦЭ, предложенного *P. Dunleavy P.* и *H. Margetts* [5; 6]);

– во-вторых, интегрировала в единую парадигму уже эмпирически наблюдаемые в передовых городах признаки – переход к многосторонним городским платформам, превращение граждан и бизнеса в полноправных участников совместного производства общественных благ в реальном времени и трансформацию роли муниципалитета из монополиста, заказчика или единого оператора в архитектора и модератора совместной экосистемы;

– в-третьих, позиционировала данную модель как самостоятельную стадию эволюции публичного управления, последовательно преодолевающую ограничения как НГУ, так и УЦЭ.

Существующие подходы от описательного использования терминов «платформенный урбанизм», «концепция города как цифровой платформы» и «технологии гражданского участия» до отечественных исследований платформизации государственного управления остаются либо фрагментарными, либо лишёнными чёткого парадигмального статуса и последовательной привязки к эволюционной логике теорий публичного управления [19; 20–23].

Таким образом, предлагаемая концепция «муниципального платформизма» заполняет выявленный теоретический пробел и впервые оформляет наблюдаемую в практике зрелых умных городов трансформацию в качестве самостоятельной парадигмы муниципального управления.

Проведенное исследование демонстрирует, что формирование муниципального платформизма является закономерным этапом развития публичного управления в условиях цифровизации. Данная парадигма позволяет преодолеть ограничения предыдущих моделей и создать более эффективные механизмы управления городской средой.

Литература:

1. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Law (an excerpt) // Journal of Economic Sociology. 2018. Vol. 19. № 3. P. 68–78. DOI: 10.17323/1726-3247-2018-3-68-78.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. 445 с.
3. Hood C. A public management for all seasons? // Public Administration. 1991. Vol. 69. № 1. P. 3–19.
4. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. Reading, MA: Addison-Wesley, 1992. 405 p.
5. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New Public Management is dead – long live Digital-Era Governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2006. Vol. 16. № 3. P. 467–494.
6. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and e-Government. Oxford: Oxford University Press, 2008. 310 p.
7. Meijer A., Bolívar M.P.R. Governing the smart city: a review of the literature on smart urban governance // International Review of Administrative Sciences. 2016. Vol. 82. № 2. P. 392–408.
8. Kitchin R. The real-time city? Big Data and smart urbanism // GeoJournal. 2014. Vol. 79. P. 1–14.
9. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятуллина Л.Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.
10. Денисов А. Цифровая трансформация российского государства: условия, возможности, технологии // Вестник Российской нации. 2019. № 3. С. 94–106.
11. Выжимова Н.Г., Иванова Е.Ю., Колесниченко Е.А. Цифровизация управления как фактор развития современного государства // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 5. С. 465–473.
12. Основы цифровизации государственного и муниципального управления: учеб. пособие / О.А. Полюшкевич, И.А. Журавлева, Г.В. Дружинин, Н.В. Москвитина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. 163 с.
13. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 114 с.
14. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества / А.П. Кочетков [и др.] // Власть. 2021. № 1. С. 316–331.
15. Van der Meulen R. 5 Levels of Digital Government Maturity. URL: https://www.gartner.com/smarterwithgartner/5-levels-of-digital-government-maturity/ (accessed 23 July 2021).
16. Нечаева Н.А. Переход от электронного правительства к цифровому правительству через призму государственных услуг // Modern Science. 2020. № 5 (3). С. 138–147.
17. Косоруков А.А. Цифровое правительство в практике современного государственного управления (на примере Российской Федерации) // Тренды и управление. 2017. № 4. С. 81–96. DOI: 10.7256/2454-0730.2017.4.25086.
18. Бадьина А.В., Орешина М.Н. Основные направления развития концепции цифрового профиля. Зарубежный опыт и перспективы развития // Вестник университета. 2020. № 7. С. 28–35.
19. Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives // Journal of Urban Technology. 2015. Vol. 22. № 1. P. 3–21. DOI: 10.1080/10630732.2014.942092.
20. Бабкин А.В., Михайлов П.А. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация // Вестник Академии знаний. 2023. № 1(54). С. 25–36.
21. Лясковская Е.А., Григорьева К.М., Халилова Г.Р. Цифровизация государственного и муниципального управления в субъектах Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2023. Т. 17. № 4. С. 29–42. doi:10.14529/em230403.
22. Стародубова О. Е. Роль цифровых платформ в государственном управлении // Юридические исследования. 2024. № 12. С. 13–27. doi:10.25136/2409-7136.2024.12.72604.
23. Троян Н.А. Влияние современных платформенных решений как ключевого инструмента государственного управления в условиях цифровой трансформации // Мониторинг правоприменения. 2025. № 1(54). С. 36–44. doi:10.24412/2226-0692-2025-1-36-44.
24. Pollitt C., Bouckaert G. Public Management Reform: A Comparative Analysis. New Public Management, Governance, and the Neo-Weberian State. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 2017. 368 p.
25. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс; АСТ, 2003. 320 с.
26. Tornberg P., Soderstrom O. Comparative platform urbanism: Cities in a world of platforms // Digital Geography and Society. 2025. Т. 8. P. 2666–3783. https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2025.100119.
27. Bibri S.E., Allam Z., Krogstie J. The Metaverse as a virtual form of data-driven smart urbanism: platformization and its underlying processes, institutional dimensions, and disruptive impacts // Computational Urban Science. 2022. № 2(24). https://doi.org/10.1007/s43762-022-00051-0.
28. Veloso Á.; Fonseca F.; Ramos R. Insights from Smart City Initiatives for Urban Sustainability and Contemporary Urbanism // Smart Cities. 2024.

№ 7. P. 3188–3209. https:// doi.org/10.3390/ smartcities7060124.
29. Об итогах работы комплекса городского хозяйства Москвы в 2024 году и планах на 2025 год: / Департамент жилищно-коммунального хозяйства г. Москвы // Официальный сайт Мэра Москвы. 2025. URL: https://www.mos.ru/mayor/themes/2299/ (дата обращения: 25.02.2026).
30. Smart Nation Singapore: Annual Report 2024 // GovTech Singapore. Singapore, 2024. 98 p. URL: https://www.tech.gov.sg/annual-report-2024/ (дата обращения: 26.02.2026).
31. Resultados de la primera ola del Barómetro del 2024 / Ajuntament de Barcelona // Barcelona.cat. 2024. URL: https://ajuntament.barcelona.cat/economiatreball/es/actualidad/noticias/resultados-de-la-primera-ola-del-barometro-del-2024-1422755 (дата обращения: 26.02.2026).

Transformation of Paradigms of Municipal Management in the Context of Digitalization and Development of Smart Cities

Magomedov A.Sh.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the research is due to the accelerated digitalization of the public sector and the transition of the world's leading cities to integrated smart city systems, which causes a fundamental transformation of the foundations of municipal government and requires a theoretical understanding of the ongoing paradigmatic shifts.

The aim of the work is to identify and substantiate successive transformations of municipal management paradigms under the influence of end-to-end digital technologies and the logic of smart cities, as well as to formulate a new conceptual model reflecting the current stage of development.

To achieve this goal, the following tasks were solved: critical analysis of the evolution of classical and modern theories of public administration; establishment of limitations on the use of New Public Management models in smart cities; identification of features of Digital-Era Governance at the municipal level; development of the author's concept of "municipal platformism" as the next paradigm.

The scientific novelty of the article consists in substantiating and introducing into scientific circulation the concept of municipal platformism as the fourth paradigm of the evolution of municipal government, consistently overcoming the limitations of NSU (excessive fragmentation and market competition) and UCE (state-centric logic and insufficient polycentricity).

For the first time, it is shown that it is the municipal level that acts as a "laboratory" for the formation of post-NGU and post-UCE models due to the high concentration of data, direct feedback from residents, and the need to coordinate many interconnected urban subsystems.

The results obtained complement existing theories of public administration and research on urban platformization, offering a holistic framework for analyzing current changes.

The main result of the work was the proof that smart cities are the driver of the transition from a market-oriented NPM model to a platform-based management model, where the key is not provider competition, but real-time managed collaboration, proactivity and maximizing the public value of data.

Its practical significance lies in the fact that it was developed during the design of new-generation urban digital platforms, the formation of smart city strategies and the transition from reactive to predictive and collaborative management. The model of municipal platformism makes it possible to justify the priority of investments not in individual digital services, but in the creation of an open multilateral infrastructure for the joint production of urban value, which is especially important for Russian municipalities in conditions of limited budgetary resources and the need to meet the targets of national projects.

Keywords: paradigm of municipal management, digitalization, smart city, New Public Management, Digital-Era Governance, platformism, municipal platformism

УДК 338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-73-78

Необходимость применения технологии больших данных в оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти

Мяликов Эмиль Рустямович
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации (Москва)

В условиях цифровой трансформации оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти становится одним из ключевых элементов управленческого цикла. Существующая система измерения показателей характеризуется преимущественно ретроспективным характером, что существенно ограничивает возможности оперативного управления, особенно в условиях развитой цифровой инфраструктуры, активного межведомственного обмена данными и наличия масштабных массивов транзакционной информации.

Цель исследования заключается в анализе действующей системы оценки эффективности органов исполнительной власти, выявлении несоответствий между текущим состоянием и имеющимися технологическими возможностями, а также разработке предложений по модернизации системы на базе платформы «ГосТех» как основного инструмента создания будущих информационных систем в России.

Научная значимость работы заключается в выявлении и обосновании технологического разрыва между действующей системой оценки эффективности органов исполнительной власти и современными возможностями при применении технологии больших данных.

Практическая значимость исследования состоит в разработке модели модернизации действующей системы оценки эффективности, которая позволяет сохранить действующие методики расчёта показателей и обеспечить существенное повышение точности управленческих решений.

Ключевые слова: *оценка эффективности, KPI, органы исполнительной власти, большие данные, управление на основе данных, цифровая трансформация, ГосТех, цифровая зрелость, государственные информационные системы*

Для цитирования: *Мяликов Э.Р. Необходимость применения технологии больших данных в оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 73–78. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-73-78.*

Система оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти – один из ключевых механизмов управленческого воздействия в рамках государства, задающий приоритетные направления развития, по которым будет происходить измерение достижения поставленных целей. Нормативные изменения в данном направлении, согласно Указу Президента от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» [1] и постановлению Правительства от

28.01.2025 № 58 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» [2], укрепили ориентацию на национальные цели развития, результат «для человека» и повышение сопоставимости региональных управленческих результатов. Перечень показателей и методики расчёта формируют целевые ориентиры, по которым происходит оценка успешности выполнения поставленных задач перед государством, включая социально-экономические показатели, демографию, качество среды и отдельные метрики общественного восприятия. Одновременно в систему вводится измерение цифровой зрелости, отражающее государственный запрос на переход от автоматизации отдельных процессов к цифровой трансформации.

Особое значение в этом контексте имеет показатель цифровой зрелости, поскольку он фиксирует способность государства и региона управлять в логике цифровой трансформации: автоматизация, выстраивание платформенных сервисов, формирование данных как актив управления и использование аналитических инструментов. Как мы все понимаем, самым важным аспектом при проведении оценки и аналитики – являются данные, очень важно соблюдать правила формирования, сбора, хранения и анализа данных для принятия правильных управленческих решений. На рисунке 1 представлена общая схема взаимодействия органов власти и передачи данных.

На нижнем уровне находятся региональные органы власти, собирающие данные в рамках своих компетенций и с учетом технологических возможностей. Данные могут быть получены напрямую от других участников системы, например, показатель «Качество среды для жизни» получает данные от Фонда развития территорий. Дополнительно, кроме основных показателей, если предусмотрено федеральными органами исполнительной власти, собираются и внутренние показатели эффективности. Далее данные передаются на уровень выше посредством использования различных информационных систем (далее – ИС), в перечень которых включены ГИС, АИС, реестры и платформы. Федеральные органы исполнительной власти (далее – ФОИВ) в свою очередь анализируют в рамках распределения ответственности свои отдельные показатели и передают результаты в Министерство экономического развития, которое является ответственным за финальный сбор всех показателей, формирование годового отчета и предоставление его Правительству.

ИС в данной структуре являются ядром и основными источниками данных, детальный анализ которых представлен в таблице 1.

Анализ 33 источников данных показал явную разрозненность и различия в вопросах сбора информации. С одной стороны, такие различия объясняются разным характером показателей, и не всегда возможно объединить их в единую систему. Однако это также выявляет другую проблему – отсутствие единого оператора данных. Такой оператор мог бы собирать и обрабатывать все показатели информационных систем, делая их доступными для единого анализа, выявления скрытых корреляций и прогно-

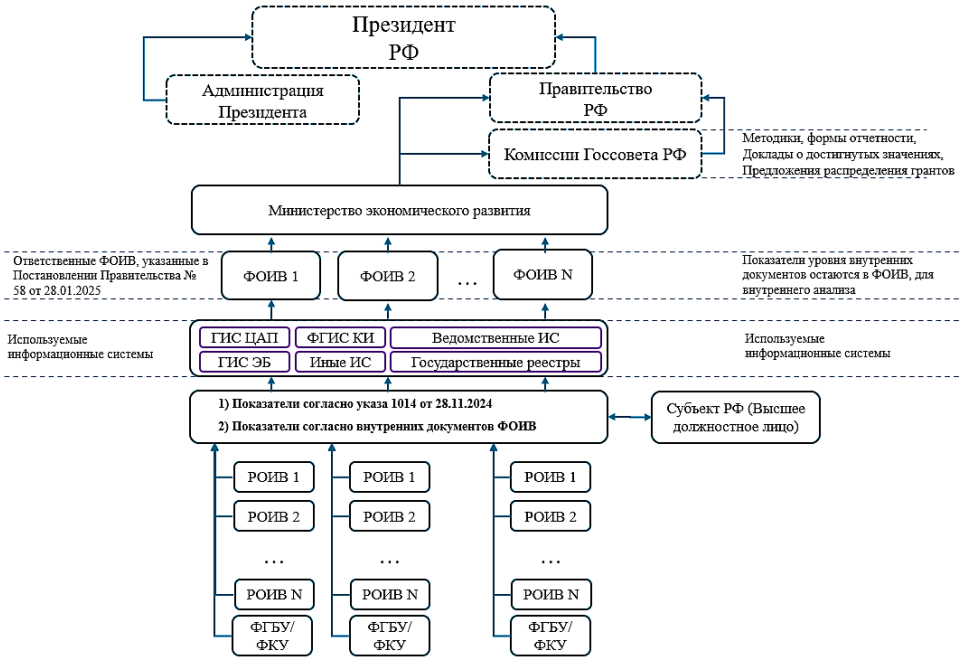

Рис. 1. Общая структура взаимодействия органов власти и передачи данных в рамках оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти

ФОИВ – Федеральные органы исполнительной власти

ГИС ЦАП – государственная информационная система «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных»

ФГИС КИ – Федеральная государственная информационная система координации информатизации

ГИС ЭБ – Государственная информационная система «Электронный бюджет»

РОИВ – Региональные органы исполнительной власти

ФГБУ – Федеральное государственное бюджетное учреждение

ФКУ – Федеральное казенное учреждение

Источник: составлено автором.

Таблица 1

Используемые информационные системы показателей Постановления Правительства РФ № 58 [2]

Показатель	Сроки	Ответственный	Источники (ИС, если указана)
Суммарный коэффициент рождаемости	15 апреля года, следующего за отчетным	Росстат	ЕГР ЗАГС – регистрация сведений о рождении/смерти (п.п. 9 Приложение 2) ГИС ЦАП (не введены модули в эксплуатацию п.п 2 Приложения 2)
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Ежемесячно и ежегодно (2-я декада марта, 3-я декада июня) года следующего за отчетным	Росстат	ЕГР ЗАГС – на основе свидетельств о смерти по однолетним возрастным группам
Качество среды для жизни в опорных населенных пунктах	15 апреля года, следующего за отчетным	Минстрой России	Фонд развития территорий (п.п. 5 Приложение 9)
Темп роста (индекс роста) физического объема инвестиций в основной капитал	Не указано	МИНЭК	Исполнительные органы субъектов

зирования. Благодаря единому оператору данные можно было бы обрабатывать быстрее и качественнее, а также выводить их в единой *BI*-системе для удобного управленческого анализа.

Разрозненность информационных систем обусловлена спецификой их жизненного цикла и подходов к реализации. В условиях форсированной цифровизации в России к разработке систем привлекалось множество команд, обладавших необходимыми компетенциями, но не ставивших целью обеспечение взаимной совместимости. На текущий момент, это стало серьезной проблемой, так как затраты на последующую интеграцию составляют значительную часть расходов по поддержанию ИС.

Необходимость создания множества разрозненных систем диктовалась сжатостью сроков и большим количеством информационного «хаоса», наблюдавшегося ранее, однако переход к управлению на основе данных, который происходит сейчас, требует не только обычной оцифровки, но также и выстраивания единой архитектуры, основным преимуществом которой является возможность построения прогнозов на основе предыдущих результатов, а для этого необходимо единое центральное решение, обладающее соответствующими возможностями.

В то же время примечательно наличие ГИС ЦАП как наиболее часто используемого источника данных для таких показателей, как: «Суммарный коэффициент рождаемости», «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении», «Доля парка общественного транспорта» (показатель «Цифровая зрелость» не содержит прямого упоминания данной ГИС в тексте Постановления Правительства № 58, однако это указано в Приказе Минцифры № 1210 [6]). ГИС ЦАП располагается на платформе «ГосТех» [3].

Таким образом, можно выделить несколько недостатков действующей системы:

• Во-первых, преобладание ретроспективной периодичности и значимых временных лагов между сбором данных, обработкой, управленческим воздействием и фиксацией результата. Такая конструкция превращает оценку эффективности в механизм преимущественно постфактум-контроля и рейтинга, тогда как современная цифровая управленческая модель предполагает наличие ранних сигналов, прогнозирования, быстрых корректировок и замыкания цикла управления результатами.

• Во-вторых, в значительной части показателей сохраняется ручное формирование отчётности из-за отсутствия автоматизированных систем сбора данных в регионах, вследствие чего большинство показателей заносится вручную в систему. Более того, даже при строгом соблюдении всех нормативных методик появляются системные эффекты, хорошо описанные зарубежными авторами ещё в 2009 г. К. Фрейер и А. Фуджи в работе «Управление эффективностью в государственном секторе» [4] описывали эффект «оптимизации под индикатор», когда происходит смещение фокуса с реальных результатов на цифры в отчетах для формального соответствия поставленным плановым значениям (данный эффект достигается не за счет ложных данных, а за счет неправильной интерпретации показателей).

• В-третьих, интеграция данных для целей оценки эффективности остаётся неоднородной. Для расчёта реальной оценки требуется сборка разнородных массивов: статистика, административные данные, отраслевые реестры, результаты социологических измерений, данные цифровых услуг и платформ. Но без единой семантической модели данных (применяемой в технологии больших данных), без устойчивых идентификаторов объектов управления (человек, домохозяйство, организация, объект инфраструктуры, жизненная ситуация, услуга, мера поддержки), без прослеживаемости происхождения данных и без стандартизированных правил качества (полнота, актуальность, непротиворечивость) возникает эффект «островов данных»: показатели формально считаются и даже показывают результат, но

причинность и управленческая интерпретация остаются ограниченными.

• В-четвёртых, действующая система оценки пока ограниченно использует потенциал больших данных и продвинутой аналитики. Технологически доступными становятся высокочастотные транзакционные данные (события в услугах, заявлениях, обращениях, контрольных процедурах, закупках), пространственные и инфраструктурные данные, цифровой след взаимодействия граждан. Эти массивы могут существенно повысить чувствительность управления для определения ранних сигналов, точность и адресность мер, и обоснованность решений. Однако текущая оценка эффективности в основном опирается на агрегированные итоговые метрики, где «конечный результат» уже наступил, а управленческий результат влияния появится не скоро.

Однако уже сейчас существует технология, нивелирующая данные недостатки действующей системы – технология больших данных. Термин «большие данные» (*big-data*) используется для обозначения больших и/или сложных массивов данных и связанных технологий для их хранения и обработки. Указанные массивы данных могут иметь как структурированную форму (внешние и внутренние базы данных), так и неструктурированную (социальные сети, пресса и тому подобное) [4].

Технология больших данных в прикладном смысле государственного управления представляет собой совокупность архитектурных, программных и организационных решений, обеспечивающих сбор, интеграцию, хранение, обработку и аналитическое использование больших объёмов разнородных данных из множества источников с требуемой скоростью, надёжностью и воспроизводимостью результата. Для задач модернизации системы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти ключевым является то, что «большие данные» – это не просто увеличение объёма информации, а переход к событийной, сквозной и управляемой модели измерения результата: данные формируются не как отчётные агрегаты, а как цифровые следы реальных процессов, которые затем нормализуются и связываются в едином семантическом пространстве, после чего используются для доверенного расчёта показателей и построения управленческой аналитики.

В действующей системе оценки эффективности значительная доля показателей по своей природе относится к запаздывающим индикаторам: они фиксируют итоговый результат по завершении отчётного периода и, даже будучи методологически корректными, ограниченно применимы для оперативного управления, поскольку на момент получения итогового значения возможность быстрого управленческого воздействия часто уже более трудоемка и масштабна, чем могла бы быть. В то же время существующие технологические возможности – наличие ведомственных и межведомственных информационных систем, реестров, платформенных сервисов и цифровых каналов взаимодействия – позволяют сформировать другой технологический контур: непрерывное получение событийных данных, раннюю диагностику отклонений и замыкание цикла управления на основе данных. Именно в этом ключе применение технологии больших данных становится инструментом устранения разрыва между нормативно закреплёнными показателями и реальными управленческими задачами: методология итоговых показателей не меняется, но рядом с ней формируется объясняющий и управляющий контур, повышающий чувствительность системы к причинам и промежуточным стадиям формирования результата.

Основной платформой для внедрения данной технологии является ранее упомянутая платформа ГосТех (ГосТех – единая цифровая платформа, разработанная компанией СБЕР по запросу государства для эффективного и быстрого создания ГИС и цифровых сервисов). Разработка платформы стала необходимой из-за растущих потребностей в различных витринах данных и снижения расходов как на разработку, так и на поддержание работоспособности ИС.

Платформа уже доступна для использования в рамках разработки ИС, проводится широкое пилотирование со стороны государственных органов. Минцифры приводит следующие результаты пилотирования ГосТех: созданы 13 форм сбора данных, более 8 тыс. респондентов, 758 показателей приведены к эталону [1], что является хорошим показателем для оцифровки 15 % показателей, к 2030 г. в планах Минцифры перевод 100 % всех показателей касающихся органов власти.

С 2024 г. «Госмаркет», входящий в структуру «ГосТех», предоставляет возможность разработчикам добавлять свои продукты, чтобы госорганы могли использовать платформу при создании ИС [3]. Также данная платформа указана в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления», как оператора 100 % ГИС к 2030 г. [5]. Платформенный подход позволяет стандартизировать расчёт, уменьшить стоимость владения (за счёт повторного использования), обеспечить единые требования к безопасности и архитектуре, повысить сопоставимость данных, а также упростить обновление методик расчёта и справочников без снижения качества на местах.

Дополнительно можно добавить, что, по словам главы аппарата правительства Дмитрия Григоренко, «ГосТех 1.0» проектировали в 2020 г., на базе решений пятилетней давности: «Тогда они были лучшими. Но сегодня функциональные возможности платформы отстают от современных коммерческих аналогов. Например, решение, которое положено

в основу "ГосТеха", было создано до начала эпохи внедрения больших языковых моделей и сервисов искусственного интеллекта (ИИ). В процессе реальной работы на "ГосТехе 1.0" мы поняли, что функционально и технически можем улучшить» [6], что естественно является подтверждением нашего тезиса о том, что данная платформа может стать информационным ядром и в ближайшем будущем будет соответствовать всем необходимым требованиям для выстраивания единой архитектуры в логике использования больших данных.

Ключевым выводом исследования является то, что указанное несоответствие не носит исключительно методологический характер и не требует пересмотра утверждённых методик расчёта показателей. Напротив, основной дефицит сосредоточен в технологическом контуре. Показано, что технология больших данных прикладным путем решает выявленные ограничения за счёт перехода к событийной модели данных и сквозной интеграции разнородных источников в едином семантическом пространстве. В данной логике показатели превращаются в цифровой управленческий продукт, что повышает чувствительность управления: появляется возможность выявлять проблемные зоны до наступления итогового отклонения, адресно корректировать процессы и оценивать эффект управленческих решений. Такой подход позволяет устранить разрыв между нормативным измерением результата и реальным управленческим циклом, обеспечив оперативность, воспроизводимость и причинную интерпретируемость показателей.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003 (дата обращения: 15.02.2026).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2025 № 58 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» (ред. от 17.06.2025) // СПС КонсультантПлюс.
3. Платформа «ГосТех». Новость «Как разместить IT-решение на ГосТех». URL: https://platform.gov.ru/news/kak-razmestit-it-reshenie-na-gosteh/ (дата обращения: 15.02.2026)
4. Фрейер К., Фиджу А., Огден С. Управление эффективностью в государственном секторе // Международный журнал по управлению государственным сектором. 2009. № 22. С. 478–498. DOI: 10.1108/09513550910982850.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // СПС КонсультантПлюс.
6. ComNews. «"ГосТех" ползет к "ГосТех 2.0"». URL: https://www.comnews.ru/content/241425/2025-09-25/2025-
7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 15.02.2026).
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.12.2022 № 2338 «Об утверждении Положения о единой цифровой платформе Российской Федерации "ГосТех"…» (ред. от 08.09.2025) // СПС КонсультантПлюс.
9. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 28.12.2024 № 1210 «Об утверждении методики расчета показателя "Достижение 'цифровой зрелости' государственного и муниципального управления… с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта" государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"». URL: https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Mintsifry-Rossii-ot-28.12.2024-N-1210/ (дата обращения: 15.02.2026).
10. Нагапетян А. Р., Поплавко М. А., Субботовский Д.А. Как оценить эффективность управления в субъектах Российской Федерации (по материалам действующих подходов и показателей). URL: https://journalaer.ru/fileadmin/user_upload/site_15934/2025/06_Nagapetjan_Poplavko__Subbotovskii.pdf (дата обращения: 15.02.2026).
11. Банк России. Использование больших данных в финансовом секторе и риски финансовой стабильности: доклад для общественных консультаций (10.12.2021). URL: https://cbr.ru/

Content/Document/File/131359/Consultation_Paper_10122021.pdf (дата обращения: 15.02.2026)
12. Цифроваяэволюция.рф. Презентация (tsap-final.pdf). URL: https://xn--80adbvdrrdn3buj1grakh.xn--p1ai/storage/filemanager/presentation/presentation_2025/5/tsap-final.pdf (дата обращения: 15.02.2026)
13. Платформа «ГосТех». Новость «Как разместить IT-решение на ГосТех». URL: https://platform.gov.ru/news/kak-razmestit-it-reshenie-na-gosteh/ (дата обращения: 15.02.2026)
14. OECD. A data-driven public sector: Enabling the strategic use of data for public value. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/05/a-data-driven-public-sector_1c183670/09ab162c-en.pdf (дата обращения: 15.02.2026).
15. OECD. 2023 OECD Digital Government Index. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2023-oecd-digital-government-index_b11e8e8e-en.html (дата обращения: 15.02.2026).
16. United Nations. United Nations E-Government Survey 2024. New York: United Nations, 2024. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government %20Survey %202024 %20RUS-compressed.pdf (дата обращения: 15.02.2026).
17. World Bank. GovTech Maturity Index 2025. Washington, DC : World Bank, 2025. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi (дата обращения: 15.02.2026).

The Need in Use of Big Data Technology in Evaluating the Effectiveness of Executive Authorities

Myalikov E.R.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

In the context of digital transformation, one of the key elements of the management cycle is the assessment of the effectiveness of executive authorities. To date, the institutional and technological design of measuring indicators in many areas has a retrospective character, which limits subsequent managerial applicability, especially in the context of a developed digital infrastructure, interdepartmental exchange and large-scale arrays of transactional data.

The article aims to analyze the system for evaluating the effectiveness of executive authorities, identify the problem of inconsistency between the current system and the country's technological capabilities, and modernize it as an integral part of the digital transformation of public administration based on the GOSTECH platform as the main platform for developing future information systems in Russia.

The scientific significance of the article lies in identifying and substantiating the technological gap between the current system for evaluating the effectiveness of executive authorities and modern capabilities in the application of big data technology.

The practical significance of the study lies in the fact that the possibility of using the proposed model to modernize the current performance assessment system has been investigated without changing the approved methods for calculating indicators, but with a significant increase in the controllability and accuracy of solutions.

Keywords: efficiency assessment, KPIs, executive authorities, big data, data-based management, digital transformation, GOSTECH, digital maturity, government information systems

УДК 331.26
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-79-82

Теорема развития организационной приверженности молодых специалистов к деятельности в органах государственной власти

Новруззаде Фарид Тофиг оглы
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва)

В статье рассматривается проблема формирования и развития организационной приверженности молодых специалистов к деятельности в органах государственной власти. Исследование посвящено разработке теоретико-методологических основ управления этим процессом.

Цель исследования – обоснование теоремы развития организационной приверженности молодых специалистов на основе системного анализа факторов, механизмов и методов их учета в системе управления персоналом.

Методология исследования включает общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также специальные методы социологических исследований.

Основные результаты исследования показали, что организационная приверженность молодых специалистов формируется как динамическая система под влиянием взаимосвязанных факторов. Доказано, что устойчивый рост приверженности возможен при одновременном выполнении условий концептуальной определенности целей государственной службы, системного учета факторов в кадровой политике и регулярной эмпирической диагностики. Сформулирована теорема развития организационной приверженности молодых специалистов.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов для совершенствования системы управления персоналом в органах государственной власти.

Ключевые слова: *организационная приверженность, молодые специалисты, государственная служба, факторы приверженности, управление персоналом, кадровая политика*

Для цитирования: *Новруззаде Ф.Т. Теорема развития организационной приверженности молодых специалистов к деятельности в органах государственной власти // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 79–82. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-79-82.*

В современных условиях развития государственной службы особую актуальность приобретает проблема удержания и развития молодых специалистов. Организационная приверженность выступает ключевым фактором эффективности государственной службы, определяющим не только качество выполнения должностных обязанностей, но и долгосрочную перспективу развития кадрового потенциала органов власти.

Теорема развития приверженности молодых специалистов к деятельности в органах государственной власти выводится на основе аксиоматического подхода, базирующегося на результатах теоретического осмысления данного феномена.

В рамках этой логики структурный базис исследования формируется через систему допущений, сгруппированных в три ключевых блока аксиом.

Блок 1 – факторы организационной приверженности:

• организационная приверженность формируется не одним фактором, а системой взаимосвязанных;

• факторы организационной приверженности имеют разный вес;

• значимость факторов меняется со временем и стадией профессионального становления.

Блок 2 – подходы, принципы и модели организационной приверженности:

• организационная приверженность формируется через управленческие решения;

• учет факторов организационной приверженности возможен только при системном подходе;

• приверженность снижается независимо от формальных стимулов при противоречии модели управления ожиданиям и ценностям работников.

Блок 3 – методы выявления организационной приверженности:

• факторы и уровень приверженности могут быть выявлены и измерены через различные методы;

• без регулярной диагностики любые меры по развитию приверженности становятся неэффективными;

• результаты диагностики позволяют менять управленческие решения и влиять на приверженность работников.

В качестве исходного положения принимается, что организационная приверженность молодых специалистов – это процесс формирования их отношения к деятельности в органах государственной власти под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов мотивационного, ценностного, организационного, социально-психологического и карьерного характера. Перечисленные факторы не являются равнозначными по силе воздействия. На ранних этапах профессионального становления молодых специалистов определяющее значение приобретают такие характеристики, как осмысленность выполняемой ими деятельности, наличие перспектив профессионального и должностного роста, справедливость оценки результатов труда и качество управленческого взаимодействия. Значимость факторов не носит статичного характера, а изменяется по мере накопления профессионального опыта и трансформации жизненных и карьерных установок.

Организационная приверженность молодых специалистов к деятельности в органах государственной власти формируется как результат концептуализации важности для них государственной службы, то есть усвоения системы ценностей, убеждений и представлений о смысле, миссии и значимости служебной деятельности.

Организационная приверженность для молодых специалистов имеет системный характер и включает три взаимосвязанных компонента [1, с. 120]: согласие, идентификацию и интернализацию, которые отражают разные уровни их включённости в процессы деятельности организации.

Факторы организационной приверженности носят многокомпонентный характер и группируются в соответствии с типами приверженности: аффективной, континуальной и нормативной [2, с. 61–89].

Аффективная приверженность определяется ценностным совпадением, социальным климатом, наставничеством, профессиональным развитием и эмоциональной вовлечённостью; континуальная – связана с рациональной оценкой выгод и издержек, стабильностью, карьерными и материальными условиями; нормативная – основана на чувстве долга, моральных установках, общественной значимостью труда и инвестициями организации в работника. Факторы приверженности зависят от контекста деятельности: специфика государственной службы (статус, институциональные ограничения, социальные гарантии, иные аспекты) и возрастная группа «молодые специалисты» (карьерные ориентации, лидерский потенциал, ожидания быстрого роста) формируют особую конфигурацию факторов [3]. Максимальный уровень организационной приверженности достигается при синергии ключевых условий концептуализации: ясности ценностей, качества наставничества, поддержки со стороны руководства и соответствия ожиданий реальности.

Переходя к рассмотрению аксиом второго блока, отметим, что организационная приверженность не является врождённым свойством личности и не возникает автоматически в силу факта трудоустройства в органы государственной власти. Она формируется и развивается в результате целенаправленного управленческого воздействия, реализуемого через систему управления кадрами органов государственной власти.

Стоит подчеркнуть, что эффективное формирование приверженности возможно при условии системного учёта факторов, когда цели органов государственной власти, управленческие инструменты и восприятие этих инструментов молодыми специалистами образуют логически согласованную цепочку. Подходы к учету факторов опираются на понимание приверженности молодых специалистов как многоуровневого явления, включающего аффективные, континуальные и нормативные компоненты, и предполагают согласование ценностных ориентиров, управленческих решений и ожиданий молодых специалистов. При этом ключевым принципом формирования организационной приверженности молодых специалистов выступает принцип соответствия: управленческие решения должны соотноситься с ценностными ориентациями, ожиданиями и профессиональными установками молодых специалистов, поскольку их несоответствие приводит к снижению приверженности независимо от объёма материальных или формальных стимулов.

Факторы формирования организационной приверженности поддаются эмпирическому выявлению и измерению посредством социологических и управленческих методов, включающих анкетирование, интервьюирование, наблюдение, а также анализ показателей текучести кадров, вовлечённости и удовлетворённости трудом. Систематическое получение и анализ обратной связи позволяет корректировать управленческие решения и тем самым целенаправленно воздействовать на уровень организационной приверженности. Стоит дополнительно отметить, что сочетание количественных и качественных методов обеспечивает выявление факторов на индивидуальном, организационном и институциональном уровнях и формирует эмпирическую основу для дальнейшего анализа.

Исходя из изложенных положений формулируется теорема развития организационной приверженности молодых специалистов к деятельности в органах государственной власти: если в системе управления персоналом выявляются и систематизируются в иерархическом порядке факторы, определяющие организационную приверженность молодых специалистов (*Фооп*), и если данные факторы целенаправленно учитываются при разработке и реализации управленческих решений (*Ур*), а также если осуществляется регулярная диагностика и корректировка управленческих практик на основе полученных эмпирических данных (*Уп*), то уровень организационной приверженности молодых специалистов (*Уоп*) будет иметь тенденцию к устойчивому росту: $Уоп \rightarrow max$.

На основе сформулированной теоремы математическая модель развития организационной приверженности представляется в виде мультипликативной функции:

$$Уоп = f(Фооп \cdot Ур \cdot Уп) \rightarrow max \quad (1)$$

При соблюдении системы ограничений:

$$\begin{cases} Фооп \rightarrow opt \text{ (оптимальность структуры факторов);} \\ Ур \rightarrow eff \text{ (эффективность принимаемых управленческих решений);} \\ Уп \rightarrow reg \text{ (регулярность и системность диагностики).} \end{cases}$$

Где:

Уоп – интегральный показатель уровня организационной приверженности молодых специалистов;

Фооп – факторы, определяющие организационную приверженность (система взаимосвязанных параметров);

Ур – управленческие решения, учитывающие данные факторы;

Уп – управленческие практики, корректируемые на основе эмпирических данных.

Детальная декомпозиция модели (1) с учетом весовых коэффициентов значимости каждого компонента имеет следующий вид:

$$Уоп = Фооп^{k1} \cdot Ур^{k2} \cdot Уп^{k3} \quad (2)$$

где

k1, k2, k3 – коэффициенты эластичности (веса), при этом $\Sigma k_i = 1$.

Внутренняя структура блока факторов Фооп также носит кумулятивный характер и декомпозируется по типам приверженности:

$$Фооп = Фа^{w1} \cdot Фк^{w2} \cdot Фн^{w3} \quad (3)$$

где:

Фа – аффективные факторы (ценностное совпадение, климат);

Фк – континуальные факторы (рациональная оценка, стабильность);

Фн – нормативные факторы (чувство долга, значимость деятельности);

w1, w2, w3 – веса соответствующих факторов.

Доказательство данной теоремы вытекает из принятых аксиоматических положений. Поскольку приверженность зависит от системы факторов, а данные факторы обладают различной значимостью и изменяются во времени, управление ими должно быть целенаправленным, системным. Так как приверженность формируема управленческими воздействиями, именно система управления персоналом выступает основным инструментом её развития. Соответствие управленческих практик ожиданиям и ценностным ориентациям молодых специалистов является необходимым условием позитивной динамики приверженности, тогда как несоответствие неизбежно приводит к её снижению. Возможность эмпирического выявления факторов и уровня приверженности обеспечивает основу для корректировки управленческих решений. Следовательно, сочетание диагностики, системного учёта факторов и их практической реализации в управлении персоналом закономерно ведёт к росту организационной приверженности молодых специалистов в органах государственной власти, что и подтверждает истинность сформулированной теоремы.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что построение теоремы развития организационной приверженности молодых специалистов к деятельности в органах государственной власти на основе аксиоматического подхода позволило логически связать факторы приверженности, управленческие механизмы их учета и методы эмпирического выявления в единую теоретико-методологическую конструкцию. Установлено, что организационная приверженность формируется как динамическая система, зависящая от сочетания мотивационных, ценностных, организационных, социально-психологических и карьерных факторов, значимость которых изменяется в процессе профессионального становления молодых специалистов. Сформулированная теорема подтверждает, что устойчивый рост организационной приверженности возможен только при одновременном выполнении трех условий: ие-

рархизации факторов, их целенаправленного учета в системе управления персоналом и постоянной коррекции управленческих решений на основе эмпирических данных.

Литература:

1. Потапова Ю.В., Климухина В.А. Структура и факторы формирования организационной приверженности: теоретическая модель // Организационная психология. 2024. Т. 14. № 3. С. 117–146.
2. Meyer J.P., Allen N.J. A Three-Component Conceptualization of Organizational Commitment // Human Resource Management Review. 1991. Vol. 1. № 1. P. 61–89. DOI: 10.1016/1053-4822(91)90011-Z
3. Чернякевич Е.Ю. Лидерский потенциал и карьерные ориентации как предикторы организационной приверженности молодых специалистов: гендерный аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2023. Т. 44. С. 85–98. https://doi.org/10.26516/2304-1226.2023.44.85
4. McCarthy D., Alexander P., Jung Y. Enhancing the organisational commitment of public sector accounting staff through the pursuit of CSR objectives // Journal of Accounting & Organizational Change. 2022. Vol. 18. № 2. P. 304–324.
5. Meyer J.P., Stanley D.J., Herscovitch L., Topolnytsky L. Affective, continuance, and normative commitment to the organization: A meta-analysis of antecedents, correlates, and consequences // Journal of Vocational Behavior. 2002. Vol. 61. № 1. P. 20–52.

A Theorem for Developing Young Professionals' Organizational Commitment to Government Work

Novruzzade F.T.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

This article examines the formation and development of young professionals' organizational commitment to government work. The study focuses on developing theoretical and methodological foundations for managing this process.

The objective of the study is to substantiate a theorem for developing young professionals' organizational commitment based on a systems analysis of factors, mechanisms, and methods for incorporating them into the HR management system.

The research methodology includes general scientific methods of analysis, synthesis, induction, and deduction, as well as specialized sociological research methods.

The main results of the study showed that young professionals' organizational commitment develops as a dynamic system under the influence of interrelated factors. It has been demonstrated that sustainable growth in commitment is possible when the conditions of conceptual clarity of civil service goals, systematic consideration of factors in HR policy, and regular empirical assessment are simultaneously met. A theorem for the development of organizational commitment in young professionals is formulated.

The practical significance of this study lies in the potential use of the obtained results to improve the HR management system in government agencies.

Keywords: organizational commitment, young professionals, civil service, commitment factors, HR management, HR policy

УДК 338.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-83-89

Концептуальные подходы к развитию предприятий общественного питания как объекта государственного управления

Оборин Матвей Сергеевич*
Доктор экономических наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Акишева Дарья Владимировна
Соискатель кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова

В статье осуществлен системный анализ эволюции концептуальных подходов государственного управления развитием предприятий общественного питания в Российской Федерации. Сфера общественного питания рассматривается как сложный, многоаспектный объект управления, обладающий высоким экономическим потенциалом. Методами институционального, сравнительного и системного анализа выявлены ключевые этапы трансформации управленческой парадигмы: от директивно-плановой модели через доминирование контрольно-разрешительного подхода к формированию современных концепций, интегрирующих «умное» регулирование и стимулирование инноваций, которые могут применяться в механизме государственного управления, интегрирующего элементы публично-частного партнерства. Анализ показал, что существующие ограничения применения данных подходов обусловливают необходимость формирования новой концепции государственного управления, адаптированной к макроэкономическим и рыночным изменениям.

В ходе исследования сформулирован комплекс взаимосвязанных приоритетов государственной политики, направленных на нормативно-правовую модернизацию, цифровизацию надзорной деятельности, стимулирование инвестиционной активности, обеспечение социальной доступности услуг и развитие институтов диалога между властью, бизнесом и обществом.

Ключевые слова: *общественное питание, государственное управление, регулирование, концепция развития, регулирование, публично-частное партнерство, концепция государственного управления*

Для цитирования: *Оборин М.С., Акишева Д.В. Концептуальные подходы к развитию предприятий общественного питания как объекта государственного управления // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 83–89. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-83-89.*

* профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова, главный научный сотрудник Сочинского государственного университета.

Сфера общественного питания представляет собой динамичный сегмент потребительского рынка, оказывающий мультипликативное воздействие на широкий спектр общественных отношений. Будучи значимым экономическим субъектом, формирующим существенную долю валового регионального продукта и обеспечивающим занятость населения, предприятия общественного питания одновременно выполняют критически важные социальные и санитарно-гигиенические функции, непосредственно затрагивающие вопросы качества жизни, общественного здоровья и эпидемиологического благополучия.

Государственное управление сферой общественного питания традиционно охватывает несколько аспектов, связанных с качеством и безопасностью услуг, соблюдением санитарных норм и стандартов.

Рассмотрим состояние сферы общественного питания. На рисунке 1 представлена динамика ее оборота в РФ с 2010 по 2024 гг.

По представленным данным можно сделать вывод, что рост оборота общественного питания в РФ за анализируемый период составил 452 %, что свидетельствует о значительном расширении рынка и увеличении потребительского спроса на услуги в течение всего рассматриваемого периода. Для отрасли это означает переход из категории второстепенного сервиса в значимый сектор экономики, формирующий существенную долю потребительских расходов населения и вносящий весомый вклад в ВВП, что объективно повышает её значимость как объекта государственного управления, требуя перехода от фрагментарного регулирования к выстраиванию комплексной отраслевой политики, направленной на поддержание положительной динамики через стимулирование инвестиций, модернизацию инфраструктуры и обеспечение качественного роста в условиях возрастающей конкуренции и ожиданий потребителей.

По данным рисунка 2 можно сделать вывод, что рост динамики валовой прибыли сферы общественного питания в РФ за анализируемый период составил 282,8 %, однако её рост отстаёт от оборота, что может указывать на снижение рентабельности.

Устойчивая тенденция сохраняется в период после 2020 г., наиболее существенный рост пришелся на 2023–2024 гг., прибыль в абсолютном выражении превысила 200 млн руб.

Из данных рисунка 3 можно сделать вывод, что прирост коммерческих и управленческих расходов сферы общественного питания в РФ за анализируемый период составил 200,1 %, что требует оптимизации управления затратами в сфере. Данный показатель связан с общей динамикой рынка и соответствует стабильности.

По показателю численности предприятий общественного питания в РФ, представленной на рисунке 4, за анализируемый период наблюдается прирост на 34 %, что говорит о развитии инфраструктуры при одновременной концентрации оборота вокруг наиболее эффективных игроков.

Таким образом, отрасль демонстрирует количественный рост, сопровождаемый качественными изменениями: увеличением масштабов деятельности, ростом числа субъектов в различных категориях, концентрацией капитала. Данные тенденции подтверждают необходимость повышения эффективности государственной политики, направленной на

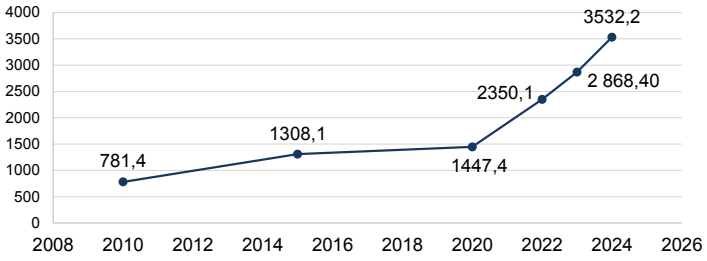

Рис. 1. Динамика оборота общественного питания в РФ с 2010 по 2024 гг., млрд руб.

Составлено авторами на основе [1].

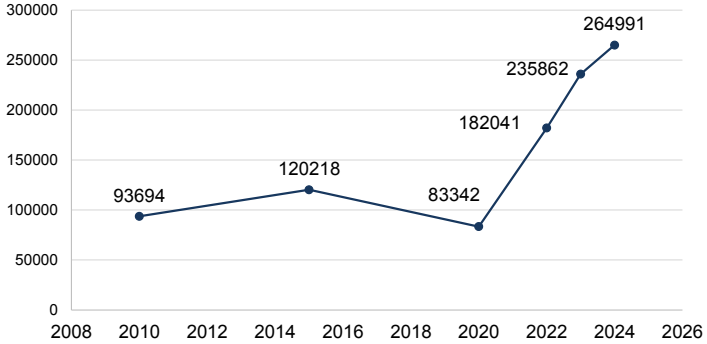

Рис. 2. Динамика валовой прибыли сферы общественного питания в РФ с 2010 по 2024 гг., млн руб.

Составлено авторами на основе [1; 2].

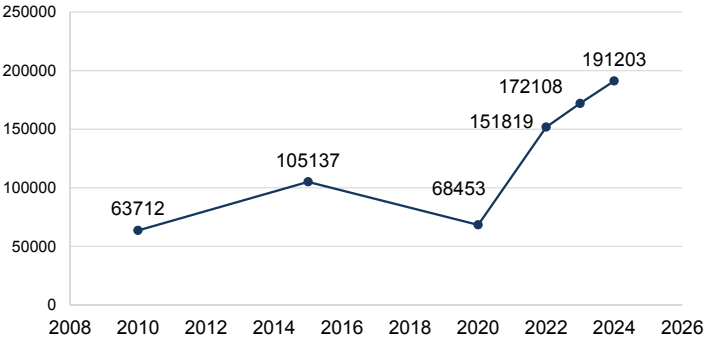

Рис. 3. Динамика коммерческих и управленческих расходов сферы общественного питания в РФ с 2010 по 2024 гг., млн руб.

Составлено авторами на основе [1; 2].

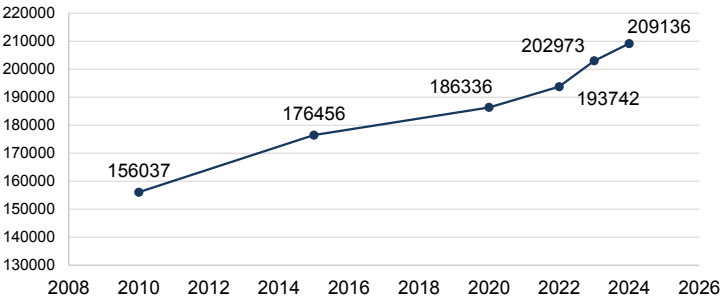

Рис. 4. Динамика численности предприятий сферы общественного питания в РФ с 2010 по 2024 гг., ед.

Составлено авторами на основе [1; 2].

поддержку инноваций, оптимизацию регулирования и обеспечение социальной доступности услуг общественного питания, предполагающей переход к более эффективным концепциям и механизмам управления [3; 4].

Двойственная природа отрасли порождает комплекс управленческих дилемм, связанных с поиском оптимального баланса между стимулированием предпринимательской инициативы, созданием конкурентной среды и необходимостью обеспечения жестких нормативных требований в области безопасности пищевой продукции. Эволюция концептуальных подходов к государственному управлению развитием предприятий общественного питания отражает общие тенденции трансформации роли государства в экономике, движение от директивных методов к косвенному регулированию, однако сохраняет свою специфику, обусловленную высокой степенью социальной ответственности бизнеса в данной области.

Исторически формирование системы государственного управления общественным питанием в отечественной практике было неразрывно связано с преобладанием «этатистской модели», в рамках которой государство выступало не только регулятором, но и основным собственником, оператором и плановиком развития сети предприятий. Данный подход, доминировавший в условиях плановой экономики, характеризовался жесткой централизацией, стандартизацией ассортимента, а также подчинением отрасли логике обеспечения минимальных социальных гарантий, что, с одной стороны, позволяло поддерживать широкую географическую доступность услуг питания, но, с другой, подавляло рыночную мотивацию, инновации и качество обслуживания [5].

Переход к рыночной экономике ознаменовал кардинальный сдвиг, выразившийся в приватизации значительной части объектов, демонополизации рынка и радикальном сокращении прямого участия государства в хозяйственной деятельности. Однако данный процесс сопровождался реновацией управленческой парадигмы, которая в 1990-е – начале 2000-х гг. свелась преимущественно к фискальной и контрольно-надзорной функциям, при относительном пренебрежении аспектами стратегического развития отрасли как элемента социальной инфраструктуры и инструмента реализации публичных интересов.

Концептуальной основой регулирования на этом этапе стал так называемый контрольно-разрешительный подход, акцентированный на соблюдении установленных запретов и ограничений (санитарных, противопожарных, градостроительных), что зачастую порождало избыточные административные барьеры и коррупционные риски, не способствуя при этом системному решению проблем инвестиционной привлекательности, технологической отсталости и пространственного неравенства в обеспечении услугами питания [6].

Осознание ограниченности и негативных побочных эффектов рассматриваемой модели привело к постепенной концептуальной переориентации в сторону более сбалансированных и комплексных подходов, интегрирующих регулирование, стимулирование и партнерское взаимодействие. В связи с этим можно выделить несколько взаимодополняющих концептуальных направлений, определяющих основу концептуальных изменений государственного управления развитием предприятий общественного питания:

I. Подход, основанный на оценке рисков и «умном» регулировании [7; 8; 9; 10], где в основе предполагается дифференциация интенсивности государственного контроля в зависимости от реального риска причинения вреда жизни, здоровью потребителей, связанного с деятельностью конкретного предприятия. Реализация данного подхода требует перехода от тотального планового надзора к выборочным проверкам, частота и глубина которых определяется категорией риска объекта, а также внедрения профилактических механизмов, таких как принципы HACCP (Анализ рисков и критические контрольные точки). Концептуальный смысл «умного» регулирования заключается в перераспределении ресурсов контрольно-надзорных органов на наиболее опасные участки, одновременно снижая административное давление на добросовестный бизнес, что создает предпосылки для повышения эффективности как надзора, так и хозяйственной деятельности.

Переход, обусловленный внешними вызовами, предполагает коренное изменение целеполагания: от обеспечения формального соответствия нормам к активному созданию условий для развития конкурентоспособной, технологичной и социально ответственной отрасли, вносящей вклад в экономику, продовольственную безопасность и развитие взаимосвязанных отраслей, включает три ключевых положения:

– внедрение риск-ориентированного подхода, минимизирующего административную нагрузку на добросовестный бизнес;

– цифровизация контроля и других функциональных направлений деятельности предприятий общественного питания;

– рассмотрение общественного питания как элемента сложных отраслевых систем и комплексов, что требует от государства роли архитектора отраслевой среды, объединяющего стимулирование, стратегическое планирование и эффективный надзор для достижения национальных целей.

II. Стимулирующе-инновационный подход. Государство актуализирует свою роль как создателя благоприятных институциональных и экономических условий для модернизации отрасли [12; 13]. Инструментарий здесь включает меры финансовой и нефинансовой поддержки малого и среднего предпринимательства (льготное кредитование, гранты), стимулирование внедрения ресурсосберегающих технологий и цифровых решений (онлайн-заказ, бесконтактная оплата, автоматизация процессов), а также поддержку образовательных и научно-исследовательских программ в области пищевых технологий, ресторанного менеджмента и гастрономического туризма. Развитие отрасли рассматривается не только через призму санитарного соответствия, но и как фактор повышения туристической привлекательности территорий, формирования региональных гастрономических брендов, что требует межведомственной координации и интеграции отраслевой политики в более широкие стратегии социально-экономического развития.

III. Социально-ориентированный и инфраструктурный подход [14; 15]. Данный подход реконцептуализирует предприятия общественного питания как элемент социальной инфраструктуры, активно адаптирующий цифровые технологии и решения, обеспечивающие доступность и качество услуг, влияющие на уровень жизни населения. Государственное управление в этой логике фокусируется на решении проблемы пространственного и ценового неравенства, особенно в малых городах и сельской местности, депрессивных районах крупных агломераций. Механизмами реализации могут выступать программы развития социального питания (в школах, больницах, учреждениях социальной защиты), установление ценовых ориентиров или компенсаций для отдельных категорий потребителей, а также градостроительное планирование, предусматривающее закрепление в правилах землепользования и застройки нормативов обеспеченности объектами общественного питания. Таким образом, государство берет на себя функцию гаранта минимально необходимой доступности услуг, особенно в контексте обеспечения питанием уязвимых групп населения.

Л.А. Маюрникова отмечает, что ключевым вызовом для отрасли, представленной преимущественно малыми и социально-ориентированными предприятиями, является преодоление структурных и кадровых ограничений для инновационного развития, что требует целенаправленных управленческих решений на уровне государственной политики. Поскольку отрасль характеризуется децентрализацией, многоформатностью и доминированием субъектов малого бизнеса с низким инновационным потенциалом и дефицитом соответствующих компетенций, традиционные рыночные механизмы оказываются недостаточными для стимулирования технологической модернизации и повышения качества услуг [16].

В этой связи концепция государственного управления должна предусматривать инструменты разработки и внедрения мер интеграции предприятий общественного питания в региональные социально-экономические процессы, формирование партнерств с научно-образовательными учреждениями и региональной инновационной инфраструктурой, а также создание стимулов для развития человеческого капитала и внедрения стратегического управления инновациями на уровне отдельных предприятий.

Таким образом, государственное управление развитием сферы общественного питания должно быть нацелено на преодоление её внутренней фрагментации и низкой инновационной готовности через инструменты целенаправленного институционального и кадрового проектирования. Государство становится ключевым регулятором, формирующим условия для перехода отрасли на траекторию устойчивого инновационного роста, отвечающего как экономическим, так и социальным задачам обеспечения населения здоровым питанием.

IV. Партнерская модель управления (государственно-частное партнерство – ГЧП). Применение механизмов ГЧП к сфере общественного питания представляет собой наиболее продвинутую концепцию, предполагающую переход от модели «регулятор-подконтрольный субъект» к сотрудничеству на основе разделения рисков, ответственности и компетенций. Данная модель может быть эффективна при реализации крупных инфраструктурных проектов (например, создание централизованных комбинатов питания для образовательных или медицинских учреждений), реконструкции исторических объектов, развитии придорожного сервиса. Концептуальная ценность партнерского подхода заключается в привлечении частных инвестиций и управленческих технологий для решения публичных задач, при этом государство сохраняет за собой функции установления стандартов качества и контроля за их исполнением, что позволяет сочетать эффективность частного сектора с приоритетами общественного интереса.

Ключевое для сферы общественного питания изменение в государственном управлении заключается в переходе от узкой модели к более широкой и комплексной системе публичного управления, где, наряду с традиционными государственными органами, в решении отраслевых задач участвует множественность негосударственных субъектов, таких как государственные корпорации, общественные объединения, некоммерческие организации и институты общественного контроля.

Таким образом, государство перестает быть единственным «архитектором» отраслевой среды, уступая часть регуляторных, контрольных и стимулирующих функций иным субъектам, что, с одной стороны, усложняет архитектуру управленческих связей и информационных каналов, а с другой – способствует децентрализации, внедрению синергетических подходов и конвергенции государственно-правовых и частноправовых методов регулирования.

Данный переход коррелирует с ранее выявленной тенденцией к «умному» регулированию, так как вовлечение профессиональных ассоциаций, общественных советов и иных структур в процессы стандартизации, контроля качества и выработки отраслевой политики позволяет повысить гибкость, адресность и легитимность управленческих решений, трансформируя роль государства от непосредственного контролера к координатору сложной сети публичных и частных субъектов, совместно обеспечивающих достижение стратегических целей в области безопасности, доступности и конкурентоспособности отрасли общественного питания.

Анализ представленных концептуальных подходов позволяет утверждать, что ни один из них в отдельности не является универсальным и достаточным для комплексного управления развитием столь многогранной сферы, как общественное питание. В связи с этим представляется необходимым формирование интегративной, многоуровневой концепции, которая синтезировала бы их ключевые элементы в рамках единой стратегической рамки, представленной на рисунке 5.

Ядром такой концепции должно стать понимание предприятия общественного питания как сложного объекта управления, одновременно являющегося: субъектом рынка (требующим условий для конкуренции и роста), объектом надзора (требующим гарантий безопасности), элементом социальной инфраструктуры (требующим обеспечения доступности) и потенциальным партнером в реализации публичных задач.

Реализация концепции предполагает следующие приоритетные направления государственной политики, сформированные на основе синтеза выявленных концептуальных подходов и направленные на преодоление фрагментации управления:

1. Нормативно-правовая модернизация и изменение подхода к техническому регулированию, ориентированные на трансформацию системы обязательных требований к отрасли посредством перехода от избыточно детализированных императивных норм к гибкой системе рамочного регулирования, основанной на управлении процессами и конечным результатом. Ключевым элементом становится внедрение международных признанных принципов, таких как HACCP, и унификация национальных стандартов с практиками *Codex Alimentarius* и *ISO* серии 22000, что в свою очередь способствует не только повышению безопасности продукции, но и интеграции отечественных предприятий в глобальные цепочки создания стоимости.

2. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности и внедрение превентивных механизмов. Реализация риск-ориентированного подхода требует цифровой трансформации надзорных процессов через создание интегрированных платформ, объединяющих данные о предприятиях, результаты контроля, жалобы потребителей и информацию дистанционного мониторинга. Применение электронных чек-листов и алгоритмов категорирования рисков позволяет минимизировать субъективность и оптимизировать распределение ресурсов надзора, а параллельное развитие института профилактического консультирования бизнеса способствует декриминализации контрольной деятельности и формированию отношений, основанных на доверии и разделении ответственности между регулятором и субъектами рынка.

3. Совершенствование механизма и инструментов государственного управления развитием сферы

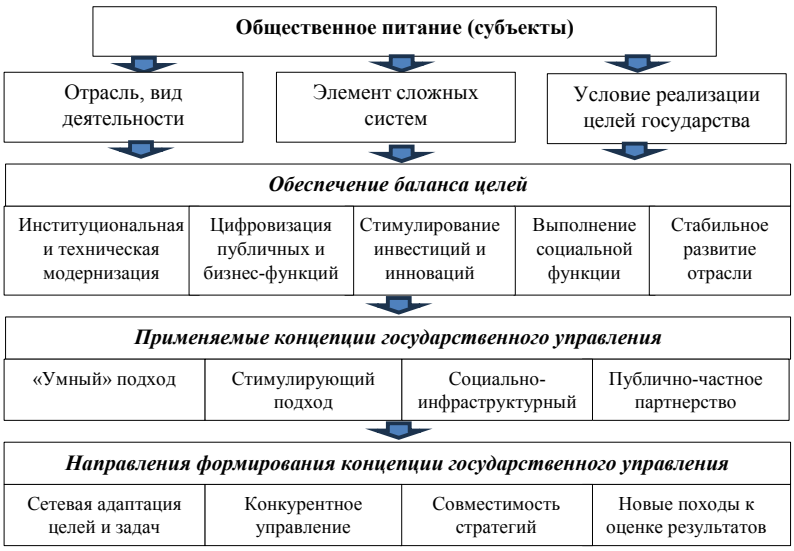

Рис. 5. Концепция государственного управления развитием предприятий общественного питания

Составлено авторами.

общественного питания, ориентированных на активное содействие обновлению материально-технической базы и бизнес-моделей. Инструментарий включает прямую финансовую поддержку и косвенные меры: развитие цифровых платформ агрегации спроса, поддержку кластерных инициатив и продвижение национальных гастрономических брендов.

4. Реализация социальной функции и обеспечение доступности услуг. Предлагаемая концепция предполагает принятие государством роли гаранта минимального уровня доступности услуг питания для социально уязвимых групп и территорий, не только через прямое финансирование социального питания в учреждениях, но и с помощью инструментов пространственного планирования, таких как закрепление нормативов обеспеченности объектами общепита в правилах застройки и механизмы льготной аренды.

5. Эффективность реализации предложенной концепции напрямую зависит от формирования эффективных платформ диалога между всеми заинтересованными сторонами: государством, бизнес-ассоциациями, организациями потребителей, профессиональными и научными сообществами. Такие институты позволяют делегировать часть функций саморегулируемым организациям, актуализировать стандарты и совместно вырабатывать «дорожные карты» развития отрасли, что соответствует тенденции перехода к публичному управлению, где государство выступает координатором сети разнородных факторов, обеспечивая легитимность и гибкость управленческих решений.

Предложенные направления развития носят взаимодополняющий характер и обладают синергетическим эффектом. Их системная реализация позволит преодолеть традиционный дуализм между экономической эффективностью и социально-гигиеническими требованиями, трансформировав сферу общественного питания в стратегический сектор, вносящий вклад в экономический рост, продовольственную безопасность, общественное здоровье и качество жизни населения.

Подводя итог, стоит отметить, что эволюция государственного управления развитием предприятий общественного питания отражает переход от узкоотраслевого администрирования к комплексному регулированию, интегрированному в общегосударственные и региональные стратегии развития. Современный этап требует сочетания механизмов и инструментов, создающих условия для предпринимательской инициативы, технологической модернизации и роста конкурентоспособности, с обеспечением высоких стандартов безопасности и доступности услуг. Концепция, объединяющая риск-ориентированный, стимулирующий, социальный и партнерский подходы, преодолевает традиционный дуализм экономических и социальных целей. Её реализация через цифровизацию, декриминализацию надзора и развитие диалога с бизнесом способна трансформировать отрасль в динамичный сектор экономики и результативный инструмент повышения качества жизни, укрепления здоровья населения, сбалансированного отраслевого и территориального развития.

Литература:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035 с.
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 28. 01. 2026).
3. Гречушкина Н.А. Меры государственной политики в сфере управления рисками для здоровья, связанными с питанием // Здоровье мегаполиса. 2022. Т. 3. № 1. С. 65–72.
4. Палкина А.А. Взаимосвязь роли государственной поддержки и целесообразности её получения предприятиями общественного питания в 2022 году // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2022. № 2 (47). С. 1.
5. Кикоть В.И. Исторические аспекты формирования этатистской теории государства // Экономика строительства и природопользования. 2019. № 4(73). С. 55–61.
6. Петрова М.О. Адаптивные стратегии бизнеса в условиях экономической нестабильности // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № S1. С. 1–19. URL: https://esj.today/PDF/109FAVN125.pdf.
7. Косырева М.В. Разработка стратегии общественного питания в контексте цифровизации // Московский экономический журнал. 2024. Т. 9. № 1. С. 51
8. Лопатин С.А., Чернова С.В. Концептуальные подходы к управлению предприятием общественного питания // Актуальные проблемы развития индустрии гостеприимства: сб. трудов, Санкт-Петербург, 27 апреля 2016 г. / Под ред. О.Н. Кострюковой, О.А. Никитиной, Е.В. Печерица. СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-тет, 2016. С. 58–61.
9. Оборин М.С. Управление рисками сферы услуг общественного питания // Страховое право. 2019. № 3(84). С. 35–42.

10. Оборин М.С. Повышение эффективности деятельности предприятий сферы услуг общественного питания в регионах РФ на основе улучшения бизнес-процессов // Инновационное развитие экономики. 2019. № 1(49). С. 110–117.
11. Гагаринская Г.П., Казакова А.С. Инновации, тренды и digital-технологии в системе управления предприятиями общественного питания // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 1-1. С. 346–351.
12. Якубук Ю.П. Проблемы формирования и государственного регулирования цен на предприятиях общественного питания: мировая практика // Научный результат. Серия: Экономические исследования. 2015. Т. 1, № 1. С. 24–30.
13. Удилова Е.Н. Актуальные тренды рынка общественного питания в России и факторы, оказывающие на него влияние // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 621–627.
14. Хоркина Н.А., Четаева К.Г., Шпеко А.Д. Роль государства в продвижении программ здорового питания: мировой опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 183–210.
15. Решетникова Е.Г. Развитие методических аспектов организации внутренней продовольственной помощи // Международный сельскохозяйственный журнал. 2024. № 3 (399). С. 250–254.
16. Маюрникова Л.А., Кокшаров А.А., Крапива Т.В., Петкович А.И., Мешков О.В. Анализ и перспективы инновационного развития предприятий общественного питания // Техника и технология пищевых производств. 2023. Т. 53. № 1. С. 140–149.

Conceptual Approaches to the Development of Public Catering Enterprises as an Object of Public Administration

Oborin M.S.
Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian Economic University,
Perm State National Research University,
State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov,
Sochi State University
Akisheva D.V.
State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov

The article provides a systematic analysis of the evolution of conceptual approaches to public administration of catering enterprises in the Russian Federation. The catering industry is considered as a complex, multidimensional management object with high economic potential. Using the methods of institutional, comparative and system analysis, the key stages of the transformation of the management paradigm have been identified: from the directive-planning model through the dominance of the control and permissive approach to the formation of modern concepts integrating "smart" regulation, stimulating innovations that can be applied in the mechanism of public administration, integrating elements of public-private partnership. The existing limitations of these approaches contribute to the need to form a public administration concept adapted to macroeconomic and market changes. A set of interrelated priorities of state policy has been formulated aimed at regulatory modernization, digitalization of supervision, stimulating investment, ensuring social accessibility of services and developing institutions for dialogue between government, business and society.

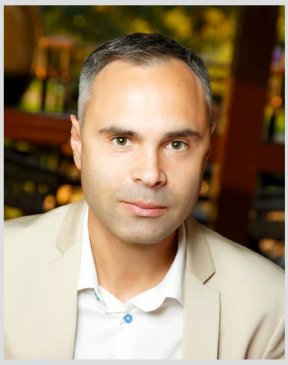
Keywords: public catering, public administration, regulation, development concept, regulation, public-private partnership, public administration concept

УДК 338.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-90-95

Стратегические проблемы государственного управления и регулирования сферы туризма и рекреации в условиях восстановления экономики

Оборин Матвей Сергеевич*
Доктор экономических наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Орлов Станислав Павлович
Аспирант кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности государственного управления и регулирования туристической отрасли как стратегического сектора экономики в период восстановления. Целью исследования заключается в выявлении системных стратегических проблем в нормативно-правовом обеспечении развития туристско-рекреационной сферы Российской Федерации. Научная новизна работы состоит в проведении комплексного анализа взаимосвязи методологического разрыва между декларируемыми подходами к управлению и реальной практикой с конкретными недостатками правового регулирования. В результате выявлены ключевые проблемы: отсутствие унификации понятийного аппарата, недостаточная оценка эффективности реализуемых стратегий, несогласованность целевых показателей и недоучет экологических аспектов. Предложены системные решения, включая иерархию понятийного аппарата сферы туризма в нормативно-правовых актах и принципы гармонизации системы целевых показателей. Полученные выводы направлены на оптимизацию государственной политики, совершенствование стратегического планирования и нормативно-правовой базы в сфере рекреации и туризма.

Ключевые слова: *государственное регулирование, туристско-рекреационная сфера, программно-целевой подход, нормативно-правовое регулирование, стратегическое планирование, недостатки*

Для цитирования: *Оборин М.С., Орлов С.П. Стратегические проблемы государственного управления и регулирования сферы туризма и рекреации в условиях восстановления экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 90–95. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-90-95.*

* профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова, главный научный сотрудник Сочинского государственного университета.

Восстановление экономики требует поиска эффективных моделей государственного управления и регулирования стратегических отраслей, к которым относится сфера туризма в Российской Федерации. Организационной основой регулирования данной отрасли является программно-целевой подход, который реализуется через систему взаимосвязанных стратегий, программ и проектов на разных временных горизонтах. Анализ ключевых программных документов (представленых ниже) выявляет направленность на всестороннее развитие отрасли. Дополнительно в программных документах наблюдаются системный, комплексный, кластерный, проектный, риск-ориентированный и синергетический подходы, которые определяют необходимость учета межотраслевых связей, региональных особенностей, факторов риска и синергетических эффектов.

Расширение мер государственной поддержки (от налоговых преференций до софинансирования) отражает фокус государства на развитии внутреннего туризма [1, с. 1730]. Эта политика, закрепленная в национальных проектах, продиктована приоритетами экономической безопасности, социально-экономическими задачами (благоустройство территорий, улучшение транспортной доступности, развитие кадров и технической базы) на всех уровнях управления. Однако такая поддержка сталкивается с ограничениями на практике.

С точки зрения фактического управления, более сложные и нелинейные подходы, такие как кластерный или синергетический, особенно на уровне реализации и распределения ресурсов, еще не нашли надлежащего институционального и инструментального воплощения. Приоритетным остается традиционный программно-целевой подход, который направлен на достижение количественных показателей в определенном бюджетном лимите. Задачи, разработанные с использованием комплексного вектора, реализуются инструментами, которые не полностью рассчитаны на такую сложность. Такая ситуация является отражением правовых и административных проблем в сфере туризма.

Мультипликативный характер представляет особую сложность в системе государственного управления сферой рекреации и туризма. Туризм, как многоплановый комплекс, сочетает в себе элементы транспорта, гостиничного бизнеса, культуры и экологии, и требует не только вертикальной иерархии управления, но и эффективной горизонтальной координации. На современном этапе еще не отработан механизм межведомственного взаимодействия. Функции и полномочия Министерства экономического развития России, отраслевых министерств, профильных организаций часто дублируются и приводят к появлению зон низкой ответственности в сфере развития инфраструктуры отрасли.

Передача функций, связанных с государственной политикой в сфере туризма, Министерству экономического развития России подтверждает экономический переход от отраслевого подхода к экономическому с ориентацией на вклад туризма в ВВП и развитие малого и среднего бизнеса. Однако разрыв между стратегическим планированием и оперативным управлением на региональном и муниципальном уровнях не позволяет полностью реализовать потенциал модели государственного управления, в которой главной задачей регулирования является не только повышение статистических показателей туристического потока, но и создание качественной среды для рекреации и туризма.

В системе государственного управления туризмом в России стратегические документы декларируют различные комплексные подходы, но не обеспечивают их достаточными механизмами реализации. В результате на уровне исполнения возникает институциональный дисбаланс, наиболее ярко проявляющийся в рассогласовании федеральных планов и региональной реализации. Эти системные управленческие проблемы находят свое отражение в недостатках нормативно-правовой базы.

В основе государственного регулирования развития сферы туризма и рекреации в России действительно лежит многоуровневая система нормативно-правовых актов, которая включает федеральные, региональные и муниципальные документы. Ключевыми элементами этого базиса являются: Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [2], Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2021 № 2897-р «Концепции развития яхтенного туризма до 2030 года» [3], Распоряжение Правительства РФ от 22.01.2022 № 117-р «Концепция развития круизного туризма до 2024 года» [4], Распоряжение Правительства РФ от 25.04.2024 № 1025-р «Концепция развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [5], Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [6], Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2018 № 2581-р «Стратегия развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации» [7], и Распоряжение Правительства РФ от 07.03.2019 № 369-р «Стратегия развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа до 2035 года» [8]. В программный блок также входят: Постановление Правительства РФ от 24.12.2021 № 2439 «Государственная программа Российской Федерации. «Развитие туризма» [9], Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» до 2030 года [10], федеральные программы по развитию туристической инфраструктуры [11], повышению доступности туристических продуктов [12], совершенствованию управления в сфере туризма [13].

Правовое регулирование развития сферы туризма в Российской Федерации представляет собой сложную трехуровневую систему нормативно-правовых актов, включающую множественные законные и подзаконные акты, принимаемые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Визуализация соподчиненности правовых норм в сфере туризма на всех уровнях управления представлена на рисунке 1.

В основе документов развития сферы туризма лежит программно-целевой подход, включающий несколько видов взаимосвязанных документов: федеральные и региональные законы, стратегии, концепции, государственные программы, национальные и целевые проекты.

Анализ множественных программных документов, регламентирующих государственное регулирование сферы рекреации и туризма и ее развития на федеральном и региональном уровнях, выявил наличие ряда недостатков законодательного регулирования.

Во-первых, действующие нормативно-правовые акты демонстрируют наличие проблемы корректного определения терминологического аппарата сферы туризма и рекреации в виде отсутствия единых унифицированных понятий в законодательных актах на федеральном и региональном уровнях.

Определения понятий, изложенных в региональных законах, регулирующих туризм, и федеральном законе об основах туристской деятельности [2], практически не имеют различий, за исключением незначительных конкретизаций. Одновременно с этим, региональные стратегии и программы развития туризма, как правило, ссылаются на данный Федеральный закон или определения понятий соответствуют указанным в федеральных стратегиях. Тем не менее в ряде региональных документов также присутствуют различия в терминологии (например, в Стратегии развития туризма в СКФО до 2035 года [8] и в Стратегии развития туризма в Ставропольском крае до 2035 года [14]).

Таким образом, назрела необходимость унификации единого понятийного аппарата сферы туризма и рекреации в рамках действующего российского законодательства. Целесообразно в нормативно-правовые акты, регулирующие сферу туризма, включать только термины, отсутствующие в нормативно-правовых актах федерального значения, в остальных случаях понятийный аппарат региональных стратегий и программ развития туризма должен применяться в тех же значениях, что и в законе об основах туристской деятельности [2] и федеральных стратегиях.

Невозможность учесть в действующем законодательстве всех терминов и понятий, дать исчерпывающую классификацию всех видов туризма, сложность предмета исследования, а также непрекращающееся развитие и трансформация индустрии, появление новых видов и явлений в туризме, порождает необходимость постоянного обновления и дополнения терминологического аппарата туризма.

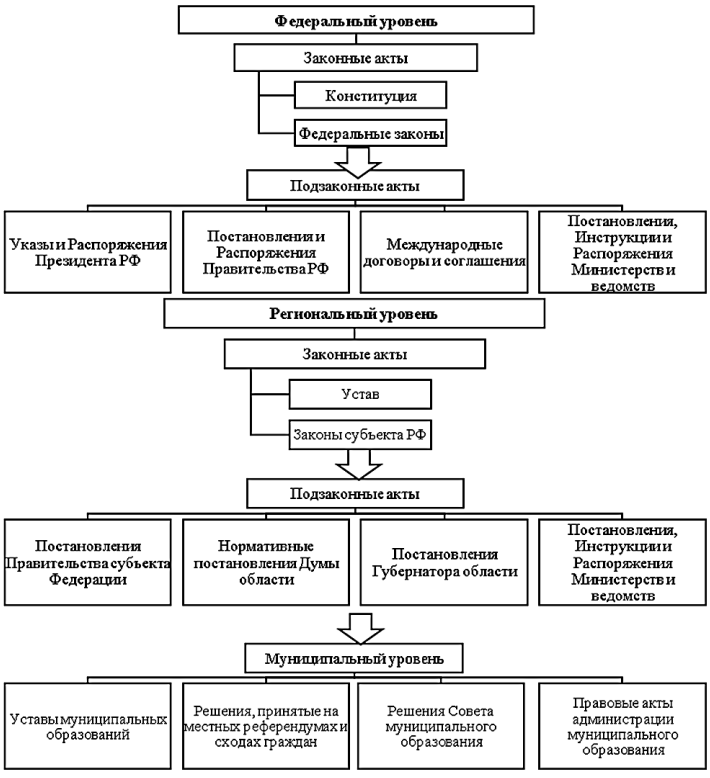

Рис. 1. Иерархия в системе правового регулирования туризма на федеральном, региональном и муниципальном уровнях

Составлено авторами.

Целесообразно изменить иерархию понятийного аппарата сферы туризма в нормативно-правовых актах, как показано на рисунке 2.

Региональные нормативно-правовые акты при необходимости могут дополнять существующий понятийный аппарат туризма, в остальных понятиях ссылаясь на аппарат регионального закона (при наличии) или на федеральные стратегии развития туризма, базирующиеся на положениях Стратегии развития туризма Российской Федерации до 2035 г. [6], которая, в свою очередь, опирается на закон об основах туристской деятельности [2]. Региональные акты базируются на федеральной терминологии, могут дополнять понятийный аппарат только в случае необходимости, должны избегать противоречий с федеральным законодательством. Таким образом, на всех уровнях нормативно-правовые и законодательные акты могут дополнять понятийный аппарат сферы туризма, одновременно с этим избегая противоречий и дублирования терминов.

Во-вторых, существует проблема оценки эффективности реализации программ и стратегий предыдущих периодов.

Рис. 2. Предлагаемая иерархия понятийного аппарата сферы туризма в нормативно-правовых актах

Составлено авторами.

Каждая из рассматриваемых федеральных стратегий содержит анализ текущего состояния и трендов развития туризма в мире и в стране. Между программными документами существует взаимосвязь и взаимозависимость. Сравнение стратегий развития туризма, принятых с 2008 г., показывает, что ключевые вопросы, ограничивающие развитие туризма, практически не изменились. Базовая долгосрочная проблематика, ограничивающая развитие туристической индустрии, остается практически неизменной на протяжении всего периода стратегического планирования в сфере туризма.

Однако, несмотря на краткий анализ основных показателей развития туризма, ни один из программных документов не содержит оценки эффективности программ и стратегий, реализованных за предыдущие периоды, и достижения поставленных ранее целей и задач, выраженных в числовых показателях. Это, в свою очередь, не позволяет определить недостатки государственного регулирования.

Влияние государственного регулирования на итоговые показатели динамики развития туризма не оценивается. Необходимость такой оценки обусловлена тем, что существует множество факторов, влияющих на индустрию туризма, среди которых государственное регулирование является лишь одной частью. Также не учитываются социальные, внешнеполитические и экономические факторы, оказывающие существенное влияние на туристический поток (его объем и направления), в частности динамика фактического спроса населения, курса российского рубля, демографические изменения и так далее.

Эти показатели необходимо учитывать, поскольку основные факторы, определяющие рост туристических потоков и вытекающие из этого другие показатели, лежат за пределами государственного управления в области туризма.

Поэтому показатели эффективности государственного регулирования и общие показатели развития туризма за определенный период могут демонстрировать разные особенности динамики. Отсутствие такой оценки эффективности реализации программ и стратегий в предыдущие периоды и достижения ранее поставленных целей в числовом выражении может привести к неверной интерпретации данных и неточным выводам. Средне- и долгосрочная динамика развития туризма недостаточно учитывается во многих региональных программных документах.

Необходимо отметить, что для каждой туристической территории Российской Федерации ключевые направления развития туризма должны определяться индивидуально, с опорой на анализ туристско-рекреационного потенциала и уникальных особенностей, а также социально-экономической динамики развития региона.

Устранение выявленных недостатков требует разработки и внедрения комплексной системы показателей. Для решения этой проблемы может быть использован научно обоснованный подход к оценке эффективности государственного регулирования туризма, предложенный в работе отечественных исследователей [15, с. 178–179], который позволяет проводить оценку с учетом социально-экономических факторов.

В-третьих, на федеральном уровне отсутствует единый документ, регламентирующий порядок выбора региональными и муниципальными органами государственной власти целевых показателей при разработке документов стратегического характера в сфере туризма.

Субъекты Федерации самостоятельно определяют данные показатели, при этом отсутствует единая гармонизированная система целевых показателей на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном). Анализ стратегий и программ развития на федеральном и региональном уровнях выявил отсутствие системности и взаимосвязанности, содержащихся в них систем целевых показателей. Таким образом, актуальным является вопрос о вертикальной гармонизации целевых показателей туризма в документах стратегического характера.

В-четвертых, несмотря на использование комплексного подхода для целей развития сферы туризма и рекреации, среди стратегических целевых показателей программных документов отсутствуют экологические показатели. Экологическому аспекту в стратегическом планировании развития индустрии уделено недостаточное внимание, преимущественно сосредоточенное в направлении «экологический туризм» как одном из приоритетных видов туризма, даже несмотря на декларирование значительных рисков, связанных с ростом экологической нагрузки на туристские территории.

Вышеуказанные проблемы необходимо решать комплексно, чтобы обеспечить устойчивое развитие туристического сектора в долгосрочной перспективе. Для их преодоления рекомендуется следующее: унификация понятийного аппарата, внедрение оценки эффективности программ, гармонизация целевых показателей, учет экологической составляющей в планировании. Реализация подобных мер создаст условия для повышения эффективности государственного регулирования отраслью и ее перехода к устойчивому развитию в условиях восстановительного роста экономики.

Литература:

1. Кучумов А.В., Еремичева П.Ю., Богданов И.Ю. Государственное регулирование туризма в России: современные тенденции и перспективы // Экономика, предпринимательство и право. 2025. № 3. С. 1725–1738.
2. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 28.04.2023) // СПС КонсультантПлюс.
3. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2021 № 2897-р «Концепция развития яхтенного туризма в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/608970001.
4. Распоряжение Правительства РФ от 22.01.2022 № 117-р «Концепция развития круизного туризма в Российской Федерации на период до 2024 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/728081986.
5. Распоряжение Правительства РФ от 25.04.2024 № 1025-р «Концепция развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/1305816479.
6. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/561260503.
7. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2018 № 2581-р «Стратегия развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации». URL: https://docs.cntd.ru/document/551760675.
8. Распоряжение Правительства РФ от 07.03.2019 № 369-р «Стратегия развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/553884081.
9. Постановление Правительства РФ от 24.12.2021 № 2439 «Государственная программа Российской Федерации. «Развитие туризма» URL: https://docs.cntd.ru/document/727709328.
10. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» на период до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a81991a24c1e7e7b4c1b0f70e81f1467/NP_Turizm_i_industriya_gostepriimstva.pdf (дата обращения: 13.01.2026).
11. Федеральная программа «Развитие туристической инфраструктуры». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/46af81ad27ae6ba3e5e2eeb317a51acf/FP_Turisticheskaya_infrastruktura.pdf (дата обращения: 13.01.2026).
12. Федеральная программа «Повышение доступности туристических продуктов». URL: https://economy.gov.ru/material/file/f022d5ac0620cc57cd021e757924ab90/FP_Dostupnost_turisticheskogo_produkta.pdf (дата обращения: 13.01.2026).
13. Федеральная программа «Совершенствование управления в сфере туризма» URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/90a99fdfb4c58a5dcd0044e9ca5ff383/FP_Sovershenstvovanie_upravleniya.pdf (дата обращения: 13.01.2026).
14. Приказ Минтуризма Ставропольского края от 30.12.2019 № 213/од «Об утверждении Стратегия развития туризма в Ставропольском крае до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/570991469.
15. Оборин М.С., Орлов С.П. Подходы к разработке механизма государственного регулирования сферы рекреации и туризма // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 111. С. 174–185.

Strategic Problems of Public Administration and Regulation of Tourism and Recreation in the Context of Economic Recovery

Oborin M.S.
Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian Economic University,
Perm State National Research University,
State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov,
Sochi State University

Orlov S.P.
Perm State National Research University

This study stems from the urgent necessity to increase the effectiveness of state regulation of tourism as a strategic sector during the economic recovery period. The purpose of the study is to identify systemic strategic problems within the legal framework governing the expansion of Russia's tourism and recreation sector. The scientific novelty lies in a comprehensive analysis of the relationship between the methodological gap between the declared approaches to management and real practice with specific shortcomings of legal regulation. As a result, key problems were identified: lack of unification of the conceptual framework, insufficient assessment of the effectiveness of strategy implementation, inconsistency of target indicators and underestimation of environmental aspects. System solutions are proposed, including the hierarchy of the conceptual apparatus of the tourism sector in regulatory legal acts and the principles of harmonization of the target indicators system. Results obtained can be integrated into the development of state-level tourism strategies and the modernization of the regulatory environment for recreation and tourism.

Keywords: state regulation, tourism and recreational sphere, program-oriented approach, regulatory and legal regulation, strategic planning, disadvantages

УДК 351 : 354
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-96-100

Государственно-частное партнерство в комплексном развитии территорий воссоединённых субъектов РФ

Озаровская Анастасия Викторовна
Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления образовательной организацией Азовского государственного педагогического университета имени П.Д. Осипенко (Бердянск)

Коваленко Анна Сергеевна
Кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и управления образовательной организацией Азовского государственного педагогического университета имени П.Д. Осипенко (Бердянск)

Восстановление и модернизация инфраструктуры воссоединённых субъектов Российской Федерации требует капитальных вложений, существенно превышающих бюджетные возможности, что обусловливает необходимость активного привлечения частного капитала в территориальное развитие. Целью исследования является обоснование условий и разработка рекомендаций по использованию государственно-частного партнёрства как инструмента комплексного развития территорий новых регионов. В работе решаются задачи систематизации теоретико-правовых основ взаимодействия механизмов ГЧП и комплексного развития территорий, анализа институциональной среды воссоединённых субъектов и выявления ключевых барьеров для участия частного сектора. Показано, что договор о комплексном развитии территорий и соглашения о ГЧП обладают функциональной общностью, позволяющей интегрировать партнёрские механизмы в градостроительные проекты, однако действующее регулирование не обеспечивает их бесконфликтного сочетания. Выявлены специфические ограничения рассматриваемых регионов – незавершённость кадастрового учёта, правовая неопределённость по части объектов инфраструктуры, дефицит управленческих компетенций, – усиливающие инвестиционные риски. Предложен комплекс мер по формированию гарантийной и страховой поддержки инвесторов, созданию региональных центров компетенций и включению ГЧП-проектов в систему стратегического и территориального планирования. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении применения ГЧП в контексте комплексного развития постконфликтных территорий с переходным правовым режимом, а практическая значимость определяется возможностью использования разработанных рекомендаций органами власти новых субъектов при подготовке и реализации инфраструктурных проектов.

Ключевые слова: *государственно-частное партнёрство, комплексное развитие территорий, новые регионы РФ, институциональная среда, инфраструктурные проекты, инвестиционные риски*

Для цитирования: *Озаровская А.В., Коваленко А.С. Государственно-частное партнерство в комплексном развитии территорий воссоединённых субъектов РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 96–100. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-96-100.*

Интеграция воссоединённых субъектов Российской Федерации – Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей – в единое социально-экономическое пространство страны является одной из наиболее сложных задач современного государственного управления. Эти территории на протяжении длительного периода подвергались масштабным разрушениям экономической и социальной инфраструктуры. Накопленный инвестиционный дефицит порождает острую потребность в модернизации, тогда как институциональная система новых регионов – органы власти, бизнес-среда, финансовые институты – ещё только проходит этап адаптации к российским стандартам и во многом остаётся недостаточно изученной в отечественной науке.

В данных условиях возрастает роль государственно-частного партнёрства как механизма привлечения внебюджетных ресурсов в инфраструктурные проекты регионального уровня. Вместе с тем исследователи фиксируют ряд институциональных ограничений ГЧП в России: неполную увязку проектов с документами стратегического планирования, узкую отраслевую направленность, высокую долю бюджетного участия и значительные риски для частных инвесторов [1; 2, с. 49–51]. Одновременно в российском законодательстве закрепился механизм комплексного развития территорий (далее – КРТ), ориентированный на системное обновление застроенных пространств, инженерных сетей и жилищного фонда, однако потенциал его сочетания с инструментами ГЧП используется фрагментарно, а для новых регионов практически не осмыслен. Именно интеграция этих двух механизмов способна соединить пространственно-планировочную логику преобразований с финансово-организационными возможностями частного сектора.

Целью настоящего исследования является разработка научно обоснованных рекомендаций по применению механизмов государственно-частного партнёрства в комплексном развитии территорий воссоединённых субъектов Российской Федерации. Достижение цели предполагает решение следующих задач: уточнение теоретико-правовых основ взаимодействия ГЧП и механизмов КРТ; анализ социально-экономического и инфраструктурного состояния новых регионов; выявление ключевых барьеров и рисков участия частного капитала; формирование предложений по совершенствованию организационно-правовых и финансовых условий реализации проектов ГЧП на указанных территориях.

Государственно-частное партнёрство в современном российском праве закреплено как долговременное, формализованное взаимодействие публичного и частного секторов, направленное на создание и эксплуатацию общественно значимой инфраструктуры при распределении рисков и обязанностей между сторонами [3]. В теоретическом плане ГЧП рассматривается не только как юридическая конструкция, но и как особая форма координации интересов государства и бизнеса, сочетающая элементы рыночного и иерархического управления. Это позволяет использовать широкий спектр моделей – от классических концессий до контрактов жизненного цикла и смешанных схем, адаптируемых под отраслевые и территориальные особенности.

Параллельно сформировался механизм комплексного развития территорий, ориентированный на системное преобразование застроенных и незастроенных зон, обновление жилищного фонда, инженерной и социальной инфраструктуры на основе единого градостроительного решения и договора о КРТ с инвестором. В правовом поле КРТ выступает инструментом реализации градостроительной и социально-экономической политики, обеспечивая концентрацию ресурсов на приоритетных территориях и увязку проектов с документами стратегического планирования. В отличие от точечных проектных решений, комплексное развитие территорий задаёт целостную рамку преобразований, в которой определяется функциональное зонирование, параметры застройки и перечень объектов, подлежащих созданию или модернизации [4].

Договор о КРТ сочетает публичную цель устойчивого территориального развития с частным интересом инвестора в извлечении прибыли от реализации проекта, что сближает его правовую природу со статусом концессионера или частного партнёра по соглашению о ГЧП. Именно эта близость создаёт методологические основания рассматривать ГЧП как инструмент финансово-организационного наполнения проектов КРТ: пространственно-планировочные решения задаются через механизм комплексного развития, а отдельные элементы инфраструктуры внутри такой территории могут создаваться и эксплуатироваться на основе концессий, соглашений о ГЧП или контрактов жизненного цикла [5, с. 7–8]. При этом выбор конкретной формы партнёрства определяется характером объекта, распределением рисков и ожидаемым горизонтом окупаемости, что требует тщательной предварительной проработки проектных решений.

Вместе с тем исследователи отмечают, что потенциал интеграции ГЧП и КРТ на практике реализован лишь частично: сохраняются пробелы в согласовании процедур отбора частного партнёра, механизма

заключения договоров в пределах одной территории и распределения компетенций между органами публичной власти. Это усиливает правовую неопределённость для инвесторов и ограничивает использование ГЧП в крупных территориальных проектах, несмотря на его объективную пригодность для решения задач комплексного развития, особенно в регионах с высоким инфраструктурным дефицитом, к которым относятся и воссоединённые субъекты Российской Федерации.

Воссоединённые субъекты Российской Федерации – Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области – вошли в состав страны в условиях, существенно отличающихся от типовой логики регионального развития. Их институциональная среда формировалась на фоне затяжного вооружённого конфликта, сопровождавшегося масштабными разрушениями промышленных объектов, транспортных коммуникаций, жилищного фонда и инженерных сетей, что привело к резкому сужению экономической активности, оттоку трудоспособного населения и деградации базовой инфраструктуры. Для Запорожской и Херсонской областей схожий комплекс проблем осложняется более коротким периодом институционального становления в новых политико-правовых условиях.

Анализ институциональных подсистем Донбасса, выполненный Т.О. Загорной, Ю.И. Трещевским и Н.В. Долбнёй, показывает устойчивое ослабление ключевых экономических институтов в 2014–2022 гг. [6, с. 48–53]. Бизнес-среда развивалась в условиях политической нестабильности и экономической изоляции, что ограничивало доступ предприятий к рынкам сбыта, финансированию и кооперации, а традиционные для региона отрасли – угольная промышленность, металлургия, тяжёлое машиностроение – значительно сократили объёмы деятельности. Финансовая подсистема претерпела радикальные изменения: после ухода украинских банков на территории ДНР длительное время функционировал фактически один государственный банк, что сужало возможности населения и компаний по привлечению кредитов и инвестиций; постепенное подключение российских кредитных организаций улучшило ситуацию, но интеграция в общероссийское финансовое пространство по-прежнему осложняется санкционными ограничениями и повышенными рисками. Институт государственной власти также формировался заново: создавались органы исполнительной и законодательной власти, развивалась собственная нормативная база, а после вхождения в состав России начался сложный процесс её приведения в соответствие с федеральным законодательством, сопровождающийся изменением структуры органов управления и перераспределением полномочий.

Инфраструктурное состояние новых регионов определяется совокупностью накопленных разрушений и продолжительного недофинансирования. Дорожная сеть, объекты водоснабжения и теплоснабжения, жилищный фонд и социальная инфраструктура требуют комплексного восстановления, масштаб которого существенно превосходит возможности региональных бюджетов. На федеральном уровне задействуются целевые программы поддержки, однако объём потребностей делает очевидной необходимость привлечения частного капитала для реализации крупных инфраструктурных проектов. В этой связи формируется объективный запрос на использование механизмов государственно-частного партнёрства как инструмента, способного дополнять бюджетное финансирование управленческими и финансовыми ресурсами частного сектора.

Нормативно-правовое регулирование инвестиционной деятельности и ГЧП в воссоединённых субъектах носит переходный характер [7, с. 68–69]. Поэтапное распространение действия федерального законодательства о концессионных соглашениях и государственно-частном партнёрстве происходит в условиях сохраняющихся особенностей правового режима: наличия элементов военного положения на отдельных территориях, незавершённости кадастрового учёта и неурегулированности имущественных прав по части объектов инфраструктуры [8]. Эти факторы повышают правовые и институциональные риски для инвесторов и одновременно ограничивают скорость запуска новых проектов. В результате институциональная среда воссоединённых субъектов, с одной стороны, остро нуждается в механизмах ГЧП для преодоления инфраструктурного дефицита, а с другой – пока не обеспечивает привычного для частного капитала уровня предсказуемости и защиты вложений, что требует дальнейшего совершенствования правовых и организационных условий их развития.

В применении механизмов государственно-частного партнёрства в воссоединённых субъектах Российской Федерации пересекаются два уровня проблем: общесистемные ограничения российского рынка ГЧП и специфические риски новых регионов. По стране отмечаются слабая увязка ГЧП-проектов с долгосрочными программами развития, узкая отраслевая структура (доминирование коммунальной и транспортной инфраструктуры), высокая зависимость от банков с государственным участием и дефицит «длинных» денег, необходимых для проектов с горизонтом 15–30 лет [2, с. 49–51]. Это снижает готовность частных инвесторов входить в инфраструктурные проекты даже в относительно стабильных регионах.

В новых регионах указанные проблемы усилены последствиями вооружённого конфликта и переходного правового режима. Инфраструктурный дефект здесь связан не только с износом, но и с прямыми

разрушениями инфраструктуры, что требует капиталоёмких проектов фактически с нулевого цикла. Частный бизнес сталкивается с фрагментарной интеграцией в российскую финансовую систему и повышенной неопределённостью регуляторной среды. Ограниченный опыт региональных органов власти в структурировании и сопровождении ГЧП-проектов дополнительно усиливает управленческие риски и удлиняет подготовительную стадию.

Однако масштабы инфраструктурных задач в новых субъектах создают значительный потенциал для развёртывания ГЧП как одного из ключевых инструментов КРТ. Концессии в сфере коммунальной инфраструктуры могут обеспечить модернизацию сетей водо- и теплоснабжения с последующим возвратом инвестиций за счёт тарифной выручки при условии прозрачного ценового регулирования и социальной приемлемости нагрузок. В транспортной сфере возможно применение смешанных моделей с участием федерального бюджета, что снижает инвестиционный риск частного партнёра при восстановлении и строительстве дорог, мостовых переходов и логистических узлов. Социальные объекты – школы, больницы, центры оказания государственных услуг – могут реализовываться через соглашения о ГЧП с механизмом бюджетной платы, позволяющим распределить расходы государства во времени и обеспечить прогнозируемый денежный поток для инвестора.

Для перехода от потенциальных возможностей к устойчивой практике необходим целенаправленный комплекс мер. Приоритетом является завершение кадастровой регистрации объектов, урегулирование имущественных прав и поэтапное распространение федеральных норм о концессионных соглашениях и ГЧП на новые территории. Параллельно целесообразно формировать специальные режимы поддержки частных инвесторов, включающие гарантии исполнения обязательств публичного партнёра, страхование политических и регуляторных рисков, а также участие институтов развития в софинансировании наиболее значимых проектов. Включение ГЧП-проектов в региональные стратегии социально-экономического развития и документы территориального планирования позволит встроить их в долгосрочную модель комплексного развития, а создание центров компетенций по ГЧП при органах власти – снизить транзакционные издержки бизнеса и повысить качество подготовки проектов. В совокупности эти шаги определяют перспективу превращения ГЧП в один из ключевых инструментов восстановления и модернизации инфраструктуры новых регионов в логике комплексного развития их территорий.

Проведённое исследование показало, что государственно-частное партнёрство и механизм комплексного развития территорий во многом совпадают по целям и логике взаимодействия государства и бизнеса, но их интеграция в правовой и управленческой практике пока остаётся ограниченной из-за несогласованности процедур и распределения полномочий. Для воссоединённых субъектов Российской Федерации эта проблема усугубляется особыми институциональными условиями: последствиями вооружённого конфликта, разрушением инфраструктуры и ослаблением ключевых институтов.

Ключевыми барьерами выступают незавершённость базовых процедур учёта и оформления имущественных прав, фрагментарность правового регулирования, недостаток компетенций в структурировании сложных инфраструктурных проектов, а также ограниченный доступ бизнеса к долгосрочным финансовым ресурсам. Вместе с тем масштаб инфраструктурных потребностей формирует значительный потенциал для применения различных моделей ГЧП и их встраивания в проекты комплексного территориального развития при условии последовательного снижения указанных рисков.

Использование ГЧП в новых регионах целесообразно рассматривать как инструмент не только привлечения частного капитала, но и перераспределения управленческих функций, стимулирования институционального развития и формирования устойчивых практик долгосрочного партнёрства государства и бизнеса. Дальнейшие исследования должны быть ориентированы на углубление методик оценки результативности таких проектов, разработку моделей распределения рисков, адаптированных к постконфликтным территориям, а также на уточнение правовых механизмов стыковки соглашений о ГЧП и договоров о комплексном развитии территорий.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
2. Запорожан А.Я. О нерешённых проблемах государственно-частного партнёрства в России // Вестник НГУЭУ. 2019. № 3. С. 44–57.

3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4350.
4. Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.
5. Александрова Т.Я., Андреева О.В. Разработка механизмов устойчивого развития промышленных предприятий на основе института государственно-частного партнёрства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7 (ч. 1). С. 6–11.
6. Загорная Т.О., Трещевский Ю.И., Долбня Н.В. Институциональное обеспечение развития Донбасса: ретроспективный анализ в контексте вхождения в состав Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2023. № 4. С. 46–59. DOI: 10.17308/econ.2023.4/11685.
7. Рожкова Е.В. Совершенствование государственного управления инвестиционными проектами в рамках государственно-частного партнёрства (на примере развития аэропортовой инфраструктуры РФ) // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. Т. 12. № 2. С. 66–75.
8. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

Public-Private Partnership in the Integrated Development of the Territories of the Reunified Subjects of the Russian Federation

Ozarovskaya A.V., Kovalenko A.S.
Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko (Berdyansk)

The restoration and modernization of infrastructure in the reunified subjects of the Russian Federation require capital investments that significantly exceed budgetary capacities, which makes it necessary to actively attract private capital to territorial development. The purpose of the study is to substantiate the conditions and develop recommendations for the use of public-private partnership as an instrument for the integrated development of the territories of the new regions. The study addresses the tasks of systematizing the theoretical and legal foundations of the interaction between the mechanisms of public-private partnership and integrated territorial development, analyzing the institutional environment of the reunified subjects, and identifying key barriers to private sector participation. It is shown that the agreement on integrated territorial development and public-private partnership agreements possess functional commonality, which makes it possible to integrate partnership mechanisms into urban development projects; however, the current regulatory framework does not ensure their conflict-free combination. Specific constraints of the new regions are identified - the incompleteness of cadastral registration, legal uncertainty with respect to certain infrastructure facilities, and a deficit of managerial competencies - which amplify investment risks. A set of measures is proposed to establish guarantee and insurance support for investors, create regional centers of competence, and incorporate PPP projects into the system of strategic and spatial planning. The scientific novelty lies in examining the application of PPP in the context of integrated development of post-conflict territories with a transitional legal regime, while the practical significance is determined by the possibility of using the proposed recommendations by public authorities of the new subjects in the preparation and implementation of infrastructure projects.

Keywords: public-private partnership, integrated territorial development, new regions of the Russian Federation, institutional environment, infrastructure projects, investment risks

УДК 351.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-101-106

Анализ теоретических подходов к определению качества, эффективности и результативности государственного управления в контексте целеполагания аудита государственного управления

Павлова Анастасия Сергеевна
Младший научный сотрудник
Института финансовых исследований Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(Москва)

Развитие теоретических и методических основ аудита государственного управления приобретает особую актуальность в контексте направленности государственной политики на достижение национальных целей. Цель работы состоит в предложении подхода к целеполаганию аудита государственного управления на основе анализа теоретических подходов к определению качества, эффективности и результативности государственного управления. В статье использовались общие методы научного познания, в том числе методы эмпирического и теоретического исследования, в том числе с помощью метода библиометрического анализа проведена оценка публикаций, размещенных в eLIBRARY.RU. В результате исследования сформирован подход к целеполаганию аудита государственного управления на основе выделения уровней по критерию смыслового фокуса и глубины анализа управленческой деятельности, что обеспечило вклад в приращение научного знания в части развития теоретических основ государственного управления и государственного аудита, уточнения понятийного аппарата и рассмотрения качества, эффективности, результативности государственного управления со стороны целеполагания аудита государственного управления.

Ключевые слова: *качество государственного управления, эффективность государственного управления, результативность государственного управления, аудит государственного управления, национальные цели развития, целеполагание аудита*

Для цитирования: *Павлова А.С. Анализ теоретических подходов к определению качества, эффективности и результативности государственного управления в контексте целеполагания аудита государственного управления // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 101–106. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-101-106.*

Одним из направлений развития теоретических основ аудита государственного управления является разработка подхода к его целеполаганию, что в настоящее время исследовано фрагментарно. Понятия качества, эффективности и результативности государственного управления лежат в основе критериев его оценки и, следовательно, формируют фундамент для постановки целей аудита государственного управления. Изучение подходов отечественных исследователей к пониманию качества, эффективности и результативности государственного управления обеспечит релевантность постановки целей аудита государственного управления, объективность и системность в оценке государственного управления.

Вопрос эквивалентности категорий «эффективность», «результативность», «качество государственного управления» является предметом дискуссий многих отечественных ученых. В работах ряда исследователей прослеживается смешение понятий «эффективность», «результативность» и «качество государственного управления». При этом С.А. Братченко справедливо отмечает необходимость разграничения указанных категорий [1]. В целях оценки разработанности и системности научных исследований в рассматриваемой области с использованием метода библиометрического анализа проведена оценка публикаций, размещенных в научной электронной библиотеке *eLIBRARY.RU* и выделенных по критерию наличия в ключевых словах фраз «качество», «эффективность» и «результативность государственного управления».

В части категории качества государственного управления по результатам поискового запроса найдены 131 публикация, первая из которых датирована 2009 г. (рис. 1). Устойчивого тренда на снижение или рост общего количества публикаций по рассматриваемой тематике не выявлено, однако первый пик публикационной активности пришелся на 2015 г. вследствие высокой изменчивости макроэкономической конъюнктуры и, следовательно, необходимости в сложившихся условиях повышения качества государственного управления, второй – на 2017 г. в связи с введением санкций и наличием внешнеполитических вызовов, для нивелирования которых требовалось применение новых подходов в государственном управлении, третий – на 2020–2021 гг. вследствие отложенного эффекта от перехода к проектному управлению в государственном секторе, что требовало поиска новых подходов к оценке проектной деятельности.

В целях выделения исследователей, чьи труды признаны научным сообществом значимыми, проведена оценка объемов совокупного цитирования авторов. К наиболее цитируемым ученым отнесены С.А. Братченко, Л.И. Никовская, И.А. Скалабан, Н.Ф. Попова, Е.И. Добролюбова, И.А. Коршунов, О.С. Гапонова, Е.А. Колесниченко, О.В. Рудакова, А.В. Плахов (табл. 1).

Анализу эффективности государственного управления посвящено большее число научных публикаций: по результатам поискового запроса найдены 486 публикаций, первая из которых датирована 2007 г. (рис. 2).

По результатам анализа также установлено, что наибольший вклад в развитие теоретических подходов к содержанию эффективности государственного управления внесли В.А. Ильин, С.А Кожевников, М.В. Морев, Г.Ю. Гагарина, Е.И. Дзюба, Р.В. Губарев, Ф.С. Файзуллин, Н.В. Ворошилов, А.А. Шабунова, И.Н. Барциц (табл. 2).

Анализу результативности государственного управления посвящено наименьшее число научных публикаций: по результатам поискового запроса найдены 16 публикаций, первая из которых датирована 2011 г. (рис. 3).

По результатам анализа также установлено, что наибольший вклад в развитие теоретических подходов к содержанию результативности государственного управления (по совокупности цитирования их статей) внесли С.А. Братченко, Е.Л. Писаревский, Л.Г. Соколова (табл. 3).

Библиометрический анализ статей в российской научной литературе, размещенной в электронной библиотеке *eLIBRARY.RU*, позволил выявить как ключевых исследователей, так и наиболее значимые научные школы в рассматриваемых областях. Кроме того, сделан вывод о приоритетном внимании ученых к проблемам эффективности государственного управления. Результаты анализа также подтвердили зависимость между трансформациями в государ-

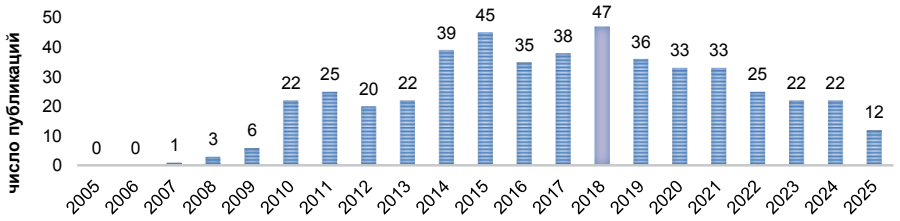

Рис. 1. Количество публикаций в научных журналах в сфере анализа качества государственного управления за 2005–2025 гг.

Таблица 1

Цитируемость авторов в сфере анализа качества государственного управления за 2005–2025 гг.

10 наиболее цитируемых авторов	Количество цитирований автора
Братченко С.А.	198
Никовская Л.И.	128
Скалабан И.А.	128
Попова Н.Ф.	69
Добролюбова Е.И.	63
Коршунов И.А.	55
Гапонова О.С.	55
Колесниченко Е.А.	46
Рудакова О.В.	46
Плахов А.В.	46

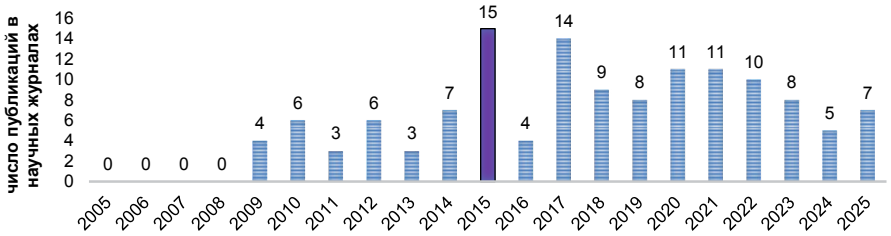

Рис. 2. Количество публикаций в научных журналах в сфере анализа эффективности государственного управления за 2005–2025 гг.

Таблица 2

Цитируемость авторов в сфере анализа эффективности государственного управления за 2005–2025 гг.

10 наиболее цитируемых авторов	Количество цитирований автора
Ильин В.А.	225
Кожевников С.А.	195
Морев М.В.	191
Гагарина Г.Ю.	123
Дзюба Е.И.	123
Губарев Р.В.	123
Файзуллин Ф.С.	123
Ворошилов Н.В.	106
Шабунова А.А.	91
Барциц И.Н.	82

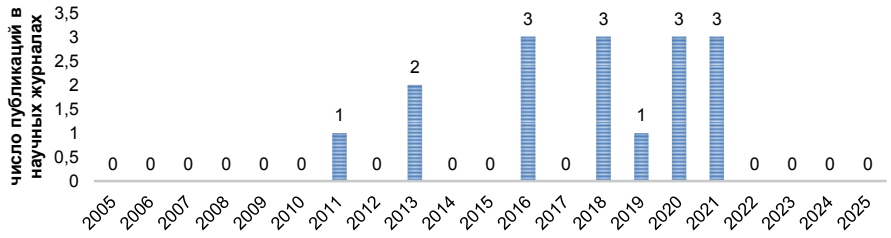

Рис. 3. Количество публикаций в научных журналах в сфере анализа результативности государственного управления за 2005–2025 гг.

Таблица 3

Цитируемость авторов в сфере анализа результативности государственного управления за 2005–2025 гг.

3 наиболее цитируемых авторов	Количество цитирований автора
Братченко С.А.	63
Писаревский Е.Л.	52
Соколова Л.Г.	45

ственном управлении, изменчивостью макроэкономической конъюнктуры и числом публикаций по вопросам качества, эффективности и результативности государственного управления.

Результаты библиометрического анализа подтвердили необходимость и актуальность исследования ключевых характеристик государственного управления, а также позволили подготовить основу для содержательной оценки публикаций ключевых исследователей – представителей наиболее значимых научных школ – в целях выделения подходов к трактовке и соотношению понятий эффективности, результативности и качества государственного управления как основы определения целеполагания аудита государственного управления. По результатам отбора, систематизации и последующей группировки взглядов отечественных исследователей на проблематику определения эффективности, результативности и качества государственного управления выделены следующие научные подходы:

1. Функционально-целевой подход с акцентом на качество государственного управления.

Представители подхода: С.А. Братченко, Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, Э.В. Талапина, Ю.А. Тихомиров.

С.А. Братченко отмечает, что эффективность и результативность государственного управления зависят от качества государственного управления: эффективность характеризует успехи управления безотносительно степени достижения целей, а результативность – безотносительно затрат [1]. Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, Э.В. Талапина, Ю.А. Тихомиров расширяют подход С.А. Братченко и, помимо результативности и эффективности, рассматривают обоснованность государственного вмешательства в качестве параметра качества государственного управления [2]. Обобщающей характеристикой в подходах авторов является оценка качества государственного управления через анализ степени достижения общественно значимых результатов.

2. Функционально-целевой подход с акцентом на эффективность государственного управления.

Представители подхода: Н.В. Ворошилов, Н.Ф. Попова, С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова, В.А. Ильин, Т.В. Ускова, И.Ю. Чазова.

В отличие от рассмотренного выше подхода, функционально-целевой подход с акцентом на эффективность государственного управления уделяет преимущественное внимание необходимости повышения эффективности, а не качества государственного управления и объединяет в себе два ключевых измерения: оценка исполнения функций органов государственной власти / достижение ими результатов (например, Н.Ф. Попова измеряет эффективность государственного управления критериями, характеризующими соотношение целей и результатов [3]; С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова, В.А. Ильин, Т.В. Ускова, И.Ю. Чазова сводят оценку эффективности государственного управления к анализу достижения органами государственной власти результатов деятельности [4; 5] и направленность на удовлетворение потребностей населения (например, Н.В. Ворошилов рассматривает эффективность государственного управления в том числе с позиции степени удовлетворения потребностей населения [6]).

3. Подход на основе идей концепции «*Good Governance*» с акцентом на качество государственного управления.

Представители подхода: И.И. Смотрицкая.

Взгляд И.И. Смотрицкой [7] на качество государственного управления можно определить как подход, основанный на идеях концепции «*Good Governance*», поскольку указанная концепция предусматривает учет как сроков достижения целей, так и затрат ресурсов на их достижение, что сближает его с функционально-целевым подходом с акцентом на качество государственного управления.

4. Затратно-результативный подход с акцентом на эффективность государственного управления.

Представители подхода: Л.Г. Соколова.

Подход на основе идей концепции «*Good Governance*» и затратно-результативный подход сближает учет как результатов деятельности, так и использованных ресурсов, однако если первый подход уделяет первостепенное внимание качеству государственного управления, то второй – эффективности государственного управления [8].

5. Ценностно-интегративный подход с акцентом на социальную эффективность государственного управления.

Представители подхода: И.Н. Барциц, Е.А. Колесниченко, О.В. Рудакова , А.В. Плахов.

В отличие от рассмотренных подходов ценностно-интегративный подход к государственному управлению делает больший акцент на социальный аспект и объединяет идеи И.Н. Барцица (интеграция понятий нравственности, справедливости, оптимальности, силы, разумности, целесообразности, обоснованности в определение эффективности) [9], а также взгляды Е.А. Колесниченко, О.В. Рудаковой, А.В. Плахова, которые выделяют социальную эффективность государственного управления, зависящую от четкости и работоспособности механизмов общественной координации [10].

6. Индексный подход с акцентом на качество государственного управления.

Представители подхода: А.Г. Барабашев, А.А. Макаров, И.А. Макаров.

В отличие от рассмотренных подходов, индексный подход А.Г. Барабашева, А.А. Макарова и И.А. Макарова предполагает использование широкого спектра страновых индексов для оценки качества государственного управления. Это позволяет рассматривать государственное управление как «пронизывающее» общество, то есть учитывающее его многогранность и взаимосвязь различных аспектов [11].

В целях последующего определения целеполагания аудита государственного управления выделены лучшие наработки отечественных научных школ в области подходов к оценке государственного управления (оценка на основе объективных критериев, ориентация на практическую составляющую, ориентация на учет целей государственной политики), учет затрат на достижение целей, многоаспектность оценки, системность и комплексность (связь целей, процессов и результатов деятельности), фокус на рациональном использовании ресурсов) и ограничения при применении рассмотренных подходов со стороны государственного аудита (вопрос измерения функций, оценка качественных показателей, неучет специфики объектов, неориентация на долгосрочные цели, отсутствие фокуса на экономической эффективности, подходы к отбору индексов для оценки).

Автором сделана попытка предложить подход к целеполаганию аудита государственного управления на основе выделения уровней целеполагания по критерию смыслового фокуса и глубины анализа управленческой деятельности (табл. 4). 1-й уровень предусматривает анализ качества государственного управления посредством оценки соответствия деятельности органов государственной власти (государственных органов) установленным требованиям и оценки достижения результатов деятельности органов государственной власти (государственных органов). На 1-м уровне фокус сосредоточен на соответствии процессов, структур и процедур установленным нормам, стандартам и принципам с целью подтверждения функционирования системы государственного управления согласно установленным правилам. 2-й уровень предусматривает анализ эффективности государственного управления путем оценки соотношения достигнутых результатов и затрат на их достижение и оценки деятельности

Таблица 4

Подход к целеполаганию аудита государственного управления

Уровень целеполагания	Цели 1-го порядка	Цели 2-го порядка	Ключевой ориентир
1-й уровень	Оценка качества государственного управления	Оценка соответствия деятельности органов государственной власти (государственных органов) установленным требованиям	Выполнение государственных функций
		Оценка достижения результатов деятельности органов государственной власти (государственных органов) (результативность государственного управления)	Достижение целей деятельности
2-й уровень	Оценка эффективности государственного управления	Оценка соотношения достигнутых результатов и затрат на их достижение с целью оценки степени минимизации затрат (оценка экономической эффективности)	Минимизация затрат
		Оценка деятельности органов государственной власти (государственных органов) в контексте влияния на достижение целей, установленных в документах стратегического планирования	Достижение стратегических целей

органов государственной власти (государственных органов) в контексте влияния на достижение целей, установленных в документах стратегического планирования. На 2-м уровне фокус сосредоточен на оценке степени минимизации затрат во взаимосвязи с достижением целей и влияния выполняемых действий на возможность достичь долгосрочных целей. Рассмотренные уровни целеполагания находятся во взаимозависимости: качество (соблюдение норм и процедур) создает условия для достижения эффективности; эффективность не гарантируется качеством, если не обеспечены минимизация затрат и достижение долгосрочных целей.

Таким образом, разработанный подход к целеполаганию аудита государственного управления обеспечивает вклад в приращение научного знания в части развития теоретических основ государственного управления и государственного аудита, уточнения понятийного аппарата и рассмотрения качества, эффективности, результативности государственного управления со стороны целеполагания аудита государственного управления, систематизации и разработки объективных направлений оценки государственного управления.

Литература:

1. Братченко С.А. К вопросу о понятии качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 57–72.
2. Южаков В.Н., Талапина Э.В., Добролюбова Е.И., Тихомиров Ю.А. Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления: монография. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 150 с.
3. Попова Н.Ф. Оценка эффективности государственного управления // Современный юрист. 2017. № 1(18). С. 8–17.
4. Кожевников С.А., Копытова Е.Д. Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения: монография / Под. ред. науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 208 с.
5. Чазова И.Ю. Оценка эффективности системы государственного управления // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 1-4 (70). С. 53–59.
6. Ворошилов Н.В. Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). С. 143–158.
7. Смотрицкая И.И. Новая экономическая стратегия требует нового качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 5. С. 7–22.
8. Соколова Л.Г. Эффективность государственного и муниципального управления // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 6. С. 117–120.
9. Барциц И.Н. Конституционное право на хорошее (эффективное) управление: критерии, показатели, оценки // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 64–71.
10. Колесниченко Е.А., Рудакова О.В., Плахов А.В. Эффективность государственного управления: Россия на фоне мировых тенденций // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 2. С. 161–175.
11. Барабашев А.Г., Макаров А.А., Макаров И.А. О совершенствовании индикативных оценок качества государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 7–38.

Theoretical Approaches Analysis to Determining the Quality, Effectiveness and Efficiency of Public Administration in the Context of Objectives of State Governance Audit

Pavlova A.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The development of theoretical and methodological foundations of public administration audit is becoming particularly relevant in the context of the state policy's focus on achieving national goals. The aim of this work is to propose an approach to goal-setting in public administration audit, based on an analysis of theoretical approaches to defining the quality, efficiency, and effectiveness of public administration. The study employed general methods of scientific inquiry, including both empirical and theoretical research methods. In particular, a bibliometric analysis was used to evaluate publications indexed in eLIBRARY.RU. As a result of the research, an approach to goal-setting in public administration audit was developed. It is based on identifying levels according to the criterion of semantic focus and depth of analysis of managerial activities. This contributes to the advancement of scientific knowledge in the following areas: development of theoretical foundations of public administration and public audit, clarification of the conceptual framework, examination of the quality, efficiency, and effectiveness of public administration from the perspective of goal-setting in public audit.

Key words: quality of public administration, efficiency of public administration, effectiveness of public administration, audit of public administration, national development goals, audit objectives

УДК 336.13
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-107-112

Трансформация управления бюджетными расходами на социальную помощь в условиях влияния факторов внешней среды

Ромайкин Павел Денисович
Аспирант кафедры общественных финансов
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Необходимость повышения доходов населения и снижения уровня бедности в Российской Федерации определена на стратегическом уровне в рамках национальных целей развития. На достижение соответствующих целевых показателей направлены значительные бюджетные средства, требование к эффективности использования которых актуализирует исследовательскую работу по выявлению направлений трансформации управления бюджетными расходами на социальную помощь. Целью настоящего исследования является уточнение содержания управления бюджетными расходами на социальную помощь с учетом влияющих на него факторов. Теоретическая значимость работы состоит в описании характеристик факторов среды, влияющих на управление бюджетными расходами с учетом отраслевой специфики социальной помощи. Практическая значимость исследования состоит в применении разработанных факторов для эмпирического анализа конкретного инструмента социальной помощи – социального контракта, что позволило сформулировать направления дальнейшей трансформации управления соответствующими расходами. Результаты исследования могут представлять интерес для органов публичной власти, осуществляющих финансовое управление в социальной сфере.

Ключевые слова: *бедность, национальные цели, расходы бюджета, социальная помощь, социальные трансферты, управление*

Для цитирования: *Ромайкин П.Д. Трансформация управления бюджетными расходами на социальную помощь в условиях влияния факторов внешней среды // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 107–112. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-107-112.*

В Российской Федерации необходимость сокращения доли населения с доходами ниже границы бедности определена в качестве одной из основных национальных целей развития [1]. При этом существенную долю располагаемых доходов населения составляют социальные трансферты, направляемые населению из бюджетов бюджетной системы. Отдельная группа социальных трансфертов, чаще всего обозначаемая термином «социальная помощь», связана с выплатой денежных средств (и предоставлением других благ) в пользу населения, принадлежащего к группам, характеризующимся фактическими низкими доходами (относительно законодательно установленных критериев бедности) или повышенным риском попадания в зону бедности (семьи с детьми, пенсионеры, лица с инвалидностью и другие). В связи с тенденцией роста объемов расходов бюджетов на социальную помощь и расширением архитектуры социальных выплат [2], актуализируются вопросы повышения качества управления соответствующими бюджетными расходами, позволяющего обеспечить дости-

жение поставленных целей стратегического развития [3; 4].

Теоретическое описание и обзор литературы

Рассмотрение вопросов управления бюджетными расходами на социальную помощь целесообразно начать с уточнения понятия последнего, поскольку среди исследователей отсутствует единое понимание управленческой деятельности. Так, анализ научной литературы позволяет выделить следующие подходы, в рамках которых сложность явления (процесса) управления оценивается по-разному:

– признаковый подход, при котором специфика управления определяется через набор специфических признаков (особенностей), включающих: наличие сформулированной цели деятельности, опосредованность результата деятельности (деятельность по воздействию на деятельность), эволюционность содержания деятельности, выраженную в необходимости ее развития и адаптации [5];

– компонентный подход, при котором управление определяется через совокупность более узких типов воздействий на объект: целеполагание, организация и регулирование [6];

– системный подход, при котором управление определяется как системное явление, содержащее три подсистемы: организационную (создание взаимосвязей внутри управляемой системы), поддерживающую (обеспечение сохранения взаимосвязей во времени), достигательную (реализация программ достижения целей) [7].

Заметим, однако, что различная трактовка содержания управления не вызывает столь же серьезных споров относительно его функций, через которые дискутируемое содержание находит свое проявление. Хотя конкретный состав функций управления отличается в трактовке различных авторов, классический «квартет» функций – планирование (прогнозирование), организация, мотивация и контроль – является предметом консенсуса. При этом в сфере государственных и муниципальных финансов функция мотивации исследователями выделяется редко [8] ввиду императивного характера такого управления [9], а сами функции трансформируются в планирование, оперативное управление и финансовый контроль [10].

Соответствующие функции управления финансами для более узкой деятельности по управлению бюджетными расходами имеют следующее проявление в рамках процедур на различных этапах бюджетного процесса:

– функция планирования расходов бюджета: осуществляется определение объемов и структуры расходов в соответствии с существующими нормативно-правовыми актами и иными принятыми публично-правовыми образованиями обязательствами;

– функция исполнения расходов бюджета: осуществляется доведение бюджетных данных до участников бюджетного процесса и непосредственная выплата средств с соответствующих счетов бюджетов;

– функция финансового контроля: оценивается законность и целевой характер осуществленных бюджетных расходов, а также проводится оценка их результативности и эффективности по отношению к существующим критериям управления.

Тем самым, существование различных подходов к определению термина «управление» не является ограничением для его использования в контексте изучения отдельной отраслевой направленности управления [11]. В частности, в настоящем исследовании под управлением расходами бюджета на социальную помощь (далее – УРБСП) автором понимается совокупность обусловленных стратегическими приоритетами публично-правовых образований действий органов публичной власти по планированию, исполнению и контролю бюджетных расходов, направляемых на финансовое обеспечение периодических мер социальной поддержки для домохозяйств, находящихся в зоне бедности или обладающих высоким риском попадания в зону бедности.

Заметим, что управление расходами бюджета на социальную помощь осуществляется соответствующими органами публичной власти в контексте более общих процессов государственного управления и управления государственными финансами [12]. В этой связи управление УРБСП необходимо рассматривать не только с позиций стандартных функций, но и с учетом различных факторов, обусловленных наличием более общих процессов и являющихся, тем самым, внешними ограничителями для процедур УРБСП.

Рассмотрение таких внешних факторов необходимо проводить с учетом территориального устройства государства. Например, для государств с высокой степенью автономности региональных и местных бюджетов внешние факторы определены на территориальном уровне и могут быть обсуждаемы в рамках оптимизации бюджетного процесса [13]. В условиях же более централизованной бюджетной системы (к которым относится и Россия [14]), социальная помощь является предметом ведения нескольких уровней публично-правовых образований, что усложняет взаимодействие между ними в процессе УРБСП.

В частности, для централизованных систем целесообразно выделить следующие укрупненные факторы, оказывающие влияние на содержание процедур управления бюджетными расходами на социальную помощь и обладающие страновой спецификой (табл. 1):

– целевой: наличие сформулированных (в виде конкретных критериев управления) стратегических приоритетов публично-правовых образований, свя-

Таблица 1

Российская специфика факторов, влияющих на управление бюджетными расходами на социальную помощь

Фактор, влияющий на управление бюджетными расходами	*Особенности российской практики*
целевой	наличие непосредственного стратегического целевого показателя уровня бедности, закрепленного на федеральном уровне
финансовый	централизация расходов бюджетов на социальную помощь с осуществлением федерального софинансирования основных выплат
технологический	различие степени точности данных о доходах населения в информационных системах ввиду пространственной дифференциации теневой экономики
нормативный	отсутствие единой методики оценки эффективности бюджетных расходов на социальную помощь

Источник: предложено автором.

занных с обеспечением определенного уровня доходов населения, обуславливает необходимость их учета при определении объема и структуры бюджетных расходов;

– финансовый: неравномерность распределения населения с низкими доходами в рамках территории государства при условии существующих финансовых ограничений конкретных публично-правовых образований определяет необходимость организации межбюджетных финансовых отношений и осуществления соответствующих процедур (в рамках функций планирования, исполнения, контроля) для таких форм расходов бюджетов, как субсидии и субвенции;

– технологический: наличие информационных систем, аккумулирующих бюджетные данные и сведения о доходах населения, позволяет осуществлять более тонкую настройку управления на всех этапах бюджетного процесса;

– нормативный: наличие единого бюджетного законодательства, содержащего принципы, неинвариантные к направлению управляемых расходов (прежде всего – принцип эффективности использования бюджетных средств), определяет необходимость разработки процедур оценки эффективности расходов в рамках контрольной функции, учитывающих специфику конкретных расходов бюджетов.

В контексте определенных выше факторов становится возможным проанализировать конкретные примеры несовершенств управления бюджетными расходами на социальную помощь. Так, одним из наиболее прогрессивных инструментов социальной помощи, соответствующих тренду модернизации процесса назначения социальных выплат на основе активационного подхода [15], является социальный контракт (в мировой практике – обусловленная помощь [16]). В России социальный контракт подразумевает предоставление социальных выплат (и осуществление соответствующих расходов) только при выполнении получателями помощи определенных условий по социальной адаптации (трудоустройство, открытие собственного дела, ведение личного подсобного хозяйства, иные мероприятия). При этом масштабирование охвата населения соответствующим инструментом помощи стало возможным только в условиях федерального софинансирования расходов бюджетов субъектов Российской Федерации, что актуализирует эмпирический анализ качества управления соответствующими расходами федерального бюджета в форме субсидии на софинансирование расходов, связанных с оказанием государственной социальной помощи на основании социального контракта отдельным категориям граждан (далее – Субсидия).

Результаты эмпирического анализа

Основываясь на данных Росстата об уровне бедности (доле населения со среднедушевыми доходами ниже границы бедности) в российских регионах за 2024 г., а также на информации об эффективности социального контракта в том же бюджетном периоде, автором проведен анализ определенных выше факторов. Анализ проведен по двум предварительно построенным кластерам субъектов Российской Федерации (г. Москва не анализировался, ввиду отсутствия софинансирования расходов).

В группу регионов с «высоким уровнем бедности» вошли следующие регионы, в которых уровень бедности превышает общероссийский в 1,5 раза (19 регионов в порядке убывания уровня бедности – % в скобках): Республика Ингушетия (25,6 %), Республика Тыва (20,4 %), Карачаево-Черкесская Республика (17,2 %), Республика Бурятия (15,9 %), Чеченская Республика (15,2 %), Республика Алтай (13,8 %), Еврейская автономная область (13,7 %), Республика Хакасия (13,6 %), Республика Калмыкия (13,2 %), Забайкальский край (12,9 %), Республика Саха (Якутия) (12,8 %), Республика Марий Эл (12,6 %), Алтайский край (12,1 %), Республика Дагестан (11,8 %), Кабардино-Балкарская Республика (11,7 %), Иркутская область (11,5 %), Республика Крым (11,4 %), Курганская область (11,2 %), Красноярский край (11,0 %).

В группу регионов с «низким уровнем бедности» вошли по принципу симметрии следующие регионы с наиболее низкими показателями бедности (в порядке убывания уровня бедности – % в скобках): Тульская область (6,5 %), Ненецкий автономный округ (6,4 %), Курская область (6,3 %), Мурманская область (6,1 %), Липецкая область (6,0 %), Калуж-

ская область (5,9 %), Магаданская область (5,9 %), Свердловская область (5,9 %), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (5,7 %), Нижегородская область (5,6 %), Воронежская область (5,4 %), Ленинградская область (5,4 %), Сахалинская область (5,3 %), Московская область (4,9 %), Белгородская область (4,4 %), Чукотский автономный округ (4,4 %), Республика Татарстан (3,8 %), г. Санкт-Петербург (3,5 %), Ямало-Ненецкий автономный округ (3,5 %).

Тем самым, результаты анализа позволяют сделать вывод о подверженности расходов на социальную помощь разнонаправленному факторному влиянию, затрудняющему оценку качества управления ими при понимании последнего как возможности управляющего субъекта достигнуть стратегических целей [19]. Так, влияние целевого фактора обуславливает приоритетное предоставление софинансирования для регионов с высоким уровнем бедности (поскольку инструмент социальной помощи непосредственно направлен на сокращение бедности). При этом финансовый фактор, связанный с уровнем бюджетной обеспеченности регионов, обуславливает предоставление софинансирования и для ряда регионов с низким уровнем бедности в случае относительно невысокой бюджетной обеспеченности последних. В свою очередь нормативный фактор, связанный с необходимостью обеспечения эффективности расходов, обуславливает приоритетное софинансирование для регионов с высокой эффективностью инструмента. Однако регионы с высокой эффективностью социального контракта (и, следовательно, расходов на его обеспечение), в соответствии с таблицей 2, чаще являются регионами с низким уровнем бедности. Отметим, что существующие правила распределения Субсидии не содержат каких-либо показателей, связанных с уровнем бедности или эффективностью расходов в предыдущие периоды. Тем самым, распределение Субсидии детерминировано расчетной потребностью регионов (определяемой исходя из параметров уже заключенных социальных контрактов) и соответствующим предельным уровнем софинансирования, т.е. во внимание принимается влияние только одного из трех значимых факторов.

Основываясь на приведенном анализе, в целях повышения качества УРБСП в части расходов федерального бюджета на социальную помощь на основании социального контракта предлагается: 1) включение в правила распределения Субсидии корректирующих коэффициентов, связывающих объем софинансирования на очередной год и эффективность бюджетных расходов в предшествующем периоде (более эффективные регионы получают относительно большие доли софинансирования); 2) включение в правила распределения Субсидии ограничений софинансирования при превышении уровнем бедности в субъекте Российской Федерации пороговых значений, определенных исходя из соотношения уровня бедности в регионе со среднероссийским.

Подробная разработка указанных направлений совершенствования правил распределения Субсидии может стать предметом дальнейших исследований.

Таким образом, в работе уточнена специфика управления бюджетными расходами на социальную помощь и определены внешние факторы, оказывающие влияние на такое управление. С учетом разработанных положений, на примере социальной помощи на основании социального контракта предложены направления концептуальной трансформации управления соответствующими бюджетными расходами.

Автор выражает благодарность научному руководителю Тюриной Юлии Габдрашитовне (д.э.н., профессор кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации) за содействие при планировании и организации проведения исследования.

Таблица 2

Результаты анализа показателей, характеризующих целевой, нормативный и финансовый факторы

Показатель (фактор)	19 регионов с самым высоким уровнем бедности	19 регионов с самым низким уровнем бедности
Число регионов группы, в которых уровень бедности превышает среднероссийский = 7,2 % (целевой)	19 (100 %)	0 (0 %)
Число регионов группы, в которых оценка эффективности социального контракта превышает среднероссийскую = 45,1 % (нормативный)	10 (52,6 %)	14 (73,7 %)
Число регионов группы, в которых предельный уровень софинансирования превышает среднероссийский = 80,7 % (финансовый)	17 (89,5 %)	4 (21,1 %)

Источник: рассчитано автором на основе данных [17; 18].

Литература:

1. Шлычков В.В. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года» как нормативно-правовая база формирования планов и программ социально-экономического развития страны в краткосрочной перспективе // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 92–96. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-92-96.
2. Ромайкин П.Д. Совершенствование стратегического планирования в сфере социального обеспечения в контексте национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность / Nota Bene. 2025. № 4. С. 1–19. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.4.75299.
3. Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Гришина Е.Е. [и др.]. Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность: Научный доклад. М.: АО «Финпол», 2017. 144 с.
4. Балынин И.В. Пути повышения качества управления региональными бюджетами в контексте достижения национальных целей развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 7–2. С. 201–206. DOI: 10.17513/vaael.4242.
5. Новиков Д.А. Методология управления. М.: Либроком. 2011. 128 с.
6. Лебедев С.Н. «Управление», «менеджмент», «администрирование»: проблема концептов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 4. С. 143–151.
7. Костюченко, Н. И. Неопределенность соотношения понятий «организация» и «управление» как причина проблем теории и практики управления // Общество и право. 2017. № 2(60). С. 260–264.
8. Бегчин Н.А. Современный взгляд на управление расходами бюджетов субъектов федерации // Вестник Финансовой академии. 2010. № 5(59). С. 61–65.
9. Сабитова Н.М., Шавалеева Ч.М. Функции управления в системе финансового менеджмента в публично-правовых образованиях // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 58–61.
10. Шмиголь Н.С. Современные подходы к совершенствованию бюджетного процесса в зарубежных странах // Финансы и кредит. 2015. № 14(638). С. 55–68.
11. Ромайкин П.Д. Содержательные особенности управления расходами бюджетов на социальную помощь и их влияние на организацию мер социальной поддержки в российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 10–2. С. 260–266. DOI: 10.17513/vaael.4376.
12. Солянникова С.П. Ответственная бюджетная политика в социальной сфере: проблемы разработки и реализации // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 5. С. 45–51.
13. Daigneault P.M. [и др.]. Taking subnational and regional welfare states seriously: Insights from the Quebec case // Journal of European Social Policy. 2021. № 31(2). P. 239–249. DOI: 10.1177/0958928721996651.
14. Пешина Э.В., Стрекалова А.А. Фискальный и бюджетный федерализм: две системы управления публичными финансами // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 11(293). С. 34–52.
15. Daigneault P.M. Three paradigms of social assistance // Sage Open. 2014. №. 4 (4). P. 1–8. DOI: 10.1177/2158244014559020.
16. Barrientos A. Conditions in antipoverty programmes // Journal of Poverty and Social Justice. 2011. № 19(1). P. 15–26. DOI: 10.1332/175982711X559127.
17. Бюллетень Счетной палаты № 7 (333) 2025 г. Сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-7-2025
18. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) по Российской Федерации, в процентах от общей численности населения. Сайт Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397
19. Братченко С.А. Качество государственного управления: содержание понятия // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 80–94. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10071.

Transformation of Budget Expenditure Management for Social Assistance under the Influence of Environmental Factors

Romaikin P.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The need to increase the incomes of the population and reduce poverty in the Russian Federation is defined at the strategic level within the framework of national development goals. Significant budgetary funds have been allocated to achieve the relevant targets, the requirement for the effective use of which

actualizes research work to identify areas for the transformation of budget expenditure management for social assistance. The purpose of this study is to clarify the content of budget expenditure management for social assistance, considering the factors influencing it. The theoretical significance of the work consists in describing the characteristics of environmental factors affecting budget expenditure management, considering the industry specifics of social assistance. The practical significance of the study lies in the application of the developed factors for the empirical analysis of a specific instrument of social assistance – the social contract, which made it possible to formulate directions for further transformation of the management of related costs. The results of the study may be of interest to public authorities engaged in financial management in the social sphere.

Keywords: poverty, national goals, budget expenditures, social assistance, social transfers, management

УДК 338.24 : 338. 1
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-113-119

Экономика России 2026 – изменение существующих парадигм как необходимое условие достижения национальных целей развития в долгосрочной перспективе

Шлычков Валерий Владимирович
Доктор экономических наук, профессор,
главный редактор рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала
«Вестник экономики, права и социологии» (Казань)

Морозов Игорь Владимирович
Кандидат экономических наук, заместитель главного редактора
рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала
«Вестник экономики, права и социологии» (Казань)

Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления и комплексного анализа основных причин наблюдаемого сегодня снижения темпов роста экономики России, повышающих риски перехода её к устойчивой фрагментарной модели развития и начала рецессии. Цель исследования заключается в проведении ретроспективного анализа процесса развития современной российской экономики, выявлении и классификации детерминирующих факторов, определяющих динамику и перспективы роста национального ВВП, а также разработке комплекса системных мер, позволяющих обеспечить достижение заявленных национальных целей развития. В работе доказывается изначальная структурная ограниченность существующей экономической модели, сформированной под значительным влиянием глобалистской концепции мирового порядка и не в полной мере отвечающей национальным интересам РФ. При этом авторы обосновывают тезис о необходимости отказа от навязанных извне парадигм развития и перехода к основанной на собственном социально-экономическом потенциале форме хозяйственной деятельности, позволяющей сохранить экономическую устойчивость и минимизировать издержки высокой турбулентности геоэкономической среды.

Научная новизна исследования заключается в анализе показателей динамики роста российского ВВП, выявлении и классификации актуальных детерминирующих факторов сдерживания экономического развития, а также в разработке стратегии противодействия исходящим из высокотурбулентной среды функционирования потенциальным угрозам, что позволит прирастить теоретико-методологическую базу научных изысканий в данной области. Практическая значимость работы заключается в предоставлении органам государственной власти и российским хозяйствующим субъектам возможности на основании полученных аналитических данных и разработанных рекомендаций провести корректировку существующих программ и актуализировать стратегии развития в целях повышения уровней их конкурентоспособности и экономической безопасности.

Ключевые слова: *парадигма развития, экономический рост, национальные цели развития, турбулентность экономической среды, ресурсные источники роста, диверсификация и структурная трансформация экономики*

Для цитирования: *Шлычков В.В., Морозов И.В. Экономика России 2026 – изменение существующих парадигм как необходимое условие достижения национальных целей развития в долгосрочной перспективе // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 113–119. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-113-119.*

Введение

Социально-экономическая система России последние десятилетие функционировала в высокотурбулентной среде, формируемой под разнонаправленным воздействием системных внутренних и внешних факторов, при этом периодически сталкиваясь с редкими и неожиданными событиями типа «черный лебедь» (англ. *TBS, The Black Swan*) [1], роль которых только «возрастает с развитием взаимосвязей в мире» [2]. И таким, имеющим значительные последствия неконвенциональным событием для российской экономики стала пандемия COVID-19, в 2020 г. прервавшая наметившийся за предыдущее два года устойчивый рост (+2,81 и +2,2 %) и спровоцировавшая падение в 2,65 % [3]. Чуть менее масштабный отрицательный эффект в -1,45 % [3] вызвало начало Специальной военной операции (СВО) в 2022 г., которая, хотя и стала неожиданностью для подавляющего большинства мирового сообщества, была адекватным ответом на проводимые коллективным Западом милитаризацию и нацификацию Украины и на сегодня имеет обоснованное и рациональное объяснение, постепенно эволюционировав в одну из ключевых детерминант развития национального хозяйства как минимум в среднесрочной перспективе. И хотя России удалось сохранить социальную направленность и устойчивость бюджета, а также избежать тотальной милитаризации экономики, удовлетворение запросов СВО вкупе с конгруэнтной реакцией на западные экономические санкции привели к мобилизации последней и ускорили процессы её диверсификации и структурной трансформации. Причем, несмотря на то, что российская экономика за последние четыре года смогла продемонстрировать высокие адаптационные способности и в условиях значительной турбулентности среды функционирования сумела сохранить свою устойчивость, в 2025 г., «возвращаясь к более сбалансированной траектории» [4], её рост замедлился, а риски перехода динамики развития к отрицательным значениям стали как никогда реальными, что требует адаптации субъектов хозяйствования к сегодняшним геоэкономическим реалиям и корректировки государственной экономической политики с учетом тенденций трансформации мировой экономики.

Процесс роста российской экономики: актуальные угрозы и основные тенденции

На взгляд авторов, зафиксированный в последние годы в России уровень инфляции в значительной мере определяется не столько высоким спросом, сколько недостаточным предложением на внутреннем потребительском рынке, полностью восполнить которое качественными и конкурентоспособными отечественными товарами пока так и не удалось в силу ограниченности промышленно-производственного потенциала, наращивание которого из-за увеличивающегося дефицита трех основных факторов производства (труд, капитал и предпринимательская активность) и отсутствия необходимого инфраструктурного, ресурсного, инновационного и иного обеспечения является задачей повышенной сложности. При этом применяемая для таргетирования инфляции заградительная ключевая ставка также крайне негативно отражается на темпах экономического роста, оставляя неудовлетворенными значительную часть базовых потребностей национального хозяйства и провоцируя нарастающий инфраструктурный и производственно-мощностный дефицит в реальном секторе российской экономики.

За период с 2015 по 2025 гг. российская экономика в среднем прирастала на 1,7 % в год [3], что явно «недотягивает» до темпов роста в 3,5 %, по мнению ряда экспертов, позволяющих стране обеспечивать «свою безопасность, развивать технологии и заниматься структурно-технологической трансформацией», поддерживая при этом «рост благосостояния населения» [5]. И хотя ЦБ РФ считает сбалансированным годовой рост в 1,5–2,5 % [4], отечественная экономика в 2025 г., абсорбировав импульс кредитного бума и взрывного увеличения государственных расходов 2022–2024 гг. и пройдя путь от фазы «перегрева» до стадии «планового охлаждения», выросла на символический 1 % [3] и вступила в 2026 г. на этапе «умеренного подъема» [6]. Причем этот достаточно скромный показатель удалось обеспечить только благодаря предновогоднему ускорению прироста расходов домашних хозяйств на конечное потребление (розничная торговля +3,9 %, общепит +9,4 %, платные услуги +3,1 % [3]), декабрьскому рывку в «приоритетных отраслях» и традиционной интенсификации активности хозяйствующих субъектов в конце финансового года, подкрепленной

предстоящим в январе 2026 г. повышением ставки НДС. При этом этот рост был обеспечен за счет только трех сфер: обрабатывающих производств, госуправления и строительства, сохранивших свой потенциал развития благодаря значительной бюджетной поддержке, высокому спросу на жилье и длительности жизненного цикла строительных проектов, «выходящих» за рамки традиционного финансового года, что позволяет говорить об окончательном переходе к фрагментальной модели экономического роста.

И сегодня, когда российская экономика находится под беспрецедентным по масштабам санкционным прессингом коллективного Запада, вряд ли можно ожидать её возвращение на траекторию устойчивого роста ранее 2030 г., да и то в случае, если в текущем году удастся успешно завершить СВО и хотя бы частично ослабить ограничительные меры со стороны стран антироссийской коалиции, «эскалирующих своё негативное воздействие на отечественную социально-экономическую систему за счет сложения импульса вновь установленных рестрикций и сохраняющегося отрицательного эффекта ранее введенных ограничений, а также перманентного расширения круга подсанкционных субъектов» [7]. Причем за истекший год российский санкционный список стал увеличиваться, в том числе и за счет включения в него зарубежных контрагентов, вынужденных выбирать между торговым партнерством с Россией и сохранением своих позиций на контролируемой Западом части глобального рынка, что является внесистемным и значимым дестабилизирующим фактором последнего. И несмотря на то, что страны-инициаторы санкционной войны сами испытывают весьма значительные экономические издержки от свертывания бизнес-связей с РФ, в силу доминирования русофобии в ментальности западных элит, политика сдерживания экономического развития нашей страны бесспорно стала мейнстримом уже на долгосрочную перспективу, и её корректировка вряд ли будет напрямую увязана с завершением СВО. Для российской экономики это предполагает расширение и усиление санкционного давления, ухудшение условий производства и торговли, снижение экспортного потенциала и увеличение дисконта на экспортные товары, сокращение добычи газа и нефти и т.д., что в конечном итоге спровоцирует увеличение бюджетного дефицита и снижение темпов экономического роста, что существенно повысит риски рецессии.

В то же время необходимо признать, что, несмотря на устойчивость российской социально-экономической системы к внешним и внутренним угрозам развития, сегодня западные санкции оказывают на хозяйственную деятельность масштабное и ощутимое негативное воздействие, создавая труднопреодолимые барьеры на пути роста национальной экономики. За последние четыре года Россия почти полностью утратила доступ к мировым инвестиционно-финансовым ресурсам и системе международных платежей, была существенно ограничена в доступе к инновационным технологиям и оборудованию, утратила свое положение на премиальном энергетическом рынке Европы и снизила свой экспортный потенциал, что в совокупности с высокой турбулентностью глобальной экономики стало экзогенными детерминантами процесса развития национального хозяйства в текущий исторический период. Причем с учетом того, что экономические санкции и политически мотивированные тарифы на мировой арене сегодня превратились в уже традиционный инструмент недобросовестной конкуренции и форму прямого давления на оппонентов, реальность угрозы возрастания рисков их повсеместного применения в международных отношениях требует создание эффективного национального механизма противодействия и выработки стратегии по минимизации спровоцированного ими негативного воздействия.

Однако именно западные санкции выступили катализатором процессов суверенизации, диверсификации и структурной трансформации российской экономики, заставив пересмотреть основные подходы к формированию экономической политики и перейти к стратегии развития с опорой на собственные ресурсы. Данная стратегия предполагает укрепление социально-экономического потенциала страны и, прежде всего, её неоиндустриализацию, что позволит вернуть реальному сектору утраченную роль драйвера экономического роста и, в сочетании с устойчивым внутренним потребительским спросом, обеспечить последнему положительную динамику в среднесрочной перспективе.

Изменение парадигмы развития как условие обеспечения экономического роста в среднесрочной перспективе

Современная российская экономическая система изначально строилась в соответствии с парадигмами глобалистского проекта, который в рамках мирового разделения труда отводил нашей стране роль источника недорогих сырьевых ресурсов для промышленно-производственного потенциала коллективного Запада и максимально открытого рынка сбыта товаров, произведенных хозяйствующими субъектами последнего. Причем до начала XXI в. подобное положение устраивало как действующую в тот исторический период власть, так и основную часть населения, не без издержек преодолевшего трудности переходного периода 90-х гг. и в полной мере оценившего преимущества рыночной модели экономики, сумевшей в относительно небольшой срок за счет импортных поставок удовлетворить внутренний товарный спрос, тем самым ликвидировав существовавший много лет хронический де-

фицит на российском потребительском рынке. При этом основной вектор государственной экономической политики был направлен на глубокую интеграцию в мировую экономическую систему и равноправное партнерство с другими её субъектами, что, как оказалось, никак не вписывалось в планы западных «партнеров», сумевших через внедрение в ментальность российской элиты глобалистской доктрины получить полный контроль над российской финансово-банковской системой и навязать стране сырьевую модель хозяйствования.

За «входной билет» в глобальную экономику Россия заплатила утратой части суверенитета, деиндустриализацией и «принятием» обществом навязанных извне запретов, ограничивающих возможности и снижающих перспективы достижения национальных целей развития, а созданная в рамках мировой кооперации прозападная модель стала генерировать постоянно увеличивающиеся макроэкономические издержки, бремя которых стало ощутимым тормозом наметившегося экономического роста. Вследствие чего, осознав безальтернативность национально-ориентированной корректировки государственной экономической политики и необходимость как минимум рестайлинга модели хозяйствования, начиная с 2007 г. Правительство РФ встало на путь структурной перестройки и суверенизации экономической системы, направленный на формирование собственного высокотехнологического и инновационного потенциала. И хотя декларируемая многие годы диверсификация экономики в полном объеме пока так и не была завершена, привнесенный началом процесса импульс бесспорно положительно повлиял на её устойчивость, обеспечив высокий уровень экономической безопасности в таких сферах, как сельское хозяйство, услуги и строительство, что можно признать крупным успехом российских властей на пути суверенизации.

Соглашаясь с тем, что «если нам нужно осуществить значительное усовершенствование, необходимо работать над парадигмами» [8, с. 35], авторы считают, что сегодня Россия как никогда нуждается в смене стратегии достижения национальных целей развития, в значительной части сформировавшейся в «мирный» период международного сотрудничества и отсутствия открытой конфронтации с коллективным Западом, что существенно снижает её эффективность в современных геополитических и геоэкономических высокотурбулентных реалиях. Развязанная против РФ прокси-война, перешедшая в 2022 г. на Украине уже в вооруженную фазу, запустила во многом необратимые последствия как для глобального рынка в целом, так и для российской экономики в частности, лишив последней доступа к ресурсам стран-участниц антироссийской коалиции, в значительной мере определяющих направления мирового научно-технического и технологического прогресса и являющихся главным источником необходимых для его достижения инвестиций, что в современных реалиях предопределяет безальтернативность ориентации на внутренний спрос и более эффективное использование собственного социально-экономического потенциала, фактически ставшего единственным ресурсным источником экономического роста страны в краткосрочной перспективе.

Нужно признать, что российская элита изначально совершила системную ошибку, безоговорочно согласившись в 90-х гг. прошлого века с глобалистской концепцией миропорядка и приняв западную парадигму развития. Причем несмотря на определенные успехи процесса суверенизации, Запад попрежнему в значительной мере формирует для России в политике и экономике актуальную повестку дня, навязывая уже сегодняшней власти рефлекторную модель поведения, изначально предполагающую ограничение воли объекта и высокую степень предсказуемости его реакции на угрозы внутренней и внешней среды. В то же время, по мнению авторов, руководство РФ достаточно редко совершает на международной арене заранее не просчитанные оппонентами и масштабные по своим последствиям национально ориентированные поступки, способные «перевернуть» «великую шахматную доску» [9] и с момента выполнения «петли Примакова» и занятия российскими десантниками сербского аэропорта «Слатина» в 1999 г., только саммит Россия – США на Аляске 15 августа 2025 г. может претендовать на статус события, существенно повлиявшего на глобальную среду и широкий круг субъектов международных отношений. Причем, авторы не склонны относить начало СВО в 2022 г. к категории полностью суверенных и не подверженных внешнему влиянию шагов России, считая, что признание ДНР и ЛНР и последовавшая за этим военная операция были намеренно спровоцированы коллективным Западом, изначально добивавшегося именно такой реакции российской стороны.

И «чтобы противостоять беспрецедентным технологическим и экономическим угрозам XXI века» России «нужно как можно быстрее создавать новые социальные и экономические модели [10, с. 61], направленные как на поддержку отечественного хозяйства, так и на комплексную защиту всей совокупности национальных интересов. Причем при разработке новой модели хозяйствования участники процесса должны отказаться от навязываемой внешними силами фрагментальной концепции и найти баланс между развитием производственного, сырьевого и инфраструктурного секторов и повышением сложности экономики, позволяющей за счет удлинения производственных цепочек и усиления косвенного воздействия существенно повысить её эффективность. При

формулировании стратегических целей следует исходить из необходимости обеспечения ежегодного прироста российского ВВП не менее чем на 3,5 %, гарантирующих устойчивость бюджетной системы и исполнение государством как своих социальных обязательств перед обществом, так и уверенное поступательное социально-экономическое развитие, а также поддержание необходимого уровня национальной безопасности. Прежде всего надлежит скорректировать фискальную и социально-экономическую политики, осознавая, что «единственным критерием справедливости государственных решений в области экономической политики является их соответствие "общественному договору" или гражданскому согласию» [11]. Далее необходимо поддержать высокий уровень внутреннего потребления, учитывая тот факт, что внутренний спрос формируют не только граждане, но и предприятия, а значит, задача перехода к экономике «высоких зарплат» должна решаться параллельно с выполнением миссии по стимулированию активности хозяйствующих субъектов и повышению уровня их экономической безопасности. Для укрепления технологического и экономического потенциала необходимо обеспечить опережающий рост капитальных вложений и уровня финансирования отечественной науки и НИОКР, темпы которых должны превышать запланированный уровень прироста российской экономики, создавая для последней имманентную кадровую и научно-техническую базу для инновационного развития и технологического суверенитета. При этом стремясь к снижению зависимости от высокотехнологического импорта через релокализацию производства критически важных товаров и национализацию техстандартов, неоиндустриализацию и импортозамещение, российская экономика по-прежнему должна быть максимально открытой для взаимовыгодного международного сотрудничества и максимально использовать потенциал таких организаций, как БРИКС и ШОС, ни в коем случае не переоценивая возможности последних. Кроме того, требуется актуализировать законодательную базу и привести в соответствие с сегодняшними реалиями судебную и правоохранительные системы, а также повысить эффективность социальных институтов, не в полном объеме исполняющих изначально заложенные в них функции. И с учетом того, что «нет и не может быть эффективной... социально ориентированной рыночной экономики без активной регулирующей роли государства» [12], именно оно должно выступить ключевым актором запланированных преобразований, заложив в их основу поиск баланса интересов власти, бизнеса и общества.

Заключение

В заключение позволим предложить следующие выводы:

1. В текущей высокоинфляционной среде существующая модель российской экономики в значительной мере исчерпала изначально заложенный в ней потенциал и в современных геополитических и геоэкономических реалиях оказалась недостаточно эффективной и конкурентоспособной, что предполагает как минимум её коренную модернизацию, а как максимум построение новой, основанной на суверенности и самодостаточности формы организации национального хозяйства.

2. Дальнейший поступательный рост российской экономики невозможен без отказа от устоявшихся шаблонов и изменения существующих парадигм развития, основанных на принятии навязанных извне структурных ограничений и дискриминации страны на глобальном рынке, что предполагает пересмотр приоритетов и корректировку реализуемой социально-экономической политики в направлении наращивания производственно-промышленного потенциала и повышения производительности труда, а также укрепления финансового, кадрового и научного потенциалов.

3. В полной мере осознавая безальтернативность указанных выше перемен, акторы процесса в условиях сложившихся ограничений в методах и инструментах их достижения должны максимально эффективно задействовать существующий социально-экономический потенциал и перераспределить имеющиеся ограниченные ресурсы в пользу отраслей и проектов, способных повысить конкурентоспособность и устойчивость российской экономики.

4. Коллективный Запад по-прежнему в значительной мере влияет на экономическое поведение россиян, и для снижения этой зависимости государству необходимо повысить уровень суверенности своей социально-экономической политики и более агрессивно отстаивать национальные интересы как на международной арене, так и в процессе реализации своих внутренних системных управляющих функций в сфере безопасности и финансово-хозяйственной деятельности.

5. Столь значимые социально-экономические преобразования невозможны без широкой общественной поддержки, уровень которой напрямую зависит от адекватности проводимой государством экономической политики и справедливого распределения между ним и хозяйствующими субъектами бремени неизбежных издержек трансформационного процесса.

Литература:

1. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable // The New York Times, by Nassim Nicholas Taleb. 2007. April 22. URL: https://www.nytimes.com/2007/04/22/books/chapters/0422-1st-tale.html
2. Талеб Н., Гольдштейн Д., Шпицнагель М. Шесть ошибок руководителей компаний при управлении рисками // Управление рисками. Harvard Business Review. М.: Изд-во«Альпина», 2022. С. 41–50.
3. Статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistic
4. Обзор финансовой стабильности // Центральный Банк РФ. URL: https://cbr.ru/finstab/review/
5. Эксперты: России необходим рост ВВП не ниже 3,5 % в год. URL: https://journal.sovcombank.ru/news/eksperti-rasskazali-kak-obespechit-stabilnii-rost-vvp-rossii-na-3-5-
6. Итоги года с Владимиром Путиным // Сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/78815
7. Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р. Санкционный прессинг и турбулентность глобальной экономики как ключевые внешние угрозы экономической безопасности России в 2025 г. // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2025. Т. 14. № 4. С. 137–142.
8. Кови С.Р. Восьмой навык. М.: Изд-во«Альпина», 2018. 408 с.
9. Збигнев Б. Великая шахматная доска / Пер. с англ. О. Уральской. М.: Изд-во АСТ, 2023. 384 с.
10. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. Изд-во «Синдбад», 2020. 416 с.
11. Цитаты о финансах и бюджете от Мицкевича. URL: https://www.inesnet.ru/article/citaty-o-finansax-i-byudzhete-ot-mickevicha/
12. Абалкин Л. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 6. С. 4–12.
13. Rodrik D. Economics Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. New York, London, W.W.Norton & Company. 2015. 162 p.
14. Шлычков В.В. Геоэкономическая турбулентность как источник внешних угроз экономической безопасности России в 2025 г. // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 138–143. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-138-143

Russia's Economy 2026 – Changing Existing Paradigms as a Necessary Condition for Achieving National Development Goals in the Long Term

Shlychkov V.V., Morozov I.V.
Federal Scientific, Practical and Analytical Journal "Bulletin of Economics, Law and Sociology" (Kazan)

The relevance of the work is due to the need to identify and comprehensively analyze the main reasons for the currently observed slowdown in the growth rate of Russia's economy, which increase the risks of its transition to a sustainable fragmentary development model and the onset of recession. The purpose of the study is to conduct a retrospective analysis of the development process of the modern Russian economy, identify and classify the determining factors that define the dynamics and prospects for national GDP growth, as well as develop a set of systemic measures to ensure the achievement of declared national development goals.

The paper proves the initial structural limitations of the existing economic model, formed under the significant influence of the globalist concept of the world order and not fully meeting the national interests of the Russian Federation. At the same time, the authors substantiate the thesis about the need to abandon externally imposed development paradigms and transition to a form of economic activity based on its own socio-economic potential, which allows maintaining economic stability and minimizing the costs of high turbulence in the geo-economic environment.

The scientific novelty of the research lies in the analysis of indicators of Russian GDP growth dynamics, identification and classification of current determining factors hindering economic development, and development of a strategy to counter potential threats arising from a highly turbulent operating

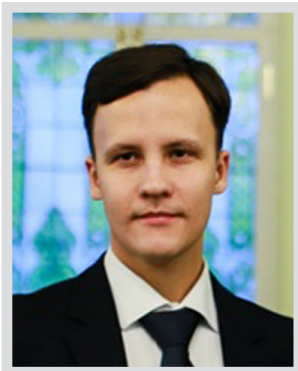
environment, which will contribute to the theoretical and methodological base of scientific research in this field.

The practical significance of the work lies in providing public authorities and Russian economic entities with the opportunity, based on the obtained analytical data and developed recommendations, to adjust existing programs and update development strategies in order to enhance their competitiveness and economic security.

Key words: development paradigm, economic growth, national development goals, economic environment turbulence, growth resource sources, economic diversification and structural transformation

УДК 340.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-120-127

Утрата традиционных семейных ценностей как вызов правовой политики современной России

Ашрафзянов Ильшат Радивович
Кандидат юридических наук, помощник судьи
Зеленодольского городского суда Республики Татарстан

В статье обосновывается, что традиционные семейные ценности в современной России, несмотря на некоторый консервативный поворот в правовой политике, всё более теряют своё значение, и предпринимается попытка выявить глубинные причины этих процессов и роль права в них. Основываясь на управленческом подходе к правовой политике, целью исследования является выявление психологических механизмов размывания традиционных семейных ценностей в России в контексте современной правовой политики.

Научная новизна исследования, предпринятого на стыке права и психологии, состоит в подробном описании тех изменений, которые происходят в психике постсоветских поколений в условиях доминирования либерально-потребительской повестки в правовой политике. Обращается внимание на то, что постепенное разрушение традиционных семейных ценностей является вовсе не цепочкой случайностей, а результатом целенаправленного управленческого воздействия на подсознание людей. Вместе с тем констатируется появление и усиление новой, альтернативной повестки в правовой политике России, призванной противостоять данному воздействию. Доказывается, что для решения описываемых в статье проблем правовой политике недостаёт чёткой идейно-целевой установки (образа будущего), на базе которой будет возможно осуществлять более всеобъемлющую и эффективную «фильтрацию» информационной среды общества правовыми средствами (в первую очередь сферы искусства), в чём и заключается практическая значимость исследования.

Ключевые слова: *правовая политика, традиционные семейные ценности, управление, либерализм, психология права, эффективность права, цель права*

Для цитирования: *Ашрафзянов И.Р. Утрата традиционных семейных ценностей как вызов правовой политики современной России // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 120–127. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-120-127.*

Традиционные семейные ценности постепенно становятся одним из главных ориентиров в правовой политике современной России. В частности, Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ в ст. 114 Конституции РФ были внесены изменения, согласно которым Правительство РФ должно проводить политику укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей [1]. Кроме того, Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в числе которых названа крепкая семья [2]. А в соответствии со Стратегией национальной безопасности, утверждённой Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, к националь-

ным интересам России на современном этапе относится, в том числе, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3].

П.А. Якушев в своём диссертационном исследовании называет следующие традиционные семейные ценности: «брак как добровольный союз мужчины и женщины; семья как основа общества; материнство, отцовство и детство; забота о детях, о благе ребенка; семейное воспитание детей; построение семейных отношений на основе высоких духовно-нравственных начал и чувств; забота о нетрудоспособных членах семьи; равенство супругов; автономность семейных отношений» [4, с. 27]. Однако широко известные статистические данные свидетельствуют о том, что данные ценности уже не являются бесспорным жизненным ориентиром для постсоветского поколения, поскольку ежегодно на каждые 10 браков приходится, как минимум, 6–7 разводов, средний возраст вступления в брак устойчиво растёт [5, с. 100], а незначительный рост населения России за последние десятилетия практически полностью был обеспечен не естественным, а миграционным приростом [6, с. 16].

Данные тревожные тенденции требуют надлежащего осмысления, иначе не остаётся шансов их изменить, однако прежде чем сформулировать цель данного исследования, необходимо определиться с его методологическими посылками, которые оказывают решающее влияние и на цель, и на способы решения исследовательских задач, и на результаты исследования.

В общей теории права, помимо догматической юриспруденции, сконцентрированной на изучении и систематизации действующего позитивного права, ещё с дореволюционного периода разрабатывается также политико-правовое направление исследований (политика права), связанное с поисками правового идеала. В нашем понимании это необходимо делать на основе управленческого подхода. В частности, под правовой политикой как реально существующим явлением мы понимаем управленческую деятельность в сфере права, которая состоит в: а) выявлении общественно значимых проблем (духовно-нравственных, политико-правовых, социально-экономических и др.); б) формировании и совершенствовании комплекса знаний об истоках данных проблем и связанных с ними социально-правовых явлениях и закономерностях; в) постановке целей и прогнозировании развития правовой системы; г) распространении соответствующей информации в обществе для реализации поставленных целей; д) воплощении поставленных целей посредством правового регулирования (правотворчества и правореализации); е) оценке достигнутых результатов, выявлении ошибок и их исправлении.

Тем самым правовая политика рассматривается нами в единстве правотворчества и правореализации с их идейно-стратегической основой, целеполаганием, а также информационным воздействием на общество, в условиях которого осуществляется правовое регулирование. Это позволяет системно анализировать процессы социального управления и роль права в них. В частности, если в идейно-стратегической основе и информационной составляющей правовой политики есть принципиальные недостатки и изъяны, то они фактически сводят на нет те меры, которые предпринимают правотворец и правоприменитель в рамках своих полномочий.

Следует признать, что в сфере защиты традиционных семейных ценностей ситуация обстоит именно таким образом. Несмотря на то что государство признаёт и защищает только традиционный брак между мужчиной и женщиной, предпринимает меры по материальному стимулированию рождаемости, закрепляет приоритет семейного воспитания детей в Конституции РФ, тем не менее, это не позволяет разрешить кризис, в котором оказался институт семьи в современной России. Причина этого, как нам видится, состоит в неверной идейно-стратегической основе современной правовой политики России и вызванных ею системных дефектах информационной среды, которая оказывает во многом деградационное воздействие на человека.

На дефекты современной информационной среды и их роль в размывании традиционных семейных ценностей в последнее время указывается всё чаще [см., например: 7; 8], однако в известных нам исследованиях отсутствует анализ конкретных психологических механизмов разрушения традиционных ценностей и роли права в данном процессе. Судя по всему, предполагается, что данные механизмы очевидны и понятны каждому, а потому нет нужды их анализировать, но это было бы слишком поспешным утверждением, особенно в условиях всеобъемлющей информационной войны, в ходе которой появляются всё более изощрённые способы воздействия на сознание и подсознание человека. Кроме того, проблема защиты традиционных семейных ценностей – это проблема в первую очередь психологическая, а уже во вторую – правовая. Она связана не только с теми или иными идеями, принадлежность к которым декларируется человеком, но и с его бессознательными устремлениями, мотивацией, эмоциональной сферой. Поэтому требуется детальное «погружение» в суть процессов, происходящих в психике постсоветских поколений, чтобы в итоге найти адекватные правовые средства для укрепления института семьи. В противном случае нормы права, какими бы благонамеренными они ни были, не будут иметь надлежащий эффект.

Несмотря на то что психология права как парадигма теоретического правоведения, в которой вопросы права и справедливости переосмысливаются с точки зрения психологических закономерностей,

развивается уже давно [см., например: 9], тем не менее подобного рода подход к изучению традиционных семейных ценностей в правовой политике можно встретить довольно редко. В то же время, как отмечал Л.И. Петражицкий, «право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически» [10, с. 3], а политику права он даже называл психологической наукой [10, с. 4].

Исходя из вышеуказанного, целью данного исследования является выявление психологических механизмов размывания традиционных семейных ценностей в России в контексте современной правовой политики.

В конце 1940-х гг. известный английский историк и социолог А. Тойнби открыто признал, что в противоборстве России и Запада инициатива перешла к России [11, с. 261], поскольку коммунизм как «духовный инструмент способен перевесить материальные орудия Запада» [11, с. 258]. Усвоив этот урок, западная элита во второй половине XX в. резко активизировала свои действия на фронтах информационной войны против СССР. Нашей стране стали активно навязывать новую, более привлекательную версию либеральных идей, которая стала тесно связана с правами человека и потребительскими вожделениями. При этом в советской идеологии постепенно был осуществлён отход от повестки развития человека в пользу потребительской повестки, из-за чего стиралась граница между коммунистическим образом будущего и западным обществом потребления.

В конечном итоге, с 1990-х гг. либерально-потребительские идеи вышли на первый план, в первую очередь в информационной среде и законодательной политике. Потребительский контент, оторванный от нравственных идеалов и здравого смысла, заполонил телевидение, художественные фильмы, сериалы, рекламу, выступления эстрадных артистов, многочисленные юмористические передачи и даже систему образования, в которой либеральные идеи до недавнего времени занимали монопольное положение, активно убеждая обучающихся, что «потребительский рай», «демократия» и «права человека» на Западе – это хорошо, а СССР с его коммунистическими устремлениями – это плохо.

В этих условиях подрастающим постсоветским поколениям демонстрировались образцы поведения, которые сильно отличаются от советских. Вместо привлекательных образов человека труда, служения Отечеству и крепкой семьи современной молодёжи более 30 лет показывают роскошную, гедонистическую и праздную жизнь, бесконечную гонку за потреблением новых товаров и услуг, накрашенных женщин в откровенных нарядах, множество иных развратных сцен, потребление алкоголя и табака как чуть ли не национальной традиции, а также неадекватные отношения между мужчиной и женщиной. Специально для женской аудитории кинематограф много лет производит фильмы и сериалы о «любви», существенно деформирующие их устремления: или через образ безумной и отчаянной влюблённости, несовместимой со спокойным семейным бытом, или через образ перманентной драмы в отношениях с мужчиной, или через образ «сильной» женщины, доминирующей над мужчинами. Во многом эту же функцию стали выполнять и многие музыкальные исполнители, чьи «произведения» побуждают молодёжь не к созидательным целям, а к поиску всё более ярких эмоций. Несмотря на то что указанные «произведения» иногда могут вызывать формальное осуждение со стороны молодёжи, тем не менее, навязываемые ими алгоритмы поведения очень хорошо укладываются в бессознательный уровень психики молодых людей, которые начинают жить в соответствии с этими алгоритмами.

В том же русле стали работать и средства массовой информации (далее – СМИ), которые вместо здравой аналитики подают так называемые «факты» в форме «происшествий» с негласной установкой: чем негативнее и ярче, тем лучше. Как отмечал Ж. Бодрийяр, вся эта информация «драматизирована в форме зрелища», формируя у потребителя не отношение участия и не чувство ответственности, а лишь праздное любопытство [12, с. 15–16]. Мнение же профессионалов своего дела практически в любой сфере заглушается поверхностным, но весьма шумным «мнением» журналиста, зачастую искренне убеждённого в своей непогрешимости и способности разобраться в любом вопросе за короткий промежуток времени. В результате в обществе укрепляется откровенное невежество, при котором человек взращивает в себе привычку не решать имеющиеся проблемы, а эффектно изливать свой «праведный гнев» о них, в том числе в сети Интернет. Такой же подход получает распространение применительно к семейной проблематике, закономерности которой глубоко и всерьёз рассматриваются нечасто, поскольку предполагается, что «всё и так понятно».

Ситуация усугубилась с появлением и распространением сети Интернет. Теперь каждый может не только наблюдать, но и участвовать в создании потребительского контента на примере собственной жизни. Показная демонстрация своей красоты, своей «яркой» и «насыщенной» жизни, некой «неординарности», бесцельное ведение блогов и видеоблогов стали новой реальностью, в которой существует человек-потребитель и из которой он черпает значительный спектр эмоций. Ради этого не нужно работать над собой, над своей нравственностью, не нужно создавать крепкую семью, не нужно иметь какие-либо реальные достижения, достаточно лишь создать вымышленный привлекательный образ, в который поверит сам автор и круг его ярых

поклонников. Наибольшим спросом, разумеется, в таком случае пользуется образ, основанный на женской красоте. Множество молодых девушек привыкают к этому, начинают этим пользоваться, чрезмерно вкладываются в свою внешность, чтобы собирать массу мужского внимания и на основе этого завышать самооценку и планку своих ожиданий от жизни. При этом многие представители мужского пола, не привыкшие к какому-либо самоограничению и не имеющие чёткого нравственного стержня, эмоционально «подсаживаются» на искусственные, но яркие образы противоположного пола и становятся психологически зависимыми от такой категории женщин, пытаются заслужить их одобрение, тем самым ещё больше теряя свои волевые качества и способность быть лидером в потенциальной семье. Этому содействует и то обстоятельство, что системное мужское воспитание сегодня практически ликвидировано, поскольку современный молодой человек воспитывается главным образом в кругу женщин (в семье, детском саду, школе), которые невольно монополизируют формирование его картины мира и нравственные оценки его поступков, а авторитетной и праведной фигуры отца перед ним, как правило, нет. Тем самым в молодом человеке не воспитывают мужские качества, его учат быть удобным для опекающих его женщин. Женское мнение становится определяющим для ощущения им своей состоятельности в жизни.

В свою очередь, всё вышеуказанное приводит к тому, что в такой информационной среде получает распространение особый тип женщины – женщины-потребителя, у которой сформировалась искренняя убеждённость в том, что она имеет право на всё, что только пожелает, и что никто не вправе ни в чём её ограничивать или каким-либо иным образом посягать на её «свободу». И речь вовсе не идёт о каких-либо маргинальных слоях населения, далёких от государственно-правовых институтов. Достаточно обратить внимание на заявление нового председателя Генеральной Ассамблеи ООН А. Бербок с трибуны данной организации: «Права человека – это права женщины. И права женщины – это права человека. Раз и навсегда» [13]. При этом даже в России спорить с подобными тезисами отчасти считается признаком дурного тона, «отсталого» патриархата. В этом смысле потребительское общество всегда является феминистическим, поскольку женщина в таком обществе – главный субъект и в то же время объект потребления. Какие бы заслуги и личные качества ни имел мужчина, он чаще всего не может конкурировать с тем уровнем внимания, которое собирает любая красивая девушка, сталкивающаяся с гораздо большим числом соблазнов в жизни. Однако потребительская культура лишь поощряет следование данным соблазнам. Внедряется мысль, что женщину нельзя ни в чём ограничивать, ставить ей рамки, с ней нельзя спорить, её нужно принимать любой, какая бы она ни была, за неё нужно конкурировать и тратить на неё деньги: чем больше, тем лучше.

Женщина-потребитель всегда активно транслирует подобную картину мира среди других и ищет положительного закрепления, что позволяет ей избегать каких-либо значимых угрызений совести и общественного осуждения (по крайней мере, не видеть его), когда она совершает те или иные неблаговидные поступки под влиянием своих субъективных ощущений и эмоций, даже когда сама уходит из семьи или изменяет своему супругу. Она убеждает окружающих и себя в том, что данные действия являются вынужденными и абсолютно оправданными. Если же объективных причин для претензий к супругу нет, то их необходимо придумать, убедив его и всех других в том, что он «виноват». Чем супруг лучше, тем больше он должен быть «виноват». Особенно «помогает» женщине-потребителю в таких случаях развитый навык выдавать свои собственные желания за благо семьи и благо ребёнка. И чем более мужчина уверовал в подобного рода измышления, тем менее женщина-потребитель обременяет себя каким-либо нравственным самоанализом, но в то же время лишается возможности испытывать подлинный интерес и уважение к мужчине. Тем самым обоюдная деградация усиливается. Данные явления настолько глубоко проникли в жизнь современной России, что в подобные измышления зачастую верует и старшее поколение, в том числе родители и иные родственники, которые негласно признают, что женщине позволено гораздо больше, чем мужчине. В итоге под прикрытием гендерного равноправия возникает психологический матриархат, который существует отнюдь не для развития нравственности женщины или её навыков заботиться о детях, а в первую очередь ради бесконечного удовлетворения её изменчивых желаний и амбиций, при котором женщина, тем не менее, становится глубоко несчастной.

Своего рода идеологическим «обслуживанием» потребительского матриархата занята современная популярная психология, активно тиражируемая книжными магазинами и видеохостингами. Её аудиторией являются в основном женщины (мужчины обращаются к ней лишь при появлении конкретных проблем), но её целевой установкой является вовсе не семья, а удовлетворение эмоциональных потребностей. Поэтому вместо грамотной аналитики и концентрации на вопросах нравственного развития данная литература и видеоматериалы зачастую предлагают читателю массу советов для повышения личного комфорта и множество оправданий для своих иррациональных поступков (что вполне закономерно, поскольку авторами таких книг являются люди разведённые или же вообще не состоявшие

в браке и не имеющие детей). Поверхностная «начитанность» подобного рода литературой позволяет современной женщине-потребителю «договориться» со своей совестью и оправдать практически любые бессознательные устремления.

В условиях такой информационной среды те немногочисленные представители молодого поколения (как мужчины, так и женщины), которые в силу тех или иных факторов сохранили в себе чувство благодарности, умение ценить близких людей, заботиться о других, в современном потребительском обществе вовсе не пользуются спросом. Попытки построения семейных или даже добрачных отношений с ними для всё большего количества молодёжи превращаются в невыносимую скуку и дефицит ярких эмоций. Личные качества, навыки, трудолюбие и таланты уже не важны. Важны только чувства, ощущения, эмоции. В себе человек-потребитель проблемы не видит, ищет её в другом, поэтому у него постепенно возникает недовольство и обесценивание партнёра, который этого явно не заслужил. Рано или поздно при первой же возможности дефицит ярких эмоций начинает восполняться с помощью иных представителей противоположного пола. Вместо преданного, надёжного и заботливого партнёра современный человек-потребитель подсознательно начинает искать партнёра недоступного, равнодушного и наглого, поскольку именно он вызывает наиболее яркую палитру эмоций (причём не только позитивных), позволяет романтизировать его и приписать ему несуществующие черты. В итоге измена своему любимому человеку под правдоподобным предлогом становится новой «нормой» жизни для постсоветских поколений.

Однако нынешний кинематограф, как и другие сферы искусства, чаще всего предпочитает не замечать данных явлений и уводить зрителя в мир вымышленных историй, облагораживая весьма ветреное поведение их персонажей. Кинематограф исказил даже такое фундаментальное понятие, как любовь. Забота, ответственность, уважение и понимание, рассматриваемые Э. Фроммом как базовые элементы всех форм любви [14, с. 50], уже давно не рассматриваются в качестве таковых. Несмотря на то что любовь между мужчиной и женщиной должна быть «волевым актом, решением посвятить свою жизнь полностью жизни другого человека», в обществе стало широко распространённым мнение, что «любовь возникает в результате спонтанной эмоциональной реакции, когда людей внезапно охватывает непреодолимое чувство» [14, с. 99]. А это, в свою очередь, приводит к поискам придуманных образов и бесконечной неопределённости во внутреннем мире человека-потребителя.

Отметим, что данные процессы довольно сложно отслеживать, в частности, путём проведения социологических опросов, поскольку, как отмечал Э. Фромм, «каким бы неразумным и безнравственным ни был поступок, человеком владеет непреодолимое стремление рационализировать его, т.е. доказать самому себе и другим, что его поступки продиктованы разумом, здравым смыслом или, по крайней мере, общепринятой моралью» [15, с. 88]. Поэтому, когда большинство граждан утверждает, что создание счастливой семьи для них является одной из главных жизненных целей [16], это лишь формальная дань традиции, с которой удобнее открыто не спорить. Но есть и более содержательные опросы. Согласно одному из них, посвящённому конфликтам в российских парах, 84 % мужчин приносят извинения женщине первыми, а 72 % женщин считают, что ответственность за конфликт лежит на второй половинке. При этом 75 % мужчин извиняются «часто, даже если не уверены в своей вине», а 62 % женщин – только «если точно виноваты», что на практике означает безусловную веру в собственную правоту и нежелание извиняться вовсе. Более того, 66 % мужчин хотя бы раз примирялись со своей женщиной с помощью подарка (в том числе ювелирных украшений, смартфонов или иной дорогой техники), тогда как среди женщин только 32 % поступали таким образом [17]. Эти данные ясно показывают негативные тенденции в российском обществе и постепенное формирование потребительского матриархата.

В этом контексте совсем иначе выглядит проблема семейно-бытового насилия, которая с психологической точки зрения зачастую берёт своё начало от выбора будущего супруга на основе бездумного эмоционального импульса и продолжается длительный период из-за подсознательного стремления одного из супругов испытывать перманентное состояние «драмы», находясь в роли «жертвы». Переживание подобной «драмы» для многих людей, чья эмоционально-волевая система деформирована, невзирая на их собственное объяснение, является весьма желанным и чуть ли не единственным сценарием жизни, без которого они ощущают себя неполноценно. Поэтому вовлечение в данную «драму» новых персонажей (например, в лице сотрудников правоохранительных органов) на деле гораздо предпочтительнее для «жертвы», чем решение имеющихся проблем или поиск более подходящего супруга для спокойной семейной жизни. Тем самым проблема семейно-бытового насилия является производной от потребительской идеологии и неправильного воспитания. Поэтому борьба с данным явлением возможна не через усиление ответственности виновных лиц и повсеместное вмешательство правоохранительных органов, а через коренное изменение информационного фона в обществе от потребительской идеологии в пользу идеи развития человека, в первую очередь нравственного.

Таким образом, всеобъемлющее внедрение потребительской идеологии привело к тому, что тра-

диционные семейные ценности на уровне подсознания всё большего количества людей уже не имеют реального значения, несмотря на их формальную защиту законом и судебной практикой. В результате такой информационной кампании, спланированной и реализованной некими субъектами на Западе, само выживание России как цивилизации поставлено под угрозу. Ещё раз обращаем внимание, что соответствующий по содержанию информационный контент (кинофильмы, телепередачи, сериалы, реклама, музыка, «популярная» психология и пр.) – это не безобидное творчество и способ заработка, а прямая угроза национальной безопасности, на которую необходимо отвечать.

Законодатель и правоприменитель в современной России отвечают на данные вызовы довольно противоречиво. С одной стороны, в правовой политике всё ещё господствует либерально-потребительский подход к праву, который под лозунгами абстрактного гуманизма и защиты прав человека фактически защищает свободу человека вести любой образ жизни и транслировать любые ценности в информационной среде при отсутствии какой-либо идейной повестки со стороны государства. В первую очередь этот подход, до недавнего времени, выражался в практически полном отсутствии каких-либо правовых ограничений на распространение деструктивной информации в информационной среде, что и привело к вышеописанному кризису. При этом использовался довод, считавшийся само собой разумеющимся, согласно которому цензура обязательно приводит к сокрытию реальных проблем и деградации сферы искусства. Однако отсутствие цензуры со стороны государства на практике означало лишь передачу управленческих рычагов другим субъектам: западным элитам, бизнесу, транснациональным корпорациям, которые фактически ввели свою идеологию и свою «цензуру», не прописанную в законе. Тем самым данный подход не совместим ни с суверенитетом, ни с защитой традиционных семейных ценностей.

Несовместимы с ними и нормы Семейного кодекса РФ об общей собственности супругов и алиментах на несовершеннолетних детей, которые на практике снимают с женщины ответственность за крах семейных отношений и ставят её в привилегированное положение. Вместо того чтобы переосмыслить причины такого развития событий, выйти на путь нравственного преображения, они стимулируют её вести с бывшим супругом длительные имущественные споры, апеллируя к государству, в глазах которого женщина почти всегда является пострадавшей стороной. Тем самым семейное законодательство подталкивает женскую часть населения к безответственному и наглому поведению при построении семьи, а мужчин объективно превращает в противников брака.

Очевидно, что крах семьи, особенно при наличии детей, не должен быть источником каких-либо привилегий за счёт другого, скорее наоборот, воспитание детей в браке должно сопровождаться определённым материальным стимулированием со стороны государства, которое должно прекращаться при расторжении брака. Граждане, находящиеся в браке и имеющие детей, должны иметь осязаемые преимущества перед гражданами, расторгнувшими брак, в противном случае правовая политика объективно стимулирует развал института семьи.

С другой стороны, вышеуказанные проблемы вызвали к жизни другую тенденцию в правовой политике России. Ещё в 2014 г., рассматривая вопрос о конституционности ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ об административной ответственности за ЛГБТ-пропаганду среди несовершеннолетних, Конституционный Суд РФ указал, что «регулирование свободы слова и свободы распространения информации не предполагает создание условий, способствующих формированию и утверждению в обществе в качестве равнозначных иных, отличных от общепризнанных, трактовок института семьи и сопряженных с ним социальных и правовых институтов» [18]. Тем самым была признана необходимость наличия у государства хотя бы минимальной идейно-целевой повестки. Данная тенденция в правовой политике за последнее десятилетие постепенно усиливалась и получила своё воплощение, в первую очередь, в обновлённой редакции Конституции РФ и многочисленных документах стратегического планирования, в которых ставится вопрос о защите традиционных семейных ценностей и идентичности России от деструктивного воздействия извне. Также стали появляться разного рода запретительные нормы, призванные нейтрализовать деградационное воздействие современной информационной среды. Одним из последних примеров является Федеральный закон от 23.11.2024 № 411-ФЗ, в соответствии с которым была запрещена пропаганда отказа от деторождения («чайлдфри») [19].

Данную тенденцию в целом следует рассматривать как позитивную, поскольку в ней прослеживается восприятие права как одного из средств социального управления, ориентированного на всестороннее развитие каждого человека, в первую очередь нравственное. На таком подходе настаивал Л.И. Петражицкий, который одну из задач правовой политики видел «в совершенствовании человеческой психики, в очищении её от злостных, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей» [10, с. 3].

Вместе с тем такой подход на государственном уровне находится ещё в «зачаточном» состоянии, он недостаточно проработан, поэтому были отвергнуты лишь самые одиозные и очевидные спо-

собы деструктивного воздействия на российское общество (такие, как ЛГБТ-повестка и идеология «чайлдфри»), однако многие другие угрозы, описанные выше, пока оставлены без внимания. Кроме того, с управленческой точки зрения запретительные меры не могут быть достаточно эффективными, пока отсутствует целостная идейная альтернатива, новый образ будущего, чёткая целевая установка деятельности государства как аппарата публичной власти, призванного выполнять функции общественной значимости. Государство не может быть нейтральным в ценностном отношении, «плюралистичным», если оно стремится обеспечить выживание и развитие общества. Оно должно поощрять конкретные ценности и эффективно их пропагандировать, минимизируя всё то, что их подрывает.

Как отмечает М.И. Клеандров, сегодня необходим «иной мировоззренческий императив всего нашего общества» [20, с. 23]. В отсутствие такого императива отдельные информационные кампании, направленные на пропаганду традиционных семейных ценностей, не будут иметь эффекта, так как они имеют локальный характер, не оказывают системного влияния на информационную среду и почти не затрагивают фундаментальную картину мира человека и его подсознание. Альтернативная идейно-стратегическая основа правовой политики и целостный образ будущего, который найдёт отклик у населения России, во-первых, станут основой для массовых инициативных усилий по созданию качественно иных фильмов, музыкальных произведений, художественной и учебной литературы, видеоконтента в сети Интернет, а во-вторых, позволят законодателю и правоприменителю более широко использовать правовой инструментарий и в то же время сохранить правовую определённость в регулировании информационной среды, которая пока является недостаточной [8]. Без подобной целевой установки, как отмечают Р.Ф. Степаненко и Ф.И. Хамидуллина, устранение отдельных недостатков законодательства малоэффективно [21, с. 48].

Таким образом, в постсоветской России традиционные семейные ценности постепенно теряют своё значение, поскольку к концу XX в. России под лозунгами свободы и плюрализма была навязана либерально-потребительская идеология, в том числе в правовой политике. Эта идеология предполагает свободу человека вести любой образ жизни и транслировать любые ценности в информационной среде при отсутствии какой-либо идейно-нравственной повестки со стороны государства. В итоге потребительская идеология почти полностью монополизировала информационную среду и деформировала бессознательные устремления постсоветских поколений, резко снизив их способность к гармоничным семейным отношениям. Вместо них по образу и подобию Запада в России формируется потребительский матриархат, поддержанию которого способствуют нормы семейного законодательства об общей собственности супругов и алиментах на несовершеннолетних детей. Альтернативная же тенденция в правовой политике России ещё только зарождается и недостаточно эффективна, поскольку отсутствует целостная идейная альтернатива, чёткая целевая установка деятельности государства, на основе которой будет возможна более эффективная и всеобъемлющая «фильтрация» информационной среды общества (в первую очередь сферы искусства).

Литература:

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
4. Якушев П.А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2021. 527 с.
5. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 630 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 28.10.2025).
6. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 256 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 28.10.2025).
7. Мищенко В.А. Проблема восприятия образа семьи в информационном поле России // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 1(19). С. 110–118.

8. Алексеева М.В., Подройкина И.А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 24–33.
9. Савенков Д.А. Психологические теории права в России и за рубежом во второй половине XIX – первой половине XX в.: теоретико-методологический аспект: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2022. 361 с.
10. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. 265 с.
11. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.]. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с.
12. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
13. Бербок А. Права человека – это права женщины. URL: https://dzen.ru/a/aNLTVbiZ_BvtUT-M (дата обращения: 12.12.2025).
14. Фромм Э. Искусство любить / Пер. с англ. А.В. Александровой. М.: Изд-во АСТ, 2024. 224 с.
15. Фромм Э. Здоровое общество / Пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушиной. М.: Изд-во АСТ, 2024. 528 с.
16. Семья в системе российских ценностей // ВЦИОМ. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei (дата обращения: 31.10.2025).
17. Каждый третий мужчина извиняется перед женщиной, даже если не виноват // 585 Золотой. 2025. URL: https://news.585zolotoy.ru/9713777/ (дата обращения: 18.12.2025).
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.
19. Федеральный закон от 23.11.2024 № 411-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.11.2024. № 48. Ст. 7218.
20. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 364 с.
21. Степаненко Р.Ф., Хамидуллина Ф.И. Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы // Государство и право. 2024. № 10. С. 45–54.

The Loss of Traditional Family Values as a Challenge to the Legal Policy of Modern Russia

Ashrafzyanov I.R.
Zelenodolsk city court of the Republic of Tatarstan

This article argues that traditional family values in contemporary Russia, despite a certain conservative turn in legal policy, are increasingly losing their significance. It attempts to identify the underlying causes of these processes and the role of law in them. Drawing on a managerial approach to legal policy, the study aims to identify the psychological mechanisms underlying the erosion of traditional family values in Russia within the context of contemporary legal policy.

The scientific novelty of this study, undertaken at the intersection of law and psychology, lies in its detailed description of the changes occurring in the psyche of post-Soviet generations under the dominance of a liberal consumerist agenda in legal policy. It emphasizes that the gradual erosion of traditional family values is not a random occurrence, but the result of deliberate managerial influence on people's subconscious. At the same time, it notes the emergence and strengthening of a new, alternative agenda in Russian legal policy designed to counter this influence. It is proved that in order to solve the problems described in the article, legal policy lacks a clear ideological and target setting (image of the future), on the basis of which it will be possible to carry out a more comprehensive and effective "filtering" of the information environment of society by legal means (primarily in the sphere of art), which is the practical significance of the study.

Keywords: legal policy, traditional family values, governance, liberalism, psychology of law, effectiveness of law, purpose of law

УДК 343.34
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-128-132

Окружающая природная среда как объект уголовно-правовой охраны

Боковня Александра Юрьевна
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью уголовно-правовой охраны окружающей среды в современных условиях. Несмотря на закрепление в Конституции РФ права граждан на благоприятную окружающую среду и обязанности по её сохранению (ст. 58), в России сохраняется достаточно высокий уровень экологических преступлений, что требует совершенствования механизмов правовой защиты природной среды.

Целью исследования является повышение эффективности правового регулирования охраны окружающей среды посредством совершенствования уголовного законодательства и практики его применения. Для достижения поставленной цели были решены задачи по разработке авторского определения окружающей природной среды, раскрытию её структуры и анализу взаимодействия различных компонентов.

Научная и практическая значимость работы заключается в разработке теоретической конструкции и оптимальной модели регламентации уголовно-правовой охраны окружающей среды. Предложены конкретные меры по совершенствованию уголовного законодательства в сфере экологических преступлений, включая криминализацию отдельных деяний и дифференциацию уголовной ответственности.

Выводы исследования свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к охране окружающей среды, включающего совершенствование нормативно-правовой базы, усиление ответственности за экологические преступления и повышение эффективности механизмов их предупреждения. Предложенные автором рекомендации могут быть использованы при совершенствовании уголовного законодательства и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: *уголовно-правовая охрана, окружающая среда, экологическая безопасность, уголовный закон, экологическое преступление*

Для цитирования: *Боковня А.Ю. Окружающая природная среда как объект уголовно-правовой охраны // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 128–132. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-128-132.*

Окружающая среда в ч. 1 ст. 2 УК РФ признана в качестве приоритетного объекта уголовно-правовой охраны, а преступления против окружающей среды сгруппированы в нем в отдельной главе 26, названной «Экологические преступления». И это неслучайно, в Российской Федерации благоприятные условия жизнедеятельности возведены в ранг конституционной нормы – в ст. 42 Конституции РФ предусмотрено, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью экологическим преступлением.

Экологическое благополучие как часть качества жизни, отмечалось на IX Невском международном экологическом конгрессе, является национальной целью государства [1].

Примечательно, что в Основном законе предусмотрено не только право на благоприятные условия, но и обязанность граждан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58 Конституции РФ).

Объективно можно утверждать, что не только человечество испытывает природу, но и природа испытывает людей, населяющих планету, в виде накопления огромных отходов, глобальных изменений климата, увеличения частоты разрушительных природных явлений, деградацию природной среды в целом.

Отмечается высокий уровень совершаемых экологических преступлений; так, в 2020 г. их удельный вес в преступности составил 1,11 %, 2021 г. – 1,01 %, 2022 г. – 0,97 %, 2023 г. – 0,83 %, 2024 г. – 0,71 % [2].

Обращает на себя внимание то, что при регламентации задач уголовного законодательства и, соответственно, уголовной ответственности среди наиболее актуальных объектов уголовно-правовой охраны законодатель отобразил и окружающую среду, хотя многие из этих объектов не получили такого статуса и обозначены только в наименованиях разделов и глав Особенной части УК РФ.

Большинство разделов и глав Особенной части УК РФ именуются как преступления против того или иного объекта уголовно-правовой охраны. Однако законодатель не использовал этот подход при наименовании преступлений против окружающей среды или в ее сфере и обозначил их как экологические преступления. Данное наименование, как отмечается в литературе, достаточно широкое и размытое, хотя и общепринятое [3, с. 197]. В то время как наименование главы 26 УК РФ в качестве преступлений против окружающей среды коррелировало бы с наименованиями раздела IX УК РФ, глав 24, 25, 27 УК РФ и отражало бы сущность этих преступлений. Немаловажно и то, что предлагаемое наименование этой главы УК полностью коррелировало бы с наименованием фактически базового в данной сфере Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Наиболее актуальным аргументом в этом отношении следует признать положение Конституции РФ, провозгласившей охрану окружающей среды важнейшей задачей граждан, общества и государства (ст. 58).

Иное обозначение административных правонарушений предпринято в главе 8 Кодекса об административных правонарушениях; она именуется как административные правонарушения в области окружающей природной среды и природопользования. Как видно, окружающая среда здесь дублируется понятием природной среды. С точки зрения этого закона это не одно и то же.

Отметим также то, что в ст. 42 Конституции РФ используются понятия экологического правонарушения и окружающей среды. В соответствии с этой статьей любой гражданин (и тем более общество в целом) имеет право на благоприятную окружающую среду, правдивую информацию о ее состоянии, на возмещение вреда, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Как видно, в законодательстве используются различные наименования рассматриваемых правонарушений: 1) преступления против окружающей среды; 2) экологические преступления; 3) правонарушения в сфере окружающей среды.

В качестве аргумента в пользу наименования главы 26 УК РФ как преступления против окружающей среды свидетельствует то, что они находят отражение и в других главах Особенной части УК РФ.

Определения окружающей и природной среды даны в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». В нем окружающая среда определяется через совокупность компонентов природной среды, природных, природно-антропогенных и собственно антропогенных объектов. Природная же среда (по существу природа) характеризуется как определенная система составляющих природной среды, природных и природно-антропогенных объектов [4]. Природная среда составляет основное содержание окружающей среды. Кроме антропогенных объектов природная среда и окружающая среда по своему содержанию совпадают. Скорее всего, в связи с этим обстоятельством некоторые авторы предлагают рассмотреть эти преступные деяния в качестве преступлений против природной среды [5, с. 13–14].

Действующий УК РФ обеспечивает охрану основных компонентов и объектов природной среды, а также охрану окружающей среды как системного образования. В главе 26 УК РФ сосредоточены 17 составов экологических преступлений.

В УК РФ впервые была предусмотрена ответственность за нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами, ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений, за уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, и за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов. Криминализация нарушений указанных правил обусловлена опасностью использования микробиологических, других биологических агентов в преступных целях, а также необходимостью борьбы с болезнями и вредителями растений. Хотя следует констатировать, что суды не всегда применяют адек-

ватные уголовно-правовые меры. Так, Устиновский районный суд г. Ижевска 12 ноября 2017 г. прекратил уголовное дело с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении Макарова, совершившего преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 247 УК РФ. В постановлении суда не приводятся какие-либо аргументы или обоснования принятия такого решения [6].

Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга 16 марта 2017 г. квалифицировал действия Малахова по ч. 2 ст. 247 УК РФ как хранение, захоронение химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, повлекшее загрязнение окружающей среды, назначив ему наказание в виде штрафа в размере 100 000 руб. В данном уголовном деле речь идет о совершении указанных действий при квалифицирующих обстоятельствах – загрязнении, отравлении, заражении окружающей среды, причинении вреда здоровью человека, массовой гибели животных, их совершении в зоне экологического бедствия или зоне чрезвычайной экологической ситуации [7].

Сообразно содержанию и структуре окружающей среды в УК РФ определяется и структура составов экологических преступлений. По данной проблеме в литературе предлагаются различные решения.

М.И. Веревичева классифицирует экологические преступления по трем категориям: 1) преступные деяния, посягающие на социально-экологические отношения по охране окружающей среды; 2) преступления, нарушающие социально-экологические отношения, призванные обеспечить экологическую безопасность в обществе; 3) преступные деяния комплексного характера, которые могут посягать на те и другие отношения [8, с. 64].

Иной подход мы видим у С.И. Голубева. Он выделяет следующие группы составов экологических преступлений: 1) общие экологические преступления, посягающие на экологическую безопасность окружающей среды; 2) специальные экологические преступления, посягающие на экологическую безопасность компонентов окружающей среды [9, с. 57–58]. В принципе можно согласиться с предложенной дифференциацией. Однако вторая группа деяний объединяет различные по видовому объекту и объективной стороне преступления. Кроме того, они названы в качестве специальных экологических преступлений, более правильно их именовать как специальные составы экологических преступлений.

А.В. Наумов предложил следующую схему составов экологических преступлений:

1) преступные деяния, посягающие на общие правила экологической безопасности в сфере экологически значимой деятельности (ст.ст. 246–248 УК РФ);

2) деяния, посягающие на экологическую безопасность в сфере отдельных компонентов окружающей среды – вод, атмосферного воздуха, почвы, лесов, недр, морской среды, континентального шельфа, исключительной экономической зоны РФ (ст.ст. 250–255 УК РФ);

3) преступные посягательства на экологическую безопасность флоры и фауны как составную часть окружающей среды, условие биологического разнообразия, сохранения биосферы нашей планеты (ст. ст. 249, 256–262 УК РФ) [10, с. 487].

О.Л. Дубовик дифференцирует экологические преступления, выделяя три составляющих: 1) преступные деяния, сопряженные с нарушением правил экологически значимой деятельности, а непосредственным их объектом выступает порядок деятельности; 2) преступления, посягающие на отдельные компоненты окружающей среды (воды, атмосфера, почва, леса, недра, континентальный шельф, особо охраняемые природные территории и объекты); 3) преступления, посягающие на объекты флоры и фауны, то есть составную часть окружающей среды [11, с. 88].

Н.Л. Романова по признакам объективной стороны разделяет экологические преступления на: а) незаконное завладение природными ресурсами (ст.ст. 253, 256, 258, 260 УК РФ); б) негативное воздействие на природную среду (ст.ст. 246–252, 257, 259–261 УК РФ). [12, с. 110] Предложенная классификация имеет практическое значение. В то же время к первой группе следует отнести и незаконную добычу, а также оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258^1 УК РФ).

В зависимости от особенностей причинения вреда и наступивших последствий И.В. Попов разделяет экологические преступления на четыре группы:

1) преступные деяния, которые влекут загрязнение или иное негативное изменение природной среды либо ее отдельных компонентов (ст.ст. 246, 247, 250, 251, 252, 254, ч.ч. 3 и 4 ст. 261 УК РФ);

2) деяния, связанные с изъятием природных компонентов из естественной среды обитания (ст. ст. 256, 258, 260 УК РФ);

3) деяния, сопряженные с повреждением или уничтожением природных компонентов, если они не связаны с их загрязнением или изъятием из естественной среды (ст.ст. 257, 259, 260, 261 УК РФ (кроме загрязнения или иного негативного воздействия в отношении лесных насаждений);

4) преступные деяния, совершенные на особо охраняемой природной территории или на территории с неблагоприятным экологическим состоянием (ч. 4 ст. 247, ч. 2 ст. 250, ч. 2 ст. 254, п. «г» ч. 1 ст. 256, п. «г» ч. 1 ст. 258, ст.ст. 259, 262 УК РФ) [3].

Из приведенных вариантов классификации экологических преступлений видно, что основным критерием признается окружающая или природная

среда в целом как определенная система ее компонентов. Если первая отражает компоненты природно-антропогенного характера, то вторая – только собственно природные компоненты, например, почва может рассматриваться только в качестве компонента природной (а не антропогенной) среды. То же самое можно сказать о континентальном шельфе и исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 253 УК РФ).

Большинство же экологических преступлений посягают как на природные, так и на антропогенные объекты. Данная классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение в плане криминализации деяний экологического характера, а также их предупреждения. Содержание окружающей среды составляют природные, природно-антропогенные и антропогенные компоненты. Они, в свою очередь, могут быть компонентами живой и неживой природы.

Важнейшими компонентами, определяющими содержание и структуру окружающей среды, являются растительный и животный мир. В УК РФ предусмотрены два состава, непосредственно направленных на обеспечение охраны лесов – незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ). Кроме того, в ст. 262 УК РФ предусматривается ответственность за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов. На них могут произрастать не только леса, но и иная растительность, например, различные травы или находиться болота [13]. В ряде составов экологических преступлений причинение вреда растительному миру рассматривается в качестве конструктивных (ч. 1 ст. 248, ч. 2 ст. 249, ст. 250 УК РФ) либо квалифицирующих признаков (ч.ч. 2 и 3 ст. 260, ч. 3 ст. 261 УК РФ).

Еще большее значение при криминализации деяний экологического характера законодатель придает компонентам живой природы, и это неслучайно, поскольку необходимость в ней как раз и обусловливается в конечном итоге задачей охраны жизни и здоровья людей. Железнодорожный районный суд г. Читы вынес приговор в отношении ветеринарного врача, совершившего преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 249 УК РФ (нарушение ветеринарных правил, повлекшее эпизоотию). Он признан виновным в нарушении ветеринарных правил, что повлекло возникновение вспышки сапа, падеж и эвтаназию лошадей на вверенной ему конюшне. Виновному было назначено наказание в виде ограничения свободы на один год [14]. По своей природе компоненты живой природы подразделяются на: 1) зверей; 2) птиц; 3) рыб; 4) иных водных биологических ресурсов. В ст. 248 УК РФ, кроме того, выделяются микробиологические и другие биологические агенты [15–18].

Значительно повышают степень общественной опасности экологических преступлений последствия в виде массовой гибели зверей, птиц, рыб, других водных биологических организмов, они предусмотрены в ч. 1 ст. 246, ч. 2 ст. 247, п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ. Их следовало бы предусмотреть и в некоторых других составах экологических преступлений, совершение которых связано и с массовой гибелью животных, рыб и других водных биологических организмов, например, в ч. 3 ст. 250, ч. 3 ст. 251, ч. 3 ст. 254, ч. 3 ст. 256, ст. 257, ч. 3^1 ст. 258^1 УК РФ. Данное последствие следовало бы предусмотреть в ч. 2 ст. 262 «Нарушение режима особо охраняемых объектов» УК РФ.

Обращает на себя внимание неудачное использование понятия «водные биологические ресурсы, которое отражает их хозяйственный аспект, а не какую-то часть живого мира». Поэтому, по нашему мнению, наряду с рыбами следовало бы указывать другие водные биологические организмы.

Проведенный анализ дает основание утверждать, что все основные компоненты и объекты окружающей, прежде всего природной среды, находятся под уголовно-правовой охраной. Достаточна ли эта охрана – это вопрос, как говорится, другой. Некоторые составляющие окружающей среды охраняются административно-правовыми средствами. Отметим, что в КоАП РФ более детально, чем в УК РФ, предусматриваются основания ответственности за административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования. Возможно, некоторые положения КоАП РФ следовало бы использовать при регламентации норм УК РФ, например, было бы не излишним указать в главе 26 на охрану окружающей среды и природопользования (ст. 246 УК РФ). Было бы обоснованным дать соответствующим главам УК РФ и КоАП РФ одинаковое наименование – «Преступления (правонарушения) в сфере охраны окружающей среды и природопользования».

Кроме того, представляется целесообразным при наличии определенных условий (например, крупного размера) предусмотреть уголовную ответственность за незаконную передачу минеральных и (или) живых ресурсов на континентальном шельфе и (или) исключительной экономической зоне Российской Федерации. В настоящее время за эти деяния предусматривается только административная ответственность (ст. 8.20 КоАП РФ). Эти действия связаны с незаконным изъятием указанных ресурсов из собственности государства и уклонением от налогов.

В силу достаточно высокой степени общественной опасности следовало бы предусмотреть уголовную ответственность за сокрытие или искажение экологической информации, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению.

Литература:

1. XI Невский международный экологический конгресс. URL: https://ecocongress.info/congress/
2. Официальный сайт МВД РФ. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 19.11.2025).
3. Попов И.В. Преступления против природной среды: проблема теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2012. 472 с.
4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
5. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 451с.
6. Архив Устиновского районного суда г. Ижевска за 2017г. Дело № 1-226/17. URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-247-uk-rf-narushenie-pravil-obraschenija-ekologicheski-opasnyh-veschestv-i-othodov/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-247-uk-rf--1-2262017--narushenie-pravil-obraschenija-ekologicheski-opasnyh-veschestv-i-othodov.html
7. Архив Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2017г. Дело № 1-254/2017. URL: https://ksl--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=78RS0009&srv_num=1&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=78RS0009-01-2017-000093-28#
8. Веревичева М.И. Экологические преступления в уголовном праве России (проблемы, понятия и системы). Ульяновск, 2004. 183 с.
9. Голубев С.И. Экологические преступления: специализированный учебный курс. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017. 176 с.
10. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2016. 742 с.
11. Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного Кодекса Российской Федерации. М., 1998. 352 с.
12. Романова Н.Л. Понятие и система экологических преступлений: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск., 2001. 219 с.
13. Короткова А.П. Ответственность за преступления, посягающие на растительный мир (флору): законодательная регламентация, проблемы квалификации: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 224 с.
14. Архив Железнодорожного районного суда г. Читы Забайкальского края за 2024 г. Дело №1-72/2024.URL:https://gd--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&case_id=414801903&case_uid=e019c148-3e7d-4c60-99ac-c4483ba92bc6&delo_id=1540006&case_type=0&new=0&srv_num=1
15. Браташова Н.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере охраны животного мира: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 254 с.
16. Гладышев Д.Ю. Ответственность за преступления, посягающие на животный мир (флауну): законодательная регламентация, проблемы квалификации: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 231 с.
17. Мечетин Ю.А. Уголовно-правовая охрана животного мира: дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 226 с.
18. Гаевская Е.Ю. Уголовно-правовая охрана животного мира: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 185 с.

The Natural Environment as an Object of Criminal Law Protection

Bokovnya A.Y.
Kazan (Volga Region) Federal University

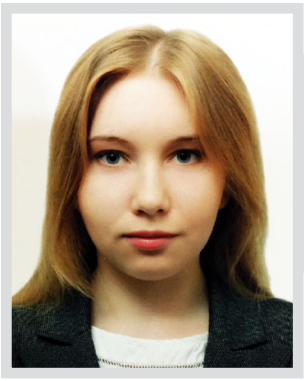
The relevance of the research is due to the increasing role of criminal law environmental protection in modern conditions. Despite the Russian Constitution enshrining the right of citizens to a favorable environment and the obligation to preserve it (Article 58), Russia retains a fairly high level of environmental crimes, which requires improving the mechanisms of legal protection of the natural environment.

The purpose of the study is to increase the effectiveness of legal regulation of environmental protection by improving criminal legislation and its application. To achieve this goal, the tasks of developing an author's definition of the natural environment, revealing its structure and analyzing the interaction of various components were solved. The scientific and practical significance of the work lies in the development of a theoretical framework and an optimal model for regulating criminal law environmental protection. Specific measures have been proposed to improve criminal legislation in the field of environmental crimes, including criminalization of individual acts and differentiation of criminal liability. The conclusions of the study indicate the need for an integrated approach to environmental protection, including improving the regulatory framework, strengthening responsibility for environmental crimes and improving the effectiveness of prevention mechanisms. The recommendations proposed by the author can be used in improving criminal legislation and in law enforcement practice.

Keywords: criminal law protection, environment, environmental safety, criminal law, environmental crime

УДК 342.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-133-137

Понятие публично-правового интереса медицинских правоотношений

Валишева Алина Линаровна
Помощник Татарского транспортного прокурора,
юрист 2 класса (Казань)

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью здравоохранения как социально значимой сферы, в которой пересекаются конституционно гарантированные права личности и публичные интересы общества и государства. Усложнение механизмов государственного регулирования медицинской деятельности, расширение форм публичного контроля и усиление императивного воздействия права актуализируют необходимость теоретического осмысления публично-правового интереса как ключевой категории медицинских правоотношений.

Целью статьи является выявление сущности публично-правового интереса в медицинских правоотношениях и формирование целостного доктринального подхода к его содержанию. Для достижения поставленной цели в работе решаются задачи анализа научных концепций публичного интереса, разграничения публичных и частных интересов в сфере здравоохранения, а также определения правовых форм и механизмов реализации публично-правового интереса в медицинской деятельности.

Научная значимость исследования заключается в уточнении теоретико-правового статуса публично-правового интереса применительно к медицинским правоотношениям и обосновании его системообразующей роли в структуре публичного регулирования здравоохранения. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов при разработке и совершенствовании законодательства в сфере охраны здоровья, а также в правоприменительной деятельности органов публичной власти.

В результате исследования установлено, что публично-правовой интерес в медицинских правоотношениях представляет собой юридически институционализированный комплекс общественно значимых потребностей, направленных на обеспечение охраны здоровья населения, доступности и качества медицинской помощи, а также санитарно-эпидемиологической безопасности. Сделан вывод о том, что данный интерес реализуется преимущественно посредством императивных методов публичного права и выступает интегративным фактором согласования интересов пациента, медицинского работника и государства.

Научная новизна исследования заключается в формировании авторского доктринального понимания публично-правового интереса как самостоятельной юридической категории медицинского права, позволяющей по-новому осмыслить баланс публичных и частных начал в регулировании медицинских правоотношений.

Ключевые слова: *публично-правовой интерес, публичное право, медицинские правоотношения, здравоохранение, правовое регулирование, государственный контроль, публичный интерес, частный интерес, юридическая обязанность*

Для цитирования: *Валишева А.Л. Понятие публично-правового интереса медицинских правоотношений// Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 133–137. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-133-137.*

Проблема соотношения частного и публичного интересов является одной из ключевых в современной правовой науке, особенно в областях, где индивидуальные права граждан пересекаются с общественными благами. Право на охрану здоровья, закреплённое в Конституции РФ, определяет здравоохранение как сферу, в которой публично-правовой интерес проявляется наиболее ярко, поскольку интерес общества в целом и интерес личности взаимосвязаны и требуют государственного обеспечения.

Современная правовая реальность демонстрирует тенденцию к стиранию традиционных границ между частноправовыми и публично-правовыми началами. Эта диффузия особенно заметна в тех правовых институтах, где элементы частного и публичного права органично переплетаются, создавая комплексные правовые конструкции. Ярким примером подобного синтеза выступают правовые формы организации хозяйственной деятельности, сочетающие в себе признаки как частной инициативы, так и публичного регулирования.

Публичные интересы в сфере здравоохранения образуют нормативную основу для функционирования всей системы медицинского обслуживания. Они проявляются через деятельность государственных и муниципальных учреждений здравоохранения, обеспечивая соблюдение конституционных гарантий права граждан на охрану здоровья. Реализация этих интересов создает необходимые предпосылки для поддержания санитарно-эпидемиологического благополучия населения и организации доступной медицинской помощи.

Для правильного понимания механизма правового регулирования в медицине требуется тщательный анализ содержания понятия публичного интереса применительно к сфере здравоохранения. Такой анализ должен учитывать специфику взаимодействия между пациентами, медицинскими работниками и учреждениями здравоохранения, а также особенности государственного управления в данной области.

Учитывая высокую значимость защиты публичных интересов, а также отсутствие легального определения понятия «публичные интересы в медицинских правоотношениях», представляется актуальным и необходимым исследование правовой природы данной категории.

Законодательное закрепление понятия «публичный интерес» имеет фундаментальное значение для достижения единообразия судебной практики и усиления защиты интересов публично-правовых образований в сфере здравоохранения.

Публично-правовой интерес в правовой доктрине традиционно определяется как признанная государством и обеспеченная правом совокупность общественно значимых потребностей, реализация которых обеспечивается через публичную власть и юридическое принуждение. Такой подход прослеживается в трудах Ю.А. Тихомирова, где публичный интерес рассматривается как «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией её существования и развития» [1, с. 112].

Медицинские правоотношения являются сложной системой социально-правовых связей, обусловленных охраной здоровья, жизнью и благополучием граждан. Многие учёные отмечают, что характер регулирования в здравоохранении носит явно публично-правовой характер, поскольку взаимодействие участников в этой области подчинено императивным требованиям государства. В частности, функционирование системы обязательного медицинского страхования, лицензирование и контроль качества медицинской помощи, санитарно-эпидемиологический надзор, установление стандартов оказания помощи – всё это отражает преобладающее воздействие публично-правового интереса.

В условиях трансформации социально-экономических процессов и усложнения механизмов государственного управления особое значение приобретает проблема соотношения публичных и частных интересов в праве. В наибольшей степени данная проблема проявляется в социально значимых сферах, к числу которых относится здравоохранение. Медицинские правоотношения, затрагивающие базовые конституционные ценности – жизнь и здоровье человека, объективно требуют усиленного публично-правового регулирования и опоры на публично-правовой интерес.

Как отмечает Т.В. Кашанина, публичный интерес выступает «юридическим выражением общественно значимых потребностей, реализация которых невозможна вне организующей роли государства» [2, с. 42]. В медицинской сфере данный тезис приобретает особую актуальность, поскольку индивидуальные решения и действия субъектов медицинской деятельности способны оказывать влияние не только на конкретного пациента, но и на неопределённый круг лиц.

В научных работах М.Ю. Старчикова последовательно проводится мысль о том, что публично-правовой интерес является системообразующим элементом публичного права и должен анализироваться через призму конкретных правоотношений

[3, с. 87]. С этих позиций медицинские правоотношения представляют собой особую область реализации публично-правового интереса, требующую комплексного межотраслевого анализа.

В теории права категория интереса традиционно рассматривается как объективная социальная потребность, осознаваемая и опосредуемая правовыми нормами. А.В. Малько подчёркивает, что интерес является «движущей силой правового регулирования», поскольку именно через интересы формируются цели и задачи права [4, с. 112].

О.М. Родионова указывает, что публичный интерес не может быть сведен к сумме частных интересов, поскольку он выражает качественно иное состояние общественных потребностей, закрепляемых государством в нормативной форме [5, с. 105]. В этом контексте публичный интерес выступает основанием для ограничения частной автономии в целях защиты общего блага.

А.Н. Чураков, развивая данную позицию, предлагает различать публичный интерес как социально-политическую категорию и публично-правовой интерес как юридически оформленный феномен. По его мнению, публичный интерес – регулятор общественных отношений [6, с. 85].

С.А. Бурмистрова подчёркивает, что публично-правовой интерес проявляется через правовые обязанности, публичные запреты и разрешения, а также через особые правовые режимы, направленные на защиту социально значимых благ [7, с. 78]. Эти положения имеют принципиальное значение для анализа медицинских правоотношений.

Медицинские правоотношения, как отмечают А.А. Понкина и И.В. Понкин, обладают двойственной природой, сочетая элементы частноправового и публично-правового регулирования [8, с. 84]. Однако в современных условиях наблюдается устойчивая тенденция к усилению публичного начала, что обусловлено социальной значимостью сферы здравоохранения.

По мнению А.В. Басовой, медицинская деятельность по своей сути не может быть полностью отнесена к сфере частных услуг, поскольку осуществляется в условиях жесткого государственного контроля и направлена на реализацию конституционного права на охрану здоровья [9, с. 103].

В.А. Латынцева обращает внимание на то, что публично-правовой интерес в медицинских правоотношениях проявляется не только в деятельности органов государственной власти, но и в обязательном характере стандартов оказания медицинской помощи, системе лицензирования, аккредитации и медицинского страхования [10, с. 15].

Учитывая изложенное, медицинские правоотношения выступают пространством пересечения индивидуальных интересов пациента и публичных интересов общества и государства.

Исходя из анализа научных подходов, публично-правовой интерес в медицинских правоотношениях можно определить как юридически закреплённую совокупность общественно значимых потребностей, направленных на охрану здоровья населения, обеспечение доступности и качества медицинской помощи, а также поддержание санитарно-эпидемиологической безопасности.

Важно подчеркнуть, что в социально значимых отраслях публичный интерес выполняет функцию правового ориентира, определяя допустимые границы реализации частных интересов. В медицинской сфере это выражается в обязательности медицинских стандартов и протоколов лечения.

Итак, публичный интерес в здравоохранении имеет превентивный характер, поскольку направлен не только на реагирование на уже возникшие угрозы, но и на их предупреждение. Это позволяет рассматривать публично-правовой интерес как инструмент обеспечения устойчивости общественных процессов.

Реализация публичного интереса в медицинских правоотношениях осуществляется через:

– создание эффективной системы оказания медицинской помощи;

– обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия;

– защиту прав пациентов;

– контроль качества медицинских услуг.

Таким образом, публичный интерес в медицинских правоотношениях представляет собой системообразующий элемент правового регулирования, который определяет вектор развития всего комплекса норм, направленных на охрану здоровья граждан и функционирование системы здравоохранения.

Реализация публично-правового интереса осуществляется посредством комплекса правовых механизмов. Как отмечает М.Ю. Старчиков, ключевую роль здесь играют административно-правовые и финансово-правовые инструменты, обеспечивающие управляемость и контролируемость медицинской деятельности [3, с. 163].

К числу таких механизмов относятся:

– лицензирование и аккредитация медицинских организаций;

– государственный контроль качества медицинской помощи;

– система обязательного медицинского страхования;

– санитарно-эпидемиологический надзор.

Необходимо отметить, что данные механизмы носят не репрессивный, а обеспечительный характер, поскольку направлены на защиту прав граждан и общественных интересов.

Кроме того, в настоящее время проблема баланса публично-правового и частного интереса является одной из ключевых в теории медицинского права.

Приоритет публичного интереса не означает игнорирования частных прав, а предполагает их согласование в рамках правового порядка. Публично-правовой интерес в медицинских правоотношениях выполняет интегративную функцию, обеспечивая согласование интересов пациента, медицинского работника и государства.

Так, публично-правовой интерес выступает не ограничителем, а гарантом устойчивого развития системы здравоохранения.

Анализ научных подходов позволяет сделать вывод о том, что публично-правовой интерес в медицинских правоотношениях является самостоятельной юридической категорией, отражающей социальную значимость охраны здоровья и активную роль государства в регулировании медицинской деятельности. Его содержание формируется под влиянием конституционных ценностей, доктринальных положений публичного права и практики государственного управления.

Учет мнений ведущих российских ученых позволяет рассматривать публично-правовой интерес как системообразующий элемент медицинских правоотношений, обеспечивающий баланс частных и публичных начал и устойчивость правового регулирования здравоохранения.

Литература:

1. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монографический учеб. М.: Эксмо, 2008. 446 с.
2. Кашанина Т.В. Право: публично-правовые и частно-правовые начала. М.: Изд-во Юрайт, 2026. 553 с.
3. Старчиков М.Ю. Разрешение споров между медицинскими организациями и пациентами: законодательные положения и судебная практика. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 224 с.
4. Малько А.В. Основы российской государственности. М.: КноРус, 2025. 263 с.
5. Родионова О.М. Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 101–111.
6. Чураков А.Н. Публичный интерес: методологические основы формирования правовой категории // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2 (95). С. 80–89.
7. Бурмистрова С.А. Способы защиты публично-правовых интересов в цивилистическом процессе // Правосудие. 2021. Т. 3. № 1. С. 69–85.
8. Понкина А.А., Понкин И.В. Права врачей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. 192 с.
9. Басова А.В. Медицинское право: учеб. для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2026. 306 с.
10. Латынцева В.А. К вопросу о понятии медицинской деятельности и его юридическом значении // Очерки новейшей камералистики. 2020. № 1. С. 13–18.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Гарант.

The Concept of Public-Law Interest in Medical Legal Relations

Valisheva A.L.
Tatar Transport Prosecutor's Office (Kazan)

The relevance of the study is determined by the growing significance of healthcare as a socially vital sphere where constitutionally protected individual rights intersect with public interests of society and the state. The increasing complexity of regulatory mechanisms governing medical activities, along with the expansion of public oversight and imperative legal regulation, necessitates a theoretical reconsideration of public-law interest as a fundamental category of medical legal relations.

The purpose of the article is to reveal the essence of public-law interest in medical legal relations and to develop a coherent doctrinal approach to its content. To achieve this purpose, the study addresses the analysis of scholarly concepts of public interest, the differentiation between public and private interests in healthcare, and the identification of legal forms and mechanisms through which public-law interest is implemented in medical activity.

The scientific significance of the research lies in clarifying the theoretical and legal status of public-law interest within the system of medical legal relations and substantiating its system-forming role in public healthcare regulation. The practical significance of the study consists in the possibility of applying its findings in legislative development in the field of public health protection and in the law-enforcement activities of public authorities.

The research demonstrates that public-law interest in medical legal relations constitutes a legally institutionalized set of socially significant needs aimed at ensuring public health protection, accessibility and quality of medical care, as well as sanitary and epidemiological safety. It is concluded that this interest is primarily realized through imperative methods of public law and serves as an integrative factor coordinating the interests of patients, medical professionals, and the state.

The scientific novelty of the study lies in the formulation of an original doctrinal interpretation of public-law interest as an independent legal category of medical law, enabling a renewed understanding of the balance between public and private principles in the regulation of medical legal relations.

Keywords: public-law interest, public law, medical legal relations, healthcare, legal regulation, state supervision, public interest, private interest, legal duty

УДК 341
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-138-142

Развитие модельного законодательства о противодействии коррупции в СНГ

Вильданов Раиль Рамилевич
Аспирант кафедры международного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Антикоррупционная проблематика остаётся крайне актуальной для государств Содружества Независимых Государств, поскольку в большинстве из них сохраняются проблемы с эффективностью государственного управления и единообразием правового регулирования. В этих условиях особое значение приобретает развитие модельного законодательства СНГ как инструмента гармонизации правовых подходов и имплементации универсальных международно-правовых антикоррупционных стандартов. Целью настоящего исследования является обоснование того, что модельное законодательство СНГ в сфере противодействия коррупции представляет собой самостоятельный, последовательно эволюционирующий региональный правовой механизм реализации международных обязательств государств-участников СНГ. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: анализ этапов развития модельных антикоррупционных актов; иследование трансформации их понятийного аппарата; изучение институционализации превентивных механизмов. Научная значимость работы заключается в формировании целостного представления о модельном законодательстве СНГ как специфической форме регионального правового регулирования, сочетающей элементы международного и внутригосударственного права. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных выводов при совершенствовании национального антикоррупционного законодательства и разработке новых модельных актов СНГ. В результате проведённого анализа установлено, что эволюция модельного законодательства характеризуется переходом от преимущественно карательной парадигмы к комплексной превентивной системе, включающей антикоррупционную экспертизу, мониторинг и координацию государственной политики. Показано, что данная трансформация обеспечила усиление связи модельных актов с международными антикоррупционными конвенциями и способствовала унификации правовых подходов государств Содружества. Научная новизна исследования заключается в том, что модельное законодательство СНГ обосновано как самостоятельный региональный механизм реализации международных антикоррупционных норм, который развивается от простых рекомендаций к устойчивой системе правовых и институциональных инструментов.

Ключевые слова: *коррупция, противодействие коррупции, модельное законодательство, Межпарламентская Ассамблея СНГ, антикоррупционная политика, антикоррупционная экспертиза, международные антикоррупционные стандарты, гармонизация законодательства, имплементация международного права*

Для цитирования: *Вильданов Р.Р. Развитие модельного законодательства о противодействии коррупции в СНГ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 138–142. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-138-142.*

Коррупция продолжает оставаться одной из наиболее серьёзных угроз политико-правовой стабильности и социально-экономического развития государств Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество). Для государств-участников СНГ коррупция выступает не только как правовое явление, но и как комплексный институциональный фактор, существенно влияющий на эффективность государственного управления, уровень общественного доверия и качество реализации публичных функций государства.

Согласно Индексу восприятия коррупции *Transparency International* за 2024 г., государства-члены СНГ по-прежнему демонстрируют преимущественно низкие показатели, что свидетельствует о высокой распространённости коррупционных практик в государственном секторе. Наивысший результат среди стран Содружества показала Армения – 47 баллов из 100 возможных, за ней следует Молдова – 43 балла. Казахстан получил 40 баллов, Беларусь – 33 балла, Узбекистан – 32 балла. Наиболее низкие показатели зафиксированы у Кыргызской Республики – 25 баллов, у России и Азербайджана – по 22 балла, а также у Таджикистана – 19 баллов [1]. Сопоставимые показатели наблюдаются и за 2023 год, что свидетельствует о системном характере коррупционных процессов [2]. Долговременная динамика подтверждает устойчивость проблемы: данные за 2015 и 2005 гг. показывают, что большинство государств СНГ в течение почти двух десятилетий остаются в группе стран с высоким уровнем восприятия коррупции [3]. Совокупность указанных обстоятельств позволяет сделать вывод, что коррупция в государствах СНГ не носит эпизодического характера, а выступает устойчивым структурным феноменом, оказывающим системное воздействие на правопорядок, экономику и институты публичной власти. В этих условиях исследование развития модельного законодательства СНГ в сфере противодействия коррупции приобретает особую значимость как инструмент гармонизации правовых подходов и повышения эффективности реализации международных антикоррупционных стандартов.

В конце XX в. коррупция переросла в глобальную проблему и стала предметом обсуждения на международных форумах под эгидой ООН [4]. Масштаб угрозы обусловил принятие ряда основополагающих международных документов [5–11]. Одной из форм сближения правового регулирования однородных сфер общественных отношений в государствах-участниках СНГ является разработка и принятие в рамках организации так называемых модельных (примерных) законов. В рамках Содружества за последние десятилетия была сформирована комплексная система модельных актов, регулирующих вопросы противодействия коррупции [12–16].

В целях гармонизации и унификации правового регулирования государств-участников СНГ 3 апреля 1999 г. на XIII пленарном заседании МПА СНГ принимается Модельный закон «О борьбе с коррупцией» (далее – Модельный закон 1999 г.), который заложил правовые рамки формирования антикоррупционной политики и впервые придал данному институту наднациональный характер [12]. Принятие акта обеспечило появление единого понятийного аппарата, что позволило унифицировать подходы к пониманию и квалификации коррупционных правонарушений в национальных правопорядках государств СНГ [12].

После принятия Модельного закона 1999 г. уже через несколько лет возникла необходимость выработки нового нормативного акта. Модельный закон 1999 г. сосредоточивался главным образом на уголовно-правовом аспекте, определяя коррупцию как принятие имущественных благ и преимуществ государственными должностными лицами либо их подкуп. Такой узкий подход позволял фиксировать отдельные формы коррупционных правонарушений, но не охватывал весь комплекс политических, организационных и социально-экономических причин, порождающих коррупцию [17, с. 55–59].

25 ноября 2003 г. на XXII пленарном заседании МПА принимается Модельный закон «Об основах законодательства об антикоррупционной политике» (далее – Модельный закон 2003 г.) [13]. Принятие Модельного закона 2003 г. ознаменовало переход от преимущественно карательной модели противодействия коррупции к формированию концепции государственной антикоррупционной политики. В центре регулирования оказывается не только ответственность за коррупционные правонарушения, но и ценностно-нормативная основа публичной службы: бескорыстие, служение обществу и государству, признание коррупции как угрозы национальной безопасности, верховенству закона и демократическим институтам [13]. Закон подчеркивает необходимость правового самоограничения публичной власти, закрепляя ориентир на создание стабильных механизмов предупреждения коррупции и совершенствование национального законодательства с учетом международных стандартов [13]. В сравнении с Модельным законом 1999 г., где ключевым элементом понятия коррупции выступало «принятие имущественных благ и преимуществ», Модельный закон 2003 г. значительно расширяет содержание дефиниции, включая в нее любое незаконное использование публичного статуса в целях получения выгоды – как имущественного, так и неимущественного характера [13. ст.ст. 1–2]. Мы видим, что происходит концептуальный сдвиг: коррупция рассматривается не только как отдельное противоправное деяние, но и как результат деформации публичной службы, требующий комплексных про-

филактических, организационных и правовых мер. Расширение понятия позволяет охватить более широкий круг злоупотреблений, ранее формально не подпадавших под признаки коррупции, и усиливает возможности правового регулирования.

Если сравнивать Модельные законы 1999 и 2003 гг., то первый документ имел преимущественно уголовно-правовую и карательную направленность, ориентируясь на выявление, пресечение и наказание коррупционных преступлений. Нормы данного закона носили характер реагирования на уже совершённые правонарушения и не предусматривали комплексных мер профилактики. Второй документ обозначил смену парадигмы антикоррупционного регулирования: от борьбы к формированию государственной политики предупреждения коррупции. В нём были закреплены принципы прозрачности, добросовестности, служения обществу, введены категории антикоррупционного мониторинга, экспертизы и стандартов, а также отражено соответствие международным конвенционным нормам [19, с. 63–65].

В 2012 и 2013 гг. разрабатываются модельные законы об антикоррупционной экспертизе и антикоррупционном мониторинге [15; 16]. Появление в правовой системе СНГ двух специальных модельных актов стало логическим продолжением процесса, начатого Модельным законом 2008 г. Если базовый Закон 2008 г., носил рамочный характер и определял ключевые категории, принципы и общие направления антикоррупционной политики, то два новых модельных закона преследовали цель детализировать отдельные механизмы профилактики коррупции, придать им самостоятельный нормативный статус и обеспечить их унифицированное закрепление в национальных правопорядках государств-участников СНГ. В целом оба акта были необходимы для того, чтобы превратить общие антикоррупционные декларации в систему конкретных правовых инструментов [19, с. 62–68].

Далее, в рамках СНГ разрабатываются проекты комментариев к принятым модельным законам [20–22] и рекомендаций [23–26]. Комментарии и рекомендации принимались с целью превратить модельные законы СНГ из формальных рамочных документов в реально работающий инструмент гармонизации и развития национальных правопорядков [27].

3 октября 2025 г. в ходе десятого заседания МСПК СНГ, состоявшегося в г. Ереване, официально начались работы по подготовке нового Модельного закона о противодействии коррупции в бизнесе [28]. Если ранние модельные акты формировали нормативно-институциональную базу антикоррупционной политики преимущественно в государственном секторе, то новый проект знаменует переход к следующему этапу развития модельного правотворчества. Речь идёт о расширении сферы антикоррупционного регулирования на предпринимательскую и корпоративную деятельность, что отражает глобальные тенденции развития международного права. В этом контексте работа над новым модельным законом означает переход СНГ от нормативной систематизации антикоррупционных мер к их функциональной дифференциации, то есть к выработке специализированных стандартов для отдельных секторов общественных отношений.

Таким образом, модельное законодательство СНГ в сфере противодействия коррупции следует рассматривать не как совокупность разрозненных рекомендаций, а как формирующийся региональный правовой механизм. Анализ модельных законов 1999, 2003, 2008, 2012 и 2013 гг. подтверждает последовательную эволюцию этого механизма: расширение понятийного аппарата, институционализацию превентивных инструментов и усиление связи с международными антикоррупционными стандартами. От первоначальной карательной ориентации регулирование перешло к комплексной системе, включающей профилактику, антикоррупционную экспертизу, мониторинг и координацию государственной политики. Введение соответствующих правовых категорий отражает переход от декларативных принципов к институционально обеспеченной превентивной модели. Развитие комментариев и рекомендаций МПА СНГ, а также разработка модельного закона о противодействии коррупции в бизнесе свидетельствуют о дальнейшем расширении предметного охвата. Это позволяет квалифицировать модельные акты СНГ как самостоятельный региональный инструмент имплементации международно-правовых стандартов и гармонизации национальных правопорядков государств-участников.

Литература:

1. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024: официальный сайт. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2024 (дата обращения: 29.12.2025).
2. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2023 (дата обращения: 29.12.2025).

3. Areppim. Complete CPI data 1995–2018: агрегированные таблицы индекса (с пересчётом шкалы). URL: https://stats.areppim.com/listes/list_corruption.htm (дата обращения: 29.12.2025).
4. Материалы конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1990–2000 гг.). URL: https://www.un.org (дата обращения: 02.05.2025).
5. Декларация Организации Объединённых Наций о борьбе с коррупцией и подкупом в международных коммерческих операциях: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 51/191 от 16.12.1996 // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org (дата обращения: 02.05.2025).
6. Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих операций от 21.11.199 // Организация экономического сотрудничества и развития. URL: https://www.oecd.org (дата обращения: 02.05.2025).
7. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) от 27.01.1999 // Совет Европы. URL: https://www.coe.int (дата обращения: 02.05.2025).
8. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) от 04.11.1999 г. // Совет Европы. URL: https://www.coe.int (дата обращения: 02.05.2025).
9. Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 // Организация Объединённых Наций. URL: https://www.un.org (дата обращения: 02.05.2025).
10. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции, принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 58/4 от 31.10.2003 // Организация Объединённых Наций. URL: https://www.un.org (дата обращения: 02.05.2025).
11. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/169 от 17.12.1979 // Организация Объединённых Наций. URL: https://www.un.org (дата обращения: 02.05.2025).
12. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ от 03.04.1998 № 12-7 Модельный закон «О борьбе с коррупцией». СПб.: Секретариат МПА СНГ, 1999. 12 с.
13. Постановление МПА СНГ от 15.11.2003 № 22-6 Модельный закон «Об основах законодательства об антикоррупционной политике». СПб.: Секретариат МПА СНГ, 2003. 18 с.
14. Постановление МПА СНГ от 25.11.2008 № 29-13 Модельный закон «О противодействии коррупции». СПб.: Секретариат МПА СНГ, 2008. 24 с.
15. Постановление МПА СНГ от 17.05.2012 № 37-12 Модельный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». СПб.: Секретариат МПА СНГ, 2012. 20 с.
16. Постановление МПА СНГ от 29.11.2013 г. № 39-14 Модельный закон «Об антикоррупционном мониторинге». СПб.: Секретариат МПА СНГ, 2013. 16 с.
17. Ерошенко А.А. Превенция коррупции в государствах СНГ: тенденции и проблемы // Государство и право. 2003. № 9. С. 55–59.
18. Беляев В.П. Эволюция антикоррупционной политики в СНГ: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2004. № 5. С. 63–65.
19. Абдуллаев А.С. Инструменты антикоррупционной политики в странах СНГ: экспертиза и мониторинг // Государство и право. 2014. № 7. С. 62–68.
20. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23.11.2012 № 38-21 «О Комментарии к модельному закону “О противодействии коррупции”» // СПС КонсультантПлюс.
21. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 29.11.2013 № 39-23 «О Комментарии к модельному закону “Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов”» // СПС КонсультантПлюс.
22. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 27.11.2015 № 43-18 «О Комментарии к модельному закону “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения”» // СПС КонсультантПлюс.
23. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23.11.2012 № 38-17 «О Рекомендациях по совершенствованию законодательства государств-участников СНГ в сфере противодействия коррупции» // СПС Гарант.
24. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23.11.2012 № 38-18 «О Рекомендациях по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС Гарант.
25. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 29.11.2013 № 39-26 «О Рекомендациях по совершенствованию законодательства государств–участников СНГ по вопросам противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» // СПС Гарант.
26. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 29.11.2013 № 39-26 «О Рекомендациях по проведению антикоррупционного мониторинга в государствах-участниках СНГ» // СПС Гарант.
27. Решение СГГ СНГ от 10.12.2010 «Межгосударственная программа совместных мер борьбы с

преступностью на 2011–2013 годы». План основных мероприятий по реализации Программы на 2011–2015 гг. (не действует) // СПС Гарант.
28. Протокол десятого заседания Межгосударственного совета по противодействию коррупции СНГ (Ереван, 3 октября 2025 г.) // Исполнительный комитет СНГ. Минск, 2025.
29. Содружества Независимых Государств: официальный сайт. URL: https://armenpress.am/eng/news/1231222 (дата обращения: 24.02.2026).

Development of Model Legislation on Combating Corruption in the CIS

Vildanov R.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

Anti-corruption issues remain highly relevant for the member states of the Commonwealth of Independent States (CIS) in the context of persistently low levels of public governance effectiveness and the continuing fragmentation of national legal systems. Under these conditions, the development of CIS model legislation acquires particular importance as an instrument for harmonizing legal approaches and implementing universal international anti-corruption standards. The purpose of this study is to substantiate that CIS model legislation in the field of combating corruption constitutes an independent and consistently evolving regional legal mechanism for the implementation of the international obligations of the member states. To achieve this purpose, the article addresses the tasks of analyzing the stages of development of model anti-corruption acts, the transformation of their conceptual framework, and the institutionalization of preventive mechanisms.

The scientific significance of the study lies in the formation of a comprehensive understanding of CIS model legislation as a specific form of regional legal regulation that combines elements of international and domestic law. The practical significance consists in the possibility of using the obtained conclusions to improve national anti-corruption legislation and to develop new CIS model acts. As a result of the analysis, it is established that the evolution of model legislation is characterized by a transition from a predominantly punitive paradigm to a comprehensive preventive system that includes anti-corruption expertise, monitoring, and coordination of state policy. It is demonstrated that this transformation has strengthened the link between model acts and international anti-corruption conventions and has contributed to the unification of legal approaches among the CIS member states. The scientific novelty of the research lies in substantiating the concept of CIS model legislation as a functionally differentiated regional mechanism for the implementation of international legal norms on combating corruption, which goes beyond traditional recommendatory law-making and forms its own institutional and legal system.

Keywords: corruption, combating corruption, model legislation, Interparliamentary Assembly of the CIS, anti-corruption policy, anti-corruption expertise, international anti-corruption standards, harmonization of legislation, implementation of international law

УДК. 341.1/8
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-143-149

Кибербезопасность и информационная безопасность: правовые проблемы терминологической дифференциации в международном и внутригосударственном праве

Гайсин Реналь Радикович
Аспирант кафедры международного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В условиях перманентно усиливающихся информационных угроз возрастает необходимость понимания сущности кибербезопасности и информационной безопасности. В международных актах, законодательстве ряда государств и научной доктрине накопилось множество проблем терминологического характера, связанных с трактовкой понятий «кибербезопасность», «информационная безопасность» и других схожих понятий.

Цель научного исследования заключается в выявлении и анализе основных терминов и концепций понимания кибербезопасности и информационной безопасности.

Результаты статьи могут быть полезны в исследовательских, образовательных и практических целях. Ценность работы заключается в расширении знаний исследователей и практиков о природе кибербезопасности и информационной безопасности.

В рамках исследования юридической природы рассматриваемых терминов проводится разграничение и обосновывается позиция относительно их применения. Подтверждается существование двух противоречивых концепций понимания кибербезопасности и информационной безопасности.

Ключевые слова: *кибербезопасность, информационная безопасность, киберпространство, цифровая безопасность, безопасность информации, безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, киберконфликт, кибероперации*

Для цитирования: *Гайсин Р.Р. Кибербезопасность и информационная безопасность: правовые проблемы терминологической дифференциации в международном и внутригосударственном праве // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 143–149. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-143-149.*

«…В переполненной матрице, монохромном псевдопространстве, где, как редкие звезды во тьме, светились плотные сгустки данных, мерцали галактики корпораций и отсвечивали холодным блеском спирали военных систем…». Таково описание киберпространства, которое У. Гибсон приводит в своем научно-фантастическом рассказе «Сожжение Хром» [1]. Идея о существовании некого нового пространства с большими возможностями издавна увлекала умы, но своей кульминации она достигла в конце XX в., в эру компьютеров и программистов. Гибсон называет своего героя – программиста-хакера по имени Бобби – «ковбоем, оседлавшим компьютер». Сравнение киберпространства с Диким Западом неслучайно. Киберпространство – это действительно современный Дикий Запад, где правота определяется силой, где ответственность может не догнать виновного, а угроза таится за каждой каменной стеной. В безопасности находится лишь тот, кто вооружен и может первым ответить на угрозу.

И не случайно первый рассказ о киберпространстве иллюстрирует нам взлом информационной системы, то есть описывает угрозу кибербезопасности.

Сегодня вопросы обеспечения кибербезопасности имеют большую актуальность, и центральный элемент проблемы, представляющий научный интерес, – это разграничение понятий «кибербезопасность», «информационная безопасность» и других смежных терминов. Ведь наиболее острые дискуссии на международных площадках в сфере международной информационной безопасности разворачиваются вокруг трактовки этих терминов и связанных с ними смысловых аспектов. Очевидно, *ab initio* большинство терминов формируется исходя из признаков, свойств и других характеристик изучаемых правовых явлений. Расхождение в них разумно предполагает отсутствие единства в других, не менее важных вопросах.

Являясь свидетелями эпохи турбулентности международных отношений, нельзя исключать и политический аспект. *Cui prodest*? – звучит латинское выражение, означающее, что в любом вопросе есть выгода и есть сторона, которая хочет ее получить. Существует мнение, что на протяжении ряда лет США и другие западные страны выступают за использование термина «кибербезопасность» вместо понятий «информационная безопасность» и «международная информационная безопасность», чтобы сохранить и приумножить возможности для внешнего вмешательства в системы информационной безопасности неугодных им суверенных государств [2]. В качестве аргументов они используют нарративы защиты прав человека и стремление противодействовать цифровому авторитаризму государств [3].

Закрепление определения – это очерчивание границ регулирования. Почему во многих определениях кибербезопасности акцентируется внимание только на техническую часть вопроса, не затрагивая при этом информационные и психологические аспекты? Что понимается под обороной киберпространства? Это противодействие кибератакам или проведение наступательных кибероперациий, направленных против государств? Эти и другие вопросы сегодня стоят перед исследователями многих стран, и мы попытаемся на них ответить.

Сегодня вокруг концепции кибербезопасности ведется множество обсуждений, а сам термин трудно поддается определению и является предметом политических споров. К примеру, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) использует термин «цифровая безопасность» [4], Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) использует термин «информационная безопасность» [5], Европейский союз (ЕС) использует термины «кибербезопасность» и «безопасность информации» [6], Организация Объединенных Наций (ООН) в некоторых документах использует термин «безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий» [7]. Как отмечает в своем исследовании Т. Насименто Хайм, эти различия в понимании и интерпретациях значения и содержания кибербезопасности, с одной стороны, отражают политический и культурный выбор национальных государств, а с другой – затрудняют нормативное регулирование киберпространства [8].

Более того, концепция кибербезопасности постоянно эволюционируется: возникшая как часть технической проблемы или проблемы управления рисками в течение пары лет, она превратилась в вопрос национальной и международной безопасности [9, p. 73]. Соответственно, терминология, используемая для обсуждения аспектов безопасности технических устройств и информации, значительно изменилась в последние годы. Так, если в начале века термины, которые регулярно использовались в этом контексте, были «компьютерная безопасность», «сетевая безопасность», «Интернет-безопасность», «безопасность информации», то сейчас к ним добавились «кибербезопасность», «информационная безопасность» и «цифровая безопасность».

Научный мир признает, что отсутствие согласованного значения термина «кибербезопасность» является существенной проблемой. Этому посвящены исследования таких зарубежных исследователей, как К. Байлон [10], Д. Крейген [11], Д. Шатц [12], М.Д. Кавелти [13] и др. Упомянутая проблема усугубляется проблемой различия других понятий в области кибербезопасности. Определения таких терминов, как «киберконфликт», «кибервойна», «кибератака» и т.д., используемые США, Великобританией, Россией и Китаем, не совпадают – даже если официальные определения существуют в каждом соответствующем языке. К. Джайлс и В. Хагестад утверждают, что прямые переводы конкретных терминов с русского и китайского языка, которые напоминают англоязычные термины и наоборот, могут еще больше усложнить ситуацию, создавая обманчивое впечатление взаимопонимания, хотя на самом деле они относятся к совершенно разным концепциям [14].

В связи с этим разумно будет обратиться к этимологии. Деконструкция термина «кибербезопасность» позволит расположить обсуждение в рамках обеих областей – «кибер» и «безопасности» – и раскрыть некоторые особенности их происхождения с точки зрения лингвистики и герменевтики.

Как известно, приставка «кибер» («*cyber*») произошла от термина «кибернетика», который относится к области «теории управления и связи в машинах и живых организмах» [15]. Термин «кибернетика» берет начало с древнегреческого слова *κυβερνάω*, что означает «рулить», «управлять» [16]. Теория об изучении взаимодействия человека и техники, где непрерывен информационный поток между управ-

ляющим и управляемым, легла в основу феномена кибернетического пространства (киберпространство – «*cyberspace*») Впервые термин «киберпространство» был использован в 1982 г. У. Гибсоном в рассказе «Сожжение Хром». В дальнейшем это слово использовалось в других его произведениях, что и стало точкой отсчёта, после которой идеи киберпространства получили широкое распространение и породили множество терминов с приставкой «кибер-».

Что касается термина «безопасность», в зарубежной и отечественной научной литературе не существует общепринятой концепции, и этот термин, как отмечается, трудно определить в общем смысле. К примеру, Оксфордский словарь английского языка содержит около двадцати значений этого слова [17]. Толковый словарь В. Даля определяет безопасность как «отсутствие опасности, сохранность, надежность» [18]. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова безопасность понимается как «состояние, при котором не угрожает опасность» [19]. Таким образом, в указанных словарях понятие безопасность раскрывается по-разному, однако можно выделить общий смысловой аспект – отсутствие опасности или угрозы.

Сегодня в научной литературе и законодательстве западных стран преобладает техническая точка зрения на природу кибербезопасности. Так, Р.А. Кеммерер утверждает, что кибербезопасность «в основном состоит из защитных методов, используемых для обнаружения и пресечения потенциальных злоумышленников» [20]. Схожее определение приводит Дж.А. Льюис в своем исследовании, указывая, что кибербезопасность «подразумевает защиту компьютерных сетей и хранящихся в них информации от проникновения и злонамеренного повреждения или нарушения» [21]. Э. Аморосо видит кибербезопасность как «снижение риска вредоносных атак на программное обеспечение, компьютеры и сети» [22]. В качестве примера законодательного закрепления можно привести Национальную стратегию кибербезопасности Канады, где кибербезопасность обозначается как «защита цифровой информации, а также целостность инфраструктуры размещения и передачи цифровой информации» [23].

Если обратиться к международным стандартам, то можно увидеть, что в соответствии с ISO/IEC 27032:2023 [24], кибербезопасность определяется как «защита людей, общества, организаций и наций от киберрисков». Ранее действовавший стандарт ISO/IEC 27032:2012 [25], обозначал кибербезопасность как «сохранение конфиденциальности, целостности и доступности информации в киберпространстве». Данное определение было сформировано исходя из понятия «безопасность информации», которая содержит триаду свойств информации: конфиденциальность, целостность и доступность (так называемое определение *CIA*).

Стоит добавить уточнение, что в англоязычных странах термины «безопасность информации» и «информационная безопасность», которые в российском понимании имеют разные значения, лингвистически не различаются, поскольку перевод обоих слов на английский язык одинаковый (*information security*). В стандарте, как уже отмечено, подразумевается именно «безопасность информации», то есть такое состояние, при котором информация находится в безопасности.

По мнению исследователей Б. Лундгрен и Н. Мёллер [26, p. 422], понятие «безопасность информации» имеет ряд недостатков:

1. Оно является одновременно слишком широким и слишком узким;

2. Его предполагаемые необходимые свойства не во всех случаях являются необходимыми. Более того, в зависимости от ситуации, одному из свойств может отдаваться приоритет по отношению к другим, что ставит под сомнение их необходимость.

Хотя некоторые из вышеуказанных определений включают ссылки на нетехнические действия и человеческие взаимодействия, такой подход отличается от видения, которого придерживаются Россия, Китай и страны ШОС. Согласно Приложению 1 к Соглашению между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, под информационной безопасностью понимается «состояние защищенности личности, общества и государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве».

В научной литературе этот подход получили название «восточного видения» [27, p. 552], данная концепция информационной безопасности имеет более широкий охват, так как помимо информации и технических средств как объектов безопасности включает ряд других объектов, таких как личность, общество и государство. Соответственно, угрозы, которые могут оказать негативное воздействие, имеют не только технический характер, но и включают информационные и психологические способы воздействия на сознание.

Помимо отражения подходов соответствующих государств к природе информационной безопасности, это различие в подходах между двумя группами государств наглядно иллюстрирует также различие в концепциях регулирования интернета, которое препятствует международному взаимопониманию: западный взгляд на открытое, свободное и глобальное пространство, эффективно управляемое широким кругом заинтересованных сторон, в том числе неправительственными организациями, в отличие от восточного взгляда, поддерживаемого Россией, Китаем и рядом других стран, где именно государ-

ство несет ответственность за внутреннее информационное пространство.

Термин «кибербезопасность» не существует в российском законодательстве, а представленный в 2014 г. проект «Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации» [28] не нашел поддержки в связи с несоответствием терминологии, указанной в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [29]. Однако в законодательстве ряда стран-партнеров, например Республики Беларусь [31] и Республики Казахстан [32], термины «информационная безопасность» и «кибербезопасность» (последний с существенно иной интерпретацией) используются как синонимы.

Следует сказать, что вопрос о природе кибербезопасности корнями уходит к проблеме применимости международного права к киберпространству. Киберугрозы отличаются от традиционных проблем безопасности прежде всего в том, что касается принадлежности и юрисдикции, поскольку кибератака может быть инициирована из любой точки планеты [33]. Следовательно, важные принципы права, такие как самооборона и вооруженное нападение, основанные на территориальных представлениях, не применимы автоматически.

Западные страны выступают за возможность применения международного права в нынешнем виде, в частности международного гуманитарного права и международного права прав человека, к регулированию военных действий в киберпространстве. С противоположной позицией выступают Россия и Китай, которые считают, что информационное пространство должно быть демилитизированным. В то время как в рамках ООН следует принять согласованный международный правовой акт по обеспечению международной информационной безопасности.

Поэтому существуют определения кибербезопасности, лейтмотивом которых является концепция киберконфликта. Согласно данной концепции, если раньше основными аренами боевых действий были земля, море и воздух, то теперь война перешла в «четвертую плоскость» – киберпространство, что привело к значительному сдвигу в способах ведения войны. Эта идея весьма отчетливо отражена в документе варшавского саммита НАТО «Обязательство по кибероборонe» [34].

Пример такого определения содержится в стратегии кибербезопасности Новой Зеландии [35], где кибербезопасность видится как «практика создания сетей, составляющих киберпространство, насколько возможно защищенных от вторжений, поддерживающих конфиденциальность, целостность и доступность информации, обнаружение происходящих вторжений и инцидентов, реагирование и восстановление после них». Национальный институт стандартов и технологий (*NIST*) определяет кибербезопасность как «способность защищать и оборонять киберпространство от кибератак» [36]. В законодательстве Великобритании, Франции, Польши и других стран не приводятся определения, но исходя из анализа стратегических документов, можно вывести схожие позиции относительно этого термина.

Может показаться, что на первый взгляд нынешнее понимание кибербезопасности этих стран основывается на обороне и защите. Однако при детальном рассмотрении оказывается, что аналогии с физическим миром не могут быть применены к киберпространству. Более того, слова «киберзащита» и «кибероборона» в американском понимании предполагают заблаговременное применение силы перед лицом неизбежного нападения. Так, согласно документу «Концептуальный план возможностей армии США для операций в киберпространстве (*CyberOps*) на 2016–2028 годы» [37], киберзащита предполагает в том числе «максимальное использование наступательных действий для противодействия киберугрозам». С учетом способности маскировать государственную принадлежность в киберпространстве и возможности предписывания действий негосударственных субъектов конкретному государству существует риск широкой трактовки норм международного права, в частности ст. 51 Устава ООН, которая дает право государству ответить на нападение любыми доступными средствами (право на самооборону) для оправдания проведения кибероперации против другого государства [38, с. 86].

Ярким примером этих противоречий служит Глобальный цифровой договор [39], принятый 22 сентября 2024 г. в рамках Саммита будущего ООН. Данный документ представляет собой универсальный инструмент мягкого права [40], который нацелен на то, чтобы привести к единству участников глобального цифрового взаимодействия и определить основные ориентиры на ближайшие годы. Однако сформулированные в договоре положения носят несбалансированный характер [41], поскольку уравнивают роль государств, неправительственных организаций и транснациональных корпораций, а также акцентируют значимость прав человека в западном видении и не учитывают принцип государственного суверенитета [42, с. 67]. Кроме того, документ предусматривает создание дополнительных обзорных механизмов с неясными мандатами [43].

Предложенная российской стороной поправка о невмешательстве ООН во внутренние дела других стран, основанная на п. 7 ст. 2 Устава ООН, была отклонена на заседании Генеральной Ассамблеи ООН всеобщим голосованием [44]. Против отклонения поправки, помимо России, выступили также Белоруссия, Никарагуа, Северная Корея, Сирия, Судан и Иран. Еще 15 стран воздержались от голосования, в то время как 143 государства поддержали предложение об отклонении.

Проблематика реформирования Совета Безопасности ООН, являющаяся основной идеей в Пакте будущего [45], представляется крайне важной для развивающихся стран, в связи с чем большинство из них приняли решение поддержать данный документ. Так как Глобальный цифровой договор был представлен как одно из приложений к Пакту будущего наряду с Декларацией о будущих поколениях [46], отказ от голосования в поддержку данного документа означал бы отказ от поддержки Пакта будущего – ключевого документа, направленного на вывод ООН из системного кризиса.

Таким образом, на основе обзора законодательства и научной литературы можно сделать вывод, что определения «кибербезопасности» и «информационной безопасности» сильно различаются, а дискуссия, разворачивающаяся вокруг них, по большей части политизирована и зависит от национальных особенностей. Это приводит к разнообразию концепций, касающихся сферы применения и значения терминологии. В этом контексте такие термины, как «компьютерная безопасность», «безопасность информации», «цифровая безопасность», «информационная безопасность» используются альтернативно, часто как синонимы «кибербезопасности» зарубежными учеными при описании точного содержания. Это усиливает преимущественно узкий, технический взгляд на природу информационной безопасности. Неясные определения, допускающие различное толкование, оставляют возможность для использования норм международного права в угоду политическим амбициям.

В то же время следует отметить, что по большому числу вопросов кибербезопасности мнение американских и других западных экспертов совпадает. Это позволяет говорить о том, что научное и экспертное сообщество западных государств выработало определённое представление о природе кибербезопасности и активно занимается его продвижением в рамках ООН, G7, G20 и других соответствующих многосторонних форумов. Россия и Китай также не изолированы в своих взглядах на информационную безопасность: существует большое количество других государств, которые разделяют их взгляды и их обеспокоенность по поводу цифрового суверенитета. Несомненно, что при отсутствии общности взглядов на природу и регулирование кибербезопасности любой потенциал для установления общепризнанной терминологии в этой области остается отдаленным.

Однако Дикий Запад по истечении времени все же перестал быть «диким», а некогда царившее правило «прав тот, кто сильнее» сменилось законами и порядком. Скорее всего, киберпространство ожидает такая же перспектива. Возможно, факт принятия первого в мире международного акта в области информационной безопасности – Конвенции ООН против киберпреступности [47], а также намечавшаяся перезагрузка отношений между США и Россией, позволит начать конструктивный диалог в рамках гармонизации западного и восточного взглядов на концепцию кибербезопасности и информационной безопасности.

Литература:

1. Gibson W. Burning Chrome. New York: Arbor House, 1986. 200 p.
2. Кузьмин А., Жуков Ю., Финогенов Д. Терминология в сфере международной информационной безопасности // BIS Journal. 2015. № 3(18). URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA516590 (дата обращения: 02.02.2025)
3. Declaration for the Future for the Internet. URL: https://www.state.gov/declaration-for-the-future-of-the-internet (дата обращения: 28.02.2025).
4. Recommendation of the Council on Digital Security of Critical Activities. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/inst ruments/OECD-LEGAL-0456 (дата обращения: 02.03.2025).
5. Крутских А.В. Международная информационная безопасность: Теория и практика: В 3 т. Т. 2: Сб. документов (на русском языке). М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 784 с.
6. Гирис В.А. Понятие «кибербезопасность» в праве Европейского союза // Юридическая наука. 2022. № 7. С. 115–120.
7. Резолюция ГА ООН A/RES/76/19 от 6 декабря 2021 г. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/76/19 (дата обращения: 02.03.2025).
8. Nascimento Heim T. Global governance and regulation of cybersecurity: towards coherence or fragmentation? URL: https://www.academia.edu/103247252/Global_governance_and_regulation_of_cybersecurity_Towards_coherence_or_fragmentation (дата обращения: 01.03.2025).
9. Nissenbaum H. Where computer security meets national security? // Ethics and Information Technology. 2005. № 10. P. 61–73.
10. Baylon K. Challenges at the Intersection of Cyber Security and Space Security Country and International Institution Perspectives. URL: https://www.academia.edu/21723170/Challenges_at_the_Intersection_of_Cyber_Security_and_Space_Security_Country_and_International_Institution_Perspectives (дата обращения: 01.03.2025).

11. Craigen D., Diakun-Thibault N., Purse R. Defining Cybersecurity // Technology Innovation Management Review. 2014. Vol. 4. № 10. P. 13–21.
12. Schatz D., Bashroush R., Wall J. Towards a more representative definition of cyber security // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2017. Vol. 12. №. 2. P. 53–74.
13. Cavelty M.D., Egloff F.J. The Politics of Cybersecurity: Balancing Different Roles of the State // St Antony's International Review. 2019. Vol. 15. № 1. P. 37–57.
14. Giles K., Hagestad W. Divided by a Common Language: Cyber Definitions in Chinese, Russian and English. URL: https://www.researchgate.net/publication/261300676_Divided_by_a_common_language_Cyber_definitions_in_Chinese_Russian_and_English (дата обращения: 28.02.2025).
15. Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge Massachusetts (MIT Pre Press), 1965. 231 p.
16. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. 1043 с.
17. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/ (дата обращения: 02.03.2025).
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. 708 с.
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ, 1994. 907 с.
20. Kemmerer R.A. Cybersecurity // Proceedings of the 25th IEEE International Conference on Software Engineering. 2003. P. 705–715.
21. Lewis J.A. Cybersecurity and Critical Infrastructure Protection. URL: https://www.researchgate.net/publication/266496960_ Cybersecurity_and_Critical_Infrastructure_Protection (дата обращения: 05.03.2025).
22. Amoroso E. Cyber Security. New Jersey: Silicon Press, 2006. 200 p.
23. Canada's National Cyber Security Strategy.URL: https://cctx.ca/wp-content/uploads/2025/02/2025-National-Cyber-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
24. ISO/IEC 27032 Information technology. Security techniques. Guidelines for cybersecurity. URL: https://www.iso.org/standard/44375.html (дата обращения: 02.03.2025).
25. ISO/IEC 27032:2023. Cybersecurity. Guidelines for Internet security. URL: https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso-iec:27032:ed-2:v1:en (дата обращения: 02.03.2025).
26. Lundgren B., Moller N. Defining Information Security // Sci Eng Ethics. 2019. № 25. P. 419–441.
27. Alcantara B.T. SCO and Cybersecurity: Eastern Security Vision for Cyberspace // International Relations and Diplomacy. 2018. Vol. 6. № 10. P. 549–555.
28. Концепция кибербезопасности разошлась с государственной стратегией. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2355154 (дата обращения: 04.03.2025).
29. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
30. Мартиросян А.Ж. Международно-правовое регулирование обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий: дис ... канд. юрид. наук. М., 2024. 202 с.
31. Указ Президента Республики Беларусь от 14.02.2023 № 40 «О кибербезопасности». URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-40-ot-14-fevralya-2023-g (дата обращения: 05.03.2025).
32. ПостановленияПравительства Республики Казахстан от 30.06.2017. № 407 «Об утверждении Концепции кибербезопасности («Киберщит Казахстана»)». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407/links#to (дата обращения: 05.03.2025).
33. Pernice I. Global cybersecurity governance: A constitutionalist analysis // Global Constitutionalism. 2018. Vol. 7. Iss.1. P. 112–141.
34. Cyber Defence Pledge. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133177.htm (дата обращения: 05.03.2025).
35. New Zealand's cyber security strategy. URL: https://sherloc.unodc.org/cld/ru/treaties/strategies/new_zealand/nzl0004s.html (дата обращения: 05.03.2025).
36. The National Institute of Standards and Technology Cybersecurity Framework (CSF) 2.0. URL: https://www.nist.gov/cyberframework (дата обращения: 05.03.2025).
37. Cyberspace Operations Concept Capability Plan 2016-2028. URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA516590 (дата обращения: 04.03.2025).
38. Карасев П.А. Эволюция национальных подходов к ведению кибервойны // Международная аналитика. 2022 № 13(2). С. 79–94.
39. Глобальный цифровой договор. URL: https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/global-digital-compact (дата обращения: 07.04.2025).
40. Глобальный цифровой договор ООН: упорядочение хаоса или следование интересам транснационального бизнеса? URL: https://cgitc.ru/media/globalnyy-tsifrovoy-dogovor-oon-uporyadochenie-khaosa-ili-sledovanie-interesam-transnatsionalnogo-bi/ (дата обращения: 12.04.2025).
41. Что не так с Глобальным цифровым договором? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/ (дата обращения: 07.04.2025).
42. Зиновьева Е.С. Международное управление Интернетом. М.: 2025. 186 с.

43. Выступление заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Вершинина на «Саммите будущего», Нью-Йорк, 23 сентября 2024 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1970892/ (дата обращения: 12.04.2025).
44. Умнова-Конюхова И.А. Пакт ООН во имя будущего и взгляд России на новый международный правопорядок // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 4. С. 1381–1390.
45. Пакт во имя будущего. URL: https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/pact-for-the-future (дата обращения: 12.04.2025).
46. Декларация о будущих поколениях. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-1-Annex-II (дата обращения: 12.04.2025).
47. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 05.03.2025).

Cybersecurity and Information Security: Legal Problems of Terminological Differentiation in International and Domestic Law

Gaisin R.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the context of constantly increasing information threats, there is an increasing need to understand the essence of cybersecurity and information security. A number of terminological problems related to the interpretation of the concepts of «cybersecurity», «information security» and other similar concepts have accumulated in international acts, legislation of a number of States and scientific doctrine.

The purpose of the scientific research is to identify and analyze the basic concepts of understanding cybersecurity and information security.

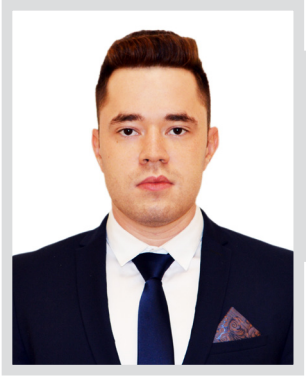
The results of the article can be useful for research, educational and practical purposes. The value of the work lies in expanding the knowledge of researchers and practitioners about the nature of cybersecurity and information security.

As part of the study of the legal nature of the terms under consideration, a distinction is made and a position regarding their application is substantiated. The existence of two contradictory concepts of understanding cybersecurity and information security is confirmed.

Keywords: cybersecurity, information security, cyberspace, digital security, information security, security in the use of information and communication technologies, cyber conflict, cyber operations

УДК 341.215.4; 346.546; 347.736
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-150-155

Правовые границы государственного контроля над иностранными инвестициями в стратегические отрасли

Галимов Ильдус Исмагилович
Аспирант кафедры международного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Исследование посвящено анализу правовых пределов государственного вмешательства в сферу иностранных инвестиций, осуществляемых в стратегически значимых сегментах российской экономики. Актуальность работы обусловлена усложнением правового режима допуска иностранного капитала в условиях усиления требований национальной безопасности, технологического суверенитета и экономической устойчивости, что обостряет проблему соразмерности публично-правовых ограничений и необходимости сохранения предсказуемости инвестиционного оборота. Целью исследования является выявление и теоретическое обоснование правовых границ государственного контроля над иностранными инвестициями в стратегических отраслях с учетом действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики. Для достижения поставленной цели в работе решаются задачи по анализу нормативной конструкции специального инвестиционного контроля, выявлению критериев стратегической значимости и юридического контроля, а также по оценке процессуальных механизмов согласования и последствий их нарушения.

Научная значимость исследования заключается в уточнении понятийных и функциональных характеристик государственного контроля как особого правового режима, сочетающего разрешительные, надзорные и санкционные элементы, а также в раскрытии соотношения материальных и процессуальных границ допустимого вмешательства государства в инвестиционные и корпоративные отношения. Практическая значимость работы состоит в возможности использования сформулированных выводов при правовой экспертизе сделок с иностранным участием, разработке моделей регуляторного комплаенса для стратегических хозяйственных обществ и подготовке правовых позиций в административных и судебных процедурах согласования.

Основными результатами исследования являются выявление многоуровневого характера правовых границ государственного контроля, обусловленного одновременным действием инвестиционного и контрсанкционного регулирования, а также обоснование ключевой роли принципов правовой определенности и соразмерности при применении ограничительных мер. В работе сделан вывод о том, что устойчивость правового режима контроля достигается не за счет расширения запретительных механизмов, а посредством институционального укрепления процедурных гарантий и четкого разграничения специальных и общих правовых последствий. Научная новизна исследования заключается в комплексном осмыслении государственного контроля над иностранными инвестициями как динамической системы правовых ограничений и гарантий, в которой пределы вмешательства формируются на стыке материально-правовых критериев, процессуальных стандартов и практики их судебной оценки.

Ключевые слова: *иностранные инвестиции, стратегические отрасли экономики, государственный контроль, национальная безопасность, правовые ограничения, инвестиционное регулирование*

Для цитирования: *Галимов И.И. Правовые границы государственного контроля над иностранными инвестициями в стратегические отрасли // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 150–155. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-150-155.*

Актуальность исследования правовых границ государственного контроля над иностранными инвестициями в стратегические отрасли Российской Федерации обусловлена тем, что инвестиционная политика в таких секторах находится на пересечении двух равнозначных публичных целей: обеспечения обороны страны и безопасности государства, с одной стороны, и поддержания предсказуемой правовой среды для инвесторов – с другой. В российской модели регулирования эта коллизия решается через сочетание общих гарантий прав иностранных инвесторов, закрепленных в Федеральном законе от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (далее – Закон № 160-ФЗ) [1], и специального разрешительного режима для сделок и установления контроля в хозяйственных обществах стратегического значения по Федеральному закону от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (далее – Закон № 57-ФЗ) [2]. Дополнительное усиление контуров контроля в последние годы связано также с применением временных экономических мер, включая требование согласований по отдельным операциям с участием лиц из государств, признанных недружественными на основании Указа Президента Российской Федерации от 01.03.2022 № 81. В совокупности это формирует ситуацию, когда правовые границы контроля становятся не только вопросом отраслевой регламентации, но и вопросом конституционно-правовой соразмерности ограничений, юридической определенности процедур и эффективности судебной защиты.

Цель исследования может быть сформулирована как выявление и научное обоснование пределов допустимого вмешательства государства в инвестиционные решения иностранных лиц в стратегических отраслях с учетом публичных интересов безопасности, принципов правового государства и гарантий предпринимательской деятельности. Для достижения этой цели в фокусе оказываются: соотношение общего режима допуска инвестиций и специальных изъятий ограничительного характера; критерии «стратегичности» и «контроля» как юридические факты, запускающие разрешительный порядок; процессуальные гарантии рассмотрения ходатайств и принятия решений уполномоченными органами; а также механизмы последующего контроля и оспаривания актов государства. Нормативная рамка исследования здесь задается, прежде всего, Законом № 57-ФЗ [1] как специальным актом о предварительном согласовании и последствиях несоблюдения порядка, а также Законом № 160-ФЗ [2] как актом о гарантиях, стабилизационных оговорках и общих условиях деятельности иностранного инвестора.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятийного аппарата и критериев правовой соразмерности в сфере инвестиционного контроля. На теоретическом уровне важны, во-первых, разграничение «ограничений допуска» и «условий осуществления» инвестиций; во-вторых, определение пределов дискреции государства при оценке угроз безопасности и при формулировании условий согласования; в-третьих, разработка модели баланса публичного интереса и частной автономии, где ключевыми предельными принципами выступают законность, недискриминация, предсказуемость процедур, мотивированность решений и наличие эффективного судебного контроля. Практическая значимость состоит в том, что результаты такого исследования применимы при подготовке правовых позиций и комплаенс-моделей для сделок с иностранным элементом в стратегических секторах, при разработке внутренних регламентов компаний по раскрытию информации о бенефициарном владении, а также при совершенствовании административных процедур (сроки, стандарты доказывания, требования к раскрытию структуры группы лиц) и судебной практики по спорам, связанным с последствиями несогласованных сделок.

Степень разработанности темы характеризуется устойчивым интересом российской правовой науки к институту контроля иностранных инвестиций, особенно после формирования специального режима Закона № 57-ФЗ и его последующих изменений. В научной литературе исследуются как материально-правовые параметры контроля (объекты и пороги, понятие контроля, состав стратегических видов деятельности), так и процессуальные аспекты (ходатайства, компетенция органов, последствия нарушений, типология исков и способы защиты).

Правовые границы государственного контроля над иностранными инвестициями в стратегические отрасли в Российской Федерации формируются как многослойная конструкция, в которой совмещены конституционные ориентиры экономической свободы и гарантий собственности с императивом за-

щиты обороны страны и безопасности государства. Системообразующим актом является Федеральный закон № 57-ФЗ, который вводит специальный разрешительный режим для сделок, ведущих к установлению контроля иностранного инвестора над стратегическим хозяйственным обществом, а также закрепляет последствия несоблюдения такого режима, включая ничтожность отдельных сделок и возможность судебного лишения права голоса. Общий «фон» гарантий и принципов допуска иностранных инвестиций задается Федеральным законом № 160-ФЗ, который, хотя и не отменяет специальных изъятий, закрепляет базовую логику правовой определенности для инвестора как участника гражданского оборота. В последние годы к классической модели контроля по Закону № 57-ФЗ добавился еще один практический контур: специальные меры в отношении сделок с участием лиц из государств, совершающих недружественные действия, в том числе по Указу Президента Российской Федерации от 01.03.2022 № 81, а также институционализированная процедура рассмотрения разрешений подкомиссией Правительственной комиссии (инфраструктура разъяснений и подачи материалов опубликована Минфином России). Тем самым «правовые границы» контроля сегодня корректнее описывать не как одну линию запрета, а как совокупность критериев, процедур и санкций, которые действуют параллельно и иногда последовательно, образуя режим повышенной регуляторной плотности в чувствительных секторах [3, с. 92].

Ключевой вопрос границ контроля заключается в определении момента, когда допустимая защита публичного интереса переходит в чрезмерное вмешательство в инвестиционный оборот и инвестиционные риски. В доктринальном плане в качестве таких границ обычно выделяются принципы законности, соразмерности, недискриминации и юридической определенности; в прикладном плане – точность законодательных дефиниций «стратегического» статуса, «иностранного инвестора» и «контроля», достаточность процессуальных гарантий при рассмотрении ходатайств, мотивированность решений и доступность судебной защиты. Именно на стыке понятийного аппарата и процессуальной архитектуры формируется основная зона правовых рисков: инвестор, действующий в сложной корпоративной структуре, может не видеть «стратегичность» актива на втором или третьем уровне владения. В то же время государство, оценивая сделку как потенциальную угрозу, склонно расширять трактовки контроля, включая косвенное влияние через цепочки лиц и договорные механизмы. Показательно, что ФАС России разрабатывает публичные разъяснения по типовым вопросам применения Закона № 57-ФЗ (в том числе по косвенному контролю), что само по себе отражает сложность правоприменения и необходимость методологического сопровождения рынка [4, с. 131].

Материально-правовой предел контроля задается, во-первых, перечнем стратегических видов деятельности и критериями отнесения хозяйственного общества к стратегическим. В логике Закона № 57-ФЗ государство не устанавливает «универсальную» лицензию на любые иностранные инвестиции, а вводит повышенный режим только для тех обществ, деятельность которых признана значимой для обороны и безопасности. Эта модель юридически важна, поскольку позволяет обосновывать ограничения не общей политической целесообразностью, а наличием нормативно определенного объекта защиты. Однако именно здесь возникают методологические сложности: состав «стратегических» видов деятельности изменчив, а сама стратегичность в ряде случаев зависит не от отраслевой принадлежности, а от наличия лицензий, статуса недропользования, инфраструктурной роли или факта доступа к критически важным ресурсам. В научной литературе это оценивается как объективная причина неопределенности: инвестор оценивает актив по бухгалтерским и корпоративным параметрам, тогда как регулятор – с точки зрения функциональной роли в системе безопасности. Отдельный аспект дискуссии связан с тем, что в условиях технологических изменений стратегическая значимость все чаще связана не с «традиционными» оборонными производствами, а с инфраструктурой данных, коммуникациями, контролем над логистическими узлами и критическими ресурсами, что подталкивает к расширительному пониманию охраняемого интереса даже при формально неизменном перечне отраслей [5, с. 54].

Во-вторых, границы контроля определяются понятием «контроль» и порогами участия, поскольку именно они являются юридическими фактами, запускающими обязанность согласования. Закон № 57-ФЗ построен так, что он реагирует не на сам факт покупки акций или долей иностранным лицом, а на установление контроля в значимом смысле: способность определять решения общества, управлять, назначать органы, влиять на ключевые сделки и стратегические решения. На практике анализ превращается в сложную юридико-экономическую задачу: необходимо выявить не только прямое владение, но и косвенное владение, согласованное поведение группы лиц, договорные конструкции (опционы, соглашения участников, квази-контроль через финансирование), а также реальных бенефициаров. Именно поэтому в 2025 г. активно обсуждались инициативы по расширению уведомительных обязанностей и усилению раскрытия информации о выгодоприобретателях и бенефициарах при владении пакетами акций ниже классического контрольного порога; по сообщениям деловой прессы, речь шла о введении обязанности уведомления при

владении не менее чем пятью процентами голосующих акций стратегического общества и о приостановлении рассмотрения отдельных процедур до получения разрешений Правительственной комиссии. В научном смысле это отражает важный сдвиг: государственный контроль постепенно становится не только разрешительным (для установления контроля), но и информационным (для мониторинга структуры владения), что усиливает превентивную функцию режима и одновременно повышает требования к юридической определенности формулировок, чтобы уведомительные обязанности не превратились в источник неумышленных нарушений [6, с. 185].

Процессуальные границы контроля не менее значимы, чем материальные. В модели Закона № 57-ФЗ ключевым элементом является рассмотрение ходатайств и принятие решений Правительственной комиссией при организационном участии уполномоченных органов. Сам по себе разрешительный порядок является допустимым инструментом в публично значимой сфере, однако его легитимность в правовом государстве зависит от того, насколько прозрачны сроки, стандарты доказывания, требования к раскрытию информации и процедура взаимодействия с заявителем. Обсуждение регламентации сроков и процедур неоднократно поднималось в публичных коммуникациях ФАС России, что указывает на реальный запрос на формализацию и предсказуемость процедур. В смежной области государственного контроля за экономической концентрацией ФАС внедрила более формализованные процедуры, включая механизм очного рассмотрения ходатайств, что показывает общий тренд на институциональное «процедурное укрепление» контроля: регулятор стремится уменьшить конфликтность, предоставляя заявителю возможность представить позицию, уточнить факты и снизить риск отказа из-за неполноты раскрытия. Хотя этот приказ относится к антимонопольным процедурам, он важен как показатель того, каким образом государство в целом отвечает на критику закрытости контрольных механизмов, и как постепенно повышается роль процедурных гарантий в экономическом администрировании [7, с. 94].

Особого внимания заслуживает существование двух параллельных механизмов контроля, возникших после 2022 г. С одной стороны, Закон № 57-ФЗ регулирует иностранный контроль над стратегическими обществами, исходя из соображений безопасности и обороны. С другой стороны, Указ № 81 и практика подкомиссии Правительственной комиссии адресованы рискам вывода активов и совершения операций с участием лиц из недружественных юрисдикций, то есть вводят дополнительный фильтр для широкого круга сделок, не сводимых только к стратегическим обществам. В результате правовая граница контроля в инвестиционной сфере сегодня проходит не только по линии «стратегическое общество или нет», но и по линии «субъектный состав и санкционный периметр», что усложняет юридическую проверку сделок: даже при отсутствии контроля по Закону № 57-ФЗ может потребоваться разрешение в рамках контрсанкционного регулирования.

Анализ практики показывает, что наиболее чувствительной частью режима является система последствий нарушений. В доктрине обращается внимание на то, что такие последствия, формально не тождественные конфискации, обладают высокой интенсивностью вмешательства в корпоративные права: инвестор сохраняет титул владения, но утрачивает управленческое содержание пакета, что деформирует экономическую ценность актива и меняет переговорную позицию в корпоративном конфликте. Научный анализ исков о лишении права голоса показывает, что критически важен момент возникновения такого ограничения: авторы отмечают связь эффекта с вступлением судебного акта в законную силу и рассматривают это как баланс между публичным интересом и принципом правовой определенности. Практический пример применения подобных последствий иллюстрируется сообщениями ФАС России о делах, где иностранный инвестор совершал сделку без согласования по Закону № 57-ФЗ и по антимонопольным правилам, и далее в судебном порядке ставился вопрос о корпоративных последствиях. В отдельных аналитических обзорах прямо приводится пример дела общества с ограниченной ответственностью «Амурмедь» (дело № А04-899/2020) как иллюстрация того, что последствия нарушений могут быть реализованы через судебные требования о лишении права голоса или об обратном отчуждении доли, что делает правовой риск не теоретическим, а прикладным для любой сделки со сложной структурой контроля.

Отдельный, методологически значимый пласт современной практики связан с конфликтом между «специальными» последствиями по Закону № 57-ФЗ и попытками применять общегражданские конструкции в виде обращения имущества в доход государства или квалификации сделок как противных основам правопорядка. В публичной повестке такие сюжеты обсуждаются на примере споров вокруг активов, связанных с портовой инфраструктурой и логистическими узлами, где нарушения порядка контроля иностранных инвестиций рассматривались как юридическая основа для радикальных последствий. На уровне принципов это создает проблему границ: если специальный закон уже установил исчерпывающий набор последствий (например, лишение права голоса и реституция), то расширение санкций через общие нормы может восприниматься как размывание предсказуемости и усиление ретроспективного риска. Именно поэтому для академического анализа принципиально важно различать:

а) санкции, прямо предусмотренные Законом № 57-ФЗ; б) последствия, возникающие из иных публично-правовых требований (в том числе контрсанкционного режима); в) случаи, когда в судебном рассуждении используется комбинирование режимов. Такой подход позволяет определить границы контроля не только через нормы о согласовании, но и через допустимость правоприменительного «надстраивания» санкций сверх предусмотренных специальным законом.

С точки зрения эмпирического анализа полезно учитывать статистические маркеры, отражающие масштаб правоприменения. ФАС России в разные годы публиковала агрегированные данные: например, по итогам десяти лет действия Закона № 57-ФЗ сообщалось о 516 поступивших ходатайствах и рассмотрении значительного массива дел Правительственной комиссией; в последующие периоды упоминались показатели около шести сотен ходатайств за более длительный горизонт, а также соотношение рассмотренных и возвращенных заявлений. Хотя эти цифры не дают помесячной картины, они важны как индикатор того, что речь идет не об исключительных эпизодах, а о стабильной административной практике с накопленным массивом решений. Дополнительное представление о среде сделок с иностранным участием дают данные по рынку корпоративных сделок: например, в прессе со ссылкой на аналитические отчеты приводились показатели денежного объема сделок по выходу иностранцев из российских активов, где 2024 г. оценивался существенно ниже 2023 г. (порядка 3,38 млрд долл. США против 11,14 млрд долл. США), что косвенно подтверждает, что регуляторная среда и разрешительные контуры влияют на структуру сделок и динамику корпоративных трансформаций [8, с. 154]. При этом инвестиционная активность в экономике в целом по итогам 2024 г., по данным экономической аналитики, демонстрировала рост, что указывает на неоднородность: общий инвестиционный цикл может быть положительным, тогда как иностранный компонент в чувствительных сегментах проходит через более жесткие фильтры и специальные процедуры [8, с. 155].

Таким образом, государственный контроль в данной сфере представляет собой не единичный запретительный механизм, а комплексный правовой режим, основанный на сочетании общего и специального регулирования. Общие гарантии допуска иностранных инвестиций и защиты прав инвестора сохраняют значение как базовая рамка гражданско-правовой определенности, однако в стратегических секторах они ограничиваются специальными нормами разрешительного и надзорного характера, ориентированными на обеспечение обороны страны и безопасности государства. Тем самым границы контроля определяются не отношением к иностранному капиталу как таковому, а юридически фиксированным объектом защиты и установленными законом условиями вмешательства.

Ключевой материально-правовой предел контроля задается точностью дефиниций стратегического статуса хозяйственного общества и юридической конструкцией контроля. Чем сложнее корпоративные структуры, финансовые инструменты и договорные механизмы влияния, тем выше риск расширительного толкования контроля со стороны государства и, соответственно, тем выше требования к правовой определенности критериев, при которых возникает обязанность согласования либо уведомления. Следовательно, обеспечение юридической определенности в понятиях «контроль», «группа лиц», «косвенное владение» и «бенефициарное влияние» становится не вспомогательным, а системообразующим условием правовой устойчивости всего режима.

Литература:

1. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.
2. Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.
3. Акимова И.В., Симакова К.Б., Анпилогов А.А. Конкретизация или расширительное толкование закона? (О новых подходах к государственному регулированию иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики) // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 2. С. 90–94.

4. Мильчакова О.В. Приоритет публичных интересов в регулировании иностранного участия в стратегических отраслях экономики // Право и политика. 2023. № 6. С. 127–136.
5 Мильчакова О.В. Стандарты доказывания факта незаконного установления контроля иностранного инвестора над стратегическим хозяйственным обществом // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 2 (34). С. 50–57.
6. Мильчакова О.В. «Стратегическое хозяйственное общество» в понимании Закона об иностранных инвестициях // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 182–193.
7. Попков А.В., Сангулия В.С. Контроль иностранного инвестора над российским стратегическим хозяйственным обществом: допустимость косвенных доказательств в правоприменении // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 3 (27). С. 90–95.
8. Федяев Д.А. Иски о лишении права голоса по закону об иностранных инвестициях в стратегические хозяйственные общества / Д.А. Федяев // Ex jure. 2022. № 2. С. 151–165.

Legal Limits of State Control over Foreign Investment in Strategic Sectors

Galimov I.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

This research is devoted to analyzing the legal limits of state intervention in the sphere of foreign investments made in strategically important segments of the Russian economy. The relevance of the work is due to the increasing complexity of the legal regime for admitting foreign capital under conditions of strengthened national security requirements, technological sovereignty, and economic stability, which exacerbates the problem of proportionality between public law restrictions and the need to maintain the predictability of investment turnover. The aim of the study is to identify and theoretically substantiate the legal boundaries of state control over foreign investments in strategic sectors, taking into account current legislation and established law enforcement practice. To achieve this goal, the work addresses the tasks of analyzing the normative structure of special investment control, identifying criteria for strategic importance and legal control, and evaluating procedural mechanisms for approval and the consequences of their violation.

The scientific significance of the research lies in clarifying the conceptual and functional characteristics of state control as a special legal regime that combines licensing, supervisory, and sanctioning elements, as well as in revealing the relationship between the substantive and procedural boundaries of permissible state intervention in investment and corporate relations. The practical significance of the work lies in the possibility of using the formulated conclusions in the legal examination of transactions with foreign participation, developing regulatory compliance models for strategic business entities, and preparing legal positions in administrative and judicial approval procedures.

The main results of the study are the identification of the multi-level nature of the legal boundaries of state control, due to the simultaneous operation of investment and counter-sanction regulations, and the substantiation of the key role of the principles of legal certainty and proportionality in the application of restrictive measures. The work concludes that the stability of the legal control regime is achieved not through the expansion of prohibitive mechanisms, but through the institutional strengthening of procedural guarantees and a clear differentiation of special and general legal consequences. The scientific novelty of this research lies in the comprehensive understanding of state control over foreign investments as a dynamic system of legal restrictions and guarantees, in which the limits of intervention are formed at the intersection of substantive legal criteria, procedural standards, and the practice of their judicial evaluation.

Keywords: foreign investments, strategic sectors of the economy, state control, national security, legal restrictions, investment regulation

УДК 340.13
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-156-164

Правовая природа целей юридического процесса

Гурьянова Вера Владимировна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, доцент кафедры теории и истории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Чулюкин Лев Дмитриевич
Кандидат юридических наук, доцент

Исследование целей юридического процесса приобретает особую значимость в современных условиях. Это обусловлено несколькими важными факторами.

Прежде всего, в процессуальном законодательстве существуют неточности и пробелы в формулировке целей, что создаёт трудности при их практической реализации как в правоприменительной, так и в правотворческой деятельности. Ситуация осложняется тем, что из-за высокой загруженности правоприменительные и правотворческие органы порой демонстрируют формальный подход к нормам-целям.

Второй значимый аспект связан с отсутствием единого понимания сущности цели деятельности в гуманитарных науках – философии, социологии, психологии, политологии и экономике. Это затрудняет формирование целостного представления о правовой природе целей процессуальной деятельности.

Третий фактор обусловлен различными подходами к определению юридического процесса – универсальным и узким. В зависимости от выбранного подхода по-разному трактуются цели и задачи юридического процесса.

Цель данного исследования заключается в формировании общетеоретического представления о правовой природе целей юридического процесса.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить сущность и признаки юридического процесса; выявить особенности цели правотворческого процесса; определить специфику цели правоприменительного процесса; раскрыть правовую природу целей юридического процесса в целом.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в нескольких направлениях: в научной деятельности при изучении вопросов сущности и природы юридического процесса; в образовательном процессе при подготовке юридических кадров; в правотворческой деятельности при совершенствовании процессуального законодательства; в правоприменительной практике при реализации процессуальных норм.

В результате исследования юридический процесс рассматривается через призму универсального подхода как строго процессуально-правовая, стадийная, интеллектуально-волевая профессиональная деятельность субъектов, определённых процессуальным законодательством.

В зависимости от состава участников выделяются два основных вида юридического процесса: правотворческий процесс, направленный на создание норм права; правоприменительный процесс, нацеленный на обеспечение реализации норм материального права.

Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию природы юридического процесса и его целей, что имеет существенное значение для развития теории права и совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: *юридический процесс, юридическая процедура, правоприменение, правоприменительный процесс, цель в праве, цели юридического процесса*

Для цитирования: *Гурьянова В.В., Чулюкин Л.Д. Правовая природа целей юридического процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 156–164. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-156-164.*

Юридический процесс, на наш взгляд, следует рассматривать как строго процессуально-правовую, стадийную, интеллектуально-волевую, профессиональную деятельность указанных в процессуальном законодательстве субъектов, нацеленную на создание правовых предписаний либо обеспечение действия норм материального права.

К его основным признакам относятся:

1) социально-активный характер заключается в том, что юридический процесс представляет собой разновидность социальной деятельности, предполагающей совершение его участниками активных действий во времени и пространстве;

2) интеллектуально-волевой характер деятельности выражается в познавательной способности субъектов, наличии волевых качеств, мотивации, а также умении достигать целей и задач, выбирать соответствующие правовые средства в сфере юридического процесса;

3) правовая (процессуально-правовая) природа выражается в осуществлении деятельности строго в том порядке и по тем правилам, которые установлены в соответствующих нормах процессуального права;

4) профессиональная составляющая деятельности означает необходимость наличия у субъектов, как правило, соответствующего уровня юридического образования, знаний, опыта и навыков в сфере юридического процесса.

5) субъектная составляющая этой правовой (юридической) деятельности предполагает участие круга субъектов, строго уполномоченных законодательным органом на основании действующих процессуальных нормативных правовых актов.

6) стадийный, структуризированный характер деятельности заключается в том, что юридический процесс состоит из объективно взаимосвязанных, относительно самостоятельных этапов (стадий).

7) целенаправленность. Данный вид деятельности направлен на конкретные цели, а именно на создание правовых норм либо обеспечение реализации уже действующих норм материального права [см.: 1, с. 42–49].

Перейдем к подробному рассмотрению правовой природы отдельных разновидностей целей юридического процесса.

1. Цель правотворческой деятельности как вида юридического процесса

Правотворческий процесс – это строго процессуально-правовая, стадийная разновидность интеллектуально-волевой профессиональной деятельности указанных в соответствующих законодательных и иных нормативных правовых актах субъектов (народа, РФ, субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций и т.д.), которая имеет своей целью создание, внесение изменений и дополнений, а также отмену правовых предписаний [см.: 2, с. 38–44; 3, с. 125–126].

В законодательстве не закреплены цели правотворческого процесса. В этой связи следует подчеркнуть практическую необходимость в реализации потребности в принятии на федеральном уровне нового закона о нормативных правовых актах РФ, субъектов РФ, а также органов местного самоуправления. В данном законе в первую очередь следует раскрыть цели и задачи правотворческого процесса.

13 мая 1995 г. издано Постановление Межпарламентской Ассамблеи участников Содружества Независимых Государства (далее – Содружество) «О рекомендательном законодательном акте «О нормативных правовых актах государств-участников СНГ» [см.: 4]. На основании этого юридического документа в ряде стран Содружества были разработаны и приняты свои собственные законодательные акты в Беларуси, Таджикистане, Армении и др. [см.: 5, 6, 7 и др.]. Государственной Думой РФ в первом

чтении рассмотрен 11 ноября 1996 г. Проект федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах РФ» [см.: 8], однако 12 мая 2004 г. он был отклонен и снят с рассмотрения.

Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ продолжаются многолетние и активные исследования по развитию российского правотворчества и правоприменения. В результате был разработан Проект закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (далее – Проект). Потребность в дискуссии по поводу дальнейшего совершенствования Проекта актуализируется необходимостью придания нормотворческому и правоприменительному процессу более целеустремленного характера [см.: 9, с. 5–14]. Согласно Проекту, закон определяет систему, порядок разработки, принятия (издания), опубликования нормативных правовых актов в Российской Федерации и основы их правоприменения (ч. 1 ст. 1) [см.: 9, с. 21]. Он формулирует цели планирования правотворческой деятельности (ст. 19) [см.: 9, с. 25], цели правового мониторинга (ст. 84) [см.: 9, с. 73] и др.

В юридической науке существуют различные подходы к пониманию цели правотворческого процесса. Например, отмечается, что правотворческий процесс направлен на определение оптимальных способов внедрения средств достижения целей субъектов, осуществляющих общее правовое регулирование [см.: 10, с. 135].

Цель правотворческого процесса, по мнению А.В. Азархина, заключается в создании и поддержании системы права в должном состоянии, необходимом для реализации потребностей правового регулирования на тот или иной период общественного развития. Она достигается с помощью комплекса задач по созданию: 1) условий для выравнивания социально-экономических отношений; 2) механизма осуществления антикоррупционных законов; 3) действенности нормативных правовых актов; 4) непротиворечивых правовых предписаний актов РФ и субъектов РФ; 5) эффективного правового регулирования отношений; 6) новых законодательных актов по проблемным вопросам общества и т.д. Правотворческие органы направлены на формулирование эффективно функционирующих правовых предписаний, создание гарантированного механизма их осуществления, а также достижение согласованности предписаний действующей законодательной системы. Следует согласиться с ним в том, что процесс совершенствования законов состоит не только из поставленной цели издания новых норм права, отмены действующих или их изменения, но и анализа имеющихся проблем в сфере правоприменения [см.: 11, с. 85, 89].

А.П. Мазуренко под целью правотворческой политики понимает «идеальное предвосхищение желаемых результатов модернизации правотворчества, выражаемое в концептуальных и нормативных документах программного характера» [см.: 12, с. 13]. По своей сути, цель правотворческого процесса является выражением политической воли. Но понятие цели правотворческой политики шире, поскольку политическая деятельность в сфере правотворчества регламентируется политическими и правовыми нормами, а также предполагает участие не только правотворческого органа, но и других субъектов выражения политической власти. В правотворчестве важно не ошибиться при выявлении объективной закономерности; следует развивать отношения в русле правильно выявленных закономерностей и, конечно же, нивелировать устаревшие отношения [см.: 13, с. 28].

Цель правотворческого процесса заключается в создании правовых предписаний, содержащих идеальную модель следующих видов поведения участников правовых отношений: должного, возможного либо возможно-должного. Тем самым происходит упорядочение и изменение социальных отношений, качественное усовершенствование правового состояния.

2. Цель правоприменительного процесса

Под правоприменительным процессом следует понимать строго процессуально-правовой, стадийный вид деятельности отмеченных в законе субъектов, нацеленный на обеспечение реализации положений материально-правовых норм [см.: 3, с. 128].

Так, целенаправленность – это один из основных признаков правоприменительного процесса, заключающийся в обеспечении процессуальными участниками реализации материально-правовых предписаний. В нормах некоторых процессуально-правовых источников закрепляются цели правоприменительного процесса, рассмотрим их.

Целью гражданского судопроизводства (ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ)) является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и интересов организаций, а также публично-правовых образований (РФ, субъектов РФ, муниципальных образований), иных субъектов трудовых, гражданских или иных правоотношений; обеспечение укрепления законности и правопорядка, предотвращение правонарушений, формирование уважения к закону и суду; нацеленность субъектов на мирное разрешение споров [см.: 14].

В качестве примера обеспечения судом реализации целей гражданского судопроизводства можно привести п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». В этом правоположении судеб-

ной практики разъясняется применение ч. 1 ст. 379.6 ГПК РФ с учетом предписаний ст. 2 ГПК РФ. Так, согласно этому пункту, если иное не предусмотрено гражданско-процессуальным законодательством, в интересах законности предусматривается возможность суда кассационной инстанции выйти за пределы доводов кассационного представления или кассационной жалобы. Пленумом ВС разъясняется, что интересы законности – это необходимость проверки правильности применения и толкования норм материального права в следующих целях: защита нарушенных и оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, трудовых и иных правоотношений; защита семьи, материнства, отцовства, детства; защита в сфере социального обеспечения; защита права на образование и других прав и свобод; обеспечение права на жилище; охрана здоровья; обеспечение экологических прав; защита прав и законных интересов публичных интересов; иные ситуации необходимости охраны правопорядка [см.: 15].

Итак, Верховный Суд рассматривает термин расширительно, и тем самым позволяет судам учитывать не только указанные, но и иные обстоятельства исходя из конкретного случая. Это в еще большей степени позволяет достигать целей гражданского судопроизводства. Гражданское судопроизводство, являясь строго правовой, стадийной, структуризированной, интеллектуально-волевой профессиональной деятельностью субъектов, указанных в гражданско-процессуальном законе, устремлено на обеспечение реализации норм гражданского, трудового, семейного и других отраслей частного права.

Ст. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ устанавливает следующие основные задачи административного юридического процесса: обеспечение доступности правосудия в сфере административных и иных публично-правовых отношений; защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и интересов организаций; правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел; укрепление законности и предупреждение административных, финансовых и иных видов правонарушений в сфере публично-правовых отношений; мирное разрешение административных дел [см.: 16].

В судебной практике при урегулировании дел возникают различные спорные моменты, связанные с реализацией и применением целей и задач административного судопроизводства. К примеру, в п. 54 Обзора судебной практики № 1 (2020), утвержденного Президиумом ВС РФ 10.06.2020, разъясняется, что суд не вправе прекратить административное производство по делу, если в процессе рассмотрения дела будет установлена заинтересованность административного истца в защите своих прав, свобод и законных интересов.

Однако при вынесении обжалуемых актов нижестоящие суды не учли приведенные обстоятельства и не дали оценку оспариваемым действиям (бездействию) административного ответчика, которое выразилось в запрете административному истцу свиданий с его защитниками.

Снятие в последующем запрета свиданий не свидетельствует о том, что оспариваемые действия (бездействие) административного ответчика перестали затрагивать права, свободы и законные интересы истца (Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 26.02.2020 № 78-КА19-25) [см.: 17].

Так, судам по административным делам при вынесении решений надлежит отталкиваться от целей и задач административного судопроизводства. Административное судопроизводство – это строго правовая, стадийная деятельность субъектов, указанных в административно-процессуальном законе, направлена на обеспечение реализации норм административного, финансового и иных сфер публичного права.

В соответствии со ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) задачами судопроизводства в арбитражных судах являются: 1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере; 2) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; 3) справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом; 4) укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; 5) формирование уважительного отношения к закону и суду; 6) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, урегулированию споров, формированию обычаев и этики делового оборота [см.: 18].

В Обзоре практики Верховный Суд РФ, ссылаясь на п.п. 1, 2, 6 ст. 2 АПК РФ, разъясняет, что одним из способов реализации указанных задач является обращение сторон к досудебному порядку урегулирования спора. Данный порядок нацелен на оперативное разрешение соответствующего спора и выступает в качестве дополнительной гарантии защиты прав [см.: 19].

Арбитражное судопроизводство представляет собой строго правовую, стадийную, структурированную, интеллектуально-волевую и профессиональную деятельность субъектов, указанных в арбитражно-процессуальном законе, направленную на обеспечение осуществления норм предпринимательского права.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» целями исполнительного производства являются: 1) защита нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций; 2) обеспечение исполнения международно-договорных обязательств РФ [см.: 20]. Исполнительное производство является завершающей стадией гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, реализация его задач способствует полноценному обеспечению их целей.

В соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) назначение уголовного процесса заключается в достижении следующих целей: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от уголовных правонарушений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1); уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания; отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от мер уголовной ответственности, реабилитация лиц, необоснованно подвергшихся уголовному преследованию (ч. 2) [см.: 21].

В п. 19 Постановления Пленума ВС от 25.06.2019 № 19 «О применении положений главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» разъясняется, что с учетом ч. 1 ст. 401.16 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 6 УПК РФ, формулирующей назначение уголовного судопроизводства, кассационному суду следует устранять все выявленные в заседании существенные нарушения либо неправильное применение норм уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, оказавших влияние на итог дела в том случае, если их устранение влечет улучшение положения лица (например, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного и др.) [см.: 22]. Исходя из этого, отметим важность разъяснений Пленума ВС, направленных на устранение нарушений норм для достижения целей уголовного судопроизводства.

По ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации цели уголовно-исполнительного производства выражаются в исправлении осужденных и предупреждении новых уголовных правонарушений [см.: 23].

В кассационном определении Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 15.03.2023 № 16-КАД23-3К4 разъясняется, что уголовно-исполнительные законы РФ, имея таковые цели, гарантируют осужденным права и свободы граждан РФ с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ, определяя права и обязанности осужденных исходя из порядка и условий отбывания конкретного вида наказания и возлагая на осужденных, исходя из порядка и условий отбывания конкретного вида наказания, обязанность соблюдать федеральные законы, устанавливающие порядок и условия отбывания наказаний, а также принятые в соответствии с ними нормативные правовые акты. Коллегия определила, что при осуществлении прав осужденных не следует нарушать порядок и условия отбывания наказаний, ущемлять права и законные интересы иных лиц (ч. 1 ст. 1, чч. 2, 4 ст. 10, ч. 2 ст. 11, ч. 11 ст. 12 УИК РФ) [см.: 24]. Стадия исполнения уголовных наказаний и иных уголовно-правовых мер является завершающей стадией уголовного юридического процесса. Достижение целей и задач уголовного исполнительного законодательства способствует реализации назначения уголовного процесса.

Уголовное судопроизводство как строго правовая, стадийная, структурированная, интеллектуально-волевая, профессиональная деятельность субъектов, указанных в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законе, направлена на обеспечение действия норм уголовного права.

В юридической литературе отсутствует единое понимание целей правоприменительного процесса. Е.П. Шикин отмечал, что у субъекта правоприменительной деятельности нет других целей за исключением тех, которые зафиксированы в процессуальном законодательном акте, среди которых основной является обеспечение действия права. Иные задачи не так важны, но без них с трудом осуществляется надлежащее регулирование отношений [см.: 25, с. 6–9]. Действительно, обеспечение норм права – одна из самых главных целей правоприменительного процесса, по сути, остальные задачи процессуального законодательства дополняют и способствуют наилучшему их достижению.

Целью правоприменителя, как считает В.В. Лазарев, является удовлетворение потребностей юридической практики в надлежащем функционировании или организации отношений, обеспечении нормального процесса осуществления правовых требований.

Ученый выделяет в сфере правоприменения следующие разновидности целей: 1) главные цели – обеспечение действия права; 2) основные цели – казуальное воздействие на отношения; 3) непосредственные цели – устранение преград по исполнению предписаний права теми или иными субъектами; 4) практические цели – удовлетворение интересов участников процессуальных отношений, разреше-

ние дела и выявление объективной истины, установление законности, а также принятие оптимального решения [см.: 26, с. 7, 11, 59, 85; 27, с. 22–23]. Соответственно, цели служат важным элементом содержания правоприменительного процесса, поскольку путем обеспечения действия норм материального права, для участников общественных отношений создаются условия для удовлетворения их практических интересов и потребностей.

И.С. Самощенко отмечал, что среди всех целей, положенных в основу правовых требований, надлежит отметить те, ближайшим объектом которых выступает само право, его обязательное исполнение и соблюдение. Этой цели служат в первоочередном порядке предписания права, именуемые гарантиями законности, среди которых значимое место занимают нормы процессуального права [см.: 28, с. 44–55]. Гарантии законности – это предписанные в нормах права средства и способы, с помощью которых происходит обеспечение прав и интересов участников общественных отношений. Без них невозможен надлежащий правопорядок.

Ряд ученых определяли процесс как специальный вид деятельности, непосредственной целью которого является достижение в предписанной законодательным актом процедуре принудительной реализации положений материального права, их императивной реализации, а также применению соответствующих принудительных мер [см.: 29, с. 256; 30]. Действительно, при обеспечении норм материального права, как правило, происходит применение императивных методов воздействия, принудительных способов.

В.Н. Карташов высказывал мнение о том, что фиксация процессуально-правовых положений зависит от многих факторов. В качестве основных обстоятельств следует назвать необходимость обеспечить достижение целей юридической деятельности правильно, быстро, в соответствии с законом, а также эффективно гарантировать общественные и личные потребности и интересы [см.: 31, с. 35].

В.П. Баландин предлагает рассматривать «объективную истину как цель юрисдикционного юридического процесса» [см.: 32, с. 10]. На наш взгляд, объективная истина, представляет собой ближайшую цель стадии доказывания юрисдикционного процесса, имеет важное значение при обеспечении достижения цели всего юридического процесса.

Справедливо согласиться с мнением тех ученых, которые полагают, что эта категория, к примеру, не может быть сведена только к познанию истины, либо только к обеспечению применения справедливого наказания к виновному [см.: 33, с. 270].

В.Д. Сорокин, выделяя общие свойства, отмечает, что цель юридического процесса как юридической деятельности состоит в достижении юридического результата путем принятия судебных актов или осуществления государственного управления [см.: 34, с. 45]. Правоприменительные акты – индивидуально-правовые средства, с помощью которых выражается воля правоприменительного органа, тем самым достигается тот самый юридический результат.

По мнению О.Е. Солдатовой, суд, истец и ответчик или заявитель и заинтересованное лицо в юридическом процессе имеют свою цель, они осуществляют процессуальные действия и, как итог, достигают конкретный результат. В гражданском процессе, она полагает, цель суда – разрешить спор по существу, истца – обосновать свои предъявленные требования, ответчика – представить и обосновать возражения к требованиям истца [см.: 35, с. 25–26].

В.Н. Протасов полагает, что назначение юридического процесса заключается в выполнении служебной роли по отношению к охранительной юридической связи и нацелен на выявление и осуществление материального правоотношения. По его мнению, в правовой системе место, объем и задачи юридического процесса определяются исходя из содержания охранительных правоотношений, характеризующихся властным воздействием компетентного органа на механизм реализации в сфере права материальных регулятивных отношений [см.: 36, с. 89].

К.А. Литвинова в качестве цели судебного права отмечает «идеальный образ судебной системы, возникающий в результате волевой деятельности субъектов права». Она справедливо утверждает, что общей целью судебного права является «защита прав, свобод и законных интересов всех субъектов права» [37, с. 9].

А.А. Севостьянов указывает в качестве основной цели юрисдикционного юридического процесса стабилизацию общественных отношений, стабилизацию и повышение эффективности государственного управления. По его мнению, целью становится обеспечение реализации норм материального права и, в необходимых случаях, применение надлежащих мер юридической ответственности [38, с. 164, 166].

С точки зрения З.Д. Хабиевой, цель правоприменительного юридического процесса заключается в рассмотрении и разрешении юридических дел и правовых споров [см.: 39, с. 8].

Цели и задачи правоприменительного процесса, задают вектор для процессуальной деятельности реальных участников. Основной целью правоприменительного процесса является обеспечение реализации норм материального права.

Таким образом, цель юридического процесса складывается из цели правотворческого процесса, заключающегося в создании норм права, и цели правоприменительного процесса, выражающегося в обеспечении реализации норм материального права. Создание норм права обусловлено необходимостью воплощения участниками правовых отношений идеальной модели должного, возможного либо

возможно-должного поведения. В случае невозможности реализации или нарушения норм права, возникает потребность в их обеспечении в рамках правоприменительного юридического процесса путем защиты прав, свобод и законных интересов их участников и иных лиц.

Литература:

1. Guryanova V.V., Chulyukin L.D. Features and essence of the legal process // Revista san gregorio, 2018. № 27. P. 42–49.
2. Чулюкин Л.Д., Гурьянова В.В. Правотворческая деятельность как вид юридического процесса // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4 (17). С. 38–44.
3. Чулюкин Л.Д., Гурьянова В.В. Сущность и виды правоприменительного процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 3. С. 125–128.
4. Постановление Межпарламентской Ассамлеи государств-участников Содружества независимых государств «О рекомендательном законодательном акте от 13.05.1995 г. «О нормативных правовых актах государств-участников СНГ» // Информационный бюллетень. Межпарл. Ассамблея государств-участников СНГ. 1995. № 8.
5. Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 г. «О нормативных правовых актах». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=108640 (дата обращения: 24.12.2023).
6. Закон Республики Армения от 21.03.2018 г. «О нормативно-правовых актах». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=105910 (дата обращения: 24.12.2023).
7. Закон Таджикистан от 30.05.2017 г. № 1414 «О нормативных правовых актах». URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=129329&conttype=2 (дата обращения: 24.12.2023).
8. Проект закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах РФ». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=72#AVjSMzTRXHqG0tNJ (дата обращения: 24.12.2023).
9. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / Рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2021. 96 с.
10. Правотворчество в СССР. М.: Юридическая литература, 1974. 318 с.
11. Азархин А.В. Цель и целеполагание в правотворчестве как критерий эффективности гражданского законодательства // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2016. № 2. Т. 1. С. 84–90.
12. Мазуренко А. П. Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. Саратов, 2011. 52 с.
13. Гурьянова В.В., Чулюкин Л.Д. Общая характеристика цели в праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023 Вып. 1(59). С. 709–736.
14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. « 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144.
16. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8.03.2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.
18. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
19. Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора Верховный Суд РФ, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 2.
20. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
21. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001 г. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовного процессуального кодекса Рос-

сийской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.
23. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
24. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда от 15.03.2023 г. № 16-КАД23-3К4 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Шикин Е.П. Основные условия эффективного применения права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 18 с.
26. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов: (Вопросы теории). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. 207 с.
27. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительной деятельности и пути её повышения // XXIV съезд и проблемы повышения эффективности советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. С. 18–32.
28. Самощенко И.С., Никитинский В.И. Некоторые теоретические вопросы изучения эффективности правовых норм // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. Информационное письмо. М., 1970. № 25. С. 44–55.
29. Иванов О.В. Административный процесс в СССР // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Серия юридическая. Т. 39. Вып. 7. Ч. 2. 1965. 264 с.
30. Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР // Ин-т государства и права Акад. наук СССР. М.: Юрид. лит., 1964. 158 с.
31. Карташов В.Н. Юридическая деятельность в социалистическом обществе. Ярославль: ЯрГУ, 1987. 83 с.
32. Баландин В.П. Принципы юридического процесса: дисс. … канд. юрид. наук. Самара, 1998. 188 с.
33. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Витрук Н.В., Горшенев В.М., Добровольская Т.Н., Иконицкая И.А., и др.; Под ред.: Горшенев В.М., Недбайло П.Е. М.: Юрид. лит., 1976. 278 с.
34. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс // Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 34–45.
35. Солдатова О.Е. Юридический процесс (теоретико-правовой аспект): дисс. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2014. 181 с.
36. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. 143 с.
37. Литвинова К.А. Судебное право в современной России: общетеоретический аспект: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 27 с.
38. Севостьянов А.А. Цели юрисдикционного юридического процесса // Казанская наука. 2013. № 4. С. 163–166.
39 Хабиева З. Д. Правоприменительный юрисдикционный процесс: теория и практика: автореф. дисс. … канж. юрид. наук. Белгород, 2023. 23 с.

The Legal Essence of the Objectives of the Legal Process

Guryanova V.V.
Kazan branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

Chulyukin L.D.

The study of the goals of the legal process is of particular importance in modern conditions. This is due to several important factors.

First of all, there are inaccuracies and gaps in the formulation of goals in the procedural legislation, which creates difficulties in their practical implementation both in law enforcement and law-making activities. The situation is complicated by the fact that law enforcement and law-making bodies often demonstrate a formal approach to norms and goals, which is associated with their high workload.

The second significant aspect is related to the lack of a common understanding of the essence of the purpose of activity in the humanities — philosophy, sociology, psychology, political science and economics. This makes it difficult to form a holistic view of the legal nature of the goals of procedural activity.

The third factor is due to different approaches to the definition of the legal process — universal and narrow. Depending on the chosen approach, the goals and objectives of the legal process are interpreted in different ways.

The purpose of this study is to form a general theoretical understanding of the legal nature of the goals of the legal process.

To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: identify the essence and features of the legal process; to identify the specifics of the purpose of the law-making process; determine the specifics of the purpose of the law enforcement process; to reveal the legal nature of the objectives of the legal process as a whole.

The practical significance of the research lies in the fact that its results can be used in several directions: in scientific activity when studying the issues of the essence and nature of the legal process; in the educational process during the training of legal personnel; in law-making activities while improving procedural legislation; in law enforcement practice in the implementation of procedural rules.

As a result of the research, the legal process is considered through the prism of a universal approach as a strictly procedural, stage-based, intellectual and volitional professional activity of subjects defined by procedural legislation.

Depending on the composition of the participants, there are two main types of legal process: A law-making process aimed at creating legal norms; A law enforcement process aimed at ensuring the implementation of substantive law.

The results obtained contribute to a deeper understanding of the nature of the legal process and its goals, which is essential for the development of legal theory and the improvement of law enforcement practice.

Key words: legal process, legal procedure, law enforcement, law enforcement process, goals of the legal process, legal means

УДК 374.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-165-171

Несоблюдение охранительной обязанности как условие привлечения к ответственности за нарушение договора в германском гражданском праве

Захаров Дмитрий Евгеньевич
Кандидат юридических наук, LL.M (Саарбрюккен, Германия),
доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург)

Гражданско-правовая ответственность при нарушении договора выступает одной из ключевых и, одновременно с этим, дискуссионным теоретико-правовым вопросом современной науки гражданского права любого государства. Настоящая статья посвящена осмыслению теоретических и практических аспектов нарушения договора в гражданском праве Германии. Цель работы – исследование такого правового феномена, как охранительные (защитные) обязанности, возникающие при заключении договора. Настоящее исследование дает материал для анализа с точки зрения теории и правоприменительной практики, в том числе с позиции совершенствования отечественного законодательства. Нарушение договора в Германии означает не только ненадлежащее предоставление по обязательству, но и характеризуется вторжением в лично-имущественную сферу одного из контрагентов. Причинение вреда при исполнении договора в германском гражданском праве квалифицируется как несоблюдение особых охранительных обязанностей, требующее применение соответствующих норм об ответственности за нарушение договора. В Германии ответственность за нарушение охранительных обязанностей обусловлена неоказанием надлежащего внимания к соблюдению неприкосновенности материальных или нематериальных благ контрагента по договору. В работе определено, что в России отсутствует схожее правовое регулирование, и обоснована эффективность отечественного подхода – квалификация подобных отношений как внедоговорное причинение вреда.

Ключевые слова: *нарушение договора, ответственность, германское гражданское право, возмещение, исполнение обязательства, причинение вреда*

Для цитирования: *Захаров Д.Е. Несоблюдение охранительной обязанности как условие привлечения к ответственности за нарушение договора в германском гражданском праве // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 165–171. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-165-171.*

В Германии в результате проведения реформы обязательственного права изменился юридико-технический подход к установлению возникающих при заключении договора обязанностей, последующее нарушение которых приводит к наступлению гражданско-правовой ответственности. Так, в соответствии с § 241 Гражданского Уложения Германии (далее – ГГУ) в состав обязательства наряду с обязанностью по предоставлению (*Erbringung der Leistung*) могут включаться обязанности учитывать права, блага и интересы другой стороны (*Schutzpflichten*). Их именуют по-разному: по защите, охранительные обязанности, защитные обязанности, обязанность аккуратности, поведенческие обязанности.

Изначально охранительные обязанности стали результатом теоретических разработок не-

мецких правоведов. Продолжительное время их существование признавалось исключительно наукой и в судебных решениях. В частности, выделялись позитивные нарушения договора (*positive Vertragsverletzung*), мешающие исполнению обязательства и выражавшиеся в нарушении побочных обязательств по охране, вытекающих из исполнения обязательств с учетом целей договора и принципа добрых нравов [1]. Сегодня этим вопросам посвящен § 241 ГГУ, согласно которому основанием возникновения охранительных обязанностей служит заключение договора, т.е. их возникновение напрямую зависит от возникновения обязанностей по предоставлению, а значит, охранительные обязанности не могут возникнуть ранее обязанностей по предоставлению.

Представляется, что охранительные обязанности выступают обеспечительным средством в том смысле, что в общем виде обеспечивают правопорядок, а в узком – гарантируют участнику обязательственного договорного правоотношения беспрепятственную охрану тех имущественных и неимущественных благ, которые затронуты или могут быть затронуты исполнением договора. Различие между обязанностями по предоставлению и охранительными обязанностями заключается не только в их целевом назначении и механизме их исполнения, но и в интересе, подлежащем удовлетворению при их надлежащем исполнении. Так, если в первом случае речь идет об интересах контрагента в получении всего того, что ему причитается по договору, то во втором случае – об интересе в сохранении и защите своего имущества, прав и личных (нематериальных) благ от посягательств контрагента. Соответственно, соблюдение должником охранительных обязанностей обеспечивает неприкосновенность имущества кредитора как связанного с заключением и исполнением договора (например, продаваемая вещь, материал, предоставляемый подрядчику для выполнения работ и т.д.), так и не вовлекаемого в гражданский оборот посредством заключения договора (например, жилище кредитора, где происходит исполнение договора).

Выделение обязанностей по предоставлению (*Leistungspflichten*) и охранительных обязанностей (*Schutzpflichten*) – это классификация обязанностей по их функциональному назначению. Как отмечается в немецкой литературе, охранительные обязанности выступают антиподом обязанностей по предоставлению и, в отличие от последних, для непосредственного исполнения обязательства значения не имеют [2]. Если обязанность по предоставлению обусловлена предметом договора и ее исполнение нацелено на передачу вещи, выполнение работ, оказание услуг, то надлежащее осуществление обязанности по охране призвано предотвратить негативные имущественные последствия для кредитора при исполнении должником обязательства. Данные обязанности, несмотря на их тесную взаимосвязь и существование в рамках единого обязательства, независимы друг от друга, т.е. нарушение одной обязанности не означает нарушения другой, и нарушение каждой из них является самостоятельным видом правонарушения.

Суть охранительных обязанностей сводится к обеспечению охраны прав, законных интересов и защищаемых законом благ участника обязательственного правоотношения. Иными словами, сторона договора должна проявлять осмотрительность и заботливость при исполнении обязательства, тем самым предотвращая нарушение прав своего контрагента (например, при сборке доставленной мебели не допустить повреждений пола и стен помещения), обеспечивая неприкосновенность его имущественной сферы [3]. Надлежащее исполнение должником охранительных обязанностей исключает отрицательное воздействие на имущественное положение кредитора, способствуя ему в получении того, что ему причитается по договору [4]. Их соблюдение – это добросовестное отношение к контрагенту, соблюдение его интересов, оказание ему должного внимания и уважения, а также проявление должной осмотрительности в делах с ним, что обеспечивает неприкосновенность не только имущественных благ кредитора, но и личных неимущественных благ, принадлежащих ему от рождения (здоровье, жизнь). Например, владелец салона по продаже автомобилей при заключении с клиентом договора купли-продажи транспортного средства должен обеспечить безопасность напольного покрытия в салоне (отсутствие ям, трещин, неровностей, влаги и т.п.), чтобы избежать падения посетителя, который может повлечь причинение ему травм или вреда его имуществу.

В германской правовой доктрине применительно к отдельным видам обязательственных отношений выделяют специальные обязанности по обеспечению охраны прав контрагента (*Obhutspflicht*). Так, при заключении договора найма жилого помещения у нанимателя возникает обязанность по охране имущественных благ наймодателя. Судебная практика дает здесь следующие примеры: наниматель не должен отключать в зимний период отопительную систему, чтобы избежать ее повреждения, должен следить, чтобы посаженные им на балконе цветы не засорили стоки канализации, не захламлять помещения, исключить потерю ключей. В одном из решений Высшего Земельного суда федеральных земель Баварии и Северный Рейн-Вестфалия причинение вреда имуществу наймодателя одним из гостей нанимателя жилого помещения было квалифицировано как нарушение указанной обязанности. Поэтому к ответственности за нарушение договора был привлечен сам наниматель, поскольку

непосредственный причинитель вреда признается доверенным лицом нанимателя (раз он пригласил гостей, то тем самым наделил их полномочием на пользование имуществом наймодателя), за действия которого наниматель несет гражданско-правовую ответственность.

При нарушении охранительной обязанности возникшие негативные последствия подлежат устранению в соответствии с нормами об ответственности за нарушение договора, а не за деликт, поскольку основанием ее возникновения (обязанности) послужил договор и вред (убыток) был причинен при исполнении стороной взятого на себя обязательства.

Охранительные обязанности по теории германского права есть именно «договорные обязанности», и их исполнение призвано обеспечить неприкосновенность лица и его имущественного положения, поскольку заключение договора «открывает» имущественную сферу лица, вступившего в обязательственные отношения, обеспечивает другой стороне «доступ» к его правам и охраняемым законом благам [5], что потенциально создает возможность для посягательства на них. Охранительные обязанности возникают из базирующегося на договоре социального контакта и нацелены на сохранение правовых благ участника договорного обязательства. При этом договор понимается как ключ от двери, открывающей доступ к личной и имущественной сфере. Без заключенного договора должник не имеет возможности оказывать отрицательное воздействие на блага кредитора путем неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства [6].

Разграничение возмещения вреда при нарушении охранительной обязанности в рамках договора и возмещения вреда в деликтных обязательствах обусловливается следующим. Для деликта законодатель точно определил объект посягательства – телесная неприкосновенность, здоровье, свобода, право собственности (§ 823 ГГУ), а посвященная охранительной обязанности законодательная новелла носит общий характер, указывая лишь на необходимость учета прав, благ и интересов контрагента без какой-либо их конкретизации. Кроме того, если при нарушении договора возмещение вреда происходит вследствие несоблюдения договорной охранительной обязанности, то при деликте нарушается общий запрет воздерживаться от совершения посягательств на блага, охраняемые гражданским правом. Лишь в отдельных случаях законодатель, устраняя конкуренцию ответственности за деликт и нарушение договора, устанавливает, что неисполнение заказчиком обязанности в отношении жизни и здоровья исполнителя услуг при несоблюдении договорных защитных обязанностей влечет применение положений о возмещении причиненного вреда на основании норм деликтного права (§ 618 ГГУ).

Изложенное позволяет признать, что охранительные обязанности в договорном праве, в отличие от обязанностей в деликтном праве, нацелены на более широкий круг как материальных, так и нематериальных благ [7]. Их установление на законодательном уровне позволило расширить сферу действия договора, которая теперь определяется через необходимость не только исполнения обязанностей, но и соблюдения обязанностей по охране материальной и нематериальной сферы контрагента. Представляется также, что возникновение гражданско-правовой ответственности при нарушении договора и причинении вреда закон связывает с юридическим составом, в структуре которого выделяются юридический факт заключения сторонами гражданско-правового договора и нарушение охранительной обязанности, повлекшее причинение вреда здоровью или имуществу одной из его сторон. Таким образом, для возмещения вреда как последствия возложения на лицо ответственности в результате несоблюдения охранительных обязанностей по охране здоровья и благосостояния контрагента требуется сложный юридический состав, в то время как для возмещения вреда в деликтных обязательствах в отсутствие договора достаточно факта причинения вреда.

В общем виде охранительные обязанности апеллируют к добросовестности, порядочности, разумности и благоразумию участников делового оборота. Ответственность за несоблюдение охранительных обязанностей призвана устранить последствия причинения вреда кредитору при исполнении должником своих обязанностей по договору. Как правило, такие обязанности не конкретизируются сторонами договора, и их несоблюдение устанавливается судом при нарушении договора и разрешении вопроса о возмещении убытков.

Вместе с тем стороны могут точно определить содержание охранительных обязанностей в самом договоре. Если они этого не сделали, то в предусмотренных законом случаях должны руководствоваться теми нормами, которые в общем виде сформулированы законодателем. К примеру, в соответствии с § 618 ГГУ лицо, имеющее право требовать оказания услуги, обязано так оборудовать и содержать помещения, устройства и аппаратуру, которые оно должно приобрести для оказания услуг, и так наладить процесс оказания услуг, чтобы защитить лицо, оказывающее услуги, от риска для жизни и здоровья, насколько это позволяет характер услуги. В § 10 Закона о противодействии отмыванию денежных средств (*Geldwäschegesetz*) для участников финансовых сделок установлена обязанность по дополнительной идентификации и проверке контрагентов, предоставлению информации, связанной с их финансовой деятельностью, проведению необходимого мониторинга и предоставлению необходимых документов и сведений; в Законе об авторских

и смежных правах (*Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte*) для участников соответствующих отношений закреплена обязанность по предоставлению информации, разъяснений, документов и оказанию контрагентам необходимого содействия.

Указание в законе на охранительные обязанности является исключением, и стороны в договоре обычно их не закрепляют, что затрудняет их конкретизацию при совершении правонарушения. Поэтому представляется, что охранительные обязанности до своего нарушения достаточно абстрактны, и лишь причинение вреда здоровью или имуществу лица очерчивает их содержание. Но возмещение вреда (убытков) вследствие нарушения охранительных обязанностей осуществляется независимо от того, были ли они прямо предусмотрены в договоре, поскольку их возникновение обусловлено природой самого обязательства [8].

В литературе справедливо отмечается некорректность применительно к охранительным обязанностям использования термина «исполнение» (*Erfüllung*), поскольку их неисполнение не может обжаловаться в суде [9]. Совершенно очевидно, что исполнение охранительных обязанностей не подлежит судебной защите, поскольку их нарушение одномоментно приводит к причинению вреда, что устраняет всякий смысл их принудительного исполнения. Например, продавец в автосалоне обязан обеспечить покупателю безопасность нахождения на всей его территории. Требовать юрисдикционного (принудительного) исполнения такой обязанности невозможно. Кроме того, если стороны не установили такие обязанности прямо в договоре (что на практике происходит достаточно часто) и возникли трудности при установлении их относимости к конкретному договору, то положения договора с учетом положений § 133 ГГУ (при толковании волеизъявления необходимо следовать действительной воле, не придерживаясь буквального значения выражений) в силу диспозитивности права могут быть дополнены путем использования такого правового средства, как установление «гипотетической воли сторон», через призму принципа доброй совести с учетом обычаев делового оборота (§ 157 ГГУ)

Обязанности должника по предоставлению корреспондирует право кредитора требовать ее исполнения, а значит, она может быть исполнена принудительно. Противоположная ситуация складывается в сфере действия охранительных обязанностей по защите имущественной и личной сферы контрагента: в силу своей правовой природы они не могут быть подвергнуты принудительному исполнению по требованию кредитора. Во-первых, без их нарушения невозможно применить принуждение, а после их нарушения применение принуждения теряет всякий смысл. Во-вторых, исполнение этих обязанностей не обеспечено правом требования управомоченного лица. В-третьих, содержание защитных обязанностей абстрактно, следовательно, невозможно принудить обязанное лицо к поведению, четкие границы которого не установлены. В-четвертых, если все иные обязанности не могут быть нарушены, если они не детализированы, то обязанности по защите могут быть нарушены без их конкретизации сторонами или законом. Кроме того, в отличие от обязанностей по предоставлению, к охранительным обязанностям не предъявляются требования о соответствии их принципам надлежащего исполнения. Таким образом, понятие «исполнение» следует применять к обязанностям по предоставлению, в отношении же охранительных обязанностей целесообразно использовать понятие «соблюдение», поскольку в строгом смысле требовать их исполнения невозможно, а следовательно, невозможно их не исполнить, можно лишь допустить их несоблюдение.

Своим существованием охранительные обязанности обязаны заключению договора, что не исключает их появления на преддоговорной или постдоговорной стадии взаимоотношений сторон. Но если возможность нарушения обязанностей в рамках возникшего обязательства на преддоговорной стадии у немецких ученых сомнений не вызывает ввиду содержания § 311 ГГУ, определившего в качестве оснований возникновения обязательства вступление в переговоры, подготовку договора и деловые контакты, то вопрос о нарушении постдоговорной охранительной обязанности стал для них дискуссионным.

По германскому праву обязательство считается прекращенным при исполнении обязанностей по исполнению (*Leistungspflichten*). Другими словами, обязательство прекращается предоставлением кредитору должного исполнения (§ 362 I ГГУ), что по логике вещей должно исключать любую ответственность за нарушение какой-либо обязанности, возникшей вследствие заключения договора. Однако германское право допускает ситуацию нарушения охранительной обязанности (*Schutzpflichten*), возникшей на основании заключения договора, обязательство по которому уже прекращено.

Одни ученые полагали возможным признать такое нарушение основанием ответственности за нарушение договора, другие, напротив, относили его к случаям внедоговорной ответственности [10]. В ходе реформы обязательственного права и внесения изменений в редакцию § 280 ГГУ этот спор был решен в пользу ответственности за нарушение договора. Такая позиция имеет и теоретическое обоснование: стороны, несмотря на прекращение между ними договорного обязательства, должны сообразовывать свое поведение с теми установлениями, что были предусмотрены для них в договоре, до того момента, пока результат (эффект) заключения договора не потеряет для них юридического значения. Кроме того, нарушенные обязанности имеют дого-

ворной характер, а значит и сама ответственность должна быть договорной, выступать гарантией защиты целей (результата) заключенного договора, которые и после его прекращения должны подлежать правовой охране.

В отечественной литературе было высказано мнение, что российский законодатель, формулируя п. 3 ст. 307 ГК РФ, признал существование в отечественном гражданском праве охранительных обязанностей, аналогичных тем, что составляют научную основу договорного права Германии [11]. Столь смелое утверждение нельзя принять не в силу его революционности, а ввиду отсутствия для этого теоретических и практических оснований, хотя нельзя не признать внешнюю схожесть формулировок п. 3 ст. 307 ГК РФ и § 241 ГГУ. Ни российская наука гражданского права, ни отечественная правоприменительная практика не признают существования в нашем правопорядке охранительной обязанности, включаемой в состав гражданского правоотношения, возникшего на основании заключения договора. Категория охранительной обязанности в Германии тесно связана с теорией защиты интересов сторон договора, не получившей признания в отечественной науке гражданского права. Главным аргументом выступает то, что в отечественном праве требование учитывать права и законные интересы и оказывать содействие в их осуществлении продиктовано необходимостью для участников обязательственного правоотношения выстраивать свое поведение с учетом принципа разумности и добросовестности. При этом это требование не является субъективной гражданской обязанностью. Здесь необходимо учитывать и то обстоятельство, что несоблюдение охранительной обязанности германское право квалифицирует как правонарушение, что приводит к возникновению ответственности за нарушение договора. В российском же гражданском праве причинение вреда жизни, здоровью и имуществу даже при наличии между сторонами договорных отношений может рассматриваться по правилам о деликтной ответственности.

Сравнение в исследуемом аспекте правовых систем двух стран высвечивает различия в понимании сущности несоблюдения обязанностей, составляющих содержание нарушаемого договорного обязательства. Заключение договора по российскому праву не порождает для сторон возникновения субъективной гражданской обязанности проявлять осмотрительность и заботливость относительно прав и благ своего контрагента, что соответствует немецкой концепции договорных охранительных обязанностей (*Schutzpflichten*). Представляется, что российская модель возмещения вреда, причиненного при заключении и исполнении договора, по правилам деликтной, а не договорной ответственности, более предпочтительна по следующим причинам.

Сущность обязательства сводится к передаче имущества, оказанию услуг, выполнению работ, оплате денежных обязательств и т.п., а потому негативные имущественные последствия, обусловленные причинением вреда и напрямую не связанные с исполнением обязательства, не должны вовлекаться в орбиту договорной ответственности. В противном случае следует признать возможность совершения контрагентом двух самостоятельных видов правонарушений – нарушения имущественной обязанности и несоблюдения неимущественной обязанности, которые облекаются в единый вид ответственности за нарушение договора, что и приводит к смешению оснований возникновения отличных друг от друга видов гражданско-правовой ответственности.

Одним из аргументов немецких правоведов в пользу необходимости выделения охранительных обязанностей является то обстоятельство, что заключение договора делает возможным доступ к имущественной и неимущественной сфере контрагента, т.е. создается возможность посягательства на его имущественные и неимущественные блага. Думается, что этот аргумент лишь отчасти состоятелен. Возможность причинения вреда объективно существует всегда и не зависит от того, состоят ли лица в договорных отношениях. Несомненно, что при наличии заключенного договора потенциальный причинитель вреда приобретает определенные возможности (доступ в помещение, обладание имуществом контрагента), но это лишь субъективные факторы возможного причинения вреда, а не факторы, способствующие его причинению, и при этом вероятность причинения вреда не возрастает.

Таким образом, признание договорного характера охранительных обязанностей приводит к чрезмерному расширению сферы действия договора за счет включения в содержание обязательственного правоотношения таких обязанностей, которые могут быть конкретизированы лишь при их нарушении. В этом смысле совершенно неясно, как можно вести речь о надлежащем исполнении субъективных гражданских обязанностей, имеющих абстрактный характер.

Общим правилом российской правовой системы является то, что причинение вреда при существовании между сторонами договорного обязательства рассматривается в рамках деликтного внедоговорного обязательства. Отличительной же чертой германской правовой системы является приоритет договорной ответственности перед внедоговорной при наличии договора.

На теоретическом уровне различия между двумя видами гражданско-правовой ответственности (при нарушении договора и при деликте) в германском праве состоят в следующем. Сторона договора подлежит ответственности за его несоблюдение, которое выражается в неоправдании доверия, оказан-

ного ей другой стороной посредством заключения с ней договора, и необеспечении гарантии предоставления по обязательству или вмешательства в лично-имущественную сферу контрагента при исполнении обязательства. Как негативная реакция на поведение правонарушителя ответственность при несоблюдении договора вызвана нарушением субъективной обязанности, а при деликте лицо подвергается ответственности при нарушении всеобщего запрета, не допускающего причинения вреда. Однако несоблюдение договорных охранительных обязанностей может привести к причинению вреда, квалифицируемому как нарушение договора и вызывающему соответствующий вид гражданско-правовой ответственности. В этом случае разграничение ответственности за нарушение договора и деликтной ответственности объясняется тем обстоятельством, что в первом случае нарушается охранительная обязанность в рамках договорного относительного правоотношения, а во втором – нарушаются права лица, которому противостоит неопределенное множество обязанных лиц в абсолютном правоотношении.

Литература:

1. Штоль Х. Ответственность и ее границы в рамках договоров в области экономических отношений между СССР и ФРГ // СССР – ФРГ: договор во внутренних и двусторонних хозяйственных отношениях: сб. М.: ИГПАН, 1986. С. 92–110.
2. Fikentscher W., Heinemann A., Schuldrecht. 10 Auflage. Berlin: De Gruyter Rechtwissenschaften Verlags-GmbH, 2006. 882 s.
3. Bergmans B. Schuldrecht – Bd. 1: Allgemeine und vertragsrechtliche Grundlagen. Mit 100 Übungsfällen. Berlin: Logos Verlag GmbH, 2009. 304 s.
4. Medicus D. Probleme um das Schuldverhältnis: Vortrag, gehalten vor der Juristischen Gesellschaft zu Berlin am 20. Mai 1987. Berlin; New York: Walter de Gruyer, 1987. 26 s.
5. Brieskorn K. Vertragshaftung und responsabilite contractuelle. Ein Vergleich zwischen deutschem und französischem Recht mit Blick auf das Vertragsrecht in Europa. Tübingen: Mohr Verlag, 2010. 488 s.
6. Unberath H. Die Vertragsverletzung. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2007. 413 s.
7. Синявская М.С. Нарушение договорного обязательства и его правовые последствия: основные тенденции в свете сравнительно-правового анализа: дисс. … канд. юридид. наук. М., 2007. 200 с.
8. Kropholler J. Studienkommentar BGB. 5 Auflage. München: C.H. Beck Verlag, 2002. 1093 s.
9. Schmidt E., Brüggemeier G. Zivilrechtlicher Grundkurs. 6 Auflage. Hermann Luchterhand Verlag, 2002. 414 s.
10. Bodewig T. Vertragliche Pflichten „post contractum finitum“. Jura, 2005. S. 505–511.
11. Жученко С.П. Убытки: зарубежные подходы и отечественная практика // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017. С. 104–161.

Failure to Comply with Protective Duties as a Condition for Bringing to Justice for Breach of in German Civil Law

Zakharov D.E.
V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg)

Civil liability in case of violation of a contract is one of the key and at the same time controversial theoretical and legal issues of the modern science of civil law of any state. This article attempts to understand the theoretical and practical aspects of contract violations in German civil law. The purpose of the work is to study such a legal phenomenon as protective duties that arise when concluding a contract. This study provides material for analysis from the point of view of theory and law enforcement practice, including from the perspective of improving domestic legislation. Violation of the contract in Germany means not only the lack of proper provision for the obligation, but is also characterized by an intrusion

into the personal property sphere of one of the counterparties. Causing harm in the performance of a contract in German civil law is qualified as non-compliance with special protective duties, requiring the application of appropriate rules on liability for breach of contract. In Germany, liability for violation of protective duties is caused by failure to pay due attention to the inviolability of the material or intangible benefits of the counterparty to the contract. The paper determines that there is no similar legal regulation in Russia and substantiates the effectiveness of the domestic approach – the qualification of such relations as non-contractual harm.

Keywords: breach of contract, liability, German civil law, compensation, performance of obligations, causing harm

УДК 347.61
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-172-176

Злоупотребление в семейном праве

Захарова Ольга Евгеньевна
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург)

В статье проводится комплексный анализ конструкции злоупотребления правом в семейных правоотношениях в контексте сравнительно-правового сопоставления с гражданско-правовой доктриной. Автор исследует специфику проявления данного феномена в различных видах семейных связей, особое внимание уделяя отношениям между супругами и родителями-детьми. На основе анализа современной судебной практики и доктринальных подходов выявляются критерии квалификации поведения как злоупотребления правом, рассматриваются правовые последствия такого поведения и проблемы защиты прав наиболее уязвимых участников семейных отношений – несовершеннолетних детей. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации знаний о пределах осуществления семейных прав, практическая – в формулировании предложений по совершенствованию механизмов защиты от злоупотреблений в семейной сфере.

Ключевые слова: *добросовестность, злоупотребление правом, семейные правоотношения, родительские права, защита прав несовершеннолетних, пределы осуществления прав, судебная практика, меры ответственности*

Для цитирования: *Захарова О.Е. Злоупотребление в семейном праве // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 172–176. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-172-176.*

Семейные правоотношения, основанные на доверии, любви и взаимном уважении, представляют собой особую социально-правовую реальность, где формально-юридические рамки тесно переплетаются с морально-этическими императивами. В этой связи проблема установления пределов осуществления субъективных семейных прав приобретает особую актуальность. Категория злоупотребления правом, традиционно разрабатываемая в доктрине гражданского права, требует специфического осмысления применительно к семейно-правовой сфере, где лично-доверительный характер отношений накладывает отпечаток как на формы проявления такого злоупотребления, так и на способы противодействия ему.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ феномена злоупотребления правом в семейных правоотношениях через призму сравнительно-правового подхода, выявление его специфических черт, критериев квалификации и разработка предложений по совершенствованию механизмов правовой защиты от подобных нарушений.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1) провести сравнительно-правовой анализ конструкций злоупотребления правом в гражданском и семейном праве России;

2) исследовать специфику проявления злоупотребления правом в различных видах семейных связей (супружеских, родительско-детских, иных родственных);

3) проанализировать судебную практику по делам, связанным с квалификацией поведения как злоупотребления семейными правами;

4) выработать критерии разграничения правомерного осуществления права и злоупотребления им в семейной сфере;

5) оценить эффективность существующих мер защиты от злоупотреблений и сформулировать предложения по их совершенствованию.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные методы юридической науки: сравнительно-правовой, формально-юридический, метод анализа судебной практики.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных ученых в области гражданского и семейного права, посвященные проблемам осуществления прав, добросовестности и злоупотребления правом, а также современные научные публикации по рассматриваемой проблематике.

Институт злоупотребления правом, закрепленный в ст. 10 Гражданского кодекса РФ, представляет собой важнейший ограничитель субъективных гражданских прав, направленный на предотвращение использования прав в противоречии с их социальным назначением [1, с. 45]. Гражданско-правовая доктрина традиционно выделяет такие формы злоупотребления, как шикана (осуществление права исключительно с целью причинения вреда), действия в обход закона, а также недобросовестное поведение, нарушающее баланс интересов участников правоотношений.

В семейном праве аналогичная по своей сути конструкция закреплена в ст. 7 Семейного кодекса РФ, которая устанавливает, что осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан. Как справедливо отмечает А.А. Кислый, сходство правовых конструкций ст. 7 СК РФ и ст. 10 ГК РФ проявляется в части правовых последствий – отказ в охране прав, которыми лицо злоупотребило, в семейном законодательстве соотносится с частичным или полным отказом в защите права в гражданском законодательстве [2, с. 93].

Однако при этом необходимо учитывать существенное концептуальное различие: семейное законодательство оперирует понятием «охрана прав», что предполагает более широкий, превентивный подход, в то время как гражданское законодательство говорит о «защите прав», акцентируя внимание на восстановительных механизмах [3, с. 12]. Это различие обусловлено самой природой семейных отношений, для которых характерен превентивный характер правового регулирования, направленный на предотвращение нарушений, а не только на их устранение.

Семейные правоотношения отличаются особым субъектным составом, включающим лиц, связанных родством, свойством или иными юридически значимыми лично-доверительными отношениями. Эта специфика накладывает отпечаток на формы и проявления злоупотребления правом в данной сфере. Можно выделить три основные группы семейных связей, в рамках которых проявляется злоупотребление правом: первые – это отношения между супругами (в том числе бывшими). Здесь злоупотребление может проявляться в различных формах: необоснованное уклонение от развода с целью создания препятствий для вступления в новый брак; использование процедуры развода для оказания давления на супруга; манипулирование вопросами определения места жительства детей с целью получения имущественных преимуществ при разделе совместно нажитого имущества. Вторые – отношения между родителями и несовершеннолетними детьми («внутренние связи»). Наиболее социально опасная форма злоупотребления, получившая специальное закрепление в законе (ст. 69 СК РФ). Проявления разнообразны: склонение детей к попрошайничеству, воровству, употреблению алкоголя или наркотиков; создание препятствий в получении образования; использование детей в качестве инструмента давления на другого родителя и третьи – отношения между членами семьи и третьими лицами («внешние связи»). Например, злоупотребление правами при взаимодействии с органами опеки и попечительства, образовательными или медицинскими учреждениями, когда родители используют свои права не в интересах ребенка, а для достижения собственных, часто корыстных целей.

Особенностью злоупотребления правом в семейной сфере является его длящийся характер и сложность доказывания, поскольку многие формы такого поведения формально могут не выходить за рамки предоставленных законом возможностей, но по существу противоречить интересам других членов семьи, особенно несовершеннолетних детей.

Злоупотребление родительскими правами представляет собой наиболее разработанную в законодательстве и судебной практике форму семейно-правового злоупотребления. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, данным в Постановлении от 27.05.1998 № 10, под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей [4]. Для квалификации действий родителей как злоупотребления правами необходимо установление комплекса условий:

1. Наличие у лица субъективного родительского права. Без обладания правом его злоупотребление невозможно в принципе.

2. Факт осуществления этого права способом, причиняющим вред интересам ребенка. Как указывается в судебной практике, вред может выражаться не только в физическом или имущественном ущербе, но и в нравственных страданиях, ограничении

развития личности ребенка, создании препятствий в получении образования [5].

3. Недобросовестность обладателя права. Субъективная сторона злоупотребления характеризуется нарушением требований добросовестности, которая в семейных отношениях приобретает особое морально-нравственное наполнение.

4. Вина правонарушителя. Как отмечает М.М. Якубчик, вина является необходимым признаком для квалификации действий в качестве злоупотребления правом и применения соответствующих правовых последствий [6, с. 110]. В семейных отношениях вина может выражаться как в умысле, так и в грубой неосторожности.

5. Причинно-следственная связь между способами реализации родительских прав и наступившими негативными последствиями для ребенка.

6. Противоправность, понимаемая не только как нарушение прямого запрета закона, но и как действие, противоречащее общим началам и смыслу семейного законодательства.

В судебной практике выработаны подходы к оценке поведения родителей с точки зрения злоупотребления правами. Так, в одном из дел Московский городской суд указал: «Ответчик длительное время уклонялся от выполнения обязанностей родителя, не принимал участия в воспитании несовершеннолетней дочери, не интересовался ее жизнью и здоровьем, в связи с чем суд с учетом мнения ребенка принял решение лишить ответчика родительских прав в отношении дочери» [7]. В данном случае пассивное поведение родителя, формально не выходящее за рамки дозволенного, было квалифицировано как злоупотребление правом в силу систематичности и осознанного характера бездействия.

Вместе с тем суды проявляют осторожность при применении крайних мер. В другом деле апелляционная инстанция отменила решение о лишении родительских прав, указав: «Несмотря на то что ответчик не принимал участия в воспитании ребенка с определенного времени, от своих прав и обязанностей он не отказывался и хочет принимать участие в воспитании и содержании сына. Учитывая интересы ребенка, суд пришел к выводу, что лишение родительских прав является преждевременным» [8]. Этот подход отражает принцип, согласно которому лишение родительских прав является крайней мерой, применяемой только при невозможности защитить интересы ребенка иными способами.

Принцип добросовестности, закрепленный в ст. 1 СК РФ, имеет в семейном праве специфическое содержание, выходящее за рамки гражданско-правового понимания добросовестности. Как отмечает А.А. Волос, толкование принципа добросовестности в семейном праве должно проводиться с учетом его близости с нормами морали и нравственности, хотя и не должно сводиться к ним [9, с. 193].

В семейных отношениях добросовестность проявляется не только в формальном соблюдении правовых предписаний, но и в следовании духу семейного законодательства, уважении личных прав и достоинства других членов семьи, заботе об их интересах, особенно когда речь идет о несовершеннолетних или нетрудоспособных членах семьи.

Недобросовестное поведение в семейных отношениях может принимать различные формы, не всегда совпадающие с классическим пониманием злоупотребления правом. Например, формально правомерное требование одного из супругов о разделе совместно нажитого имущества в период, когда второй супруг находится в тяжелой жизненной ситуации, может быть расценено судом как недобросовестное поведение, если установлено, что основной целью такого требования является создание материальных трудностей для другого супруга, а не реальная необходимость в разделе имущества. Особую сложность представляет оценка поведения с точки зрения добросовестности в алиментных обязательствах. Требование о взыскании алиментов с бывшего супруга, который ранее сам нуждался в помощи и содержании, в некоторых случаях может быть признано недобросовестным, если будет установлено, что истец действует не с целью получения необходимого содержания, а из мести или желания причинить неудобства [10, с. 144].

Несмотря на наличие в семейном законодательстве механизмов противодействия злоупотреблениям правом, их эффективность ограничена рядом системных проблем:

1. Недостаточная определенность критериев злоупотребления правом. Отсутствие легального определения и четких критериев квалификации поведения как злоупотребления создает значительные сложности в правоприменительной практике.

2. Существующие меры защиты носят преимущественно восстановительный характер и применяются уже после того, как вред причинен. Недостаточно развиты механизмы раннего выявления и предупреждения злоупотреблений, особенно в сфере родительско-детских отношений.

3. Ограниченность доступа несовершеннолетних к механизмам защиты. Хотя статья 56 СК РФ предоставляет ребенку право на защиту своих прав, реализация этого права на практике затруднена, особенно для малолетних детей. Процедура обращения в суд детей в возрасте от 14 до 18 лет недостаточно регламентирована и на практике часто подменяется действиями органов опеки и попечительства.

4. Несоответствие санкций характеру нарушения. Существующие меры ответственности за злоупотребление семейными правами (лишение или ограничение родительских прав, отмена усыновления) носят крайний характер и не всегда адекватны менее серьезным, но систематическим нарушениям.

Для решения указанных проблем представляется целесообразным:

1. Внести изменения в ст. 7 СК РФ, конкретизировав понятие злоупотребления семейными правами по аналогии со ст. 10 ГК РФ, указав возможные формы такого злоупотребления и критерии их квалификации.

2. Разработать систему превентивных мер, включая расширение полномочий органов опеки и попечительства по проведению профилактических бесед, вынесению официальных предупреждений, применению временных ограничительных мер в отношении родителей, чье поведение вызывает обоснованные опасения за благополучие детей.

3. Усовершенствовать механизмы судебной защиты прав детей, предусмотрев упрощенную процедуру обращения в суд несовершеннолетних в возрасте от 14 лет по вопросам, связанным с защитой их личных неимущественных прав, с обязательным участием представителя органа опеки и попечительства в качестве процессуального помощника, а не замены ребенка.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Конструкция злоупотребления правом в семейном праве, при формальном сходстве с гражданско-правовой категорией, обладает существенной спецификой, обусловленной лично-доверительным характером семейных отношений, их тесной связью с морально-нравственными ценностями и особой защитой интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

2. Квалификация поведения как злоупотребления семейным правом требует комплексной оценки, учитывающей не только формальное соответствие действий закону, но и их соответствие принципу добросовестности, интересам других членов семьи, особенно детей, а также социальному назначению конкретного субъективного права.

3. Судебная практика выработала определенные подходы к выявлению и пресечению злоупотреблений семейными правами, однако отсутствие четких законодательных критериев приводит к неединообразному применению норм и излишней осторожности судов при квалификации сомнительного поведения как злоупотребления.

4. Существующие механизмы защиты от злоупотреблений семейными правами нуждаются в совершенствовании, в первую очередь за счет развития превентивных мер, расширения возможностей несовершеннолетних по самостоятельной защите своих прав и дифференциации мер ответственности в зависимости от характера и последствий нарушения.

Реализация предложенных мер будет способствовать более эффективной защите прав и законных интересов участников семейных отношений, укреплению семейных ценностей и предотвращению использования семейно-правовых институтов в противоречии с их социальным назначением.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Кислый А.А. Злоупотребление правом в семейных отношениях и способы защиты // Молодой учёный. 2020. № 7 (297). С. 93–96.
3. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2018. 384 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (ред. от 26.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.05.2019 по делу № 33-20254/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 107–116.
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.05.2019 по делу № 33-20254/2019 // Архив Московского городского суда.
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.09.2015 по делу № 33-30678/2015 // СПС «Гарант».
9. Волос А.А. Принципы-методы гражданского права и их система: монография / под ред. Е.В. Вавилина. М.: Юстицинформ, 2018. 258 с.
10. Павленко В.В., Таранцова Е.И. Семейное право. Пособие студентам для подготовки к экзаменам. М.: Дашков и К, 2002. 223 с.
11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
12. Крашенинников П.В. (ред.). Семейное право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 238 с.
13. Исмагилов Р.Р. Злоупотребление правом или право злоупотребления // Право и политика. 2000. № 7. С. 97–99.
14. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2019 по делу № 33-30287 // СПС «КонсультантПлюс».

Abuse in Family Law

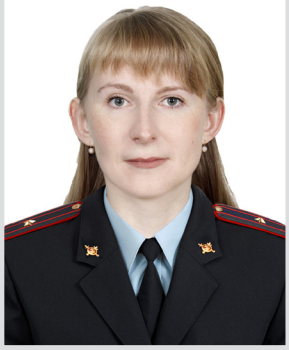
Zakharova O.E.
V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg)

The article provides a comprehensive analysis of the construction of abuse of law in family legal relations in the context of comparative legal comparison with civil law doctrine. The author investigates the specificity of the manifestation of this phenomenon in various types of family ties, paying special attention to relations between spouses and parents-children. Based on the analysis of modern judicial practice and doctrinal approaches, the criteria for qualifying behavior as an abuse of law are identified, the legal consequences of such behavior and problems of protecting the rights of the most vulnerable participants in family relations - minor children - are considered. The theoretical significance of the research lies in the systematization of knowledge about the limits of the exercise of family rights, the practical significance - in formulating proposals for improving mechanisms of protection against abuses in the family sphere.

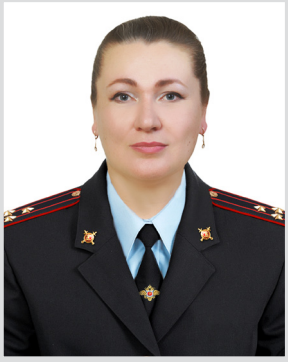
Keywords: good faith, abuse of law, family legal relations, parental rights, protection of minors' rights, limits of exercising rights, judicial practice, measures of liability

УДК 343.341.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-177-182

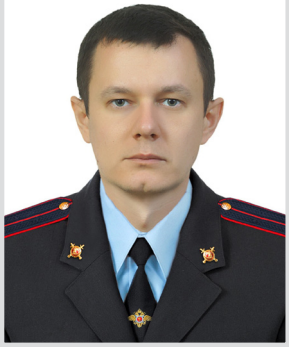
Проблемные аспекты преступлений с административной преюдицией

Зейналбдыева Анна Васильевна
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина

Томащук Яна Юрьевна
Кандидат педагогических наук,
заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина

Савин Виталий Сергеевич
Слушатель факультета заочного обучения
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина

В данной работе рассматриваются проблемные вопросы привлечения лиц к уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией. Исследование направлено на формирование единой концепции критериев криминализации деяний, которым предшествует административное правонарушение, а также на разработку унифицированного подхода к законодательному оформлению соответствующих положений. Задачи исследования включают: анализ возможности применения положений о малозначительности деяния к преступлениям с административной преюдицией; исследование законодательных связей между нормами и институтами уголовного, административного и уголовно-процессуального права; оценку необходимости проверки законности решения по административному делу при возбуждении и расследовании уголовного дела с административной преюдицией.

Актуальность исследования обусловлена выявленными пробелами в законодательстве и правоприменительной практике, что определяет его научную и практическую значимость. Основные выводы заключаются в разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации. Практическая значимость исследования заключается в потенциальном повышении эффективности привлечения к уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией.

Ключевые слова: *административная преюдиция, общественная опасность, опасное состояние личности, уголовная политика, криминализация деяний, декриминализация деяний, административное правонарушение*

Для цитирования: *Зейналбдыева А.В., Томащук Я.Ю., Савин В.С. Проблемные аспекты преступлений с административной преюдицией // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 177–182. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-177-182.*

Возвращение административной преюдиции в уголовное законодательство соответствует направлению государственной политики последних лет. Данный инструмент позволяет перевести некоторые преступления с минимальной общественной опасностью в категорию административных правонарушений, что снижает нагрузку на систему уголовного судопроизводства. Кроме того, он даёт «второй шанс» лицам, которые в основном не склонны к совершению преступлений, но нуждаются в определённом контроле со стороны правоохранительных органов [1].

Некоторые правоведы считают, что исключение составов преступлений с административной преюдицией обусловлено тем, что структура Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации противоречит принципу основания уголовной ответственности, закреплённому в ст. 8 УК РФ. Наблюдается тенденция к возрождению концепции опасного состояния личности, но в несколько изменённом виде.

Б.В. Яцеленко отмечает, что в преступлениях с подобной конструкцией основанием для привлечения к уголовной ответственности служит не общественно опасное деяние, а характеристика субъекта преступления – факт наличия административного наказания. Этот возрождённый институт имеет межотраслевой характер. Уголовное законодательство в данном случае выступает инструментом жёсткого реагирования в отношении лиц, уже подвергшихся административному наказанию. Иными словами, уголовный закон применяется как крайняя мера воздействия к тем, кто уже имеет статус «наказанного» в рамках административного права [2].

Следует рассмотреть различные трактовки правовой сущности преступлений с административной преюдицией. Показательным примером служит уголовное дело в отношении А.Б. Боднарука [3].

А.Б. Боднарук, не имеющий права управления транспортным средством, был привлечён к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. В течение месяца он дважды повторно управлял автотранспортом в нетрезвом виде. Мировой судья квалифицировал каждый из этих эпизодов как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ.

Постановлением президиума суда Ненецкого автономного округа решение мирового судьи и апелляционное определение в отношении А.Б. Боднарука по третьему инциденту были отменены, а уголовное дело прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ из-за отсутствия в действиях обвиняемого состава преступления. Суд обосновал это тем, что признание действий А.Б. Боднарука двумя отдельными преступлениями и повторное наказание не соответствуют положениям ст. 264.1 УК РФ.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации выразил несогласие с решением президиума суда Ненецкого автономного округа в кассационном представлении. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело, согласилась с аргументами кассационного представления и отменила постановление президиума суда Ненецкого автономного округа. Мотивация заключалась в следующем.

Уголовная ответственность по ст. 264.1 УК РФ наступает, если лицо совершает правонарушение после привлечения к административной ответственности за аналогичные действия. При этом должно соблюдаться условие, что срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, ещё не истёк, либо у лица имеется непогашенная судимость за преступления, предусмотренные ч.ч. 2, 4, 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ.

Важно отметить, что вынесение приговора по ст. 264.1 УК РФ не влияет на течение срока административного наказания. Неоднократное управление автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения в период действия административного наказания, назначенного в соответствии с ч.ч. 1 или 3 ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ, квалифицируется как отдельные преступления, предусмотренные ст. 264.1 УК РФ. Каждое новое нарушение влечёт новую уголовную ответственность.

Верховный Суд РФ закрепил позицию, согласно которой ключевым, определяющим элементом состава преступления с административной преюдицией выступает специфическое положение лица, к которому применено административное взыскание. Это положило конец теоретической дискуссии о юридической сущности данных преступлений [4].

Рассматривая проблемы, которые возникают на практике, стоит отметить, что они связаны как с существующими объективными проблемами, так и с негативным влиянием субъективного фактора.

Прежде всего, необходимо отметить сложности, возникающие в связи с формированием доказательственной базы по рассматриваемой категории дел. Так, в силу применения судами административной преюдиции расширяется предмет доказывания.

В частности, суд должен установить факт привлечения подсудимого к административной ответственности. В соответствии с содержанием Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации [5] и Постановления Конституционного суда Российской Федерации [6], лицо считается подвергнутым административному наказанию с момента вступления в законную силу постановления о назначении ему данного наказания и в течение года со дня окончания исполнения данного наказания.

Если в качестве административного наказания был назначен административный штраф, который был уплачен лицом, подвергнутым административному наказанию, оно считается подвергнутым данному наказанию в течение года с момента уплаты административного штрафа.

Указанное означает, что для назначения уголовного наказания по рассматриваемым статьям суду надлежит проверить и сопоставить: даты назначения; вступления в силу постановлений о назначении административного наказания; даты окончания исполнения такого постановления; установить факт и дату уплаты административного штрафа.

Принципиальными моментами является определение срока, так как если установленный годичный срок истек, лицо не считается подвергнутым административному наказанию.

В установлении нуждаются возможные факты пересмотра постановлений о назначении административного наказания или постановления, связанные с его исполнением. И формирование доказательственной базы в данном случае сопряжено с различными сложностями.

При рассмотрении особенностей административной преюдиции стоит отметить несовершенство законодательной конструкции и отсутствие унифицированного взгляда на рассматриваемый правовой институт. В уголовном законодательстве наблюдается неоднородность в терминологическом оформлении, которая выражается в использовании в различных нормах словосочетаний «лицо, привлечённое к административной ответственности» и «лицо, подвергнутое административному наказанию». В формулировках диспозиций отсутствует единый стандарт при применении понятия «неоднократно» [7].

С целью унификации юридической терминологии, характеризующей уголовные деяния, совершаемые на основе предварительных административных правонарушений, представляется обоснованным заменить термин «лицо, привлечённое к административной ответственности» на более конкретный и законодательно закреплённый термин «лицо, подвергнутое административному наказанию». Такая замена мотивируется наличием чёткого нормативного определения последнего понятия.

В соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию с момента вступления в законную силу постановления о назначении наказания и в течение одного года после исполнения данного постановления. На необходимость привлечения к уголовной ответственности указывает недостаточная эффективность применённых мер административного воздействия к субъекту, подвергнутому административному наказанию [7].

Несмотря на то что мелкое хищение признаётся общественно опасным деянием, закреплённым в ст. 158.1 УК РФ, единичный факт его совершения не влечёт уголовной ответственности. Решающим условием для наступления ответственности является статус субъекта - лица, которое ранее уже было подвергнуто административному наказанию за мелкое хищение в соответствии с ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

Правоприменительная практика выявляет определённые противоречия. В ситуациях, когда два человека совершают абсолютно идентичные действия, представляющие одинаковую степень общественной опасности, последствия для них могут различаться. Например, гражданка В., уже имевшая административное наказание за мелкое хищение, была привлечена к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ за кражу алкоголя из магазина на общую сумму 1396 руб. 15 коп. В то же время гражданин Ш., совершивший хищение микроволновой печи стоимостью 2500 руб. из арендованной им квартиры, понёс лишь административную ответственность по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ [8].

Стоит обратить внимание на то, что при конструировании норм с административной преюдицией не всегда учитываются базовые принципы уголовно-правового института судимости. В качестве примера выступает ст. 158.1 УК РФ. В данном случае законодатель упустил из виду лиц, имеющих судимость за совершение хищений, указав только лиц, подвергнутых административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

Представляется необходимым устранить существующий законодательный пробел. Примером в данном контексте служит ст. 264.1 УК РФ, где в качестве субъекта преступления предусмотрено не только «лицо, подвергнутое административному наказанию» за управление транспортным средством в состоянии опьянения либо за невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, но также и лицо, «имеющее судимость» за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ [3]. Это законодательное положение расширяет понятие субъекта преступления, учитывая как факты адми-

нистративных наказаний, так и наличие судимости за аналогичные деяния, что позволяет более полно охарактеризовать категорию лиц, совершивших преступления данного вида.

В настоящей работе целесообразно акцентировать внимание на пробеле в законодательном взаимодействии между нормами и институтами уголовного, административного и уголовно-процессуального права.

Стоит отметить, что институты соучастия и неоконченного преступления отсутствуют в административном праве. Соответственно, в научных кругах возникают дискуссии относительно возможности квалификации преступлений с административной преюдицией как неоконченных и совершения таких деяний в соучастии. Однако, исходя из отсутствия примеров в следственно-судебной практике, можно прийти к выводу, что рассматриваемые институты не применимы к преступлениям с административной преюдицией [7].

Считаем целесообразным проанализировать вопрос о возможности применения положения о малозначительности к деяниям, образующим состав преступления с административной преюдицией, предусматривающим наступление уголовной ответственности за повторное совершение того же самого деяния, за которое лицо ранее понесло административное наказание. В основе такого подхода лежит идея о том, что, если административное взыскание не возымело должного эффекта, то за последующее аналогичное действие должно последовать уголовное преследование.

Тем не менее эта логика представляется несколько искажённой в контексте ст. 158.1 УК РФ. Предметом мелкого хищения, выступающего основанием для административной преюдиции, может быть имущество, стоимость которого превышает 1000 руб., но не выходит за рамки 2500 руб. Возникает вопрос: представляет ли такое деяние реальную общественную опасность? В результате проведённого опроса среди лиц, осуществляющих предварительное расследование, было установлено, что большинство из них считают, что в данном случае возможно применение ч. 2 ст. 14 УК РФ, однако это может привести к «сокрытию преступлений от учёта» [7].

На первый взгляд, проверка юридической обоснованности первичного (или повторного) административного правонарушения может показаться излишней. Ведь ст. 90 УПК РФ гласит, что обстоятельства, уже установленные вступившим в силу судебным решением (за исключением решений, вынесенных в упрощённом порядке согласно ст.ст. 226.9, 316, 317.7 УПК РФ, либо иных решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном процессах и также вступивших в законную силу), признаются всеми участниками уголовного процесса без дополнительного анализа.

Тем не менее существуют обстоятельства, при которых подобная проверка становится необходимой. Например, возможны очевидные ошибки в квалификации правонарушения, технические неточности в оформлении документов, случаи выявления фактов фальсификации доказательств, которые легли в основу решения о виновности лица, либо же случаи, когда доказательствам была дана неверная оценка. В подобных ситуациях даже наличие вступившего в силу решения не исключает необходимости пересмотра обстоятельств дела [9].

Как утверждает З.Э. Эргашева, для корректной квалификации преступления, основанного на административной преюдиции, необходимо подтвердить законность привлечения к административной ответственности. Требуется установить наличие всех элементов состава правонарушения в деяниях лица, уже понесшего административное наказание [10].

Н.И. Пикуров полагает, что даже при наличии преюдиции необходимо убедиться в обоснованности предыдущего привлечения лица к ответственности за первое правонарушение, особенно если есть основания сомневаться в правомерности данного решения. По его мнению, поскольку административные гарантии, обеспечивающие защиту от необоснованного привлечения к ответственности, менее надёжны, чем уголовно-правовые, такая преюдиция не должна автоматически приравниваться к преюдиции, предусмотренной ст. 90 УПК РФ. Исключением являются ситуации, когда решение об административной квалификации и привлечении к ответственности было принято судом. В случаях, когда такое решение принимается другим органом административной юрисдикции, его правомерность подлежит проверке в ходе уголовного процесса на общих основаниях [11].

Следовательно, требования ст. 90 УПК РФ о межотраслевой преюдиции не учитывают особенности процедур, применяемых в уголовном судопроизводстве. В связи с этим становится очевидной необходимость проверки законности назначения административного наказания в ходе уголовного процесса по делам о преступлениях, в составе которых присутствует административная преюдиция [12].

Это обстоятельство подтверждается представлением в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта под номером 791911-7, предлагающего исключить из обозначенной нормы положение о преюдиции постановлений, принятых на основании КоАП РФ [13].

Нередко решение о начале уголовного преследования по делам о преступлениях с административной преюдицией инициируется уже после привлечения лица к административной ответственности и отбытия административного наказания, например, в виде ареста.

Как должен действовать сотрудник правоохранительных органов в такой ситуации? Необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела представляется некорректным решением, поскольку деяние обладает признаками уголовно наказуемого, а административное взыскание было наложено необоснованно, так как суд не располагал информацией о неоднократности деяния и его связи с другим правонарушением.

Принимая во внимание представленную информацию, одновременное привлечение к уголовной ответственности лица, уже понесшего административное наказание, вступает в конфликт с основополагающим конституционным принципом, не допускающим двойную ответственность за одно и то же деяние.

Учитывая существование административной преюдиции в уголовном праве, полагаем необходимым создать механизм координации между положениями уголовно-процессуального, уголовного и административного законодательства. В частности, следует рассмотреть вопрос о возможности учёта ранее понесённого административного наказания при определении уголовного наказания в описанном случае [7].

Исходя из вышеизложенного, преступления с административной преюдицией являются распространёнными деяниями, нуждающимися в глубоком теоретическом осмыслении. Для единообразного применения необходима стандартизация соответствующих уголовно-правовых норм, гарантирующая их последовательное использование, а также гармонизация с правилами административного и уголовно-процессуального права.

Литература:

1. Александров А.Н., Дизер О.А., Недоступенко Т.А. Формирование доктринального подхода к общественной опасности как признаку преступлений и административных правонарушений // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 4. С. 93–102.
2. Яцеленко Б.В. Социально-правовая природа преступления с административной преюдицией // Вестник Российской правовой академии. 2018. № 2. С. 79–84.
3. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6(270). С. 78–86.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 9 января 2019 г. № 63-УДП18-3 // СПС Гарант.
5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ: от 9 декабря 2008 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 2.
6. По делу о проверке конституционности положений статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2020 № 28-П // СПС Гарант.
7. Вишнякова Н.В. Преступления с административной преюдицией: проблемы законодательного и правоприменительного характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1(34). С. 5–12.
8. Постановление Падунского районного суда г. Братска Иркутской области № 5-58/2019 от 16 мая 2019 г. по делу № 5-58/2019. URL: https: // sudact. ru/regular/doc/ I4MLhbTbdI50/
9. Сабитов Р.А. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 4. № 1. С. 84–90.
10. Эргашева З.Э. Обстоятельства, имеющие значение для квалификации по делам о преступлениях с административной преюдицией // Российский следователь. 2018. № 4. С. 62–65.
11. Квалификация преступлений: учеб. пособие / Под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М. : Юрлитинформ, 2016. 352 с.
12. Постановление Падунского районного суда г. Братска Иркутской области № 5-58/2019 от 16 мая 2019 г. по делу № 5-58/2019. URL: https: // sudact. ru/regular/doc/ I4MLhbTbdI50/
13. Законопроект № 791911-7 О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. URL: https://sozd. duma.gov.ru/bill/791911-7/

Problematic Aspects of Crimes with Administrative Prejudice

Zeynalbdyeva A.V., Tomashchuk I.U., Savin V.S.
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin

This paper examines the problematic issues of bringing persons to criminal responsibility for crimes with administrative prejudice. The research is aimed at forming a unified concept of criteria for criminalization of acts preceded by an administrative offense, as well as at developing a unified approach to the legislative formulation of relevant provisions. The objectives of the study include: analysis of the possibility of applying provisions on the insignificance of an act to crimes with administrative prejudice; research of legislative relations between norms and institutions of criminal, administrative and criminal procedure law; assessment of the need to verify the legality of a decision in an administrative case when initiating and investigating a criminal case with an administrative prejudice.

The relevance of the study is due to the identified gaps in legislation and law enforcement practice, which determines its scientific and practical significance. The main conclusions are to develop proposals for improving the current legislation of the Russian Federation. The practical significance of the study lies in the potential increase in the effectiveness of criminal prosecution for crimes with administrative prejudice.

Keywords: administrative prejudice, public danger, dangerous state of personality, criminal policy, criminalization of acts, decriminalization of acts, and administrative offense

УДК 343.13
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-183-189

Информационные технологии в уголовном судопроизводстве

Ибрагимова Алиса Мансуровна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры основ управления, организации и цифровизации прокурорской деятельности Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Современное информационное общество диктует необходимость достойного ответа на его вызовы со стороны государственного аппарата, в том числе путем создания надежного механизма обеспечения реализации его функций в электронной среде. В этой связи создание нормативной основы для ведения электронного уголовного судопроизводства является необходимостью.

Автор предлагаемой статьи, руководствуясь целью формулирования унифицированных правил работы с электронной информацией в уголовном судопроизводстве для обеспечения ее процессуальной значимости и юридической силы, последовательно решил задачи по изучению содержания понятия «информационные технологии» применительно к уголовному судопроизводству, возможных видов работы с электронной информацией, а также разработал конкретные предложения по созданию нормативной основы для такой деятельности путем включения их в действующую правовую модель уголовного судопроизводства. Это обусловлено тем, что, по мнению автора, электронная форма уголовного судопроизводства не заменяет сложившиеся традиционные модели, а лишь дополняет их, предлагая новые элементы.

При выработке предложений в рамках данной статьи автором использованы всеобщий диалектический метод, а также формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод моделирования, индукция и дедукция, анализ и синтез.

Ценность проведенного исследования заключается в возможности использования его результатов при подготовке законопроектов о внедрении информационных технологий в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: *информационные технологии в уголовном судопроизводстве, электронное уголовное судопроизводство, поиск, сбор, хранение, обработка*

Для цитирования: *Ибрагимова А.М. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 183–189. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-183-189.*

В современном обществе словосочетание «информационные технологии» ассоциируется с использованием электронных ресурсов для обработки информации.

Лексический анализ термина позволяет взглянуть на его содержание под другим углом. Согласно п. 1 ст. 2 Закона об информации, информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Тем самым подразумевается, что указанные сведения могут быть представлены в различных формах, в том числе электронной.

Однако для объяснения причины отождествления в современном обществе понятий «информационные» и «электронные» следует обратиться

к мнениям авторов, изучавших проблемы научного обоснования природы информации.

По мнению П.У. Кузнецова [1, с. 34], структура информационного взаимодействия как модель может быть представлена в двуединой сущности, одной из которой является сообщение (сигнал, знак), а второй – результат отражения в сознании этого сообщения, то есть отображаемый образ или концепт.

Тем самым информация – это процесс отображения в материальном носителе (внешней форме) отображаемого образа (символов, сведений), и, следовательно, внешняя форма может быть различной.

Значит, в реальной жизни мы наблюдаем только результаты процесса отражения действительности, то есть различные материальные носители информации.

Эволюция таких форм берет начало от простой устной формы. Изначально в уголовном процессе отсутствовала формальность, происходило простое устное разбирательство между пострадавшим или его кровными родственниками и лицом, совершившим преступление. То есть ограничивалось вербальным представлением информации. В последующем появление письменности повлияло на документирование процедуры судебного разбирательства и итогового решения.

Далее письменность в уголовном судопроизводстве становится обычным явлением. После революционных событий 1917 г. правоприменитель продолжает письменно оформлять принимаемые процессуальные решения. С первых дней советской власти вновь созданные судебно-следственные учреждения начинают закреплять свои решения рассматриваемым письменным способом [2, с. 17].

Исходя из названного выше понятия информации как синтеза двух составляющих – содержательной и отобразительной, – можно сделать вывод, что под письменностью понимается совокупность начертательных (графических) символов и приемов, принятая для фиксации на бумаге и другом материале текстов, высказываний, сообщений, составленных на некотором языке [3, с. 2].

Сегодня печатные материалы уступают свое место электронным. Происходит постепенное замещение, преобразование классической письменности в цифровой код, обусловленный языком программирования, в электронную форму представления информации.

Следовательно, в зависимости от уровня развитости той или иной формы отображения значений, символов, можно выделить устную, письменную и электронную информацию.

Таким образом, когда мы говорим об информации, а также употребляем термин «информационный», речь может идти как об устной, письменной, а также электронной форме отображения знаков, символов. Употребление термина «информационный» в значении «электронный» является лишь отражением одной из ее форм.

Теперь подробнее остановимся на определении понятия «технология». Согласно словарю русского языка, под технологией следует понимать «совокупность операций, осуществляемых определенным способом и в определенной последовательности» [4, с. 239]. В соответствии с электронной версией Большого толкового словаря русского языка на сайте *gramota.ru*, технология – это совокупность методов, знаний, процессов и средств, используемых при производстве, изготовлении чего-либо» [5].

Изложенное дает основание сделать вывод, что законодатель при конструировании законодательного определения понятия «информационные технологии» не учел форму используемой информации.

Так, согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6] (далее – Закон об информации), под информационными технологиями понимаются процессы и методы работы с информацией (поиск, сбор, хранение, обработка, предоставление и распространение) и способы осуществления таких процессов и методов. Тем самым данное определение является широким и требует конкретизации при употреблении.

Вместе с тем, по мнению авторов, занимающихся проблемами информационного права, «термин "информационные технологии" появился и стал использоваться как раз в связи с применением аппаратного и программного обеспечения в работе с информацией» [7, с. 38].

Именно в этой связи отмечается и неудачность конструирования определения информационных технологий, содержащегося в п. 2 ст. 2 Закона об информации, и требующего конкретизации путем указания на осуществление всех видов перечисленных работ с информацией с использованием аппаратно-программного обеспечения [7, с. 52], а также путем включения п. 13^2 ст. 5 УПК РФ понятия информационных технологий в уголовном судопроизводстве, делающего упор на процессы и методы работы с информацией посредством программно-аппаратного обеспечения [7, с. 54].

Безусловно, поддерживая названные конструктивные предложения, полагаем необходимым научное разрешение вопросов о процессах и методах такой работы в уголовном судопроизводстве, разработав и включив в УПК РФ группу норм, регламентирующих работу с электронной информацией для целей уголовного процесса.

Основываясь на легальном определении информационных технологий, содержащегося в действующей редакции п. 2 ст. 2 Закона об информации, следует выделить следующие процессы работы: поиск, сбор, хранение, обработка, предоставление, распространение, а также использование, защита, удаление.

Для законодательного закрепления таких процессов и методов работы с информацией посредством программно-аппаратного обеспечения в уголовном судопроизводстве полагаем необходимым переименовать ч. 6 УПК РФ на «Использование возможностей информационных технологий и электронной информации», включить в УПК РФ раздел XX «Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве» и гл. 58 «Производство по уголовным делам с использованием информационных технологий», содержащей нормы, посвященные следующим процессам работы.

Поиск. Процесс поиска электронной информации заключается, на наш взгляд, в принятии мер по обнаружению в сети Интернет, информационной системе, базе данных, на электронном материальном носителе электронных документов и их образов, электронных файлов. Тем самым речь идет об осмотре как открытых сетевых ресурсов в сети Интернет, так и локальных информационных ресурсов.

В этой связи для придания процессуальной значимости указанным действиям считаем необходимым включить в УПК РФ ст. 478 следующего содержания: «*Для обнаружения и фиксации информации в электронном виде в сети Интернет, локальных информационных ресурсах допускается проведение их осмотра с применением криптографического ключа, позволяющего получить доступ к защищенному информационному ресурсу.*

Получение криптографического ключа и проведение осмотра информационных ресурсов с использованием криптографического ключа осуществляется на основании решения суда о производстве осмотра информационных ресурсов».

Сбор. Исследованию вопроса о том, какой должна быть электронная среда, в которой должна храниться электронная информация, и требованиям к ней, мы уделяли внимание ранее [8]. Напомним лишь о том, что эти требования должны предъявляться одинаково независимо от ведомственной принадлежности и публичного или частного статуса участника уголовного судопроизводства, управляться централизованно, обеспечивая возможность межведомственного обмена, исключая возможность искажения, модификации и уничтожения хранящейся в ней электронной информации. В связи с этим полагаем, что УПК РФ необходимо дополнить ч. 1 ст. 479 следующего содержания: «*Электронная информация, имеющая значение для установления обстоятельств уголовного дела, приобщается к уголовному делу путем включения в единую информационную систему уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление*».

Хранение. Хранение электронной информации возможно на электронных носителях информации (флэш-накопители, жесткие диски), базах данных, информационных системах (АИК «Надзор-*WEB*», СЭД), центрах обработки данных. В этом смысле, в отличие от традиционных (письменных) носителей информации, физическое отображение информации в электронной форме может не совпадать с местом ее хранения, накопления и систематизации. Прежде всего это связано с тем, что в настоящее время выполнение уголовно-процессуальной функции в электронной форме осуществляется на базе ведомственных информационных ресурсов. Для обеспечения процессуальной силы имеющей значение для уголовного дела электронной информации необходимо обеспечить функционирование единой информационной системы уголовного дела с возможностью восстановления в случае информационных атак на основе резервных копий. Для выполнения этой задачи в уголовном судопроизводстве представляется необходимым использование возможностей системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), позволяющей не только по защищенному каналу обмениваться информацией в электронном виде между различными ведомствами, но и обеспечивать ее хранение.

Тем самым обеспечивается выполнение *защиты* электронной информации как одного из процессов работы с электронной информацией. Несмотря на отсутствие в российском законодательстве упоминания о таком процессе работы с информацией, законодательство близких к российской правовой системе стран [9] предусматривает данный вид, что вполне оправдывает необходимость его правового регулирования нормами российского уголовно-процессуального права.

В этой связи полагаем необходимым дополнить УПК РФ ст. 480 следующего содержания: «*Хранение электронной информации, имеющей значение для установления обстоятельств уголовного дела, осуществляется в единой информационной системе уголовного дела с резервным копированием в системе межведомственного электронного взаимодействия. Резервное копирование и передача, а равно получение резервной копии электронной информации осуществляется на основании соответствующего постановления*».

Обработка. Обработка электронной информации возможна многократно без разрушения физической целостности и угрозы ее сохранности. Вместе с тем визуальная неизменность электронной информации, ее отображаемости, не является гарантией того, что электронная информация не подвергалась копированию, перемещению или иной модификации. Гарантией неизменности электронной информации в этом случае будут ее метаданные. В частности, совпадение набора символов хэш-суммы электронной информации, зафиксированной в соответствующем протоколе или постановлении, с хэш-суммой анализируемой электронной информации является гарантией подлинности электронной ин-

формации, имеющей значение для уголовного дела, подтверждением того, что электронная информация не подвергалась обработке [10, с. 226].

В этой связи считаем необходимым дополнить ст. 479 УПК РФ ч. 2 следующего содержания: «*Допустимость и достоверность электронной информации обеспечивается ее метаданными, получившими процессуальное оформление*».

Использование. Использование электронной информации может быть обусловлено необходимостью реализации назначения уголовного процесса.

В частности, для получения экспертной оценки по техническим свойствам информации в электронной форме, ее носителей, программно-аппаратных продуктов возможно назначение компьютерно-технической экспертизы, результаты которой могут отразиться на физических свойствах подвергавшейся экспертному анализу и оценке электронной информации. Возможные изменения не должны сказываться на ее юридической силе. В этой связи необходимо по итогам экспертизы отражать свойства электронной информации с измененными характеристиками, содержащими процесс и причины таких изменений, обусловленных объективными причинами.

Под использованием электронной информации в уголовном судопроизводстве мы допускаем и обработку искусственным интеллектом, формирование образов дополненной и виртуальной реальности. В этой связи полагаем нецелесообразным перечислять все виды возможного использования электронной информации в уголовном судопроизводстве. Считаем необходимым сформулировать унифицированную норму, обеспечивающую процессуальную силу результатов использования электронной информации, включив, включив в УПК РФ ч. 3 ст. 479 УПК РФ следующего содержания: «*Любое использование электронной информации в рамках производства по уголовному делу для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, осуществляется на основании соответствующего постановления. Результаты, полученные в процессе использования, фиксируются в протоколе и приобщаются к материалам уголовного дела в единой информационной системе.*

Результаты использования электронной информации, а также изменения, возникшие в связи с их использованием, необходимо отражать в протоколе с указанием объективных причин невозможности сохранения первоначальных свойств, с приведением и описанием первоначальных свойств видоизмененной электронной информации.

Оценка допустимости и достаточности такой измененной информации, а также описания первоначальных свойств измененной электронной информации осуществляется судом при вынесении итогового решения суда».

Предоставление. Предоставление электронной информации возможно многократно без разрушения физической целостности и изменения формы и содержания носителя. Вместе с тем определение оригинала возможно путем сопоставления метаданных предоставляемой информации с зафиксированными в процессуальных документах данными, содержащимися в материалах уголовного дела. Такие гарантии позволят обеспечить допустимость и достоверность доказательств, законность при рассмотрении уголовного дела в суде, а также итогового решения по уголовному делу. Следовательно, необходимо включить в УПК РФ ст. 481 следующего содержания: «*Предоставление электронной информации в ходе рассмотрения уголовного дела осуществляется без изменения первоначального состояния*».

Распространение. Распространение электронной информации не ограничено, размножение не представляет сложности, не требует смены физического носителя, что является отличительной от бумажной информации характеристикой. Последняя в силу своих свойств имеет препятствия к многократному распространению без смены материального носителя. В этом качестве одновременно и преимущество и недостаток электронной информации, так как передача электронной информации возможна только в электронной форме, то есть очевидна зависимость и неразрывность электронной информации с программными продуктами, тогда как письменная информация на бумажном носителе может передаваться физически независимо от сопутствующих условий.

В этом случае вновь возникает вопрос об оригинальности используемой электронной информации. В частности, какая из последующих представленных суду версий электронной информации является оригинальной.

Не вызывает сомнений, что содержание электронной информации должно быть идентично тому, которое зафиксировано в процессуальных документах.

Для определения наличия модификаций могут быть применены данные журналирования операционной системы, позволяющие определить следы открытия и сохранения файлов (например, в ОС *Windows*).

Так, например, во время осмотра или обыска следователь копирует необходимую цифровую информацию или производит изъятие ее носителя. При этом в протоколе следственного действия фиксируется контрольная сумма файлов, имеющая значение для целей расследования. Впоследствии при необходимости дальнейших действий с такой электронной информацией каждый раз необходимо сверять контрольную сумму. Если она изменилась, то электронная доказательственная информация была сфальсифицирована. Так, если следователь

после корректного процессуального изъятия флешнакопителя запустит на служебном компьютере под управлением ОС *Windows* содержащийся на ней документ, то тем самым он совершит фальсификацию доказательства, пусть и невольную: открытие текстового документа или электронной таблицы почти всегда вносит в них некоторые изменения. То есть при использовании электронной информации на операционной системе ОС *Windows* информация о ней всегда будет изменена. Такого не происходит в операционных системах *Kali Linux* или *CSI Linux.* При обычном использовании, в том числе копировании на данной операционной системе, контрольные суммы не будут изменены. Однако при умышленном изменении исходных данных электронной информации *Linux* также зафиксирует изменения электронной информации [10, с. 230]. Эти особенности работы операционных систем необходимо учитывать при оценке представленной в суде доказательственной информации для определения их допустимости, достоверности.

В этой связи полагаем необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законе особенности размножения и распространения электронной информации, включив в УПК РФ ст. 482 следующего содержания: «*Распространение электронной информации участникам уголовного судопроизводства осуществляется в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства на основании постановления следователя путем фиксации первоначальных сведений о такой электронной информации, содержащейся в материалах уголовного дела со сведениями, полученными в ходе перенесения на электронный носитель запрашивающей стороны*».

Удаление. После завершения предварительного расследования по уголовному делу, а также после его рассмотрения судом с вынесением итогового решения встает вопрос о дальнейшей судьбе материалов уголовного дела.

Поскольку электронная информация нуждается в программно-аппаратном обеспечении, ее хранение ставит задачу обеспечения функционирования программного решения с большим объемом памяти.

Однако какими бы ресурсами ни обладала информационная система, рано или поздно вопрос о ее возможности обеспечивать хранение информации приобретет свою остроту.

Возможность удаления информации, на наш взгляд, может быть решена в рамках правового поля и только в отношении информации, которая не представляет процессуальной значимости (добавлена ошибочно, не нашла своего подтверждения). Однако постановление об исключении из материалов уголовного дела конкретной электронной информации с последующим ее удалением должно оставаться в материалах уголовного дела.

В то же время материалы уголовного дела не могут быть физически изъяты и удалены из информационной системы, так как они могут быть использованы в последующем в рамках рассмотрения иных судебных дел, а также могут быть пересмотрены, в том числе по вновь открывшимся и новым обстоятельствам. В этой связи возникает вопрос обеспечения архивного хранения электронных материалов уголовного дела.

Именно для обеспечения работоспособности оперативной памяти информационной системы, на основе которой может быть сформировано электронное уголовное дело, на наш взгляд, весьма перспективным для архивного хранения электронной информации является технология блокчейн. Среди авторов [11, с. 879] отмечается недостаток данной технологии – его децентрализованность, отсутствие централизованного управления ею, что создает риски управления блокчейном любым лицом в уголовном судопроизводстве, что противоречит основополагающим принципам уголовного судопроизводства. Поддерживая эти опасения, мы исключаем [12, с. 80; 13 с. 229] возможность формирования материалов уголовного дела на основе технологии блокчейн до его рассмотрения по существу.

На наш взгляд, благодаря отсутствию возможности изменить содержащуюся в блокчейне информацию в связи с ее высокой устойчивостью к взлому, перспективы обеспечения архивного хранения материалов уголовного дела после его рассмотрения по существу на основе технологии блокчейн представляются весьма позитивными.

В этой связи предлагаем закрепить в уголовно-процессуальном законе норму, регламентирующую порядок исключения материалов уголовного дела из информационной системы, на которой осуществляется уголовное судопроизводство, включив в УПК РФ ст. 483 следующего содержания:

«*1. Исключение электронной информации из материалов уголовного дела возможно путем удаления или перенесения в систему архивного хранения.*

2. Удаление допускается на основании постановления, содержащего информацию об удаляемой электронной информации с указанием причины удаления (недостоверность, ошибочность включения).

3. Перенесение электронной информации из информационной системы электронного уголовного судопроизводства допускается на основании постановления, содержащего информацию о лице, на которого возлагается выполнение такой операции, сроке ее выполнения, объеме подлежащих перенесению материалов, а также сведения о системе архивного хранения и адресе, где будет храниться подлежащая перенесению информация».

Цифровое уголовное судопроизводство создает потребность в детальной регламентации такой деятельности. С учетом его достаточной новизны для

отечественных правовых реалий государство должно уделить повышенное внимание разработке и внедрению правовых основ электронного производства по уголовным делам.

На наш взгляд, законодательное закрепление предлагаемых способов работы с электронной информацией в уголовном судопроизводстве обеспечит регламентированность и прозрачность такой работы, что будет способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства и юридической силы имеющей уголовно-процессуальное значение электронной информации.

Литература:

1. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для вузов / Под общей ред. П.У. Кузнецова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 325 с.
2. Жогин Н.В, Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961. 206 с.
3. Постановление Госстандарта России от 04.09.2001 № 371–ст «ГОСТ 7.79.-2000 (ИСО 9-95). Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом». М.: ИПК Издательство стандартов, 2002. 17 с.
4. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. IV: С-Я. 795 с.
5. Большой толковый словарь. URL: https://gramota.ru/ (дата обращения: 26.01.2026).
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп. от 24.06.2025, № 156-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448; 2024. № 33 (ч. II), ст. 4999.
7. Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дисс. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 363 с.
8. Ибрагимова А.М. Требования, предъявляемые к цифровой платформе уголовного судопроизводства // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 160–164. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-160-164.
9. Закон Республики Беларусь от 10.08.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (с изм. и доп. от 11.10.2022 № 209-З) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://parvo.by/document/?guid=11031&p0=h10800455 (дата обращения: 16.02.2026).
10. Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2025. 312 с.
11. Григорьев В.Н., Суходолов А.П., Ованесян С.С., Спасенникова М.Г., Тюньков В.В. Цифровые информационные платформы как предмет нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 879.
12. Перов В.А. Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты: учеб.-методич. пособие. М.: Юрлитинформ, 2017. 197 с.
13. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230.
14. Кузнецов П.У. Информационные основания права: монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2005. 204 с.

Information Technologies in Criminal Proceedings

Ibragimova A.M.
Kazan Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The modern information society dictates the need for an adequate response to its challenges from the state apparatus, including through the creation of a reliable mechanism to ensure the implementation of its functions in the electronic environment. In this regard, the creation of a regulatory framework for conducting electronic criminal proceedings is imperative.

The author of this article, guided by the goal of formulating unified rules for working with electronic information in criminal proceedings to ensure its procedural significance and legal force, consistently addressed the tasks of studying the content of the concept of information technology as applied to criminal proceedings, possible types of work with electronic information, and also developed specific proposals for creating a regulatory framework for such activities by incorporating them into the current legal model of criminal proceedings. This is due to the fact that, according to the author, the electronic form of criminal proceedings does not replace the established traditional models, but only complements them by offering new elements.

In developing proposals within the framework of this article, the author used the universal dialectical method, as well as formal-legal, comparative-legal methods and modeling techniques, induction and deduction, analysis and synthesis.

The value of the conducted research lies in the possibility of using its results in the preparation of draft laws on the introduction of information technologies into criminal proceedings.

Keywords: information technologies in criminal proceedings, electronic criminal proceedings, search, collection, storage, processing

УДК 343.241
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-190-196

Особые случаи непривлечения к уголовной ответственности осужденных, не содержавшихся под стражей и уклонившихся от отбывания наказания в виде лишения свободы

Ильгизаров Рамиль Ильгизарович
Юрист Управления Судебного департамента в Республике Татарстан

Актуальность исследования обусловлена отсутствием надежного правового механизма, обеспечивающего неотвратимость уголовной ответственности для осужденных, не содержащихся под стражей и уклоняющихся от исполнения приговора о лишении свободы. Недостаточность действующих правовых норм создают условия для безнаказанности, что негативно сказывается на общественном доверии к системе правосудия и подрывает основы правопорядка.

Цель исследования заключается в анализе текущего состояния уголовного законодательства и правоприменительной практики в области привлечения к уголовной ответственности осужденных, не содержащихся под стражей, а также в разработке предложений по устранению имеющихся пробелов и созданию надежного правового механизма для эффективного противодействия подобным противоправным действиям осужденных.

Научная и практическая значимость работы заключается в предложении автора ввести специальную норму в Уголовный кодекс РФ, предусматривающую уголовную ответственность за уклонение осужденных, не содержавшихся под стражей, от отбывания наказания в виде лишения свободы. Данная мера направлена на укрепление принципа неотвратимости наказания, повышение эффективности исполнения судебных решений, восстановление авторитета правосудия и усиление роли государственного механизма принуждения к соблюдению закона, что будет способствовать укреплению законности и правопорядка в государстве.

Выводы исследования свидетельствуют о необходимости внесения изменений в законодательство Российской Федерации, предусматривающих установление уголовной ответственности за уклонение осужденных, не содержащихся под стражей, от отбывания наказания в виде лишения свободы. Анализ судебной практики наглядно иллюстрирует наличие значительного числа случаев такого уклонения осужденными, что подчеркивает крайнюю актуальность и важность предлагаемой законодательной инициативы.

Предложенные автором меры направлены на установление уголовной ответственности за уклонение осужденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, не находящихся под стражей, с целью повышения эффективности правосудия и укрепления принципа неотвратимости наказания.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, лишение свободы, побег, уклонение от наказания, правосудие, наказание, содержание под стражей, исполнение приговора, подсудимый, осужденный*

Для цитирования: *Ильгизаров Р.И. Особые случаи непривлечения к уголовной ответственности осужденных, не содержавшихся под стражей и уклонившихся от отбывания наказания в виде лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 190–196. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-190-196.*

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] – единственный законодательный акт, определяющий преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия (ч. 1 ст. 3), которые, исходя из принципа справедливости, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6) [2].

Преступлением является запрещенное данным Кодексом виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие) (ч. 1 ст. 14). Уголовная ответственность наступает исключительно за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ (ст. 8).

Конституция Российской Федерации, относя уголовное и уголовно-исполнительное законодательство к ведению Российской Федерации (ст. 71, п. «о»), наделила федерального законодателя полномочием предусматривать меры государственного принуждения в отношении лиц, совершивших преступления, осужденных и подвергаемых по приговору суда наказанию, существо которого, как следует из части первой ст. 43 УК РФ, состоит в предусмотренных данным Кодексом лишении или ограничении прав и свобод. Устанавливая в законе меры уголовного наказания, законодатель определяет применительно к осужденным изъятия из прав и свобод в сравнении с остальными гражданами, обусловленные в том числе особыми условиями исполнения соответствующего вида наказания [3].

Одним из наказаний, предусмотренных п. «л» ст. 44 УК РФ, является лишение свободы на определенный срок. Данный вид наказания является одним из самых строгих, за исключением пожизненного лишения свободы (п. «м») и смертной казни (п. «н»). В российской судебной практике этот вид наказания применяется особенно часто, являясь одним из самых распространённых.

Федеральным законодательством предусмотрена дополнительная уголовная ответственность за любые действия, направленные на противодействие исполнению наказания, предусмотренного судебным актом, в частности, в форме лишения свободы.

Так, ч. 1 ст. 313 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении.

Побегом из-под стражи по смыслу закона признается самовольное оставление лицом места своего законного пребывания, а также выход из-под надзора и контроля конвоя или иных уполномоченных лиц. Указанный состав преступления отнесен к гл. 31 УК РФ («Преступления против правосудия»).

Побег из места содержания под стражей или из-под стражи считается одним из самых опасных преступлений, которые препятствуют исполнению приговора и, следовательно, реальному осуществлению целей и задач правосудия [4].

Случаи побегов подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных негативно сказываются на уровне доверия граждан к правоохранительным органам и государственным институтам в целом. Это формирует представление о неэффективности контроля над преступными элементами, представляющими угрозу для общественной безопасности. Побег препятствует надлежащему осуществлению правосудия, нарушает исполнение судебных приговоров и влечет за собой существенные финансовые издержки, связанные с организацией розыскных мероприятий и повторным задержанием. Как следствие, в обществе нарастает тревожность и утрачивается вера в способность государства обеспечивать безопасность и стабильность.

Для понимания положений указанной статьи Уголовного кодекса Российской Федерации представляется необходимым обратиться к трактовке основных понятий, используемых законодателем. Рассмотрим сущность ключевых дефиниций применительно к содержанию нормы.

Согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму.

При этом Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) [5] закрепляет, что основаниями для исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера являются приговор либо изменяющие его определение или постановление суда, вступившие в законную силу, а также акт помилования или акт об амнистии (ст. 7). УИК РФ также определяет места отбывания лишения свободы (ст. 73), виды исправительных учреждений (ст. 74), регламентирует направление осужденных к лишению свободы для отбывания наказания (ст. 75), направление осужденных в колонию-поселение (ст. 75.1), перемещение осужденных к лишению свободы (ст. 76), условия и порядок передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения (ст. 96). В силу положений УИК РФ осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в колониях-поселениях пользуются правом свободного передвижения в часы от подъема до отбоя только в пределах колонии-поселения (п. «а» ч. 1 ст. 129), а при побеге или задержании бежавших из исправительных учреждений осужденных в целях пресечения противоправных действий, а равно предотвращения причинения этими осужденными вреда окружающим или самим себе применяются физическая сила, специальные средства и оружие (ч. 1 ст. 86) [6].

Законодатель закрепил принцип дифференциации при размещении лиц, осужденных к лишению свободы, с учетом степени общественной опасности и характера совершенных ими преступлений. Соответственно, порядок направления осужденных в конкретные исправительные учреждения определяется совокупностью факторов, включая категорию преступления, состояние здоровья осужденного, а также особенности условий содержания отдельных категорий заключенных.

В ст. 74 УИК РФ приводится перечень видов исправительных учреждений, которые в Российской Федерации включают: исправительные колонии (подразделяются на колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого и особого режимов), воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения (лечебно-профилактические учреждения).

Кроме того следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания, осужденных, перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в следственный изолятор в порядке, установленном ст. 77.1 настоящего Кодекса, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия.

Положения ст. 16 УИК РФ устанавливают, что наказание в виде лишения свободы исполняется колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой, а в отношении лиц, указанных в ст. 77 УИК РФ, – следственным изолятором (ч. 9).

Арест представляет собой меру уголовного наказания, выражающуюся в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества, и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. В случае замены обязательных или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца (ст. 54 УК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 68 УИК РФ осужденные к аресту отбывают наказание по месту осуждения в арестных домах. Военнослужащие, осужденные к аресту, отбывают наказание на гауптвахтах (ст. 149 УИК РФ).

Согласно ст. 5 Федерального закона от 08.01.1997 № 2-ФЗ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [7], положение УИК РФ о наказании в виде ареста вводится в действие отдельным федеральным законом по мере создания необходимых условий для исполнения данного вида наказания, однако введение указанной меры не должно было произойти позднее 2006 г.

На сегодняшний день федеральный закон, вводящий в действие наказание в виде ареста, не принят, следовательно, указанный вид наказания не может назначаться судами в качестве меры уголовной ответственности.

Таким образом, положения ст. 54 УК РФ до настоящего времени не введены в действие, арестные дома не созданы, а наказание в виде ареста не применяется из-за невозможности его исполнения [8–11]. Соответственно, арест как наказание не подлежит назначению ввиду невозможности его реализации.

Лица, в отношении которых применены ст.ст. 3.9 и 27.3 КоАП РФ (административный арест или административное задержание), не могут быть признаны субъектами данного преступления [12].

Согласно п. 42 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [13], под содержанием под стражей понимается пребывание лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, либо обвиняемого, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственном изоляторе либо в ином месте, определяемом федеральным законом. Данная мера пресечения применяется только по решению суда (ч. 1 ст. 108 УПК РФ, ч. 2 ст. 22 Конституции РФ).

Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Федеральный закон № 103-ФЗ) установлено следующее (ст. 5) [14]:

– основанием содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений, является протокол задержания, составленный в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;

– основанием содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, выступает судебное решение, принятое в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Из ст. 7 Федерального закона № 103-ФЗ следует, что местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых являются: следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы и органов федеральной службы безопасности; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел и пограничных органов федеральной службы безопасности; учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы и гауптвахты. Кроме того, в случаях, когда задержание по подозрению в совершении преступления осуществляется в соответствии с Уголовно-процессуальным

кодексом Российской Федерации капитанами морских судов, находящихся в дальнем плавании, или начальниками зимовок в период отсутствия транспортных связей с зимовками, подозреваемые содержатся в помещениях, которые определены указанными должностными лицами и приспособлены для этих целей.

Анализ действующего законодательства показывает, что термин «предварительное заключение» не имеет нормативного определения. При применении рассматриваемой нормы (ч. 1 ст. 313 УК РФ) необходимо руководствоваться соответствующими положениями УПК РФ, Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Приказа МВД России от 22.11.2005 № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел», Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [15].

Учитывая изложенное, с точки зрения квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, принципиально важным условием является осуществление уполномоченными государственными правоохранительными органами активных предварительных мероприятий процессуального характера, непосредственно направленных на официальное лишение (ограничение) индивидуальной свободы соответствующего лица, обладающего статусом подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного, посредством его изоляции от общества. Такая процедура осуществляется путём помещения лица в специальные государственные учреждения, предусмотренные для содержания под стражей, исполнения наказания в виде лишения свободы, включая изоляторы временного содержания, следственные изоляторы, исправительные учреждения, арестные дома, гауптвахты, а также специально отведенные помещения на судне, находящемся под командованием капитана.

Установление состава преступления по ст. 313 УК РФ требует обязательного наличия официальных актов и процедур, санкционирующих размещение лица в месте лишения свободы, под арестом или под стражей.

Согласно мнению ученых Ф.Р. Сундурова и М.В. Талан, побег определяется как незаконное и самовольное оставление места лишения свободы, предварительного заключения или содержания под стражей либо под арестом, совершенное без надлежащего разрешения компетентных органов. Как правило, побег совершается с целью уклонения от отбывания наказания и совершения новых преступлений. Следует подчеркнуть, что даже при наличии формального разрешения, если оно было получено посредством обмана, злоупотребления доверием, подкупа или от лиц, не обладающих соответствующими полномочиями, такое деяние квалифицируется как побег. Побег всегда совершается посредством активных действий, например: взлома запоров, пролома в стене, использования подложных документов, подкупа администрации или охраны, скрытого перемещения в транспортном средстве, бегства из-под стражи и т.п. По конструкции объективной стороны побег относится к формальным составам и считается оконченным с момента, когда виновный покинул место лишения свободы, ареста или место содержания под стражей и полностью находится вне надзора или контроля, осуществляемого компетентными органами [16].

Если суд, рассматривающий уголовное дело, установит, что подсудимый скрылся и его местонахождение неизвестно, производство по делу будет приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ. Сюда же следует отнести случаи, когда подсудимый, не содержащийся под стражей, скрылся от суда, не дожидаясь оглашения по его делу приговора.

Так, согласно ст. 238 УПК РФ, в случае, когда обвиняемый (подсудимый) скрылся и место его пребывания неизвестно, судья приостанавливает производство по уголовному делу и если скрылся обвиняемый, не содержащийся под стражей, судья избирает ему меру пресечения в виде заключения под стражу и поручает прокурору обеспечить его розыск. Такое судебное решение, как отметил Конституционный Суд РФ, выступает, по смыслу ст. 22 Конституции РФ, в качестве санкционирующего задержание и заключение лица под стражу, в том числе на срок свыше 48 часов [17].

Вместе с тем, на практике встречаются ситуации, когда подсудимый, в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, самостоятельно является в суд для участия в разбирательстве, но после либо во время оглашения приговора с назначением реального лишения свободы незамедлительно покидает зал судебного заседания и скрывается. Поскольку сотрудники охранно-конвойной службы органов внутренних дел РФ или судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов Федеральной службы судебных приставов не принимают участие в данном процессе по различным субъективным обстоятельствам (например, задерживаются в пути следования, поздно входят в зал судебного заседания и иным причинам), меры по незамедлительному исполнению приговора суда в виде взятия осужденного под стражу не принимаются.

Важно подчеркнуть, что отсутствуют нормативные акты, регламентирующие обязательное присутствие конвойной службы или судебных приставов

при оглашении приговоров, связанных с лишением свободы, в отношении подсудимых, не находившихся под стражей до вынесения приговора. Подобная практика допускает возникновение риска последующего уклонения осужденных от исполнения назначенного наказания в виде лишения свободы.

Несмотря на очевидную цель таких действий – уклонение от отбывания назначенного судом наказания в виде лишения свободы, квалифицировать поведение осужденного по ст.ст. 313 и 314 УК РФ («Побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»; «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера») невозможно. Проблема заключается в отсутствии в действующем уголовном законодательстве специальной нормы, устанавливающей ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы лицами, ранее не подвергавшимися официальному заключению под стражу или задержанию сотрудниками правоохранительных органов и находившимися под подпиской о невыезде.

Таким образом, в настоящее время российское уголовное законодательство характеризуется наличием определенного процессуального пробела, вызванного отсутствием необходимой правовой регламентации таких неправомерных действий осужденного. Это, в свою очередь, позволяет лицам, находящимся вне места лишения свободы, не под арестом и не под стражей на законных основаниях, без привлечения к уголовной ответственности уклоняться от отбытия лишения свободы, несмотря на то, что такое лицо, будучи осведомлено о характере и размере назначенного наказания непосредственно после оглашения приговора суда полностью осознавая своё процессуальное положение и понимая, что с момента оглашения приговора суда он обязан быть немедленно задержан и направлен для исполнения назначенного наказания в соответствующем учреждении уголовно-исполнительной системы, указанное лицо, вопреки установленным требованиям, предпринимает самостоятельные действия по уклонению от наступления последствий судебного решения.

Очевидно, что такие умышленные действия осужденных заслуживают оценки как общественно опасные и должны квалифицироваться как преступные. Несмотря на исключительную актуальность данной научно-практической проблемы, количество посвященных ей публикаций, к сожалению, остается крайне недостаточным.

Такие ситуации, имевшие место в ряде субъектов Российской Федерации (например, в 2023 г. в Сургуте [18], в 2013 г. в Санкт-Петербурге [19], в 2022 г. в Омской области [20], в 2024 г. в Казани [21]), наглядно демонстрируют необходимость в создании специального юридического механизма, обеспечивающего надлежащую правовую квалификацию и привлечение к ответственности осужденных, действующих подобным образом. Сложно не признать, что такие их действия наносят ущерб функционированию правосудия, разрушают общественное доверие к судебной системе и усложняют процедуру исполнения приговоров, препятствуя достижению конечных целей уголовного наказания. Таким образом, создается угроза общественному порядку и нарушается основополагающий принцип неотвратимости наказания, гарантированный Конституцией Российской Федерации и международными нормами права.

Необходимо отметить, что последствия уклонения осужденного от отбывания наказания в виде лишения свободы зачастую приводят к организации органами прокуратуры служебной проверки действий конвойной службы и/или судебных приставов, которые фактически не были задействованы в осуществлении охраны, надзора и контроля за осужденным в судебном заседании. Более того, следственные органы проводят процессуальные проверки, оценивая законность действий указанных должностных лиц, вплоть до возбуждения уголовных дел.

Возникает резонный вопрос: почему подобные действия осужденного, свидетельствующие о прямом намерении избежать исполнения наказания, назначенного приговором суда, остаются вне сферы уголовной ответственности? Получается парадоксальная ситуация, когда осознанные, целенаправленные и умышленные действия, прямо противоречащие интересам правосудия, формально не признаются преступными, а соответствующее лицо освобождается от какой-либо дополнительной ответственности.

Эффективность уголовного наказания неразрывно связана с двумя основополагающими постулатами. Первый постулат гласит, что деяние должно быть прямо предусмотрено уголовным законом для привлечения к ответственности. Второй, не менее значимый, постулат утверждает, что лицо, совершившее такое деяние, не может быть освобождено от юридической ответственности.

Понимание того, что вслед за нарушением закона может и должно последовать наказание, является достаточным стимулом для того, чтобы человек, задумавший совершить преступление, или вовсе не совершил его, либо совершив приготовительные действия к преступлению, не стал совершать его. И.И. Карпец по этому поводу писал, что «эффективность общего предупреждения достигается, прежде всего, путем обеспечения неотвратимости той или иной меры принуждения, самим фактом наличия запретительной нормы, а также осведомленностью населения как о самих законах, так и о последствиях их нарушения» [22] .

Имеется объективная потребность в дополнении

Уголовного кодекса Российской Федерации специальной нормой, аналогичной по своему правовому содержанию и целям ст. 314 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания наказаний в виде ограничения свободы, лишения свободы и принудительных мер медицинского характера. Предлагаемая норма должна распространяться на случаи уклонения осужденных, не содержавшихся под стражей, от исполнения наказания в виде лишения свободы.

Наказание за данное деяние целесообразно установить в рамках аналогичных пределов санкции, предусмотренных ст. 314 УК РФ, что обеспечит единство юридических стандартов и согласование нормативных подходов к определению составов преступлений, выражающихся в формах уклонения от исполнения назначенных судом наказаний.

Реализация предложенной меры окажет значительное влияние на повышение уровня превентивного обеспечения защиты конституционно-значимых ценностей и интересов государства и общества. Эффективность внедрения специального правового запрета обусловлена возможностью исключения ситуаций, при которых поведение осужденных направлено на прямое устранение или снижение степени ответственности за собственное общественно опасное поведение, что способствует укреплению верховенства закона и восстановлению нарушенного общественного правопорядка. Это повысит эффективность правосудия, улучшит исполнение судебных приговоров и укрепит роль государственного механизма принуждения к соблюдению закона.

Таким образом, введение новой нормы в Уголовный кодекс будет способствовать формированию более строгого и последовательного подхода к вопросам уголовной ответственности. Это также поможет создать более безопасную правовую среду, в которой будет повышена степень доверия граждан к судебной системе и правопорядку в стране. Необходимо учитывать, что подобные изменения в законодательстве должны быть тщательно проработаны и обсуждены с экспертами, чтобы избежать возможных правовых коллизий и обеспечить их эффективное применение на практике.

В конечном итоге данная инициатива направлена на защиту интересов общества и государства, а также на поддержание справедливости и правопорядка в обществе, что является одной из основных задач уголовного законодательства.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС КонсультантПлюс.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 29.04.2025 № 1202-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шанова Данияра Талгатовича на нарушение его конституционных прав п. «г» части первой и частью четвертой ст. 78 Уголовного кодекса Российской Федерации и п. 3 части первой ст. 24, частью третьей ст. 214 и частью первой, п. 1 части четвертой ст. 214.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС КонсультантПлюс.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 30.10.2025 № 2639-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Азарова Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Морщаков М.А. Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи в первые годы после революции 1917 года // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 23. С. 135–137.
5. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 2867-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Андрея Васильевича на нарушение его конституционных прав ст. 313 Уголовного кодекса РФ» // СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон от 08.01.1997 № 2-ФЗ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса РФ» (ред. от 10.01.2002) // СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.11.2015 № 20-УД15-10 // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2023 № 77-1091/2023 (УИД 03MS0113-01-2022-000840-27) // СПС КонсультантПлюс.
10. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.07.2024 № 77-1555/2024 // СПС КонсультантПлюс.
11. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2023 № 77-1259/2023 (УИД 26MS0035-01-2022-003668-49 // СПС КонсультантПлюс.
12. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: Проспект, 2008. 557 с.
13. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.

14. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 23.10.2025) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС КонсультантПлюс.
15. Чекмезова Е.И. Преступления против правосудия: монография. Омск: Сибирский юрид ун-тет, 2024 // СПС КонсультантПлюс.
16. Уголовное право России. Особенная часть: учеб. / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М: Статут, 2012. 941 с.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2241-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейкина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 108, частями первой и второй статьи 389.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
18. Екатерина Призова. В Сургуте бывший полицейский сбежал из суда после оглашения приговора // Российская газета. URL:https://rg.ru/2023/10/19/reg-urfo/v-surgute-byvshij-policejskij-sbezhal-iz-suda-posle-oglasheniia-prigovora.html?ysclid=mkv2xqcgmx756395514 (дата обращения: 27.01.2026).
19. Елена Герун. Осужденный после оглашения приговора ускользнул из суда через черный ход. URL: https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/osuzhdennyy-posle-oglasheniya-prigovora-uskolznul-iz-suda-cherez-chernyy-hod-1113170/ (дата обращения: 27.01.2026).
20. Мария Серебрякова. В Омской области подсудимый сбежал из зала суда во время оглашения приговора // Вечерний Омск – Неделя. Портал Администрации города Омска. URL: https://omskgazzeta.ru/all-news/v-omskoj-oblasti-podsudimyj-sbezhal-iz-zala-suda-vo-vremja-oglashenija-prigovora/ (дата обращения: 27.01.2026).
21. Полина Шевчук. Прятался на съемной квартире: поймали мужчину, который совершил побег из казанского суда // Интернет-сервис «Kazanfirst.ru». URL:https://kazanfirst.ru/news/pryatalsya-na-semnoj-kvartire-pojmali-muzhchinu-kotoryj-sovershil-pobeg-iz-kazanskogo-suda (дата обращения: 27.01.2026).
22. Велиев С.А. Принципы назначения наказания. СПб.: Юридический центр, 2004. 386 с.

Special Cases of Non-Prosecution of Convicted Persons Who Were Not in Custody and Evaded Serving Their Prison Sentences

Ilgizarov R.I.
Judicial Department of the Republic of Tatarstan

The relevance of the study is due to the lack of a reliable legal mechanism ensuring the inevitability of criminal liability for convicted persons who are not in custody and who evade serving their prison sentences. The inadequacy of existing legal norms creates conditions for impunity, which negatively affects public confidence in the justice system and undermines the foundations of the rule of law.

The purpose of the study is to analyze the current state of criminal legislation and law enforcement practice in the area of bringing convicted persons who are not in custody to criminal responsibility, as well as to develop proposals for eliminating existing gaps and creating a reliable legal mechanism to effectively counteract such unlawful actions by convicted persons. The scientific and practical significance of the work lies in the author's proposal to introduce a special provision into the Criminal Code of the Russian Federation, providing for criminal liability for convicted persons who are not in custody for evading imprisonment. This measure is aimed at strengthening the principle of the inevitability of punishment, increasing the effectiveness of the enforcement of court decisions, restoring the authority of justice, and strengthening the role of the state mechanism for enforcing compliance with the law, which will contribute to strengthening the rule of law and law and order in the state.

The findings of the study indicate the need to amend the legislation of the Russian Federation to establish criminal liability for convicted persons who are not in custody for evading imprisonment. An analysis of judicial practice clearly illustrates the existence of a significant number of cases of such evasion by convicts, which underscores the extreme relevance and importance of the proposed legislative initiative.

The measures proposed by the author are aimed at establishing criminal liability for convicted persons who are not in custody evading imprisonment, with a view to improving the effectiveness of justice and strengthening the principle of the inevitability of punishment.

Keywords: criminal liability, deprivation of liberty, escape, evasion of punishment, justice, punishment, detention, enforcement of sentence, defendant, convicted person

УДК 340.15
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-197-201

Право удержания в римском частном праве

Кобчикова Елена Васильевна
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Макаров Тимофей Григорьевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры гражданского права
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Ситникова Ирина Евгеньевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства
и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

В настоящей статье рассмотрен институт права удержания, возникший достаточно рано в римском праве и известный практически всем современным правовым системам, относящимся к континентальной правовой семье. Право удержания (ius retentionis) могло реализовываться при исполнении договоров ссуды или залога, а также при возникновении деликтного обязательства. При написании авторы опирались прежде всего на Corpus Iuris Civilis (Свод гражданского права) и в частности на Дигесты Юстиниана.

Цель исследования – провести комплексный анализ института права удержания в римском частном праве на основе первоисточников, выявив его концептуальные основы, условия применения и функциональные разновидности. Задачи исследования заключаются в следующем: раскрыть содержание права удержания через призму юридической мысли, отражённой в Дигестах Юстиниана, проследить эволюцию данного института.

Было выявлено, что, несмотря на фрагментарность источников и отсутствие отдельного титула в Дигестах, посвященного данному институту, с полным правом можно говорить о наличии вполне сформировавшегося и разработанного института права удержания в римском частном праве.

Анализ права удержания в римском частном праве предоставляет исторический ключ для понимания и критической оценки аналогичного института в современном российском гражданском праве.

Ключевые слова: *римское частное право, право удержания, обеспечение обязательств, возмещение расходов, ретентор, должник, кредитор*

Для цитирования: *Кобчикова Е.В., Макаров Т.Г., Ситникова И.Е. Право удержания в римском частном праве // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 197–201. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-197-201.*

Ius retentionis, т.е. буквально «право удержания», в источниках римского права, в том числе, и в Кодификации Юстиниана, не получил окончательного оформления. Глагол *retinere* в переводе с латыни означает «удерживать», а в целом значение этого слова можно определить, в том числе, как «пребывать в прежнем положении, сохранять его». Термин *ius retentionis* появляется сравнительно поздно, около XVII в.

Corpus Iuris Civilis (Свод гражданского права) не содержит ни одного титула, непосредственно посвящённого праву удержания, однако в Своде это право неоднократно упоминается, но в контексте рассмотрения какого-либо иного института, при этом содержание права удержания не раскрывается.

Согласно Дигестам Юстиниана, право удержания получило признание, прежде всего, когда лицо удерживает вещь вплоть до удовлетворения своего требования о возмещении расходов, связанных с данной вещью, как, например, об этом упоминает Папиниан [1, с. 146–147]. Папиниан рассматривает пример, связанный с залогом, но в данном случае долг уже уплачен, в связи с чем собственник вещи требует её возврата от владельца, к которому вещь попала в результате залога.

Павел указывает, что «если кто-либо тратится на вещь, думая, что она его, он имеет только право удержания, т.к. данная трата никого не обязывает» [1, с. 516–517].

Требование, из-за которого имеет место удержание, не может быть исковым, и поэтому право удержания является единственным способом защиты интересов добросовестного владельца – ретентора [2, с. 77].

При этом указанное здесь требование ретентора о возмещении расходов на вещь, как правило, направлено не против конкретного лица, а против любого субъекта, требующего вещь, на которую были произведены расходы. Право требования ретентора о возмещении расходов на вещь возникает только в тот момент и только в том случае, когда от ретентора требуют выдачи вещи и только к тому лицу, которое это требование предъявляет. Таким образом, должник по такому требованию никогда заранее неизвестен и будет определён только в момент предъявления требования о возврате вещи.

В свою очередь, безразлично, каким правом обладает лицо, требующее вещь и к которому предъявлено требование о возмещении произведённых на вещь расходов; такое требование может быть обращено к любому требующему вещь. И этим владелец (ретентор) напоминает обладателя вещного права. При этом здесь следует отметить, что право удержания в римском праве давало фактическое обладание вещью до удовлетворения требования.

Павел приводит пример реализации права удержания по отношению к узуфруктарию [1, с. 146-147].

Ретентору могло быть заранее неизвестно лицо, к которому он предъявит требование о возмещении расходов, до предъявления ему этим лицом требования о возврате вещи. В этом случае можно провести аналогию с собственником вещи. Собственник вещи не знает, кто будет его должником, когда его право собственности будет нарушено.

Надо сказать, что право удержания в римском праве могло обеспечивать возмещение расходов на вещь вне зависимости от того, в какой форме эти расходы были произведены. В качестве примера можно привести расходы, связанные с выкупом заложенной вещи, о которых упоминают Павел и Африкан [1, с. 198–199].

В Дигестах Юстиниана достаточно упоминаний о возможностях удержания в связи с самыми разными видами затрат. Даже если в каком-то конкретном случае в источнике не указывается, что вследствие произведённых расходов допустимо применить право удержания, нет оснований утверждать, что такое право не может быть реализовано и это противоречит римскому частному праву.

Также в источниках упоминаются право на возмещение расходов за засев чужой земли, содержание и лечение чужих животных и рабов [3, с. 98–99; 4, с. 12, 553; 5, с. 524].

Для возникновения права удержания у ретентора не имеет значения, действовал он *bona fides* (в данном контексте – добросовестно) или *mala fides* (недобросовестно); также безразличен характер произведенных расходов.

Все вышесказанное относится к случаям, когда, кроме самого факта расходов, иные основания для возмещения расходов отсутствуют; это все требования, не защищенные исками. Такие требования удовлетворяются в порядке исключения (*exceptio*).

Но гораздо чаще встречаются ситуации, когда требование о возмещении расходов помимо самого наличия таких расходов, зиждется еще и на другом основании, как правило, договоре. В этом случае налицо уже имеется исковое требование против должника – ответчика.

Так, на примере договора ссуды (*commodatum*) ссудополучатель защищён иском *actio commodati contraria* (обратный иск из договора ссуды) в том числе и в отношении произведённых им на полученную вещь необходимых чрезвычайных расходов [3, с. 102–103; 6, с. 177].

Кроме того, ссудополучателю в защиту этого требования предоставляется и право удержания (*ius retentionis*) [5, с. 533].

Гай утверждает, что «расходы, хотя и необходимые, например, на лечение ссуженного раба, не создают для ссудополучателя права требовать их возмещения» [3, с. 98; 7, с. 523]. Здесь Гай также подчёркивает, что «расходы, связанные с пользованием вещью, ложатся на ссудополучателя вследствие безвозмездности договора». Но если возникают расходы непредвиденные, но в то же время и необходимые, которые не могли и не должны были быть предусмотрены в момент заключения договора, то, по мнению Гая, они ложатся на ссудодателя [3, с. 98; 7, с. 523].

Являясь односторонним договором, обязательства у ссудодателя договор изначально не порождает, тем не менее впоследствии может возникнуть обстоятельство, которое обяжет ссудодателя. Так, ссудополучатель имеет право требовать возмещения своих расходов, имеющих характер необходимых и непредвиденных одновременно, путём предъявления иска actio commodati (иска из договора ссуды).

Юлиан также говорит, что «ссудополучатель может возместить свои расходы на полученную вещь путём реализации права удержания», при этом не уточняя, о каких расходах идёт речь – чрезвычайных или обычных [5, с. 533]; впрочем, высказываясь подобным же образом, Павел также не уточняет характер расходов [5, с. 527].

Все же, исходя из того, что *actio commodati contraria* предусматривает только необходимые и непредвиденные расходы, можно сделать вывод, что и возможность реализации права удержания относится только к таким же.

Таким образом, ссудополучатель может требовать возмещения своих расходов либо путём предъявления *actio commodati contraria* либо путём реализации права удержания. При этом право удержания (*ius retentionis*) ссудополучателя здесь ничем не отличается от такого же права добросовестного владельца.

Если иск ссудополучателя из договора ссуды (*actio commodati contraria*) может быть предъявлен только к ссудодателю, то право удержания реализуется в отношении любого лица, требующего вещь; например, кроме ссудодателя это может быть собственник вещи, вещь которого была передана в ссуду.

Право удержания и обратный иск из договора ссуды имеют здесь одного и того же кредитора, но право удержания здесь не имеет непосредственного отношения к договору ссуды и не является осуществлением правомочия ссудополучателя; договор ссуды как таковой не влияет на право удержания. В отношении права удержания не имеет значения, в силу чего возникает требование о возмещении расходов; изначально правоотношение между должником и кредитором может вообще отсутствовать.

Обратившись достаточно подробно к договору ссуды, тем не менее представляется целесообразным упомянуть и о других правоотношениях, когда источники упоминают право удержания.

Так, Папиниан говорит о ситуации, когда «знакомый должника, выкупивший его вещь, впоследствии своё требование о возмещении уплаченной суммы может осуществить путём реализации права удержания» [1, с. 141–142].

Он же упоминает ситуацию, когда «добросовестный владелец, полагая, что вещь его, выкупает чужую вещь, и своё требование о возмещении уплаченных денег также может реализовать путём права удержания» [1, с. 147].

Павел упоминает такой случай: «При перевозке грузов по морю часть их была выброшена за борт во время шторма, чтобы предотвратить гибель корабля. Возникшие убытки распределяются на всех заинтересованных в предприятии лиц» [3, с. 102–103]. Капитан корабля имеет право на иск для получения от других своей доли участия в убытках, а также имеет право удерживать спасённые товары.

Например, Модестин указывает, что «депозитарий в договоре хранения может требовать возмещения необходимых расходов, связанных с хранением вещи»; при этом имеются в виду не только чрезвычайные необходимые расходы, но и любые необходимые затраты [3, с. 134–137], в связи с чем у депозитария имеется право удержания. Но в 529 г. император Юстиниан выпустил конституцию, согласно которой депозитарий утратил право удержания [8, с. 144]. Целью этого запрета является обеспечение незамедлительного исполнения обязанности депозитария по возврату вещи, в том числе, не задерживая её для реализации права удержания.

На основе анализа сохранившихся источников можно сделать вывод, что право удерживать вещь возможно вплоть до возмещения расходов, произведённых на эту вещь. Здесь подразумевается, что должным действием ретентора является возврат или выдача той вещи, на которую была произведена затрата. Необходимо отметить, что источники в основном содержат конкретные ситуации, в которых ретентор вправе реализовать право удержания, но из всех таких ситуаций можно сделать вывод, что право удержания состоит в воздержании от действия, которое нужно совершить, пока требующий такое действие в свою очередь не исполнит предъявляемого к нему требования должника.

Также на основании проанализированных источников напрашивается вывод, что расходы ретентора могут удовлетворяться путём реализации права удержания только в тех случаях, когда ретентор совершает расходы в пользу той вещи, которая истребуется у него.

Вместе с тем можно рассматривать право удержания как право не исполнять своё обязательство по договору, которое подлежит исполнению до удовлетворения какого-либо требования, и при этом наличие права собственности в данном случае не препятствует удержанию своей собственной вещи. Например, если в купленной вещи есть недостатки, в связи с которыми у покупателя как собственника вещи возникли определенные убытки, покупатель может не возвращать данную вещь продавцу, т.е. удерживать данную вещь, до тех пор пока продавец не возместит покупателю убытки, причиненные купленной вещью [9, с. 88]. Вопрос о том, можно ли в данном случае говорить именно о праве удержания, безусловно, является дискуссионным. Не вдаваясь в подробности дискуссии, авторам представляется, что хотя в рассматриваемом примере речь идет о расторжении договора купли-продажи, в данном случае можно говорить о праве удержания. В то же время данный случай интересен тем, что здесь право удержания возникает не в связи с понесёнными расходами на вещь, а в связи с убытками, причинёнными вещью.

И все же общим основанием возникновения права удержания являются расходы, произведённые на вещь.

Когда основанием возникновения права удержания является требование возмещения убытков, то это особые случаи, когда не просто лицо претерпевает убытки из-за вещи, а когда вещь была куплена с недостатками или лицо имеет ноксальную претензию.

В источниках, например у Гая, упоминаются ситуации, когда «лицо, истратившееся на вещь и потерпевшее убыток, не имеет при этом права на иск для возмещения этого убытка, если ещё до возникновения этого убытка не договорится с собственником вещи, что тот возместит такой убыток» [5, с. 533].

Здесь Гай упоминает случай, когда «дом одного лица рухнул на участок другого, и последний имеет право не допускать первого собирать обломки, пока его требование о возмещении убытков не будет удовлетворено», т.е. речь идёт фактически о праве удержания.

В нескольких местах Дигест Юстиниана также упоминается, что «ущерб, возникший из-за того, что чужая вещь была занесена наводнением к потерпевшему, может быть возмещён путём реализации права удержания» [5, с. 535].

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в римском праве в целом содержатся две правовые ситуации, когда можно говорить о возникновении права удержания.

Во-первых, в случае, когда лицо требует возмещения расходов, произведённых на чужую вещь.

Во-вторых, когда лицо требует возмещения убытков, причинённых вещью, которую нужно вернуть.

Таким образом, двумя основаниями возникновения права удержания являются возмещение расходов и возмещение убытков.

Требование возмещения в обоих случаях обусловлено обогащением, которое было получено за счёт ретентора. В широком смысле оба эти требования об убытках. Одно возникает вследствие того, что выгода лица, которому предъявлено требование, приобретена за счёт ретентора, а второе возникает как следствие ущерба, нанесённого ретентору чужой вещью.

Право удержания возникает, когда исполнение обязательства выходит за рамки этого обязательства, когда исполнение обязательства предполагает большее, чем предполагалось изначально.

В случаях, когда ретентор своим исполнением переходит границу своего обязательства, причём в ущерб себе, ему даётся право не исполнять требование кредитора, пока не получит компенсацию за излишнее исполнение.

Сама сущность права удержания определяет его как право не исполнять обязательство, которое подлежит исполнению и которое носит временный характер. Наличие этого права зависит при этом не только от того требования, вследствие которого оно возникло, но и того требования, вследствие неисполнения которого реализуется право удержания. Право удержания (*ius retentionis*) является полноценным институтом обязательственного права.

На основе анализа источников римского права, в первую очередь Дигест Юстиниана, можно сформулировать следующие выводы об институте права удержания.

Ius retentionis не был сформирован в римском праве как единый, кодифицированный институт с четкими общими правилами. *Corpus Iuris Civilis* не содержит специального титула, ему посвященного. Право удержания представляет собой юридически защищаемую возможность (правомочие) не исполнять встречное требование об исполнении (чаще всего – о возврате вещи) до момента удовлетворения собственного имущественного требования ретентора.

Существуют следующие основания для возникновения *ius retentionis*. Во-первых, возмещение произведенных расходов на чужую вещь. Это наиболее распространенный случай, когда лицо, затратившее средства на сохранение или улучшение вещи, вправе удерживать ее до компенсации. Во-вторых, возмещение причиненных данной вещью убытков. В этом случае вещь, подлежащая возврату, сама стала источником вреда для ретентора.

Требование, обеспечиваемое удержанием, не имеет заранее известного и определенного должни-

ка. Обязанным лицом становится любой, кто предъявляет требование о возврате вещи. Требование ретентора возникает в отношении конкретного лица лишь в ответ на его притязание на вещь.

Право удержания вытекало из факта обогащения одного лица за счет расходов или ущерба другого. В ситуациях, где между сторонами существовало договорное отношение, требование о возмещении расходов могло защищаться как договорным иском, так и правом удержания. Однако эти средства защиты различались по сфере действия: иск был направлен только против контрагента по договору, тогда как право удержания могло быть применено против любого лица, истребующего вещь.

Ius retentionis в римском частном праве представлял собой гибкий правовой инструмент, основанный на принципах справедливости и предотвращения неосновательного обогащения. Он обеспечивал защиту имущественных интересов лица, понесшего расходы или убытки, связанные с чужой вещью, путем предоставления ему возможности фактического удержания этой вещи до получения компенсации.

Литература:

1. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. II. М.: Статут, 2002. 622 с.
2. Катков М.М. Понятие права удержания в римском праве. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1910. 177 с.
3. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. III. М.: Статут, 2008. 720 с.
4. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VI. М.: Статут, 2005. 563 с.
5. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 1. М.: Статут, 2005. 551 с.
6. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Пер. с лат Л.М. Штаерман; отв. ред. и сост. Л.Л. Кофанов. М.: Зерцало, 1998. 285 с.
7. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
8. Кодекс Юстиниана. Corpus Iuris Civilis. Vol. 2: Codex Iustinianus. M.: ARCHIVE PUBLICA, 2025. 543 с. URL: https://drevlit.ru/docs/vizantia/VI/Justinianus/Codex_Justinianus/text.php?ysclid=mg9avurzbh569381985,
9. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. IV. М.: Статут, 2004. 784 с.

The Right of Retention in Roman Private Law

Kobchikova E.V., Makarov T.G.
Kazan (Volga Region) Federal University
Sitnikova I.E.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

This article examines the institution of retention law, which arose quite early in Roman law and is known to almost all modern legal systems belonging to the continental legal family. The right of retention (ius retention) could be exercised in the performance of loan or pledge agreements, as well as in the event of a tort obligation. When writing, the authors relied primarily on the Corpus Iuris Civilis (Code of Civil Law), and, in particular, on the Digests of Justinian.

The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the institution of retention law in Roman private law based on primary sources, identifying its conceptual foundations, conditions of application and functional varieties. The objectives of the study are as follows: to reveal the content of the right of retention through the prism of legal thought reflected in the Digests of Justinian, to trace the evolution of this institution.

It was revealed that despite the fragmentary nature of the sources and the absence of a separate title in the Digests dedicated to this institution, we can rightfully say that there is a fully formed and developed institution of retention law in Roman private law.

The analysis of the right of retention in Roman private law provides a historical key for understanding and critically evaluating a similar institution in modern Russian civil law.

Keywords: Roman private law, right of retention, ensuring compliance with obligations, recovery of costs, retentor, obligor, creditor

УДК 340.142
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-202-206

Новизна в судебных правовых позициях: мифы и реальность

Краснов Александр Валерьевич
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственно
университета правосудия

Юсупов Айдар Аскарович
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского института (филиала) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

Проблема судебного правотворчества должна решаться на базе эмпирического материала и дифференциации судебных правовых позиций. Последние выполняют специфическую роль в правовом регулировании отношений, что требует взвешенного анализа без стремления выдавать желаемое за действительное. Цель статьи – формирование гипотетической научной модели разграничения новизны в правовом регулировании и толковании права в судебных правовых позициях. Авторы ставят такие задачи, как классификация правовых позиций по степени значимости, анализ правовых средств в норме права на предмет их толкования судами для формирования границ новизны в регулировании, дифференциация правовых позиций судов в связи с преодолением пробелов в праве. Отмечается особая роль суперпозиций Конституционного Суда РФ, которые должны применяться системно ко многим делам. В отношении смешанных правовых позиций отмечается недопустимость формулирования в судебном акте новых правовых средств. Авторы обозначают варианты толкования и применения права в зависимости от такого признания или непризнания, сопровождающегося выявлением конституционного смысла норм права.

Ключевые слова: *правовая позиция, суд, судебное правотворчество, правовое регулирование, пробел в праве, применение права, толкование права*

Для цитирования: *Краснов А.В., Юсупов А.А. Новизна в судебных правовых позициях: мифы и реальность // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 202–206. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-202-206.*

Правосудие в любом государстве представляет собой достаточно специфический сегмент государственной деятельности: суды, в силу их компетенции по рассмотрению и разрешению юридических дел и защите субъективных прав и законных интересов граждан и организаций, воспринимаются населением как наиболее близкая к нему ветвь государственной власти. При том, что правотворчество является высшей формой государственной деятельности, задающей общие параметры и стратегии

развития общественных отношений, тем не менее выработка практики применения права, в смысле правовых позиций по толкованию и применению норм права, сосредоточена главным образом в судебной деятельности. Важное практическое значение приобретает проблема обозначения общих алгоритмов в толковании и применении норм права судами, правильное понимание которой позволяет судам оставаться в рамках собственных полномочий, не переходя в пространство правотворчества.

Особые функции при этом выполняет Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ), чья деятельность связана с проверкой на соответствие Конституции РФ [1] нормативных правовых актов – как вступивших, так и не вступивших в юридическую силу, а также международных договоров [2]. Анализ постановлений КС РФ даёт возможность сформулировать гипотетическую научную модель соотношения таких феноменов, как толкование права и правовое регулирование.

На данный момент сложилось достаточно широкое сообщество правовых ученых, отстаивающих идею судебного правотворчества в России (А.Б. Венгеров [3, с. 388–417], П.А. Гук [4], М.Н. Марченко [5] и др.). Тем не менее, достаточно весомым остается и научная позиция, отрицающая такую возможность (С.В. Бошно [6], М.И. Байтин [7], В.В. Ершов [8] и др.).

Очевидно, что количество практических примеров для обоснования той или иной позиции, особенно в плане поддержки судебного правотворчества, не может быть заранее регламентировано и обуславливается объёмом исследования и здравым смыслом. То или иное научное суждение зачастую скорее имеет статус гипотезы. Современная наука предполагает одновременное существование нескольких моделей объяснения тех или иных феноменов или закономерных связей между явлениями [9]. Правовые позиции судов, которые рассматриваются как квинтэссенция правотворчества, неоднородны, и поэтому причислять сразу все из них к вводящим новизну в правовое регулирование представляется недостаточно обоснованным.

Феномен правовых позиций судов анализируется в научной литературе достаточно давно: с советского периода чаще употреблялся такой термин, как правоположение – и правоприменительное, и праворазъяснительное. После того как в законодательстве о Конституционном Суде РФ [2] появилось упоминание правовой позиции данного суда, использование последнего термина стало приоритетным. Постепенно праворазъяснительные правоположения Верховного Суда РФ (а до 2014 г. – и Высшего Арбитражного Суда РФ) также стали рассматриваться через призму правовых позиций. В некоторых случаях может использоваться и термин «позиция суда» [10, с. 16].

Более чем два десятилетия назад в правовой науке было сформулировано несколько точек зрения по поводу сущности правовых позиций: конструкция, демонстрирующая отношение суда к праву и применению его норм; результат аргументов и выводов суда; просто система правовых аргументов и общие ориентиры; при внешнем разнообразии указанные научные мнения достаточно близки по содержанию. В конечном счете позиция предстает как суждение, высказываемое судом по поводу наиболее оптимальных путей толкования и применения норм права, отличающееся логической и юридической обоснованностью [11, с. 56].

Следует иметь в виду, что легальное закрепление понятия правовой позиции в законодательстве отсутствует, как и содержательный анализ ее смысла в судебной практике. Сказанное отчасти затрудняет становление данного правового феномена, вызывая некоторую неопределенность. В то же время, как это ни парадоксально выглядит, правовые позиции имеют целью именно повышение уровня правовой определенности – посредством легального толкования права и властного закрепления его результатов в соответствующих судебных актах. Правовые позиции могут формулироваться судами исключительно в пределах их компетенции, выход за пределы которой может повлечь за собой пересмотр судебного акта, а в отношении КС РФ – сомнения в легитимности акта.

Основная часть. Если обратиться к правовым позициям КС РФ, то они могут носить индивидуальный, смешанный характер или представлять собой так называемые суперпозиции. В первом случае они касаются только конкретного дела в рамках конституционного судопроизводства (к примеру, определения КС РФ, касающиеся прекращения переписки с заявителем, устранения допущенных ошибок; правовых позиций, имеющих значение вне рамок конкретного дела, такие акты не содержат). Во втором, будучи сформулированными по конкретному делу, они превращаются в обязательные и общие в силу требований ст. 79 ФКЗ [2]. Суперпозиции, в свою очередь, высказываются по принципиальным вопросам и применяются системно к толкованию и применению больших совокупностей норм права.

Правовые позиции Верховного Суда РФ также неоднородны. Особое место занимают постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, а постановления коллегий по конкретным делам, хоть и используются в обзорах, формально не обладают статусом обязательности и не могут служить основанием для последующего пересмотра дел по новым обстоятельствам.

Собственно, указанная проблема носит не столько теоретический характер, сколько касается практической судебной деятельности. Представители судейского сообщества должны иметь достаточно

определённое представление по поводу рамок толкования права с тем, чтобы не выйти за пределы своей компетенции и не быть обвинёнными в принятии незаконных судебных актов.

Что касается суперпозиций КС РФ, то они должны учитываться судами при разбирательстве широкого спектра дел. Дело в том, что суперпозиция касается толкования, как правило, общеправовых принципов права, которые могут расширять понимание огромного числа норм права и выявлять новые смысловые связи. В качестве таких принципов могут быть, в частности, названы принципы стабильности права и правовой определенности; недопустимости злоупотребления правом; справедливости и гуманизма; уважения достоинства личности; соразмерности ограничения прав и свобод конституционно значимым целям; ответственности за совершенное деяние соответственно его реальной общественной опасности и пр. [12].

По поводу смешанных правовых позиций КС РФ отметим следующее. Важно иметь в виду, что правовое регулирование, как правило, понимается в контексте властной, направляющей деятельности, имеющей целью направить организуемые общественные отношения в чёткое русло [13, с. 51–52], с целью удовлетворения интересов субъектов правоотношений [14, с. 29–41], и осуществляется с помощью правовых средств, которые выступают в качестве элементов «правового конструктора». Толкование права, предметом которого выступает выявление воли законодателя при принятии нормативного правового акта, исходя из известных на данный момент положений теории права, направлено не на создание новых норм права, а на установление их истинного смысла. Исходя из этого, в рамках деятельности по толкованию права не должны появляться такого рода новые правовые средства, которые заключают в себе именно микромодели поведения – субъективные права, юридические обязанности, запреты, меры правового ограничения, меры государственного принуждения. При толковании могут быть найдены новые смысловые связи между нормами права при их системном, логическом, специально-юридическом, порой целевом толковании.

Нельзя считать новым правилом указание на расширение понимания микромодели поведения: здесь мы имеем дело не с новым правилом, а с вновь открывшейся благодаря толкованию смысловой связью модели поведения с возможными иными ситуациями, которые не рассматривались ранее как очевидные в сложившейся правоприменительной практике. Зачастую КС РФ указывает именно на устоявшийся в правоприменительной практике вариант понимания нормы права, корректируя его в сторону ограничения или расширения.

Так, в постановлении КС РФ от 06.11.2024 № 50-П [15] отсутствие чёткого срока для признания неиспользования земельного участка в целях индивидуального строительства признано не соответствующим ряду положений Конституции РФ по мотивам неопределённости состава административного правонарушения.

Сказанное во многом позволяет говорить о том, что стремление законодателя к определенности норм права далеко не всегда может быть достигнуто посредством повышения качеств юридической техники: без соответствующего сопровождения в рамках судебной и иной юридической практики выяснить все возможные смысловые связи и проявления правил поведения в полной мере представляется почти недостижимым.

Нельзя не обойти вниманием и использование аналогии закона и права в рамках толкования права в постановлениях КС РФ. Отметим, что преодоление пробелов характерно для применения права, однако по общему правилу результат аналогии не имеет обязательного значения для иных судов судебной системы, кроме того, который вынес соответствующее решение. Постановления КС РФ и в некотором смысле Пленума Верховного Суда РФ в этом плане составляют определённое исключение.

Если положения нормативных правовых актов признаны не соответствующими Конституции РФ, то они утрачивают юридическую силу, и суду в конкретном деле следует руководствоваться временным регулированием, обозначенным в постановлении КС РФ, либо самостоятельно преодолевать пробел.

В некоторых случаях, придя к выводу о неконституционности законоположений, Конституционный Суд воздерживается от признания их таковыми и в связи с этим утратившими силу, поскольку это создавало бы такой пробел в правовом регулировании, который в конкретном деле не может быть устранен прямым применением Конституции и который неизбежно привел бы к нарушению прав граждан (пример – ряд положений гражданского процессуального законодательства, регулирующих пересмотр в порядке надзора судебных актов [16]).

Преодоление пробела на основе общих начал и смысла законодательства в конституционно-судебных актах посредством истолкования принципов права во многом смыкается с поиском системных связей между принципами, которые могут быть использованы для разрешения правового вопроса, и теми нормами права, которые пусть и не регулируют сходные отношения, но способны в сочетании с принципом указать на общий путь аргументации с целью выявления правила поведения. В таком случае правотворческому органу нет необходимости казуально перечислять множество вариантов правил, обозначив либо конкретные запреты (при дозволительном типе правового регулирования), либо конкретные дозволения (при разрешительном типе правового регулирования).

Таким образом, «новизна» в правовом регулировании отношений, которая может содержаться в правовых позициях, должна быть скорректирована в своём содержании. По нашему мнению, новизна, как правило, может заключаться не столько в создании нового правила поведения (с творением новых субъективных прав, юридических обязанностей, запретов и пр.), а во вновь открытых в результате толкования права смысловых связях между нормами и принципами права. Насколько корректным будет отождествление смысловых связей с правотворчеством – вопрос неоднозначный. Очевидно, что «прецедентное» объяснение таких феноменов с позиций правовых традиций совершенно другой правовой семьи (англосаксонской) представляется по меньшей мере спорным. Возможно, в таком случае желаемое (судебное правотворчество) выдаётся за действительное при не самой чёткой базе аргументов. Исходя из общей логики и правил формулирования дефиниций, в этом случае либо нужно сформулировать принципиально новое понимание «российского судебного прецедента», либо выбрать иные объяснения феномена с формулированием новой категории (как это делают сторонники «судебной практики» как источника права, что в итоге выглядит более убедительно, хотя и не до конца обоснованно с учётом интерпретации самих источников права).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Гарант.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447. Ст. 3.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М.: Омега-Л, 2006. 608 с.
4. Гук П.А. Толкование и конкретизация норм и принципов права судебными органами // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2020. № 4 (56). С. 34–42. DOI: 10.21685/2072-3016-2020-4-4
5. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. 447 с.
6. Бошно С.В. Источники и формы права // Право и современные государства. 2022. № 4. С. 59–71. DOI: http://dx.doi.org/10.14420/ru.2022.4.3
7. Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
8. Ершов В.В. Регулирование правоотношений. М.: РГУП, 2020. 564 с.
9. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив: Монография. СПб.: Алетейя, 2024. 556 с.
10. Гумеров Л.А., Краснов А.В., Шарифуллин Р.А. Позиции судебного толкования в правовой системе России // Российское правосудие. 2019. № 12. С. 14–22.
11. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / Краснов А.В., Шарифуллин Р.А., Гумеров Л.А. и др.; под ред. Т.В. Губаевой и А.В. Краснова А. В. М.: РГУП, 2021. 160 с.
12. Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда Российской Федерации. Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ: «Предварительные итоги деятельности Конституционного Суда РФ на пороге 15-летия». URL: https://www.consultant.ru/law/interview/zorkin/ (дата обращения: 27.10.2025).
13. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. Казань: Спектр, 2000. 340 с.
14. Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Монография. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.11.2024 № 50-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан А.В. Баевой и И.В. Филькова» // СЗ РФ. 11.11.2024. № 46. Ст. 7030.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго» а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 12.02.2007. № 7. Ст. 932.

Novelty in Judicial Legal Positions: Myths and Reality

Krasnov A.V.
Kazan branch of the Russian State University of Justice
Jusupov A.A.
Kazan legal institute (branch) The All-Russian State University of Justice

The problem of judicial lawmaking should be addressed based on empirical data and the differentiation of judicial legal positions. The latter play a specific role in the legal regulation of relations, which requires a balanced analysis without wishful thinking. The purpose of this article is to develop a hypothetical scientific model for distinguishing between novelty in legal regulation and legal interpretation in judicial legal positions. The authors address such tasks as classifying legal positions by degree of significance, analyzing the legal means of a legal norm for their interpretation by courts to define the boundaries of regulatory novelty, and differentiating the legal positions of courts in connection with overcoming legal gaps. The special role of the superpositions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which should be applied systematically to many cases, is noted. With regard to mixed legal positions, the inadmissibility of formulating new legal means in a judicial act is noted. The authors outline options for the interpretation and application of the law depending on such recognition or non-recognition, accompanied by the identification of the constitutional meaning of legal norms.

Key words: legal position, court, judicial lawmaking, legal regulation, gap in the law, application of the law, interpretation of the law

УДК 347.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-207-211

Внебанкротная субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица

Набиуллин Разил Раилевич
Ассистент кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета

Сегодня классические правовые механизмы принудительного взыскания задолженности, ликвидации и банкротства (несостоятельности) зачастую оказываются неприменимыми или неэффективными в ситуациях, когда юридическое лицо-должник намеренно доводится своими контролерами до состояния фактической неспособности отвечать по своим обязательствам, после чего оно в административном порядке исключается из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) как недействующее, оставляя кредиторов с неудовлетворенными требованиями. Адекватным ответом законодателя на обозначенный вызов стало формирование и развитие в российской правовой системе самостоятельного и мощного правового института внебанкротной субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Целью настоящей статьи является формирование целостного представления об институте внебанкротной субсидиарной ответственности контролирующих лиц во всей совокупности его проявлений: от доктринальных основ до тонкостей правоприменения. Для достижения обозначенной цели в работе решается ряд научных и практических задач: провести анализ генезиса и эволюции института субсидиарной ответственности контролирующих лиц в российской правовой системе; осуществить анализ действующих нормативно-правовых оснований и условий привлечения к внебанкротной субсидиарной ответственности; провести исследование правовых позиций и выводов, изложенных в Обзоре практики Верховного Суда РФ 2025 г.; выявить проблемы и коллизии, сохраняющиеся в правоприменительной деятельности арбитражных судов.

Практическая ценность работы заключается в проведенном комплексном и системном изучении новейших тенденций судебной практики, нашедших свое концентрированное отражение в Обзоре практики Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2025 г., который представляет собой программный документ, призванный обеспечить унификацию судебных подходов на всей территории страны. В статье формулируется комплекс предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства и оптимизацию судебных процедур.

В процессе работы широко применялись методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системный и структурно-функциональный подходы, позволившие рассмотреть институт внебанкротной субсидиарной ответственности как сложную, динамичную систему.

Ключевые слова: *внебанкротная субсидиарная ответственность, контролирующие лица, административная ликвидация, недействующее юридическое лицо, Единый государственный реестр юридических лиц*

Для цитирования: *Набиуллин Р.Р. Внебанкротная субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица// Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 207–211. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-207-211.*

В период с 2014 по 2017 гг. в Российской Федерации произошли масштабные системные изменения гражданского и корпоративного законодательства, которые стали знаковым и переломным этапом в становлении и концептуальном оформлении института внебанкротной субсидиарной ответственности контролирующих лиц. К числу наиболее значимых новелл можно отнести введение в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [1] ст. 53.1, установившей ответственность лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, перед самим этим юридическим лицом, и ст. 64.2, регламентирующей последствия исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ, а также существенное дополнение Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [2] комплексом ст.ст. 61.11–61.19, которые предоставили кредиторам принципиально новое право требовать возмещения причиненных убытков непосредственно с контролирующих должника лиц во внесудебном порядке, то есть вне формальных рамок возбужденного и рассматриваемого судом дела о банкротстве. Тем не менее, указанные законодательные положения, многие из которых носят отсылочный, оценочный и недостаточно конкретный характер, объективно породили на первоначальном этапе их действия значительную правоприменительную неопределенность, противоречивость судебных подходов и, как следствие, правовой нигилизм. Суды различных инстанций столкнулись с необходимостью самостоятельного разрешения сложнейших практических вопросов: при каких конкретных условиях допустим «прорыв корпоративного завеса»; каковы материальные и процессуальные критерии установления вины контролирующего лица; каким образом должно быть справедливо распределено бремя доказывания в ситуации кардинального неравенства сторон спора в доступе к внутренней информации и документации о реальной деятельности должника.

Исключительно важным шагом на пути преодоления указанных коллизий и формирования единой, непротиворечивой и предсказуемой судебной практики стал разработанный и официально утвержденный Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 ноября 2025 г., далее в тексте — Обзор) [3]. Данный основополагающий документ не только систематизировал наиболее распространенные и проблемные ситуации, возникающие в судебной практике, но и предложил их комплексные, взвешенные и методологически выверенные решения, основанные на детальном анализе конкретных казусов, рассмотренных по существу Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Затрагивая доктринальный аспект вопроса, целесообразно отметить, что в настоящее время основной теорией исследуемой в данной статье субсидиарной ответственности контролирующих лиц, вне всякого сомнения, является деликтная теория [4, с. 61–62], в соответствии с которой в основе привлечения контролирующего лица к ответственности лежит юридический состав гражданского правонарушения (деликта): а) противоправное поведение в форме действия или бездействия контролирующего лица; б) причинение имущественного вреда (убытков) кредиторам юридического лица; в) причинно-следственная связь между противоправным поведением контролирующего лица и наступившими негативными имущественными последствиями для кредиторов; г) вина причинителя вреда.

Сегодня наблюдается тенденция последовательного оформления и признания именно деликтной модели ответственности контролирующих лиц. Первым концептуальным шагом стало введение в 2014 г. ст. 53.1 ГК РФ, которая установила принципиально важную норму об ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов его коллегиальных органов и иных лиц, определяющих его действия, за убытки перед самим этим юридическим лицом. Данная статья стала тем краеугольным камнем, на котором впоследствии было выстроено все здание ответственности контролирующих лиц перед кредиторами.

Ключевой, поворотной нормой для возникновения и развития собственно внебанкротной субсидиарной ответственности, особенно в случае административного исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ, стал п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [5], введенный в действие в 2017 г. Законодатель в этой норме совершил важнейшую юридико-техническую операцию, прямо приравняв факт исключения общества из реестра как недействующего к правовому отказу основного должника от исполнения своего обязательства перед кредитором. Данная юридическая фикция открыла прямой путь для применения к контролирующим лицам общих положений о субсидиарной ответственности, предусмотренных ст. 399 ГК РФ, при условии, что будет доказано, что неисполнение обязательств обществом было об-

условлено именно тем, что контролирующие лица действовали недобросовестно или неразумно. Таким образом, действующее законодательство позволяет кредиторам, «минуя долгие банкротные процедуры, удовлетворить свои денежные требования путем привлечения контролирующих общество лиц к субсидиарной ответственности» [6, с. 165].

Верховный Суд Российской Федерации в своем Обзоре 2025 г. недвусмысленно подтвердил и окончательно закрепил в качестве руководящей именно деликтную природу внебанкротной субсидиарной ответственности. В п. 9 Обзора прямо указано, что «долг, возникший из субсидиарной ответственности, подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота», а в п. 13 разъясняется, что «основанием для привлечения к ответственности является причинение вреда интересам кредиторов недобросовестными или неразумными действиями (бездействием) контролирующих лиц, которые надлежащим образом не завершили деятельность юридического лица». Таким образом, современная судебная практика окончательно консолидировалась вокруг понимания внебанкротной субсидиарной ответственности как правового механизма компенсации (возмещения) имущественного ущерба, причиненного кредиторам вследствие грубого нарушения контролирующими лицами своих обязанностей.

К числу первоначальных, объективных обстоятельств, которые должны быть установлены для рассмотрения вопроса о субсидиарной ответственности контролирующих лиц, относится, прежде всего, наличие юридически подтвержденной, непогашенной задолженности конкретного юридического лица-должника перед кредитором-истцом. В этом аспекте Обзор содержит крайне важное и практичное разъяснение: наличие у кредитора вступившего в законную силу судебного акта (решения, судебного приказа) о взыскании данной задолженности не является обязательным, безусловным условием для обращения с иском о привлечении к субсидиарной ответственности (п. 11 Обзора). Кредитор наделяется правом доказать сам факт наличия и точный размер своих требований к должнику непосредственно в рамках уже возбужденного дела о привлечении контролирующих лиц к ответственности, представив суду соответствующие и допустимые доказательства: подписанный сторонами договор, товарные накладные, акты выполненных работ или оказанных услуг, платежные поручения, акты сверки взаимных расчетов, подписанные уполномоченными представителями обеих сторон, иные первичные документы. Данное разъяснение имеет принципиальное значение для правовой защиты тех кредиторов, юридическое лицо-контрагент которых было исключено из ЕГРЮЛ до того, как кредитор успел обратиться в суд с иском о взыскании основного долга, оказавшись в правовом вакууме.

Для рассмотрения вопроса о субсидиарной ответственности контролирующих лиц также необходимо установить факт невозможности взыскания задолженности с основного должника в обычном гражданско-процессуальном порядке. При этом требуется доказать официальное исключение юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц в административном порядке как недействующего юридического лица либо фактическое, документально подтвержденное прекращение юридическим лицом любой хозяйственной и финансово-экономической деятельности. Верховный Суд РФ подчеркивает, что основанием для ответственности является доведение общества контролирующими лицами до такого имущественного состояния, при котором осуществление расчетов со всеми кредиторами в полном объеме стало невозможным, а кредиторы оказались лишены возможности удовлетворить свои требования в рамках процедур ликвидации или банкротства (п. 1 Обзора). Верховный Суд РФ подтверждает право кредитора обратиться с рассматриваемым иском до момента формального исключения должника из реестра, если им будут представлены неопровержимые доказательства фактического прекращения деятельности (п. 7 Обзора).

На первом этапе кредитор обязан представить суду убедительные и достаточные доказательства того, что привлекаемое к ответственности физическое или юридическое лицо (ответчик) входит в установленный законом круг лиц, которые могут нести субсидиарную ответственность. Этот круг определен в пп. 1–3 ст. 53.1 ГК РФ и включает: лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица (единоличный исполнительный орган, управляющая организация или управляющий); членов коллегиальных органов юридического лица (совет директоров, правление); иных лиц, которые в силу имеющейся у них фактической возможности определять действия юридического лица (в том числе давать обязательные для исполнения указания или возможность иным образом определять его действия) также признаются контролирующими.

Возможным ответчиком может быть единственный участник (акционер) общества, который одновременно является его единоличным исполнительным органом (генеральным директором). При этом Верховный Суд РФ указывает, что одно лишь совмещение в одном лице функций участника и руководителя само по себе не является достаточным и безусловным основанием для привлечения такого лица к субсидиарной ответственности (п. 6 Обзора).

Ответчиком может выступать миноритарный участник общества (например, владелец 10 % уставного капитала). По общему правилу, установленному в Обзоре, такой участник не признается и

не должен признаваться контролирующим лицом, поскольку формально он не обладает объемом корпоративных прав, достаточным для единоличного определения деятельности общества. Для возложения на него субсидиарной ответственности кредитор должен взять на себя активное бремя доказывания того, что именно этот миноритарный участник в конкретной ситуации реализовывал фактическое, определяющее влияние на принятие ключевых решений, вопреки своему формальному статусу (п. 15 Обзора).

В качестве ответчика может быть номинальный руководитель (директор-«подставное лицо»). Назначение такого лица на должность единоличного исполнительного органа не освобождает его автоматически от потенциальной субсидиарной ответственности, если будет установлено, что его назначение являлось составным элементом целенаправленной схемы по сокрытию личности реального, скрытого контролера и созданию искусственных препятствий для взыскания долгов кредиторами (п. 14 Обзора).

Обзор четко устанавливает следующее правило: после того как кредитор-истец успешно докажет суду совокупность трех базовых обстоятельств – 1) наличие задолженности, 2) недействующий статус должника, 3) факт контроля ответчика над этим должником – бремя дальнейшего доказывания по делу кардинальным и бесповоротным образом смещается на контролирующее лицо (ответчика). Именно ответчик отныне обязан представить суду исчерпывающие, убедительные и достоверные доказательства того, что: он действовал добросовестно, разумно и с должной осмотрительностью при управлении обществом и принятии всех значимых решений; невозможность общества погасить долги перед кредиторами была вызвана исключительно объективными, внешними факторами, не зависящими от его воли (например, резкое ухудшение рыночной конъюнктуры, действия непреодолимой силы (форс-мажор), недобросовестное поведение контрагентов, не связанное с действиями самого контролирующего лица); со своей стороны он предпринял все возможные и зависящие от него меры для надлежащего, цивилизованного и предусмотренного законом завершения деятельности общества (своевременная инициализация процедуры добровольной ликвидации с созданием ликвидационной комиссии, обращение в суд с заявлением о признании общества банкротом при наличии признаков неплатежеспособности и т.д.).

Завершая настоящее исследование, хочется акцентировать внимание на крайне важном выводе Верховного Суда РФ, отраженном в Обзоре, о том, что для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности кредитору необходимо доказать юридический факт наличия задолженности, недействующий статус должника и то обстоятельство, что контроль над должником осуществляло соответствующее контролирующее лицо.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. № 209-210.
3. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025). URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34902/?ysclid=mki99wv5lg268450010 (дата обращения: 17.01.2026).
4. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 48–67.
5. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 1998. № 30.
6. Лаптев В.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. № 1. С. 163–176.

Extrajudicial Subsidiary Liability of Controlling Persons for the Obligations of an Inactive Legal Entity

Nabiyullin R.R.
Kazan National Research Technological University

Today, classical legal mechanisms for the compulsory collection of debts, liquidation, and bankruptcy (insolvency) are often inapplicable or ineffective in situations where a debtor legal entity is deliberately brought to a state of actual inability to meet its obligations by its controllers. Subsequently, it is administratively excluded from the Unified State Register of Legal Entities (USRLE) as inactive, leaving creditors with unsatisfied claims. The legislator's adequate response to this challenge was the formation and development of an independent and powerful legal institution of extrajudicial subsidiary liability of controlling persons in the Russian legal system.

The purpose of this article is to form a holistic understanding of the institution of extrajudicial subsidiary liability of controlling persons in its entirety: from doctrinal foundations to the intricacies of law enforcement. To achieve this goal, the paper addresses several scientific and practical tasks: to analyze the genesis and evolution of the institution of subsidiary liability of controlling persons in the Russian legal system; to examine the current legal grounds and conditions for bringing to extrajudicial subsidiary liability; to study the legal positions and conclusions presented in the Review of the Supreme Court of the Russian Federation of 2025; to identify problems and conflicts remaining in the law enforcement activities of arbitration courts.

The practical value of the work lies in the comprehensive and systematic study of the latest trends in judicial practice, which found their concentrated reflection in the Review of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 19, 2025, which is a policy document aimed at ensuring the унификация of judicial approaches throughout the country. The article formulates a set of proposals aimed at improving the current legislation and optimizing judicial procedures.

In the course of the work, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, systemic and structural-functional approaches were widely used, allowing to consider the institution of extrajudicial subsidiary liability as a complex, dynamic system.

Keywords: extrajudicial subsidiary liability, controlling persons, administrative liquidation, inactive legal entity, Unified State Register of Legal Entities

УДК 347.964.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-212-217

Материальное содержание судебных приставов Российской империи в результате реформ Александра II

Никишов Дементий Владимирович
Аспирант кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета

Основная исследовательская проблема, поставленная в статье - оценка состояния системы материального содержания судебных приставов Российской империи, что актуально в условиях модернизации современного института исполнительного производства. Цель статьи: изучение системы поощрения судебных приставов Российской империи для возможной имплементации ее в современный институт исполнительного производства.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: изучить структуру материального содержания судебных приставов, раскрыть порядок оформления и распределения вознаграждения между судебными приставами, а также провести оценку эффективности сформированной системы поощрения.

Исполнительное производство играет важную роль в системе гражданского, арбитражного и административного процесса. Одним из аспектов эффективности данного института является заинтересованность кадров в усердном исполнении своих обязанностей. Автор показывает, что система поощрения судебных приставов дореволюционной России представляла собой комплексный механизм, в котором доход пристава во многом зависел от того, насколько результативно он исполнял возложенные на него поручения.

В данном контексте автор предполагает, что имплементация механизма поощрения судебного пристава Российской империи конца XIX – начала XX вв. в систему исполнения судебных решений современной России способна увеличить эффективность работы института исполнительного производства.

Ключевые слова: *исполнительное производство, денежное вознаграждение, судебные приставы, материальное содержание, временная такса, сумма иска*

Для цитирования: *Никишов Д.В. Материальное содержание судебных приставов Российской империи в результате реформ Александра II // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 212–217. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-212-217.*

Должность судебного пристава является одной из ключевых в российской судебной системе, так как позволяет исполнить решение суда и тем самым завершить процесс судебной защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений. Одним из аспектов, влияющих на эффективность института исполнительного производства, является система поощрения сотрудников, способная замотивировать их более усердно подходить к исполнению возложенных на них обязанностей. На данный момент, несмотря на положительную динамику, современная система исполнения судебных решений нуждается в дальнейшем развитии. Имеются все основания полагать, что обращение к историческому опыту способно модернизировать существующий механизм поощрения.

Тема исследования затрагивалась в работах отечественных ученых: В.В. Захарова, Д.В. Болдырева, Е.В. Гольцман и др. Авторы в данных работах поднимают проблемы: роли суда в исполнении судебных решений, соотношения системы награждения и системы ответственности, анализа общих и особенных характеристик пристава Российской империи и Российской Федерации. Вместе с тем вопрос материального содержания судебных приставов Российской империи нуждается в дальнейшем исследовании. Данное исследование основывается на материалах Государственного архива Республики Татарстан.

Основным источником правового регулирования материального содержания судебных приставов является Учреждение судебных установлений (далее – УСУ). Отделение второе главы первой девятого раздела данного нормативно-правового акта посвящено правам, преимуществам, а также обязанностям и ответственности судебных приставов. В данном отделении, прежде всего, следует обратить внимание на ст.ст. 312, 313 и 314, устанавливающие два ключевых элемента, составляющих денежное довольствие судебного пристава: содержание по штату и денежное вознаграждение по особой таксе [1, с. 207].

Содержание по штату было указано в приложении к ст. 238 УСУ, в расписании окладов содержания, и равнялось 600 руб. Согласно расписанию, 300 руб. из этой суммы составляли жалованье, 150 руб. – столовые, 150 руб. – квартирные. Несмотря на то что расписание подразумевало, что половина оклада пристава выдавалась на определенные расходы, нет оснований полагать, что расход выдаваемых средств каким-либо образом контролировался. При расчете окладов законодатель ставил перед собой цель создать условия, при которых материальное положение судебных чинов будет соответствовать важности занимаемой ими должности. В предоставлении чинам судебного ведомства средств приличного существования законодатель видел важное условие для привлечения к должности людей достойных. По расчетам, указанным в комментариях к УСУ, на содержание судебных чинов выделялось 9 млн руб. в год. Помимо привлечения компетентных кадров важным условием функционирования судебной системы законодатель признавал удержание кадров, так как заменить человека на должности, требующей значительного опыта, трудно. Для соблюдения данного условия предлагалось ввести систему надбавок, существовавшую в своде 1857 г. Однако система предусматривалась для председателей и членов судебных мест [1, с. 162].

Денежное вознаграждение по особой таксе, указанное выше, раскрывается в приложении к ст. 313 УСУ. Уже в мае 1866 г. выплата вознаграждения судебному приставу предусматривалась министерством юстиции как индивидуальная платежная система [2, с. 32]. Размер суммы награждения был напрямую связан с суммой иска. Такса предусматривалась за следующие действия: 1) доставление повесток; 2) все действия по производству описи движимого имущества; 3) сопоставление имущества с ранее созданной описью; 4) снятие и приложение печати; 5) опись недвижимого имущества; 6) передачу арестованного имущества или распоряжение о перенесении его в особое помещение; 7) переписку с казначейством, городской думой и другими учреждениями; 8) производство публичного торга; 9) переписку о взыскании штрафных денег; 10) действия по изъятию отсуженного движимого имущества; 11) личное задержание должника и доставление в место заключения; 12) предоставление выписок, копий из журнала, описи имущества и других документов; 13) совершение ввода во владение [1, с. 551].

Помимо суммы иска на размер таксы влияла и сама категория действий, осуществляемых приставом. Например, расчеты таксы, взимаемой при доставлении повесток и за опись движимого имущества, представлены в таблицах 1 и 2.

Расчет временной таксы за составление описи недвижимого имущества осуществляется аналогично. Размер таксы зависел от цены имущества. При цене до 1000 руб. размер таксы был равен 2 руб. 50 коп.

Таблица 1

Расчет временной таксы за доставление повесток, вызовов и всякого рода сообщений [1, с. 551]

Цена иска, руб.	Временная такса
Менее 2000	25 коп.
От 2000 до 5000	50 коп.
Свыше 5000	1 руб.
Цена не определена	50 коп.

Таблица 2

Расчет временной таксы за составление описи движимого имущества [1, с. 552]

Цена движимого имущества, руб.	Временная такса
25	25 коп.
50	50 коп.
100	1 руб.
200	2 руб.
300	3 руб.
400	4 руб.
500	5 руб.
От 500 до 5000 (за каждые 100 руб. сверх 500)	50 коп.
От 5000 до 25000 (за каждые 10000 руб. свыше 5000)	2 руб.
От 25000 (за каждую 1000 руб. свыше 25000)	1 руб.

При цене свыше 1000 руб. такса была равна 5 руб. Далее за каждую дополнительную 1000 руб. размер таксы увеличивался на 1 руб. После 5000 руб. за каждую 1000 руб. такса увеличивалась на 50 коп.

Для раскрытия вопроса материального содержания судебного пристава необходимо рассмотреть порядок распределения взимаемых по особой таксе денежных средств.

Следует обратить внимание, что помимо Устава гражданского судопроизводства (далее – УГС) и УСУ деятельность судебных приставов регулировали правила счетоводства и отчетности судебных установлений, а также особые наказы, разрабатываемые канцелярией каждого отдельного окружного суда. В данных нормативно-правовых актах рассматривается ряд организационных вопросов, связанных в том числе с материальным содержанием пристава.

В обозначенных выше наказах прописывалось, что деньги, полученные приставом от тяжущихся за соответствующие процессуальные действия, должны были передаваться два раза в месяц в казначейство под квитанции. Тяжущиеся также имели возможность внести деньги в кассу окружного суда. Квитанции затем подшивали в соответствующую отчетную документацию. В Казанском окружном суде данную роль выполняла квитанционная книга [3, л. 24]. Данные квитанции затем направлялись в окружной суд, в котором составлялась ведомость и направлялась в казначейство. Казначейство, в свою очередь сопоставляло данные окружного суда с имеющимися в наличии, составляло свою ведомость о соответствии данных и направляло в судебный департамент. Одновременно с этим окружной суд также направлял ведомости и квитанции в судебную палату. Старший председатель судебной палаты анализировал полученные данные и направлял письмо Министерству юстиции со всеми сведениями о полученных в пользу приставов деньгах. Министр юстиции «покорнейше просил» Старшего председателя судебной палаты распорядиться о распределении денежных средств. Последним шагом являлось издание определения о распределении денежных средств.

Распределение денежных средств между судебными приставами осуществлялось каждую треть года. Майская треть начиналась в январе и заканчивалась, соответственно, 1 мая. Однако следует обратить внимание, что определение о распределении денежных средств нередко издавалось лишь через несколько месяцев после завершения трети. Например, определение Казанской судебной палаты 1872 г. о распределении денежных средств между судебными приставами окружных судов Казанской судебной палаты было принято 29 июля [4, л. 70]. Соответственно, в этом случае судебный пристав получал вознаграждение за первую треть, обозначенное ст. 313 УСУ, только после 29 июля.

На примере указанного выше определения рассмотрим порядок расчета. При распределении денежных средств в первую очередь высчитывали вознаграждение судебного пристава палаты. Из общей суммы всех окружных судов выделялась треть. Получившуюся сумму делили на количество судебных приставов всех окружных судов. Итоговое число и обозначало вознаграждение судебного пристава палаты. Вознаграждение приставов палаты вычиталось из сумм вознаграждения приставов каждого окружного суда пропорционально.

После вычета из общей денежной массы вознаграждения пристава палаты производился расчет вознаграждения приставов окружных судов. Сумма, собранная приставами окружного суда, также делилась на три части. Первая треть делилась поровну между приставами окружного суда. Две оставшиеся распределялись между приставами в зависимости от количества исполненных дел и врученных повесток. В конце майской трети 1872 г. вознаграждение судебных приставов варьировалось от 49 руб. до 296 руб. [4, л. 73].

В определении окружного суда также было обозначено, что была установлена единая такса за каждую врученную повестку в размере 37 коп. Данное положение расходится с временной таксой, установленной в приложении к УСУ [4, л. 71].

Рассмотрим вознаграждение исполнителей судебных решений на двух примерах. Судебный пристав Казанского окружного суда Леонтьев за майскую треть 1872 г. исполнил 67 поручений по исполнительным листам и вручил 521 повестку (из возложенных на него 71 поручения и 521 повестки). Взыскано с тяжущихся в вознаграждение было 489 руб. 93 коп. Вознаграждение пристава составило 355 руб. 82 коп. В сентябрьскую треть возложено было 39 поручений и 323 повестки, исполнено – 42 и 323 соответственно. Взыскано 202 руб. 60 коп., вознаграждение составило 212 руб. 58 коп. За январскую треть Леонтьев исполнил 50 поручений по исполнительным листам и вручил 299 повесток. Возложено на него было 47 поручений по исполнительным листам и 299 повесток. Взыскано им было в вознаграждение 365 руб. 26 коп. За январскую треть его вознаграждение составило 296 руб. 10 коп. Итого с учетом оклада доход пристава Леонтьева за 1872 г. составил 1464 руб. 50 коп. [4, л. 13, 73].

Чтобы определить, следует ли обращаться к опыту Российской империи в построении системы поощрений судебного пристава, необходимо определить, являлась ли система исполнения судебных решений в пореформенной России эффективной. Для этого стоит обратиться к отчетным данным Казанской судебной палаты. Одним из показателей эффективности является процент исполненных решений за отчетный период. Данные по этому показателю представлены в таблице 3.

Таблица 3

Процент исполненных решений с 1872 по 1913 гг.

Год	Количество поручений, возложенных на судебных приставов		Количество поручений, выполненных судебным приставом		Сумма взысканная в награждение пристава, руб.
	Исполнительных листов	Повесток	Исполнительных листов	Повесток	
1872	1174	9552	1142	9552	7135,77
1874	1177	12937	1192	12937	8727,44
1875	1181	12516	1163	12516	9046,58
1876	1498	11945	1120	11945	8770,52
1877	1553	13187	1095	13187	9064,92
1882	1874	15738	1103	15738	11599,12
1887	1918	16868	1237	16868	9277,35
1900	2620	20277	1776	20277	10307,95
1909	3066	17339	1702	17339	10420,43
1913	2249	17479	2235	17479	11016,09

* Сост. по: 1872 г. – [4], 1874 г. – [5], 1875 г. – [6], 1876 г. – [5], 1877 г. – [6], 1882 г. – [7], 1887 г. – [8], 1900 г. – [9], 1909 г. – [10], 1913 г. – [11].

Процент исполнения решений варьировался от 55 до 101 %. Средний показатель – 78,3 %. Нельзя не отметить, что с ростом абсолютных показателей с течением времени процент выполненных поручений продолжает находиться в заданном выше диапазоне. В 1913 г. процент выполненных поручений по исполнительным листам составил примерно 99 %, при этом количество возложенных поручений по исполнительным листам на судебного пристава по сравнению с 1872 г. выросло приблизительно в 1,9 раза. Это позволяет нам говорить, что эффект низкой базы не является оправданием подобной эффективности.

Помимо процента исполненных решений, показателем, характеризующим эффективность, непосредственно, системы поощрения судебных приставов, является показатель текучести кадров. К сожалению, нам не удалось найти данные статистического отделения Министерства юстиции, посвященные этому показателю. Вопрос оценки текучести кадров нуждается в дальнейшем исследовании. Однако по материалам отчетов Казанской судебной палаты мы можем прийти к некоторым выводам. В ведомостях Казанской судебной палаты 1900 г. указано, что при Казанском окружном суде должность судебного пристава занимали 15 чел. [11, л. 12]. К 1913 г. судебные приставы Магнитский, Масляников, Петров, Трофимов, Иньков, Егоров, Мосолов, Попов и Панин продолжали работать при Казанском окружном суде [13, л. 3]. Данный факт говорит о том, что условия работы достаточно привлекательны, чтобы сотрудники с более чем десятилетним опытом работы были заинтересованы продолжать занимать данную должность, нежели чем искать работу в других ведомствах. Факт того, что 60 % численного состава составляют опытные сотрудники, позитивно сказывается и на эффективности работы системы исполнения судебных решений в целом.

В системе вознаграждения судебных приставов Российской империи можно выделить три проблемы. Первая связана с неоднородностью отчетной документации. По причине вольной интерпретации законодательства ведомости окружных судов сильно отличались друг от друга, что негативно сказывалось на точности данных и времени их обработки. Для решения данной проблемы распорядительным отделением Министерства юстиции был издан циркуляр от 25 июля 1874 г. В дополнение к нему был издан циркуляр от 21 марта 1875 г., в котором был разъяснен порядок сбора и распределения денежных средств в вознаграждение судебных приставов [5, л. 128]. Вторая проблема связана со сроками получения вознаграждения. Как уже указывалось выше, в 1872 г. определение о распределении вознаграждения судебных приставов за майскую треть было принято только 29 июля. Данная проблема так и не была устранена, так как, к примеру, определение о распределении вознаграждения за майскую треть 1913 г. было принято лишь 1 ноября этого же года [13, л. 128].

Третья проблема связана с общей непривлекательностью должности судебного пристава. Вопреки расхожему мнению Министерство юстиции было обеспокоено положением дел в системе исполнения судебных решений и не было удовлетворено показателями эффективности. Согласно письму директора законодательного отделения Министерства юстиции старшему председателю Казанской судебной палаты от 28 мая 1876 г. многие кандидаты на судебные должности были убеждены в несовместимости звания пристава с достоинством человека, получившего высшее образование. В качестве решения предлагалось возложить обязанность доставки повесток на судебных рассыльных и ограничить обязанность пристава по соблюдению порядка во время судебных заседаний. В ответ старший председатель указал, что освобождение от обязанности доставления повесток способно вызвать обратный эффект, так как вознаграждение за доставку повесток составляло значительную часть дохода судебного пристава. Взамен старший председатель предложил увеличить размер оклада до 1000 руб. [14, л. 8]. Оклад был увеличен только к 1912 г. и был равен 800 руб. [15, с. 165]. Однако стоит заметить, что к началу XX в. размер вознаграждения по ст. 313

УСУ заметно увеличился. Например, за январскую треть 1913 г. судебный пристав Агеноров получил 524 руб. Масляников 568 руб., Трофимов же получил 1046 руб. Общая сумма вознаграждения приставов составила 4417 руб. 19 коп. [16, л. 133], что почти в 2 раза больше, чем общая сумма за майскую треть 1872 г., которая была равна 2358 руб. 29 коп. Исходя из вышесказанного, нельзя говорить, что доходы судебных приставов с течением времени уменьшились или остались неизменными.

Таким образом, обращение к историческому опыту крайне важно не только для выявления и аккумуляции традиций отечественной системы исполнения судебных решений, но и для дальнейших парадигмо-формирующих исследований [17, с. 187]. Поощрение судебных приставов Российской империи выстраивалось по сложной, комплексной системе, сочетающей в себе как обыкновенный оклад, так и вознаграждения, зависящее от проделанной работы. Несмотря на ряд недостатков, данная система являлась достаточно эффективной. Грамотная имплементация данной системы в современный институт исполнительного производства позволит увеличить эффективность работы системы исполнения судебных решений, а также положительно скажется на привлекательности должности судебного пристава. Однако для более точной оценки эффективности системы награждения судебных приставов требуются дополнительные исследования по вопросу текучести кадров окружных судов Российской империи.

Литература:

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений на коих они основаны. Ч. III. СПб., 1867. 567с.
2. Болдырев Д.В. Материальное обеспечение судебных приставов в Российской империи во второй половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии) // Вестник РУДН. История России. 2013. № 3. С. 31–40.
3. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 2.
4. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 13.
5. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 28.
6. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 34.
7. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 40.
8. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 51.
9. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 118.
10. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 189.
11. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 580.
12. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 131.
13. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. 1 Д. 227.
14. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 1. Д. 42.
15. Гольцман Е.В. Институт судебных приставов в России в контексте государственно-правовых реформ второй половины XIX в. и конца XX – начала XXI в. (историко-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. М, 2023. 220 с.
16. Государственный архив Республики Татарстан Ф. 51. Оп. 7. Д. 227.
17. Захаров В.В. Суд и исполнение судебных решений в дореволюционной России (1864–1917 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 186–192.

The Financial Support of Bailiffs of the Russian Empire as a Result of the Reforms of Alexander II

Nikishov D.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The main research problem posed in the article is the assessment of the state of the bailiff's financial support system in the Russian Empire, which is relevant in the context of the modernization of the modern institution of enforcement proceedings. The purpose of the article is to study the system of encouragement

of bailiffs of the Russian Empire for its possible implementation in the modern institution of enforcement proceedings.

To achieve the purpose of the study, the following tasks were set: to study the structure of the bailiffs' financial support, to reveal the procedure for registration and distribution of remuneration among bailiffs, as well as to evaluate the effectiveness of the incentive system formed.

Enforcement proceedings play an important role in the system of civil, arbitration and administrative proceedings. One of the aspects of the effectiveness of this institute is the interest of personnel in diligent performance of their duties. The author shows that the system of encouraging bailiffs in pre-revolutionary Russia was a complex mechanism in which the bailiff's income largely depended on how effectively he performed the tasks assigned to him.

In this context, the author suggests that the implementation of the mechanism for encouraging bailiffs of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries in the system of enforcement of court decisions in modern Russia can increase the efficiency of the institution of enforcement proceedings.

Keywords: enforcement proceedings, monetary compensation, bailiffs, financial support, temporary tax, amount of the claim

УДК 340.125
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-218-222

Соотношение праксеологического и социологического подходов к пониманию юридической ответственности

Рязанова Марина Николаевна
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Ларионова Нина Борисовна
Старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

В представленной статье сопоставляются два доминирующих в отраслевых юридических науках методологических подхода – социологический и праксеологический. Авторы сосредоточились на установлении совпадений и различий в теоретической трактовке термина «юридическая ответственность», который приобрёл многозначный характер. В результате в статье сформулирован вывод о том, что в социологии права сложились очевидные мировоззренческий и ценностный аспекты, в то время как в правовой праксеологии доминирует технологический и управленческий характер. В качестве определяющих методов научного исследования стали формально-логический и аналитический методы. Также были задействованы отдельные частнонаучные методы (юридический позитивизм, правовая праксеология, правовой инструментализм). В комплексе названные методологические ориентиры позволили выделить принципиальные отличия социологического и праксеологического понимания юридической ответственности. Авторы отмечают в качестве основного вывода тот факт, что российские правоведы стремятся необоснованно совмещать указанные методологические подходы, что может приводить к дефектам правопонимания.

Ключевые слова: *философия права, праксеология, правоприменительная практика, правовое регулирование, теория права, социология права, социологический подход*

Для цитирования: *Рязанова М.Н., Ларионова Н.Б. Соотношение праксеологического и социологического подходов к пониманию юридической ответственности // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 218–222. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-218-222.*

Развитие российского законодательства по различным аспектам юридической ответственности активизировало в научном сообществе проведение отраслевых исследований, в которых основными методологическими приёмами стали достижения праксеологических и социологических учений

правопонимания. Вместе с тем в теоретико-правовом выражении отмеченные направления обладают как общими, так и отличительными характеристиками, нередко игнорируемыми в российском правоведении, поскольку названные концепции отрицают эффективность формально-догматического восприятия правовых явлений и процессов.

Как известно, юридическая ответственность выражается в комплексе сложных правовых механизмов. Последние изменения в законодательстве Российской Федерации демонстрируют влияние практики [1] и тенденций, вызванных переосмыслением противоправности деяний [2]. Поэтому в социологических трактовках ответственность рассматривается в качестве динамичного элемента общества [3, с. 4], а в праксеологических интерпретациях она сводится к инструменту выстраивания эффективной правотворческой и правоприменительной деятельности [4, с. 11].

В точности в социологическом подходе юридическая ответственность отождествляется с определённым фактом социальной жизни человека вне зависимости от текстуальных особенностей конструирования норм права [5, с. 325]. Главным образом сторонники данной теории трактуют ответственность в плоскости отношений между людьми, социальными группами, что требует исследования их реакции на то или иное правонарушение [6, с. 13].

Отсюда фактическая позиция общества на поведенческий акт вне его формальных нормативных характеристик представляет основной интерес в социологических концепциях, что сводит суть ответственности к мерам защиты общественных связей, где негативное правовое последствие важно не само по себе в силу указаний закона, а лишь в целях социальных способностей по восстановлению равновесия в отношениях и удовлетворения общественных запросов, базирующихся на правосознании [7, с. 82]. Поэтому в выделенной научной трактовке изучаются лишь те правовые механизмы, которые реализуются с учётом традиций, конфликтов, психологических, исторических и иных факторов, сложившихся в определённом социуме [8, с. 78].

В праксеологическом подходе право всегда толкуется в качестве инструмента для определённой деятельной активности человека, что позволяет раскрыть праксеологию в призме совокупности научных подходов к эффективной деятельности [9, с. 7]. Тем самым юридическая ответственность в таком теоретическом ракурсе представляет собой технологию, выражаемую как деятельный процесс по достижению определённых целей, включая общую и частную превенцию, наказание, исправление и т.д. [10, с. 59] Ответственность воспринимается праксеологами в плоскости практического алгоритма по эффективной реализации правовых норм субъектами с профессиональным статусом (юристами, судьями, должностными лицами правоохранительных органов) [11, с. 122]. При этом индикаторами подобного измерения выступают разнообразные ресурсы (экономические затраты, кадровый потенциал, временные затраты и др.).

Таким образом, ценность соотношения праксеологического и социологического подходов заключается в формировании объёмного полноценного содержания юридической ответственности с учётом не только отраслевой нормативной специфики, но и разнообразия теоретико-правовых направлений, опосредующих практический эффект правового регулирования. В социологическом восприятии ответственность всегда оценивается в плоскости её необходимости обществу, в то время как в праксеологии она является лишь способом организации человеческой деятельности. В свою очередь, сравнительный анализ данных концепций позволяет понять, какими эффективными средствами должна достигаться указанная социальная цель.

В социологии права юридическая ответственность оценивается со стороны всего общества, а в правовой праксеологии – изнутри самого деятельного процесса. Поэтому в социологических исследованиях стратегически определяется необходимый обществу тип ответственности, а в праксеологических наработках выявляется применимость данного типа с учётом его недостатков.

Впрочем, между анализируемыми методологическими концепциями имеются фундаментальные сходства, которые побуждают многих учёных использовать их в комплексе [12; 13]. Так, оба теоретических подхода объединяет критическое отношение к нормативизму, в котором законодательные предписания расцениваются как непреложная истина. Поэтому юридическая ответственность выводится за рамки абстрактных норм права, формализованных в тех или иных законах.

Социологический и праксеологический подходы проецируются на правовую действительность, в которой норма либо реализуется, либо остаётся формальным правилом, а равно сами люди либо реагируют, либо игнорируют правонарушение [14, с. 41]. Более того, происходит выявление эффективности деятельности, направленной на привлечение виновного лица к мерам ответственности [15, с. 160].

Собственно, деятельностный характер юридической ответственности, вытекающий из её активной правовой природы, является связующим звеном анализируемых концепций. В частности, она понимается в качестве процесса, протекающего только при взаимодействии людей: в социальных отношениях, в которых общество и социальные группы реагируют на неправомерное поведение (социологическая составляющая), или в деятельности уполномоченных органов и виновного лица (праксеологический эффект) [16, с. 63].

Аналогичным образом названные подходы объединяет функциональность в виде нацеленности юридической ответственности на определённый результат, что наделяет их утилитарными свойствами. Вследствие этого выделение функций, выполняемых в правовой реальности, происходит не в силу нормативных конструкций, а по механизмам восстановления социальной справедливости и защиты общества от девиаций (в социологической трактовке) либо по достижению целей наложения неблагоприятных правовых последствий, которые эффективно управляются людьми (в праксеологическом понимании) [17, с. 165].

Поэтому социологическая и праксеологическая концепции всецело основываются на восприятии права, реально действующего и регулирующего жизнь общества, в силу чего содержание юридической ответственности может отличаться от законодательных положений. Вследствие отмеченной особенности выводы сторонников данных подходов опираются на прочную эмпирическую базу, т.е. на факты, выработанные в правовой реальности: общественное мнение с проведением опросом и наблюдением за социальными группами – в социологическом измерении [18, с. 18]; анализ статистики судебных решений, сроков рассмотрения дел и хронометричность процессуальных действий – в праксеологических исследованиях [19, с. 26].

Вместе с тем различия указанных концепций необходимо выводить из целеполагания и методов. Прежде всего, у них не совпадает предмет исследований. В социологическом подходе акцент сделан на общественных отношениях, возникающих по поводу факта правонарушения. Из этого в центре внимания учёных находятся социальные группы, их реакции, интересы, конфликты, включая влияние ответственности на социальную структуру [20, с. 239]. Напротив, в праксеологическом подходе за основу берётся лишь деятельность субъектов правоотношений, нередко выражающаяся в процессах, в которых совершаются разнообразные действия судей, следователей, правонарушителей, пострадавших и других лиц [21, с. 83].

Отсюда следует обозначить различие в базовых понятиях. Если в социологических теориях ответственность рассматривается в качестве социального факта, обстоятельства общественной жизни и разновидности социального контроля, то в праксеологии ключевым концептом выступает эффективность действий. Поэтому в праксеологических подходах юридическая ответственность может существовать исключительно как инструментальная технология, достигающая поставленных целей с минимальными затратами ресурсов на деятельную активность человека.

В свою очередь, не совпадают методики подобных оценок, ведь эффективность юридической ответственности в социологической трактовке приравнивается к общественному признанию (легитимации), при котором она укреплена в культуре и не может вызывать массового неприятия у людей. В праксеологическом измерении ответственность должна быть свободна от влияния человеческих представлений о морали и нравственности. Тем самым её эффективность сочетается с оперативностью реализации мер, затраты на которые приводят к осязаемому результату в виде исправления личности или восстановленных субъективных прав. Поэтому забюрократизированность, создающая излишние барьеры, приводит к малым результатам и провоцирует дефекты юридической ответственности.

В социологических исследованиях доминируют качественные и количественные методы социальных наук, к числу которых относятся:

1) опросы для выявления общественного мнения;

2) проведение интервью с осуждёнными и специалистами-практиками;

3) наблюдение за поведением людей в зале суда или в местах отбывания наказаний;

4) анализ статистики преступности, ранжируемой по социальному положению правонарушителей, и др.

В праксеологии преимущественно используются достижения теории управления и кибернетики, что проявляется в возможности моделирования т.н. «правоприменительных циклов», анализа хронометража юридических процессов, поиска оптимальных алгоритмов принятия правоприменительных решений и т.д.

Таким образом, главной целью применения социологического подхода к пониманию юридической ответственности стало достижение социального равновесия, что обязывает исследователей установить, как с помощью правовых мер негативного характера общество поддерживает себя, управляет девиациями и преодолевает нанесённый социальный вред. В праксеологическом направлении выявляется возможность совершенствования работы по привлечению виновных лиц к юридической ответственности, что предполагает поддержание правовой системы с отлаженными механизмами правореализации, в которых отсутствуют излишние условия и абстрактные цели.

Следует констатировать, в социологии права очевидны мировоззренческий и ценностный аспекты, в то время как в правовой праксеологии преобладают технологический и управленческий векторы. В силу этого данные концепции нельзя смешивать из-за разных плоскостей восприятия юридической ответственности.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4635.
2. Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ № «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (Ч. I). Ст. 8524.
3. Назарова Е.В. Понятие юридической ответственности как социального феномена // Социальное и пенсионное право. 2007. № 4. С. 6–10.
4. Альбов А.П., Пищулин А.В. Юридическая ответственность как компонент правовой реальности // Современный юрист. 2023. № 2 (43). С. 8–23.
5. Орфаниди Н.И. Анализ юридической ответственности как разновидности социальной ответственности // Образование и право. 2024. № 4. С. 325–328.
6. Алексеева Л.А. К вопросу о признаках юридической ответственности как ответственности социальной // Современное общество и право. 2023. № 2 (63). С. 12–18.
7. Лантух Э.В., Покровская Н.В., Турова В.Е. Юридическая ответственность как особая разновидность социальной ответственности: проблемные аспекты // Юридическая гносеология. 2025. № 5. С. 82–87.
8. Ларинбаева И.И. Правовая ответственность в структуре правового поведения и социальной ответственности // Евразийский юридический журнал. 2024. № 9 (196). С. 77–79.
9. Гильмуллин А.Р. Понятие правовой ответственности в контексте рационально-эгалитарной теории права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4 (66). С. 6–16.
10. Одинокова А.В. Теоретико-правовое познание функций юридической ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 3. № 71. С. 56–60.
11. Терещенко Д.С. Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления // Антиномии. 2022. Т. 22. № 1. С. 109–130.
12. Горлач М.Ю. Прогнозирование развития юридической ответственности и отказа от её реализации как социобиологических явлений // Аграрное и земельное право. 2023. № 12 (228). С. 12–14.
13. Алексеева Л.А., Каплунов А.И. Этические основы принципов юридической ответственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 13–19.
14. Зорина Е.М., Оганесян С.М. Двухаспектность юридической ответственности // Журнал правовых и экономических исследований. 2025. № 2. С. 35–43.
15. Чучман И.М. О влиянии социологического типа правопонимания на российскую правоприменительную практику // Образование и право. 2025. № 9. С. 159–165.
16. Горбунов М.Д. К критике механистичности ответственности в праве // Евразийский юридический журнал. 2023. № 4 (179). С. 63–64.
17. Кузнецов А.А. Философско-правовое представление о сущности и содержании категории «ответственность» и её трансформация в условиях современной картины мира // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 161–173.
18. Бошно С.В. Социологические методы в правовых исследованиях (на примере правовой доктрины) // Право и современные государства. 2024. № 1. С. 18–32.
19. Ланг П.П., Петрова Я.О. Правовая праксиология: ценностная система координат // Юридическое образование и наука. 2023. № 6. С. 25–28.
20. Ангел О.Ю. Сущность социологического подхода к изучению и пониманию права. Социологические методы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 237–244.
21. Семьянов Е.В. Логика юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 81–85.

Comparison of Praxeological and Sociological Approaches to Understanding Legal Responsibility

Ryazanova M.N., Larionova N.B.
Kazan branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

This article compares two dominant methodological approaches in legal disciplines (sociological and praxeological). The authors therefore identify similarities and differences in theoretical understandings of legal liability. As a result, the article concludes that the sociology of law has clearly defined ideological

and value-based aspects. However, legal praxeology is dominated by technological and managerial theories. Formal-logical and analytical methods became the defining methods of scientific research. Certain specific scientific methods (legal positivism, legal praxeology, and legal instrumentalism) were also employed. Together, these methods helped the authors identify the fundamental differences between the sociological and praxeological understandings of legal liability. The main conclusion is that Russian legal scholars tend to unjustifiably combine these methodological approaches. This often leads to flaws in legal understanding.

Key words: philosophy of law, praxeology, law enforcement practice, legal regulation, theory of law, sociology of law, sociological approach

УДК 346.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-223-227

Практика конституционализации земельного законодательства и ее механизм

Сафин Завдат Файзрахманович
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета

Хабибуллина Гульнара Рушановна
Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования обусловлена объективно-субъективным процессом конституционализации отраслевого законодательства, обеспечение которого законодатель возлагает на Конституционный Суд Российской Федерации. Цель исследования заключается в обосновании значения конституционализации в подсистеме конституционной юрисдикции. Научная и практическая значимость работы выражается в том, что на примере интерпретационной практики Конституционного Суда Российской Федерации, складывающейся при проверке конституционности земельного законодательства, выявляется универсальная структура судебного механизма конституционализации. Результатом исследования выступает определение основных элементов судебного механизма конституционализации применительно к сфере земельного законодательства, а также условий его надлежащего функционирования.

Ключевые слова: *Конституционный Суд Российской Федерации, конституционализация, интерпретационная практика*

Для цитирования: *Сафин З.Ф., Хабибуллина Г.Р. Практика конституционализации земельного законодательства и ее механизм // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 223–227. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-223-227.*

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1] оказал существенное влияние на модернизацию института конституционного контроля. В частности, К.М. Худолей обращает внимание на то, что конституционная реформа обусловила самое массовое изменение законодательства о Конституционном Суде Российской Федерации и конституционном судопроизводстве, причем самое значительное изменение наблюдается в порядке его организации и деятельности [2, с. 121]. Вместе с тем А.Г. Гатауллин и А.М. Хурматуллина считают, что в сфере судебной власти произошло заметное увеличение объема полномочий Конституционного Суда Российской Федерации [3, с. 97]. В свою очередь, В.А. Кряжков подчеркивает, что названный Закон РФ раскрыл конституционно-правовую природу Конституционного Суда Российской Федерации, а значит, объективировал его

сущностные черты и признаки [4, с. 20, 21]. Данную позицию разделяет и З.И. Алиева [5, с. 9].

Несмотря на кардинальные изменения в своем правовом положении, Конституционный Суд Российской Федерации не утратил своей функции по конституционализации отраслевого правового регулирования, включая земельное законодательство.

По мнению А.Г. Кузьмина, конституционализация подразумевает встраивание законодательства в непротиворечивую правовую систему, основанную на верховенстве Конституции Российской Федерации [6, с. 92] Т.Я. Хабриева характеризует конституционализацию как процесс конкретизации и освоения конституционных норм и ценностей в действующем законодательстве [7, с. 14–20]. И.А. Кравец рассматривает конституционализацию как проникновение норм и принципов Конституции в отраслевое законодательство, главным образом посредством интерпретационной деятельности высшего органа конституционного правосудия [8, с. 119–120].

Следует отметить, что в правовой действительности сформированы общие предпосылки для конституционализации сферы правового регулирования земельных отношений, поскольку в Конституции Российской Федерации и Земельном кодексе Российской Федерации имеются нормы, предполагающие установление взаимных двусторонних связей между конституционными и земельно-правовыми нормами.

В частности, одна из формулировок основ конституционного строя о земле как основе жизни и деятельности народов (ч. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации) непосредственно отражается в содержании основного принципа земельного законодательства, имеющего двухуровневую реализацию. Именно к этой формуле обращается Конституционный Суд Российской Федерации при осуществлении конституционного контроля в сфере законодательного правового регулирования земельных отношений. Например, Конституционный Суд Российской Федерации при проверке на конституционность в том числе п.п. 1 и 3 ст. 76 Земельного кодекса Российской Федерации применил положения ч. 1 ст. 9 и ч. 2 ст. 36 Конституции Российской Федерации о земле «в единстве с провозглашенными в конституционной преамбуле целью обеспечить благополучие нынешнего и будущих поколений и ответственностью перед ними» (п. 2 Постановления от 06.12.2024 № 56-П [9]). Или при проверке на конституционность в том числе ст. 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» были использованы преамбула, ч. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации в связке с положениями Земельного кодекса Российской Федерации в контексте возложения на собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков обязанности проводить мероприятия по защите земель (п. 4 Постановления от 30.05.2023 № 27-П [10]).

Отражением конституционализации этой сферы правового регулирования выступает предметная официальная интерпретационная практика, которая, как полагает Д.Т. Бараташвили, выражается в деятельности уполномоченных на то субъектов по установлению и разъяснению правовых предписаний, взятая в единстве с накопленным юридическим опытом, осуществляемая в определенной процессуальной форме и направленная на вынесение обязательных для адресатов решений, закрепляемых в официальных правовых актах-документах [11]. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации способствуют применению действующих правовых норм, которые соответствуют Конституции РФ, обеспечивают единообразие в практике правоприменения и направлены на формирование, развитие и улучшение действующего законодательства [12, с. 112].

Значимую роль в формировании интерпретационной практики играет судебная власть, которая располагает для этого необходимым инструментарием, включая судебный механизм конституционализации. Его общая характеристика заключается в следующем.

Во-первых, основным субъектом конституционализации сферы правового регулирования земельных отношений, помимо законодателя, выступает Конституционный Суд Российской Федерации (его участниками также выступают суды общей юрисдикции, которым согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.09.1995 № 8-П «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [13], вменяется при рассмотрении дел оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия). Конституционный Суд Российской Федерации уполномочен осуществлять сверку норм Конституции России и земельного законодательства, обеспечивая тем самым воплощение конституционных установлений в соответствующих законодательных актах.

Во-вторых, объектом конституционализации выступают нормы земельного права, содержащиеся в актах земельного законодательства (федерального, регионального), являющиеся предметом проверки при осуществлении конституционного нормоконтроля. К примеру, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11.07.2024 № 29-П [14] п. 3 ст. 6 и п. 1 ст. 39.20 Земельного

кодекса Российской Федерации были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 19 (ч. 1), ст. 35 (чч. 1–3), ст.ст. 36 и 55 (ч. 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования и в их судебном истолковании они создают неопределенность в вопросе о предоставлении земельного участка в собственность или в аренду лицам, являющимся собственниками частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), которые расположены в границах таких участков, отвечают признакам объекта недвижимого имущества и зарегистрированы в установленном порядке. Соответственно, федеральному законодателю предписывается, исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций, принять меры к устранению выявленной неопределенности правового регулирования.

Объектом конституционализации также может выступать судебная и иная правоприменительная практика, связанная с применением оспариваемых норм земельного права и законодательства. Так, в Постановлении от 05.03.2020 № 11-П [15] Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что реализация положений подпунктов 4 и 5 п. 1 ст. 57 Земельного кодекса Российской Федерации – как свидетельствует правоприменительная практика – допускает возможность неоднозначной интерпретации их нормативного содержания, которая обусловлена, кроме прочего, отсутствием необходимой ясности в вопросе о правовой природе предусмотренного этой статьей института возмещения убытков при ограничении прав правообладателей земельных участков и, соответственно, о природе юридических оснований для компенсации, в частности, за правомерные действия органов государственной власти или органов местного самоуправления, которые носят по отношению к правообладателям земельных участков принудительный характер, – несмотря на то что законодательные предписания в сфере гарантий права собственности должны обладать максимальной степенью ясности, не допускающей противоречивого их толкования в правоприменительной практике.

Надлежащее функционирование механизма конституционализации сферы правового регулирования земельных отношений опирается на последующие согласованные действия представителей законодательной, исполнительной и судебной ветви власти по исполнению принятых решений высшего органа конституционного правосудия, основанных на требованиях ст. 80 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [16].

Кроме того, юридической гарантией рассматриваемого механизма выступает принцип ответственности за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения органа конституционного правосудия в порядке, установленном федеральным законодательством (например, ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [17], ст. 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [18]).

Конституционализация, в том числе в сфере законодательного регулирования земельных отношений, характеризуется возникновением коллизий между правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации [19, с. 351]. Наглядным примером служат противоположные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации относительно правового режима лечебно-оздоровительных местностей и курортов, созданных до 30 декабря 2013 г., что сказалось на разных подходах к оборотоспособности соответствующих земельных участков у Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии [20, с. 50, 51], что сохранялось до вступления в силу Федерального закона от 04.08.2023 № 469-ФЗ [21].

Итак, судебный механизм конституционализации в сфере законодательного регулирования земельных отношений имеет следующую структуру: субъект в виде высшего органа конституционного правосудия; объекты в виде норм земельного права и законодательства, а также практики их применения; юридические гарантии его надлежащего функционирования.

Литература:

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС Гарант.
2. Худолей К.М. Изменения в законодательстве о Конституционном Суде РФ// Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 120–132.

3. Гатауллин А.Г., Хурматуллина А.М. К вопросу об изменении статуса Конституционного Суда Российской Федерации в связи с вступившей в силу поправкой к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 97–99.
4. Кряжков В.А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32.
5. Алиева З.И. Изменение правового статуса Конституционного Суда РФ в свете конституционной реформы 2020 года // Вестник Академии права и управления. 2021. № 4 (65). С. 7–11.
6. Кузьмин А.Г. Судебный нормоконтроль как форма конституционализации законодательства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3. С. 89–95.
7. Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 14–20.
8. Кравец И.А. Российская Конституция и конституционализация правового порядка (некоторые вопросы теории и практики) // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 119–120.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2024 № 56-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 76 Земельного кодекса Российской Федерации и пунктов 1 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Карьер Приморский». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_492516/ (дата обращения: 10.08.2025).
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448265/ (дата обращения: 10.08.2025).
11. Бараташвили Д.Т. Принципы официального юридического толкования: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 31 с.
12. Лунева Е.В., Бикеев А.А. Сущность правоположений Конституционного Суда Российской Федерации и их роль в нормотворческой деятельности // Власть Закона. 2016. № 4 (28). С. 101–113.
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.09.1995 № 8-П «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 1995. 28 декабря.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.06.2024 № 29-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Ермака». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478469/ (дата обращения: 20.08.2025).
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347128/ (дата обращения: 12.08.2025).
16. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Парламентская газета. 2002. № 2-5.
19. Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова: монография / Под ред. Р.А. Ромашова, М.В. Барановой. М.: Проспект, 2025. 576 с.
20. Лунева Е.В. К вопросу о правовом режиме земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов // Закон. 2023. № 10. С. 46–58.
21. Федеральный закон от 04.08.2023 № 469-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6201.

The Practice of Constitutionalizing Land Legislation and Its Mechanism Federation

Safin Z.F., Khabibullina G.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic is determined by the objective-subjective process of constitutionalizing sectoral legislation, the enforcement of which the legislator assigns to the Constitutional Court of the Russian Federation. The aim of the study is to substantiate the significance of constitutionalization within the subsystem of constitutional jurisdiction. The scientific and practical significance of the work lies in the fact that, based on the interpretative practice of the Constitutional Court of the Russian Federation formed during the review of the constitutionality of land legislation, a universal structure of the judicial mechanism of constitutionalization is identified. The result of the study is the definition of the main elements of the judicial mechanism of constitutionalization applicable to the field of land legislation, as well as the conditions for its proper functioning.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, constitutionalization, interpretative practice

УДК 343.140.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-228-233

Доступность правосудия в уголовном процессе в условиях цифровизации

Сорока Владимир Сергеевич
Помощник судьи Кировского районного суда
города Казани Республики Татарстан (Казань)

Актуальность статьи обусловлена активным внедрением цифровых технологий в уголовный процесс, что ставит задачу обеспечения доступности правосудия и сохранения его гуманистических ценностей в условиях цифровизации. Исследование посвящено изучению влияния цифровизации на доступность правосудия в уголовном процессе. Особое внимание уделяется сохранению баланса между использованием цифровых технологий и соблюдением базовых ценностей уголовного правосудия. Уголовный процесс характеризуется социальной обусловленностью и гуманизмом, который выражается в обеспечении доступности правосудия, что особенно актуально в условиях технологических инноваций. Автор приходит к выводу, что внедрение цифровых технологий несёт как положительные эффекты, так и вызывает дополнительные проблемы, такие как цифровое неравенство. Для эффективного решения вопросов доступности правосудия необходимы: развитие электронного документооборота; автоматизация обработки сообщений о преступлениях; поддержка пользователей, испытывающих трудности с использованием цифровых технологий. Цифровые преобразования требуют комплексного подхода, сочетающего развитие новых технологий и сохранение гарантий прав граждан.

Проведенное исследование обогащает научную литературу по уголовному процессу и цифровизации правосудия, выявляя ключевые факторы, влияющие на доступность правосудия в условиях интенсивного внедрения цифровых технологий. Представленные выводы помогают глубже понять механизмы воздействия цифровизации на реализацию прав граждан, обеспечивая тем самым научную базу для дальнейшей разработки теории и практики судопроизводства. Предложения автора направлены на улучшение доступности правосудия и включают конкретные меры по усовершенствованию уголовного процесса. Среди них – развитие электронного документооборота, автоматизация обработки сообщений о преступлениях и поддержка пользователей, сталкивающихся с трудностями при использовании цифровых технологий. Практическая реализация этих предложений может способствовать повышению эффективности и открытости судебной системы, улучшая качество оказания юридических услуг гражданам. Статья обладает высокой актуальностью, так как впервые детально анализирует проблему доступности правосудия в контексте цифровой трансформации, предлагая оригинальные пути её решения. Выводы и рекомендации могут использоваться для улучшения практики судопроизводства, разработки новых норм законодательства и образовательных программ для работников правоохранительных органов и адвокатов.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, доступность правосудия, цифровизация, цифровые технологии, доказывание, искусственный интеллект*

Для цитирования: *Сорока В.С. Доступность правосудия в уголовном процессе в условиях цифровизации // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 228–233. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-228-233.*

Характеризуя уголовный процесс как социально детерминированную систему, акцентируем внимание на его гуманистической природе – качестве, которое представляется нам наиболее существенным для изучения влияния цифровизации на уголовный процесс в категориях системного взаимодействия, когда технологическая формализация противостоит формализации человеческой, и важно найти разумный баланс между применением цифровых инструментов, с одной стороны, и фундаментальными ценностными ориентирами уголовной юстиции – с другой.

Но главным воплощением гуманистических начал судопроизводства является принцип доступности правосудия, а это значит, что именно данный принцип наиболее уязвим в процессах технологической интервенции цифровых инструментов в уголовно-процессуальную сферу. Проблематизация доступа к правосудию в цифровой среде предполагает выявление и анализ системных противоречий, возникающих при внедрении цифровых технологий в сферу правосудия, и поиск концептуальных решений, которые могли бы обеспечить баланс между технологическим прогрессом и фундаментальными правами человека, защищаемыми уголовной юстицией.

Как специфический атрибут развитой правовой системы, доступность правосудия гарантирует возможность каждого лица, независимо от социального статуса, материального положения или иных факторов, реализовать право на справедливое судебное разбирательство. В научной литературе доступ к правосудию рассматривается как многокомпонентный принцип, включающий не только формальное право обращения в суд, но и реальную возможность инициировать производство, участвовать в нем и добиваться справедливого результата [1–3].

Так, в контексте уголовного судопроизводства доступность правосудия состоит из следующих компонентов:

1) обеспечение равенства перед законом и судом – все участники уголовного процесса должны иметь равные возможности для защиты своих прав и законных интересов;

2) гарантия права на защиту – обвиняемый имеет право на квалифицированную юридическую помощь, включая бесплатную защиту в предусмотренных законом случаях;

3) территориальная доступность – организация системы судов таким образом, чтобы обеспечить физическую доступность правосудия для всех граждан;

4) процессуальная доступность – процедуры судопроизводства должны быть понятными для участников процесса, а правовая информация – ясной, недвусмысленной, исключающей инотолкование;

5) экономическая доступность – отсутствие чрезмерных судебных издержек, которые могли бы стать препятствием для обращения в суд;

6) темпоральная доступность, или своевременность рассмотрения дел – разумные сроки судопроизводства без неоправданных задержек;

7) обеспечение права на обжалование судебных решений – возможность пересмотра дела вышестоящими судебными инстанциями и исправления судебных ошибок, допущенных в первой инстанции.

Таким образом, доступность правосудия в уголовном судопроизводстве способствует реализации принципа справедливости, повышает доверие общества к судебной системе, выступает гарантией от судебных ошибок и произвола, а также обеспечивает необходимый баланс между интересами государства в борьбе с преступностью и защитой прав личности.

Лишенное доступности правосудие превращается в бессмысленный ритуал, становится лишь иллюзией справедливости – пустой формальностью, утратившей свою истинную ценность для общества. Это подобно построению больницы, в которую невозможно попасть пациентам, когда внешне учреждение существует, но никому никакой пользы не приносит. В отсутствие доступности правосудие перестает выполнять свою основную функцию по разрешению конфликтов и восстановлению нарушенных прав и, как следствие, утрачивает общественное признание, воспринимается в качестве инструмента сохранения привилегий, что порождает правовой нигилизм и в конечном счете подрывает основы государственности, так как граждане перестают видеть смысл в соблюдении законов, которые защищают не всех. К тому же недоступное правосудие не способно оказывать превентивное воздействие на потенциальных правонарушителей, поскольку они осознают малую вероятность наступления ответственности, что неизбежно приводит к росту правонарушений и ослаблению правопорядка в обществе.

С учетом указанных обстоятельств считаем закономерным, что именно проблемы доступности правосудия стали предметом первоочередного об-

суждения правоведами и юристами-практиками, сосредоточившими внимание на внедрении цифровых технологий в систему уголовной юстиции. Так, например, доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий обстоятельно изучен Т.А. Топилиной [4].

Автор предлагает концептуальное разграничение:

– доступ к правосудию – это внутренний (внутрисистемный) фактор, обеспечивающий достижение правосудия, поскольку является составной частью самого уголовного судопроизводства и обеспечивается в его пределах;

– доступность правосудия – это внешний объективный фактор, обеспечивающий достижение правосудия, поскольку обеспечивается за пределами уголовного судопроизводства; комплексный показатель, с помощью которого производится оценка возможности граждан защищать свои права в суде.

Специфика доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве обусловлена наличием двух видов споров: 1) уголовно-правового спора о виновности лица в совершении преступления; 2) уголовно-процессуальных споров о законности и обоснованности правоприменения.

По статистически подтвержденным наблюдениям Т.А. Топилиной, вопреки конституционной обязанности государства обеспечить потерпевшим доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ), существуют следующие системные проблемы, препятствующие доступу к правосудию для потерпевших:

– незаконные отказы в приеме и регистрации сообщений о преступлениях;

– затягивание сроков доследственной проверки;

– незаконные отказы в возбуждении уголовного дела;

– незаконные и необоснованные решения о приостановлении и прекращении уголовных дел.

По аргументированному мнению автора, в условиях цифровизации эти проблемы могут быть преодолены либо смягчены. Ключевым выводом данной работы можно считать положение о необходимости совершенствования обеспечения доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий путем:

– создания и внедрения единой цифровой платформы для взаимодействия граждан с государственными органами по возбуждению и расследованию уголовного дела в электронном виде, что позволит решить проблему низкой информированности населения о порядке реализации прав и обжалования решений;

– отказа от стадии возбуждения уголовного дела и проведения доследственной проверки сообщения о преступлении с целью оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства и автоматизации принятия решения о начале предварительного расследования;

– законодательных изменений, направленных на устранение ограничений доступа к правосудию:

• закрепление права на подачу сообщения о преступлении в электронном виде;

• закрепление оснований для возвращения жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ;

• предоставление права на рассмотрение кассационной жалобы на промежуточное судебное решение в порядке сплошной кассации;

• предоставление возможности заинтересованным лицам приносить непосредственно в суд заявление о возбуждении производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств [4].

Обратим внимание, что хотя исследование Т.А. Топилиной фокусируется преимущественно на потерпевших, методологические подходы и практические рекомендации, сформулированные автором, обладают значительным потенциалом для экстраполяции на всех участников уголовного процесса. Универсальность предложенных решений обусловлена тем, что цифровые платформы и инструменты взаимодействия с правоохранительной системой по своей природе нейтральны к процессуальному статусу пользователя. Кроме того, многие идентифицированные автором барьеры доступа к правосудию (например, проблемы обжалования процессуальных решений, сложности информационного взаимодействия с правоохранительными органами) в равной степени затрагивают интересы всех участников уголовного судопроизводства, независимо от их процессуальной роли. Этим же обстоятельством обусловлено то, что с точки зрения влияния цифровизации разграничение доступности и доступа к правосудию не является релевантным, поскольку в обоих случаях внедрение цифровых инструментов дает целый ряд положительных эффектов по сравнению с традиционной, доцифровой средой уголовного судопроизводства.

Анализ научных исследований и практики применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве позволяет выявить несколько взаимообусловленных проблемных пунктов в данной области: 1) неэффективность начального этапа уголовного судопроизводства; 2) цифровое неравенство; 3) фрагментация информационных систем; 4) идентификация и аутентификация участников процесса; 5) правовые и процессуальные пробелы регулирования; 6) риски для процессуальных гарантий; 7) технологические риски; 8) ограниченные возможности прокурорского надзора и статистического учета.

Как видно из данного перечня, внедрение цифровых технологий само по себе не столько создает новые, ранее не известные проблемы, сколько видоизменяет, модернизирует среду доступа к правосудию по сравнению с традиционной, также не свободной от целого ряда проблем.

Например, критическим элементом доступа к правосудию современная процессуальная доктрина признает начальный (досудебный) этап уголовного судопроизводства. В частности, стадия возбуждения уголовного дела зачастую превращается в «квазирасследование», которое может длиться месяцами и завершаться отказом в возбуждении уголовного дела [5, с. 223, 226–227].

Использование цифровых инструментов может обеспечить смену текущей концепции начального этапа уголовного судопроизводства, а именно:

– рассматривать досудебное производство как государственную услугу;

– внедрить электронную систему приема и регистрации сообщений о преступлении с автоматизированной маршрутизацией и фиксированием процессуальных сроков, что позволит исключить неоправданную волокиту, а также формализовать сроки и мотивировку отказов и усиление прокурорского реагирования на начальной стадии;

– применять технологии искусственного интеллекта для первичного отбора сообщений при соблюдении прозрачности алгоритмов [3, с. 71–72; 5, с. 228, 231].

В традиционной среде существовала также и проблема неравного доступа к правосудию, которая затрагивала главным образом граждан, проживающих в удаленных и малодоступных местностях, на Крайнем Севере, либо маломобильных граждан с ограниченными возможностями здоровья. В свое время одним из способов решения данной проблемы стало возрождение мировой юстиции, следовавшей принципу размещения мировых судей на местах, территориально приближенных к населению.

По мере перевода процессуальных действий в цифровой формат барьерами, непосредственно ограничивающими доступ к правосудию, становятся социально-экономические и географические различия в доступе к технологиям. В данном контексте формируется понятие цифрового неравенства: это «нарушение принципа равенства всех перед законом и судом, допущенное в связи с применением цифровых технологий в организации взаимодействия граждан с органами, осуществляющими уголовное судопроизводство» [6].

Цифровое неравенство проявляется на нескольких уровнях:

1. Уровень доступа к цифровым технологиям (первый уровень) связан с физической возможностью использования необходимых технических средств и инфраструктуры. Он включает:

– наличие или отсутствие необходимых устройств (компьютеров, смартфонов, планшетов) для цифрового взаимодействия;

– доступность стабильного высокоскоростного интернет-соединения;

– территориальное неравенство (различия между городскими и сельскими районами в доступе к цифровой инфраструктуре);

– материальные возможности приобретения технических средств.

2. Уровень различия в специфике использования цифровых технологий (второй уровень) определяется степенью выработанности умений и навыков работы в цифровой среде:

– наличие у граждан навыков использования цифровой среды;

– цифровая грамотность и способность эффективно использовать доступные технологии;

– возможность самостоятельного заполнения электронных форм, подачи заявлений;

– умение использовать электронную цифровую подпись и другие средства идентификации.

3. Уровень предоставленных цифровым пространством возможностей (третий уровень) касается различий в способности извлекать пользу из цифровых технологий:

– доступность предоставленных государством и частными компаниями сервисов для цифрового взаимодействия;

– возможность использования преимуществ цифрового взаимодействия для защиты своих прав;

– способность получать информацию о ходе рассмотрения дела через электронные сервисы;

– возможность дистанционного участия в процессуальных действиях.

Таким образом, при полном переходе на цифровые процедуры лица без доступа к цифровым сервисам или без навыков работы с ними будут лишены фактической возможности подачи заявлений, получения информации и участия в дистанционных процессуальных действиях.

В качестве путей решения обозначенной проблемы предлагается комплекс таких мер, как

– сохранение параллельных традиционных каналов доступа (личный прием, почта, телефон) и обеспечение права выбора формата обращения;

– создание простых, мультимодальных интерфейсов и локальных пунктов доступа; внедрение мобильных приложений и офлайн-пунктов в регионах;

– реализация программ обучения и тьюторской поддержки, обеспечение доступного оформления заявлений и помощи при подаче через ЕСИА, в том числе посредством специальных сервисов для лиц с ограниченными возможностями здоровья [6, с. 42–45].

Таким образом, внедрение цифровых технологий в уголовный процесс приносит как преимущества, так и новые вызовы, важнейшим из которых является цифровое неравенство. Для обеспечения доступности правосудия необходимо комплексное развитие электронного документооборота, автоматизация обработки сообщений о преступлениях и поддерж-

ка пользователей, испытывающих трудности с цифровыми технологиями. Сохранение баланса между технологиями и основными ценностями правосудия остается центральной задачей, требующей постоянного мониторинга и доработки правовых норм и административных процедур.

Литература:

1. Гамалей А.А., Осипова Е.А.Доступность правосудия и условия его реализации // Право. 2023. № 4. С. 24–28. DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-24-28.
2. Кондюрина Ю.А. Доступность правосудия как условие эффективности системы электронного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 137–141.
3. Масленникова Л.Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 70–87.
4. Топилина Т.А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 32 с.
5. Масленникова Л.Н., Собенин А.А. Об итогах научно-практической конференции «Обеспечение доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий» // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12. С. 221–231.
6. Задорожная В.А. Цифровое неравенство в доступе потерпевших к уголовному правосудию: дефиниция понятия // Виктимология. 2022. Т. 9. № 1. С. 40–48. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10904.

Accessibility of Justice in Criminal Proceedings in the Context of Digitalization

Soroka V.S.
Kirovsky District Court of Kazan Republic of Tatarstan (Kazan)

The relevance of the article is due to the active introduction of digital technologies into the criminal process, which sets the task of ensuring the accessibility of justice and preserving its humanistic values in the context of digitalization. The study is devoted to the study of the impact of digitalization on the accessibility of justice in the criminal process. Particular attention is paid to maintaining a balance between the use of digital technologies and respect for the basic values of criminal justice. The criminal process is characterized by social conditioning and humanism, which is expressed in ensuring the accessibility of justice, which is especially important in the context of technological innovation. The author concludes that the introduction of digital technologies has both positive effects and causes additional problems, such as digital inequality. To effectively address the issues of accessibility of justice, it is necessary to: develop electronic document management; automate the processing of crime reports; support for users experiencing difficulties using digital technologies. Digital transformation requires an integrated approach combining the development of new technologies and the preservation of guarantees of citizens' rights.

The conducted research enriches the scientific literature on the criminal process and the digitalization of justice, identifying key factors affecting the accessibility of justice in the context of the intensive introduction of digital technologies. The presented conclusions help to better understand how digitalization affects the realization of citizens' rights, thereby providing a scientific basis for further development of the theory and practice of judicial proceedings. The author's proposals are aimed at improving the accessibility

of justice and propose specific measures aimed at improving the criminal process. Among them are the development of electronic document management, automation of crime reporting, and support for users who face difficulties using digital technologies. The practical implementation of these proposals can contribute to increasing the efficiency and openness of the judicial system, improving the quality of legal services provided to citizens. This article is important because for the first time it examines in detail the problem of accessibility of justice in the context of digitalization, offering original ways to solve it. The findings and recommendations can be used to improve judicial practice, develop new legislation, and provide educational programs for law enforcement officials and lawyers.

Keywords: criminal proceedings, accessibility of justice, digitalization, digital technologies, evidence, artificial intelligence

УДК 343.241
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-234-237

Критерии и факторы, влияющие на установление размера наркотических средств или психотропных веществ для квалификации преступлений

Сундурова Оксана Федоровна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ» (Казань), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Целью исследования является определение критериев и факторов, влияющих на установление размера наркотических средств и психотропных веществ (далее наркотиков) при совершении преступлений, связанных с их незаконным оборотом. При написании работы автор использует логический, статистический, формально-юридический методы исследования. В статье акцентировано внимание на критериях и факторах, влияющих на установление размера наркотиков и квалификацию преступлений, связанных с их незаконным оборотом: 1) систематизированы и уточнены критерии определения размера наркотиков, выявлены проблемы и противоречия в действующем законодательстве; 2) предложены подходы к унификации методологии установления размера наркотиков, которые обеспечат единообразие квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; 3) проанализирован междисциплинарный аспект, который включает не только юридическую, но и химико-фармакологическую стороны. В настоящее время требуется дальнейшая корректировка классификации размеров наркотических веществ с учетом современных реалий и появления новых синтетических препаратов. Проведенное исследование вопросов определения количества наркотиков в рамках уголовного законодательства имеет важное научное и прикладное значение, так как оно обогащает теоретические основы уголовного права и способно применяться в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: *размер наркотического средства, психотропные вещества, аналоги, бумажный носитель, нейтральный наполнитель, экспертиза, уголовная ответственность, квалификация, сбыт*

Для цитирования: *Сундурова О.Ф. Критерии и факторы, влияющие на установление размера наркотических средств или психотропных веществ для квалификации преступлений// Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 234–237. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-234-237.*

Размеры наркотических средств (значительный, крупный и особо крупный) установлены в примечании 2 к ст. 228 УК РФ, согласно которому они утверждаются Правительством РФ. Актуальность темы учета размеров наркотиков в статьях УК РФ обусловлена несколькими аспектами, которые затрагивают правоприменение, социальные процессы и государственную политику в сфере противодействия их незаконному обороту. Необходима дальнейшая адаптация размеров наркотиков к современным реалиям, учитывая появление новых синтетических наркотиков. Основным нормативным актом, регулирующим эти размеры, является Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 [1], точные и обоснованные критерии размеров которого обеспечивают единообразие правоприменения, минимизируя субъективизм и ошибки в судебной практике.

Размеры наркотических средств (значительный, крупный и особо крупный) напрямую влияют на квалификацию преступлений по статьям УК РФ (ст. ст. 228–229[1], 231). Размер наркотика в статьях УК РФ является дифференцирующим признаком, влияющим на степень общественной опасности преступления: в одних составах преступлений размер запрещенных средств является признаком основного состава преступления, например, значительный размер в ст. 228 УК РФ, крупный размер – в ст.ст. 228[3], 228[4], 231 УК РФ. В п. «д» ч. 2 ст. 229, п. «в» ч. 2 ст. 229[1] УК РФ значительный размер предусматривается как квалифицирующий признак, а в ст. 228[1] УК РФ – особо квалифицирующий признак; в ч. 2 ст. 228 УК РФ крупный размер – квалифицирующий признак, в п. «г» ч. 4 ст. 228[1], п. «б» ч. 3 ст. 229, ч. 3 ст. 229[1] УК РФ – особо квалифицирующий признак; особо крупный размер в ч. 2 ст. 228[3], п. «в» ч. 2 ст. 228[4], п. «в» ч. 2 ст. 231 УК РФ – квалифицирующий признак, в ч. 3 ст. 228, ч. 5 ст. 228[1], ч. 4 ст. 229, п. «б» ч. 4 ст. 229[1] УК РФ – особо квалифицирующий признак.

К критериям установления размеров наркотиков относятся: масса наркотика; содержание активного вещества (без учета примесей наполнителей или растворителей); вид наркотика; его тип. Градация размеров запрещенных средств обеспечивает соразмерность ответственности тяжести деяния, позволяя законодателю и правоприменителю учитывать масштаб их незаконного оборота при квалификации и назначении наказания. Разные наркотики имеют разные пороговые значения для значительного, крупного и особо крупного размеров. Эти размеры дифференцированы для каждого вещества, так как опасность их применения и распространенность различаются. Список веществ и их размеры пересматриваются в случае появления новых наркотиков, изменения характера наркопреступности или выявления несоответствий в правоприменительной практике. Например, в 2004 г. использовалось понятие средней разовой дозы, которое позже было признано некорректным и заменено на категории значительный, крупный и особо крупный размер.

На основе экспертных заключений и предложений от профильных ведомств Правительство РФ принимает постановление, в котором указываются конкретные массы для каждого вещества. Например, для героина, значительный размер – от 0,5 г, крупный – от 2,5 г, особо крупный – от 1000 г; для марихуаны, соответственно, от 6 г, от 100 г, от 1000000 г.; для амфетамина: от 0,2 г, от 1 г, от 200 г; для ЛСД: от 0,0001 г, от 0,005 г, свыше 0,1 г, что отражает высокую психоактивность последнего [1].

Возникновение новейших соединений и методов их реализации, включая использование цифровых платформ, обусловливает необходимость постоянного внесения изменений в классификацию запрещенных препаратов и установленных объемов. При установлении новых синтетических веществ, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, определение размера затруднено.

Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 определяет значительный, крупный и особо крупный размеры для наркотических средств и для наркосодержащих растений (их частей с содержанием наркотических средств) для целей ст.ст. 228, 228[1], 229 и 229[1] УК РФ [1]. Для растений (их частей) с содержанием прекурсоров наркотических средств крупный и особо крупные размеры не закреплены. Отдельное постановление Правительство РФ приняло для определения (крупного и особо крупного) размеров наркосодержащих растений для целей ст. 231 УК РФ [2]. Для целей ст.ст. 228[1], 228[4] и 229[1] УК РФ, согласно ч. 2 примечания к ст. 228[3] УК РФ, крупный и особо крупный размеры прекурсоров наркотических средств, растений (их частей) с содержанием прекурсоров определяются Правительством РФ [3].

Таким образом, квалификация рассматриваемых составов преступлений зависит от установленного Правительством РФ размера запрещенных средств.

В судебной практике возникают вопросы при установлении размера наркотических средств, обнаруженных в смеси. Требования к установлению этого размера содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 [4], согласно которому, если наркотическое средство или психотропное вещество из списка II или III состоит в смеси с любым нейтральным веществом, то установление их размера осуществляется без учета объема нейтрального вещества [4] Для смесей и растворов, содержащих наркотические вещества из списка I, масса наркотика определяется по общей массе смеси. Если вещество не включено в перечень, но оно является аналогом, его размер определяется по аналогии с основным веществом.

В судебной практике встречаются ошибочные выводы об определении размера растений рода конопля как особо крупного на основании размеров, установленных для содержащегося в их составе наркотического средства тетрагидроканнабинола [5, с. 28]. Желательно для целей правового регулирования и экспертизы массы наркотика в смесях рассчитывать исключительно на основе содержания чистого активного вещества, исключая вес нейтральных наполнителей, растворителей или иных неактивных компонентов.

К критериям, влияющим на установление размеров, относятся: точность проведенной судебно-химической экспертизы; характеристика вещества, то есть его физическое состояние (жидкое, твердое, растительное и синтетическое), которое влияет на методику измерения [6, с. 288–290]; умысел, место и способ изъятия наркотиков; учет положений

международно-правовых актов, а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ об установлении размера запрещенных средств при их нахождении в смеси или на носителе.

От судебно-химической экспертизы зависит точность установления размера, особенно при микродозах или при анализе смеси с неоднородным составом, что представляется важным при квалификации содеянного. Списки с размерами запрещенных средств не всегда учитывают изменения в составе и концентрации активных веществ в наркотиках, что влечет ошибки в квалификации преступлений. Особенно такие вопросы возникают, когда вес наркотического средства находится на границе двух размеров. В таких случаях экспертам следует прикладывать документы о поверке оборудования, на котором устанавливается вес запрещенных средств [7].

При рассмотрении уголовного дела Судебная коллегия Верховного Суда РФ предписала определение доли запрещенного вещества в смеси. У лица обнаружили 221 г каннабиса и 613 г растений с тетрагидроканнабинолом. Действия виновного квалифицированы по ч. 3 ст. 228 УК РФ (особо крупный размер). Поскольку при проведении экспертизы не установлена масса тетрагидроканнабинола в растениях, суд не учел это вещество в приговоре. В результате действия лица были переквалифицированы на ч. 2 ст. 228 УК РФ (крупный размер) [8].

Спорным является вопрос об определении объема наркотика или иного запрещенного вещества нанесенного на бумажный растительный или другой носитель. К ним следует относить бумагу, картон, марку, жевательную резинку, табак, листья ромашки и др. Чаще всего эксперты указывают объем наркотика или психотропного вещества по общему их весу, то есть с учетом носителя. Судебная коллегия Верховного Суда РФ в 2024 г. дала разъяснение по установлению веса наркотика, нанесенного на нейтральный наполнитель, а также признала отсутствие законодательного регулирования установления размера наркотического средства при его нанесении на бумагу. Московский городской суд действия Р. квалифицировал по п. «б» ч. 4 ст. 229^1 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что экспертизой определена общая масса всех веществ в количестве 19,57 г, включая перфорированную бумагу и наркотик массой 0,07 г, отнесенный к Списку I постановления Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 [1]. Суд первой инстанции исходил из того, что бумага и наркотическое средство ЛСД являются смесью. По мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, такой вывод суда не является обоснованным.

Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [9], не включает разновидность такого препарата, как соединение запрещенных средств с бумажным, растительным или иным носителем, на который оно нанесено определенным способом. В нем указано о препаратах, полученных при соединении наркотика, психотропного вещества с жидкими или сухими нейтральными компонентами. Поэтому бумага, на которую нанесен ЛСД, признается в качестве вещества, масса которой должна входить в общий размер наркотического средства, в рассматриваемом постановлении не указана. Судебная коллегия сделала вывод, что следует исходить из веса наркотика, который составил крупный размер [10].

По нашему мнению, следовало бы дополнить п. 4^1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 и изложить его в следующей редакции: «В случаях, когда наркотическое средство или психотропное вещество из списка I (или списков II или III) нанесено на носитель (бумажный, растительный и др.), его количество определяется весом наркотического средства или психотропного вещества без учета носителя».

Литература:

1. Постановление правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного или психотропного вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228^1, 229 и 229^1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление Правительства РФ от 27.11.2010 № 934 «Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об измене-

нии и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС КонсультантПлюс.
5. Сундурова О.Ф. Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, по УК РФ: монография. Казань: Бук, 2025. 124 с.
6. Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. VII. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. А.И. Коробеева. СПб: Изд-во «Юридический центр - Академия», 2021. 1098 с.
7. Судебная экспертиза наркотических, психотропных веществ: практика и проблемы. URL: https://ceur.ru/library/articles/narkotiki/item226679/ (дата обращения: 20.02.2026).
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 71-УД22-6-К3. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33761/ (дата обращения: 26.03.2026).
9. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // СПС Гарант.
10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2024 по делу № 5-УД24-11-А1. URL: https://hand-help.ru/media/documents/%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D0%BD.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

Criteria and Factors Influencing the Determination of the Amount of Narcotic Drugs or Psychotropic Substances for the Classification of Crimes

Sundurova O.F.
University of Management «TISBI» (Kazan),
Kazan Branch Russian State University of Justice

The purpose of this study is to identify the criteria and factors influencing the determination of the amount of narcotic drugs and psychotropic substances (hereinafter, "drugs") involved in crimes related to their illegal trafficking. In writing this paper, the author utilizes logical, statistical, and formal legal research methods. The article focuses on the criteria and factors influencing the determination of the amount of drugs and the classification of crimes related to their illegal trafficking: 1) the criteria for determining the amount of drugs are systematized and clarified, problems and contradictions in the current legislation are identified; 2) approaches to the unification of the methodology for determining the amount of drugs are proposed, which will ensure uniformity in the classification of crimes related to illegal drug trafficking; 3) an interdisciplinary aspect is analyzed, which includes not only the legal but also the chemical-pharmacological aspects. Currently, further adjustments to the classification of drug quantities are required to take into account modern realities and the emergence of new synthetic drugs. This study on determining drug quantities within the framework of criminal law has important scientific and practical implications, as it enriches the theoretical foundations of criminal law and can be applied in law enforcement.

Key words: size of narcotic drug, psychotropic substances, analogues, paper carrier, neutral filler, examination, criminal liability, qualification, distribution

УДК 342.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-238-242

Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в послевоенные годы (1945-1991 гг.)

Туманов Дмитрий Юрьевич
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических дисциплин
Филиала Казанского (Приволжского) федерального университета
в г. Набережные Челны

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена необходимостью проведения анализа опыта взаимоотношений между Советским государством и Русской православной церковью (далее – РПЦ), что является необходимым компонентом для понимания механизмов регулирования государственно-религиозных отношений в условиях идеологического контроля.

Целью статьи – проведение системного изучения политики СССР в отношении РПЦ (1945–1991 гг.) с выявлением основных этапов её эволюции, методов государственного контроля и последствий для современного российского общества и государства.

Научная и практическая значимость данного исследования заключается во введении в научный оборот нормативных правовых актов и архивных материалов, которые раскрывают механизм осуществления государственного контроля советской власти в отношении РПЦ, а также возможности использования материалов исследования для выработки современных моделей отношений между государством и основными конфессиями.

Основными результатами и выводами проведенного исследования являются выделение трёх этапов политики Советского государства в отношении РПЦ (1945–1948 гг. – тактическое сотрудничество, 1948–1984 гг. – системные ограничения, 1985–1991 гг. – либерализация), двоякое положение и роль РПЦ в рассматриваемый период (с одной стороны как объекта репрессий, с другой – как инструмент «мягкой силы» в сложные для государства времена), а также выявление устойчивости в сохранении влияния РПЦ на индивидуальное и общественное сознание вопреки государственному давлению.

Научная новизна работы заключается в проведенном комплексном анализе взаимоотношений СССР и РПЦ на протяжении всего послевоенного периода с акцентом на преемственность политических практик.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, Советское государство, послевоенные годы, православная вера, государственная идеология, советский народ*

Для цитирования: *Туманов Д.Ю. Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в послевоенные годы (1945-1991 гг.) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 238–242. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-238-242.*

Во взаимоотношениях между отечественным государством и Русской православной церковью (далее – РПЦ или Церковь), которые насчитывают уже более тысячи лет, советский период истории был са-

мым сложным. Наиболее драматичные, даже можно сказать, трагичные события происходили в первые два десятилетия становления Советской власти. Периоды Второй мировой и Великой Отечественной войны – это время принципиальных изменений в данных взаимоотношениях [1].

Во время великих войн взаимодействие между государством и Церковью характеризуется как наиболее благоприятное за всю советскую эпоху. В данный период государство отказывается от антирелигиозной пропаганды и создает условия для нормальной деятельности Церкви.

Некоторое время после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войны Советское государство также не препятствовало осуществлению РПЦ своих основных функций и даже создавало для этого дополнительные условия.

Так, в соответствии с Постановлением СНК СССР от 22.08.1945 № 2135 «О порядке открытия церквей» [2] была разрешена регистрация религиозных общин в качестве юридических лиц, а также установлено право ведения религиозными организациями хозяйственной деятельности, необходимой для производства предметов культа (свечей, икон, мебели и др. церковной утвари). Религиозные организации могли осуществлять реализацию произведенной продукции, приобретать в собственность и сдавать в аренду для церковных надобностей объекты недвижимости, разрешалось для этого и приобретение средств транспорта.

Также 22 августа 1945 г. было принято Постановление СНК СССР «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям», в соответствии с которым местным Советам предписывалось «не препятствовать церковным общинам производить колокольный звон в городах и селах, используя имеющиеся колокола, и не препятствовать приобретению их» [3]. Данным Постановлением предусматривалось разрешить в Москве открыть пасторские краткосрочные курсы и Богословский институт, которые уже в 1946 г. будут преобразованы соответственно в духовную семинарию и академию. В 1947 г. в СССР действовали уже десять духовных семинарий и две академии.

Благожелательное расположение государства по отношению к РПЦ после окончания войны продолжалось, однако недолго. Охлаждение отношений начнётся еще при И.В. Сталине, в течение последних лет жизни которого не было открыто ни одной православной церкви.

Постановлением высшего партийного руководства (Политбюро ЦК ВКП(б)) от 28.10.1948 г. «О распоряжениях Совета Министров СССР об открытии церквей и молитвенных зданий» отменяются изданные в этом же году распоряжения Совета Министров СССР № 3506-рс от 27.03.1948 г. и № 11364-рс от 10.08.1948 г. об открытии новых православных храмов [4]. Уже открытые на момент отмены данных распоряжений православные храмы вновь были закрыты.

Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов 8 сентября 1950 г. докладывает И.В. Сталину: «За последние 2 1/2 года по СССР в целом прекратили функционировать и сняты с регистрации 749 православных церквей и молитвенных домов. Из них за 1948 г. − 118, за 1949 г. − 443 и за 6 месяцев 1950 г. − 188 церквей и молитвенных домов» [5].

Объяснить перемену политики государства по отношению к Церкви и религии, которая начинается с 1947 г., несложно. Власть перестала нуждаться в идеологической и материальной поддержке со стороны РПЦ, которая так была важна в годы войны.

К тому же в конце 1940-х гг. начинается заметное улучшение материального благосостояния основной массы населения, на фоне которого происходит расширение культурно-просветительской и идеологической работы по линии партийных и советских органов, которые не могли допустить сохранения усилившегося за годы войны воздействия на население со стороны Церкви.

После прихода к власти Н.С. Хрущёва негативная политика государства по отношению к РПЦ и религии усиливается. Вновь зазвучали призывы на борьбу с проявлениями религиозного культа, возрождается атеистическая пропаганда, с конца 1950-х гг. разворачивается очередная кампания по закрытию приходов, храмов, монастырей.

16 октября 1958 г. было принято Постановление ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания населения» [6], основной целью которого являлось усиление идеологического воздействия на население путём пропаганды коммунистического мировоззрения при активизации через СМИ антирелигиозной пропаганды. В образовательных программах средних и высших учебных заведений вводятся курсы научного атеизма, усиливается контроль в отношении издательской деятельности религиозных организаций.

Начинают возрождаться формы и методы антирелигиозной работы и пропаганды периода 1930-х гг., основанные на прежних лозунгах о преимущественном образе жизни и мышления атеистов в сравнении с верующими, о вреде религии в целом для советского строя и общества и т.п. В те годы и юридическая наука, по сути, выполняла партийно-государственный заказ, ориентированный на отражение в научных исследованиях победы свободы совести через призму господства атеизма.

Усилия коммунистической партии и Советского государства в проведении антирелигиозной политики были не бесплодны. Уровень религиозности населения имел неуклонную тенденцию к снижению. Социологические исследования 1960-х гг. показали, что он в среднем составлял 20–25 % [7, с. 82], а со-

гласно переписи, проведенной в 1937 г., верующих было 56,7 % [8, с. 191].

Со второй половины 1960-х гг., после того как Н.С. Хрущёв был отстранён от власти, прямые гонения в отношении РПЦ, духовенства и верующих постепенно прекращаются. Не проводились больше массовые атеистические кампании, но при этом государство сохраняло контроль над деятельностью Церкви во всех её проявлениях.

23 июня 1975 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР принята новая редакция Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 г. «О религиозных объединениях» [9]. В данном документе подтверждался и уточнялся порядок организации религиозных объединений, определялись их полномочия, регламентировались взаимоотношения данных объединений с местными Советами и с Советом по делам религий при СовМине СССР.

В период замедления темпов общественного развития (вторая половина 1960-х гг. – начало 1980 г.) в СССР было разрешено преподавание религиозных вероисповеданий в соответствующих духовных образовательных заведениях. Верующим было предоставлено право созыва совещаний и съездов религиозной направленности.

На данном этапе политика государства в отношении вероисповедания и религиозных организаций вновь становится более лояльной. Но если в годы войны это было вызвано необходимостью мобилизации всех имеющихся ресурсов, то теперь причины были совершенно иные.

Советское государство в 1970-х гг. оказалось в состоянии идеологического кризиса. Руководство страны не могло уже в это время не осознавать невозможность выполнения 3-й Программы КПСС [10], особенно в части её положений о переходе к коммунистическому строю. Именно этим объясняется то обстоятельство, что работа над проектом Конституции СССР 1977 г. затянулась на 15 лет. Данная проблема была решена только после того, как была разработана концепция построения «зрелого социализма», нашедшая своё отражение в новой Конституции СССР.

В этой ситуации начинают смещаться идеологические приоритеты, от прежних жестко насаждаемых марксистско-ленинских постулатов к поиску инструментов консолидации общества, вследствие чего и начинается снижение антирелигиозной пропаганды. Формально атеистическая ориентация, конечно, сохраняется, но власть на данном этапе начинает постепенно утрачивать прежние возможности по давлению на религию и её институты, идеологическое ослабление государства как раз и становится основным условием стабилизации и либерализации его политики по отношению к РПЦ и религиозной сфере в целом.

Конституция СССР 1977 г. [11] гарантировала советским гражданам свободу совести, под которой понималось право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду (ст. 52). Следует отметить, что аналогичные положения о свободе совести закреплялись и в предыдущей, «Сталинской» Конституции СССР 1936 г. [12] (ст. 124), т.е. в нормативно-правовом закреплении права на религиозные убеждения на уровне Основного закона Советского государства принципиальных изменений на протяжении нескольких десятилетий не происходит.

Однако проблема реализации свободы совести в СССР на практике в годы застоя заключалась в системном противоречии, сформировавшемся между конституционным декларированием данной свободы и возможностью ее практической реализации. Да и сама идея свободы совести, под которой в Советском государстве всегда подразумевалась возможность выбора религиозных убеждений, к этому времени была выхолощена, деформирована и обесценена. Процент верующих продолжал снижаться, а проблемы вероисповедания населения становились уделом лишь узкого круга специалистов в сфере религиоведения, которые при этом были лишены возможности каким-либо образом повлиять как на общественное мнение, так и тем более на государственную политику в данной области.

Переломным моментом в политике Советского государства в отношении РПЦ следует считать письмо М.С. Горбачёва Папе Римскому Иоанну Павлу II. Текст письма опубликован в газете «Правда» за 13 апреля 1988 г. в статье «К 1000-летию введения христианства на Руси» [13]. Письмо было направлено в апреле 1988 г. и приурочено к 1000-летию крещения Руси (событие отмечалось 28 июля 1988 г. и это было первое санкционированное Советским государством празднование религиозной даты).

Советская власть официально отказывалась от атеизма, признавала необоснованными репрессии в отношении духовенства периода 1920–1930-х гг. и имевшие место «перегибы» в собственной религиозной политике, заявила о готовности к диалогу с религиозными организациями и переходе к политике «уважения чувств верующих».

Однако признание Советским государством своих просчетов в религиозной политике, равно как и проводимые в конце 1980-х гг. мероприятия по их исправлению были явно запоздалыми. Одно из самых проблематичных последствий этого становится образовавшийся идеологический вакуум в сознании большинства граждан.

1 октября 1990 г. был принят Закон СССР № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» [14]. Данный закон отменил прежние антирелигиозные нормы и ограничения прежней советской эпохи, закрепив свободу вероисповедания для всех граждан СССР, предоставив религиозным

организациям свободно и самостоятельно вести свою деятельность, устранив государственный контроль в данной сфере.

Закон о свободе совести произвёл эффект полностью открытого шлюза, в результате на неподготовленное сознание советских граждан обрушился поток никогда невиданного ранее многообразия религиозного мировоззрения. В сложившейся ситуации наряду с традиционными конфессиями страны (православие, ислам) начали борьбу за духовное влияние представители самых различных религиозных направлений, включая неокатолических и протестантских миссионеров, а также многочисленных псевдорелигиозных, преступных и экстремистских организаций (таких, например, как «Аум Синрикё», «Свидетели Иеговы» и т.п.).

Тем самым подспудно закладывались предпосылки для современных проблем во взаимоотношениях государства и религиозных организаций, которые проявляются в кризисе доверия при взаимодействии этих структур и требуют поиска баланса между современной светской властью в России и Церковью, построенном на принципах взаимного доверия и уважения.

Литература:

1. Туманов Д.Ю. Политика советского государства по отношению к РПЦ: от противостояния до взаимодействия в военное время (1917-1947 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2025. № 4. С. 251-255.
2. Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. № 2135 «О порядке открытия церквей» // Собрание постановлений СССР. 1945. № 8. Ст. 112.
3. Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» // ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34а. Л. 24.
4. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28.10.1948г. «О распоряжениях Совета Министров СССР об открытии церквей и молитвенных зданий» // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 1072. Л. 75-77.
5. Докладная записка председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпова И.В. Сталину о переменах в церковной жизни от 8 сентября 1950 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 602. Л. 20-29.
6. Постановление ЦК КПСС от 16.10.1958г. «Об усилении атеистического воспитания населения» // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 38. Д. 1. Л. 53-55.
7. Савельев В.Н. Свобода совести: история и теория: Монография. М.: Высшая школа, 1991. 144 с.
8. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
9. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8.04.1929 «О религиозных объединениях» // СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.
10. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Принята XXII съездом КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.
11. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята внеочередной седьмой сессией Верховного Совета Союза ССР 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
12. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Утверждена Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. – № 283. 16 дек.1936г.
13. Письмо М.С. Горбачёва Папе Римскому Иоанну Павлу II // Газета «Правда» № 103 от 13 апреля 1988 г.
14. Закон СССР от 1.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях». // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

The Policy of the Soviet State Towards the Russian Orthodox Church in the Post-War Years (1945–1991)

Tumanov D.Yu.
Naberezhnye Chelny Branch of Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the topic of this article is determined by the necessity to analyze the experience of the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the ROC), which is an essential component for understanding the mechanisms of regulating state-religious relations under conditions of ideological control.

The aim and objectives of the article are to conduct a systematic study of the policies of the USSR towards the ROC (1945–1991) by identifying the main stages of its evolution, methods of state control, and the consequences for contemporary Russian society and the state.

The scientific and practical significance of this research lies in the introduction of normative legal acts and archival materials into scientific circulation, which reveal the mechanism of state control exercised by the Soviet authorities over the ROC, as well as the possibilities of using the research materials to develop modern models of relations between the state and major confessions.

The main results and conclusions of the conducted research include the identification of three stages of Soviet state policy towards the ROC (1945–1949 – tactical cooperation, 1950–1984 – systematic restrictions, 1985–1991 – liberalization), the dual position and role of the ROC during the considered period (on one hand, as an object of repression, and on the other, as an instrument of "soft power" in difficult times for the state), as well as the identification of resilience in maintaining the ROC's influence on individual and public consciousness despite state pressure.

The scientific novelty of the work lies in the comprehensive analysis of the relationships between the USSR and the ROC throughout the entire post-war period, with an emphasis on the continuity of political practices.

Keywords: Russian Orthodox Church, Soviet state, post-war years (1945–1991), Orthodox faith, state ideology, Soviet people

УДК 32.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-243-253

Способы управления политическими рисками в гибридных режимах цифровой власти

Хван Данил Андреевич
Независимый исследователь

Цифровое развитие современной политики привело к тому, что смешанные формы власти сталкиваются с расширением возможностей контроля и ростом непредсказуемых угроз. Актуальность исследования определяется тем, что цифровая среда меняет механизмы политического управления быстрее, чем традиционные институты способны к адаптации, что приводит к появлению новых типов рисков в деятельности акторов власти. Цель работы заключается в выявлении способов, посредством которых смешанные (гибридные) политические режимы стремятся уменьшить политические риски, возникающие в цифровой среде. Для достижения цели решаются задачи анализа природы цифровых угроз, определения их структурных последствий для политической системы и обоснования подходов, применяемых властью для их нейтрализации. Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что работа предлагает целостный взгляд на взаимодействие цифровых технологий и политических институтов, позволяет понять, как технические решения перестраивают процессы управления. Представленные результаты показывают, что власть использует три основных способа: институциональное дублирование, алгоритмическая фильтрация и символическая легитимация рисков. Эти способы обеспечивают временную стабилизацию, однако сопровождаются накоплением скрытых проблем, снижением доверия и возникновением рисков второго порядка. Научная новизна исследования заключается в концептуализации цифрового управления рисками как циклического процесса, в котором техническое подавление угроз сочетается с их дальнейшим воспроизводством. В работе обосновывается, что цифровые методы позволяют сглаживать отдельные проявления нестабильности, однако не устраняют первопричины рисков и со временем формируют зоны, делающие политический режим более чувствительным к новым вызовам. Полученные выводы уточняют представления о природе цифровой устойчивости и расширяют инструментарий анализа современных политических систем.

Ключевые слова: *цифровая политическая среда, политические риски, гибридные режимы, алгоритмическое управление, институциональное дублирование, общественное доверие, символическая интерпретация кризисов*

Для цитирования: *Хван Д.А. Способы управления политическими рисками в гибридных режимах цифровой власти // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 243–253. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-243-253.*

Масштабная цифровизация кардинально усложняет политику, обеспечивая власти беспрецедентные технические ресурсы и одновременно порождая новые угрозы. В начале 2020-х гг. в он-

лайн-пространство переместилось около двух третей человечества [1]. Государственные структуры получают доступ к массивам *Big Data*, системам наблюдения и аналитическим алгоритмам, которые теоретически позволяют им реализовать своего рода «цифровой Паноптикум» с полным контролем над обществом. Одновременно цифровая среда создаёт бесконтрольные каналы коммуникации, через которые стихийно распространяются политические настроения, протестная мобилизация и дезинформация. Такая двойственность означает, что усиление технической оснащённости власти сопровождается ростом политических рисков.

Противоречие между технологическим всемогуществом и утратой управляемости проявляется в политической практике гибридных режимов. С одной стороны, авторитарно-ориентированные правительства активно используют цифровые платформы для наблюдения и влияния на общество, пытаясь подавлять оппозиционные дискурсы с помощью цензуры и алгоритмов. С другой стороны, сами цифровые технологии становятся источником нестабильности: онлайн-пространство генерирует проблемы, которые невозможно полностью нейтрализовать силовыми методами. В 2023 г. власти разных стран отключали интернет 283 раза в ответ на кризисные ситуации – это рекордное число подобных случаев, на 41 % превышающее показатели предыдущего года [2]. Данный факт свидетельствует о том, что, даже усиливая контроль над цифровой сферой, режимы сталкиваются с новыми вызовами для своей легитимности и общественного порядка.

В этих условиях актуальным становится исследование политических рисков гибридных режимов цифровой эпохи и разработка методов их управления. Цель настоящего исследования – выявить и проанализировать способы, которыми властные элиты гибридных режимов пытаются минимизировать политические риски в цифровой среде. Рассмотрение данных способов с позиций политической социологии позволит оценить их эффективность и побочные эффекты, включая возникновение новых зон уязвимости для самих политических режимов.

Гибридный политический режим традиционно понимается как смешанная система, сочетающая в себе авторитарные и демократические институты. Ещё в начале 2000-х гг. политологи отмечали рост числа таких промежуточных режимов, не укладывающихся в дихотомию «демократия vs диктатура». Классические типологии (Д. Истон, Х. Линц, С. Левицкий и др.) исходили из институциональных критериев (степени политической конкуренции и политического участия) для разграничения демократий, автократий и переходных форм государственного управления. Однако современная цифровая среда требует переосмысления этих категорий. В условиях платформенной коммуникации власть получает новые источники ресурсов и новые ограничения, что меняет сам характер гибридности. Гибридный режим в цифровом измерении – это качественно иная конфигурация, в которой цифровые платформы интегрированы в структуру государственной власти [3].

Цифровое измерение гибридности проявляется во «вложенности» власти в глобальные сети и алгоритмы. В настоящее время наблюдается глубокая гибридизация функций государства и цифровых корпораций, которая приводит к трансформации политических режимов [4]. Государственные институты передают часть своих функций частным платформам – от сбора данных до модерации политической коммуникации, в результате чего, размываются границы между публичной властью и технологиями, когда корпорации приобретают черты новых политических акторов, способных влиять на повестку дня и поведение граждан (например, И. Маск и его компания в США). Вместе с тем происходит институциональное дублирование, когда цифровые платформы начинают выполнять роль каналов обратной связи, ранее свойственную только государственным структурам. Таким образом, цифровая гибридность выражается в одновременном сосуществовании традиционных институтов и сетевых механизмов управления, образующих единую систему.

Признаками гибридного режима цифровой эпохи становятся платформенная модификация власти и сетевое опосредование политических процессов. Во-первых, алгоритмизация власти позволяет режимам применять корпоративные технологии предиктивной аналитики, фильтрации информации и ранжирования контента для управления общественным мнением [5]. Во-вторых, появляются гибридные акторы (например, владельцы крупных социальных сетей или разработчики популярных приложений, обладающие властным ресурсом, сопоставимым с государственным). В-третьих, политические практики все более переносятся в «фиджитал»-пространство (*phygital*), т.е. в такое пространство, в котором границы между онлайн- и офлайн-активностью размыты [6]. Граждане вовлечены в политические взаимодействия посредством цифровых интерфейсов, тогда как власть стремится контролировать эти цифровые интерфейсы. В совокупности эти черты указывают на то, что гибридный режим в цифровом измерении – это система власти, которая опирается и на институты государства, и встраивается в цифровую инфраструктуру, что радикально меняет механизмы легитимации и управления.

Цифровая среда порождает целый спектр политических рисков, с которыми сталкиваются гибридные режимы. Эти риски можно условно разделить на институциональные, репутационные, управленческие, правовые и поведенческие.

Институциональные риски связаны с размыванием роли традиционных институтов и возможной

утратой ими функциональной состоятельности. Передача государством части своего функционала цифровым корпорациям чревата тем, что государственные служащие теряют компетенции в важных сферах. Возникает опасность паралича классических механизмов принятия решений, если фактическая власть смещается к алгоритмам и платформам.

Репутационные риски проявляются в подрыве доверия к политическому режиму вследствие цифровой прозрачности и быстрых информационных кампаний. Падение доверия к выборам и обвинения власти в фальсификациях распространяются мгновенно через социальные сети, ведя к делегитимации режимов. Любой скандал или ошибка власти моментально выходит в публичное пространство, что формирует постоянную угрозу репутационным потерям.

Управленческие риски цифровой эпохи заключаются в потере контролируемости и эффективности государственного управления. Традиционные бюрократические модели оказываются слишком медленными и «реактивными» для того, чтобы адекватно реагировать на стремительные цифровые изменения. Сложные алгоритмы, внедряемые для принятия решений, могут давать сбои или приводить к непредвиденным эффектам. Например, внедрение систем автоматизированной аналитики способно избавить от части нагрузки, но одновременно рискует навязать предвзятые решения, если алгоритмы обучены на искажённых данных. В совокупности это создаёт риск управленческих просчётов, которые труднее предвидеть и исправить.

Правовые риски обусловлены отставанием нормативно-правовой базы от технологической практики. Законодательство зачастую не успевает охватывать новые явления (от дипфейков до утечек данных), что создаёт зоны правовой неопределённости [7]. Государство само иногда прибегает к внеправовым действиям для контроля цифровой сферы, чем подрывается принцип верховенства закона и порождаются риски для собственной легитимности [8].

Наконец, поведенческие риски связаны с трансформацией массового политического поведения под влиянием цифровых технологий. С одной стороны, возникают феномены «слактивизма» (диванного активизма) и поверхностной онлайн-активности, которые снижают реальное участие граждан в политике. С другой стороны, цифровая среда облегчает радикализацию и экстремизм, что позволяет экстремистским группам распространять призывы и координировать действия анонимно. Власть сталкивается с непредсказуемыми вспышками протестов, спровоцированных вирусным контентом или с массовым уклонением граждан от участия в институтах (например, бойкот выборов), что угрожает стабильности политики [9]. Как отмечал ещё В.Я. Гельман, «политические институты (как вновь созданные, так и унаследованные от прежнего режима) играют двоякую роль в процессе смены режимов. Во-первых, они меняют характер распределения ресурсов между элитами, способствуя равенству сил либо одностороннему преобладанию. Во-вторых, от их эффективности зависит уровень неопределенности, а тем самым – и представления акторов об относительной цене стратегий» [10, с. 104].

Каждый из указанных типов рисков способен проявиться отдельно, однако чаще они взаимосвязаны. Например, управленческий просчёт при внедрении цифровой системы может перерасти в репутационный скандал и подорвать доверие (репутационный риск), а попытка закрыть проблему кулуарно создаст правовые коллизии. Поэтому классификация рисков носит аналитический характер – в реальности гибридные режимы сталкиваются с комбинированными вызовами. В то же время осознание многообразия и взаимосвязи политических рисков есть необходимое условие для поиска способов их эффективного управления в цифровой среде.

Основываясь на этом, далее можно выделить три основных способа управления политическими рисками в гибридных режимах цифровой власти: институциональное дублирование, алгоритмическая фильтрация и символическая легитимация рисков.

Институциональное дублирование. Одной из стратегий управления рисками в условиях цифровой неопределённости становится институциональное дублирование, то есть создание параллельных цифровых структур для контроля проблемных ситуаций и каналов обратной связи. Гибридные режимы пытаются встроить гражданскую активность в управляемое русло, открывая электронные приемные, платформы для жалоб и имитируя общественные советы в онлайн-формате. Считается, что если предоставить населению официальный цифровой канал выражения недовольства, то можно заранее выявить и нейтрализовать назревающие конфликты [11]. Например, в Турции создан президентский коммуникационный центр *CİMER*, через который граждане могут подавать жалобы и запросы онлайн; он принимает миллионы обращений в год и позиционируется как механизм участия общества в управлении [12]. Подобные платформы институционально дублируют функции традиционных органов (приемных, общественных приемов, консультативных советов), однако действуют в цифровой среде с высокой скоростью обработки обращений.

Институциональное дублирование призвано повысить оперативность реакции власти и снизить накал протестной активности. Так, электронные порталы обращений позволяют властям отслеживать наиболее острые проблемы в режиме реального времени и точечно реагировать до возникновения каких-либо проблем. Более того, публичная демонстрация таких цифровых инициатив создает

эффект присутствия государства «рядом» с гражданами, что, безусловно, повышает степень заботы о гражданах [13]. Например, вместо несанкционированных митингов граждане направляют петиции через официальный сайт и спокойно ожидают ответа в установленном порядке. Таким образом достигается стабилизация за счёт перенаправления недовольства из офлайн в онлайн-бюрократию.

Однако описываемый способ несёт и риски ритуализации обратной связи. Когда цифровые каналы существуют формально, а решения по обращениям принимаются все равно по усмотрению власти, доверие граждан может постепенно подрываться. Институциональное дублирование может превратиться в имитацию диалога, когда обращения принимаются и даже публикуются статистические отчёты об их количестве, однако существенные проблемы остаются нерешёнными [14]. В конечном итоге цифровые приемные начинают выполнять функцию «парового клапана» – выпускают пар общественного недовольства, не влияя на политику. Данный подход чреват консервацией скрытых конфликтов. Население привыкает к тому, что можно пожаловаться в интернете, но реальные изменения не происходят, отчего цинизм и отчуждение только усиливаются. Следовательно, институциональное дублирование эффективно снижает остроту рисков в краткосрочной перспективе, но без подкрепления реальными реформами со временем утрачивает легитимность и может привести к еще большей фрустрации общества.

Алгоритмическая фильтрация. Другой ключевой стратегией является алгоритмическая фильтрация политически значимой информации и активности. Так, политические режимы западных стран всё чаще внедряют автоматизированные системы мониторинга социальных сетей, анализ больших данных и машинное обучение для прогнозирования и предварительной нейтрализации угроз. Алгоритмы позволяют выявлять «тревожные сигналы» (экстремистские призывы, координацию протестов, всплески недовольства) ещё на ранней стадии и принимать упреждающие меры. Например, внедрение технологий ранжирования контента и модерации комментариев предоставляет возможность «сглаживать» острые дискуссии и ограничивать охват радикальных призывов. По сути, традиционная репрессивная логика заменяется цифровыми алгоритмами – вместо прямой цензуры и силового подавления власть предпочитает невидимым образом управлять информационными потоками.

Алгоритмическая фильтрация выражается в разнообразных практиках. Во-первых, это автоматическое удаление или сокрытие нежелательного контента на цифровых платформах. Государство через давление на технологические компании или посредством собственных ботов и технических средств добивается того, чтобы оппозиционные посты, призывы к протестам или разоблачительные материалы либо не попадали в тренды, либо оперативно блокировались. Во-вторых, на практике, особенно в США, применяется предиктивное программирование, когда алгоритмы анализируют поведение пользователей и прогнозируют, кто может стать источником «рискованной» активности [11]. Таких пользователей берут под особое наблюдение, их сообщения помечаются и при необходимости блокируются еще до того, как приобретут вирусную популярность. В-третьих, ограничивается глубина критики – рекомендательные системы намеренно не рекомендуют пользователям контент, чрезмерно критикующий власть, что создаёт эффект «тихого редактирования» общественной повестки. Как отмечают эксперты, алгоритмизация власти приводит к существенной гибридизации функций государства и *IT*-корпораций, когда технические системы фактически исполняют задачи цензуры и пропаганды [11].

Главное преимущество данного способа – невидимость и повсеместность. Большая часть населения может не осознавать, что информационная среда уже отфильтрована – новости выглядят обыденно, радикальные призывы не встречаются, негативные комментарии тонут среди положительных. Таким образом, потенциальный конфликт смягчается до того, как оформится в явном виде.

Однако и здесь есть побочные эффекты. Алгоритмическая фильтрация приводит к имитации стабильности, а не к решению глубинных проблем, что характерно, скажем, для стран ЕС [6]. Она ограничивает общественную дискуссию, подавляет как деструктивные, так и конструктивные критические сигналы. Кроме того, алгоритмы не лишены предубеждений и сбоев. Если автоматизированная система обучена на данных с существующей дискриминацией, она может начать блокировать контент определённых социальных групп, усиливая раскол в обществе. Бывают случаи и ошибочных действий алгоритмов, когда под ограничения попадают случайные или нейтральные высказывания [4]. Всё это способно порождать новые риски: скрытая цензура стимулирует развитие альтернативных каналов (например, ухода оппозиции в зашифрованные мессенджеры или даркнет), тогда как ошибки алгоритмов – возмущение уже лояльных граждан. Следовательно, хотя алгоритмическая фильтрация представляет собой мощный инструмент упреждающего управления рисками, её чрезмерное применение чревато снижением качества обратной связи и злоупотреблениями технологий.

Символическая легитимация рисков. Третий заметный подход гибридных режимов к управлению угрозами – символическая легитимация рисков, то есть особая стратегия публичной риторики, оформляющая появляющиеся проблемы в выгодном для власти свете. В данном случае политический ре-

жим не столько устраняет риск, сколько меняет его восприятие обществом с помощью пропаганды. Политически опасные ситуации интерпретируются официальными лицами как результат внешнего вмешательства, технического сбоя или отклонения работы платформ, что тем самым как бы снимает ответственность с внутренних институтов власти [15]. Например, массовые протесты могут объявляться следствием «внешнего давления» – инсинуаций иностранных государств или глобальных *IT*-корпораций, которые манипулируют сознанием граждан. Широко используется нарратив о «цветных революциях», инспирируемых из-за рубежа, что перекладывает фокус с внутренних проблем на внешних врагов [16]. Подобные нарративы не только смещают фокус с внутренних проблем, но и часто игнорируют или искажают экономические причины социального недовольства [17].

Когда имеет место утечка данных или сбой в государственной информационной системе, официальный дискурс представляет это как «техническую ошибку», т.е. умаляет политическое значение инцидента и внушает, что намеренного провала в работе институтов нет, что, в частности, характерно для политики недружественных стран. Когда же в публичном поле выявляются искажения информации (например, распространение фейковых новостей), их нередко называют «платформенным искажением», обвиняются алгоритмы социальных сетей или анонимных злоумышленников, тогда как недоработки власти «остаются за кадром».

Символическая легитимация рисков выполняет сразу несколько задач:

– формирует объяснения, удобные для лояльной аудитории. Гражданам предлагается понятная картина (виновники всех неприятностей – внешние силы или неконтролируемые технологии, государство остается защитником правопорядка), что позволяет сохранить базовый уровень доверия;

– ритуализирует реагирование на риски. Каждый новый кризис сопровождается повторяющимся риторическим обрядом (поиском внешнего врага, заявлением о расследовании «сбоя» и заверением, что выводы будут сделаны). В итоге складывается иллюзия контроля, когда риски вроде бы признаны и помещены в рамку понятного нарратива, хотя реально их причины могут оставаться нетронутыми;

– позволяет перераспределить ответственность за негативные события. Вместо признания ошибок правительства вина возлагается на «технологию» или «агентов влияния», тогда как сама власть выступает в роли пострадавшей стороны, вынужденной устранять чужие козни, что укрепляет внутреннюю солидарность элит и части общества против «нарисованного» общего противника.

Хотя обозначенный способ часто эффективен в краткосрочной перспективе (особенно при контроле над СМИ), у него есть явное ограничение. Так, постоянное «списывание» проблем на внешние силы и технические факторы со временем начинает выглядеть неправдоподобно и снижает общий уровень доверия к официальному дискурсу. Если каждое чрезвычайное положение или острая ситуация объявляется случайностью или происками врагов, граждане могут сделать вывод о некомпетентности властей, которые якобы не способны ни предотвратить вмешательство, ни наладить надежную работу систем [7].

Кроме того, борьба с «внешними угрозами» нередко сопровождается усилением репрессий и изоляции (цензура под предлогом суверенитета, давление на неправительственные организации и независимые медиа как «агентов иностранного влияния»), что в долгосрочном плане ослабляет общественные институты. Следовательно, символическая легитимация – это паллиативный метод, маскирующий риски под удобными ярлыками. Он помогает выиграть время и сохранить лицо политическому режиму, однако не устраняет ни самих угроз, ни причин их возникновения. В целом это наблюдается в настоящее время во многих странах мира, особенно тех, которые стремятся сохранить власть «коллективного Запада».

Таким образом, учитывая рассмотренные способы, их можно соотнести с типами рисков и эффектами, что показано в таблице 1.

Анализ указанных способов показывает, что цифровое управление рисками приносит неоднозначные результаты. С одной стороны, каждый из методов предоставляет политическому режиму определённую «передышку» и снижает остроту непосредственной угрозы. Институциональное дублирование позволяет выпустить пар недовольства контролируемым образом, алгоритмическая фильтрация – уменьшить вероятность стихийной мобилизации, символическая легитимация – сохранить «лицо власти» в глазах лоялистов во время кризиса. В краткосрочной перспективе эти меры действительно стабилизируют политическую ситуацию, но эта стабильность носит во многом симуляционный характер. По сути, создаётся модель технологически стабилизированной нестабильности, когда видимое спокойствие поддерживается постоянными техническими и пропагандистскими интервенциями, не дающими конфликтам открыто проявиться. Однако причины конфликтов при этом не устраняются, а лишь маскируются под совокупностью цифровых решений.

Некоторые риски в рамках такой модели управления превращаются в «поглощённые», то есть временно нейтрализованные. Например, риск массового уличного протеста частично поглощается активностью на правительственных онлайн-платформах, когда недовольные пишут петиции вместо того, чтобы выходить на площадь.

Таблица 1

Соотнесение методов управления рисками с типами рисков и эффектами

Способ управления риском	На какие риски нацелен	Механизм действия	Ожидаемые эффекты
Институциональное дублирование	Институциональные, поведенческие риски	Создание цифровых каналов обращений и контроля (электронные приёмные, онлайн-советы) для интеграции протестной активности в управляемое русло	Временная стабилизация за счёт снижения открытой конфронтации; ритуализация обратной связи, имитация участия
Алгоритмическая фильтрация	Поведенческие, репутационные риски	Превентивный контроль контента и коммуникаций посредством ИИ и алгоритмов (автоцензура, скрытие радикальных сообщений)	Сглаживание конфликтов, снижение публичной критики; имитация контроля над повесткой, скрытое подавление недовольства
Символическая легитимация	Репутационные, правовые риски	Публичное переоформление рисков как внешних либо случайных: пропагандистское объяснение кризисов без признания вины власти	Временное сохранение доверия через перевод стрелок на «врагов» и фактор случая; перераспределение ответственности, оправдание репрессивных мер

Источник: авторская разработка.

Риск репутационных потерь сглаживается информационными кампаниями, которые меняют тему обсуждения или находят оправдание случившемуся. Тем не менее другие риски сохраняются и, более того, способны усилиться внутри закрытой системы. Если власть перестаёт получать честные сигналы обратной связи из-за тотальной фильтрации информации, управленческие решения становятся менее адекватными, что накапливает институциональные проблемы. Подавленное и загнанное вглубь недовольство может привести к более мощному всплеску кризиса, когда внешние обстоятельства нейтрализуют цифровые барьеры (например, когда экономический шок выведет людей на улицы, и ни цензура, ни приемные уже не помогут).

Внимание здесь также следует обратить на контрпродуктивные эффекты цифрового управления рисками. Одним из них является рефлексивный риск, когда сами усилия по предотвращению угроз формируют новые угрозы. Применение сложных автоматизированных систем порождает зависимость государства от этих систем и тех, кто ими управляет. Появляется «теневая цифровая элита» – круг технических специалистов и администраторов платформ, которые концентрируют реальную власть и остаются вне публичной ответственности. Делегируя алгоритмам контроль над коммуникацией, власть потенциально теряет часть суверенитета. Другой пример рефлексивного риска – эффект деполитизации общества. Чрезмерный акцент на технологическом контроле отчуждает граждан от политики, и они перестают верить в возможность влиять на решения и уходят в частную жизнь, что снижает открытое давление на власть, хотя также лишает режим важнейшего ресурса – общественной поддержки и легитимации «снизу». Как следствие, система становится хрупкой – при минимальном стресс-факторе, когда технологии дадут сбой или появится новая непредвиденная угроза, пассивное и отчужденное общество или взорвётся протестом, или не поддержит власть в критический момент.

В целях обобщения можно описать цикл управления цифровыми политическими рисками в гибридном режиме, который визуально показан на рисунке 1.

На первом этапе власть фиксирует возникающую угрозу (например, всплеск недовольства, скандал

Рис. 1. Цикл управления цифровыми политическими рисками (авторская разработка)

в сети, утечку данных) с помощью систем мониторинга. Затем следует этап интерпретации риска – решается, считать ли проблему технической, политической или внешней.

В зависимости от этого запускается один из рассмотренных способов – или перевод проблемы во внутренний управляемый канал (институциональное дублирование), или её технократическая нейтрализация (алгоритмическая фильтрация), или пропагандистская кампания по объяснению (символическая легитимация). Каждый из способов приводит к временной стабилизации ситуации, после чего наступает фаза перераспределения ответственности и последствий. Например, если риск обставлен как внешняя угроза, ответственность смещается на врага; если снят алгоритмом – на случайный сбой.

Власть на короткое время извлекает выгоду, однако цикл завершается возвращением латентного риска: нерешённая проблема остаётся в системе, и при новом проявлении запускается следующий цикл. Данная модель наглядно показывает, что без качественно новых, институциональных решений управление рисками превращается в бесконечное повторение одних и тех же мер, постепенно уменьшающих свою эффективность.

Однако в целом попытки гибридных режимов управлять рисками с опорой на цифровые технологии неизбежно порождают рефлексивные риски. Данный концепт, восходящий к теории У. Бека о рефлексивной модернизации, означает, что чем более развитой становится система управления рисками, тем больше она сама производит новых, побочных рисков. В политико-управленческом контексте это проявляется особенно остро. Когда государство вводит сложные системы контроля (массовую слежку, автоматизированное принятие решений, блокировки интернета), оно должно учитывать, что эти же меры могут дать обратный ожидаемому эффект. Например, стремясь обезопасить себя от массовых протестов путем тотального мониторинга, режим достигает только временного подавления активности, зато формирует у населения накопленное чувство фрустрации. Люди осознают наличие невидимой цензуры и надзора, что переводит недовольство на новый уровень – недоверие к самой системе управления рисками.

Парадокс здесь состоит в том, что чем более активно власть старается исключить любые случайности и угрозы, тем более хрупкой она становится перед лицом неизбежной неопределённости. Реализация цифровых мегапроектов управления нередко приводит к избыточной уверенности элит в своей защищённости. По сути, это проявление «парадокса симуляционного контроля», когда власти убеждены, что раз у них есть данные и алгоритмы, они контролируют ситуацию, однако фактически они видят только то, что позволяют видеть настроенные ими фильтры. В долгосрочной перспективе попытка свести управление политическими рисками к технической задаче оборачивается потерей чувствительности к реальным социальным процессам. Более того, жестко заданные алгоритмы начинают распространять системные ошибки. Если, допустим, правоохранительные органы ориентируются на автоматизированные аналитические отчеты о «зонах риска» в обществе, они могут игнорировать проблемы, не попавшие в метрики, или преследовать невиновных, ошибочно отмеченных системой. Таким образом, рефлексивный риск проявляется и в виде новых уязвимостей (зависимость от техники, утечки данных, саботаж со стороны администраторов систем), и в виде самоусиления старых проблем под другим видом (например, рост коррупции через цифровые инструменты, когда данные используются для избирательного давления).

Показательным является и то, что рефлексивный риск наиболее силён в условиях симуляционного контроля, когда власть имитирует решение проблем. Техническое вытеснение человеческого фактора и общественной дискуссии из процессов принятия решений означает, что рано или поздно реальность вырывается наружу. Проблемы, считавшиеся устранёнными благодаря отчётам и фильтрам, могут внезапно «заявить о себе» и принять лавинообразный характер. Классический пример – неожиданный массовый взрыв недовольства по «незначительному» поводу в обществе, в котором долгие годы господствовала видимая стабильность. Такого рода события (например, «арабская весна» 2011 г., начавшаяся с единичного акта отчаяния, или протесты в Казахстане 2022 г., вызванные резким повышением цен) показывают, что полное подавление симптомов не равно излечению болезни. Следовательно, проблема рефлексивного риска ставит под сомнение устойчивость чисто технологических стратегий, которые могут краткосрочно укреплять контроль, однако стратегически повышают неопределённость, с которой режиму рано или поздно придётся столкнуться, поскольку вся история, по сути, циклична.

В этом смысле важно проследить соотношение цифрового управления рисками с доверием. Так, цифровые методы политического контроля оказывают сложное воздействие на уровень доверия в обществе. С одной стороны, применяя высокотехнологичные решения, власть стремится укрепить доверие граждан к своей эффективности и современности. Формально запускаются электронные сервисы, демонстрируется открытость данных, утверждается имидж «цифрового прогресса». Однако парадоксально, что техническое управление без полноценной обратной связи снижает подлинное доверие, на котором зиждется легитимность режима [11]. Причина этого заключается в отчуждении граждан от политического процесса. Когда люди

видят, что власть предпочитает алгоритмы вместо живого диалога и что их активность направляется в имитационные структуры, возникает недоверие к мотивам власти. Фактически симулякры гражданской активности, создаваемые властями из-за боязни собственного народа, консервируют проблемы и выводят их из повестки дня [6]. Граждане быстро улавливают инсценировку – если электронные голосования или обсуждения имеют предопределённый исход, следующая их итерация уже не вызовет энтузиазма.

Кроме того, чрезмерно высокая ставка на технологии подрывает межличностное и институциональное доверие. В условиях «тотальной слежки» люди меньше доверяют друг другу, поскольку опасаются, что любое высказывание может быть зафиксировано и использовано против них. Парадоксально, однако и сам режим рискует потерять доверие к населению, так как власть начинает видеть в каждом гражданине потенциальный источник рисков, которого нужно мониторить и фильтровать. Взаимная подозрительность в отношениях «власть – граждане» несовместима с устойчивой легитимностью. Для легитимности требуется, чтобы граждане хотя бы минимально верили в добросовестность и компетентность власти, а власть – в лояльность основной массы населения. Цифровой контроль без подотчётности разрушает оба этих элемента. Недоверие властей к народу порождает репрессивные симулякры участия (как выше отмечалось, имитацию консультаций из страха перед реальным мнением граждан), тогда как недоверие граждан к власти приводит к тому, что даже полезные инициативы (например, цифровой сервис или приложение) воспринимаются скептически, как потенциальный инструмент слежки или манипуляции.

Эмпирические данные подтверждают, что падение доверия сопровождает процесс цифровой авторитарной эволюции режимов. Зачастую наблюдается феномен, когда население начинает больше доверять нейтральным техническим системам, чем официальным учреждениям [14]. Например, в литературе отмечается, что избиратели могут оказаться склонны верить результатам, выданным компьютером, больше, чем протоколам, подписанным членами избиркома [4], что говорит о серьезном кризисе политического доверия; граждане предполагают, что машина менее пристрастна, чем человек, ассоциированный с властью. В краткосрочной перспективе власть может радоваться такому переносу в том смысле, что главное выборы признаны честными благодаря технике. Однако стратегически это свидетельствует о разрыве символической связи между народом и институтами. Восстановить её одними цифровыми средствами фактически невозможно.

Таким образом, без доверия цифровое управление рисками превращается в самоцель, которая требует всё большего принуждения. Режим, потерявший кредит доверия, вынужден опираться только на контроль и страх, т.е., по сути, прямой путь к росту нестабильности при первом же ослаблении контроля. Следовательно, поддержание доверия – главный вызов, с которым нельзя справиться только техническими ухищрениями. Не случайно в успешных моделях управления рисками (например, в ряде демократий) делается упор на вовлечение общества и прозрачность [3].

Поэтому целесообразно сравнить цифровые и аналоговые подходы к управлению политическими рисками (табл. 2). Сравнение аналоговых и цифровых подходов показывает, что цифровизация приносит как новые инструменты, так и изменяет природу самой стабильности режима. Возникает феномен технологически стабилизированной нестабильности, который означает, что режим сохраняет видимость устойчивости лишь при постоянной работе цифрового механизма контроля. Стоит этому механизму дать сбой или на горизонте появится не учтенный алгоритмами риск, как стабильность тут же оказывается под угрозой. Власть как бы «едет на велосипеде», который не может остановиться – требуются всё новые и новые технические ухищрения для балансирования, иначе система потеряет равновесие. Как следствие, формируется модель, противоположная классической легитимной стабильности.

Долгосрочные последствия такого положения включают институциональное вырождение и ухудшение способности системы к развитию. Режим, полагающийся лишь на цифровизацию, утрачивает навыки политической гибкости. Решения принимаются на основе удобных данных, обратная связь фильтруется, и в итоге стратегические ошибки накапливаются. Общество привыкает к тому, что инициативы «сверху» являются манипулятивными, и отвечает апатией или латентным сопротивлением.

При этом деградирует и политическая культура, поскольку граждане избегают открытой дискуссии, чиновники боятся брать ответственность без оглядки на «данные», что приводит к тому, что политический режим становится малочувствительным к слабым сигналам, пока те не превратятся в громкий кризис.

Можно говорить и о своеобразном провале адаптации. Цифровые технологии развиваются быстро, и общества в других странах учатся их использовать, в том числе для самоорганизации и давления на власть. Гибридный режим, закрепившись в своей имитационной практике, оказывается не готов к новому витку технологических изменений. Например, появление децентрализованных зашифрованных платформ, неподдающихся цензуре, или широкое распространение продвинутого ИИ среди населения может резко снизить эффективность прежних методов контроля [11]. Если режим не выстроил к этому

Таблица 2

Цифровые и аналоговые подходы к управлению политическими рисками

Критерий	Аналоговый подход	Цифровой подход
Источник угрозы	Индивидуальные или групповые акторы, локальные события. Риски воспринимаются как обусловленные действиями конкретных людей (оппозиционных лидеров, протестных групп)	Структурные данные и сетевые процессы. Угроза фиксируется как абстрактный паттерн (тренд в социальных сетях, аномалия в больших данных) без явного личностного носителя
Реакция власти	Реактивные меры (силовое подавление протестов, точечные репрессии, цензура СМИ и прямые запреты). Вмешательство происходит после проявления риска, часто публично и ощутимо	Активные технические меры (упреждающая фильтрация контента, превентивное блокирование коммуникаций, алгоритмическое снижение охвата «опасных» тем). Вмешательство происходит до широкой огласки риска, незримо для общества
Обратная связь	Неформальные сигналы (слухи, уличные настроения, обращения посредством традиционных каналов (петиций, встреч с депутатами)). Возможна открытая критика, на которую власти реагируют интуитивно	Метрики и мониторинг (анализ социальных медиа, онлайн-опросы, показатели «социального режима»). Обратная связь сводится к числовым индикаторам (рейтинги одобрения, частота негативных упоминаний), часто без учёта качественного диалога
Нормативный статус	Действия власти опираются на явные законные полномочия или чрезвычайное положение. Ограничения вводятся указами, видимыми для общества (цензура по закону, комендантский час)	Используются серые зоны права и новые регуляции. Формально вводятся технические стандарты (например, обязательство локализации данных), которые де-факто дают широчайшие возможности контроля. Меры часто не прозрачны и трудно оспоримы юридически

Источник: авторская разработка.

времени институциональных каналов участия и не завоевал хотя бы частичного доверия, он столкнется с волной нестабильности, против которой его прежние цифровые инструменты окажутся, по сути, бесполезны. Таким образом, технологически стабилизированная нестабильность чревата тем, что любая внезапная инновация или экзогенный шок (будь то новый гаджет, кризис или вирусный контент) может спровоцировать дестабилизацию. Итоговый вывод здесь состоит в том, что цифровые способы управления политическими рисками усиливают контроль, однако не устраняют фундаментальных причин рисков и со временем даже усугубляют их. Режим, полагающийся лишь на технократическое подавление и симуляцию, рискует потерять «связь с реальностью», растратить ресурс доверия и оказаться незащищённым перед новым поколением вызовов. Иными словами, модель устойчивости, основанная на цифровых технологиях вне должной институциональной рефлексии, сама оказывается неустойчивой.

Таким образом, проведённый анализ показал, что в гибридных режимах цифровые способы управления рисками одновременно укрепляют контроль власти и ослабляют её чувствительность к политическим сигналам общества. Институциональное дублирование, алгоритмическая фильтрация и символическая легитимация позволяют быстро и относительно малозатратно гасить проявления нестабильности. Однако эти меры носят поверхностный характер – они откладывают или скрывают проблемы и создают только видимость безопасности режима. Более того, со временем назревают новые риски второго порядка (снижение доверия, технологические уязвимости, деградация институтов), которые могут проявиться в ещё более острой форме. Другими словами, цифровой контроль – это паллиатив, который без учёта коррекции способен превратиться в источник долгосрочной нестабильности власти. Для обеспечения подлинной устойчивости стратегии технического управления рисками должны быть дополнены институциональной рефлексией и политическими реформами. Властям гибридных режимов необходимо как мониторить и подавлять, так и прислушиваться и адаптироваться. Реальное вовлечение граждан в выработку решений, восстановление механизма доверия, обновление легитимных каналов выражения интересов – всё это важно в цифровую эпоху. Без таких шагов режимы рискуют попасть в ловушку собственных технологий, когда контроль тотален, однако управление остаётся иллюзорным. Поэтому главной рекомендацией из проведённого исследования является необходимость сбалансировать цифровые и традиционные механизмы управления на основе укрепления как цифровой безопасности, так и общественного фундамента политической системы. Только при этом условии гибридные режимы смогут уменьшить политические риски при отсутствии новых угроз для собственного будущего.

Литература:

1. Global Internet use continues to rise but disparities remain. UN Department of Economic and Social Affairs Social Inclusion. URL: https://social.desa.un.org/sdn/global-internet-use-continues-to-rise-but-disparities-remain#:~:text=An %20estimated %205,ITU (дата обращения: 30.11.2025).
2. Analysis. Digital Authoritarianism vs. Digital Democracy: Defending the Open Internet in an Era of Tech Fragmentation. Medium. The Diplomatic Pouch. URL: https://medium.com/the-diplomatic-pouch/analysis-digital-authoritarianism-vs-f6ab4deb0910#:~:text=At%20midnight%20on%20the%20eve,From %20targeted %20surveillance %20of (дата обращения: 30.11.2025).
3. Никифоров А.А. Особенности формирования гибридных рисков в российской публичной сфере // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 219–241.
4. Поярков С.Ю. Модификация конституционных механизмов обеспечения стабильности в государстве в контексте трансформации современного конституционализма // Политика и общество. 2025. № 2. С. 242–261.
5. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах Персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156–165.
6. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 3. С. 230–253.
7. Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 28–53.
8. Мишин Д.А., Куровский С.В., Сижажев А.Х. Понятие юрисдикции в национальном и международно-правовом аспектах // Юридическая наука. 2024. № 2. С. 247–251.
9. Мишин Д.А., Куровский С.В., Смолин П.В. Проблемы и перспективы развития отечественного конституционализма // Современное общество и право. 2024. № 4 (71). С. 45–50.
10. Гельман В.Я. Из огня да в полымя (динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 81–108.
11. Победин П.К. Формирование политических институтов и процессов с помощью цифровых технологий и искусственного интеллекта // Постсоветский материк. 2024. № 2 (42). С. 51–61.
12. Discipline and punish: how Turkey controls the internet. OSW (24.06.2025). URL: https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2025-06-24/discipline-and-punish-how-turkey-controls-internet#:~:text=The%20Presidential%20Communication%20Centre%20his %20arrest %2C %20stemmed %20from %20an (дата обращения: 30.11.2025).
13. Хорошкевич Н.Г. Классификация политических рисков государственных гражданских служащих // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 73–78.
14. Бордовских А.Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 63–73.
15. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 84–103.
16. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 39–48.
17. Манаширов Э.С. Математическое доказательство экономического иррационализма политики «социальной справедливости» // Экономическое развитие России. 2025. №10. С. 308–313.

Ways to Manage Political Risks in Hybrid Regimes of Digital Power

Khvan D.A.

The digital development of modern politics has led to the fact that mixed forms of government are faced with an expansion of control capabilities and an increase in unpredictable threats. The relevance of the study is determined by the fact that the digital environment is changing the mechanisms of political governance faster than traditional institutions are able to adapt, which leads to the emergence of new types of risks in the activities of government actors. The aim of the work is to identify ways in which mixed (hybrid) political regimes seek to reduce political risks arising in the digital environment. To achieve this goal, the tasks of analyzing the nature of digital threats, determining their structural consequences

for the political system and substantiating the approaches used by the authorities to neutralize them are being solved. The scientific and practical significance of the research lies in the fact that the work offers a holistic view of the interaction of digital technologies and political institutions, allows us to understand how technical solutions restructure management processes. The presented results show that the government uses three main methods: institutional duplication, algorithmic filtering and symbolic legitimization of risks. These methods provide temporary stabilization, but they are accompanied by the accumulation of hidden problems, a decrease in trust, and the emergence of second-order risks. The scientific novelty of the research lies in the conceptualization of digital risk management as a cyclical process in which the technical suppression of threats is combined with their further reproduction. The paper substantiates that digital methods make it possible to smooth out individual manifestations of instability, but they do not eliminate the root causes of risks and over time form zones that make the political regime more sensitive to new challenges. The findings clarify the understanding of the nature of digital sustainability and expand the tools for analyzing modern political systems.

Keywords: digital political environment, political risks, hybrid regimes, algorithmic management, institutional duplication, public trust, symbolic interpretation of crises

УДК 34
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-254-259

Исполнение решений Международного уголовного суда в контексте резолюций Совета Безопасности ООН

Шамсутдинов Ильяс Рафикович
Аспирант кафедры международного права
юридического факультета
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Актуальность исследования обусловлена сохраняющимися трудностями исполнения решений Международного уголовного суда (МУС), а также усиливающейся политизацией международных механизмов правоприменения и снижением эффективности международного уголовного правосудия. Особую значимость в этом контексте приобретает роль Совета Безопасности ООН при передаче ситуаций в юрисдикцию МУС.

Целью исследования является выявление правовых и институциональных ограничений участия Совета Безопасности ООН в обеспечении исполнения решений Международного уголовного суда.

В статье анализируются особенности обязательств государств при передаче ситуации Советом Безопасности, влияние политических факторов на исполнение ордеров МУС, а также значение института иммунитетов в механизме взаимодействия судебных и политических органов международного правосудия.

В результате исследования обосновано, что передача ситуации Советом Безопасности формирует особый режим международного сотрудничества, который носит обязательный характер, однако не обеспечен самостоятельными механизмами принуждения. Показано, что существующая модель взаимодействия между МУС и ООН способствует институциональной легитимации деятельности Суда, но не гарантирует фактическое исполнение его решений.

Ключевые слова: *Международный уголовный суд, Совет Безопасности ООН, исполнение решений МУС, юрисдикция по статье 13(b), легитимность международного правосудия, иммунитеты должностных лиц, международное сотрудничество*

Для цитирования: *Шамсутдинов И.Р. Исполнение решений Международного уголовного суда в контексте резолюций Совета Безопасности ООН // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 254–259. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-254-259.*

Международный уголовный суд (далее – МУС) создан для привлечения к ответственности лиц, совершивших геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии. Его деятельность основана на Римском статуте 1998 г., который закрепляет систему договорных обязательств государств-участников, включая обязанность сотрудничества с Судом при осуществлении уголовного преследования и исполнении его решений.

Эффективность международного уголовного правосудия во многом зависит от реального механизма исполнения решений Суда, прежде всего ордеров на арест. Поскольку МУС не обладает собственными средствами принуждения, исполнение его решений определяется готовностью государств сотрудничать

и наличием институциональных механизмов обеспечения соответствующих обязательств.

Особое значение имеют ситуации, переданные в юрисдикцию МУС на основании резолюций Совета Безопасности ООН, принятых в соответствии с главой VII Устава ООН (ст. 13(b) Римского статута). Такой механизм применялся, в частности, в отношении Судана (Дарфур) и Ливии. Практика Суда показывает, что исполнение решений МУС в этих ситуациях сталкивается с рядом правовых и институциональных ограничений, связанных как с толкованием положений Римского статута (прежде всего ст.ст. 27 и 98), так и с ограниченными возможностями Совета Безопасности сопровождать принятые решения последующими мерами.

Цель настоящего исследования заключается в анализе правовой природы обязательств по исполнению решений МУС в ситуациях, переданных Советом Безопасности, а также в выявлении факторов, влияющих на их реализацию на практике. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе механизма исполнения решений Международного уголовного суда через призму резолюций Совета Безопасности ООН.

Нормативные основания обязательства сотрудничества при передаче ситуации Советом Безопасности ООН

Правовая природа обязательства государств сотрудничать с Международным уголовным судом определяется сочетанием положений Римского статута 1998 г. и Устава ООН, а также практикой их толкования [1, p. 90; 2; 3, с. 147].

Основой сотрудничества выступает договорное обязательство государств – участников Римского статута, закреплённое в ст.ст. 86–87, согласно которым государства обязуются предоставлять Суду помощь, необходимую для осуществления его функций [4].

В ситуациях, переданных Советом Безопасности в юрисдикцию МУС на основании главы VII Устава ООН, обязательство сотрудничества приобретает институциональный характер, поскольку резолюции Совета Безопасности, принятые в соответствии с главой VII, обладают обязательным характером для всех государств – членов ООН [2]. Такая конструкция реализуется через действие статьи 13(b) Римского статута, предусматривающей возможность передачи ситуации Советом Безопасности [4].

Передача ситуации Международному уголовному суду по решению Совета Безопасности была осуществлена, в частности, в отношении Судана (резолюция 1593 (2005)) и Ливии (резолюции 1970 и 1973 (2011)) [5]. В обоих случаях Совет Безопасности признал соответствующие события угрозой международного мира и безопасности и передал их в юрисдикцию Суда с целью обеспечения привлечения к ответственности лиц, подозреваемых в совершении международных преступлений.

Такая передача не означает присоединения государства к Римскому статуту, однако формирует обязательство сотрудничества, вытекающее из решения Совета Безопасности, принятого в рамках системы коллективной безопасности ООН. В этих условиях государства обязаны оказывать Суду содействие, необходимое для осуществления его юрисдикции, включая предоставление доказательств и документов, содействие следственным действиям, обеспечение явки свидетелей и исполнение ордеров на арест [4].

Исполнение ордеров на арест является ключевым элементом функционирования Международного уголовного суда и одновременно представляет собой основную практическую проблему международного уголовного правосудия. Существенные трудности возникают, в частности, в связи с вопросом соотношения положений ст.ст. 27 и 98 Римского статута. Согласно ст. 27, должностное положение лица, включая статус главы государства, не освобождает его от уголовной ответственности и не препятствует осуществлению юрисдикции Суда. В то же время ст. 98 предусматривает, что Суд не может требовать передачи лица, если это вынудило бы государство нарушить международные обязательства в отношении иммунитетов третьих государств [4].

Разрешение данного противоречия стало одним из ключевых вопросов судебной практики Международного уголовного суда, анализ которой позволяет выявить институциональные и правовые ограничения механизма исполнения его решений.

Практика исполнения решений МУС: Судан и Ливия

Передача ситуаций в юрисдикцию Международного уголовного суда по решению Совета Безопасности ООН была реализована в практике международного уголовного правосудия в отношении Судана (резолюция 1593 (2005)) и Ливии (резолюции 1970 и 1973 (2011)) [5]. Эти случаи показали, что наличие юридического основания для распространения обязательства сотрудничества на государство, не являющееся участником Римского статута, само по себе не гарантирует фактического исполнения решений Суда, прежде всего ордеров на арест.

Наиболее показательным примером стала ситуация в Судане (Дарфур). После передачи ситуации в юрисдикцию МУС Суд выдал ордера на арест ряда лиц, включая действующего на тот момент президента Судана Омара аль-Башира. Судан отказался сотрудничать с Судом, ссылаясь на отсутствие членства в Римском статуте и иммунитет главы государства. Дополнительные сложности возникли в связи с визитами аль-Башира в государства – участники Римского статута, которые не исполнили запросы Суда о задержании [4].

Рассматривая случаи неисполнения запросов МУС государствами – участниками Статута (в част-

ности, Малави и Чадом), Суд указал, что передача ситуации Советом Безопасности приводит к распространению режима ст.ст. 27 и 89 Римского статута на государство, в отношении которого осуществляется расследование, даже если оно не является участником Статута. Исходя из этого Суд пришёл к выводу, что иммунитет главы государства не препятствует исполнению ордеров МУС, когда обязательство сотрудничества вытекает из решения Совета Безопасности [4; 6, p. 92].

Данная позиция получила дальнейшее развитие в решениях по делу о неисполнении запроса Южной Африкой (2017) и была окончательно подтверждена Апелляционной палатой МУС в деле Иордании (2019). Суд указал, что передача ситуации Советом Безопасности в соответствии со ст. 13(b) Римского статута исключает применение иммунитетов, которые могли бы препятствовать исполнению ордера на арест. При этом Суд отметил необходимость системного толкования ст.ст. 27 и 98 Римского статута, исходя из целей международного уголовного правосудия [3; 5, p. 94; 7; 8, с. 212].

Иной характер трудностей проявился в ситуации в Ливии. Несмотря на передачу ситуации резолюциями Совета Безопасности 1970 и 1973 (2011), исполнение решений МУС оказалось существенно затруднено из-за институциональной нестабильности государства. Национальные органы уголовной юстиции ссылались на приоритет внутреннего уголовного преследования в соответствии с принципом комплементарности, закреплённым в ст. 17 Римского статута [4]. Кроме того, отсутствие устойчивых государственных институтов, конкуренция между национальной и международной юрисдикциями, а также недостаточное сопровождение резолюций Совета Безопасности последующими мерами существенно осложнили исполнение запросов Суда.

Таким образом, анализ практики показывает, что передача ситуации в соответствии со ст. 13(b) Римского статута формирует обязательство сотрудничества для государств – членов ООН, однако эффективность исполнения решений МУС определяется не только юридической конструкцией соответствующих обязательств, но и институциональными и политическими факторами. К числу таких факторов относятся устойчивость государственных институтов, готовность государств к сотрудничеству, а также степень участия Совета Безопасности в постреферальной фазе взаимодействия с Судом.

Несмотря на наличие нормативных оснований сотрудничества и сформированную судебную практику, исполнение решений Международного уголовного суда в ситуациях, переданных Советом Безопасности ООН, сталкивается с рядом структурных ограничений. Эти ограничения обусловлены как институциональными особенностями функционирования самого Суда, так и характером взаимодействия между МУС, государствами и органами системы ООН [4; 6, p. 93].

Прежде всего следует отметить отсутствие у МУС самостоятельного механизма принуждения. В отличие от национальных судебных систем Суд не располагает собственными правоохранительными или исполнительными органами и не может самостоятельно осуществлять задержание лиц, находящихся на территории государств. Исполнение ордеров на арест зависит от готовности государств сотрудничать с Судом, их институциональной способности обеспечить исполнение запросов, а также эффективности взаимодействия с международными структурами [4; 9, p. 515]. Даже в случаях, когда обязательство сотрудничества вытекает из резолюции Совета Безопасности, Суд может лишь констатировать факт неисполнения, но не обладает возможностью обеспечить реализацию своих решений принудительными средствами.

Существенное значение имеет и политико-институциональный контекст взаимодействия с Советом Безопасности. Хотя именно Совет принимает решения о передаче ситуации в юрисдикцию МУС, дальнейшее сопровождение процесса исполнения решений Суда зачастую оказывается ограниченным. В практике Суда неоднократно отмечалось, что сообщения о неисполнении запросов направляются в Совет Безопасности, однако такие обращения редко приводят к последующим мерам, в том числе к применению санкционных механизмов [4; 10, p. 340]. Отсутствие формализованной процедуры мониторинга исполнения решений МУС со стороны Совета Безопасности усиливает зависимость эффективности международного уголовного правосудия от политических факторов.

Дополнительным препятствием выступает институциональная нестабильность государств, в отношении которых осуществляется расследование. Опыт ситуации в Ливии показал, что даже при признании юрисдикции Суда фактическое исполнение его решений может оказаться невозможным при отсутствии устойчивых государственных институтов. Конкуренция между различными политическими и вооружёнными группами, слабость национальной судебной системы и ограниченная управляемость территорий существенно осложняют выполнение запросов МУС [3; 11].

Наконец, дискуссионным остаётся вопрос соотношения ст.ст. 27 и 98 Римского статута, регулирующих проблему иммунитетов должностных лиц. Хотя судебная практика МУС, включая решение Апелляционной палаты по делу Иордании, исходит из приоритета нормы о неприменимости иммунитетов в ситуациях, переданных Советом Безопасности, в доктрине сохраняются различные подходы к толкованию данных положений [4; 7; 8, с. 214; 12]. Часть исследователей считает, что резолюция Со-

вета Безопасности сама по себе устраняет действие иммунитетов, тогда как другие указывают на необходимость прямого указания на это в тексте соответствующей резолюции.

Таким образом, анализ практики показывает, что исполнение решений Международного уголовного суда определяется не только юридической конструкцией обязательств сотрудничества, но и более широкими институциональными и политическими факторами. К числу ключевых ограничений относятся отсутствие у Суда собственных механизмов принуждения, зависимость от позиции государств и Совета Безопасности, а также институциональная нестабильность государств, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

Возможные направления совершенствования механизма исполнения решений МУС (*de lege ferenda*)

Анализ правовой природы обязательств сотрудничества государств с Международным уголовным судом и практики их исполнения в ситуациях, переданных Советом Безопасности ООН, позволяет говорить о необходимости уточнения отдельных институциональных механизмов сопровождения таких решений. Речь при этом не идёт о расширении юрисдикции МУС или изменении его полномочий, а о совершенствовании процедур взаимодействия между Судом, государствами и Советом Безопасности [4; 6, p. 93].

Уточнение содержания обязательства сотрудничества в резолюциях Совета Безопасности

Резолюции Совета Безопасности, принимаемые на основании главы VII Устава ООН, обладают обязательной силой для всех государств – членов ООН, однако их формулировки зачастую носят рамочный характер. В целях повышения определённости правоприменения представляется целесообразным более чётко фиксировать в тексте резолюций обязательность исполнения запросов МУС, включая запросы об аресте и передаче обвиняемых.

Дополнительная конкретизация таких положений могла бы способствовать снижению числа разночтений в государственной практике и укреплению единообразия исполнения решений Суда [5; 9, p. 518].

Формирование механизмов мониторинга исполнения

В настоящее время резолюции Совета Безопасности не сопровождаются формализованной процедурой контроля за исполнением запросов МУС. Сообщения Суда о случаях неисполнения направляются в Совет Безопасности, однако их рассмотрение не всегда приводит к принятию последующих мер [10, p. 341].

В этой связи представляется возможным развитие практики регулярного включения информации о сотрудничестве государств с МУС в доклады Генерального секретаря ООН, а также обсуждение соответствующих вопросов в рамках заседаний Совета Безопасности. Подобные меры могли бы повысить прозрачность процесса исполнения решений Суда и поддерживать внимание международного сообщества к проблеме их реализации.

Развитие взаимодействия с национальными органами уголовной юстиции

Практика показывает, что в ряде ситуаций основным препятствием исполнению решений МУС выступает ограниченная институциональная способность государства. Это особенно наглядно проявилось в ситуации в Ливии, где фрагментация государственных институтов существенно осложнила выполнение запросов Суда [3; 11].

В подобных условиях важную роль может играть развитие форм технического и консультативного взаимодействия между МУС и национальными органами уголовной юстиции, включая помощь в документировании доказательств, обмен процессуальным опытом и поддержку в организации процедур передачи обвиняемых. Такие меры способны повысить практическую исполнимость решений Суда без изменения характера международных обязательств государств.

Поддержание единообразия толкования ст.ст. 27 и 98 Римского статута

Судебная практика МУС сформировала относительно устойчивый подход к соотношению ст.ст. 27 и 98 Римского статута, согласно которому передача ситуации Советом Безопасности устраняет препятствия, связанные с иммунитетом должностных лиц, при исполнении ордеров на арест. Данная позиция была подтверждена Апелляционной палатой Суда, в частности в решении по делу Иордании [6, p. 94; 7; 12].

Вместе с тем для обеспечения предсказуемости международного правоприменения представляется целесообразным продолжать разъяснительный диалог между Судом и государствами. Этому могут способствовать публикация аналитических обзоров судебной практики, экспертные обсуждения и обмен правовыми позициями в рамках Ассамблеи государств – участников Римского статута.

Заключение

Исполнение решений Международного уголовного суда в ситуациях, переданных в его юрисдикцию Советом Безопасности ООН, характеризуется сочетанием договорных и институциональных элементов обязательства сотрудничества. Передача ситуации в соответствии со ст. 13(b) Римского статута формирует обязательство сотрудничества для государств – членов ООН, что подтверждается как содержанием резолюций Совета Безопасности, так и судебной практикой Международного уголовного суда [4; 5].

Вместе с тем эффективность исполнения ордеров на арест и иных запросов Суда определяется

не только юридической природой соответствующих обязательств, но и рядом практических факторов, включая политическую волю государств, устойчивость национальных правовых институтов и степень участия Совета Безопасности в постреферальной фазе взаимодействия с Судом. Анализ ситуаций в Судане и Ливии показывает, что различия в институциональных условиях и позициях государств могут приводить к существенно различающимся результатам исполнения решений МУС.

В этой связи перспективным представляется дальнейшее развитие процедур взаимодействия между Международным уголовным судом, государствами и Советом Безопасности ООН [6, p. 95; 13, с. 402].

В частности, повышение эффективности исполнения решений Суда может быть связано с уточнением формулировок резолюций Совета Безопасности в части обязательности сотрудничества, развитием механизмов мониторинга исполнения и укреплением практических форм взаимодействия между МУС и национальными органами уголовной юстиции. Реализация указанных направлений способна повысить последовательность и предсказуемость исполнения решений Суда, не изменяя при этом базовых полномочий Международного уголовного суда и Совета Безопасности.

Литература:

1. Rome Statute of the International Criminal Court. 17 July 1998. UN Doc. A/CONF.183/9. URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf
2. Charter of the United Nations. 26 June 1945. URL: https://www.un.org/en/about-us/un-charter
3. Кибальник А.Г. Международное уголовное право. М.: Юрайт, 2019. 501 с.
4. International Criminal Court. The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir. Decisions on the non-compliance by Malawi and Chad with the cooperation requests issued by the Court. ICC-02/05-01/09. URL: https://www.icc-cpi.int
5. United Nations Security Council. Resolution 1593 (2005); Resolution 1970 (2011); Resolution 1973 (2011). URL: https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions
6. Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 89–95
7. International Criminal Court, Appeals Chamber. Judgment in the Jordan Referral re Al-Bashir Appeal. ICC-02/05-01/09-397-Corr. 6 May 2019. URL: https://www.icc-cpi.int
8. Каламкарян Р.А., Мигунов С.А. Международное уголовное право. М.: Норма, 2018. 541 с.
9. Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 512–520.
10. Akande D. The Legal Nature of Security Council Referrals to the ICC and Its Impact on Al Bashir's Immunities // Journal of International Criminal Justice. 2009. Vol. 7. P. 333–352.
11. International Criminal Court. Situation in Libya: Decision on the admissibility of the case against Saif Al-Islam Gaddafi. ICC-01/11. URL: https://www.icc-cpi.int
12. International Court of Justice. Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). Judgment. ICJ Reports. 2002. P. 3–35.
13. Абашидзе А.Х., Верещетина В.С., Егорова С.А., Марочкина С.Ю. Международное право. М.: Норма, 2020. 576 с.

Execution of Judgments of the International Criminal Court in the Context of un Security Council Resolutions

Shamsutdinov I.R.
University of Management "TISBI" (Kazan)

The relevance of the study is due to the persistent difficulties in enforcing the decisions of the International Criminal Court (ICC), as well as the increasing politicization of international law enforcement mechanisms and the declining effectiveness of international criminal justice. In this context, the role of the United Nations Security Council in referring situations to the jurisdiction of the ICC becomes particularly significant.

The aim of the study is to identify the legal and institutional limitations of the United Nations Security Council's participation in ensuring the enforcement of decisions of the International Criminal Court.

The article analyzes the nature of state obligations arising from Security Council referrals, the influence of political factors on the execution of ICC arrest warrants, and the role of the doctrine of immunities in the interaction between judicial and political bodies of international justice.

The study demonstrates that Security Council referrals create a special regime of international cooperation that is formally binding but lacks independent enforcement mechanisms. It is shown that the existing model of interaction between the ICC and the United Nations contributes to the institutional legitimization of the Court's activities but does not guarantee the effective implementation of its decisions.

Keywords: International Criminal Court, United Nations Security Council, enforcement of ICC decisions, jurisdiction under Article 13(b), legitimacy of international criminal justice, immunities of state officials, international cooperation

УДК 005.32 : 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-260-267

Философия общего дела субъектов гражданского общества Татарстана

Агапов Олег Дмитриевич
Доктор философских наук,
профессор, советник ректора
Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова

Статья посвящена анализу деятельности институтов гражданского общества в первой четверти XXI в. в Республике Татарстан как одного из регионов Российской Федерации. Автор обращает внимание на вопросы конституирования, институционализации многообразных гуманитарных инициатив татарстанцев. В контексте реконструкции исторического пути Татарстана (1989–2025 гг.) было выявлено, что ключевым мировоззренческим ориентиром взаимодействия между гражданами, институционализированными общественными объединениями (НКО) и государственными структурами выступает философия общего дела, воплощенная в лозунгах «Мы вместе / Без бергэ» и «Мы можем / Без булдырабыз». Перечисленные формулы выступают интенцией для всех субъектов гражданского общества, делающей возможным его интерактивность, интерсубъектность, диалогичность и интерпретативность, что открывает путь к медиации смыслов, росту сознания и самосознания субъектов гражданского общества, выработке проактивного социально-гуманитарного мышления, воплощающегося в масштабных проектах власти, граждан и общественных институций.

Ключевые слова: *инициатива, почин, предприимчивость, проактивность, субъектность, стратегия*

Для цитирования: *Агапов О.Д. Философия общего дела субъектов гражданского общества Татарстана // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 260–267. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-260-267.*

«*Философ – это человек, желающий понять свое время и помочь другим людям изменить условия их бытия посредством осмысления их положения*» [1, с. 303].

Введение, или Философия общего дела Татарстана

Проанализировав опыт модернизации стран Азии (КНР, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), В.Г. Федотова и В.А. Колпаков сделали следующие выводы: «1. Проблема социальных трансформаций для своего обсуждения нуждается не только в макросхемах, но и в микроанализе того, как это происходит на уровне каждой страны и даже ее по-разному развитых регионов. 2. Успех может быть достигнут при отказе от разрушения собственных особенностей, прежде казавшихся исключительным препятствием развитию, вхождению в современность, обновлению, в сторону конкурентоспособности с западными странами. 3. Развитие без предварительной смены идентичности позволяет людям сохранить достоинство. Достоинство состоит и в готовности к жертвам, и в готовности к трудовой аскезе (а не только гедонистическим ожиданиям). Люмпенизированному населению нечем и незачем жертвовать, оно само – жертва догоняющей модернизации. Люди, сохранившие идентичность и достоинство, уверены в себе настолько, чтобы успешно и целенаправленно действовать…..» [2, с. 269–270].

Более того, по В.В. Малявину, специфика Китая – это модернизация на базе собственной модели рациональности – конфуцианства, а не западной – декартовской, что делает его единым экономическим

субъектом, где политический класс, интеллигенция, чиновничество, предприниматели, иные хозяйствующие субъекты члены единой корпорации [3, с. 304]. Россия сегодня осознала себя как субъекта исторического бытия, понимающего социально-антропологическую важность традиционных ценностей. Иначе говоря, и перед федеральным центром, и перед регионами, в целом перед российской гражданской политической нацией стоит цивилизационная задача по ***взращиванию смыслов и институтов жизнеспособности*** в XXI в.

Итак, достоинство и опора на собственную социокультурную идентичность стали основой успешности воплощения модернизации стран тихоокеанского региона. Безусловно, внутри китайского и японского обществ были и есть противоречия, но они, как правило, решаются между собой с опорой на *собственные ресурсы*. Даже мера открытости и принятия чужого / другого опыта здесь своя, определяется активными политическими и гражданскими силами. Указанное обстоятельство не позволяет произойти расколу общества (на «старых» и «новых», на годных и негодных). Также в указанных условиях низок уровень подозрительности, узок круг лиц поклонников «теории заговора» и любителей поиска «врагов народа» / «пятой колонны».

На наш взгляд, суть достоинства в экзистенциальном событии *стояния* или пребывания в современности, где *мысль – действие – ответственность* даны и разворачиваются в единстве бытия личности как человека и гражданина. Смысл достоинства в том, чтобы быть *самим собой* или другим собой (альтернативным себе или живым, растущим, развивающимся в противовес косному / мертвому еще до смерти) в ту меру, которая, собственно, и делает человека личностью. Несомненно, мы отдаем себе отчет в том, что концепт достоинства весьма богат на смыслы и требует более детальной герменевтики, социокультурного резонанса. Более того, необходимо видеть и риски сознания достоинства (гордыня, изоляционизм). Однако ни правовое государство, ни гражданское общество, ни инновационная экономика, невозможная без гражданина, обладающего сознанием (а не только чувством) собственного достоинства, достоинства своей семьи / фамилии / (на) рода, достоинства общества / государства, достоинства выбранного пути.

Бытие России как государства-цивилизации также опирается на концепты достоинства и выработки собственного цивилизационного пути. Прямым свидетельством этого является ее *суверенное развитие*, противодействие русофобии и практикам навязанной идентичности. Путь России – путь политической, экономической и социокультурной рефлексивной модернизации в условиях мир-системы Модерна. Суверенное развитие России – это динамика развития российской гражданской политической нации, которая выступает общей средой развития для всех народов и народностей, в нее входящих. Каждый из 89 регионов России сегодня может рассматриваться как в контексте общего развития, так и многообразия практик, воспроизводящих конкретику исторического опыта, социального капитала, технологических возможностей. Специфика Российской Федерации состоит в том, что каждый из ее субъектов имеет широкие возможности для проявления социально-экономических и социокультурных инициатив, что создает богатство стратегий и практик во внутренней и внешней политике. В частности, Республика Татарстан, как и другие субъекты России, активно сотрудничает с иностранными административно-территориальными образованиями, субъектами иностранных федераций и иностранными государствами в соответствии с законодательством РФ. Указанное взаимодействие характеризуется в Конституции Российской Федерации (далее – КРФ) (п. 1 ст. 72) и в Федеральном законе от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» как «международные и внешнеэкономические связи» [4, с. 132]. Республика Татарстан как субъект Российской Федерации обладает множеством практик и инструментов для обогащения общей линии внешней политики Российской Федерации (Всемирный конгресс татар, «исламский банкинг», БРИКС).

Вопрос вопросов: на каком мировоззренческом фундаменте конституируется «модель» Татарстана? Полагаем, что в эпоху перемен 1989–2004 гг. в ТАССР – ТССР – Республике Татарстан нашли формулу общественного согласия, позволяющую обрести единство и способность к развитию. На наш взгляд, наиболее полно – это выражено в двух формулах, а именно: «*Мы вместе / Без бергэ»* и *«Мы можем / Без булдырабыз*». Именно в этих призывах дана интенция для всех субъектов гражданского общества, делающая возможным его интерактивность, интерсубъектность, диалогичность и интерпретативность, открывающая путь к медиации смыслов, росту сознания и самосознания субъектов гражданского общества, выработке проактивного социально-гуманитарного мышления, воплощающегося в масштабных проектах власти, граждан и общественных институций. Двойной призыв «Без бергэ» и «Без булдырабыз» образует мировоззренческий каркас, сообщающий гражданскому сообществу Татарстана определенную *стать* и *достоинство*, позволяющий ему на уровне общественного сознания создать образ и самообраз себя.

Слагаемые идентичности Татарстана	
Мы вместе / Без бергэ	***Мы можем / Без булдырабыз***
Единство	Способность к развитию
- граждан, государства и НКО;	- проактивное

- длинная формула татарстанской идентичности; - диалог между светски и религиозноориентированными гражданами; - межнациональный и межрелигиозный диалог - неприятие радикализма, экстремизма и терроризма как стратегий развития; - принятие исторического опыта как ресурса социально-цивилизационного развития без обнуления исторической памяти	мышление; - мягкое вхождение в любой процесс; - стратегия сопровождения / наставничество; - стратегия поддержки гуманитарных, социальных и технологических инициатив; - ориентация на внедрение; - комплексный подход к развитию

Л.В. Сагитова отмечает, что «ведущая роль в формировании новой идентичности республики была за властной элитой. Реальные властные полномочия, её легитимность в диалоге с Москвой (в противовес национальному движению), опыт партийной работы в сочетании с умением применять идеи пользующихся массовой поддержкой общественных сил позволили команде первого Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева провести свой вариант политической идентичности республики: добиться экономической самостоятельности; нейтрализовать радикальные проявления национализма и заложить основы республиканской культурной политики, направленной на выравнивание статусов русской и татарской культур и языков» [5, с. 135–147].

От философии к социологии

Обширное социологическое исследование Г.И. Макаровой, с применением количественных и качественных методов, показало, что сегодня есть ряд позитивных моментов в восприятии образа Татарстана как составной части Российской Федерации. Согласно позиции респондентов как из политического класса, так и большинства граждан, Татарстан принял сложившуюся за 1989–2000 гг. идентичность – бренд – особого региона России, способного быть активным субъектом политических, социально-экономических и социокультурных инициатив. Подобный уровень – множественной идентичности с общероссийской доминантой выступает большим цивилизационным достижением государственно-политического развития Республики Татарстан, который должен быть *не только сохранен, но и обогащен* новыми смыслами и практиками, позволяющими создать глубокую и институциональную структуру развития России в XXI в. В частности, татарстанцы на уровне общественных форм сознания и дискурса воспринимают Татарстан как «*неотъемлемую часть Российской Федерации, обладающую высоким экономическим, человеческим, культурным потенциалом*» [6].

1.	Татарстан – регион, имеющий особые договорные отношения с центром и собственную модель этнокультурной политики
2.	Татарстан – территория межнационального и межконфессионального согласия, взаимодействия традиций и культур
3.	Татарстан – место паритета татарской и русской культур, уникального взаимодействия ислама и православия
4.	Татарстан – центр татарской культуры, место памяти и точка притяжения всех татар
5.	Татарстан – территория мирного ислама, центр исламской культуры в России
6.	Татарстан – передовой, инвестиционно и туристически привлекательный регион России
7.	Татарстан – территория исторических корней российской государственности, уникального развития православия и русской культуры

Более того, цивилизационное развитие российского государства-цивилизации предполагает высокую связность социально-экономического, военного, технологического, научного и социокультурного планов всех субъектов Российской Федерации, каждый из них обладая самобытностью и ресурсами для развития, созидает совместное общее цивилизационное поле развития России. В свою очередь, федеральный центр – это не просто распределитель бюджета, а *метасубъект*, задающий всей России целостность, единство, полноту, завершенность, создающий основу для социально-экономического и социокультурного развития и безопасности.

Гражданское общество: разрыв шаблона

Более сорока лет (80- е гг. XX – н.в.) определенная часть российской административно-академической среды берет за *аксиому* положение о том, что в *России нет и не может быть гражданского общества.* На все аргументы о том, что историческое бытие России противоречит этому предубеждению, как правило, предлагается показать политические партии, готовые идти на штурм системы и т.д. Однако в основании подобных убеждений, полагаю, кроется заблуждение. И. Валлерстайн, изучая историю институтов гражданского общества, показал, что оно не сводится к деятельности политических партий, а может быть направлено на устроение жизни сообществ людей по широкому спектру мира повседневности. Ч. Тейлор и О. Хархордин напоминают нам, что согласно одной из традиций новоевропейской политической философии, идущей от Ш. Монтескьё, Б. Констана и А. Токвиля, гражданское общество – это *corp intermediaries*, т.е. пространство «*промежуточных тел*» или «властей», опосредующих отношения между индивидом и государством [7, с. 328]. Поэтому не только парламент может выступать институцией гражданского общества, но и салоны и кружки, газеты, особые совещания (они же «фабрики мышления» в министерствах), университеты, местное самоуправление.

«Промежуточные тела» – это ассоциации, союзы, корпорации – общей чертой которых выступают интерес, общее дело, свободное волеизъяв-

ление. Неслучайно XVII–XXI вв. стали периодом становления и развития гражданских сообществ, где в единстве многообразия (религиозного, этнического, профессионального и т.д.) оттачивались идеи и практики личностного бытия. Ойген Розеншток-Хюсси, один из реконструкторов корпуса Современности, отмечал, что «гражданин – тот, кто живет и работает так, как если бы он сам был основателем дела, которому он служит, законодателем общности или "града", где он нашел свое место» [8, с. 270].

Сегодня основой сборки развивающегося субъекта России выступают национальные проекты, СВО и альтерглобализм. Относительно Республики Татарстан, то, реконструируя путь политического руководства и народа Татарстана, можно констатировать, что во многом они интуитивно пошли именно путем «сборки субъектов». Сама «модель Татарстана» и ее реализация (1990–2020 гг.) являет собой ***онтологию развития***. Каждый новый шаг – Универсиада 2013, *Kazan World Skills* 2019, Игры будущего 2024 г., Саммит БРИКС-2024 – вовлекает в процессы практически всех граждан республики, совершенствуя их профессиональные, гражданские и социокультурные компетенции.

Фактически Общественная палата Российской Федерации и ее субъектов выступают «*рефлексивными площадками*» или «*фабриками мышления*» развития различных субъектов российского общества, для которых «оснащенная языковыми средствами для *осознания и структурирования им реальности самого себя и своей деятельности*» [9]. Ярким свидетельством наличия «модели Татарстана» выступает деятельность татарстанцев, вовлеченных в различные практики гражданского служения, позволяющих воплощать как личные достоинства и таланты, так и изменять социальную жизнь России и Татарстана, выводить ее на новый качественный уровень. Наиболее полно социально-гуманитарные практики развития Республики Татарстан получили благодаря формированию ***Общественной палаты республики*** (далее – ОП РТ) в 2006 г. (руководители: 2006–2012 гг. – И.К. Хайруллин; 2012–2019 гг. – А.А. Фомин, 2020–2025 гг. – З.Р. Валеева, н.в. – А.М. Терентьев) [10, с. 252]. Возникнув в рамках формирования Общественной палаты Российской Федерации, она стала площадкой диалога между государством, институтами гражданского общества. Под эгидой ОП РТ проводятся Республиканские форумы социально ориентированных некоммерческих организаций (2011 г., 2013 г., 2015 г., 2017 г., 2020 г. 2022 г.), способствующие обсуждению важнейших проблем деятельности СО НКО Татарстана, снятию административных барьеров и препятствий в деятельности гражданских активистов, волонтеров, благотворителей.

Общественная палата Республики Татарстан стремится координировать деятельность институтов гражданского общества в различных сферах и на разных уровнях социума. Важнейшим партнером Общественной палаты Республики Татарстан являются вузы региона К(П)ФУ, КГЭУ, КНИТУ – КАИ, КНИТУ – КХТИ, КГМУ, КГАСУ, КИУ. В настоящее время в Республике действует 33 общественных совета при органах исполнительной власти и 44 муниципальных общественных совета. Высокой мотивацией для деятельности СО НКО стал Указ Президента Республики Татарстан от 03.07.2015 № УП-619 «Об учреждении премии Президента Республики Татарстан за вклад в развитие институтов гражданского общества в Республике Татарстан». За десять лет премии Президента Республики Татарстан были удостоены 30 человек и 50 некоммерческих организаций.

Гражданское общество: не сколько что, а кто

Таким образом, в дискуссии о наличии или отсутствии гражданского общества можно поставить точку – *оно есть* и весьма активно развивается, но не по лекалам оторвавшихся от реальности постмодернистских интеллектуалов на службе глобальных ТНК. Методологический изъян абстрактного поиска гражданского общества состоит в том, что вместо обсуждения вопроса о *субъекте / субъектах* гражданского общества, т.е. буквально о тех политических партиях, гражданских объединениях и движениях, составляющих дух и плоть социальности, именно от действий и деятельности различных НКО напрямую зависят дела милосердия и благотворительности, волонтерства и многое иное. Дальнейшее развитие России как субъекта цивилизации предполагает проработку системы онтологий, «ориентированных на организацию функциональных связей и коммуникативных процессов, обеспечивающих включенность всех субъектов в поддержку процессов целеполагания (***онтология «развития»***) и стратегического планирования и проектирования (***онтология «конструирования»***), обеспечения жизнедеятельности (***онтология «сопровождения»***), преодоления точек разрыва в жизнедеятельности (***онтология «поддержки»***), обеспечения инноваций (***онтология «внедрения»***). Все онтологии взаимосвязаны в единой системе обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития социальной системы» [9, с. 38].

В рамках реализации каждой из них конституируется и институционализируется определенный субъект – от вполне конкретной личности до профессиональных сообществ, управленческих команд, всей гражданской политической нации в целом.

Согласно социально-философской реконструкции Ю. Хабермаса, развитие гражданского общества в Западной Европе характеризуется тем, что её ключевым атрибутом выступает *публичная сфера*, превращающая любое государство в коммуникативное *со – общество* и большое герменевтическое

поле для согласования жизненных приоритетов и определения насущных моментов совместной деятельности, а также конституирования идентичности, дающей жизнь такой целостности, как народ [11, с. 336].

Исторический опыт стран Западной Европы, безусловно, интересен, но его нельзя воспринимать как догму и шаблон. Элементы гражданского общества были известны демократическо-республиканским общностям древности (общины), средних веков (церковь, цеховые сообщества, еретические сообщества), нового времени (коммуны, буржуазные республики, гильдии), но по-настоящему институализация гражданского общества относится к обществу Модерна/индустриальному обществу (Гегель, К. Маркс, Н. Элиас, Ю. Хабермас, М. Фуко, П. Бурдье). Сегодня обретение новых форм гражданственности, социальности, солидарности и свободы ведется не на привычных социально-политических площадках, а в структурах повседневности, в «лабиринтах» медийного пространства. Следует помнить, что сам переход от подданнических политий традиционного типа общества к гражданским сообществам современности – не одномоментный акт, а длительный исторический процесс вызревания совокупности факторов. Полагаю, что теория множественной Современности (Арансон, Айзенштадт), также как и теория многополярного мира (Е.М. Примаков, А. Панарин), концепция государств-цивилизаций (С. Перевезенцев, В. Спиридонова) должны учитывать сложный генезис рождение Модерна из духа первоначального *пиратского накопления капитала* (К. Маркс), из духа протестантской этики (М. Вебер), из мерцающих смыслов гностических сект (А. Неклесса), из возвращающегося к икономии православия (С. Булгаков), из культурных миров конфуцианства (В. Малявин), из буддизма (Э. Шумпетер).

Ключевые институции гражданского общества – правовое государство, гражданские ассоциации и личность – суть грани субъекта Модерна – гражданина, стремящегося к воплощению (М. Мамардашвили), к признанию (Гегель – А. Кожев – П. Рикер), к спасению (М. Вебер – Ч. Тейлор), к свободе. В бытии гражданина в перспективе современной социально-философской парадигмы необходимо различать, как минимум, три взаимосвязанных грани – а) гражданин как субъект государственной политики, б) гражданин как субъект социокультурной деятельности и в) гражданин как личность. Каждая грань требует определенной практики – от открытия до освоения и воплощения.

Иными словами, кардинальный вопрос развития гражданского общества и его институтов – это развитие публичной сферы как сферы обсуждения проблем общества и области принятия решений на различных уровнях: на уровне общей установки (ожидания поколений), формальных и неформальных лидеров, где может обитать интеллигенция, может осуществляться интеллигибельность или рефлексия. К сожалению, в российской политической традиции за категорией «интеллигенция» закрепилась амбивалентная слава (на эзоповом языке XIX в. – определение только для представителей революционно-демократического движения).

Вместе с тем нормативное западноцентричное представление гласит о том, что у истоков субъектов и институтов гражданского общества в Западной Европе (по А. Грамши, О. Розеншток-Хюсси, А. Лосеву) стоит именно *органическая интеллигенция*, давшая начало национальным движениям и многому иному в мире Модерна. Место обитания и взращивания смыслов и сил органической интеллигенции (XIII–XVIII вв.) выступали в содружестве монастыри и университеты, которые, к сожалению, после эпохи Просвещения потеряли чувство своего единства (богословия, философии и науки) и органической связи с народом / нацией. Именно в XIX в. появляется на исторической арене антипод интеллигенции – интеллектуал – лицо наемного труда, продающее «ум и перо» всем, кто может его нанять.

Итак, органическая интеллигенция – это люди публичной сферы, люди, заканчивающие университеты и становящиеся чиновниками – государственными служащими, военными, верующими, учеными, дипломатами, предпринимателями, инженерами, агрономами, медиками и т.д. – тем, просвещенным народом, который способен к гражданскому служению, духовной практике, к воплощению на любом поприще жизни. Вероятно, не будет преувеличением, что дух Нового и Новейшего времени воплощал не только Ренессанс или Реформация, но процесс институализации университетов и его субъект – *homo academicus* (П. Бурдье).

Действительно, XVII–XIX вв. – стали временем конституирования и институализации *homo academicus* – университетское образование равно необходимо и монархам (Н. Элиас) с их подданными, и республиканцам. Современный мир – не только Запада, но и мир Организации Объединенных Наций (мир после 1945 г.) – это мир *homo academicus,* где выпускники вузов и в армии, и в спецслужбах, и в госкорпорациях, и в ТНК. Аватарами homo academicus выступают и менеджеры, и прекариат, и хиппи, и креаторы.

Линейка *homo academicus* широка – это профессионалы, юристы, политики, философы, богословы, ученые, медики, идеологи – все они живут интерпретациями – все они производят смыслы, генерируют их, находясь в поле борьбы и конкуренции за символический капитал как ресурс организации, управления и контроля за социальным развитием. Общий предмет рефлексии интеллигенции / *homo academicus* – это социальная реальность во всем ее

противоречии и динамике. Метод осмысления – интерпретация, экзегеза, герменевтика, проводником в мир социального всегда выступает язык. Конкурирующие между собой интерпретации социальных процессов становятся событием опыта мысли и самотрансформации *homo academicus*.

Иначе говоря, рефлексивность, методологическая функция процесса интерпретации направлена не только на понимание, но и на преображение человека как стихийного порождения исторических сил во всеединого субъекта истории, претворяющего родовые (божественную и природную) силы в конкретно-историческом бытии человечества и выходящего тем самым на целе- и ценностно-рациональной деятельности и ответственности. Результат публично-рефлексивной деятельности интеллигенции состоит в конституировании метафизики или мира культуры, благодаря которому создается альтернативный природной реальности мир, необходимый для концентрации, сосредоточения, для обретения каждым самого себя, смысла своего бытия.

Современный путь институализации гражданского общества – это путь не из университетов в народ или на баррикады, а из университетов в новые инновационные отрасли производства. Массовый рост университетов в России в 1994–2010 гг. – это подлинная стихийная социальная революция, ставшая реальным массовым социальным лифтом и спасением России от гражданской войны (студент как альтернатива гопнику). Российские вузы стали местом встречи народа и власти, властителей дум и бюрократии, буйных пассионариев и удачливых предпринимателей, мажоров и парней с окраин. Из университета верстали своих активистов и власть, и бизнес, и НКО. Каждый из вузов помимо образовательной и научно-исследовательской миссии, осуществляет также «третью миссию». Например, на уровне Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова (далее – КИУ) мы понимаем третью миссию университетов как деятельность в интересах региональных социальных сообществ, подразумевая под этим благотворительную и волонтерскую деятельность, социальное предпринимательство, развитие экологических проектов, научно-просветительскую деятельность, трансфер научных знаний в различные сферы социума, оказание социальных услуг и участие научно-педагогических работников в деятельности экспертных сообществ и общественных советов республиканских министерств, муниципальных образований. Изначально, с 1994 г., основатель вуза, первый ректор Виталий Гайнуллович Тимирясов – нацеливал и профессорско-преподавательский коллектив, и студенчество на социальную активность, на развитие культуры участного и неравнодушного отношения к людям, их интересам, проблемам.

На наш взгляд, создание частного вуза можно рассматривать как гражданскую инициативу, направленную на решение задач, стоящих перед российским обществом, путем расширения образовательных возможностей граждан. В конечном итоге устойчивое развитие общества напрямую зависит от профессиональных компетенций граждан, которые они способны воплотить в своей жизни, на уровне социально-экономических и социокультурных инноваций и предпринимательства. Социальный эффект открытия вуза, нацеленного на государственно-частное партнерство, выразился также и в том, что, помимо развития университета в Казани, его филиалы заработали в шести городах Республики Татарстан (Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске, Бугульме, Чистополе, Зеленодольске). Каждый из филиалов стал образующим фактором по «пересборке» городских и муниципальных сообществ, поскольку высшее образование дает путевку в жизнь как молодежи, так и более возрастным категориям, задает новые социально-экономические (развитие малого и среднего предпринимательства) и социокультурные горизонты. Ежегодно десятки преподавателей КИУ входят в состав экспертных комиссий по проблемам развития гражданского общества, акселерации динамики малого и среднего бизнеса, планирования общественных пространств и организации экологического движения, инклюзивного образования, цифровой трансформации, укрепления межнациональных отношений и профилактики коррупционного поведения. В 2016 г. для координации социально ориентированной деятельности вуза и общественников Татарстана была создана кафедра институтов гражданского общества под руководством председателя ОП РТ А.А. Фомина.

Именно большое количество выпускников вузов порождает творчески-инновационный дух Современности. Другой вопрос, что *homo academicus – это духовно неуспокоенные* (по А. Тойнби), которым необходимы большие проекты, мягкое управление и поддержка их свободного профессионального и иного целеполагания, сценариев проживания жизни.

Заключение

В рамках обновления советского общества на волне перестройки М. Горбачева (1985–1991 гг.), а затем в сложнейших условиях становления российского федерализма сформировалась «*модель Татарстана*» как общий подход политико-экономической элиты региона и субъектов гражданского общества региона к реалиям политического, социально-экономического и социокультурного развития. Создаваемая многоуровневая и многовекторная система оказалась способной ответить на вызовы начала XXI в., задать устойчивый вектор развития в долгосрочной перспективе. Например, республиканский статус Татарстана предполагал установление *линии федерального управления*, прямой и обратной связи между центром и регионом, а также *линии прямой*

демократии, связанной с развитием местного самоуправления, промышленности, агропромышленного комплекса, науки и образования и т.д. В итоге в начале 2000-х гг. Республика Татарстан обрела свою *формулу идентичности*, позволяющую интегрироваться как в федеральную «повестку дня», так и международные политико-экономические процессы, опираясь на консолидированную поддержку большинства граждан Татарстана.

Средоточием всех вызовов, стоящих перед Республикой Татарстан как субъектом Российской Федерации, выступает ***проблема*** дальнейшего развития цивилизационно-инновационной ***субъектности***. В целом она представляет собой модификацию ключевого вопроса эпохи Модерна: как *совместить мировоззренческие ориентиры человека Традиции с интересами человека Модерна*. В XVIII–XIX вв. предполагалось, что человек Традиции обречен на отмирание, «перековку», но затем пафос и понимание значения преобразований изменились. Анализируя современную динамику Республики Татарстан, мы можем уверенно констатировать, что характерной чертой ее развития на современном этапе выступает *инновационность*, явленная в сфере производства, науки и образования, спорта и культуры. В Татарстане выделяют три взаимосвязанных вида инноваций: гуманитарные, социальные, технологические, которые в своем единстве формируют общий стиль жизни (управления, отношения к себе и людям, профессии), определяя специфику региональной идентичности и субъектности. Мы солидарны с позицией Л.В. Сагитовой, утверждающей, что, позиционируя себя как экономического лидера среди субъектов Российской Федерации, Татарстан «укрепляет свой имидж резонансными на федеральном и мировом уровне мегапроектами, такими как празднование 1000-летия Казани, Молодёжная Универсиада 2013 г., Чемпионат мира по водным видам спорта (2015 г.) и футболу (2018 г.)» Перечисленные проекты становятся «точками роста» спортивной, городской и социальной инфраструктур и логично встраиваются в стратегию развития республики [5, с. 142].

Реализуя мегапроекты политическое руководство Татарстана создает *среду развития*, где каждый может проявить свою *личную годность* (термин П.Б. Струве) и развить способность к коллективно-командной работе, к *искусству созидания,* сочетающего интересы личности, общества и государства. Неслучайно кадры, подготовленные в «горниле» республиканских мегапроектов, ценятся не только в регионе, но и в других субъектах Российской Федерации, на федеральном и международном уровнях.

Литература:

1. Рикер П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 399 с.
2. Федотова В.Г., Федотова Н.Н., Колпаков В.А. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.
3. Малявин В.В. Китай управляемый: Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2007. 304 с.
4. Тюрина Н.Е., Хусаинов З.Ф. Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации: вопросы теории и современная практика Республики Татарстан // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162. Кн. 4. С. 131–139.
5. Сагитова Л.В. Политика идентичности Татарстана в контексте становления федеративных отношений в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. С. 135–147.
6. Макарова Г.И. Татарстан в видении элит и простых жителей республики. Журнал социологии и социальной антропологии, 2018. № 21(2). С. 75–105.
7. Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 328 с.
8. Розеншток–Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008. 271 с.
9. Лепский В.Е. Актуальные социогуманитарные проблемы укрепления субъектности России // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 28–46.
10. Гражданское общество в Республике Татарстан: потенциал и точки роста / А.А. Фомин, В.Ю. Кулькова, О.Д. Агапов, Р.Х. Гильмеева и др.; под науч. ред. А.А. Фомина. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. 252 с.
11. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас; пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011. 331 с.

Philosophy of the Common Task of the Subjects of Civil Society in Tatarstan

Agapov O.D.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The article examines the activities of civil society institutions in the first quarter of the 21st century in the Republic of Tatarstan, one of the regions of the Russian Federation. The author draws attention to the issues of the constitution and the institutionalisation of diverse humanitarian initiatives by Tatarstan citizens. In the context of the reconstruction of Tatarstan's historical path (1989-2025), it was revealed that the key ideological guideline of interaction between citizens, institutionalized public associations (NGOs) and government structures is the philosophy of a common cause, embodied in the slogans "We are together / Bez Berge", "We can / "Bez buldyrabyz". These formulas serve as an intention for all subjects of civil society, making possible its interactivity, intersubjectivity, dialogicity and interpretativeness, which opens the way to mediation of meanings, the growth of consciousness and self-awareness of subjects of civil society, the development of proactive socio-humanitarian thinking, embodied in large projects of government, citizens and public institutions.

Keywords: initiative, pochin, spirit of enterprise, proactiveness, subjectivity, strategy

УДК 316.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-268-272

Влияние социальных сетей на поведение подростков в ситуации конфликта

Ахмадуллин Ильдар Равильевич
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского национального исследовательского
технологического университета

Низамова Аида Ханифовна
Старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Актуальность изучения социальных сетей как триггера конфликтов обусловлена фундаментальными изменениями в структуре коммуникации, восприятии информации и формах социального взаимодействия, вызванными процессами цифровизации. Социальные сети становятся не просто отражением общественных противоречий, а их катализатором, провоцируя возникновение конфликтов. Целью статьи является изучение влияния социальных сетей на поведение подростков в ситуации конфликта. В результате исследования выявлена высокая степень цифровой загруженности подростков, которая сопровождается регулярным столкновением с конфликтными ситуациями. Это делает социальные сети пространством повышенного риска эмоционального перенапряжения и формирования хронических деструктивных моделей общения. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при разработке рекомендаций, направленных на профилактику и снижение конфликтов в социальных сетях.

Ключевые слова: *конфликт, социальные сети, подростки, коммуникации, поведение, цифровая вовлеченность*

Для цитирования: *Ахмадуллин И.Р., Низамова А.Х. Влияние социальных сетей на поведение подростков в ситуации конфликта// Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 268–272. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-268-272.*

В современном мире социальные сети превратились в ведущую форму массовой и межличностной коммуникации, они стали не только пространством обмена информацией, но и областью столкновения ценностей, интересов и идентичностей, где взаимодействие пользователей нередко приобретает конфликтный характер.

В социологии социальные сети рассматриваются как форма организации человеческих отношений, основанная на взаимодействии между индивидами, объединенными общими интересами, ценностями или целями. Согласно определению Д.Ю. Потапенко, социальная сеть представляет собой особое пространство коммуникации, в котором взаимодействие осуществляется посредством цифровых технологий и не имеет пространственных границ [1]. В психологии коммуникации «социальная сеть» рассматривается как среда самопрезентации и фор-

мирования личностной идентичности. Пользователь выступает в роли автора собственной цифровой биографии: он конструирует образ «Я» через публикации, визуальные символы, комментарии и участие в онлайн-сообществах. Этот процесс связан с феноменом «виртуальной личности», описанным рядом исследователей (А.Р. Ахмедова, Т.В. Чуканова, П.А. Ваккер, А.В. Желдакова, М.В. Медведева, Д.Х. Макамов, И.Р. Алтунина, Г.М. Андреева, В.В. Козлов). Также последние десятилетия на фоне социальных трансформаций и цифровизации общения исследователи всё чаще обращаются к анализу конфликтов в виртуальной среде [2–4].

Социальная сеть как форма коммуникации сочетает в себе элементы межличностного и массового общения. С одной стороны, она обеспечивает прямое взаимодействие между отдельными пользователями, создавая иллюзию личного диалога, а с другой – позволяет обращаться к неограниченной аудитории, выступая каналом массовой информации [5]. Современные исследования показывают, что в 2025 г. более 78 % пользователей хотя бы раз в неделю размещают собственные публикации в социальных сетях, а около 65 % комментируют или распространяют чужие посты, что свидетельствует о высокой степени включённости [6].

Многоканальность социальных сетей придаёт современному общению особую эмоциональную насыщенность. Пользователь взаимодействует не только через текст, но и посредством изображений, аудио- и видеоматериалов, графических символов, мемов и эмодзи, формируя сложную систему визуально-знаковых кодов [7; 8]. Таким образом, социальные сети способствуют формированию визуально-коммуникативного типа мышления, при котором эмоции и образы начинают играть ведущую роль.

Авторами статьи проведено пилотажное эмпирическое исследование, направленное на выявление особенностей конфликтного поведения подростков в социальных сетях и определение факторов-триггеров, способствующих возникновению онлайн-конфликтов. Элементом диагностики выступила авторская анкета «Конфликты в интернете», разработанная для фиксации субъективного опыта подростков в ситуациях онлайн-взаимодействия. Структура анкеты включала несколько содержательных блоков, обеспечивающих комплексное получение данных. Вступительный блок был ориентирован на сбор социально-демографической информации, а также на выявление общих характеристик медиапотребления участников: предпочтительных социальных платформ, среднего времени пребывания в сети, особенностей использования цифровой среды. Основной раздел анкеты был посвящён анализу непосредственного опыта респондентов, связанного с участием в онлайн-конфликтах или их наблюдением. Вопросы данного блока позволяли выяснить частоту возникновения конфликтных ситуаций, определить наиболее распространённые, по мнению подростков, триггеры, провоцирующие онлайн-противостояния, а также зафиксировать спектр эмоциональных реакций, возникающих в процессе и по завершении конфликтных взаимодействий. Формулировки вопросов были представлены преимущественно в закрытой и полузакрытой формах, что обеспечивало удобство последующей количественной обработки данных, при этом сохраняя возможность для респондентов уточнять или дополнять информацию, отражая индивидуальные особенности их восприятия конфликтных ситуаций.

Опрос проводился через *Yandex*-формы, среднее время заполнения формы составляло 25–30 минут. После сбора всего массива данных был начат этап их обработки и анализа.

В исследовании участвовали 50 подростков в возрасте 14–16 лет, распределение респондентов по полу является относительно равномерным: девушек (54,2 %) и юношей (45,8 %). Анонимный формат работы способствовал повышению откровенности ответов и уменьшению вероятности социальных искажений.

Анализ распределения предпочтительных социальных платформ показывает, что цифровая активность подростков имеет многоформатный характер и сосредоточена преимущественно в крупных медиа- и коммуникационных системах. Наибольшую популярность демонстрируют *YouTube* (93,8 %) и *ВКонтакте* (87,5 %), что отражает сочетание потребности в видеоконтенте и социальной коммуникации. *Telegram* (79,2 %) и *TikTok* (64,6 %) занимают важные позиции как каналы быстрого обмена информацией и самопрезентации. Наличие нескольких активно используемых платформ у большинства респондентов свидетельствует о высокой степени интегрированности подростков в цифровое пространство, что увеличивает вероятность контакта с конфликтогенным контентом и расширяет спектр ситуаций, в которых могут возникать онлайн-конфликты.

Анализ распределения времени, проводимого подростками в социальных сетях, демонстрирует крайне высокую степень их цифровой вовлечённости. Большинство респондентов (78 %) проводят онлайн от трёх до пяти часов ежедневно, 15 % опрошенных превышают отметку в пять часов. Таким образом, суммарно 91 % выборки находятся в социальной сети не менее трёх часов в день, что указывает на центральное место цифровой среды в их повседневной жизни. Подобная занятость онлайн-присутствия создаёт условия для повышенной вероятности столкновения с конфликтными ситуациями и взаимодействия с провоцирующими триггерами.

Распределение частоты конфликтных взаимодействий показывает, что подростки находятся в ус-

ловиях регулярной и высокой конфликтогенности цифровой среды. Наиболее многочисленной является группа респондентов, сталкивающихся с конфликтами несколько раз в неделю (45,8 %), что указывает на устойчивый характер присутствия конфликтов в их онлайн-опыте. 12,5 % опрошенных отмечают ежедневные столкновения, что свидетельствует о хронизированной форме конфликтного вовлечения, 29,2 % сталкиваются с конфликтами эпизодически – несколько раз в месяц, и только 12,5 % практически не вовлечены в конфликтные ситуации. Таким образом, суммарно 58,3 % респондентов испытывают воздействие конфликтных эпизодов регулярно, что подтверждает значимую роль социальных сетей как пространства повышенной коммуникативной напряжённости и эмоциональной реактивности.

Основные факторы-триггеры, инициирующие онлайн-конфликты, представлены на рисунке 1.

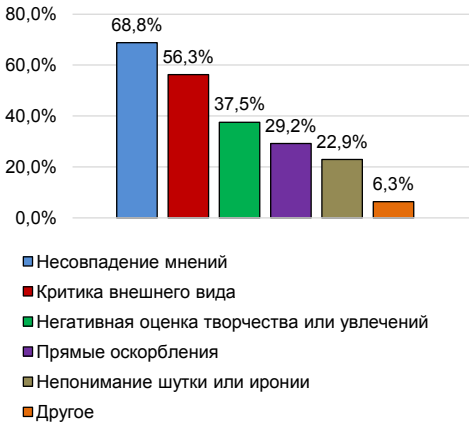

Рис. 1. Частота указания причин возникновения конфликтов

Структура отмеченных подростками триггеров конфликтов демонстрирует преобладание факторов, связанных с социальной самооценкой и межличностной чувствительностью. Наиболее распространённой причиной выступает «несовпадение мнений» её отметили 68,8 % респондентов, что подчёркивает значимость утверждения собственной позиции и идентичности в подростковом возрасте. На втором месте находится критика внешности (56,3 %), отражающая высокую уязвимость подростков к оценке их самопрезентации. Такие показатели свидетельствуют о том, что в основе большинства конфликтов лежат не содержательные разногласия, а эмоционально значимые аспекты самовосприятия. Менее распространёнными, но всё же значимыми факторами являются негативная оценка увлечений (37,5 %), прямые оскорбления (29,2 %) и непонимание иронии (22,9 %), что подтверждает сложность и неоднозначность цифровой коммуникации. Совокупность данных показывает, что онлайн-пространство усиливает повышенную чувствительность подростков к социальной обратной связи, что делает их коммуникацию особенно конфликтогенной.

Следующий вопрос анкеты позволил выявить роль подростка в онлайн-конфликтах (см. рис. 2).

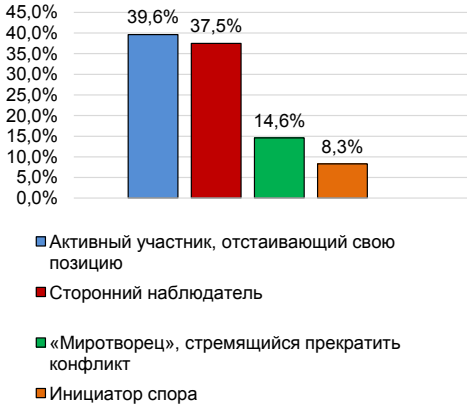

Рис. 2. Самоопределение респондентов в конфликтных ситуациях в сети

Распределение ролей в онлайн-конфликтах демонстрирует, что подростковая аудитория преимущественно занимает позиции активного вовлечения или наблюдения. Наиболее многочисленная группа – активные участники, составляющие 39,6 %, что указывает на тенденцию к прямому вступлению в спор и отстаиванию собственной позиции. Схожая по численности группа (37,5 %) предпочитает роль наблюдателей, что может отражать как избегание открытой конфронтации, так и интерес к наблюдению за социальным конфликтом как значимым элементом онлайн-взаимодействия. Лишь 14,6 % опрошенных проявляют склонность к миротворчеству, а инициативное провоцирование конфликтов характерно для сравнительно небольшой части подростков (8,3 %). Такое распределение свидетельствует о преобладании реактивных – защищающих или наблюдательных форм участия, тогда как конструктивные и профилактические стратегии встречаются значительно реже (см. рис. 3).

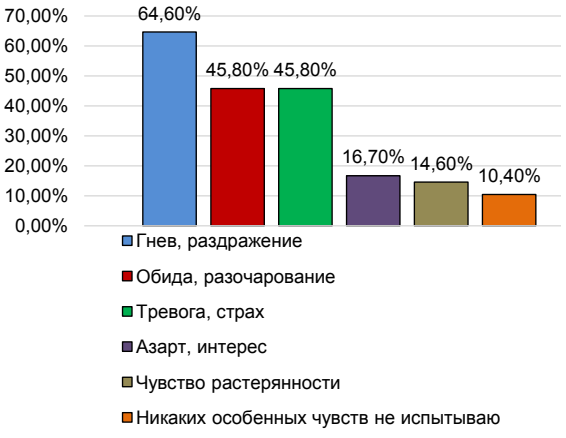

Рис. 3. Эмоциональные состояния, испытываемые подростками во время онлайн-конфликта

Эмоциональные реакции подростков в онлайн-конфликтах характеризуются ярко выраженной негативной направленностью, что указывает на

высокую степень эмоционального вовлечения и уязвимости в цифровой коммуникации. Доминирующей реакцией является гнев или раздражение (64,6 %), что отражает импульсивность и низкий уровень эмоциональной регуляции. Почти половина респондентов испытывают обиду, что дополнительно подтверждает восприимчивость подростков к социальной оценке и критике. Менее выражены реакции тревоги (22,9 %) и растерянности (14,6 %), однако и они свидетельствуют о стрессогенном характере онлайн-взаимодействия. Таким образом, эмоциональный фон онлайн-конфликтов у подростков преимущественно негативен и сопряжён с высоким уровнем напряжения.

Распределение первичных поведенческих реакций свидетельствует о преобладании импульсивных и эмоционально насыщенных форм реагирования на негативные комментарии. Наиболее распространённая стратегия – немедленный резкий ответ, характерный для 37,5 % респондентов, что указывает на склонность к прямой конфронтации и трудности с эмоциональной саморегуляцией. Значительная часть респондентов (25 %) прибегают к стратегии игнорирования, что может рассматриваться как защитная реакция, направленная на избегание дальнейшей эскалации. Спокойное выяснение причины конфликта демонстрируют 20,8 % опрошенных, что говорит о наличии, но недостаточной распространённости конструктивных форм коммуникации. Юмор или сарказм как способ нейтрализации напряжения выбирают 10,4 % участников, тогда как выраженная эмоциональная ранимость (длительные переживания) характерна лишь для 6,3 %. В целом данные свидетельствуют о том, что конфликтная коммуникация подростков чаще носит реактивный и импульсивный характер, чем конструктивный.

Степень выраженности конструктивных стратегий поведения представлена на рисунке 4.

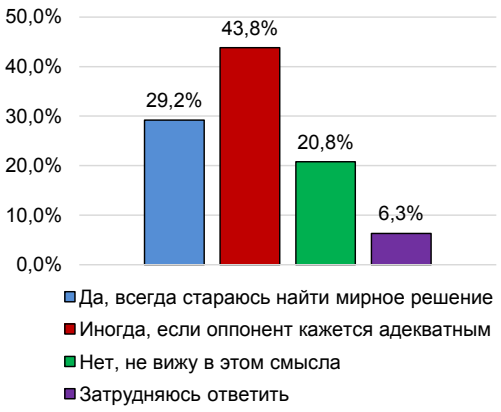

Рис. 4. Степень выраженности конструктивных стратегий поведения

Результаты показывают, что склонность к конструктивному урегулированию конфликтов у подростков выражена в умеренной степени. 29,2 % опрошенных демонстрируют устойчивую ориентацию на поиск мирного решения, что указывает на относительно ограниченную распространённость зрелых коммуникативных стратегий. Наиболее многочисленная группа – 43,8 % респондентов – прибегает к конструктивному подходу ситуативно, преимущественно в условиях позитивного восприятия оппонента, что отражает зависимость модели поведения от контекста и субъективной оценки другой стороны. Вместе с тем 20,8 % респондентов не считают конструктивное взаимодействие целесообразным, что может свидетельствовать о наличии негативных убеждений относительно эффективности мирных стратегий или об устойчивом опыте неудачных попыток разрешения конфликтов.

Данные о продолжительности эмоциональных переживаний свидетельствуют о выраженной чувствительности подростков к ситуациям онлайн-противостояния. Наиболее многочисленная группа (43,8 %) продолжает переживать конфликт на протяжении нескольких часов, что указывает на относительно низкий уровень стрессоустойчивости. Ещё 35,4 % опрошенных характеризуются более быстрым восстановлением, заявляя, что забывают о случившемся в течение нескольких минут; такая реакция может указывать как на высокий уровень эмоциональной адаптивности, так и на использование стратегии вытеснения. Длительное переживание конфликта (на протяжении дня или дольше) характерно для 10,4 % опрошенных, что может отражать повышенную тревожность или выраженную значимость социальных оценок. Аналогичная доля подростков (10,4 %) отмечает вариативность реакции в зависимости от серьёзности ситуации, что свидетельствует о большей рефлексивности и контекстной чувствительности. В целом результаты подтверждают, что онлайн-конфликты оказывают заметное эмоциональное воздействие на подростков и нередко приводят к сохраняющемуся переживанию напряжения.

Таким образом, результаты анкетирования показали, что подростки обладают высокой степенью цифровой вовлечённости: 93 % респондентов проводят в социальных сетях не менее трёх часов в день, что формирует устойчивый фон для возникновения конфликтных ситуаций. Более 58 % сталкиваются с конфликтами регулярно – ежедневно или несколько раз в неделю. Основными триггерами выступают несовпадение мнений (68,8 %) и критика внешности (56,3 %), что отражает чувствительность подростков к оценке и самоидентификации. Эмоциональные реакции преимущественно негативны: гнев испытывают 64,6 %, обиду – 45,8 % респондентов, а конструктивные модели используют лишь 29,2 % участников опроса. Эти данные свидетельствуют о высокой конфликтогенности цифровой среды для подростков и недостаточной сформированности у них конструктивных навыков урегулирования межличностных столкновений.

Прежде всего, результаты исследования указывают на высокую степень цифровой загруженности подростков, которая сопровождается регулярным столкновением с конфликтными ситуациями. Это делает социальные сети пространством повышенного риска эмоционального перенапряжения и формирования хронических деструктивных моделей общения. Разработка рекомендаций по снижению конфликтов в социальных сетях должна основываться на комплексном понимании факторов, определяющих конфликтность подросткового онлайн-взаимодействия. Проведённое исследование позволило определить характерные стили конфликтного поведения и механизмы эмоционального реагирования. Для построения эффективной системы профилактики необходимо учитывать выявленные закономерности и трансформировать их в практические, ориентированные на реальную цифровую среду меры.

Литература:

1. Потапенко Д.Ю. Социальная сеть «интернет» как явление современной коммуникации // Вестник магистратуры. 2021. № 3-2 (114). С. 47–49.
2. Ахмадуллин И.Р., Низамова А.Х. Конфликт поколений через призму социальных сетей // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 90–92.
3. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Национально-культурная матрица коммуникации в студенческой среде: результаты эмпирического исследования //Управление устойчивым развитием. 2021. № 3 (34). С. 37–43.
4. Фатхуллина Л.З. Регулирование конфликтов в студенческой среде // Управление устойчивым развитием. 2019. № 3 (22). С. 77–82.
5. Романова И.В. Влияние социальных сетей на язык и коммуникацию // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 3 (51). С. 42.
6. Статистика интернета и социальных сетей России на 2025 год: главные тренды и цифры. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry/?ysclid=mhp6y4g2ob41092 6018&utm_referrer=https %3a %2f %2fya.ru %2f (дата обращения: 20.01.26).
7. Ягудина А.Р., Анохина С.А., Хабиров А.Р. Социальные сети как источник конфликтов // Журнал прикладных исследований. 2023. № 10. С. 167–169.
8. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Социальная активность поколения Z в интернет пространстве // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы VIII Всеросс. (с межд. участием) научно-практической конф. Пермь, 2021. С. 75–80.

The Influence of Social Networks on the Behavior of Adolescents in Conflict Situations

Akhmadullin I.R.
Kazan National Research Technological University
Nizamova A.Kh.
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering

The relevance of studying social media as a trigger for conflict stems from fundamental changes in the structure of communication, information perception, and forms of social interaction caused by digitalization. Social media are becoming not just a reflection of social contradictions but a catalyst for them, provoking the emergence of conflicts. The aim of this article is to examine the impact of social media on adolescent behavior in conflict situations. The study revealed a high level of digital overload among adolescents, accompanied by regular exposure to conflict. This makes social media a space with a heightened risk of emotional stress and the development of chronic destructive communication patterns. The findings of this study can be used to develop recommendations aimed at preventing and reducing conflicts on social media.

Keywords: conflict, social networks, teenagers, communications, behavior, digital engagement

УДК 316:378.22
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-273-277

Дополнительное образование в вузе как фактор профессионально-личностного развития студентов магистратуры: социологический анализ

Блохин Игорь Львович
Аспирант кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Статья посвящена дополнительному образованию студентов магистратуры в современном российском вузе. Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, успешным развитием дополнительного образования, его востребованностью личностью и обществом, а с другой стороны, недостаточным вниманием к дополнительному образованию студентов магистратуры в условиях ожидаемого реформирования данного уровня высшего образования.

Цель исследования – проанализировать основные аспекты влияния дополнительных образовательных программ на профессионально-личностное развитие студентов магистратуры, задачи – выявить специфику дополнительного образования студентов магистратуры, определить мотивы и предпочтения магистрантов в сфере дополнительного образования, раскрыть проблемы и перспективы развития дополнительного образования студентов в условиях магистратуры. На основе данных прикладного социологического исследования, проведенного в Тверском государственном техническом университете, изучены особенности студента магистратуры как субъекта дополнительного образования, выявлены факторы, влияющие на дополнительное образование магистрантов в региональном вузе. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования дополнительного образования студентов магистратуры в вузе.

Ключевые слова: *высшее образование, студенты магистратуры, профессионально-личностное развитие, дополнительное образование, региональный вуз, социологическое исследование*

Для цитирования: *Блохин И.Л. Дополнительное образование в вузе как фактор профессионально-личностного развития студентов магистратуры: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 273–277. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-273-277.*

В теории и практике современного профессионального образования общепризнанно, что важнейшей задачей педагогической деятельности является создание необходимых условий для профессионально-личностного развития обучаемых. В социально-гуманитарных науках прочно утвердилось понимание профессионального становления будущего специалиста как «поэтапного, динамичного и управляемого процесса вхождения студента в профессию, в ходе которого происходят качественные преобразования личности, ведущие к развитию и изменению личностных и профессиональных качеств, к формированию позитивного отношения к профессии» [1, с. 40]. По справедливому мнению А.Г. Портновой, «процесс становления профессионала связан, прежде всего, с личностными качествами, способностями и интересами, формированием субъекта труда, проблемой жизненного пути и самоопределения, выявлением требований, предъявляемых профессией к человеку, становлением профессионального со-

знания и самосознания» [2, с. 164]. Важно отметить, что «профессиональное самоопределение является сложным социально-психологическим образованием, продуктом многофакторной обусловленности, имеет многомерную и многоуровневую структуру, каждый компонент которой оказывает различное влияние на процесс овладения высшим образованием и выбранной профессией» [3, с. 406].

Особым этапом профессионально-личностного становления студента, имеющим свои существенные особенности, является обучение в магистратуре. Специалисты рассматривают ее как пространство развития, в котором возникают уникальные возможности для переживания образовательного опыта всех участников учебной деятельности [4, с. 150]. Эволюция магистратуры в системе высшего образования РФ, перспективы ее реформирования в связи с переходом на новую модель высшего образования в стране неизбежно усиливают интерес к различным аспектам профессионального развития личности магистранта [5; 6].

Существенное влияние на профессионально-личностное развитие магистрантов может оказать освоение ими параллельно с обучением в магистратуре дополнительных образовательных программ, реализуемых в университете. Особым сегментом в современной российской системе дополнительного образования стало дополнительное образование студентов в вузах [7]. Первоначально вузы удовлетворяли потребности в разнообразных дополнительных образовательных программах специалистов предприятий и организаций, уже получивших высшее образование. Позднее вузы обратили внимание на дополнительные образовательные потребности студентов, стремление которых к их удовлетворению в стенах университетов обусловлено целым рядом факторов. Среди них особо следует отметить усиление требований рынка труда к выпускникам вузов; укрепление нормативно-правового статуса дополнительных образовательных программ для студентов; значительный материально-технический и кадровый потенциал вузов для реализации программ дополнительного образования; интерес студентов к получению дополнительных компетенций, полезных для успешного трудоустройства. Все это способствует в последние годы динамичному развитию дополнительного образования студентов непосредственно в университетах, которое все чаще становится предметом социологических исследований [8; 9; 10]. Однако участниками подобных социологических опросов, прежде всего, являются студенты бакалавриата и специалитета. Магистранты как субъекты дополнительного образования попадают в поле зрения социологов значительно реже [11, с. 206].

В декабре 2025 г. в Тверском государственном техническом университете (ТвГТУ) было организовано и проведено прикладное социологическое исследование среди студентов магистратуры, посвященное отношению магистрантов к получению дополнительного образования в университете. В исследовательском проекте приняли участие 150 студентов ТвГТУ, осваивающих магистерские программы различной направленности. Социологическое исследование проводилось с использованием метода анкетирования. Выборка рассчитана с опорой на данные о численности магистрантов ТвГТУ очной формы обучения. Тип выборки: случайная, гнездовая. Анкета включала 20 вопросов, сгруппированных по темам: социально-демографические характеристики, мотивы поступления и обучения в магистратуре, образовательные и профессиональные планы магистрантов, представления о получении дополнительного образования. Опрос проводился через личное заполнение магистрантами бумажных форм. Первичные данные в закодированном виде были обработаны с помощью программ *Excel* и *Vortex10*. Конфиденциальность ответов обеспечивалась анонимностью опроса. Был выполнен частотный анализ и расчет описательных статистик. Сравнительный анализ, проведенный через построение перекрестных таблиц, не показал заметных различий в позициях респондентов и не представляет интереса для описания. Следует отметить, что анкетный опрос магистрантов стал логическим продолжением социологического исследования по аналогичной теме, проведенного годом ранее среди студентов бакалавриата и специалитета [12].

Восприятие магистрантами дополнительного образования в вузе во многом определяется мотивами получения магистерского образования. В связи с этим участникам опроса предлагалось ответить на вопрос «Что побудило Вас получить магистерское образование?». Выяснилось, что около половины респондентов благодаря диплому магистра «стремятся в будущем занять более высокую должность» (47,7 %), немногим более трети – «желают более глубоко освоить профессию» (38,5 %), каждый пятый – поступил в магистратуру чтобы «продлить студенческий период своей жизни» (23,1 %) или следуя «советам родителей» (23,1 %).

Заслуживают внимания причины выбора студентами магистерских программ именно Тверского государственного технического университета. Более двух третей магистрантов поступили в магистратуру ТвГТУ «так как учились здесь в бакалавриате и естественно продолжить обучение в магистратуре» (70,8 %), каждый четвертый отметил «высокое качество обучения в магистратуре ТвГТУ» (25,1 %), а каждый пятый – наличие «интересующей магистерской программы» (20,5 %). Некоторые респонденты указывали на «отличные условия для занятия наукой» (15,3 %) или «доступную стоимость обучения» (12,3 %).

Необходимость изучения особенностей образовательной траектории студентов магистратуры об-

условила включение в анкету вопроса «Как соотносится направление магистратуры, на которое Вы поступили, с Вашим предыдущим образованием?». Согласно полученным данным, половина участников исследовательского проекта поступили в магистратуру «на направление, близкое к тому, по которому учились в бакалавриате» (49,2 %), каждый третий поступил в магистратуру «на такое же направление, по которому учился в бакалавриате или специалитете» (35,4 %). Только каждый седьмой магистрант поступил в магистратуру на направление, сильно отличающееся от того, по которому учился в бакалавриате или специалитете (15,4 %). Очевидно, что наличие или отсутствие профильного бакалавриата существенно влияет на потребности магистрантов в дополнительном образовании, что необходимо учитывать вузу.

Показателен высокий уровень удовлетворенности студентов своим обучением по выбранному направлению в магистратуре ТвГТУ: «полностью удовлетворены» 47,7 % респондентов, «скорее да, чем нет» 43,1 %. Высокая удовлетворенность учебной деятельностью вовсе не блокирует потребности магистрантов в дополнительном образовании, она напротив стимулирует познавательную активность, побуждает к освоению новых компетенций, которые не всегда могут быть сформированы в рамках основной образовательной программы.

На профессионально-личностное развитие студентов магистратуры влияет их вторичная трудовая занятость в период обучения по магистерским программам. Поэтому участникам исследования предлагалось ответить на вопрос: «Работаете ли Вы в настоящее время по получаемой в магистратуре ТвГТУ профессии?». Следует отметить, что у большинства студентов обучение в магистратуре в той или иной степени связано с нынешней или будущей профессиональной деятельностью. Так, каждый четвертый магистрант уже работает «в должности, связанной с профессией, получаемой в магистратуре» (26,2 %), а многие студенты либо «пока работают не по профессии, но планируют устроиться на работу по профессии» (17,4 %), либо «в настоящее время не работают, но планируют устроиться работать по профессии, получаемой в магистратуре» (15,8 %). При этом две трети участников социологического исследования сообщили, что после завершения обучения в ТвГТУ намерены работать по профессии, получаемой в магистратуре (69,3 %).

Заслуживают также внимания образовательные планы студентов после получения диплома магистра. 60 % респондентов не собираются продолжать учебу, 15 % планируют продолжить обучение в аспирантуре, а 8 % – получить второе высшее образование (уровня бакалавриата или магистратуры). При этом каждый четвертый магистрант планирует пройти профессиональную переподготовку (24 %). В целом полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в процессе профессионально-личностного развития большинства студентов магистратуры учебная и профессиональная деятельность в значительной степени сочетаются.

В рамках проведенного социологического исследования студенты магистратуры рассматривались прежде всего как потенциальные субъекты получения дополнительного образования параллельно с освоением основной магистерской программы. Поэтому им предлагалось первоначально оценить уровень своей информированности о возможностях получения дополнительного образования в ТвГТУ. Почти половина респондентов охарактеризовала уровень своей осведомленности как средний (47,7 %), более трети – как высокий (38,5 %).

Также магистрантам требовалось ответить на вопрос: «Хотели бы Вы параллельно с обучением в вузе по программе магистратуры получать дополнительное образование?». Показательно, что более половины студентов магистратуры ТвГТУ, принявших участие в исследовательском проекте, имеют такое желание: «да, обязательно» (16,9 %), «скорее да, чем нет» (30,8 %). Лишь каждый пятый студент высказался против получения дополнительного образования в вузе в период обучения в магистратуре (20 %).

Какое дополнительное образование хотели бы получить студенты магистратуры в период обучения в Тверском государственном техническом университете? Около трети участников опроса ориентированы на получение дополнительного образования «для удовлетворения личных потребностей (например, водительские курсы, разговорный иностранный язык, деловое общение, основы предпринимательства и т.п.» (29,3 %), каждый пятый студент рассматривает дополнительное образование как средство «для углубления и расширения знаний в рамках получаемой профессии (направления магистратуры, по которому обучается» (20 %) или как инструмент «для получения новой профессии, отличной от той, по которой он уже обучается» (20 %). Не хотят получать никакое дополнительное образование 22 % студентов магистратуры.

Особый интерес представляют причины заинтересованности и незаинтересованности магистрантов в получении дополнительного образования (табл. 1). Отвечая на вопрос, «Почему Вы заинтересованы в получении дополнительного образования?», студенты магистратуры чаще всего указывали такие мотивы, как «в сочетании с основным способствует профессиональному росту» (58 %), «увеличивает шансы найти работу» (48,1 %), «обеспечивает более высокий доход» (25,9 %), «будет способствовать успешной карьере» (24,1 %).

Основные причины незаинтересованности магистрантов в получении дополнительного образования в период обучения в университете, по данным

Таблица 1

Причины заинтересованности магистрантов в получении дополнительного образования*

Варианты ответа	Доля ответивших, %
Увеличивает шансы найти работу	48,1
Разочаровался в своем основном образовании	5,6
В сочетании с основным способствует профес-сиональному росту	53,7
Продолжаю искать профессию по душе	14,8
Обеспечивает более высокий доход	25,9
Будет способствовать успешной карьере	24,1
Поможет завести новые полезные знакомства	14,8

*Общее число ответов опрошенных респондентов больше 100 %, так как можно было указать несколько вариантов.

Таблица 2

Значимость различных условий получения дополнительного образования для магистрантов

Условие обучения	Очень важно	Важно	Не важно
	Доля ответивших, %		
Преподавательский состав	65,2	28,3	6,5
Расписание занятий	52,6	41,9	5,5
Очное обучение, личный контакт с педагогами	36,8	49,3	13,9
Возможность дистан-ционного обучения	45,2	39,4	15,4
Методы и технологии обучения	56,8	35,8	7,4
Обеспеченность учебными пособиями	32,3	35,4	32,3
Формы контроля	18,4	48,4	33,2
Продолжительность обучения	38,9	50,3	10,8
Практические заня-тия на предприятиях	47,6	38,7	13,7

социологического исследования: «полностью доволен своим основным образованием (бакалавриат + магистратура)» (48,5 %), «нет свободного времени для получения дополнительного образования» (30,3 %), «практический опыт работы гораздо важнее дополнительного образования» (15,2 %).

В ходе исследования были выявлены наиболее предпочтительные для магистрантов программы дополнительного образования. Среди них: иностранный язык (26,2 %), психология (26 %), предпринимательская деятельность (24,6 %), маркетинг (18,5 %).

Также участникам опроса предлагалось оценить значимость для них различных условий получения дополнительного образования (табл. 2).

По данным социологического опроса, наиболее значимые характеристики получаемого дополнительного образования для магистрантов – преподавательский состав (как очень важный этот фактор оценили 65,2 % респондентов), применяемые педагогами методы и технологии обучения (56,8 %), возможность практических занятий на предприятиях (47,6 %).

Проведенное исследование показало, что вузам необходимо учитывать дополнительные образовательные потребности студентов магистратуры, проектировать и реализовывать для них дополнительные образовательные программы. При этом они должны быть достаточно дифференцированы с учетом неоднородности контингента магистрантов (наличие профильного бакалавриата, форма обучения в магистратуре, вторичная занятость). Развитие дополнительного образования студентов магистратуры в полной мере отвечает идеологии данного уровня высшего образования, предполагающего значительную познавательную самостоятельность и активность обучающихся, свободу выбора форм и видов учебной и научной деятельности, режим постоянного диалога и сотворчества преподавателей и студентов.

Литература:

1. Бордовская Н.В. Профессионально-личностное развитие будущего специалиста как психолого-педагогическая проблема // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 145. С. 28–43.
2. Портнова А.Г., Залюбовская Н.С. Личностное и профессиональное развитие студентов: эмпирический поиск показателей // Вестник КемГУ. 2011. № 3 (47). С. 159–164.

3. Кулаковская О.Ю. Личностное развитие студента в системе высшего профессионального образования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 1. С. 403–406.
4. Поздеева С.И. Магистратура как пространство профессионально-личностного развития студента и преподавателя // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 3. С. 144–152.
5. Розанова Я.В. Эволюция магистратуры в системе высшего профессионального образования: индикаторы и цифры // Вопросы методики преподавания в вузе. 2023. Т. 12. № 2. С. 8–23.
6. Куклина Е.А. Перезагрузка магистратуры в обновляемой системе высшего образования: управленческий трек // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 9–22.
7. Фейлинг Т.Б. Формирование профессиональных компетенций студентов вузов в процессе дополнительного образования // Человек и образование. 2011. № 3. С. 70–74.
8 Игнатович Е.В. Студент вуза как субъект непрерывного обучения: диагностика готовности к дополнительному и дополнительному профессиональному образованию // Непрерывное образование: XXI век. Научный электронный журнал. 2015. Выпуск 2 (10). URL: https://sciup.org/147112475.
9. Гайворонская Е.А. Эффективность развития непрерывного образования в сфере дополнительных образовательных услуг для студентов вузов // Вестник науки. 2023. № 12 (69). Том 3. 2023. С. 589–596.
10. Кошкин А.П., Новиков А.В. Роль социальных представлений в мотивации студентов к получению дополнительного профессионального образования // Современное образование. 2017. № 4. С. 48–75.
11. Меренков А.В., Сущенко А.Д. Потребности студентов вузов в дополнительном образовании: особенности формирования и реализации // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 204–223.
12. Блохина М.В., Блохин И.Л. Дополнительное образование студентов в образовательном пространстве современного вуза // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 245–249. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-245-249.

Supplementary Education at University as a Factor in the Professional and Personal Development of Master's Students: Sociological Research

Blokhin I.L.
Tver State Technical University

This article is devoted to the supplementary education of master's students at today's Russian university. On the one hand, the urgency of the research is caused by the successful development of supplementary education and its demand by individuals and society. On the other hand, it is caused by the insufficient attention to supplementary education for master's students with an expected reforming of this level of higher education.

The purpose of the research is to analyze the main aspects of the influence of supplementary education programs on the professional and personal development of master's students. The objectives are to identify the specifics of supplementary education for master's students, determine their motives and preferences in supplementary education, and reveal the issues and prospects for the developing of supplementary education for students completing a Master's degree program. According to a sociological study at Tver State Technical University, the features of master's students as subjects of supplementary education are explored and factors influencing supplementary education for master's students at a regional university are identified. The results of the research can be used to improve supplementary education for master's students at the university.

Keywords: the higher education, master's degree students, professional and personal development, supplementary education, regional University, sociological research

УДК 133:303
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-278-282

Эзотерические учения и практики в молодежной среде: социологический анализ

Вайсбург Александра Владимировна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

В последние десятилетия наблюдается рост популярности эзотерических практик, особенно среди молодого поколения. В статье представлен анализ вторичной информации по тематике потребления эзотерических услуг в России. Проанализированы результаты социологического исследования, целью которого является анализ отношения тверской молодежи к эзотерическим практикам. В ходе исследования решены следующие задачи: выявлены источники и степень информированности молодежи о различных видах эзотерических практик; определена степень доверия и опыт обращения к ним; выявлены причины, влияющие на обращение к эзотерическим ритуалам; определена степень вовлеченности и удовлетворенности ими. Описаны положительные и отрицательные последствия, которые молодежь связывает с использованием эзотерических практик. Выявлена средняя доля финансовых затрат молодежи на эзотерику в год. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможностях более глубокого понимания причин популяризации эзотерических практик среди молодежи и разработки компенсаторных механизмов на местном и государственном уровнях.

Ключевые слова: *молодежь, эзотерические практики, астрология, гадание, карты таро, хиромантия*

Для цитирования: *Вайсбург А.В. Эзотерические учения и практики в молодежной среде: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 278–282. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-278-282.*

В последние годы в связи с распространением инфекции *COVID*-19, проведением специальной военной операции и экономическим спадом в России наблюдается возрастание уровня неопределенности и тревожности среди населения. С 2020 г. фиксируется увеличение объемов продаж алкогольной продукции [1], а с 2022 г. отмечен рост потребления антидепрессантов [2; 3]. Все это косвенно свидетельствует о росте аффективного напряжения в российском обществе.

В контексте современного культурного ландшафта, характеризующегося возрастающим интересом к метафизическим аспектам человеческого бытия, среди молодежи повышается заинтересованность мистическими практиками. Возрастает популярность нумерологии, тарологии, хиромантии, энергетических практик, экстрасенсорики и астрологии.

Курсы и тренинги, посвященные мистическим учениям, пользуются повышашенным спросом у населения. Отмечается значительное увеличение продаж эзотерической литературы в книжных магазинах. Наблюдается все большая наполненность страниц в сети интернет-рекламой мистических услуг. Прослеживается возрастающий интерес и к самим эзотерическим практикам.

Данные направления, представляющие собой комплексные системы символического и метафорического познания, привлекают внимание совре-

менной молодежи благодаря своей способности предлагать альтернативные способы интерпретации реальности, выходящие за рамки традиционных научных парадигм.

Подтверждают описанные выше тенденции и результаты различных социологических исследований.

Согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 2022 г. «треть россиян верит в способность отдельных людей предсказывать судьбу (28 %), а каждый четвертый – в способность отдельных людей колдовать, наводить порчу (25 %)» [4].

Также по данным ВЦИОМ на 2023–2024 гг., более 60 % россиян верят в приметы, а каждый пятый регулярно сверяет свои действия с гороскопами [5; 6]. Среди молодежи эти показатели, как правило, выше, что свидетельствует о глубокой интегрированности мистических представлений в повседневность. Этот тренд отражает экзистенциальный запрос на поиск смыслов, стремление к индивидуализации духовного пути.

Согласно данным компании *Yota*, у россиян в 2024 г. возрос интерес к астрологии, нумерологии и гаданиям. По сравнению с прошлым годом прирост интернет-трафика у эзотерических порталов составил 38 %. Посетители проводят теперь на данных сайтах на 19 % больше времени [7].

Вместе с этим основная доля пользователей сайтов эзотерической тематики – женского пола (68 %), обеспечивающие 69 % трафика. Посещение данных сайтов увеличилось за 2024 г. на 72 %, а количество пользователей возросло на 74 %. Темпы роста показателей женской аудитории в эзотерическом сегменте в 1,5 раза выше, чем мужской [7].

В марте–мае 2024 г. сектор социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН провел онлайн-опрос в 13 городах России (N = 1300 чел.) на тему «Поведенческий профиль и нормативные установки потребителей эзотерических услуг». Согласно результатам исследований, «почти каждый пятый респондент хотя бы раз в жизни обращался за консультацией к астрологу (20 %), гадалке/таролог (22 %) или целителю/магу (18 %). Чаще обращаются к эзотерикам женщины (40 % против 22 % мужчин), люди в возрасте 25–39 лет (35 % против 27–30 % в других возрастных группах), находящиеся в разводе (43 % против 24–37 %)» [8, с. 71].

Сайт РБК, ссылаясь на исследование аналитического агентства Platforma, размещает данные о том, что в 2025 г. заинтересованность россиян мистическими течениями достигла новых высот. «За последний год аудитория любителей эзотерики увеличилась на треть. При этом число россиян, интересующихся паранормальными явлениями, выросло с 7,3 миллиона до 9,5 миллиона человек» [9].

Половина россиян (49 %) положительно относится к разнообразным мистическим практикам, что свидетельствует о возрастающей популярности эзотерики в обществе [9].

На фоне усиливающейся актуальности данной тематики осенью 2025 г. было проведено пилотажное анкетирование молодежи города Твери на тему: «Отношение тверской молодежи к эзотерическим практикам». Автор выражает глубокую признательность за помощь в организации и проведении исследования магистрам Тверского государственного технического университета 1 курса направления «Социология управления»: А. Картавых, П. Свешниковой, Н. Смирнову, Д. Савчуку, Р. Гимаеву. Выборка составила 193 чел. в возрасте 14–35 лет, отобранных случайным образом. Анонимный опрос проводился через *Google Forms* в течение двух недель. Анкета включала 22 вопроса, сгруппированных по темам: информированность об эзотерических практиках, вовлеченность респондентов в них, опыт использования, степень удовлетворенности, демографические характеристики. Данные анализировались с помощью методов описательной статистики (расчёт частот, средних значений) и двумерных распределений по социально-демографическим признакам (гендерному распределению, уровню образования, материальному положению, вероисповеданию) в программе *SPSS*.

Каждый третий опрошенный знаком с картами таро и астрологией, менее распространенными практиками являются хиромантия (17,6 %), нумерология (15,2 %) и дизайн человека (14,3 %). Самыми непопулярными эзотерическими практиками стали: экстрасенсорика и парапсихология, энергетические практики и развитие нового мышления. Это может быть связано с тем, что приведенные выше практики являются новыми, поэтому менее известными для большинства людей, не углубленных в эзотерику. Гендерный анализ показывает, что женщины демонстрируют почти в 4 раза более высокую информированность по большинству практик, чем мужчины.

Также выявлена зависимость уровня информированности респондентов от достатка. Материальное положение показывает тенденцию к росту информированности в группе с высоким доходом. Самой осведомленной молодежью являются обеспеченные люди, не принадлежащие к конфессиональным духовным течениям, в возрасте 18–23 года. Самой не информированной группой об эзотерических практиках стала зрелая молодежь 30–35 лет с низким материальным положением, традиционных религиозных течений.

Ведущими каналами получения информации об эзотерике для молодежи являются интернет-ресурсы, которые отмечают более 70 % респондентов. Вторыми по значимости для половины опрошенных выступают межличностные коммуникации. Для каждого третьего респондента – тематические форумы, для каждого пятого – книги и журналы. Толь-

ко 5 % практикуют очные встречи с эзотерическими практиками. Различия в предпочтениях источников об эзотерических практиках проявляются по половому признаку: женщины чаще обращаются к тематическим сообществам в социальных сетях, к семье и друзьям, в то время, как мужчины в большей степени ориентированы на телевидение и радио.

Наибольший уровень доверия респондентов фиксируется к астрологии (43 %), чуть меньше доверяют хиромантии (36 %) и картам таро (30 %). Менее доверительно молодежь воспринимает экстрасенсорику и парапсихологию (каждый пятый), а также дизайн человека. Женщины, в среднем, демонстрируют более высокий уровень доверия к таким категориям практик, как карты таро (45 %), астрология (33 %) и хиромантия (29 %), по сравнению, с мужчинами – карты таро (15 %), астрология (11 %) и хиромантия (9 %).

Возрастная группа респондентов 18–23 лет проявляет наибольшее доверие к таким нетрадиционным практикам как экстрасенсорика (41 %), энергетические практики (30 %), развитие нового мышления (24 %). Тогда как в группе 24–29 лет уровень доверия к ним снижается (21, 16 и 10 % соответственно).

Каждый третий респондент с высшим образованием выражает доверие преимущественно к математически ориентированным практикам: астрология, нумерология, тогда как каждый второй опрошенный со средним образованием доверяет картам таро и астрологии. Чем выше уровень образования, тем критичнее молодежь относится к эзотерическим практикам.

Среди молодежи каждый второй житель Твери обращался к эзотерическим практикам. Наиболее популярными являются обращения большинства к таким практикам, как карты таро; половины респондентов – к астрологическим прогнозам и нумерологии. Женщины имеют в большей степени частый и разнообразный опыт обращения к эзотерическим практикам.

Основными причинами обращения молодежи к эзотерическим практикам выступают вопросы, связанные с любовными отношениями (62,7 %), и взаимоотношениями с другими людьми (52,9 %). Менее популярными причинами обращения почти для каждого третьего жителя Твери являются духовное развитие, финансовое состояние и психологические трудности. Самыми непопулярными оказались карьерное самоопределение и творческая самореализация, а также состояние здоровья.

Для женщин первостепенное значение имеет сфера личных отношений: более половины обращались к эзотерическим практикам по вопросам любовных отношений, а 61 % – для решения проблем во взаимоотношениях с окружающими. Для мужчин показатели значимости этих сфер в три раза ниже.

Наиболее юная группа молодежи (14–17 лет) в наибольшей степени озабочена вопросами социализации: более половины обращались к практикам для улучшения взаимоотношений с другими людьми. В группе 18–23 лет пик интереса приходится на любовную сферу, что, вероятно, связано с поиском партнера и становлением личной жизни. В старших возрастных группах (24–29 и 30–35 лет) на первый план наравне с отношениями выходят вопросы финансов и карьеры, что отражает переход к профессиональной и экономической стабильности.

Также можно отметить тенденцию: чем выше материальное положение респондента, тем более «возвышенными» и нематериальными становятся его причины для обращения к эзотерике, тогда как у групп с меньшим доходом актуальны более практичные межличностные проблемы.

Гендерный аспект показывает более высокую и стабильную вовлеченность в эзотерику женщин. Каждая третья женщина обращается к специалистам по эзотерическим практикам на протяжении года и более, тогда как среди мужчин этот показатель почти в 6 раз меньше. Мужчины чаще ограничиваются краткосрочными обращениями до 1 месяца. Возрастная динамика указывает на наибольшую вовлеченность групп 18–23 лет и 24–29 лет: чем моложе респонденты, тем больше вовлеченность в эзотерические практики. В этих категориях отмечаются максимальные показатели долгосрочной практики: среди респондентов 18–23 лет 50 % практикуют самостоятельно год и более, а среди группы 24–29 лет – 47 %. Аналогичная тенденция наблюдается при обращении к специалистам: 37 % опрошенных в группе 18–23 лет и 33 % опрошенных в группе 24–29 лет обращаются к специалистам год и более.

Материальное положение влияет на характер вовлеченности в эзотерические практики: чем более обеспечены респонденты, тем продолжительнее их опыт взаимодействия с данными практиками.

Две трети опрошенных в целом удовлетворены своим опытом обращения к эзотерическим практикам, в то время как негативные моменты отмечают лишь 24 % респондентов. Гендерный анализ демонстрирует наиболее выраженные различия. Среди женщин удовлетворенность результатами эзотерических практик в той или иной степени выражают 29,3 %, тогда как среди мужчин этот показатель ниже – 14,3 %.

Наиболее значимым положительным аспектом эзотерических практик почти половина опрошенных считает улучшение психоэмоционального состояния. Каждый третий отмечает изменение мировоззрения, и лишь каждый десятый – профессиональное развитие и изменение социального круга общения, обретение партнера для отношений, улучшение физического здоровья и, наконец, улучшение финансового состояния.

Среди недостатков половина респондентов выделяют риск причинения и получения вреда, а также потерю самостоятельности в принятии решений. Каждый третий опрошенный отмечает коммерциализацию сферы эзотерических услуг, отсутствие квалифицированных специалистов, осуждение со стороны близких и коллег.

Анализ финансового поведения молодежи в сфере эзотерических практик подтверждает гипотезу о преобладании минимальных ежегодных затрат. Более половины респондентов тратят на них до 1000 руб. в год. Средние расходы (в размере 1000–5000 руб.) отмечает треть опрошенных, тогда как более крупные инвестиции (свыше 5000 руб.) характерны лишь для 11 % пользователей. Женщины демонстрируют более широкий диапазон расходов, включая категорию 5001–10000 руб. Мужчины в основном концентрируются в категории до 1000 руб. и реже совершают более крупные расходы на эзотерику. С возрастом финансовые инвестиции в эзотерические практики увеличиваются.

Наиболее выраженная стратификация наблюдается в зависимости от материального положения. Среди респондентов с высоким доходом менее половины тратят на эзотерические услуги до 1000 руб., тогда как лишь четверть – свыше 10000 руб. в год. В то же время группы со средним и низким доходом не ориентированы на максимальные затраты.

Таким образом, среди современной молодежи спрос на эзотерику отражает эмоциональную и социальную напряженность, а также является зеркалом социального неравенства. Для мужской части населения спрос на эзотерические услуги продиктован желанием спрогнозировать будущее и оценить риски. Женщины обращаются к эзотерике в поиске эмоциональной поддержки и построения межличностных отношений. Для обеспеченных россиян эзотерические услуги являются более доступными, распространенными, направленными на личностный рост и карьеру. Для малообеспеченных слоев данная сфера выполняет компенсаторную функцию, замещая недостаточность ресурсов для комфортного существования. Однако неоспоримым является возрастающий спрос на эзотерические услуги среди молодежи, свидетельствующий о «кризисе» ценностных установок.

Литература:

1. Статистические сборники «Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции» (2011–2025 гг.) // Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками. 4 сентября 2023. URL: https://fsrar.gov.ru/industry/1261678438828 (дата обращения: 15.07.2025).
2. Калганова В. Нет покоя в родном отечестве // Коммерсант. 17 января 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7433542 (дата обращения: 15.03.2025).
3. Мамиконян О. С января по февраль россияне потратили на антидепрессанты почти 3 млрд рублей // Forbs.ru. 12 марта 2025. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/532535-s-anvara-po-fevral-rossianepotratili-na-antidepressanty-pocti-3-mlrd-rublej (дата обращения: 15.03.2025).
4. О вере и суевериях, или таинственное и загадочное рядом // ВЦИОМ : сайт. 2 ноября 2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueverijakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoerjadom (дата обращения: 10.07.2025).
5. Таинственное и потустороннее, или россияне о магах и астрологах. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh (дата обращения: 22.07.2025)
6. Федоров В. Погадаем? Россияне о картах Таро // ВЦИОМ. Новости. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pogadaem-rossijane-o-kartakh-taro (дата обращения: 19.09.2025).
7. Россияне всерьез увлеклись нумерологией и астрологией. URL: https://snob.ru/news/rossiiane-vserez-uvleklis-numerologiei-i-astrologiei/ (дата обращения: 29.09.2025).
8. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Социальное поле оккультно-эзотерических услуг и практик в современной России: институционализация и девиантогенный потенциал. 2025. № 1. 86 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=14417 (дата обращения: 15.11.2025).
9. Эзотерика в России: научный взгляд от эксперта СКФУ на растущую популярность мистики. URL: https://ncfu.ru/novosti/glavnaya/ezoterika-v-rossii-nauchnyy-vzglyad-ot-eksperta-skfu-na-rastushchuyu-populyarnost-mistiki/?ysclid=mfmsj77t5p89555739 (дата обращения: 22.09.2025).

Esoteric Teachings and Practices Among Young People: a Sociological Analysis

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

In recent decades, there has been an increase in the popularity of esoteric practices, especially among the younger generation. The article presents an analysis of secondary information on the topic of esoteric services consumption in Russia. The results of a sociological study aimed at analyzing the attitude of Tver youth to esoteric practices are analyzed. In the course of the research, the following tasks were solved: the sources and degree of awareness of young people about various types of esoteric practices were identified; the degree of trust and experience of applying to them; the reasons influencing the appeal to esoteric rituals; the degree of involvement and satisfaction with them. The positive and negative consequences that young people associate with the use of esoteric practices are described. The average share of finances spent per year on esotericism by young people has been revealed. The practical significance of the research results lies in the possibilities for a deeper understanding of the causes of the popularization of esoteric practices among young people and the development of compensatory mechanisms at the local and state levels.

Keywords: youth, esoteric practices, astrology, fortune-telling, tarot cards, and palmistry

УДК 352.2 : 332.02
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-283-288

Геокультурная политика в регионах России: теоретико-методические и управленческие аспекты

Дианов Сергей Александрович
Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского
политехнического университета

Дианова Юлия Викторовна
Кандидат культурологии,
доцент кафедры дизайна, графики и начертательной геометрии
Пермского национального исследовательского
политехнического университета

Погребняк Даниил Александрович
Аспирант кафедры государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского
политехнического университета

Актуальность темы исследования обусловлена высокой общественной значимостью обсуждения перспектив развития основ геокультурной политики в субъектах Российской Федерации. В статье освещено современное состояние научного знания о геокультуре и геокультурном пространстве территории, описаны оформившиеся исследовательские тренды по изучению поля геокультурной проблематики. Авторский взгляд сфокусирован на обосновании необходимости закрепления в документах по стратегическому планированию категории «геокультурная политика». Признана необходимость перехода профильных сообществ ученых и экспертов от теоретических изысканий к разработке методических основ геокультурной политики на региональном и муниципальном уровнях. Эффективными средствами видятся организация тематических научных конференций, проведение национального съезда, посвященного развитию современных российских геокультур и принятие резолюции о разработке Основ геокультурной политики в регионах России. Методологической базой для исследования выступает геокультурный подход, основанный на традициях понимания культуроцентричности российских территориальных сообществ, применение которого в науке государственного и муниципального управления признается новаторским.

Ключевые слова: *геокультура, геокультурная политика, политика места, пространственное развитие, местные сообщества, ресурсы территории, Пермский край, геобрендинг, проектное решение*

Для цитирования: *Дианов С.А., Дианова Ю.В., Погребняк Д.А. Геокультурная политика в регионах России: теоретико-методические и управленческие аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 283–288. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-283-288.*

В течение последних десяти лет в отечественном социальном научном знании состоялся вполне ожидаемый поворот многих специалистов к категории «геокультура» с позиции смыслов культуроцентристского понимания состояния территориальных социальных общностей. Несомненно, большая заслуга в этом принадлежит научной школе, возглавляемой доктором культурологии Д.Н. Замятиным. Согласно выдвинутой им гипотезе, «всякая устойчивая и активно проявляющая себя культура является геокультурой» и, соответственно, «любая территория, взятая в её онтологической и феноменологической плоскости, может рассматриваться как определённая геокультура» [1, с. 12]. Эта позиция нашла поддержку у исследовательских групп, ведущих в настоящее время разработку опорных составляющих (идентификаторов) российских геокультур [2; 3]. В фокусе изучения находятся такие социальные явления, как:

1) особенности географических условий – места бытования поселенческой общности (природный ландшафт);

2) семантика аттрактивных образов территории, закрепившихся в народной памяти, передающихся из поколения в поколение;

3) существование традиции культуры осмысления и презентации «ядерных» (базовых) образов в практиках домохозяйственной жизни;

4) целенаправленные действия по продвижению образов и композиционных структур средствами культуротворческой деятельности в русле политики места;

5) присутствие особого каркаса – устойчивых маркеров жизнеобеспечения, создающих комфортную среду и влияющих на сохранение народонаселения;

6) геокультурная матрица территории как форма практической реализации ценностного подхода.

Перспективы изучения феномена геокультур сегодня активно обсуждаются на разных уровнях – от локализованного формата вузовских научных конференций до открытых экспертных дискуссий на форумах по пространственному развитию российских регионов. Одним из последних значимых событий стал VI Северный форум по устойчивому развитию, проводившийся 28 ноября 2025 г. в г. Якутске на базе Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. В его программу вошла сессия «Современная геокультура: устойчивое развитие коренных народов Севера России и Глобального Юга», в рамках которой результаты своих исследований представили ведущие научные деятели из России, Бразилии, Мексики и Монголии [4]. В ходе состоявшегося диалога ученые СВФУ пояснили суть пилотного проекта по изучению геокультур Арктики. Прежде всего, по мнению профессора А.В. Жожикова, руководителя кафедры ЮНЕСКО «Адаптация общества и человека в арктических регионах в условиях изменения климата и глобализации», следует признать, что геокультура – это комплекс культурных явлений, мировоззрений и практик, сформировавшихся под влиянием географических условий и представлений о территории обитания народа, которая включает в себя самосознание, этнические границы, языковое и культурное наследие [5]. При этом, по замечанию ведущего специалиста У.А. Винокуровой, говоря о геокультурах Арктики, важно не только фокусировать внимание на этнической компоненте. Ключевым здесь выступает понятие «население места». Следует поддержать авторскую позицию. Очевидно, геокультура включает этнокультурное, традиционно присущее конкретной народности, но этот идентификатор является одним из многих при ее целостном описании.

В свою очередь, выскажем мнение о том, что в приведённом определении геокультуры неявно фигурируют деятельностные аспекты, характеризующие самоорганизацию геокультуры. Другими словами, не выводится «ядерное» основание, служащее первоисточником для перманентного взаимодействия всех элементов такой сложной системы. Согласно авторской гипотезе, на роль такого основания целесообразнее всего предложить культуротворческую деятельность самих людей. Соответственно, вполне возможно полагать, что геокультура – это феноменальное состояние населённой территории, место сосредоточения оригинальных приемов культуротворческой и иной созидательной деятельности людей с опорой на ресурсы, в которых одновременно присутствуют и природные, и значимые элементы её культурного ландшафта (геокультурные ресурсы). Причем геокультурные ресурсы – это такой тип ресурсов, которые выступают первичным звеном для формулирования базового набора имиджевых ресурсов для конкретной территории, выступающих обязательными маркерами для геобрендинга.

Итак, главным результатом состоявшихся дискуссий следует признать выделение геокультуры как особой единицы поселенческой общности. Сегодня можно и нужно говорить о городских и сельских геокультурах, не забывая о том, что в пространстве города или села может быть несколько геокультур, довольно длительное время соседствующих друг с другом. В то же время несколько спорно выглядит точка зрения Д.Н. Замятина о том, что геокультуры, распола-

гающиеся, например, в большом городе, мегаполисе, могут и «не замечать друг друга» [1, с. 34]. Напротив, современный город – это место для столкновения геокультурных идентичностей, и именно состояние самоорганизации геокультуры так или иначе позиционирует ее в городском культурном ландшафте, закрепляет формальные и неформальные права на город, его пространства (естественные и виртуальные).

Не менее важным представляется переход сообществ ученых и экспертов к разработке методических основ геокультурной политики на региональном и муниципальном уровнях. Представим авторский вариант определения такого вида политики. Геокультурная политика – это приоритетный вид политики, осуществляемый ее акторами на территории субъекта РФ в целях раскрытия культуротворческого потенциала поселенческих общностей (геокультур), развития прогрессивных форм сплоченности людей на основе ценности созидательного труда, культивирования и продвижения в медиапространстве региона ярких (аттрактивных) образов его геокультурного ядра. Упоминая о последнем, надо иметь в виду, что в этом понятии заключается система устойчивых культурных универсалий и повседневных представлений людей о территории, закреплённая в исторически оформившейся традиции культуры их осмысления (например, «арктичность», «уральскость», «пермскость»). Заметим, что в опубликованных трудах уже были высказаны соображения о «пермскости» и ее параметрах [6; 7].

Определим приоритетные цели геокультурной политики:

1) актуализация геокультурного ядра региона, выявление, систематизация и учет геокультурного ресурсного потенциала населенных территорий, в том числе включая местности со «спящим» (скрытым / латентным) и «угасшим» наследием;

2) внедрение креативных сценариев по самоорганизации геокультуры;

3) вовлечение людей в культуротворческую деятельность, устранение барьеров для публичной демонстрации способов самодеятельно-творческой активности;

4) побуждение домохозяйств к соучастию в продвижении геокультурных образов и имиджевых ресурсов места их бытования;

5) повышение уровня самостоятельности поселенческих общностей в процессе решения задач по развитию повседневной комфортной среды.

Достижение вышеуказанных целей возможно посредством применения методических средств, в том числе:

– методы проектного управления в публичном секторе;

– методики по организации и ведению проектно-сетевой деятельности (например, геокультурный брендинг);

– приемы и средства культуротворчества («бытовой» дизайн, техники «живых ремесел» и т.п.);

– средства идентификации и креативизации продукции домохозяйств и др.

Далее следует перечислить целевые аудитории или акторов геокультурной политики. В их числе:

– поселенческие общности, включая «гениев места» и тружеников;

– организационные системы (культурные, образовательные, досуговые, туристские и др.);

– бизнес-структуры и деловые круги;

– властные группы, административные муниципальные команды;

– сообщества ученых, экспертов и консультантов.

Уровни геокультурной политики – региональный и муниципальный.

Перейдём к практическим рекомендациям. Прежде всего представляется насущным включение категорий «геокультура» и «геокультурная политика» в документы стратегического планирования Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Очевидна необходимость консолидации действий со стороны научных и образовательных институций, ученых, экспертов, гражданских активистов. Первым шагом может стать согласование теоретических конструкций, формулировок и закрепление их в содержании данных понятий. Ряд публичных мероприятий целесообразно провести на широко известной платформе «ДНК России» [8]. Действительно крупным достижением признаётся успешный опыт организации серии обсуждений содержательных сюжетов по теории и методике преподавания в вузах России «Основ российской государственности» [9]. Полезным видится проведение национального съезда, посвященного развитию современных российских геокультур и принятию соответствующей резолюции о разработке Основ геокультурной политики в регионах РФ. Следующий шаг – обращение уполномоченных лиц в федеральные органы государственной власти в целях донесения содержания резолютивных решений.

Конкретным практическим решением со стороны Правительства РФ может стать включение категорий «геокультура» и «геокультурная политика» в перечень основных понятий Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (далее – Стратегия). Затем, принимая во внимание положение о том, что в числе пространственных приоритетов в Стратегии названы геостратегические территории и опорные населенные пункты, логично отразить в конструкциях их определений такие термины, как «геокультурный потенциал» и/или «геокультурные ресурсы». Приведем пример.

Понятие «опорный населённый пункт» в настоящее время выглядит следующим образом:

«<…> населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории» [10].

Предлагается внести изменения следующего характера:

– это ***располагающий геокультурным потенциалом*** населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории.

Применительно к понятию «геостратегическая территория» можно ввести дополнения такого рода:

«<…> геостратегическая территория Российской Федерации – территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации (части субъектов РФ) [***со сформированным геокультурным ядром***][1], имеющая существенное значение для обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности, развитие которой требует дополнительных ресурсов [***включая геокультурные***][2] в связи со специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности» [10].

Данные авторские проектные предложения в целом могут оказать содействие опорным населенным пунктам в получении вполне весомого аргумента для чёткой презентации и культивирования маркеров «опорности», что, несомненно, будет только приветствоваться их жителями. Сложившиеся практики в регионах показывают, что на деле «опорный» пункт – это, скорее всего, искусственно создаваемая в ходе активных действий административных органов общественно-деловая среда, призванная стать эпицентром притяжения интересов преимущественно трудоспособного населения неурбанизированной территории. Реализация достигается посредством их профессиональной занятости в секторах муниципального хозяйства. Соответственно, качества «опорности» такими населенными пунктами приобретаются за счет решений преимущественно властных институций. На деле такой «механистический» подход не всегда приводит к позитивным результатам. Так, например, еще в марте 2023 г. Постановлением Правительства Пермского края был утвержден перечень опорных населенных пунктов и прилегающих территорий, куда вошло 35 «сельских агломераций». Статусом опорного населенного пункта были наделены крупные населенные пункты – центры муниципальных образований Пермского края, включая города с индустриальным ландшафтом (Александровск, Верещагино, Губаха, Чусовой, Нытва, Горнозаводск и др.) [11]. Вместе с тем целый ряд сельских территорий Пермского Прикамья, жители которых в течение последних двух десятилетий на деле доказали высокий уровень хозяйственной и социокультурной активности, оказался лишённым качеств «опорности». Их место, по сути, было определено ролью «спутника» урбанизированной территории.

Применительно к геостратегическим территориям логично признать приоритет геокультурного вектора при реализации сценариев устойчивого развития, включая развёртывание концептов креативной экосистемы [12]. Не менее важным решением следует признать необходимость закрепления категорий «геокультурная политика» и «геокультурный потенциал территорий» в региональных стратегиях социально-экономического развития. Так, например, в Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2035 г. (далее – Стратегия СЭР Пермского края) в перечне описанных «потенциалов» фигурируют:

– водные маршруты, обеспечивающие выход к ключевым российским и международным торговым центрам,

– запасы минерального сырья и полезных ископаемых,

– туристский потенциал,

– научно-исследовательский и образовательный потенциал,

– потенциал региона в части креативной экономики, и др. [13]

Целесообразнее всего в этой части Стратегии СЭР Пермского края ввести разделение на «геокультурный» (геокультурные ресурсы) и «имиджевый» (имиджевые ресурсы) потенциалы. Соответственно, имея в виду шесть приоритетных направлений социально-экономического развития края, посредством которых планируется достижение **стратегической цели** – повышение качества жизни населения, вполне логично предложить «геокультурный» сделать базисным основанием для двух из них – *человеческий капитал и пространственное развитие*, а «имиджевый» – для остальных четырёх, как-то: *креативная экономика, зелёная экономика, диверсификация базовых секторов экономики, туризм и индустрия гостеприимства*.

В Стратегии СЭР Пермского края особое внимание обращается на то, что «достижение цели возможно путем формирования благоприятных условий для роста качества жизни населения на основе принципов устойчивого развития, включая интенсивное экономическое развитие» [13]. Представляется, что эти положения совпадают с выше обозначенными приоритетными целями геокультурной политики. Поэтому введение понятия «геокультур-

[1] Авторские вставки (С.А. Дианов, Ю.В. Дианова, Д.А. Погребняк).

ная политика» в Стратегию СЭР Пермского края не вызовет дисбаланса и найдет свое место в этом документе.

Отметим, что экспертное обсуждение оснований геокультурной политики в отдельных муниципальных образованиях Пермского края проводилось авторским коллективом еще в 2021 г. [14; 15]. Важно продолжать диалог с творческим активом в территориях региона, как и с муниципальным депутатским корпусом.

Литература:

1. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. СПб.: Алетейя, 2020. 668 с.
2. Геокультурная матрица Российской Федерации как новый фактор и перспективный инструмент формирования общероссийской системы сохранения, изучения, популяризации и использования объектов культурного наследия: сборник научных докладов / Отв. ред. Ю.С. Путрик. М.: Институт Наследия, 2022. 120 с.
3. Региональный брендинг: от теории к практике: монография / Р.Р. Сулейманова, Р.В. Нигматуллин, Э.Н. Ямалова [и др.] / под ред. Р.Р. Сулеймановой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 164 с.
4. Северный форум по устойчивому развитию (СФУР-2025): эксперты обсудили геокультурные стратегии и устойчивое развитие коренных народов на Северном форуме. URL: https://nsdf.ru/blog/2025/11/28/сфур-2025-эксперты-обсудили-геокультурн/ (дата обращения: 13.02.2026).
5. Проект кафедры ЮНЕСКО СВФУ «Современная геокультура: устойчивое развитие коренных народов Севера России и Глобального Юга». 2025 г. URL: https://arctic-megapedia.com/blog/2025/10/31/геокультура/?ysclid=mj89s89xak28925487 (дата обращения: 13.02.2026).
6. Неурбанизированные территории Пермского края: от локальных культурных практик к геокультурному брендингу / С.А. Дианов, Ю.В. Дианова, А.В. Лесевицкий, Е.С. Лобова, Н.П. Паздникова. Пермь: Проектно-образовательный центр «Прикладные технологии дизайна и проектирования» АКФ ПНИПУ, 2023. 185 с.
7. Дианов С.А. Пермскость: возможности применения в сфере брендинга территорий // Современный город: власть, управление, экономика. Город: от индустриального прошлого к цифровому будущему: сб. науч. ст. к 300-летнему юбилею г. Перми. Вып. XIII. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2024. С. 133–141.
8. Федеральный проект «ДНК России». URL: https://redangle.ru/page2291713.html (дата обращения: 13.02.2026).
9. Малева Ю. Как оценили итоги внедрения курса «Основы российской государственности» // Ведомости. 2025. 17 октября. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/10/17/1147551-kak-otsenili-itogi-vnedreniya-kursa-osnovi-rossiiskoi-gosudarstvennosti (дата обращения: 13.02.2026).
10. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: http://government.ru/docs/53917/ (дата обращения: 13.02.2026).
11. Постановление Правительства Пермского края от 30.03.2023 № 225-п «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов и прилегающих территорий Пермского края». URL: https://docs.cntd.ru/document/406601560?marker=64U0IK (дата обращения: 18.01.2026).
12. Абузярова М.И. Экосистемный подход к развитию креативных кластеров // Экономика, предпринимательство и право. 2023. № 13 (6). С. 1759–1770.
13. Законо Персмкого края от 12.07.2024 № 329-ПК «Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2035 года, утверждённая». URL: https://docs.cntd.ru/document/407340808 (дата обращения: 13.02.2026).
14. Новикова А. Геокультурный бренд Верещагино. Символ округа – что это? Художник? Паровоз? Старообрядцы? // Верещагинский вестник. 2021. 16 апреля. № 16. С. 3–4.
15. Шардаков М.А. В бывшей вотчине французского революционера Строганова обсудили геокультурный брендинг малых городов Прикамья // ЗВЕЗДА. Пермская краевая общественно-политическая газета. 2021. 13 мая. URL: https://zwezda.su/science/2021/05/v-byvshej-votchine-francuzskogo-revolyucionera-stroganova-obsudili-geokulturnyj- (дата обращения: 13.02.2026).

Geocultural Policy in Russia's Regions: Theoretical, Methodological, and Managerial Aspects

Dianov S.A., Dianova Yu.V., Pogrebniak D.A.
Perm National Research Polytechnic University

The relevance of this research topic stems from the high public significance of the discussion of the prospects for developing geocultural policy principles in the constituent entities of the Russian Federation. This article highlights the current state of scientific knowledge on geoculture and the geocultural space of a territory and describes emerging research trends in the study of geocultural issues. The author's perspective focuses on substantiating the need to consolidate the category of "geocultural policy" in strategic planning documents. The authors acknowledge the need for specialized communities of scholars and experts to shift from theoretical research to the development of methodological foundations for geocultural policy at the regional and municipal levels. Effective means are seen in organizing thematic scientific conferences, holding a national congress dedicated to the development of modern Russian geocultures, and adopting a resolution on the development of the Fundamentals of Geocultural Policy in the regions of Russia. The methodological basis for this research is a geocultural approach, grounded in the traditional understanding of the culture-centric nature of Russian territorial communities, whose application in public and municipal administration is recognized as innovative.

Keywords: geoculture, geocultural policy, politics of place, spatial development, regional economy, local communities, territorial resources, Perm Krai, branding, project solution

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-289-294

Гражданская активность и гражданское участие как факторы развития децентрализации власти (на примере Франции)

Ершов Андрей Николаевич
Доктор социологических наук,
профессор кафедры регионологии и цифровой гуманитаристики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Сытин Аркадий Викторович
Соискатель кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Возрастание роли граждан в управлении государством на различных уровнях отражает современные общественные потребности и тенденции. Гражданская активность является важным фактором развития демократических обществ, однако ее формы варьируются в зависимости от социально-политического контекста. Изучение опыта гражданского участия в процессах децентрализации дает возможность моделирования социального управления. В этой связи опыт европейской страны Франции выступает важным заделом в развитии социологической теории политического участия.

Цель статьи – выявить потенциал гражданского участия и гражданской активности в развитии социально-политических механизмов децентрализации власти (на примере Франции).

Научная значимость исследования заключается в выявлении факторов, оказывающих позитивное и негативное влияние на возможность роста участия граждан в управлении государством на различных уровнях; это позволяет обозначить основные социально-политические условия, при которых такое участие становится оптимальным.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов и выводов в практике государственного и муниципального управления в России.

Научная новизна результатов состоит в систематизации опыта гражданского участия в управлении и развитии форм демократии участия для возможности научного моделирования социально-политических процессов децентрализации власти.

Ключевые слова: *децентрализация власти, гражданское участие, форма гражданского участия, гражданская активность, демократия участия, представительная демократия*

Для цитирования: *Ершов А.Н., Сытин А.В. Гражданская активность и гражданское участие как факторы развития децентрализации власти (на примере Франции) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 289–294. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-289-294.*

Введение

Децентрализация власти – процесс, затрагивающий в той или иной мере многие государства. Чаще всего это форма оптимизации государственного управления, через развитие системы демократических институтов. Важными факторами децентрализации власти выступают гражданское участие и активность самих граждан в социально-политических процессах. Эта активность определяет интенсивность процессов, их характер. Наличие предпосылок в виде традиций участия и культуры демократии становится одним из важных условий развития децентрализации власти.

В то же время, ни одна из систем функционирования демократических институтов не может претендовать на свою исключительность, даже если данные формы и институты считаются достаточно развитыми и активно используются публичными властями и населением. В каждом конкретном социально-политическом контексте существуют более действенные и менее эффективные механизмы. В данной статье затронем некоторые из них, рассмотрев их сквозь призму гражданского участия и гражданской активности.

Цель статьи – выявить потенциал гражданского участия и гражданской активности в развитии социально-политических механизмов децентрализации власти (на примере Франции).

Методы

Для исследовательских целей в статье использован комплекс теоретико-прикладных методов. Анализ кейса выполнен на основе системного подхода, в рамках которого процессы децентрализации рассмотрены в совокупности факторов, оказывающих на них влияние; гражданская активность выступает одним из таких факторов. Применен метод типологизации, в соответствии с которым выделены два типа демократического участия граждан – представительная и прямая демократии. Использован структурно-функциональный метод, при помощи которого процесс гражданского участия структурирован на его составляющие; в качестве таких составляющих выделены формы гражданского участия (референдум, выборы, консультирование, лоббирование, протестные формы). Из методов прикладного исследования использован дискурс-анализ текстов интервью, метод вторичного анализа социологических данных, анализ документальных источников (на рус. и франц. яз.). Эмпирической основой исследования выступили результаты «больших дебатов» (проходили во Франции с 15 января по 15 марта 2019 г., N = 381 346) и опросов общественного мнения, проводимых Центром политических исследований Сьянс По (*CEVIPOF*), Франция (2019–2021 гг.). Проведен вторичный анализ результатов исследования (дискурс-анализа 600 оригинальных сообщений с сайта «больших дебатов» *https://granddebat.fr*., проведенного автором Люком Рубаном, 2019 г., Франция, на основе случайного отбора; N = 46 340). Далее в тексте статьи приводятся результаты указанных исследований.

Результаты и обсуждения

Реализация принципов демократического управления наилучшим образом отражена в возможности сочетания форм представительной и прямой демократии. Французская республика имеет огромный опыт в этой сфере государственного управления. Пожалуй, Франция обладает неоценимым опытом развития институтов децентрализованного управления через представительную демократию. Однако в последние годы этот институт стал сильно утрачивать свое влияние и статус. Определенный парадокс ситуации заключается в том, что, создав новую партию «Вперед, Республика!», Президент Эммануэль Макрон в определенной мере расшатал систему политических партий и демонизировал традиционную политическую жизнь, то есть дестабилизировал систему представительной демократии в стране. Таким образом, сегодня, в период реформы системы публичной власти во Франции, поиск более эффективной и совершенной модели местного самоуправления ставит перед властями задачу согласованного, взаимно дополняемого и неконфликтного применения на практике принципов как представительной, так и прямой демократии.

Представительная демократия и доверие к ней граждан

Согласно проведенным исследованиям [1], поддержка гражданами проводимых реформ в сфере укрепления института представительной демократии остается довольно высокой. Однако эта поддержка неравномерна по социальным слоям и возрастным группам. Поддержка реформ наиболее высока у возрастной группы от 25 до 55 лет, среди представителей среднего класса, имеющих постоянную оплачиваемую работу, высшее образование и навыки управления или опыт участия в политической жизни. Поддержка реформ наиболее низка у возрастной группы от 40 до 65 лет, среди представителей малообеспеченного класса, с низким уровнем образования, представителей женского пола или меньшинств (особенно женщин-мигрантов).

Так, в 2020 г. около 30 % французов ожидали негативных последствий замедления роста экономики и, как следствие, не доверяли и не поддерживали политику правительства в стране (только 37 % доверяли правительству). В такой ситуации трудно рассчитывать на активное участие граждан в реализации реформ. Согласно результатам исследований [2], в ряде мер по укреплению институтов представительности власти, 5,6 % респондентов указали на необходимость повышения представительности Сената, 0,7 % – на необходимость введения пропорционального представительства в собраниях и изме-

нения системы голосования. За сохранение и усиление роли Сената выступили 4,2 % опрошенных. Также часть граждан высказала недоверие собраниям ввиду слабой связи их с населением – 2,3 % или ввиду негативного нравственного облика выборных должностных лиц – 3,1 %. Часть граждан отметила необходимость придания большей роли и значения местным органам власти – 3,7 %. Как итог, на вопрос «Должны ли собрания быть преобразованы?» половина респондентов (52 %) ответила утвердительно, 9 % – отрицательно; однако велика доля не определившихся в данном вопросе: 39 % не ответили на вопрос.

Волна протестов, захвативших Францию в 2019 г., и вовсе поставила под угрозу институт представительной демократии. Речь идет о протестах молодежи, так называемых «сидячих протестах», прошедших во Франции весной 2019 г. и протестного движения «желтых жилетов» в октябре 2019 – январе 2020 гг. Движение «желтых жилетов» выступало против социально-экономической политики правительства и требовало изменения приоритетов реформ. Участники протестов выразили крайнее недоверие проводимым реформам: «*Стоит только избрать человека на какой-нибудь пост, он первым делом присваивает себе власть над другими*», – утверждал Ги Франсуа [3], имея в виду кризисные тенденции в развитии институтов власти.

В целом, прослеживается недоверие к существующим механизмам участия населения в управлении обществом, определенным законами Пятой республики. Опросы общественного мнения показывают, что уровень доверия к органам власти заметно ниже по сравнению с уровнем доверия населения к общественным структурам (см. табл. 1)

Таблица 1

Доверие французских граждан к органам власти и к общественным организациям* [4]

Распределение респондентов по вопросу: Доверяете ли вы…? Ответ: Доверяю	Доля ответивших, % к опрошенным
Мэр	23,6
Муниципальный совет	27,4
Политическая партия	9,0
Центральные органы власти	32,0
Территориальные органы власти	8,0
Общественные и волонтерские ассоциации	50,8
Профсоюзные организации	38,1

* Сумма ответов по столбцу более 100 %, так как респонденты имели возможность дать несколько ответов.

С целью повышения уровня доверия населения к органам власти целесообразно ввести возможность выбора части депутатов по пропорциональной системе, чтобы обеспечить представительство интересов всех общественно-политических сил в местных советах и стимулировать социально-политическую активность населения. Почти половина – 46 % респондентов поддерживают это предложение. Требование «прозрачности» демократии означает требования к необходимости оценки результатов избранных политиков (отметили 3 % респондентов). Встречается мнение респондентов о необходимости упразднения местных департаментов как «непрозрачного» выборного органа власти. В том числе 7 % опрошенных указали на необходимость сокращения количества мэров малых городов и сельских территорий [1].

В том, что касается существующей выборной системы, 32 % респондентов считают необходимым ввести систему обязательного голосования, что должно способствовать повышению активности населения и укреплению механизма представительной демократии [2]. Вопрос «Как повысить активность избирателей на выборах?» набрал наибольшее число ответов (доля не ответивших составила 26 %). Почти треть респондентов выбрала вариант «введение обязательного голосования»; лишь 3 % выразили мнение, что участие в выборах – дело самих избирателей. Ряд ответов группируется вокруг мнения о том, что причиной низкой явки избирателей выступает низкое доверие граждан к политикам, отсутствие их честности и порядочности, а сама политика, по мнению респондентов, «оторвана от реальной жизни».

Прямая демократия и ее формы

Кризисные тенденции в развитии институтов представительной демократии повысили актуальность институтов прямой демократии и ее конкретных форм. В качестве предпосылок французский парламент принял Закон о выборах местных советов в 1986 г. и Закон о местном референдуме в 2004 г., которые позволили укрепить демократические институты на местном уровне и инициировали начало развития и применения механизмов прямой демократии.

Прямая демократия предполагает наличие негласного или зафиксированного социального договора между властью и гражданами. Социальный договор основывается на согласии населения как в части принципов взаимодействия между местными сообществами и органами местного самоуправления, так и в части отношений внутри местных сообществ. Развитие форм прямой демократии способствует развитию гражданского потенциала и стимулирует активность граждан в решении вопросов местного значения. Как следствие, местное сообщество, различные социальные группы становятся активными участниками муниципальной жизни. Доступ к муниципальному управлению получают самые разные группы горожан, что приводит к спло-

чению городского сообщества в целом. Внимания заслуживает и такая форма прямого участия населения в управлении муниципалитетами, как влияние граждан на принятие решений (лоббирование) посредством их участия в ассоциациях, объединениях, формирование общественных «групп поддержки».

Развитие и использование механизмов прямого участия граждан в управлении муниципалитетами, предлагаемых различными протестными движениями, представляет собой дополнительную (по отношению к выборам) возможность для населения участвовать в управлении муниципалитетами и быть вовлеченными в социально-политические процессы на местном уровне. Тем не менее, протестные движения не могут позитивно повлиять на изменение принципов и методов организации и функционирования демократических институтов.

Инструменты прямой демократии: референдум

Обычно, когда говорят о прямой демократии, подразумевают один из ее основных инструментов – референдум, где решения принимаются непосредственно гражданами. Однако, как мы увидим далее, набор инструментов прямой демократии, которые применяются сегодня во Франции, разнообразен и не ограничивается только референдумом.

Как видно из приведенных в таблице 2 данных, большинство французов считает местный референдум наиболее эффективной формой прямого участия населения в управлении местными делами и рассмотрения вопросов, которые непосредственно связаны с формированием органов местного самоуправления, и в частности, внутримуниципальных или межмуниципальных структур.

Таблица 2

Формы прямого участия граждан в управлении местными сообществами, включая вопросы формирования органов местного самоуправления (*N* = 1221) [1]

Распределение респондентов по вопросу: «Какие формы участия в управлении местными делами вы считаете наиболее эффективными?»	Доля ответивих, % к опрошенным
Местный референдум	28,7
Референдум гражданской инициативы	7,5
Иные формы гражданского участия	6,1
Использовать формы демократии прямого участия	2,2
Без ответа	55,5

В то же время следует отметить, что «референдум гражданской инициативы» (РИГ) остается слабо применяемой процедурой. Во Франции основной проблемой для расширения масштаба использования референдума является его консультативный характер, а также ограниченный перечень вопросов, для решения которых может быть использован референдум. Как показывают опросы общественного мнения, механизм местных референдумов необходимо усовершенствовать. Не случайно одним из основных требований движения «жёлтых жилетов» и большинства французов является использование механизма «референдума гражданской инициативы» (фр. *Le référendum d'initiative citoyenne*) по основным социально-экономическим и политическим вопросам.

Гражданская активность и гражданские ценности

В рамках национальных французских дебатов (2019) в анкету был включен блок вопросов о гражданской активности, гражданстве, а также о базовых ценностях Республики, в частности о значении секуляризма и иммиграции. Наибольшие сложности респондентов вызвал вопрос «Как гарантировать единство духовных ценностей в Республике?». Чаще всего встречаются ответы, связанные с повышением роли образования и школы. Другим распространенным ответом послужило мнение о необходимости введения жестких санкций за религиозную и культурную нетерпимость, за дискриминацию женщин и так далее. К примеру, оригинальные формулировки звучали «*Четко объясните наши ценности и позицию Франции по этим вопросам…*». Отдельные респонденты также выразили мнение, что необходимо ввести присягу на верность ценностям Республики.

По вопросам повышения участия граждан в политической и общественной жизни ответы сгруппировались в основном вокруг мнения о необходимости повышать уровень нравственности среди выборных должностных лиц. Другая часть респондентов выразила мнение о необходимости больше публично обсуждать и учитывать мнения граждан при принятии решений властью, а также признавать коллективные решения, принятые в рамках ассоциаций.

В целом одной из главных социальных причин пассивного участия населения в работе общественных структур и демотивированного отношения к участию в управлении местными сообществами является наличие у части населения ощущения «социального отстранения», «социального несоответствия» между их личными целями и возможностью достижения данных целей через участие в общественных структурах местных сообществ. По данным исследований [1], во Франции около 20–25 % населения находится в ситуации «социального отстранения», которое проявляется в случаях:

– когда у граждан возникает неудовлетворенность результатами работы органов местного самоуправления, что сказывается на уровне доверия граждан к местным органам власти (около 50 % опрошенных не смогли положительно ответить на вопрос «доверяют ли они местным властям»), а также к общественным структурам, участвующим в выполнении

определенных полномочий органов местного самоуправления;

– появляется ощущение отчуждения граждан от процесса принятия решений местными сообществами, даже если они активно участвуют в работе общественных структур.

Выделенные причины негативно влияют на мобилизацию граждан и их участие в работе общественных структур и могут вызывать демотивацию граждан по отношению к деятельности местных сообществ и к работе органов местного самоуправления.

Например, проблема гражданской ответственности, или «цивизма» остается важной причиной для роста недоверия граждан и их демотивации для совместных действий в рамках общественных структур. По данным социологического опроса французской радиостанции «Культура» [4], только 60 % французов можно отнести к группе с удовлетворительным уровнем гражданской ответственности. Данный показатель выше в группе граждан с высшим образованием – около 70 % и ниже среди граждан со средним образованием – около 50 %. Для сравнения: в Германии 80 % граждан относятся к группе с удовлетворительным уровнем гражданской ответственности (в группе граждан с высшим образованием он достигает 90 %) [5].

Как видно из приведенных данных, необходимость развития гражданского цивизма и интеграции отдельных социальных групп (например, мигрантов) остаются важнейшими проблемами межличностных отношений в местных сообществах.

Однако, несмотря на наличие различных социальных проблем, французы в целом положительно оценивают социально-экономическую ситуацию в стране, что является важным фактором для роста доверия граждан к органам власти, в том числе и местной власти. Общий уровень удовлетворенности жизнью французы определяют в 6,5 балла по шкале от 0 до 10 баллов (средняя оценка в странах ОЭСР 6,4 балла) [5], что является одним из важных элементов для определения уровня доверия населения к власти.

Выводы

Учитывая результаты данных исследований, можно заключить, что в сегодняшней Франции имеются предпосылки и ограничения для развития прямой и представительной демократии как факторов децентрализации власти. Гражданская активность выступает здесь важным условием, усиливающим или, наоборот, замедляющим данные процессы. Несмотря на снижение доверия к органам власти – как к центральным, так и к местным – продолжает сохраняться доминирующая установка граждан на сохранение социального консенсуса и поддержка реформ, проводимых властью в сфере гражданского представительства и участия. Социальные протесты, прокатившиеся по стране и вызвавшие сильный международный резонанс, тем не менее, не поддержаны большинством граждан, согласно проведенным исследованиям. Также протестные формы поведения не могут в текущих социально-политических условиях представить сколь-либо серьезную альтернативу реформам, проводимым органами власти.

Кризисные тенденции, которые фиксируются в развитии представительной демократии, могут быть купированы, если власти предпримут ряд мер, направленных на укрепление данного социально-политического института. Прежде всего, это реализация запроса граждан на повышение открытости и публичности власти и принимаемых ею решений, а также запроса на рост вовлеченности граждан в вопросы управления на национальном и местном уровнях.

С целью повышения уровня доверия граждан к местным органам власти было бы целесообразно ввести возможность выбора части депутатов по пропорциональной системе, чтобы обеспечить представительство интересов всех общественно-политических сил в местных советах и стимулирования социально-политической активности населения: 46 % респондентов поддерживают это предложение. В том, что касается существующей выборной системы, 32 % респондентов считают необходимым ввести систему обязательного голосования, что должно способствовать повышению активности населения и укреплению социально-политического механизма представительной демократии.

Выявленный высокий потенциал гражданской активности и гражданского участия в развитии демократических процессов децентрализации власти на примере Франции может быть эффективно использован в целях управления государством и обществом. Однако на пути своего развития демократические институты сталкиваются с различными сложностями в реализации форм участия граждан в управлении. Это способно привести к крайним формам альтернативного гражданского участия – социально-политическим протестам.

Изучение опыта стран, проходящих подобные процессы, становится важным методологическим «пособием» для любой другой страны, где происходит постепенная децентрализация власти и управления, включая Россию. Это – неизбежная и объективная тенденция, свойственная современным обществам, где «вертикаль» власти дополняется «горизонталью», а диалог власти и граждан становится единственной конструктивной формой их взаимодействия. Изучение и систематизация опыта процессов децентрализации, а также участия в них граждан как главных акторов – перспективное направление исследований политической социологии.

Литература:

1. Data from a public opinion poll conducted by the Sciences Po Center for Political Research «Sevipov» in 2021. URL: https://www.sciencespo.fr/ (date of access: 21.10.2025).
2. Traitement des données issues du grand débat national «LA DÉMOCRATIE ET LA CITOYENNETÉ» Mission du Grand débat national Juin 2019. URL: Le Grand Débat National - Synthèses du Grand Débat (granddebat.fr) (дата обращения: 12.11.2025).
3. Год «Желтых жилетов». Новая форма социальной борьбы или «протест XIX века»? URL: Год «Желтых жилетов». Новая форма социальной борьбы или «протест XIX века»? | ИА Красная Весна (дата обращения: 10.07.2022).
4. Official website https://www.radiofrance.fr/franceculture (date of access: 11.11.2025)
5. Report of the EU Commission on the social and economic development policy of the territories of the European Union. URL: http://europe-en-france.gouv.fr. (date of access: 08.09.2025).

Civic Activism and Civic Participation as Factors in the Development of Decentralization of Power (Case of France)

Ershov A.N., Sytin A.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The growing role of citizens in public administration at various levels reflects contemporary societal needs and trends. Civic engagement is an important factor in the development of democratic societies, but its forms vary depending on the socio-political context. Studying the experience of civic participation in decentralization processes offers the opportunity to model social governance. In this regard, the experience of the European country of France provides an important foundation for the development of a sociological theory of political participation.

The purpose of this article is to identify the potential of civic participation and civic engagement in the development of socio-political mechanisms for the decentralization of power (using France as an example).

The scientific significance of this study lies in identifying factors that positively and negatively influence the potential for increased citizen participation in public administration at various levels; this allows us to identify the key socio-political conditions under which such participation is optimal.

The practical significance of this study lies in the potential application of the obtained results and conclusions to the practice of state and municipal administration in Russia.

The scientific novelty of the results lies in the systematization of the experience of civic participation in governance and the development of forms of participatory democracy to enable scientific modeling of socio-political processes of power decentralization.

Keywords: decentralization of power, civic participation, form of civic participation, civic activism, participatory democracy, representative democracy

УДК 343.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-295-303

Цифровая социология и цифровая девиантология: генезис, предмет, методы

Комлев Юрий Юрьевич
Доктор социологических наук,
профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России,
профессор кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Наш современник – житель цифрового мира: у каждого из нас есть своя «цифровая история». Мы проживаем свою «цифровую жизнь», не представляя себя без смартфона, интернета, всех форм социального действия (покупки, учеба, работа, развлечения) с использованием цифровых технологий, без ежедневного сетевого общения в мессенджерах. Словом, сложилась новая социально-технологическая реальность бытия, актуальность осмысления которой со всеми его «плюсами» и «минусами» в рамках цифровой социологии и цифровой девиантологии совершенно очевидна. Цель и задачи предпринятого исследования состоят в кратком обзоре генезиса формирования цифровой социологии и цифровой девиантологии в последние годы, в выделении их предметного поля и связи этих новых субдисциплин, оценке их эвристического потенциала с раскрытием специфики новых цифровых методов (анализ социальных сетей, вебометрика, онлайн-опрос, онлайн-фокус-группа, сторителлинг, цифровое наблюдение). Цифровая методология в сочетании с традиционными количественными и качественными методами эмпирического изучения положительных и особенно негативных социальных изменений, связанных с ростом кибердевиантности во всех ее проявлениях, дает нам ключ к изучению и совершенствованию системы социального контроля в новых условиях для снижения виктимизации цифровых пользователей.

Использованы статистический метод и контент-анализ научной литературы (публикаций и выступлений на научных форумах).

Значение работы состоит в попытке сформулировать основные этапы формирования субдисциплин цифровая социология и цифровая девиантология в отечественной науке с уточнением их предмета, специфики и описанием цифровых методологических инструментов с практическими примерами.

Ключевые слова: *цифровизация, сетевизация, цифровая социология, цифровая девиантология, цифровая криминология, кибердевиантность, киберпреступность, кибервиктимизация, вебометрика, онлайн-фокус-группа, сторителлинг, цифровое наблюдение*

Для цитирования: *Комлев Ю.Ю. Цифровая социология и цифровая девиантология: генезис, предмет, методы // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 295–303. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-295-303.*

В первой четверти XXI в. существенно возросла скорость технологических и социальных перемен. Высокие темпы цифровизации и сетевизации в постиндустриальном мире, развитие и внедрение цифровых технологий и устройств во все сферы жизнедеятельности людей сделали его цифровым.

В 2025 г. в России доля активных интернет-пользователей составила 89,2 % от всего населения страны.

Цифровизация и сетевизация, подобно «промышленному перевороту», радикально изменили экономику, производственные процессы, характер труда (от электронной коммерции произошел переход к цифровым рынкам (*Amazon, Alibaba, Wildberries, Ozon*, Авито и др.), автоматизации труда и *gig*-экономике (*Uber, Upwork*), развитию онлайн-банкинга, криптовалют и децентрализованных финансов). Цифровые технологии проникли в сферу власти и принятия управленческих решений, в здравоохранение и образование, транспорт и логистику. Они преобразовали способы межличностного взаимодействия и систему социальных отношений, привели к формированию онлайн-сообществ, по некоторым оценкам – «цифрового гражданства». Взаимодействие между людьми, наряду с контактами физической близости лицом к лицу, во многом стало виртуальным без необходимости непосредственного присутствия индивидов. Цифровые аватары как 3D-персонажи, имитирующие реальную жизнь, транслируются их владельцами через социальные сети, что свидетельствует о новом способе конструирования личности в виртуальном взаимодействии. Люди как цифровые пользователи все чаще доверяют при принятии решений не только традиционным источникам (книгам, обыденным знаниям, своему опыту), но и информации, собранной в интернете, прибегают к рекомендациям искусственного интеллекта (ИИ). Все действия и контакты людей в цифровом мире (онлайн-общение, учеба, работа, покупки, развлечения, даже лечение и перемещение людей в пространстве) детально фиксируются и отслеживаются цифровыми сервисами. Все мы во многом стали субъектами цифровых данных.

Цифровизация, как благо, минимизирует издержки, повышает производительность труда и прибыль, снижает роль ошибок, связанных с «человеческим фактором», обеспечивает эффективность прогнозов и управленческих решений, более высокое качество жизни миллионов людей за счет повышения объема, доступности и скорости предоставления разнообразных цифровых услуг. С другой стороны, цифровые технологии, наряду с положительными переменами, приводят к появлению новых социальных вызовов и проблем. В высокотехнологичном цифровом мире неизбежны компрессия рынка труда и занятости, цифровое неравенство в контексте неравного доступа к цифровым технологиям, ресурсам и цифровым компетенциям, цифровая девиантизация социума.

Закономерно, что в последние два десятилетия социально-технологическая проблематика цифрового мира все больше привлекает внимание социологов. Проводятся многочисленные эмпирические интернет-исследования. В итоге в экспертном сообществе это направление социологических исследований первоначально обозначается, как «кибер-социология», «социология интернета», «социология сетевых сообществ», «социология социальных медиа», «социология киберкультуры». В результате соперничества дискурсов, судя по контент-анализу публикаций, в настоящее время доминирует более ёмкое терминологическое обозначение новой предметной области как «цифровая социология» («*digital sociology*»).

Понятие «цифровая социология» первым использует американский исследователь Дж. Уинн в журнале Sociological Forum (2009), где он обобщил собственный опыт использования цифровых технологий в социологических исследованиях и преподавании. Дж. Уинн обосновал необходимость социологического изучения социальных проблем, обусловленных широким внедрением цифровых технологий [1, p. 448–456].

Р. Нил в 2010 г. расширил предмет цифровой социологии в контексте соединения растущего академического внимания к социальным переменам, обусловленным цифровизацией, внедрением цифровых технологий с усиливающимся интересом к ним со стороны глобального бизнеса [2].

Д. Лаптон в 2012 г. публикует в *Electronic Journal* статью, посвященную введению в цифровую социологию, а через два года выходит ее фундаментальная монография *Digital sociology*, где она определяет эту предметную область как социологическую «субдисциплину». Д. Лаптон включает в предмет цифровой социологии:

• профессиональную цифровую практику – использование в исследованиях и преподавании новых цифровых инструментов для построения сетей, создания онлайн-профилей, публикации и представления научных результатов;

• изучение применения цифровых технологий – анализ того, как использование людьми цифровых технологий формирует их самоощущение и воплощение, а также их роль в воспроизводстве новых социальных отношений и новых социальных структур (институтов);

• сбор и анализ цифровых количественных и качественных данных, генерируемых цифровыми пользователями, в рамках эмпирических исследований;

• критическую цифровую социологию – рефлексивный анализ роли цифровых технологий с точки зрения социокультурных теорий) [3].

В 2012 г. был сформирован исследовательский коллектив цифровых социологов из числа членов Британской социологической ассоциации. Первая научная конференция по цифровой социологии состоялась в Нью-Йорке в 2015 г. В Торонто 15–21 июня 2018 г. прошел XIX Всемирный социологический конгресс, в дискуссиях на площадках которого акцент был во многом сделан на осмыслении

реалий цифрового мира, в том числе негативных последствий и вызовов цифровизации. Его участниками была подчеркнута роль междисциплинарного знания на интегративной социологической платформе (социология, компьютерные науки, правоведение, культурология, психология, IT-технологии) в изучении и понимании цифровых перемен в обществе. В этот период открылись первые специализированные журналы по цифровой социологии: *New Media & Society; Information, Communication & Society; Big Data & Society* и другие издания.

Н. Маррес в 2017 г. пишет о значении термина «цифровая социология» в контекстах: тематическое направление социологических исследований; исследовательские инструменты и методы, включая в ее предметную область вопросы новых эвристических возможностей социального мониторинга, анализа цифровых возможностей вмешательства в социальную жизнь, выделяет новые формы наблюдения и контроля, а также создание новых знаний о социальной реальности. При этом она справедливо ставит вопрос о репрезентативности цифровых данных [4]. Н. Селвин, анализируя предметное поле цифровой социологии, включает в него социальные сети, большие данные, алгоритмы и цифровые платформы, функционирование которых требует социологического осмысления [5].

С 2009 г. по настоящее время практически по экспоненте происходит рост количества фундаментальных публикаций по теме «цифровые технологии» в предметном поле социологии, о чем свидетельствуют данные *Web of Science Core Collection.* В академическом дискурсе появляются новые статьи и книги в рубрике «цифровая социология» относительно социально-технологического или «цифрового поворота» («*digital turn*»), феноменов «цифровой жизни» («*digital life*») и социологическом осмыслении их с использованием цифровой методологии исследований. Этой проблематике посвящены работы Д. Лаптон, Н. Маррес, Н. Селвина, М. Флайервбома, Я. ван Дейка, Я. Скопека и многих других зарубежных исследователей, критический анализ некоторых из них представлен в публикациях отечественных исследователей [6, с. 6–33; 7, с. 63–80].

В статьях исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека обращено внимание на такие тематические ориентации цифровой социологии, как: социальная теория и интернет в повседневной жизни индивидов и групп, изучение цифровых сообществ, анализ онлайн-взаимодействий, цифровое участие и неравенство, цифровые сервисы и сети, позитивные и негативные последствия цифровых технологических изменений.

Содержательный материал по развитию цифровой социологии представлен в китайских источниках. Так, Ю. Чжао и М. Ван, подобно Д. Лаптон, рассматривают цифровую социологию как «социологическую субдисциплину, которая использует социологические перспективы анализа, традиционные и цифровые методы исследования для изучения развития и применения цифровых технологий, фокусируется на их влиянии на поведение человека и функционирование общества, а также исследует механизмы взаимного конструирования между цифровыми технологиями и социальной средой» [8].

Таким образом, в работах зарубежных социологов предметная сфера субдисциплины цифровая социология постоянно расширяется и включает в свое предметное поле социальное влияние цифровых технологий и их использование в методологии исследований, интернет-занятость, проблематику цифрового неравенства, поисковые запросы и визуализацию объектов, содержание текстов микроблогов и сетевого общения, рекламы, интернет-торговли, потребительское поведение, игры, использование цифровых денег, архивы хранения данных, политическую и гражданскую активность, дистанционное лечение и образование. Особую группу тем составляет кластер, посвященный социальному насилию в интернете, кибердевиантности и киберпреступности, кибертерроризму, кибербезопасности, защите персональных данных, жертвам кибермошенничества и кибербуллинга.

Обзор публикаций в области генезиса цифровых социологических исследований и дискуссий на научных форумах в академической среде относительно предмета новой субдисциплины позволяет резюмировать, что цифровая социология представляет собой активно развивающееся направление в современной социологической науке, целью которого является изучение социологическими «старыми» и «новыми» цифровыми методами социальных структур и процессов, социальных практик, изменений и проблем цифрового общества, продуцированных внедрением цифровых технологий (большие данные, облачные технологии, искусственный интеллект, интернет вещей) и сервисов (цифровые платформы).

Россия – одна из передовых стран в мире по масштабам цифровизации и сетевизации социума. Не только в мировом, но и в российском социологическом сообществе идет процесс формирования цифровой социологии как новой субдисциплины. В нашей стране с 2018 г. издается журнал «Цифровая социология». В одной из первых российских работ по методологии социологического исследования с использованием компьютерных технологий Ю.Н. Толстова определяет несколько новых подходов. Это: большие данные (*Big Data*), интеллектуальный анализ данных (*Data Mining*), цифровые гуманитарные науки (*Digital Humanity*), наука о данных (*Data Science*) [9, с. 3–13]. Ситуация в российской социологической науке достаточно быстро меняется. В работе А.В. Смирнова убедительно по-

казано, по данным частотного анализа, что за период с 2000 по 2021 гг. обновление понятийного аппарата социологии в связи с цифровизацией общества, а также отражение опыта использования цифровых социальных платформ в качестве источника данных и объекта социологического осмысления показали внушительную динамику. Так, если с 2010 по 2012 гг. эти темы упоминались в 2,7 % публикаций, то с 2019 по 2021 гг. проблематика цифровой социологии зазвучала уже в каждой пятой статье в восьми ведущих социологических журналах России [10, с. 39–50]. Тем не менее отечественных работ теоретико-методологического характера по цифровой социологии еще не так много (больше эмпирических исследований), но их количество стремительно растет, судя по ключевым словам в статьях на эту тему в электронной библиотечной системе *eLIBRARY*.RU. Среди авторов публикаций: Ю.Н. Толстова (2015); О.В. Крыштановская (2018); В.Ф. Ницевич (2018); Г.В. Осипов, С.В. Климовицкий (2018); И.Б. Орлова, Е.В. Фомин (2020); Е.В. Щекотин (2020); И.А. Вершинина, А.В. Лядова (2020); Л.Ю. Шураева (2020); А.В. Пацула (2020); Л.А. Василенко (2020, 2021); Л.А. Василенко, Н.Н. Мещерякова (2021); А.В. Смирнов (2021); Д.Е. Добринская (2021); А.А. Ахтырский (2022); Ю.Ю. Комлев (2023); Л.А. Бархатова (2023); А.В. Смирнов (2023); А.Ю. Сергеев, О.В. Широкова (2023); П.И. Ананченкова, И.А. Тюрин, К.К. Макарова (2024); Е.В. Фомин, П.В. Волкова (2025); Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко, Д.В. Лазутина и др.

Теорию и методологию цифровых социологических исследований активно обсуждают на научных форумах. Так, в рамках Всероссийского фестиваля науки «НАУКА 0+» ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с компанией «Крибрум», Оренбургским государственным университетом, Юридическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Институтом социально-политических исследований РАН 8 октября 2021 г. при информационной поддержке научного журнала «Цифровая социология» была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Цифровая социология: современные методы анализа электронных социальных сетей».

12–14 ноября 2025 г. состоялся VII Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти», материалы которого в значительной степени были посвящены тематике связанной с празднованием 80-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Тем не менее, на трех секциях «Эмпирические исследования: запрос на методологическую рефлексию и поиск решений» (№ 11), «Человек цифрового общества» (№ 16) и «Девиантное поведение и социокультурные трансформации…» (№ 28) было представлено 36 докладов по вопросам: онлайн-исследований цифровой трансформации общества, цифровой аналитике, изучения человека цифрового общества, сетевых молодежных сообществ, цифрового неравенства, цифровой занятости, геймификации, нейросетей и влияния искусственного интеллекта, освоения цифровых компетенций, кибердевиантности и организации цифрового социального контроля в контексте подготовки кадров киберполиции и по другим смежным темам.

Обобщая содержательную сторону публикаций и докладов российских исследователей по цифровой социологии, можно сказать, что на начальном этапе в трудах просматривается настороженный консерватизм, состояние некого подобия «методологической травмы» относительно цифровых методологических инноваций и сомнительной репрезентативности выборочных цифровых данных. Заявляет о себе и неопределенность многих понятий и концептов цифровой социологии. Однако скепсис постепенно меняется на более активную позицию исследователей в отношении развития цифровой социологии, ее понятийных конструкций и применения цифровых методов в эмпирических исследованиях социальных проблем цифрового мира. Российскими социологами делаются попытки определить теоретические истоки, рамки и основания цифровой социологии, выстроить теоретические модели цифрового общества, очертить предметное поле новой дисциплины, методологические возможности и принципы, описать специфику цифровых методов эмпирического познания цифровой социальной реальности. Развитию и внедрению концептов и методов цифровой социологии в настоящее время способствуют: новые достижения в IT-сфере и компьютерной (вычислительной) науке, практическое использование алгоритмов машинного обучения (ИИ) в исследованиях, а также других вычислений и обработки больших данных.

В последнее десятилетие в силу активного распространения цифровых технологий и массовой вовлеченности каждого из нас в цифровой мир возникли и распространились крайне негативные социальные последствия цифровизации и сетевизации в форме массовой кибердевиантности. Развивается цифровая девиантизация социума. В цифровом мире девиантность приобрела новые, в том числе социально опасные формы, и в силу отставания в развитии системы социального контроля породила колоссальные риски кибервиктимизации. Среди них: несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным с помощью взломов, онлайн-атак; киберкражи, совершаемые путем мошенничества, фишинга или с помощью вредоносных программ; кибертерроризм; киберсекс-торговля и сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве; сетевая зависимость; киберискейперство; киберлудомания; кибербуллинг. Особое беспокойство

в обществе и профессиональной среде вызывает бум кибермошенничества. По отчетам МВД России, представленным в открытых источниках, в 2022 г. совершено каждое четвертое преступление, в 2023 г. – каждое третье преступление с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ). В 2024 г. в целом по стране зарегистрировано 40 % киберпреступлений в форме мошенничества [11]. В течение первых 9 месяцев 2025 г., по ведомственным данным, киберпреступность снизилась на 9 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., однако появились новые способы хищений и кибермошенничества [12]. Несколько уменьшились и объемы хищений у россиян во многом благодаря принятию государством первого пакета мер в апреле 2025 г., направленных против кибермошенников и на защиту цифровых пользователей.

Особенность кибердевиантности и киберпреступности в 20-е гг. XXI в. состоит в их подвижных, быстро меняющихся и технологически более совершенных формах. Так, еще в начале нулевых годов киберпреступность была направлена против корпоративных операционных систем. Сегодня ее жертвами, наряду с корпорациями, все чаще становятся потребители сотовой связи, банковских и иных цифровых услуг – обычные индивидуальные цифровые пользователи. Современные хакеры, как свидетельствуют эксперты, научились использовать искусственный интеллект и перешли от эпизодического использования ИИ-инструментов (нейросеть *Claude*) к созданию автоматизированных систем для совершения кибератак, сканирования уязвимых мест в системах защиты данных, рассылки вредоносных писем, совершения нелегальных криптовалютных операций.

Реальные вызовы кибервиктимизации объективно стимулируют социологическое изучение различных форм кибердевиантности и поиск адекватных ответов на них в системе формального и неформального социального контроля. Объективный онтологический вред кибердевиантности и сложившиеся методологические предпосылки, обусловленные достижениями цифровой социологии и девиантологии, определяют запрос на формирование на пересечении этих предметных областей цифровой девиантологии и ее наиболее значимой составляющей цифровой криминологии как социологии цифровой преступности.

Девиантология, как любая другая наука, имеет не только свою историю, идущую со времен Э. Дюркгейма, но и находится в постоянном развитии. В недрах мировой социологии она сформировалась благодаря Т. Парсонсу и М. Мертону к середине XX в. как специальная (частная) социологическая теория. Современная девиантология, если лаконично, – это наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию государства и общества на них (социальный контроль). Российской девиантологии чуть больше полувека. Она институционализировалась и развивается в трудах Я.И. Гилинского и его сподвижников [13].

Опыт формирования теоретической рамки цифровой девиантологии отражен в ранних работах Ш. Браун (2006), М. Яра (2012), К. Хейворда (2012), а также публикации Г. Страттона, А. Пауэлла, Р. Кэмерона (2019), которые опираются на идею гибридизации социологических, криминологических и технологических знаний для исследования цифровых проявлений девиантности и преступности, совершенствовании системы социального контроля.

Эти и другие труды наметили основные пути построения цифрового девиантологического знания о природе и детерминации кибердевиантности и киберпреступности в первые десятилетия XXI в., о совершенствовании социального контроля над ними, особенно в цифровой форме (мониторинг, тотальное цифровое слежение).

Активный интерес к эмпирическому изучению феноменологии кибердевиаций и киберпреступлений, цифровому контролю над их проявлениями проявляют отечественные исследователи: Т.М. Судакова, В.А. Номоконов, М.В. Костоломов, В.С. Овчинский, Я.И. Гилинский, Ю.Ю. Комлев, Я.Г. Ищук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольянинов, А.П. Суходолов, П.И. Ананченкова, И.А. Тюрин, К.К. Макарова, Е.В. Фомин, П.В. Волкова и многие другие.

В последнее время вышло немало содержательных работ, которые можно отнести к предметному полю цифровой девиантологии. Среди них анализу возможностей цифрового профилирования и моделирования цифрового профиля (портрета) неустановленного преступника посредством применения математических методов моделирования и прогнозирования в раскрытии и расследовании серийных преступлений, в том числе киберпреступлений посвящена работа группы криминологов А.П. Суходолова, М.А. Калужина, Б.А. Спасенникова, В.С. Колодина в 2019 г. В 2021 г. в Академии управления МВД России выходит пособие «Цифровая криминология», выполненное Я.Г. Ищук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольяниновым.

Цифровые девиантологические исследования П.И. Ананченковой, И.А. Тюрина и К.К. Макаровой нацелены на выявление характеристик современного телефонного мошенничества, поскольку число его жертв особенно велико, и чрезвычайно важно обеспечить цифровую социализацию пожилых людей как средство эффективной защиты от попадания пенсионеров в виктимный статус [14, с. 22–32]. Поскольку кибермошенничество стало одной из самых актуальных угроз для обычных цифровых пользователей, то для исследования этого феномена и минимизации кибервиктимизации успешно используется метод онлайн-опроса, результаты которого пред-

ставлены в работе А.Ю. Сергеева и О.В. Широкова [15, с. 59–71]. Е.В. Фоминым и П.В. Волковой. детально проанализирован с помощью цифрового инструмента «Крибрум.Про» контент о наркотизме и наркомании в русскоязычном сегменте социальных медиа. Авторами выявлены типы медиа, основные тематики (новости, реклама, юмор и т.д.) в постах о наркомании, выделены особенности медиаконтента, определена вовлеченность аудитории [16, с. 53–64]. Эти и другие исследования кибердевиантности и киберпреступности развивают отечественную цифровую девиантологию и цифровую криминологию, способствуют внедрению цифровых методов исследования различных проявлений кибердевиантности и цифрового социального контроля.

Таким образом, предметом цифровой девиантологии можно считать кибердевиантность как социальное явление во всех ее проявлениях, генезис и механизмы индивидуальных практик девиантного поведения с использованием цифровых технологий и сервисов, цифровой социальный контроль над проявлениями кибердевиантности, историю и методологию цифровых девиантологических исследований.

Особенно много дискуссий в научных публикациях цифровых социологов, девиантологов и криминологов посвящено методологическим вопросам. Несмотря на прогресс науки, проблемой для девиантологов традиционной позитивистской ориентации является недостаток знаний и компетенций в использовании новых цифровых методов изучения кибердевиантности и киберпреступности.

В настоящее время, наряду с традиционными количественными и качественными методами эмпирического изучения кибердевиантности и киберпреступности, в ряде девиантологических работ начинает широко применяться цифровая методология с своим понятийным аппаратом и инструментарием. Обзор этих новых методов и конструктивного опыта их использования по материалам контент-анализа будет весьма полезен практикующим девиантологам в изучении кибердевиантности и киберпреступности, а также проблем социального цифрового контроля над их проявлениями. Рассмотрим их в следующем порядке.

1. *Метод анализа социальных сетей.* Он применяется для изучения структуры и динамики сетевых сообществ, публичных дискуссий, дискурсов, сообщений, переписки. Метод основан на использовании теории графов, что позволяет анализировать разнообразные виды социальных связей в киберпространстве. Эти связи фиксируются как гиперссылки, комментарии, упоминания, подписки, рейтинги, лайки, посты и репосты в коммуникациях между разного рода девиантов. Узлами сетевой структуры являются акторы коммуникации. Связи между ними фиксируют ребра графа, которые их соединяют. Например, это могут быть отношения, связанные с кибербуллингом, виртуальными сексуальными связями или криминальными взаимодействиями. Метод позволяет выявлять паттерны взаимодействия субъектов внутри сетевых сообществ: то, как они коммуницируют, участвуя в конструировании киберреальности, и оказывают одностороннее или взаимное влияние.

2. *Вебометрика*. Один из самых распространенных методов сбора и обработки как качественных, так и количественных данных из цифровой среды с целью изучения контента сайтов на основе формализованных матриц. В качестве интернет-контента используется любое информационно значимое наполнение интернет-ресурса (сайта, портала, банка данных, электронной библиотеки). Формат данных может быть представлен в виде текста, таблицы, графика или рисунка, мультимедиа, профиля, поста. Инструментарий вебометрики строится на основе классического, как правило, формализованного контент-анализа с определением единиц анализа, тематических блоков с выделением авторства, миссии, оценки, установки, утверждений. Примером успешного применения вебометрики является исследование содержания постов по вопросу наркомании в российском сегменте социальных медиа, проведенное Е.В. Фоминым и П.В. Волковым с помощью цифрового инструмента «Крибрум.Про» [6, с. 53–64]. Для отбора постов (репостов) был составлен авторский лингвистический список с использованием специальной системы знаков, учитывающий альтернативные названия наркотиков. Исследователи выявили типы медиа, основные тематики (новости, реклама, юмор) контента о наркомании, особенности медиаконтента, определили степень вовлеченности в эту тему аудитории. Авторами работы показана интерактивность и мгновенное распространение контента. При этом нецензурируемость и мнимая анонимность авторов выступают главными факторами, способствующими трансляции материалов противоправного характера. Исследователями установлено, что в мессенджерах доминирует реклама наркошопов и наркокурьеров. В социальных сетях преобладают продукты поп-культуры о наркомании (фильмы, музыка, клипы). Представление о наркомании в социальных медиа характеризуется как амбивалентное.

3. *Онлайн-опрос (интернет-опрос).* Метод реализуется по аналогии с классическим вариантом опроса в рамках методики онлайн-анкетирования либо онлайн-интервью.

Онлайн-анкетирование осуществляется путем рассылки писем с анкетой по электронной почте определенным адресатам. Для его использования необходима информация из базы данных почтовых адресов респондентов. Онлайн-анкетирование можно реализовать и путем рассылки писем по принципу «снежного кома». В этом случае адресат, ответив на

вопросы анкеты, пересылает письмо своим коллегам (знакомым), и те действуют аналогичным образом.

В настоящее время все чаще для распространения анкетных листов используются интернет-форумы, телеконференции в группах новостей, чаты мессенджеров. Весьма практично проводить анкетные онлайн-опросы для сбора экспертных оценок по проблемам противодействия преступности и других девиаций с помощью *Google* форм, если есть адреса респондентов из профессионального сообщества. Полученные первичные данные формализованного опроса в дальнейшем «выгружаются» из *Google* форм в специализированный пакет *SPSS* для статистической обработки и получения вторичных данных. Технологию самозагружающихся веб-опросников поддерживают интернет-ресурсы *Anketog.ru, Testograf.ru*.

Онлайн-интервью. Сбор данных в ходе онлайн-беседы осуществляется по структурированному списку вопросов с рассылкой бланка и гайда (инструкции) адресатам по электронной почте. Онлайн-видеоинтервью проводятся в формате конференц-связи или в режиме чата с помощью платформ (*Zoom*, Яндекс Телемост, *WhatsApp, Max* и др.). Этот прием позволяет не только собрать ценные данные, но и учесть субъективную реакцию респондентов на вопросы, тему девиантологического исследования, четко сформулировать предложения по совершенствованию социального контроля над изучаемой девиантностью.

Убедительным примером продуктивного изучения кибермошенничества методом онлайн-опроса является работа А.Ю. Сергеева и О.В. Широкова [5, с. 59–71]. Авторами были изучены различные варианты кибермошенничества. Среди них: телефонное мошенничество, СМС-мошенничество, фишинг, снифферинг (перехват сообщений), скимминг (кража данных карты). Исследовали проанализировали феноменологию кибермошенничества в условиях социальных изменений, вызванных пандемией *COVID*-19 и другими социальными и технологическими факторами. Были описаны жертвы кибервиктимизации и даны рекомендации по их защите и повышению цифровой грамотности населения.

4. *Онлайн-фокус-группа.* Этот метод представляет собой вариант коллективной беседы на заданную девиантологическую тему под управлением модератора. Онлайн-фокус-группа проводится в рамках видеоконференции с небольшим числом экспертов для одновременного обсуждения той или иной проблемы с видеозаписью для последующего разбора высказываний и предложений всех участников, их транскрибирования. Фокус-группа в формате чата мессенджера предполагает не только одновременную звуковую запись высказываний, но и фиксацию реплик, текстовых комментариев, пояснительных записей участников дискуссии.

5. *Сторителлинг*. Это цифровой вариант биографического метода, который широко применяется для изучения девиантных карьер. Он опирается на детальное изложение в цифровой среде жизненных историй девиантов. Многие люди считают приемлемым для себя рассказывать почти интимные подробности из своей жизни, выставляя их на всеобщее обсуждение. Такая неформальная информация – весьма ценный источник данных о самоидентификации личности в виртуальном мире, поворотных моментах жизненного пути человека. Нарративы девиантов (алкоголиков, наркоманов, проституток, преступников) раскрывают сложные этапы, девиации, ошибки и проблемы, связи и влияние других людей в их жизни через осмысление и субъективную интерпретацию прошлого в ходе повествования.

6. *Цифровое наблюдение.* Метод основан на том, что цифровые технологии в программном обеспечении современных смартфонов, планшетов дают возможность фиксировать и отслеживать цифровые действия и местоположение их владельцев, следы от которых никуда не исчезают. Это то, что позволяет реализовать цифровое наблюдение в социальных сетях и повседневных цифровых практиках пользователей цифровых девайсов. Маркетологи американского ритейлера *Walmart* одними из первых с помощью цифрового наблюдения и нейросетей выявили потребительские установки в результате сбора и обработки данных о своих клиентах, доведя точность прогнозов поведения покупателей до 83 %. Цифровое наблюдение может использоваться для изучения и поиска в системе цифрового социального контроля полицейскими преступников, террористов; социальными службами для обнаружения людей, нуждающихся в экстренной медицинской и другой чрезвычайной помощи; социологическими службами для подсчета и анализа числа и практик поведения мигрантов. Так, во время пандемии через систему «цифровых пропусков» власти Москвы и других мегаполисов отслеживали перемещения горожан. Весьма совершенную интегрированную систему создали начиная с 2014 г. в Китае под названием система социальных кредитов, которая позволяет генерировать «черные списки» девиантов и влиять на них.

Среди недостатков цифрового наблюдения можно выделить этические и правовые проблемы, поскольку тотальное слежение может происходить и за теми людьми, кто изначально не был его объектом, не является девиантом. Применение этого метода в системе социального контроля ведет в итоге к тотальному цифровому надзору, ограничивая конфиденциальность и личные свободы цифровых пользователей, что требует соответствующих законодательных решений в данной сфере. Иначе, в цифровом мире утвердится практика, которую хорошо описывает метафора «паноптикума» М. Фуко

для обеспечения так называемой «дисциплинарной мечты».

Таким образом, эвристический потенциал цифровой социологии и цифровой девиантологии, цифровых количественных и качественных методов исследования позволяет практикующим девиантологам эффективно проводить исследования различных проявлений кибердевиантности и цифрового социального контроля в условиях ставшего реальностью цифрового общества. Выводы и обобщения исследователей будут еще более релевантными, если они сочетают анализ данных вебометрики или бесконтактных формализованных онлайн-опросов с результатами онлайн-интервью, онлайн-фокус-групп или сторителлинга, позволяющих сосредоточиться еще и на субъективных аспектах жизни девиантов. Пришло время социологам и девиантологам активно овладевать новыми социологическими субдисциплинами, цифровой методологией и компетенциями по извлечению разноплановых данных из различных цифровых источников, их обработки и анализа в научных исследованиях.

Литература:

1. Wynn J. Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom // Sociological Forum. 2009. № 24 (2). P. 448–456.
2. Neal R. Expanding Sentience: Introducing Digital Sociology for moving beyond Buzz Metrics in a World of Growing Online Socialization. Lulu Publishing, LLC, 2010. 150 p.
3. Lupton D. Digital sociology. N.Y.: Routledge, 2014. 236 p.
4. Marres N. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press, 2017. 232 p.
5. Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 152 p.
6. Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Лазутина Д.В. Цифровая экономика и цифровая социология: общее и различное (критический обзор) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11. № 3 (43). https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-6-33.
7. Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И. Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека. Часть I. Цифровая социология // Digital Sociology. 2024. № 7(4). С. 63–80. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-4-63-80.
8. Чжао Ю., Ван М. Цифровая социология: происхождение, развитие и перспективы с глобальной точки зрения // Журнал китайской социологии. 2023. № 10(19). https://doi.org/101186/s40711-023-00198-1.
9. Толстова Ю.Н. Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3–13.
10. Смирнов А.В. Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 39–50.
11. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Сайт МВД Российской Федерации. 2025. URL: https://МВД РФ/reports/item/60248328/?ysclid=mir6bueknd141960129 (дата обращения: 08.01.2026).
12. МВД России сообщило о снижении преступности на 6,3 % в 2025 году. URL: https://www.ridus.ru/mvd-rossii-soobshilo-o-snizhenii-prestupnosti-na-63-v-2025-godu-741316.htmlRidus.ru (дата обращения: 08.01.2026).
13. Гилинский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. 242 с.
14. Ананченкова П.И., Тюрин И.А., Макарова К.К. Роль цифровой социализации пожилых людей в защите от телефонного мошенничества // Цифровая социология. 2024. Т. 7. № 4. С. 22–32.
15. Сергеев А.Ю., Широкова О.В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений. Цифровая социология // Digital Sociology. 2023. № 6(1). С. 59–71.
16. Фомин Е.В., Волкова П.В. Контент о наркомании в российском сегменте социальных медиа: источники, особенности, вовлеченность пользователей // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 3. С. 53–64.

Digital Sociology and Digital Deviantology: Genesis, Subject and Methods

Komlev Yu.Yu.
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
University of Management "TISBI" (Kazan)

Our contemporary lives are inhabitants of the digital world: each of us has our own "digital history." We live our "digital lives," unable to imagine ourselves without smartphones, the internet, all forms of social activity (shopping, studying, working, entertainment) using digital technologies, and without daily online communication via instant messaging apps. In short, a new socio-technological reality has emerged, the relevance of understanding this reality, with all its pros and cons, within the framework of digital sociology and digital deviantology is absolutely obvious. The aim and objectives of this study are to briefly review the genesis of digital sociology and digital deviantology in recent years, to identify their subject areas and the connections between these new subdisciplines, to assess their heuristic potential, and to uncover the specifics of new digital methods (social media analysis, webometrics, online surveys, online focus groups, storytelling, and digital observation). Digital methodology, combined with traditional quantitative and qualitative methods for empirically studying the positive and, especially, negative social changes associated with the rise of cyberdeviance in all its manifestations, provides the key to understanding and improving social control systems in the new context to reduce the victimization of digital users.

Statistical methods and content analysis of scientific literature (publications and presentations at scientific forums) were used.

The significance of this work lies in its attempt to formulate the main stages in the development of the subdisciplines of digital sociology and digital deviance studies in Russian science, clarifying their subject matter, specifics, and describing digital methodological tools with practical examples.

Keywords: digitalization, networkization, digital sociology, digital deviantology, digital criminology, cyberdeviance, cybercrime, cybervictimization, social network analysis method, webometrics, online survey, online focus group, storytelling, digital surveillance

УДК 316.74
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-304-311

Духовный опыт в контексте цифровой квазисакральности

Котляр Полина Сергеевна
Кандидат философских наук,
доцент кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Николаев Михаил Сергеевич
Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье исследуются особенности формирования духовного опыта в условиях стремительной цифровизации социально-культурных процессов, изменяющих содержание и формы религиозности. Цель работы состоит в выявлении тех трансформаций, которым подвергаются сакральные практики под влиянием цифровых технологий, а также в анализе возникающих парадоксов восприятия и переживания духовного опыта в медиатизированной среде. На основе анализа современных медиаформатов, видеоигр, сетевых религиозных сервисов и нейросетевых моделей показано, что цифровая репрезентация сакрального приводит к его маргинализации и расширению границ: сакральное начинает включать в себя не только религиозные элементы, но и различные проявления цифрового профанного.

Ценность и новизна исследования определяются выявлением онтологических, гносеологических и герменевтических последствий цифровых технологий для духовных практик: становлением онтологического плюрализма, появлением релятивистской «поп-теологии», формированием новых форм личной духовности, ориентированной на индивидуальный опыт и игровые механики. Делается вывод о геймификации религиозного поведения, усилении квазисакральных симуляций и смещении духовного опыта в сторону антропоцентричных, индивидуализированных и неинституционализированных форм.

Научная и практическая значимость работы заключается в актуализации необходимости критического анализа цифровых форм духовности и выработки подходов, позволяющих религиозным, философским и культурным институциям отвечать на вызовы цифровой среды, в которой сакральное конкурирует с технологиями за внимание и доверие современного человека.

Ключевые слова: *религия, цифровой духовный опыт, сакральное, квазисакральное, деинституциализация религии, геймификация религиозных практик*

Для цитирования: *Котляр П.С., Николаев М.С. Духовный опыт в контексте цифровой квазисакральности // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 304–311. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-304-311.*

Интеграция цифровых технологий в повседневный опыт современного человека серьезным образом изменила топологические характеристики жизни и ее темп. Если в XX в. человек (зритель) был подчинен расписанию киносеансов или программе телепередач, а обустройство дома разворачивалось от места расположения телевизора, то сегодня происходит преодоление подобных временных и пространственных ограничений. Как отмечает британский исследователь медиа Р. Сильверстоун, некоторые предметы – от книг до мобильных телефонов – оказываются гораздо большим, чем они есть, то есть фактически они выступают порталами в другие миры [1, p. 15–31]. Пандемия *COVID*-19 послужила катализатором перехода от цифрового номадизма, когда работник мог позволить себе трудиться, находясь пространственно в любой точке мира, к ситуации, когда вся деятельность – от работы до фитнеса – переместилась в пространство дома и трансформировала обустройство комнат. Так, например, возникли практики ненормированной работы без перерыва на отдых или занятий домашними онлайн-тренировками.

Разрыв в технологических компетенциях между людьми, которые используют современные цифровые гаджеты, и теми, кого можно отнести к «цифровым иммигрантам» в терминологии М. Пренски, становится катализатором развития культуры нового поколения. Так, в качестве основных факторов, формирующих эти компетенции, можно обозначить: потребность в высокой скорости интернет-доступа [2], предпочтение изображений или видео текстовому формату получения информации [3], запрос на упрощенную навигацию по тексту, выбор видеоигр как вида досуга [4], потребление более одной формы контента одновременно [5]. Таким образом, даже пребывание в пространстве одной культуры и одной религии не способно нивелировать разрыв между образом жизни людей разных поколений, который стремительно увеличивается с развитием цифровых технологий.

Развитию цифровых технологий как фактору, определяющему трансформацию ценностей и норм общества, исследователи дают разные, часто полярные оценки. Упрощение доступа к информации с распространением персональных компьютеров, мобильных телефонов, постоянно подключенных к интернету, по мнению ряда исследователей, способствовало развитию демократии [6], сформировало новую реальность: «Интернет выполняет роль технологического базиса для организационной разновидности информационной эры – Сети» [7, с. 13]. Скептическая позиция представлена аргументами, в соответствии с которыми, происходящие структурные преобразования влекут за собой нелинейные эффекты. К примеру, тезис В. Беньямина о невозможности приближения к артефакту, переживания катарсиса при восприятии произведений искусства в ситуации его технической воспроизводимости, становится ещё актуальнее. В этой связи цифровизация маркируется как сила, которая лишает символические объекты эстетической компоненты [8], стирает различие между материальным и нематериальным, виртуальным и реальным, подлинным и поддельным [9]. Следует отметить, что большая часть подходов к исследованию социально-культурных последствий «цифры» направлена на разделение и противопоставление реальности «старых» и реальности «новых» (цифровых) медиа. Фиксация новых стадий развития коммуникационных технологий с конца XX в. и в течение первой четверти XXI в. становится одним из основных трендов в изучении постиндустриальной эпохи.

Развитие цифрового пространства оказало значительное влияние на появление новых дигитальных инфраструктур и форм социальных отношений, однако наиболее важным нам представляется появление исследовательской парадигмы, которая находит отражение в целом ряде философских концепций. Так, у испанского теоретика М. Кастельса возникшая социальная структура артикулируется как «сетевое общество» [7, с. 315], американский исследователь М. Пренски концептуализирует антропологическое разделение людей на «цифровых иммигрантов» и «цифровых аборигенов» [10], канадская исследовательница М. Бакарджиева проблематизирует процесс интеграции социальных сетей в политику и рассуждает об изменении форм гражданского участия и ответственности [11], описывая этапы становления и развития публичной сферы, американский социолог З. Папачарисси констатирует, что публичной сферы в хабермасовском понимании никогда не существовало, однако интернет способен ее воспроизвести, если освободится от капиталистического контроля [12].

Нельзя не согласиться, что современные социальные и культурные практики находятся в тесной связи с процессами цифровизации. Однако цифровое в данном контексте выступает в качестве помехи, отдаляющей человечество не только от традиционных духовных ценностей, но и от возможности чувствовать сопричастность с другими. Для дискурса новомедийных исследований, поскольку они проводятся практически одновременно с появлением новой технологии, характерны изолированные концепции, которые создают часто предельно расширительное восприятие проблемы цифровизации. Впервые в истории происходит утрата значимости сохранения опыта прошлого и переход от метатрадиции воспроизводства культуры к индивидуальным квазипрактикам.

Как результат, категория «священное» маргинализируется и расширяется до таких пределов, в которые попадает всё, что имеет значение для человека:

от предметов, поднимающих социальный статус человека, до занятий собственным оздоровлением [13].

Один из сторонников теории секуляризации – социолог П. Бергер отмечает: «Одно из самых очевидных проявлений секуляризации, затронувших рядового человека, – это «кризис правдоподобия» в религии» [14]. Религия начинает конкурировать с новыми агентами, определяющими мировоззрение современного человека, каковыми являются новые медиа.

По мнению философа Ю. Хабермаса, современное западное общество оказалось в ситуации постсекулярного поворота, который был обусловлен следующими факторами – многие социокультурные конфликты стали маркироваться как религиозные, в условиях роста потока миграции из мусульманских стран в Европу религиозные организации берут на себя роль публичных цензоров. Хабермас приводит в качестве примеров дискуссии религиозных агентов по вопросам репродуктивной медицины, экологии, науки и т.д. При изменении сферы публичного в цифровую эпоху священнослужитель оказывается в публичной среде.

В марте 2016 г. национальный датский телеканал *TV*2 показал четыре серии документального фильма «Мечети за завесой», в котором агенты «Фатма» и «Мохаммед» исполняли роль супружеской пары, столкнувшейся с проблемами в семейной жизни и решившей обратиться к имаму. Персонажи с разными запросами посетили восемь мечетей по всей Дании, ответы на их вопросы записывались на скрытую камеру [15, с. 51] Методы, которые были использованы при создании документального фильма, включали в себя использование агентов под прикрытием, скрытые камеры, что выступало оправданным, поскольку при классическом интервьюировании духовные лица заявляли о поддержке датского законодательства, а в частных рекомендациях следование датским законам не было в приоритете. Кроме показа данного фильма, на том же телеканале проходили дебаты, обсуждения в других программах и СМИ. Данный документальный фильм был направлен на выявление противоречий между публичной и частной риторикой религиозных лидеров в Дании, демонстрацию расхождения между декларируемой поддержкой законодательства Дании и реальными рекомендациями верующим, что актуализировало дискуссию о границах религиозного опыта в светском обществе.

Одним из критиков данного расследования выступил антрополог Кристан Зур, проведший годовое полевое исследование в мечети, сюжет о которой являлся в нем одним из основных. Зур написал статью, где обратил внимание, что имам, который был показан как религиозный консерватор, в то же время не допустил радикализации нескольких молодых людей [16].

Вместе с тем данный фильм является примером не нейтральности новых медиа. Исследователь медиа М. Скьолдагер [17] обратил внимание на ангажированную выборку мечетей и на причины, по которым сюжеты именно об этих мечетях вошли в документальный фильм; на заявленную мотивацию телеканала, которая происходила из социальной озабоченности процессами интеграции мусульман в Дании. При этом сам телеканал фиксировал увеличение регистраций на своем сайте и рост рейтингов у телезрителей, что подразумевает, что журналисты создали сенсационный нарратив, в котором представили определенную репрезентацию религии, способную сформировать неаутентичный образ мусульман в Дании.

Работа Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Тысяча плато: Капитализм и шизофрения» заканчивается следующим тезисом: «Каждая абстрактная машина отсылает к другим абстрактным машинам: не только потому, что те являются неотъемлемо политическими, экономическими, научными, художественными, экологическими, космическими – перцептивными, аффективными, активными, мыслящими, физическими и семиотическими, — но и потому, что они переплетают свои разнообразные типы, как и свои соперничающие осуществления. Механосфера» [18, с. 871]. Механосфера является достаточно сложным концептом, указывающим на существование «машины машин», включающей все технические силы. Представляется допустимым сопоставить механосферу с гиперреальностью Ж. Бодрийяра в контексте степени ее влияния на человечество и производства денатурализованных систем реальности: «В итоге вышло, что танцем машины на костях человечества можно наслаждаться под хороший наукообразный саундтрек. Ведь если человек оперирует как машина, при этом машина оперирует значительно лучше и эффективнее человека, то будущее за машиной» [19].

Проблема возможностей современных технологий выходит далеко за границы обсуждения технических характеристик, предметом общественных дискуссий становятся последствия их внедрения во все сферы жизни общества. Так, активное развитие нейросетей актуализирует вопрос о применимости искусственного интеллекта в рамках богословских работ и пастырской деятельности. Исследователь Фрэнк Дж. Босман ставит вопрос о возможности подобного использования *ChatGPT* и его аналогов и теологических последствиях этого.

Феномен ChatGPT стал катализатором для критической рефлексии текущего этапа технологического развития, его антропологических и этических последствий. Особенно выраженными оказываются ограничения использования нейросетей в контексте теологических запросов. Здесь оказывается невозможно критически оценить противоречие ответов и оригинальность теологических суждений. Од-

нако, несмотря на эпистемические ограничения, ИИ может быть использован для решения вспомогательных задач в религиозных целях как священнослужителями, так и религиоведами. Однако даже начальный опыт использования ИИ может быть неоднозначным, так по рассказу одного священнослужителя он испытывал раскаяние, когда в середине своей проповеди, сгенерированной с помощью нейросети, он видел растроганных прихожан [20].

Также нельзя не отметить тенденцию к росту чат-ботов, которые присваивают божественную идентичность, имитируя Иисуса Христа и открыто начиная диалог с представления, к таким чатам относятся «*JesusPT», «Speak With Jesus», «Chat Jesus», «Ask Jesus*» и т.д. [21].

Профессор А. Верхоф из Южно-Африканской Республики изучил популярные чат-боты «ИИ-Исусов» и пришел к заключению, что они являются вызовом для современного богословия, поскольку ответы, которые они предоставляют, оказываются достаточно убедительными для обывателя, даже если они не являются верными. Можно предположить ряд парадоксов, которые возникают вследствие ИИ-репрезентаций сакрального:

1. Онтологический парадокс – описываемые нейросети, позиционирующие себя как Иисус, одновременно нарушают вторую заповедь: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20:4–6), поскольку, будучи порождением человеческого творчества, обученные на созданных человеком текстах, они присваивают себе статус Богочеловека, что противоречит Христологическому догмату.

2. Гносеологический парадокс – данные чаты не являются разработкой какой-либо конкретной церкви, а являются продуктом коммерческих компаний, цель которых – глубокая вовлеченность пользователей, а не следование теологической истине, что приводит к возникновению релятивистской поптеологии, где ответы от ИИ-Иисуса оптимизированы под сохранение пользовательского интереса.

3. Герменевтический парадокс – задавая запрос ИИ-Иисусу, пользователь сталкивается с гиперреалистичной риторикой, которая оказывается способна создать иллюзию взаимодействия с Богочеловеком. Ответы чатов изобилуют сакральной лексикой, цитатами из Библии и т.п. В результате пользователь оказывается в герменевтическом круге, который, расширяя свои пределы, затягивает его в свое пространство и подчиняет. При этом духовный опыт начинает восприниматься как наличие хорошей игровой кармы.

Профессор А. Верхоф констатирует, что нейросети уже на современной стадии их развития оказываются новой формой духовного контроля и способны вытеснить экклезиастические институты, однако наиболее весомым социально-теологическим последствием может стать атомизация религиозности. Запреты на цифровое идолопоклонство и ограничения на имитацию Откровения, которые представляются в скором времени достаточно закономерными, одновременно предполагают и создание альтернатив со стороны традиционных конфессий, что обусловливает необходимость междисциплинарного взаимодействия философов, богословов и разработчиков ИИ [22].

Современный исследователь Ф. Лерон Шульц рассуждает о конечности всех религий – сегодня никто не воспринимает Зевса всерьез, не проводит религиозные ритуалы так, как это было распространено в прошлом, а те традиции, которые сохранились у современных религий, каждый раз переизобретаются заново. Современный кризис веры Л. Шульц осмысляет как результат научного объяснения действительности, по его мнению, ни одна из сверхъестественных идей, предлагаемых религиями, не выступает в качестве необходимой для понимания природы, ни одна из аксиологических религиозных норм не нужна для организации социального порядка. Религиозные догмы становятся всё более проблемными для реализации в плюралистическом контексте [23, с.160].

Цифровизация религиозного опыта может быть представлена как его девайсизация. Примером такого феномена служат «карманные мусульманские устройства», которыми становятся мобильные телефоны, часы и другие гаджеты, с религиозными приложениями. Вместо материального Корана появляется его цифровой аналог, вместо призыва к молитве из мечети – приложение с напоминанием. Однако, как отмечает исследователь из Нидерландов Б.А. Барендрегт, цифровые технологии для религиозной части населения в Индонезии и Малайзии становятся, с одной стороны, проводниками к трансцендентному опыту, а с другой – не являются примером секуляризации, а скорее «сакрализацией модерна» [24, p. 203–224]. Использование аятов в качестве рингтонов вызывает критику со стороны религиозных деятелей и одновременно поднимает вопросы о необходимости технологического опосредования, например, призыва к молитве, если в стране мечети расположены достаточно плотно, чтобы его можно было услышать.

Нелинейный характер взаимодействия современного и ортодоксального укладывается в логику постисламского стиля жизни, для которого характерно публичное проявление религиозности в социальных сетях [см., например, 25; 26]. Цифровизация, с одной стороны, удовлетворяет прагматические запросы верующих, но вместе с тем верующий оказывается потребителем квазисакрального в цифровом формате, то есть религия оказывается в ситуации технологического опосредования.

Процесс деинституциализации, совпадающий с ростом индивидуализации, порождает новую интерпретацию свободы вероисповедания, когда проявилась тенденция к геймификации духовных практик. Духовность для жизни пришла на смену дидактическим религиозным режимам. Из внешнего ограничительного, сверхъестественное наказание заменяется индивидуальным шаманским опытом, как отметила английский профессор Эйлин Баркер – от «церкви снаружи» к «Богу внутри» [27, p. 187–202].

Придание жизни высшего смысла сегодня перестает быть эксклюзивной функцией религии. К примеру, видеоигры, широко распространенные в современной культуре, позволяют игрокам ощутить виртуальные миры, которые позволяют современному человеку выйти за пределы своей обыденности.

«Жертвоприношение, прорицание, колдовство начинается с того, что очерчивается священное для этих действий пространство. Таинство и мистерия предполагают наличие особого места, которое служит святыней. Формально функция такой отгороженности и ради священной цели, и ради чистой игры совершенно одна и та же. Ипподром, теннисный корт, площадка для игры в «классики», шахматная доска функционально не отличаются от таких вещей, как храм или магический круг» [28, с. 38].

Можно предположить, что для неофитов духовный опыт может оказаться редуцирован к привычной системе восприятия игровой действительности, когда он понимается как способ получения виртуальной награды. В этой связи вполне допустимо формирование «командного» подхода к разделению среди верующих на «своих» и «чужих» или появление необходимости зафиксировать и визуализировать духовную трансформацию в социальных сетях и т.д.

Нидерландский культуролог Ф. Босман обращает внимание на то, как разработчики видеоигр способны оказывать значительное влияние на критическое восприятие религии в культурном пространстве, и предлагает выделить следующие типы критики религии в гейм-нарративе:

1. Религия как манипуляция массами на примере игры *The Rise of the Tomb Raider*;

2. Ослепленное повиновение невидимому, а в конечном счёте кажущемуся божеству – *The Binding of Isaac;*

3. Насилие над теми, кто не разделяет аналогичный выбор религиозных правил – *Far Cry* 5;

4. Патологическая альтернатива логике – *Nier: Automata;*

5. Оружие доминирования над массами в руках могущественной элиты – *Dishonored u Dishonored* 2 [29, с. 2].

Вместе с увеличением количества игр с религиозными сюжетами начинает геймифицироваться и сама религиозная практика, поскольку игровой и религиозный импульсы оказываются схожими. Так, ряд исследователей видеоигр отмечают, что игры способны создавать ощущение потустороннего пространства, в которое игрок может сбежать от проблем своей реальной жизни. Собственные символические миры видеоигр благодаря интерактивности позволяют игроку переживать духовный религиозный опыт не как просмотр фильма, а непосредственно, например, подвергаясь крещению – необходимо нажимать на горячие клавиши и кнопку мыши, чтобы зайти в воду, держать руки определенным образом и принять крещение, чтобы идти по сюжету игры далее.

Ряд исследователей анализируют трансформацию конкретного религиозного понятия «карма» в современных видеоиграх. Распространенной является система оценки морального облика игрового персонажа, характеристики которой изменяются в зависимости от выбора игрока в процессе взаимодействия с игровым сюжетом. Так, например, в игре «*The Witcher 3: Wild Hunt*» игрок, выполняя квест «Дела семейные», оказывается перед выбором между состраданием и справедливым воздаянием, когда получив задание найти семью барона, ведьмак Геральт раскрывает подробности семейной драмы – алкоголизм Барона и его насилие над женой и дочерью, которое привело к выкидышу у его жены и их побегу из дома. Важно отметить, что моральный выбор в конкретной сюжетной ветке влияет на множество последующих событий, что заставляет игрока внимательно подходить к определению поведенческих стратегий, проявляя заботу о карме.

В жанре постапокалиптических игр представление о конце света трансформируется в развлекательный концепт. Так, в видеоигре «*Fallout* 3» существует культ «Детей Атома», который представляет собой пример религиозной секты в постапокалиптическом мире. В качестве основного догмата этой секты выступает признание ядерной «Великой Войны» 2077 г. актом божественного творения, началом становления нового этапа человечества.

Градообразующим объектом города Мегатонна является неразорвавшаяся атомная бомба, которая является объектом поклонения – её деструктивный потенциал фундирует возникновение уникальной экзегезы – жрец, который интерпретирует любые явления Пустоши как проявление «воли Атома» или знамение. Мутации, вызванные радиацией, которые с медицинской точки зрения являются нарушением ДНК организма, сакрализуются как преображение.

В качестве ритуальных действий адепты культа занимаются потреблением зараженной воды и еды (причащаются), радиоактивные материалы инкрустируют в одежду и жилища для непрерывной связи с божественным и ожидают наступление кульминации и очищения для истинно верующих.

Интересно отметить, что в игре *Fallout* 3 «карма» – это зависимость между выбором из моральных ре-

шений и последствий для игрового сюжета. Игрок должен выполнять разные побочные квесты (необязательные задания от встречающихся поселенцев), которые помогут ему получать дополнительные подсказки. В зависимости от того, «хорошие» или «плохие» решения принял игрок в контексте взаимодействия с неигровыми персонажами (*NPC – Non-Player Character*) или различных решений миссии (украсть или сделать пожертвование и т.п.), набирая или теряя очки, игрок перемещается между уровнями кармы от «нейтрального» до «очень злого» или «очень хорошего», что может привести к получению разных игровых исходов и может способствовать увеличению реиграбельности игры.

Следует отметить, что кармические последствия от морального выбора игрока, например, в игре «*The Witcher 3: Wild Hunt*», не оцениваются по шкале, но определяют дальнейшие события в игровом нарративе. Интересно, что сотни неигровых персонажей, которых ведьмак Геральт убивает во время прохождения миссий, не могут быть им помилованы, поскольку такой сценарий не был предусмотрен разработчиками игры, и их смерти никак не влияют на ход повествования и воспринимаются как закономерные для данного игрового мира.

В игре с открытым миром и высоким уровнем игровой свободы – *Red Dead Redemption* II репутацию игрока определяет «система чести» – это фиксация хороших и преступных поступков протагониста. Такие добрые дела, как спасение людей, повышают уровень чести, а, например, убийство мирного жителя – приводит к потере чести. Текущий уровень чести определяет отношение неигровых персонажей к игроку – хорошая репутация обусловливает снисхождение к мелким нарушениям героя со стороны шерифа, низкий уровень чести также приносит определенные бонусы – можно дешевле подкупать свидетелей и т.д.

Таким образом, многомерная система кармы может быть видимой или невидимой для игрока, но определяет дальнейшее развитие игрового повествования. Критерии морального выбора не повторяют светские или религиозные представления о различении хорошего и плохого, а сконструированы разработчиками игры, исходя из сообразности закрытому миру игры.

Сакральный опыт, имеющий цифровой генезис, неинституционализирован, все дальше отстоит от традиционных источников, мимикрирует под традиционные формы религиозности, при этом утрачивает их исходное содержание. Данный опыт становится элементом культурного потребления, частью потока информации, в котором размываются границы между сакральным и профанным, а духовность редуцируется до терапевтического переживания. Духовный опыт оказывается не столько теоцентричным, сколько антропоцентричным, становясь процедурой саморефлексии в условиях гиперреальности. Однако подобная трансформация не означает тотального исчезновения религиозного чувства, напротив, оно переходит в новые состояния – фрагментированные, индивидуализированные, децентрализованные.

Виртуальные ритуалы, игровые виды кармы, нейросетевые «проповеди» становятся симптомами поиска человеком новых способов переживания сопричастности к чему-то большему, чем он сам. Таким образом, цифровизация духовного опыта отражает амбивалентность современного мира – она одновременно открывает новые возможности для осмысления и переживания сакрального и, вместе с тем, приводит к его замещению квазирелигиозными симуляциями. В этих условиях задача философии и теологии состоит не в отрицании цифровых форм духовности, а в их критическом осмыслении.

Литература:

1. Silverstone R., Hirsch E. Consuming Technologies: Media and Information in Domestic Spaces, ed. R. Silverstone and E. Hirsch, London: Routledge, 1992. 256 p.
2. Сергеева К.Е. Стратегическая компетенция в профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка // Символ науки. 2021. № 7. С. 62–65.
3. Песоцкая К.И. Эстетика в цифровую эпоху: вкус и алгоритм // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 3 (35). С. 25–42.
4 Усов В.Н., Бурцев С.А., Миронов А.С. Социальные последствия изменения досуговых предпочтений современной молодежи: от активных форм отдыха к онлайн-развлечениям. // Социология. 2023. № 4. С. 204–211.

5. Немировская Е.П., Алексеева В.С. Особенности медиапотребления поколения Z в социальных сетях. М.: Директ-Медиа, 2024. 160 с.
6. Sunstein C.R. Republic: Divided democracy in the age of social media, Princeton: Princeton University Press, 2018. 324 p.
7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
8. Bowen T. (2008, January). Disrupting the lines between materiality and virtuality: exploring "aura" as a pedagogical site for personal projections of aesthetic sensibilities. 2008. URL: https://www.academia.edu/10739082/Disrupting_the_Lines_Between_Materiality_and_Virtuality_Exploring_Aura_as_a_Pedagogical_Site_for_Personal_Projections_of_Aesthetic_Sensibilities (дата обращения: 27.09.2025).
9. Купцова И.А., Васильева Ю.С. Цифровизация культуры: токен-технологии как новая форма репрезентации искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1 (882). С. 145–150.
10. Prensky M. Digital natives, digital immigrants: Part 1 // On the Horizon. 2001. № 9(5). P. 1–6.
11. Dumitrica D., Bakardjieva M. The personalization of engagement: the symbolic construction of social media and grassroots mobilization in Canadian newspapers // Media, Culture & Society. 2017. № 40(6). P. 817–837. https://doi.org/10.1177/0163443717734406.
12. Papacharissi Z. The virtual sphere: The internet as a public sphere // New Media & Society. 2002. № 4(1). P. 9–27. https://doi.org/10.1177/14614440222226244
13. Ménard G. The Moods of Marianne: Of Hijabs, Nikes, Implicit Religion and Post-Modernity. Implicit Religion. 2004. № 7(3). P. 246–255. https://doi.org/10.1558/imre.v7i3.246.
14. Бергер П. Религия и проблема убедительности //«Неприкосновенный запас». 2003. № 6 (32). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2003/6/religiya-i-problema-ubeditelnosti.html (дата обращения: 27.09.2025)
15. Lundby K. Contesting religion: The media dynamics of cultural conflicts in Scandinavia. Berlin: De Gruyter. 2018. 368 p.
16. Suhr C. «Vi vil jo ikke gøre Satan glad»: TV 2 skildrer i øjeblikket en række problematiske forhold i otte danske moskeer, men den forenklede fremstilling er godt i gang med at producere forhastede beslutninger (Kronik, 10 marts, 2016, Politiken). Politiken, kroniken, (Debat). 2016. URL: https://pure.au.dk/portal/da/publications/vi-vil-jo-ikke-g %C3 %B8re-satan-glad-tv-2-skildrer-i-%C3%B8jeblikket-en-r%C3%A6kk/ (дата обращения: 27.09.2025).
17. Sinclair K. What Goes on in the Mosque?: Or: A Tale of Two-Tongued Imams. Videncenter om det moderne Mellemøsten. 2016. URL: https://www.academia.edu/31386087/What_Goes_on_in_the_Mosque_Or_A_Tale_of_Two_Tongued_Imams (дата обращения: 27.09.2025).
18. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
19. Хаустов Д. Эссе. The Matrix Has You: Ник Ланд. URL: https://spectate.ru/dark-enlightenment-land/ (дата обращения: 27.09.2025)
20. Houten M. V. Ineens stopt de dominee met praten.'Het spijt me, maar deze preek is van ChatGPT'. Trouw. URL: https://www.trouw.nl/religie-filosofie/ineens-stopt-dedominee-met-praten-het-spijt-me-maar-deze-preek-is-vanchatgpt~bc47d0e0 (дата обращения: 27.09.2025).
21. Bosman F. God-in-the-box: De theologie van ChatGPT // Handelingen: Tijdschrift voor Praktische Theologie en Religiewetenschap. 2023. № 50(4). P. 42–49.
22. Verhoef A.H. Jesus chatbots are on the rise. A philosopher puts them to the test. URL: https://theconversation.com/jesus-chatbots-are-on-the-rise-a-philosopher-puts-them-to-the-test-262524 (дата обращения: 27.09.2025).
23. Shults F. L. Gilles Deleuze and the atheist machine: The achievement of philosophy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2024. 240 p.
24. Horst, H. & D. Miller (eds.), Digital Anthropology. London: Routledge, 2012. 328 p.
25. Хабибуллина З.Р. Виртуальный ислам: основные этапы становления, формы проявления и трансформация традиционных укладов мусульман // Историческая этнология. 2024. Т. 9. №. 4. С. 604–619.
26. Топчиев М.С., Дрягалов В.С., Холова Л. Амбивалентность влияния интернет-сетей на консьюмеризацию ислама //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 154–159.
27. Beckford J. A. The centrality of religion in social life: Essays in honour of James A. Beckford. Ashgate Publishing, Ltd., 2010. 260 p.
28. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и Х 35 вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.
29. Bosman F. G. Gaming and the divine: A new systematic theology of video games. London: Routledge, 2019. 266 p.

Spiritual Experience in the Context of Digital Quasi-Sacredness

Kotliar P.S., Nikolaev M.S.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the specific features of the formation of spiritual experience under conditions of rapid digitalization of socio-cultural processes that transform the content and forms of religiosity. The aim of the study is to identify the transformations to which sacred practices are subjected under the influence of digital technologies, as well as to analyze the emerging paradoxes of perceiving and experiencing spiritual life within a mediatized environment. Based on an analysis of contemporary media formats, video games, online religious services, and neural network models, the study demonstrates that the digital representation of the sacred leads to its marginalization and boundary expansion: the sacred begins to encompass not only religious elements but also various digital manifestations of the profane.

The value and novelty of the research lie in identifying the ontological, epistemological, and hermeneutic implications of digital technologies for spiritual practices: the emergence of ontological pluralism, the rise of relativistic "pop-theology," and the formation of new modes of personal spirituality oriented toward individual experience and game-based mechanics. The study concludes that religious behavior is undergoing gamification, quasi-sacred simulations are intensifying, and spiritual experience is shifting toward anthropocentric, individualized, and deinstitutionalized forms.

The scientific and practical significance of the work consists in highlighting the necessity of a critical analysis of digital forms of spirituality and in developing approaches that would enable religious, philosophical, and cultural institutions to respond to the challenges of a digital environment in which the sacred competes with technology for the attention and trust of contemporary individuals.

Keywords: religion, digital spiritual experience, sacral, quasi-sacral, deinstitutionalization of religion, gamification of religious practices

УДК 111
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-312-317

Инверсия детерминации и тотализация стоимостных форм: современный капитализм как онтологический проект

Краснов Антон Сергеевич
Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Волчкова Ольга Олеговна
Кандидат философских наук,
доцент кафедры религиоведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Федотов Дмитрий Леонидович
Аспирант кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Целью исследования является онтологизация категории абстрактного труда как субстанции капитализма и раскрытие механизмов инверсии детерминации в современных формах социального бытия. В статье рассматривается эволюция капитала в гегелевскую «субстанцию-субъект», чья имманентная цель выражается в бесконечном самовозрастании стоимости, тотализирующем пространство социального и природного бытия. Особое внимание уделяется тому, как стоимостная форма, ранее опосредовавшая конкретное содержание, в условиях финансиализации, цифровых платформ и биополитической эксплуатации начинает конструировать само общественное бытие. Научная значимость работы заключается в радикальной онтологизации марксистской категории абстрактного труда, трактуемого как первичная субстанция, структурирующая предельные модусы капитализма и обеспечивающая воспроизводство новых форм стоимости. В результате исследования выявляется, что капиталистическая тотальность достигает предельного проникновения во все аспекты человеческой жизни – от трудовых практик до биологического времени.

Ключевые слова: *стоимость, абстрактный труд, субстанция стоимости, платформенный капитализм, рабочее время*

Для цитирования: *Краснов А.С., Волчкова О.О., Федотов Д.Л. Инверсия детерминации и тотализация стоимостных форм: современный капитализм как онтологический проект // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 312–317. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-312-317.*

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что современный капитализм достиг стадии, в которой его субстанцией становится абстрактный труд, тотализирующий не только сферу материального производства, но и воспроизводство, субъективность, биологическое время и социальные связи. В этих условиях возникает феномен инверсии детерминации: стоимостные формы начинают определять содержание общественной жизни, тогда как ранее они выступали лишь её опосредованием. Осмысление данной трансформации требует возвращения к онтологическим основаниям анализа капитализма. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– раскрыть процесс становления капитала как субстанции-субъекта;

– показать логику онтологизации абстрактного труда в условиях современного капитализма;

– выявить механизмы инверсии детерминации и их проявления в различных сферах социального бытия;

– описать процесс тотализации стоимостных форм и их проникновение в разные сферы человеческой жизни.

Теоретическая база исследования опирается на диалектическую традицию анализа труда и стоимости, в частности на концепции, в которых труд рассматривается как субстанция общественного бытия, а капитал – как самодвижущаяся форма, подчиняющая себе все сферы жизни. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют по-новому анализировать современные процессы цифровизации, биотехнологической экспансии и платформенной экономики. Предлагаемая онтологическая перспектива даёт возможность критически осмыслять тенденции развития капитализма и выявлять пределы его экспансии в сферу субъективности и природы.

Традиция философской критики фундаментальных основ капиталистического способа производства и выстраивания общественных отношений своими корнями уходит в классическую трансцендентально-критическую философию и марксизм, сегодня требует возврата к основополагающим онтологическим структурам, выявленным Г.В.Ф. Гегелем и развитым К. Марксом и Ф. Энгельсом, и рефлексии на современном этапе развития в условиях зрелости системы. Теории, претендующие в современном критическом дискурсе на статус критических, *de facto* таковыми не обладают, поскольку фокусируются на эпифеноменах – культурных, политических или экстремальных аспектах: экологические кризисы, социальная асимметрия. При этом сама суть современного капитализма, его реальная онтологическая основа и первичная детерминанта – *имманентное движение стоимостной формы* – остаётся вне горизонта рефлексии.

Генеалогия диалектики стоимостной формы глубоко укоренена в гегелевской метафизике Абсолюта как «субстанция-субъект» [1, с. 213]. Если экстраполировать гегелевскую оптику на современный капитализм, капитал не есть конкретно-определённая вещь либо совокупность общественных отношений, но есть самодвижущаяся *субстанция-субъект*, чьей имманентной телеологемой и принципом является бесконечное саморасширение стоимости, что отвечает уже марксовому определению капитала – «самовозрастающая стоимость» [2, с. 206]. Современный капитализм развился до стадии *субстанции-субъекта* благодаря тому, что освободился от внешних ограничивающих самовозрастание факторов, подчинив стоимостной оценке и кабале не только сферу материального производства, но и воспроизводства жизни, сознания, природы. Анализ феномена товарного фетишизма у Маркса носил не просто «метафизический», но именно *онтологический* характер, поскольку ему удалось раскрыть феномен специфичности капиталистического бытия, детерминированного *превращённой формой* [3], в котором отношения между людьми принимают форму отношений между вещами [4], поскольку вещь есть *товар*, который является первичной «клеткой» капитализма. В призме современного развития капиталистического общественного способа производства концептуальная диалектика стоимостной формы лишь углубляет марксов анализ. В современном капитализме произошла тотализация стоимостной формы: она перестала быть иллюзорной драпировкой конкретного труда, человеческих потребностей, а стала абсолютным детерминирующим принципом онтологии социального, и только кривое, превращённое зеркало стоимостной формы на сегодняшний день определяет бытийственный статус, что может быть абсолютным и «реальным» в общественном бытии. Реальность, которая не может быть опосредована стоимостной формой, то есть не способная облечься в меновую стоимость, не подлежащая условиям капиталистического рынка, маргинализируется и впоследствии элиминируется, невзирая на её возможную ценность не для капиталистической логики, но для субъективного бытия человека.

Первичной категорией критического анализа современного капитализма не может быть просто «стоимость», что было характерно для классической капиталистической модели времён Гегеля и Маркса, поскольку напрямую опосредовалась через товарное производство и рабочее время. Множественные латентные процессы и мутации капитализма породили новый феномен – *абстрактную субстанцию стоимости*, которая выражается в абсолютном подчинении *конкретного всеобщему*. Так, конкретные феномены, такие как индивидуальное, качественное, чувственное, облекаются и колонизи-

руются всеобщим как *формой*, подчиняются количественным критериям, лишённым качественного содержания, в которых элиминировано всё, кроме способности к обмену. Это и есть новое общественное отношение, которое принимает форму вещи, достигая тотальной автономии от конкретного материального и духовного производства и выражается в интеллектуальной ренте и финансиализации. Единственным способом существования и объективации абстрактной субстанции стоимости является *стоимостная форма* как способ существования в конкретных социальных феноменах, как конкретно-исторические модусы опосредования абстрактной субстанции стоимости. И современная стоимостная форма не может быть эпистемологически редуцирована до марксового определения, поскольку современная стоимостная форма функционирует как инструментальная: так, дериватив является ставкой на будущую стоимостную форму, а значит, на прибыль, что соответствует логике самовозрастания капитализма. Данные, вне зависимости от их качества, значимости и принадлежности, являются первичной стоимостью, поскольку любые данные содержат информацию о поведении субъекта, что является непосредственным источником капитализации, поскольку определяет рыночные возможности и способность формировать потребительские потребности. Основа цифровой экономики современного капитализма – внимание пользователя [5], как первичный капитализируемый ресурс. Биологическое и физическое время колонизируются капитализмом через биотехнологии и общую тенденцию подчинения всех жизненных процессов индивида логике ренты. Отсюда возникает иной, центральный процесс современного капитализма – *инверсия детерминации*, поскольку исторически сложилось так, что стоимостная форма возникала как *форма опосредования* конкретного содержания, например, удовлетворения витальных потребностей через трудовую деятельность, но современные условия радикально меняют движение стоимостной формы, теперь именно она и *детерминирует конкретное содержание.* Инверсия детерминации наиболее ярко проявляется в финансиализации: инвестирование в любое производство определяется не столько реальной общественной потребностью в продуктах производства, напротив, оно определяется требованиями финансовой стоимостной формы – доходностью акционной массы от рейтингов и кредитных свопов. Само содержание подчиняется движению *абстрактной финансовой формы*. Платформенный капитализм формирует поведение пользователя через призму интерфейсов и внутренними алгоритмами самих платформ, которые изначально выстроены согласно логике стоимостной формы. Целью в данном случае является сохранение потока перманентной генерации капитализируемых данных, а не удовлетворение реальных потребностей пользователя платформы. Отсюда именно форма в виде платформы определяет внутреннее содержание поведения пользователя.

Абсолютная антигуманность современного капиталистического общества выражается, например, в области фармацевтики [6], где именно логика стоимостной формы определяет направление научных исследований только на те заболевания, которые могут быть максимально монетизированы через патентные стоимостные формы и способность обеспечивать максимальную маржинальность ренты, трансформируя биологическое время человека в финансовый актив. Внутренним субстратом современной абстрактной субстанции стоимости выступает капитализированное время, которое преодолевает классическое марксово общественно необходимое рабочее время, транспонируя его в любое время, подлежащее стоимостной оценке и возможной капитализации, включающее в себя: классическое рабочее время, но гиперинтенсифицированное и максимально фрагментированное; время потребления, которое есть вовлечённость пользователя в платформы и создание пользовательского контента как неоплачиваемого труда на платформы (*YouTube, TikTok* и т.д.); время воспроизводства, включающее в себя здоровье и образование, но как подчиняемое логике самооптимизации и логике рынков; будущее время, как сумма дисконтированных ожиданий, долговые обязательства и различные финансовые спекуляции; биологическое время человеческой жизни, содержанием которого является внешнее управление здоровьем, и расценивание генетического потенциала как возможного финансового актива. Таким образом, капитализированное время представляет собой абсолютную апроприацию временн***о***го модуса экзистенции, подчинение индивидного бытия логике стоимостного накопления. К. Маркс в «*Grundrisse*» заметил, что «экономия времени, к этому сводится в конечном счёте вся экономия», но только в современной капиталистической системе экономии подвергается всё индивидное время как потенциальный источник универсальной стоимости.

Пространство современного капиталистического общества можно артикулировать как *стоимостную тотальность*, поскольку абстрактная субстанция стоимости через стоимостные формы уже колонизировала не только сферу материального производства, но и все сферы воспроизводства природы, человеческого сознания, производства и обращения знания, став предельной матрицей бытия, и с каждым днём проникает всё глубже даже в те сферы человеческой жизни и глубоко личностных взаимоотношений, что детерминирует их на стадии идеи, до объективного воплощения. В самом имманентном ландшафте стоимостной тотальности размыто и элиминировано всё «внешнее», то есть нет и не

может быть объективной природы вне логики её ресурса для переработки, не существует человека, его самой сущности, вне логики и процесса аспектов, в которых она может быть монетизирована – компетенции, креативность, внимание, сама психика – всё это означается как «человеческий капитал». Современному капитализму уже не нужно онтологически связывать для производства товаров человека, станки и машины – ему достаточно любого аспекта человеческого мерцания в социальном, чтобы немедленно обратить его в стоимостную форму. В этой логике не может существовать некапитализируемого знания: знанием теперь являются патенты и массивные потоки данных [7, с. 105]. Само отрицание современного капитализма и его тотальность моментально обращаются в стоимостную форму: критика капитализма есть *товар* для массового потребления через социальные сети и СМИ, протестные акции и движения превращаются в медийный контент в пабликах и каналах, а попытки создать некапитализируемые «зоны» уже на стадии зарождения становятся новой нишей глобального рынка. Капитал сегодня, а не человек и не дух, становится *Абсолютным Субъектом* Гегеля, поскольку представляет собой разум, который «обладает внутри себя как всеобщего предмета достоверностью себя самого» [1, с. 341].

Сама имманентная логика на субъективной стадии развития абстрактной субстанции стоимости требует постоянного процесса создания новых стоимостных форм, следуя своей естественной цели – бесконечному расширению. Но стоимостные *формы* в онтологическом горизонте *предшествуют* конкретному *содержанию* реальной человеческой и общественной жизни, они формируют его. Не удовлетворение человеческих потребностей делает востребованным и необходимым товар, а возможность монетизации через рождение новой стоимостной формы *формирует* общественную потребность. Человеческая жизнь подчинена и обязана постоянно адаптироваться к бесконечным требованиям новых стоимостных форм, что наглядно демонстрируют платформы, интерфейсы социальных сетей и общая матрица гиг-экономики, которые формируют конкретную жизнедеятельность, редуцируя её к потокам абстрактных данных [8, p. 8]. Это не «последний вздох» капитализма, несмотря на кажущуюся терминальную патологию, но высшая точка развития имманентной логики самого капитала. Это означает, что произошло «снятие» извечного противоречия между потребительской и меновой стоимостью, о которых писали политэкономы и сам Маркс, через полное слияние первой с последней в её самых абстрактных формах, выраженных в данных, патентах, деривативах и биопатентах. Мы наблюдаем, как процессы развития современной городской среды подчиняются не объективным требованиям людей, а требованиям финансовых стоимостных форм: ориентация на привлечение капитала от инвесторов, брендирование города, элитной недвижимости, тотальная зависимость от рейтинговых агентств, облигации под конкретные проекты и др. Это процесс джентрификации, элиминации «бедности», абсолютизация коммерческого гламура над действительно необходимыми городскими инфраструктурами. Мы вновь наблюдаем инверсию, когда форма, выраженная в рейтинге как финансовом инструменте, *пред*полагает и тотально детерминирует конкретное содержание – реальную городскую жизнь и потребности жителей.

Единственное исторически сложившееся ограничение капитала – ограниченное рабочее время – на сегодняшний день преодолено, мы можем со всей уверенностью утверждать это как состоявшийся факт. Экспансия капитализируемого времени означает, что *вся* человеческая жизнь есть источник *самоизвлекаемой* стоимости. Время бодрствования индивида поглощено социальными сетями, цифровыми платформами, которые используют внимание и данные, время воспроизводства в виде заботы о собственном здоровье уже превращено в прибыльную сферу, а будущее время человека стёрто из реальной жизни, поскольку заложено в долговых обязательствах. Цинизм современного капитализма проявляется в том, что даже биологическое время человека коммодифицировано биотехнологической оптимизацией для продления периода естественной возможности производить, потреблять и растворяться в новых стоимостных формах. Капитализированное время есть суть субстанция, из которой стоимостные формы современного капитала извлекают собственную стоимость. Так, феномен просьюмеризма, когда пользователь тратит своё «свободное» время на создание креативного контента для набора лайков и комментариев, чтобы продвинуться в алгоритмах социальных сетей. И затраченное им время не принадлежит ни ему, ни другим пользователям, но принадлежит самой платформе, на которой размещается авторский контент: генерируемые данные стоимостной формы моментально капитализируются через продажу рекламодателям. И любой пользователь сегодня – это и потребитель самого контента, и бесплатный производитель стоимости, выраженной в капитализируемых данных и самом факте вовлечённости. Таким образом, само биологическое время жизни является источником приращения капитала через стоимостную форму в виде потоков данных и внимания пользователя, минуя любые формальные трудовые отношения, поскольку реальный работодатель не артикулируется в современном капитализме. В самом пространстве капитализированного времени нет никакого разграничения или границ между трудовой деятельностью и личной жизнью.

Классическая капиталистическая система XIX–XX вв. в качестве внешнего, то есть вне самой себя, имела природу, но только как сырьевую базу, традиционные ценности, включая религиозные убеждения, сферу частной жизни и неформальный сектор организации общественных отношений. Но современная капиталистическая модель объективирует стоимостную тотальность, тем самым устраняя любое внешнее, транссубъектное измерение. Стоимостная тотальность [9, p. 351] обосновывается через бесконечное самоустановление в любых аспектах и лакунах общественного и индивидного бытия; всё подлежит оценке и уже включено в самовозрастающий оборот абстрактной субстанции стоимости, включая углеводородные кредиты как оказание экосистемных услуг, биопатенты на геномы, эмоции работника управляются через его вовлечение в платформенные структуры, а любые социальные связи капитализируются через социальные сети. Пандемия *COVID*-19 явилась трамплином для абсолютизации платформенной экономики, посредством колонизации общественных взаимоотношений стоимостной формой. Это рождает парадокс, который заключается в том, что абсолютизация капиталистической системы достигла пика своей тотальности, тем самым исключив из своего имманентного пространства любые диалектические противоречия. Но и сама система утратила источник диалектического отрицания, который и есть развитие. Капиталистическая система не угрожает сама себе, она создаёт угрозу человечеству своей негативной стабильностью и бесконечной тотальной стоимостной имманентностью. Внешний предел капиталистической системы, выражавшийся не только в экономических, но и в экологических кризисах, являвшихся имманентным отрицанием капиталистического производства, ассимилирован самой системой капитализации в виде абстрактных квот на право загрязнения окружающей среды, критерии *ESG*, которые являются внешним фактором оценки капитализации компаний. Борьба с любым экологическим кризисом возможна для современной капиталистической системы только в рамках её имманентной логики, то есть в виде финансовых спекуляций и стоимостного накопления деривативов на преодоление экологических катастроф, вызванных техногенными факторами.

Несмотря на то, что абсолютная тотальность современной капиталистической системы достигла уровня самодетерминации, исключающей любое «внешнее», тем не менее сама система имеет потенциальное самоотрицание с точки зрения диалектики стоимостных форм. Во-первых, нарастающее противоречие между самовозрастающей абстрактной субстанцией и биологической сущностью человека, выражающейся в предельной подчинённости человека логике стоимостной формы, что ведёт к разрушению психики, росту психических патологий, а отсюда к экзистенциальному вакууму и утрате смысла жизни. Это противоречие недостаточно именовать «отчуждением», которое имело свои границы, в полной мере его можно обозначить как онтологическое противоречие, конфликт между биологически-чувственным началом человека и лишённой качественного содержания абстрактной субстанцией стоимости. Во-вторых, противоречие между финансовой стоимостной формой, например, деривативы, высокочастотная торговля, и реальными процессами экономики, о чём говорят кризисы 2008 и 2020 гг. Тотальность финансиализации оказывается абсолютно иррациональной: абстракция стоимости в нынешних формах достигла уровня предельной самодостаточности, утратив любую связь с капитализируемым временем, став колоссальным кладбищем пустых виртуальных обязательств. Отсюда и объективация противоречия между тотальностью логики бесконечного роста стоимостной формы и ограниченностью капитализируемого времени и сырья на планете. Отсюда исходит третье основное противоречие между самовозрастающей динамикой накопления с биологическим человеческим «субстратом», поскольку экспоненциальное ускорение всех общественных процессов жизни и нового воспроизводства количества людей и восстановлением природных экосистем оказываются несовместимы. Движение абстрактной субстанции стоимости требует невозможного ускорения процессов, детерминированных природой и эволюцией, что в конечном счёте нарушает имманентную динамику накопления и расширения абстрактной субстанции стоимости и стоимостных форм.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Собрание сочинений. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. URL: http://www.uaio.ru/marx/23.htm?ysclid=mn5ymhbbbl359214267

3. Армен А.С. Правовая экспансия как характеристика современной западной цивилизации // Культура и цивилизация (Донецк). 2024. № 3 (21). С. 48–59.
4 Баликоев В.З. Социальная и экономическая сущность «Потреблятства» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2018. № 7-2. С. 7–14.
5. Декалов В.В. Внимание как базовый ресурс коммуникативного капитализма // Российская школа связей с общественностью. 2017. № 10. С. 27–38.
6. Мадзукато М. Капитализм после пандемии // Россия в глобальной политике. 2021. № 2 (108). С. 1–11.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.
8. Pasquinelli M. How a Machine Learns and Fails: A Grammar of Error for Artificial Intelligence // Spheres: Journal for Digital Cultures. 2019. № 5. P. 17–38.
9. Postone M. Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. 301 p.

Inversion of Determination and Totalization of Value Forms: Modern Capitalism as an Ontological Project

Krasnov A.S., Volchkova O.O., Fedotov D.L.
Kazan (Volga Region) Federal University

The aim of this study is to ontologize the category of abstract labor as the substance of capitalism and to uncover the mechanisms of inversion of determination in contemporary forms of social existence. The article examines the evolution of capital into a Hegelian "substance-subject," whose immanent purpose is expressed in the infinite self-expansion of value, totalizing the space of social and natural existence. Particular attention is paid to how the value form, which previously mediated concrete content, begins to construct social existence itself under the conditions of financialization, digital platforms, and biopolitical exploitation. The scientific novelty of this work lies in its radical ontologization of the Marxist category of abstract labor, interpreted as a primary substance structuring the ultimate modes of capitalism and ensuring the reproduction of new forms of value. The study reveals that capitalist totality reaches its ultimate penetration into all aspects of human life, from labor practices to biological time.

Keywords: value, abstract labor, substance of value, platform capitalism, labor time

УДК 316.752
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-318-324

Многомерная модель оценки влияния архитектурного наследия на компоненты культурного кода и имиджа региона

Минзарипов Рияз Гатауллович
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и этнической социологии,
Президент Казанского (Приволжского) федерального университета

Порошенко Ольга Юрьевна
Доктор философских наук,
заведующая кафедрой социальной философии
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Цель статьи состоит в теоретическом обосновании разработки многомерной модели на основе комплексных параметров (управленческих, социологических, философских, историко-архитектурных, культурологических) для систематизации количественных и качественных показателей в области сохранения архитектурного наследия для расширения теоретической концептуализации и практического использования культурного кода для корректировки имиджа и бренда региональных территорий.

В последнее время область научных исследований территориального имиджа в России становится особенно актуальной. Это связано с необходимостью решения ряда проблем: кризис идентичности территорий; повышение конкуренции между городами и регионами за человеческие, финансовые и информационные ресурсы; отсутствие стратегий качественного позиционирования; нарушение многолетних социальных, исторических и культурных связей между представителями разных поколений жителей и пр. Создание современных концепций имиджа территорий требует нового комплексного подхода. В качестве такого подхода в статье предлагается оценка корреляции имиджа территории, архитектурного наследия и культурного кода.

В современной российской науке широкое обсуждение получает тема культурного кода, соединяющая в себе социальное общее и индивидуальное уникальное. Для изучения «культурного кода» используются социокультурный, психоаналитический, аксиологический, семиотический и лингвокультурологический подходы. Однако в данных исследовательских подходах отсутствует анализ проблемы «обратной связи», а именно вопроса влияния на формирование «культурного кода» отдельных областей материальной, духовной или социальной деятельности народа, идентифицирующего себя с определенным пространственно-временным типом культуры. Новизна исследования состоит в том, что в качестве отдельной области материальной деятельности, оказывающей влияние на компоненты культурного кода, предлагается рассматривать архитектурное наследие. Практическая значимость предлагаемой модели обусловлена тем, что архи-

тектура создает материально организованную среду, необходимую людям для жизни, и является как частью, так и источником формирования культуры в исторической перспективе. Влияние материальной среды обитания современного индивида, объективированной в форме исторических архитектурных и градостроительных объектов, на формирование культурного кода отдельной нации представляет собой самостоятельную область междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: *имидж регионов, управление брендами территорий, архитектурное наследие, культурный код*

Для цитирования: *Минзарипов Р.Г., Порошенко О.Ю. Многомерная модель оценки влияния архитектурного наследия на компоненты культурного кода и имиджа региона // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 318–324. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-318-324.*

В последние годы российская имиджелогия территорий разработала значительный теоретический материал. Имидж региона определяется как «символически выраженное представление о своеобразии и специфике территории, ее репутации, сформировавшейся в общественном мнении» [1, с. 12–15].

Среди отечественных исследователей выделяются два подхода: имиджевый и брендинговый.

В рамках брендингового подхода сегодня можно выделить несколько теоретических направлений.

Первое направление связано с теоретическими исследованиями, в которых технологии брендинга территорий отождествляются с бизнес-брендингом. Второе направление – это теоретические работы, в которых методология брендинга территорий заимствована из сферы маркетинга территорий. Третье направление представляет собой теоретический анализ менеджмента брендом. Четвёртое направление исследований – это концептуализация способов оценки потенциала бренда.

Наряду с отечественными теориями брендинга территорий сегодня активно развиваются исследования в области брендинга городов, включающие: репутационный анализ бренда, изучение имиджа города, концепцию бренда как модели мышления и др.

Многие отечественные исследования бренда территорий опираются на работы британского маркетолога С. Анхольта. Он предложил шесть элементов бренда – туризм, население, культурное наследие, экспортный потенциал, бизнес-инвестиции, политические практики. Эти шесть элементов являются параметрами модели брендинга любой территории. Таким образом, данная модель включает в себя культурные, социальные, политические, экономические ресурсы исследованной территории. В 2007 г. С. Анхольт расширил свою теорию и ввел новое понятие – «конкурентная идентичность» («*competitive identity*»). По мнению автора теории, в основе территориального брендинга должен лежать «синтез бренд-менеджмента с публичной дипломатией, сопровождаемой активным развитием торговли, инвестиций, туризма и экспорта» [2]. Поэтому, согласно С. Анхольту, брендинг территории напрямую связан с имиджелогией, которая исследует создание положительного образа территории.

Еще одной важной работой в области брендинга территорий является книга Филипа Котлера, Дональда Хайдера и Ирвина Рейна «Маркетинг территорий: привлечение инвестиций, промышленности и туризма в города, штаты и страны» [3]. Эта работа в 1993 г. впервые обозначила возможность использования технологий маркетинга как инструмента продвижения бренда территорий.

Среди отечественных теоретических работ в области стратегии бренда территорий можно выделить книгу Г. Шаталова «Маршруты, которые вдохновляют на путешествия», в которой автор выделил два этапа создания бренда: сначала выделение отличий, особенностей, собственной темы и идеи, а потом «усиление» отличий – поиск мельчайших отличительных деталей для их последующего продвижения. После того как бренд создан, ищутся механизмы его продвижения [4].

Еще одним примером отечественной разработки бренда территории являются работы Д.А. Зеркаль и Л.Н. Мифтаховой. Авторы предлагают расширить потенциал бренда территорий за счет таких параметров как особенности исторического развития, специфики ландшафта, способов управления, наличия значимых объектов, архитектурного наследия, демографических показателей, отраслевых, производственных и экономических ресурсов. На основе их концепции в 2014 г. Правительство Республики Татарстан совместно с Центром стратегических коммуникаций «Апостол» разработали и утвердили Концепцию имиджевого образа (бренда) «Историко-культурное наследие Республики Татарстан» (бренд «Наследие Татарстана») [5].

Брендинг территорий напрямую связан с особенностями современной экономики. Согласно концепции Л. Болтански и А. Эскера, сегодня сложилась особая экономика – экономика обогащения, являющаяся одновременно и придатком индустриальной экономики, и ее конкурентом. Она представляет

собой синтез целого ряда отраслей производства и торговли: роскоши, туризма, искусства, культуры, торговли антиквариатом и музейного дела. В рамках экономики обогащения продукт каждой из этих индустрий увеличивает стоимость продуктов всех остальных – то есть обогащает и товары, и тем самым их продавцов. Современная экономика строится на взаимодействии четырех форм валоризации: стандартной (как в индустриальном капитализме), активной (в виде товаров, увеличивающих свою стоимость со временем), коллекционной (где стоимость задается при помощи тонкой игры с редкостью коллекционируемых предметов, полнотой коллекции, оригинальности критериев подбора и т.д.) и трендовой. Современная экономика основывается на производстве неких уникальных вещей, и именно их уникальность служит оправданием их высокой стоимости, необходимой для сохранения. Для обоснования уникальности используются объединенные возможности всех перечисленных индустрий, например, историческая специфика места, географическая специфика, связь с современным искусством, ограниченный тираж и пр. [6].

Создание современных концепций уникального бренда и имиджа территорий требует нового комплексного междисциплинарного подхода. В качестве такого подхода в статье предлагается оценка корреляции имиджа территории, архитектурного наследия и культурного кода.

Несмотря на то, что сегодня в российской науке существует большой ряд теоретических работ, посвященных историко-культурной ценности архитектурного наследия, все они имеют отношение к области теории и истории архитектуры, градостроительства, реставрации, искусствоведения, памятниковедения, законодательства в области охраны памятников и пр. Большинство из этих работ описывают материальную составляющую (структуру, композицию, стилистические особенности, подлинность, взаимосвязь со средой и др.). В гораздо меньшей степени проработаны оценочные критерии, касающиеся нематериальной составляющей архитектурного наследия, которая оказывает влияние на отношение к историко-архитектурному наследию как носителю важнейшей формы национального самосознания, компоненты культурного кода, имиджа территории и брендинга мест.

Концепт «наследие» сегодня активно обсуждается среди теоретиков архитектуры. Чаще всего в связи с понятием наследия, как следов, оставленных человеческой цивилизацией, обращаются к таким философским концепциям как «подлинность», «память», «время». В понятии наследия проявляются пространственно-временные взаимоотношения. В аспектах «времени» наследие замедленно по сравнению с бешеным темпом современных информационных потоков социальной жизни и это нужно учитывать. «Время» в концепциях наследия трактуется двояко: как «линеарная модель» (Дж. Рёскин) и как «циклическая модель» (В. Ле-Дюк). Эти концепции влияют на принципы реставрационного отношения к памятникам и их консервации. «Память» характеризует этическое отношение к наследию, отношение народа к своему прошлому и историческим корням как к ценности. «Подлинность» (аутентичность) предполагает неповторимость формы и субстанции памятника, понимание того, что наследие как достижения во времени есть невозобновляемый ресурс. Считается, что все эти аспекты наследия необходимо должны быть учтены при рассмотрении любых объектов культурного наследия.

Вопросами ценности памятников архитектуры начали заниматься исследователи практически одновременно с появлением реставрационной теории; разработкой занимались как зарубежные исследователи (А. Ригль, Ч. Бранди, В. Фродль), так и отечественные (Е.В. Михайловский, Д.С. Лихачёв, А.В. Иконников, О.И. Пруцын, Е.Н. Селезнёва, А.С. Щенков и др.). Важным российским специалистом в области архитектурного наследия является В.Л. Глазычев. Теорией и философией сохранения наследия сегодня занимается историк архитектуры и градостроительства Н.О. Душкина.

Архитектура создает материально организованную среду, необходимую людям для жизни и является как частью, так и источником формирования культуры в исторической перспективе. Поэтому изучение влияния материальной среды обитания современного индивида, объективированной в форме исторических архитектурных и градостроительных объектов на формирование культурного кода отдельной нации представляет собой самостоятельную новую область междисциплинарных исследований.

Проблема культурного кода стала изучаться в России вслед за концепциями У. Эко. Предметом данных исследований стали: разработка самого понятия «культурный код» (Л.А. Черная), описание способов деятельности сообществ в рамках того или иного культурного кода (Г.А. Аванесова, И.А. Купцова), классификация культурных кодов (Е.Е. Бразговская).

Например, известный российский лингвист В.Н. Телия определяет код культуры как «таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [7, с. 13–24]. А этнопсихолингвист В.В. Красных определяет код культуры, «как “сетку”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [8, с. 103].

В рамках нашего подхода к проектированию модели брендинга территорий важно понимание связи культурного кода с культурной памятью. Именно через культурную память передается от поколения к поколению закодированные культурные коды. Поэтому, по мнению профессора Йельского университета Д. Александера, очень важно в изучении того или иного социального феномена «плотно описывать» культурные коды, нарративы и символы, создающие упорядоченные сплетения социального смысла [9, с. 187].

Особое значение для связи брендинга территорий и культурного кода имеют исследования в области культурной памяти и идентичности в различных этноконфессиональных группах.

Весь комплекс исследований культурной памяти и ее значения в области социального относится к междисциплинарному направлению «*memory studies*». Данный комплекс исследований активно развивается в зарубежной социологии как на уровне теоретико-методологических подходов (*G. Feindt, F. Krawatzek, D. Mehler, F. Pestel, R. Trimcev*), так и на институциональном уровне в виде специализированных исследовательских центров (*J. Olick, A. Sier, J. Wuestenberg*). В частности, идет рост числа исследований, посвященных различным формам связи прошлого и идентичностей. Например, изучение культуры «вспоминания» и ее значение для самоопределения групп (А. Ассман), обращения к прошлому для объяснения групповых событий настоящего (Х. Вельцер), туризма как канала обретения важных для национальной идентичности исторических образов и установок (*K.E. Fortin, C.E. Hurst, B.S.R. Grimwood*) и в целом связи религии, памяти и материальных объектов (*N. Drotár, G. Kozma*).

Связь образов прошлого и религиозной идентичности исследуется также через связь между религиозной памятью и национальной идентичностью (*D. Lužný*), разными религиозными сообществами, имеющими свою социальную память (*S. Ahmed*), социальной памятью, религиозной идентичностью и гражданскими инициативами (*H. Davis, D. Dallimore, M. Eichsteller, R. Mann*). В данных исследованиях понятие идентичности имеет первостепенное значение.

Для формирования бренда территорий в аспекте привязки к архитектурному наследию важны исследования в области оценки его культурной ценности. В этой сфере сегодня в отечественной архитектурной науке разрабатываются авторские методики по определению категории историко-культурной ценности, основанные на балльной системе (методика определения категории историко-культурной ценности объектов историко-архитектурного наследия С.В. Зеленовой, методическое обеспечение государственных мер по установлению историко-культурной ценности объектов культурного наследия (памятников архитектуры) А.В. Слабухи, система основных критериев оценки архитектурно-градостроительного наследия Л.Н. Вольской и др.). При этом современная экспертная практика оценки объектов архитектурного наследия пока не имеет утвержденных на федеральном уровне регламентов. В 2015 г. Институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева по заданию Министерства культуры России разработал специальную методику для составления «Национального индекса культурного наследия».

Подытоживая теоретический анализ, можно заключить, что влияние архитектуры как материально организованной среды на формирование и устойчивое развитие культурного кода и национального имиджа представляет собой новую область социально-экономических исследований в России. Концепт «имидж территорий» требует теоретического расширения за счет включения в существующие теории «промоушена» территориальных образований многомерных индикаторов оценки влияния архитектурного наследия на компоненты культурного кода жителей этих территорий.

В качестве отдельного предмета в данной области мы выделяем влияние архитектурного наследия регионов страны на формирование компонентов культурного кода (идентичность, ценности, традиции, знаки, символы) нации. Сегодня исследование данной предметной области нуждается в решении следующих проблем: во-первых, разработка общетеоретического подхода многомерного социально-экономического анализа (количественного и качественного) взаимовлияния материальной и социокультурной среды обитания и компонентов культурного кода (идентичность, ценности, традиции, знаки, символы) отдельной нации; во-вторых, создание специального научного инструментария (понятийного аппарата) социально-экономической оценки нематериальной составляющей архитектурного и градостроительного наследия: эстетическое воздействие, культурная идентичность, уклад, «дух места», коллективная память, подлинность, уникальность, экзистенциальность архитектурной среды и пр.; в-третьих, применение практико-ориентированного подхода к оценке влияния архитектурного наследия отдельных регионов России на компоненты культурного кода для расширения теоретической концептуализации национальной идеи российского социума и ее применения в механизмах имиджелогии региональных территорий; в-четвертых, сбор массива данных по отношению различных социальных групп населения региона к влиянию их историко-архитектурной среды на существующий культурный код и национальный имидж страны; в-пятых, создание технологии автоматизации и комплексной обработки большого массива данных по показателям (индикаторам) влияния национального

архитектурного наследия на компоненты культурного кода страны для практического применения на общероссийском институциональном пространстве в имидже территорий.

Традиционно «бренд территории» ассоциируется с такими символами, как герб, флаг, гимн и другими. С позиции современной имиджелогии это слишком поверхностный подход. Имидж сегодня является определяющим фактором для политической, социальной, инвестиционной привлекательности территории, ее репутационным потенциалом. Разработка бренда территорий на основе имиджа позволяет совершенствовать управление долгосрочными доверительными отношениями как с внешней аудиторией, так и с субъектами внутренней общественной среды. Трактовка «бренда» как имиджа территории способствует более эффективному взаимодействию управленческого сектора и различных целевых групп, таких как население, туристы, рынки, инвесторы.

В связи с этим, актуальность сегодня связана с необходимостью научной разработки новых теоретических и практических подходов к определению влияния архитектуры как материально организованной зонированной среды на формирование и устойчивое развитие культурного кода и национального имиджа. Данные подходы ориентированы как на проблематизацию самого понятия «культурный код», раскрытие дополнительных его элементов, так и на обоснование его нового содержания в историко-культурной значимости и социальной памяти.

Новизна такого подхода состоит в рассмотрении кода культуры, который сформирован на основе трансляции и интерпретации смыслов, репрезентируемых в объектах историко-архитектурного наследия. Данное расширенное (многомерное) изучение кода как ключевой характеристики культуры позволяет приблизиться к пониманию уникальных национально-специфичных особенностей страны.

Научная значимость в области исследования расширенной концепции «имиджа территорий» обусловлена необходимостью исследования механизма формирования имиджа: изучением текущего и желаемого образа/имиджа региона с учетом специфики целевой аудитории, решением проблемы симметричного восприятия особенностей территории внутренней и внешней аудиторией, разработкой технологий позиционирования и продвижения имиджа территории и т. п. Проведение компаративистского анализа российских и зарубежных теорий и методик конструирования имиджа территории позволит перейти к практико-ориентированным подходам.

Разработка многомерной модели представляет собой индуктивный метод, в рамках которого проводится комплексный анализ и описание количественных и качественных параметров в структуре и функциях отдельной области материальной, духовной или социальной деятельности по каждой компоненте культурного кода (идентичность, ценности, традиции, знаки, символы). Применение технологии многомерного моделирования к проблеме генезиса и функционирования культурного кода на территории конкретного государства значительно повышает эвристический потенциал исследуемого феномена и способствует выработке практических рекомендаций для продвижения его (государства) национальной идеи, что особенно актуально в современных условиях, обуславливающих необходимость повышения уровня патриотизма и солидаризации представителей разных поколений российского общества.

В современном научном знании «культурный код» понимается как «культурное бессознательное», в котором закодирована некая информация, позволяющая идентифицировать культуру. Таким образом, область большинства исследований принадлежит широкой сфере психологии, где методологические границы размыты между рационализмом и иррационализмом. Для повышения верификации исследований «культурного кода» представляется необходимым выйти за пределы психологизированных концепций данного феномена, а именно расширить сферу исследований, посвященных влиянию отдельной области материальной, духовной или социальной деятельности на ту или иную компоненту культурного кода. В качестве такой отдельной области в рамках данного комплексного исследования предлагается рассматривать архитектурное наследие. В широком смысле архитектура создает материально организованную среду, необходимую людям для их жизни и является как частью, так и источником формирования культуры в исторической перспективе. Влияние материальной среды обитания современного индивида, объективированной в форме исторических архитектурных и градостроительных объектов, на формирование культурного кода отдельной нации представляет собой самостоятельную область междисциплинарных исследований.

Реализация многомерного подхода позволит системно рассмотреть институциональные стратегии репрезентации и практики восприятия историко-архитектурных объектов в социальной системе изучаемых регионов России. Эмпирический уровень исследования предполагает выявление мнений, оценок и восприятия индивидами наиболее значимых для каждого региона архитектурных объектов, влияющих на формирование социальной памяти и культурного кода. Адаптированная методология институционального анализа позволит рассматривать механизмы формирования культурного кода посредством историко-архитектурных объектов на трех уровнях (макро-, мезо- и микро-). Изучение как на макро-, так и на микроуровнях предполагает проведение комплексного эмпирического исследования с использованием как количественной, так и

качественной стратегии социологических исследований. Количественные исследования позволят определить конструируемый властным дискурсом и средствами массовой информации в массовом сознании образ «титульных» историко-архитектурных объектов, а качественные методы (интервью и наблюдение) позволят выявить и систематизировать индивидуальные оценки и практики восприятия данных объектов, репрезентированных в идентичности, ценностях, традициях, знаках и символах культурного кода России, как со стороны населения, так и со стороны экспертов.

Сопоставление полученных комплексных данных позволит зафиксировать соответствие/несоответствие между институциональными стратегиями и личными практиками и на этой основе разработать практические рекомендации по оптимизации использования данных объектов как механизмов влияния на культурный код и национальную идею.

Литература:

1. Кирдин В. Имидж регионов: базовые определения // Publicity. 2006. №1. С. 12–15.
2. Анхольт С. Брендинг: дорога к мировому рынку. М.: Кудиц – Образ, 2004. 272с.
3. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. М.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 92 с.
4. Шаталов Г. Маршруты, которые вдохновляют на путешествия. Киров, Изд. Дом Маури, 2025. 400 с.
5. Концепция имиджевого образа (бренда) «Историко-культурное наследие Республики Татарстан» (Бренд «Наследие Татарстана») (в ред. Постановлений КМ РТ от 30.04.2015 № 304, от 23.05.2023 № 628). URL: https://docs.cntd.ru/document/430573999?marker=3KD2N3P (дата обращения: 24.12.2025).
6. Порошенко О.Ю., Романова А.И. Уникальность как системная характеристика дизайн-проектирования в эпоху постфордистской экономики // Дизайн и технологии. 2023. № 93 (135). С. 46–53.
7. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.
8. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
9. Изотова Н.Н. Культурный код как объект исследования социально-гуманитарных наук // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 3А. С. 185–191.

Designing a Multidimensional Model for Assessing the Impact of Architectural Heritage on the Components of the Cultural Code and Image of Regional Territories

Minzaripov R.G., Poroshenko O.Yu.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the theoretical justification of the development of a multidimensional model based on complex parameters (managerial, sociological, philosophical, historical-architectural, cultural) for the systematization of quantitative and qualitative indicators in the field of architectural heritage preservation in order to expand the theoretical conceptualization and practical use of the cultural code for adjusting the image and brand of regional territories. Recently, the field of scientific research into territorial image in Russia has become increasingly relevant. This is due to the need to address a number of issues: a territorial identity crisis; increased competition between cities and regions for human, financial, and information resources; a lack of high-quality positioning strategies; the disruption of long-standing social, historical, and cultural ties between representatives of different generations of residents, etc. The development of modern concepts of territorial image requires a new, comprehensive approach. This article proposes such an approach by assessing the correlation between territorial image, architectural heritage, and cultural code. The topic of cultural code, which combines the socially common

and the individually unique, is widely discussed in contemporary Russian scholarship. Sociocultural, psychoanalytic, axiological, semiotic, and linguistic-cultural approaches are used to study this "cultural code." However, these research approaches lack an analysis of the problem of "feedback," namely, the influence of specific areas of material, spiritual, or social activity on the formation of a "cultural code" by people identifying with a particular spatiotemporal cultural type. The novelty of the study lies in the fact that architectural heritage is proposed to be considered as a separate area of material activity that influences the components of the cultural code. The practical significance of the proposed model is due to the fact that architecture creates a materially organized environment that is necessary for people to live in, and it is both a part of and a source of the formation of culture in a historical perspective. The influence of the material environment of a modern individual, which is objectified in the form of historical architectural and urban planning objects, on the formation of the cultural code of a particular nation is an independent area of interdisciplinary research.

Keywords: regional image, territorial brand management, architectural heritage, cultural code

УДК 316.61
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-325-330

Влияние поло-возрастных факторов на формирование отношения к прерыванию беременности

Смирнова Елена Алексеевна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Череповецкого государственного университета

Актуальность исследования обусловлена демографической проблемой, характерной как для Российской Федерации, так и для Вологодской области. Несмотря на государственные и региональные меры поддержки семей и профилактики абортов, в Вологодской области отмечается снижение рождаемости на 18 %, а на 100 родов приходится 64 аборта. Изучение биоэтических представлений населения о прерывании беременности необходимо для понимания факторов репродуктивного поведения в условиях реализации демографических программ (например, региональная программа «Семья – оплот Русского Севера»).

Цель исследования – анализ общественного мнения о процедуре прерывания беременности в зависимости от половых и возрастных демографических характеристик. Задачи исследования включают изучение мнения о: 1) начале жизни человека, 2) допустимости абортов, 3) праве врача на отказ от проведения аборта по моральным убеждениям и 4) допустимости использования фетальных тканей в медицине.

Научная значимость исследования заключается в комплексном изучении репродуктивных установок населения в зависимости от пола и возраста, что дополняет данные о демографической динамике. Практическая ценность результатов состоит в их применении для совершенствования мер по профилактике абортов и формирования культуры репродуктивного здоровья.

В опросе приняли участие 513 совершеннолетних жителей г. Череповца Вологодской области. Установлено, что большинство связывает начало жизни с зачатием, преобладают позиции против абортов или условная их допустимость в зависимости от обстоятельств, а также отвергается отказ врача от операции по личным убеждениям. Выявлены половые различия в восприятии: женщины чаще поддерживают аборты или ориентируются на обстоятельства, мужчины – чаще против и чаще допускают право врача по моральным убеждениям отказаться от прерывания беременности. Наблюдается высокая неопределенность относительно фетальных тканей.

Выводы подчеркивают необходимость повышения информированности населения и учета гендерных особенностей в демографической политике.

Ключевые слова: *пол, возраст, прерывание беременности, аборт*

Для цитирования: *Смирнова Е.А. Влияние поло-возрастных факторов на формирование отношения к прерыванию беременности // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 325–330. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-325-330.*

Введение

В контексте стратегических целей Российской Федерации по обеспечению устойчивого экономического и социального развития Президент В.В. Путин своим Указом [1] определил амбициозные демографические ориентиры: достижение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) на уровне 1,6 к 2030 г. и 1,8 к 2036 г. Особое внимание уделяется стимулированию рождаемости третьих и последующих детей. Данная инициатива обусловлена комплексом демографических проблем, определяемых сложившимися в российском обществе моделями репродуктивного поведения. Репродуктивное поведение определяется как «система действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей или отказ от деторождения, регулирующихся биологическими, экономическими, психологическими и социальными факторами» [2, с. 5], является ключевым элементом демографической динамики. Важной характеристикой репродуктивного поведения является уровень и контроль рождаемости, в том числе и с помощью прерывания беременности. Последнее оказывает значительное негативное воздействие на репродуктивное здоровье женщин [3].

Проблема низкой рождаемости и неблагоприятная репродуктивная ситуация являются актуальными и для Вологодской области. В 2024 г. в регионе отмечается снижение рождаемости на 18 % по сравнению с предыдущим годом [4]. Соотношение рождений и абортов, составляющее 64 аборта на 100 родов, свидетельствует о сохраняющейся высокой распространенности прерываний беременности [5].

В ответ на эти вызовы в 2025 г. в Вологодской области предложена комплексная программа «Семья – оплот Русского Севера» [6]. Программа имеет многоаспектный характер, включая:

• популяризацию здорового образа жизни. Формирование культуры здоровья, направленной на повышение репродуктивного благополучия.

• комплексные меры поддержки молодых семей с детьми. Финансовые, социальные и инфраструктурные меры, направленные на мотивацию рождения и воспитания детей.

• профилактику абортов. В основе стратегии профилактики абортов лежит общественный диалог, направленный на формирование осознанного отношения к репродуктивному выбору и ценности жизни.

Ожидается, что реализация программы «Семья – оплот Русского Севера» окажет существенное позитивное влияние на демографические показатели Вологодской области, способствуя увеличению рождаемости и воспроизводства населения в 1,5–2 раза. Одновременно наблюдается снижение количества абортов в регионе. Статистические данные [7] за период с января по август 2024 г. демонстрируют радикальное сокращение числа операций по прерыванию беременности: 308 случаев против 1191 за аналогичный период. Особо показательным является снижение до 0 и 1 аборта в июле и августе 2024 г. соответственно, в то время как в июле 2023 г. было зарегистрировано 114 таких случаев. Общее количество абортов с начала 2024 г. составило 308, что более чем в три раза меньше показателя за тот же период 2023 г. (1191).

Наряду с позитивными тенденциями в снижении числа абортов в обществе сохраняется заметное расхождение во мнениях относительно репродуктивного здоровья и связанных с ним ценностных ориентиров [8]. В связи с этим изучение общественного мнения о прерывании беременности приобретает особую актуальность для осмысления факторов, определяющих репродуктивное поведение.

В ситуации современных социокультурных изменений, когда вопросы материнства, отцовства, воспитания и образования детей все чаще рассматриваются в рамках принципов партнерства и гендерного равенства в супружеских отношениях, дальнейшие научные исследования должны быть направлены на комплексный анализ восприятия прерывания беременности. В частности, данное исследование ставит своей целью изучение и сопоставление мнений, как женщин, так и мужчин. Такой подход обусловлен стремлением к выявлению многоаспектности взглядов и формированию целостного и научно обоснованного представления о восприятии данной медицинской технологии в современном обществе.

Методы исследования

Предметом исследования стали представления населения о процедуре прерывания беременности, объектом – население. Для сбора данных была использована «Анкета для изучения биоэтических представлений». Инструментарий разработан на основе методики, предложенной коллективом кафедры биомедицинской этики Российского государственного медицинского университета (г. Москва) под руководством Л.Б. Ляуш, В.И. Сабуровой, И.В. Силуяновой и Н.А. Сушко [9]. Изучение общественного мнения проводилось методом выборочного анкетирования совершеннолетних лиц, добровольно давших информированное согласие на участие. Всего в опросе приняли участие 513 чел. Респонденты были включены в выборку посредством простой случайной выборки.

Демографическая характеристика выборки: преобладают женщины (62 %), каждый второй респондент состоит в браке (51,3 %), большинство опрошенных работают (53,8 %) и имеют среднее общее (35,5 %), среднее профессиональное (40,5 %) и высшее (24 %) образование. Средний возраст составил 41,5 лет.

Статистическая обработка данных включала расчет количественных и качественных переменных.

Для выявления различий в этических установках по различным факторам применялся статистически значимый критерий Хи-квадрат Пирсона. Уровень значимости был установлен на отметке 0,05. Расчет 95 %-х доверительных интервалов (ДИ) осуществлялся с использованием метода Фишера. При анализе данных в трех и более группах (например, по возрасту), где требовалось сравнение вариации между группами с вариацией внутри них, применялся однофакторный дисперсионный анализ для независимых выборок. Различия считались достоверными при вероятности ошибки менее 5 % ($p < 0,05$). Обработка статистических данных проводилась с помощью пакета прикладных программ *SPSS* версии 21.

Результаты исследования и обсуждение

Более половины респондентов (64,5 %) считают началом жизни человека – зачатие. Около 26,8 % опрошенных придерживаются мнения, что жизнь начинается с момента рождения (табл. 1). Незначительная доля участников исследования (2,3 %) допустила возможность прерывания беременности по желанию женщины, а 1,6 % – по медицинским показаниям. Затруднились с ответом 4,8 % респондентов.

Выявлены статистически значимые гендерные различия в восприятии момента начала жизни. Мужчины реже женщин считают зачатие началом жизни (58 % против 68,6 % соответственно). Кроме того, мужчины в 2,9 раза чаще не могли ответить на этот вопрос (8,2 % против 2,8 % соответственно).

Большинство информантов либо выступают против прерывания беременности (33,1 %), либо принимают решение исходя из жизненных обстоятельств (50,3 %). Каждый десятый информант (8,8 %) поддерживает аборты, а еще 7,8 % затруднились с ответом (табл. 2). Интересно, что женщины статистически значимо чаще мужчин склоняются к поддержке абортов (10,1 % против 6,7 % соответственно) или ориентируются на жизненные обстоятельства (54,1 % против 44,1 % соответственно). Мужчины же чаще выступают противниками абортов (38 % против 30,2 % соответственно) или не могут дать однозначный ответ (11,2 % против 5,6 % соответственно).

Подавляющее большинство информантов (91 %) считают недопустимым отказ врача от проведения аборта по моральным убеждениям (табл. 3). При этом мужчины чаще допускают такую возможность: 12,8 % мужчин против 6,6 % женщин.

Половина информантов (52,4 %) не смогли дать однозначный ответ на вопрос об использовании терапевтических подходов, базирующихся на тканях эмбрионов человека (включая абортивные) и эмбрионах, полученных при ЭКО. Каждый третий участник исследования (31,2 %) выразил несогласие с таким применением, и лишь 16,4 % дали положительный ответ.

Заключение

Анализ данных выявил существенные расхождения в восприятии вопросов, связанных с началом жизни человека и допустимостью прерывания беременности. Во-первых, большинство респондентов (64,5 %) считают, что началом жизни человека является его биологическое зачатие. Эта точка зрения коррелирует с научными данными о начале индивидуального генетического развития и формировании уникального генома. Однако значительная доля респондентов (26,8 %) считает началом жизни моментом рождения. Женщины чаще соглашаются с концепцией начала жизни с момент зачатия (68,6 %) по сравнению с мужчинами (58 %). Это может быть обусловлено социокультурными факторами, влияющими на формирование гендерных идентичностей и ценностных ориентаций.

Во-вторых, в ходе исследования была выявлена существенная неопределенность в отношении применения фетальных тканей в медицинских целях. Половина респондентов испытывала затруднения при ответе на данный вопрос. Данная ситуация может быть обусловлена следующими факторами: 1) недостаточным уровнем информированности на-

Таблица 1

Мнение населения о начале жизни человека (%; 95 % ДИ)

		зачатия	12 недель	22 недель	рождения	не знаю
Пол	мужской	58,0 (50,9-64,7)	2,6 (1,1-5,9)	1,5 (0,5-4,4)	29,7 (23,8-36,5)	8,2 (5,1-12,9)
	женский	68,6 (63,3-73,4)	2,2 (1,1-4,5)	1,6 (0,7-3,6)	24,8 (20,4-29,9)	2,8 (1,5-5,3)
$\chi^2 = 10,43$; $p = 0,033$						
Возраст (лет)	79-96	100,0	0	0	0	0
	60-78	68,2 (57,7-77,2)	0	2,4 (0,7-8,2)	22,4 (14,8-32,3)	7,0 (3,3-14,6)
	45-59	63,6 (54,3-72,0)	1,8 (0,5-6,4)	0	29,1 (21,4-38,2)	5,5 (2,5-11,4)
	30-44	66,9 (59,7-73,4)	2,8 (1,2-6,4)	1,7 (0,6-4,8)	24,7 (19,0-31,6)	3,9 (1,9-7,9)
	18-29	59,1 (50,8-67,0)	3,7 (1,6-8,3)	2,2 (0,8-6,2)	30,6 (23,6-38,8)	4,4 (2,0-9,2)
$\chi^2 = 10,14$; $p = 0,603$						
всего		64,5 (60,3-68,5)	2,3 (1,3-4,0)	1,6 (0,8-3,1)	26,8 (23,1-30,7)	4,8 (3,3-7,1)

Таблица 2

Отношение населения к возможности прерывания беременности (%; 95 % ДИ)

		сторонник	противник	в зависимости от обстоятельств	не знаю
Пол	мужской	6,7 (3,9-11,1)	38,0 (31,4-44,9)	44,1 (37,3-51,1)	11,2 (7,6-16,5)
	женский	10,1 (7,2-13,9)	30,2 (25,4-35,5)	54,1 (48,6-59,5)	5,6 (3,6-8,8)
χ² = 11,08; p = 0,011					
Возраст (лет)	79-96	0	66,7 (20,8-93,9)	33,3 (6,2-79,2)	0
	60-78	8,3 (4,1-16,0)	32,9 (23,9-43,5)	45,9 (35,7-56,4)	12,9 (7,4-21,7)
	45-59	10,0 (5,7-17,0)	26,4 (19,0-35,3)	55,4 (46,1-64,4)	8,2 (4,4-14,8)
	30-44	9,0 (5,6-14,1)	28,7 (22,5-35,7)	56,7 (49,4-63,8)	5,6 (3,1-10,0)
	18-29	8,0 (4,5-13,8)	43,8 (35,8-52,2)	40,9 (33,0-49,3)	7,3 (4,0-12,9)
χ² = 16,20; p = 0,062					
всего		8,8 (6,6-11,5)	33,1 (29,2-37,3)	50,3 (46,0-54,6)	7,8 (5,8-10,4)

Таблица 3

Отношение населения к возможности врача отказаться от проведения аборта по моральным убеждениям и к применению лечебных методик с использованием фетальных клеток (%; 95 % ДИ)

		согласен	не согласен	не знаю
Врач может отказаться от проведения аборта по моральным убеждениям				
Пол	М	12,8 (8,8-18,2)	87,2 (81,8-91,2)	0
	ж	6,6 (4,4-9,9)	93,4 (90,1-95,6)	0
χ² = 5,72; p = 0,016				
Возраст (лет)	79-96	0	100,0	0
	60-78	15,3 (9,2-24,4)	84,7 (75,6-90,8)	0
	45-59	9,1 (5,0-15,9)	90,9 (84,1-95,0)	0
	30-44	7,3 (4,3-12,1)	92,7 (87,9-95,7)	0
	18-29	7,3 (4,0-12,9)	92,7 (87,1-96,0)	0
χ² = 4,71; p = 0,194				
всего		9,0 (6,8-11,8)	91,0 (88,3-93,2)	0
Допустимо применение лечебных методик, основанных на использовании фетальных (включая абортивные) тканей и «лишних» эмбрионов человека, полученных при ЭКО				
Пол	мужской	13,3 (9,3-18,8)	29,2 (23,3-36,0)	57,5 (50,4-64,2)
	женский	18,2 (14,4-22,9)	32,4 (27,5-37,7)	49,4 (43,9-54,8)
χ² = 3,66; p = 0,160				
Возраст (лет)	79-96	66,7 (20,8-93,9)	33,3 (6,2-79,2)	0
	60-78	9,4 (4,9-17,5)	38,8 (29,2-49,5)	51,8 (41,3-62,1)
	45-59	13,6 (8,4-21,3)	38,2 (29,7-47,5)	48,2 (39,1-57,4)
	30-44	18,0 (13,0-24,3)	28,6 (22,5-35,7)	53,4 (46,1-60,6)
	18-29	19,7 (13,9-27,2)	24,1 (17,7-31,9)	56,2 (47,8-64,2)
χ² = 9,81; p = 0,132				
всего		16,4 (13,4-19,8)	31,2 (27,3-35,3)	52,4 (48,1-56,7)

селения о медицинских и этических аспектах использования фетальных тканей; 2) сложностью интеграции информации, касающейся биологического материала, полученного в результате прерывания беременности, в существующие морально-этические парадигмы. Для формирования информированного общественного мнения и снижения уровня неопределенности представляется целесообразным проведение целенаправленных информационных кампаний.

В-третьих, в вопросах регулирования репродуктивных прав выявлено сочетание личной свободы и общественных ожиданий. Большинство опрошенных (83,4 %) либо категорически против абортов, либо считают, что их допустимость зависит от конкретных жизненных ситуаций. Существуют и гендерные различия. Женщины чаще (10,1 %) высказываются за допустимость абортов, чем мужчины (6,7 %). Кроме того, женщины (54,1 %) склонны принимать решение о прерывании беременности, опираясь на обстоятельства, в то время как мужчины делают это реже (44,1 %). Вероятно, это связано с разницей в восприятии ответственности, последствий беременности и доступа к медицинской помощи.

Подавляющее большинство (91 %) считают, что врач не должен отказываться от проведения аборта по своим личным убеждениям. Полученный результат свидетельствует о приоритете профессиональной этики и принципа автономии пациента над личными убеждениями медицинского работника в ситуации оказания медицинской помощи. Однако ситуация, в которой мужчины чаще женщин допускают возможность врача отказаться от проведения аборта по моральным убеждениям, указывает на различия в понимании соотношения между вы-

полнением профессиональных обязанностей и личными правами на свободу совести.

Результаты исследования подтверждают необходимость индивидуального подхода к разработке демографической политики, учитывающего выявленные половые различия в биоэтических установках и уровне информированности населения. Для укрепления репродуктивного потенциала общества требуется не только развитие системы медицинской помощи, но и проведение масштабной просветительской работы, направленной на преодоление ценностных противоречий и формирование ответственного отношения к вопросам прерывания беременности. Включение этических норм и профессиональных медицинских стандартов в общественное сознание станет основным фактором успешной реализации государственной демографической политики и защиты прав граждан.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
2. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2015. 172 с.
3. Санников А.Л., Спирин И.А., Хромцов Д.П., Кубышкина Ю.Н., Мордовский Э.А. Характеристика региональных факторов риска репродуктивного потенциала населения Европейского Севера России (по материалам Архангельской области и Ненецкого автономного округа) // Вятский медицинский вестник. 2024. № 1(81). С. 66–71.
4. В Вологодской области рассчитывают на повышение рождаемости в 1,5-2 раза. URL: https://tass.ru/obschestvo/23085535 (дата обращения: 15.03.2025).
5. Прерывание беременности (аборты) по субъектам Российской Федерации. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2017. Росстат. URL: https://russia.duck.consulting/maps/14 (дата обращения: 20.04.2025).
6. Программа Губернатора «Семья - оплот Русского Севера». Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/strategiya-2-0/semya-oplot-russkogo-severa/ (дата обращения: 10.03.2025).
7. В Вологодской области раскрыли статистику сделанных абортов. URL: https://news.ru/regions/v-vologodskoj-oblasti-raskryli-statistiku-sdelannyh-abortov (Дата доступа 24.10.2025).
8. Вологодские больницы незаконно сбавили аборты // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7659159 (дата обращения: 20.04.2025).
9. Ляуш Л.Б., Сабурова В.И., Силуянова И.В., Сушко Н.А. Мировоззрение и биоэтические представления российских студентов-медиков // Медицинское право и этика. 2002. № 2. С. 67–82.

The Influence of Gender and Age Factors on Attitudes Towards Abortion

Smirnova E.Al.
Cherepovets State University

The relevance of this research is due to the demographic problem, characteristic of both the Russian Federation and the Vologda region. Despite state and regional measures to support families and prevent abortions, the Vologda region has seen an 18 % decrease in birth rates, with 64 abortions per 100 live births. Studying the bioethical perceptions of the population regarding pregnancy termination is necessary to understand the factors influencing reproductive behavior in the context of demographic programs (e.g., the regional program "Family – the Bulwark of the Russian North").

The aim of the study is to analyze public opinion on the procedure of pregnancy termination depending on gender and age demographic characteristics. The research objectives include studying opinions on: 1) the beginning of human life, 2) the permissibility of abortions, 3) a doctor's right to refuse to perform an abortion based on moral convictions, and 4) the permissibility of using fetal tissues in medicine.

The scientific significance of the study lies in the comprehensive examination of the population's reproductive attitudes depending on gender and age, which complements data on demographic dynamics. The practical value of the results consists in their application for improving measures to prevent abortions and forming a culture of reproductive health.

The survey involved 513 adult residents of Cherepovets, Vologda region. It was established that the majority associate the beginning of life with conception, with prevailing positions against abortions or their conditional permissibility depending on circumstances. The refusal of a doctor to perform an operation based on personal convictions is rejected. Gender differences in perception were revealed: women more often support abortions or are guided by circumstances, while men are more often against them and more often allow a doctor's right to refuse pregnancy termination based on moral convictions. High uncertainty regarding fetal tissues was observed.

The conclusions emphasize the need to increase public awareness and consider gender specificities in demographic policy.

Key words: gender, age, termination of pregnancy, abortion

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-331-335

Местные сообщества как субъекты демократического развития страны (кейс Франции)

Сытин Аркадий Викторович
Соискатель кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ершов Андрей Николаевич
Доктор социологических наук,
профессор кафедры регионологии и цифровой гуманитаристики
Казанского (Приволжского) федерального университета

В современном мире возрастает роль местных сообществ в управлении социальными процессами. Как субъекты управления, местные сообщества принимают на себя ряд функций, которые государство готово делегировать. Чаще всего это вопросы местного значения: социальная сфера, благоустройство, экология, культура и другие вопросы, связанные с активностью самих граждан. Таким образом, местные сообщества позволяют выстраивать горизонталь управления и способствуют развитию демократии. Важно понимать, какие факторы способствуют или препятствуют участию местных сообществ в управлении социальными процессами. В данной статье представлен анализ кейса Франции.

Цель статьи – изучить и проанализировать опыт участия местных сообществ в управлении социальными процессами (на примере Франции).

Научная значимость исследования заключается в выявлении положительных сторон и ограничений для развития практик управления на местах с учетом социально-политического и социокультурного контекстов изучаемого кейса.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов и выводов в практике организации местных сообществ как важнейших ресурсов управления социальными процессами в современных обществах.

Научная новизна результатов состоит в систематизации опыта развития самоорганизующихся систем в форме местных сообществ для последующего научного моделирования процессов институционализации местной власти и управления.

Ключевые слова: *местное сообщество, управление социальными процессами, демократия участия, гражданское участие, институт местного самоуправления, самоорганизующаяся социальная система*

Для цитирования: *Сытин А.В., Ершов А.Н. Местные сообщества как субъекты демократического развития страны (кейс Франции) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 331–335. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-331-335.*

В мире нарастает неопределенность и снижается управляемость социальными процессами. Заметно снижается роль государства как основного регулятора, в то время как значение самоорганизующихся обществ, наоборот, возрастает. В этой связи местные сообщества становятся важными субъектами управления социальными процессами. Институционализация местных сообществ, местного самоуправления происходит поэтапно и варьируется от страны – к стране, от культуры – к культуре. В любом случае высокую роль играют предпосылки и условия, которые сложились на определенной территории: политические традиции участия, менталитет, уровень гражданственности, культурные и религиозные особенности нации. Изучение опыта самоорганизации обществ позволяет выявить связи и зависимости, влияние которых создает определенный контекст для развития социально-политических институтов.

Сегодня практика включенности местных сообществ в процессы социального управления становится практически повсеместной. Однако не существует универсальных технологий. Любой социальный опыт нуждается в осмыслении, рефлексии, упорядочивании. Эта роль отведена социологическому анализу. Социология позволяет выделить типовое, существенное и главное, дедуктивным и индуктивным методами понять возможности принятия и транслирования данного конкретного опыта в практику определенной страны или территориального образования. В данной статье представлен аналитический срез опыта участия местных сообществ в управлении социальными процессами.

Цель статьи – изучить и проанализировать опыт участия местных сообществ в управлении социальными процессами (на примере Франции).

В статье применен комплексный метод социологического анализа. Методологией выступили системный и структурно-функциональный подходы, на основе которых местные сообщества изучены как структурные элементы системы социального управления, выполняющие определенные, делегированные им социально-управленческие функции. Деятельностный подход, дополняющий указанную методологию, обеспечивает понимание местных сообществ как субъектов социального творчества и гражданской активности.

В статье сочетаются несколько исследовательских методов: проведен анализ официальной статистики, представленной в открытых, а также во внутренних французских источниках; дискурс-анализ высказываний официальных лиц страны, представленных в открытом доступе; проведен анализ документальных источников. Также методом исследования явилась технология кейс-стади – изучен опыт одной из европейских стран, который может быть осмыслен лишь в контексте социокультурных условий конкретной страны.

Комплексность методологии обеспечивает валидность представленных выводов; сочетание качественных и количественных методик позволяет углубить анализ кейса.

Местные сообщества представляют собой не просто граждан, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами, но организацию этих граждан в группы для решения общих вопросов. Местные сообщества могут быть представлены различными группами и объединениями: профессиональными, социальными, выборными, территориальными и так далее. Во Франции действуют территориальные гражданские советы различного уровня. В гражданских советах работают представители населения местных сообществ, общественных и профсоюзных организаций, бизнеса, депутатов местных советов. В отличие от советов внутригородских районов, председателем гражданского совета не может быть мэр или депутат местного совета, таким образом, население местных сообществ выбирает председателя советов непосредственно из горожан.

Советы внутригородских районов начали создаваться во Франции с 2002 г., когда был принят Закон о развитии демократии, «приближенной к населению местных сообществ» [1]. В соответствии с новым законом, во всех муниципальных образованиях с населением более 80 тыс. жителей должны были быть созданы внутригородские районные советы. В муниципальных образованиях с населением от 20 до 80 тыс. создание внутригородских районных советов осталось факультативным.

Участие в местных выборах позволяет населению местных сообществ непосредственно участвовать в голосовании за тех или иных кандидатов в местные советы и, как следствие, формировать органы местного самоуправления. Спектр политических партий, участвующих в выборах, достаточно широк. Например, на муниципальных выборах 2015 и 2020 гг. принимали участие около 25 общенациональных и около 50 региональных партий – самостоятельно (формируя отдельные избирательные списки) или в коалиции с другими политическими силами. На выбор той или иной партии значительно влияют общественные ассоциации, в которых состоят французские граждане (в соответствии с данными Министерства внутренних дел, каждый третий француз (23 млн французов в возрасте более 14 лет) является членом, по меньшей мере, одной общественной организации, а общее количество общественных организаций во Франции приближается к 3 млн) [2].

Основные направления деятельности местных сообществ сконцентрированы на оказании услуг в социально значимых для граждан сферах, таких как коммунальная экономика и благоустройство территорий, общественный транспорт, борьба с без-

работицей, обеспечение безопасности, борьба с любыми проявлениями дискриминации и религиозной вражды, защита окружающей среды.

Так, с 2017 г. горожане сами выбирают приоритетные проекты по благоустройству города и развитию городской экосистемы, что позволило более эффективно определять приоритеты развития местных сообществ, одновременно обеспечивая поддержку населением действий органов местного самоуправления и мобилизуя гражданский потенциал для достижения поставленных перед местными сообществами целей [3]. Более того, увеличение количества граждан, принимающих участие в управлении местными делами через участие в общественных структурах, позволило местным сообществам рационализировать организационную структуру местных администраций и минимизировать часть затрат на управление местными делами.

По данным Ассоциации мэров Франции, в 2021 г. в местных сообществах работало более 1150 гражданских советов. В Париже было открыто более 120 городских бюро из представителей граждан 20 городских районов. В рамках работы общественных структур города Парижа граждане получили возможность совместно решать, на какие проекты использовать часть городского бюджета (т.е. сумму в 300 млн евро в год). В последние несколько лет горожане сами выбирают приоритетные проекты из более чем 5000 предложений по благоустройству города и развитию городской экосистемы [4].

Функции местных сообществ в последние годы постепенно расширяются, а объем делегированных им полномочий возрастает. В результате процессов децентрализации власти местные сообщества во Франции получили дополнительные права по осуществлению ряда функций, носящих публично-правовой характер, которые свойственны всем органам публичной власти (принятие общеобязательных решений, сбор налогов и т.д.). Однако при этом наблюдается сокращение их финансовой автономии, что отмечается рядом политиков и общественных деятелей. По мнению профессора Эрцога, финансовая автономия местных сообществ и их полномочия в налоговой сфере должны быть существенно расширены, чтобы минимизировать зависимость местных сообществ от финансово-экономической политики центральных властей [3].

Риск ограничения финансовой автономии местных сообществ особенно возрос в период финансового кризиса 2008–2013 гг. и во время рецессии, вызванной эпидемией коронавируса. В ответ на экономический кризис и с целью обеспечить местное самоуправление стабильными и предсказуемыми ресурсами французские власти начали активно работать над созданием «единообразных блоков полномочий» местных сообществ в таких важных сферах, как социальная политика, развитие инфраструктуры и урбанизм, межгородской транспорт, защита окружающей среды, то есть в тех сферах, на которые приходятся основные бюджетные затраты органов местного самоуправления.

В то же время расширение полномочий не привело к приросту муниципальных служащих, задействованных для выполнения местными сообществами своих функций. По состоянию на 31 декабря 2020 г. численность муниципальных служащих составляла 1 960 300 оплачиваемых работников по основной работе в территориальной государственной службе (*FPT*). Из них 1 455 600 были государственными служащими, 419 900 – контрактными работниками, 28 500 работников работали по субсидированным контрактам и 56 300 имели другие статусы (няни, ученики, офисный персонал). Кроме того, имелось 36 700 так называемых второстепенных должностей, т. е. должностей, занимаемых работниками с другой, более высокооплачиваемой работой на государственной службе. С точки зрения рабочей нагрузки в 2020 г. насчитывалось 1 827 700 штатных работников [5].

По сравнению с 2019 г. численность рабочей силы в 2020–2022 гг. сократилась [3]. Число сотрудников органов местного самоуправления на душу населения в 2022 г. составляло 13,9 эквивалента полной занятости на 1000 жителей. Этот административный показатель ниже в небольших муниципалитетах и выше – в более крупных. Без учета получателей субсидируемых контрактов численность государственных служащих в муниципальных организациях несколько снизилась (-0,6 %). Незначительно снизилась численность государственных служащих в ведомственных организациях (-0,3 %). Она увеличилась в регионах (+2,1 %) [5]. С 2020 по 2022 гг. наблюдается некоторый прирост численности служащих местных выборных органов, в сферах администрирования (+1,6 %), муниципальной полиции (+1,8 %) и организации массовых мероприятий (+3 %).

Как отмечал президент ассоциации мэров Франции Франсуа Боруа: «*Муниципальные служащие составляют важнейший управленческий ресурс местных сообществ, и повышение их технических компетенций и уровня подготовки необходимо для обеспечения эффективного выполнения муниципалитетами своих функций, особенно с учетом возрастающего объема полномочий органов местного самоуправления*» [3]. Сегодня, несмотря на повышение значимости местных сообществ в системе управления, объем финансирования является недостаточным. Собственные ресурсы местных сообществ формируются на 75 % за счет местных налогов, а платные услуги и проценты от вкладов дают оставшиеся 25 % бюджетных поступлений.

Проблема финансовой зависимости местных сообществ от центральной власти обострилась в связи

с наблюдаемой негативной тенденцией увеличения доли трансфертов в общем объеме местных бюджетов и сокращения доли самих местных налогов. Доля местных налогов в муниципальных бюджетах продолжает сокращаться с 2020 г. после решения Президента Франции Эммануэля Макрона о постепенной отмене налога на проживание к 2022 г. (одного из основных местных налогов). В то же время, выпадающие доходы будут заменены государственными трансфертами (так называемая общая дотация функционирования или *DGF*). В абсолютных величинах финансовые трансферты государства в виде целевых или общих (нецелевых) трансфертов муниципальным образованиям составили около 68 млрд евро, то есть около 70 % общего объема ресурсов местных сообществ [7]. Сокращение национальных субсидий и их реструктурирование демонстрирует изменение приоритетов государственной политики в отношении местных сообществ, а именно – все больший акцент на привлечение новых источников и ресурсов, в форме общественного участия. Это проявляется в постепенном увеличении охвата местных сообществ вопросами общественного участия, создании новых общественных структур с привлечением волонтерских и профессиональных ресурсов.

В целом развитие и укрепление общественных структур на местном уровне создает благоприятные условия для активного участия населения в управлении местными делами. Согласно данным исследований *CNRS*, структура волонтерской деятельности в 2021–2022 гг. имела следующий вид:

– 29 % были заняты в сфере спорта;

– 16 % – в сфере культуры;

– 13 % – в социальной сфере и сфере здравоохранения;

– 12 % – в сфере досуговой и клубной деятельности;

– 10 % – адвокатской деятельности;

– 10 % – гуманитарной деятельности;

– 4 % – в сфере образования;

– 6 % – другие сферы деятельности [8].

Таким образом, наибольший объем волонтерской деятельности относится к сфере культуры и спорта. При этом, согласно исследованиям, волонтеры в сфере культуры и спорта наиболее преданы своему делу, поскольку 41 % (в сфере спорта) и 36 % (в сфере культуры) состоят в своей ассоциации более 10 лет. Данное соотношение в основном сохраняется и в современной Франции, где большинство волонтерских организаций осуществляют деятельность в сферах спорта и культуры [2].

В последние 20–25 лет во Франции активнее стали развиваться местные сообщества, что обусловлено принятием и развитием соответствующей законодательной и правовой основы. Начиная с 2002 г. стали создаваться и набирать вес советы внутригородских районов. Основными сферами управления местных сообществ все эти годы являлись, по преимуществу, сферы социальной и культурной жизни, благоустройства территорий. Широкую практику приобрел опыт участия граждан в выборе приоритетных для развития городских территорий проектов.

Однако расширение функций и полномочий местных сообществ не находит адекватного отражения в финансировании, в связи с чем местные бюджеты сталкиваются с определенными сложностями. Финансовая автономия местных сообществ в последние годы несколько сократилась, что отмечается рядом политиков и общественных деятелей. Это вызвано изменением налоговой политики и сокращением доли местных налогов в структуре бюджетов местных сообществ. Также не происходит соответствующего увеличения численности муниципальных служащих, задействованных для выполнения местными сообществами своих функций. В результате фиксируется тенденция привлечения новых ресурсов в виде волонтерства и общественного участия. Это расширяет возможности участия граждан и их объединений в деятельности местных сообществ, но несколько ограничивает возможности профессионального управления социальными процессами, поскольку происходит сокращение профессионального уровня их кадрового состава.

Опыт Франции позволяет выделить позитивные стороны и черты развития практики местных сообществ как субъектов управления социальными процессами. Прежде всего, это расширение демократического участия в процессе управления страной и отдельными ее территориями. Местные сообщества как полноценный управленческий ресурс берут на себя значительную долю решений на местах и разгружают, тем самым, вертикаль управления. Участвуя в деятельности местных сообществ через различные общественные организации, профсоюзы, бизнес-сообщества и другие самоорганизующиеся социальные системы, граждане наиболее полно реализуют свой личностный, творческий, профессиональный потенциал и способствуют, тем самым, формированию устойчивости социальной системы. Принимаемые на местах решения наиболее полно приближены к нуждам граждан, что также является важнейшим фактором стабильности территорий.

В то же время анализ опыта Франции показал и наличие определенных резервов в организации деятельности местных сообществ. Это связано с определением доли необходимых финансовых источников и ресурсов, без которых невозможно эффективное управление на местах. Практика показывает, что ограничение этой доли приводит к нежелательным последствиям в виде социального отчуждения и неучастия граждан в деятельности местных сообществ, о чем мы писали в своей

более ранней статье [9]. Учет положительных сторон и ограничений позволит наиболее адекватно применить данный исследовательский опыт для транслирования его в практику управления в конкретных социально-политических и социокультурных условиях.

Литература:

1. The Law on Democracy in the Neighborhood of February 28, 2002. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ (дата обращения: 15.03.2025).
2. Report on the social situation in France 2021. Social and Economic Council of France URL: https://www.vie-publique.fr/rapport (дата обращения: 22.09.2025).
3. Official website association of French mayors. URL: https://www.amf.asso.fr/page-toute-actualite/36012 (дата обращения: 21.11.2025).
4. Official website. URL: https://www.paris.fr (дата обращения: 11.11.2025).
5. Les collectivités locales en chiffres 2022. Ministère chargé des collectivités territoriales. 2022.
6. Gestion municipale: le développement des budgets participatifs (trans. From French: Municipal management: development of participatory budgets, e-doc). URL:https://www.vie-publique.fr/eclairage/271797-gestion-municipale-le-developpement-des-budgets-participatifs (дата обращения: 12.12.2025).
7. Report of the Congress of Local Authorities of the Council of Europe on Local Democracy. 2019 edition. P. 15–19 (e-document). URL: https://www.persee.fr/doc/ (дата обращения: 10.08.2025).
8. The methodology adopted by the Matisse/CNRS team provided information on the volume of voluntary work based on information provided by the associations and not directly by the volunteers. Данные из внутренних источников Национального центра научных исследований Франции (Le Centre national de la recherche scientifique (CNRS)). URL: https://www.cnrs.fr/fr (дата обращения: 10.10.2025).
9. Сытин А.В., Ершов А.Н. Институциональные и социальные механизмы гражданского участия в деятельности местных сообществ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 303–308. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-303-308.

Local Communities as Subjects of Democratic Development of the Country (Case of France)

Sytin A.V., Ershov A.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the modern world, the role of local communities in the management of social processes is growing. As governing bodies, local communities assume a number of functions that the state is willing to delegate. Most often, these are issues of local importance, such as social services, public amenities, ecology, culture, and other matters related to citizen participation. Thus, local communities help build a horizontal governance structure and contribute to the development of democracy. It is important to understand the factors that facilitate or hinder local community participation in the management of social processes. This article analyzes the case of France.

The purpose of the article is to examine and analyze the experience of local community participation in the management of social processes (using France as an example).

The scientific significance of the study lies in identifying the positive aspects and limitations for the development of local governance practices, taking into account the socio-political and socio-cultural contexts of the case under study.

The practical significance of the study lies in the potential application of the obtained results and conclusions in the practice of organizing local communities as essential resources for managing social processes in modern societies. The scientific novelty of the results lies in the systematization of experience in the development of self-organizing systems in the form of local communities, for subsequent scientific modeling of the processes of institutionalization of local government and governance.

Keywords: local community, management of social processes, participatory democracy, civic participation, institution of local self-government, self-organizing social system

УДК 130.3 : 130.2 : 111.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-336-342

От культурных индустрий к духовному производству

Терещенко Наталья Анатольевна
Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социальной философии
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Шатунова Татьяна Михайловна
Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социальной философии Института
социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность статьи заключается в вопросе о причинах доминирования в современных научных, философских, художественных практиках западных стратегий и паттернов. Цель статьи – попытаться обнаружить возможность формирования субъекта, способного, оперируя стратегиями сегодняшней академической культуры, все же «запустить» процесс использования собственных интеллектуальных, художественных, социальных традиций. Новизна исследования состоит в попытке авторов увидеть решение этой проблемы в двух плоскостях: во-первых, в плоскости анализа изменений характера субъектности современной интеллигенции, поскольку современный тотальный капитализм не создает из себя органической интеллигенции, выражающей интересы капитала как всеобщие. Она замещается так называемыми интеллектуалами – неорганической интеллигенцией, порождаемой на излете модерна рекрутингом различными частями капитала собственных агентов из традиционной интеллигенции предшествующих эпох. Во-вторых, авторы показывают, что в теории незаметная подмена понятия духовного производства термином «культуриндустрия» маркирует серьезные процессы трансформации духовного производства и ведет к утрате субъектности современного интеллектуала, теряющего способность создавать (обще)человеческие смыслы и воспроизводящего вместо них механизмы или технологии создания другого продукта – неразличимую массу потребителей. Научно-практическая составляющая статьи видится в попытке авторов определить некоторые точки роста новой субъектности, способной освоить традиции своей собственной культуры и включиться в процесс духовного производства как производства смыслов и, в пределе, – производства общественного человека и общества в целом.

Ключевые слова: *духовное производство, культурные индустрии, органическая интеллигенция, утрата субъектности, формы трансляции смыслов*

Для цитирования: *Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. От культурных индустрий к духовному производству // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 336–342. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-336-342.*

Очень часто актуальность проблемы обнаруживается не при чтении последней литературы, посвященной актуальным вопросам современности, а на простых занятиях со студентами. Они, как лакмус, проявляют самые неожиданные болевые точки философского дискурса. Так, однажды на занятиях студенты задали вопрос: почему в текстах, лекциях, выступлениях практически не звучат имена и идеи русских философов? Стало очевидным (а очевидность, как писал Декарт, есть критерий истины), что проблема уже вышла за рамки собственно академического поля. Точнее, что назрел вопрос об анализе самой академии. И здесь не обойтись просто включением в учебные программы дополнительных курсов, речь идет о том, что надо понять, почему отечественный философский дискурс так болезненно воспринимает и нервно реагирует на все попытки задаться вопросом о его логике и установках.

Уязвимость этого текста будет заключаться в том, что, ища ответы на поставленный вопрос, мы тоже будем обращаться именно к западной философской традиции, как бы подтверждая неизбывность сегодняшнего состояния и ложность постановки вопроса. Однако заметим: чтобы понять тот или иной дискурс, надо обратить его же собственные принципы на него самого. Этот тезис, высказанный К. Марксом и Ф. Энгельсом, был горячо принят совсем не их сторонником и теоретическим единомышленником Ж. Деррида, восхищавшимся смелостью К. Маркса и Ф. Энгельса, говорящих о возможности «устаревания» их самих – о неизбежно историческом характере их собственного учения. «Какой еще мыслитель когда-либо столь же откровенно высказывал подобные предостережения? Кто и когда призывал к необходимости будущей трансформации своих собственных тезисов?» [1, с. 27].

Нас в этом риторическом вопросе интересует не отношение к наследию марксизма, а сам принцип изменения дискурсов, теорий, идеологий и встраивания теоретиков в структуры общественной жизни. Попробуем посмотреть, как и почему в России (или в любой другой стране) может возникнуть ситуация маргинализации собственного культурного, философского, научного, художественного наследия, как происходит гомогенизация интеллектуальной жизни в логике общества модерна и постмодерна.

Итак, целью данной статьи является попытка понять, как изыскать возможности развития самого существующего дискурса сегодняшней академии, и найти пути диалога с другими мыслительными стратегиями, не укладывающимися в традиционные рамки и существующие стратегии философствования, а также выявить условия разработки этих «других» мыслительных стратегий.

Непосредственный предмет нашего разговора – проблема производства человека, способного производить и воспринимать смыслы, а следовательно, о-смысленно существовать и действовать. Конечно, необходимо добавить: в обществе. Выделяем это в отдельное предложение, так как в последнее время (хотя оно уже охватывает почти век) общественная скобка не в тренде, речь ведется, как правило, лишь об индивидных траекториях мысли, действия, жизни.

Методологической базой для этого разговора будет Марксова теория общественного производства, а точнее – очерково набросанная Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» структура производительных сил общества и общественного разделения труда. Рассуждая о материальных производительных силах как будущей основе коммунизма, авторы пишут, что в это движение должно быть включено и переосмысленное гражданское общество, которое, безусловно, «есть истинный очаг и истинная арена всей истории». Позволим себе разорвать цитату. К. Маркс и Ф. Энгельс пишут далее, что уже в понимании гражданского общества «видна нелепость прежнего, пренебрегавшего действительными отношениями, понимания истории, которое ограничивалось рассмотрением громких и пышных деяний» [2, с. 35].

Смысл этой, казалось бы, тоже просто «пышной» фразы, проясняется в пометке следом: «До сих пор мы рассматривали главным образом только одну сторону человеческой деятельности – обработку природы людьми. Другая сторона – обработка людей людьми» [2, с. 35]. На полях рукописи ремарка Маркса: «общение и производительная сила». Собственно, этот фрагмент и стал ключом к марксистской теории духовного производства, которое, в отличие от материального (являющегося обработкой людьми предметов природы), представляет собой обработку людей людьми, в ходе чего и производятся не просто идеи, а человек и собственно общественное сознание.

В последнее время понятие духовного производства не в ходу. Уже почти век, с появления в 1947 г. книги Т. Адорно и М. Хоркхаймера «Диалектика Просвещения», в понятийный аппарат социально-гуманитарного знания вошел термин «культуриндустрия». Казалось бы, есть инструмент (а понятие/ концепт/ метафора и даже просто термин – это всегда инструмент), который позволяет работать почти в том же пространстве. Но так ли это? Что попало в поле зрения с изменением терминологии, а что утеряно? Попробуем разобраться.

Итак, производство общественного сознания общественного человека. Потому что даже самый индивидуализированный, герметизированный, аутизированный Нарцисс – это всегда обществом произведенный продукт. Если речь идет о производстве – духовном ли, материальном ли, нам необходимо определиться с субъектом этого производства, его, субъекта, целями и средствами. Тот же вопрос возникает и при анализе культуриндустрии или, как се-

годня можно сказать, культурных индустрий (множественное число важно).

Человек – существо искусственное, созданное, самосозданное, аутопоэтическое – можно продолжить, вариаций масса. Но главное одно: он не природен в смысле данности, он – становление, а не ставшее. И именно поэтому требуются постоянные усилия и особые процедуры для выведения его из состояния потенциальности в состояние актуальности. Но и здесь результат не гарантирован. Кроме того, сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда усилия будут прикладываться именно для невозможности выведения пока еще практически природного (точнее – натурализованного) существа в состояние актуальности, запечатывания его в потенциальности, превращенной в невозможность. Причем производство сознания является неотъемлемой стороной этого процесса. В этом плане, думается, различные страсти по преодолению антропоцена и превращению человека в некое природное (в пределе – компостное) состояние – избыточные трепыхания. Усилие необходимо именно для выведения человека в состояние человека, а вот в состоянии неразличимости, непосредственности, данности он пребывает без усилий. Воспитывать потребителя, хоть и грамотного, что было определено как цель среднего образования в нашей стране еще совсем недавно, совсем не надо. Потребитель есть данность, он потребляет и так, без всякого воспитания.

Черта различ***а***ния между духовным производством и культуриндустрией, на первый взгляд, практически отсутствует. И там, и там производится некоторый корпус идей, и там, и там эти идеи существуют по принципу товара (то есть имеют потребительскую и меновую стоимость), и там, и там работают некоторые механизмы «подключения» повседневного человека к продуктам этих производств. Но результат разительно различен, что и зафиксировали Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своей работе. В.А. Кутырев совершенно справедливо назвал «Диалектику Просвещения» гениальной алармистской работой, отметив, что, осуществив точную диагностику ситуации, авторы совершенно ничего не сказали о каких-то путях ее преодоления [3, с. 27–29]. Совершенно не претендуя на то, что нам удастся решить проблему, которую до сих пор не решили теоретики разных направлений, попробуем лишь наметить некоторые траектории движения.

Оставим в стороне типичный для философии XX в. сюжет с негативными последствиями эпохи Просвещения. Во-первых, это стало уже общим местом, во-вторых, нам нужно не констатировать, а понять причину этого странного последствия установки, которая была направлена как раз на иное. Зафиксируем только время: диагноз амбивалентности Просвещения поставлен уже немецкой классической философией. С этого времени мы все больше сталкиваемся с тем, что Гегель называл «иронией истории». Хотя авторы «Диалектики Просвещения» фиксируют уже результат этого странного процесса. «Техника культуриндустрии была превращена в феномен стандартизации и серийного производства, а в жертву было принесено то, что всегда отличало логику произведения искусства от логики социальной системы», – пишут Т. Адорно и М. Хоркхаймер [4, с. 151]. И далее: «Соответствующие лишь бюджету культуриндустрии стоимостные дифференциации вообще не имеют никакого отношения к различиям содержательным, к самому смыслу производимых продуктов» [4, с. 154]. И уж совсем радикально: «Надзор за тем, чтобы процесс простого воспроизводства духа случайно не привёл к расширенному его воспроизводству, осуществляется всеми её агентами, от продюсера до женских союзов» [4, с. 158]. Техника превалирует, смыслы уходят вместе со сменой целей – остаться в системе во что бы то ни стало.

Лента Мебиуса, столь любимый образ постмодернистских мыслителей. Внутреннее становится внешним, плюс оборачивается минусом, но главное – глубина становится поверхностью. Происходит сглаживание ландшафта. Ничуть не хуже бульдозерной хрущевской выставки. И это вызывает у авторов «Диалектики Просвещения» чувство опасности.

И вот другая работа – Дэвид Хэзмондалш «Культурные индустрии». Автор очень обстоятельно объясняет причину того, почему он решил переиздать и в некоторых моментах дополнить свою книгу, первое издание которой относится к 2002 г. Основная мысль, по словам автора, заключается в следующем: «Осмыслить произошедшие изменения в контексте долгосрочных исторических течений – в экономике, политике и культуре. Мой тезис заключается в том, что культурное производство и потребление изменились меньше, чем хотят нас уверить некоторые обозреватели… Сами СМИ непрерывно производят всевозможные рассуждения о трансформациях производства и потребления культурных продуктов. Однако в суете ежедневной журналистики не хватает времени на то, чтобы рассмотреть долгосрочный исторический контекст» [5, с. 11]. Видно, как меняется настроение. Производство культурных артефактов меняется очень медленно и незначительно в долгосрочной ретроспективе. Серьезные изменения – продукт работы СМИ. Алармизм преодолен, нет причины для расстройства. Но есть поле для исследования изменения и наследования. Но так ли уж все наследственно-преемственно, если автор вынужден признать, что не работают традиционные категории, в которых описывался процесс производства культурных артефактов? «Вместо термина “искусство” со всеми его коннотациями, отсылающими к индивидуальному гению и высшему призванию, я хочу использовать

более громоздкий термин СИМВОЛИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ, а термину "художники" я предпочитаю выражение СОЗДАТЕЛИ СИМВОЛОВ для обозначения тех, кто создает, интерпретирует и перерабатывает истории, песни, образы и т.д.» [5, с. 18]. Культурные индустрии, вторгаясь в том числе в частную жизнь через производимый контент, участвуют в «создании нашего общественного "я": фантазий, эмоций и идентичности. Это сильно отражается на ощущении того, кто мы, что значит быть мужчиной или женщиной, африканцем или арабом, канадцем или ньюйоркцем, гетеросексуалом или гомосексуалистом. Именно поэтому продукты культурных индустрий – нечто большее, чем просто способ провести время или отвлечься от других, более важных вещей». [5, с. 16] То есть быть мужчиной или женщиной, африканцем или арабом и т.д. – это тоже результат культурно-индустриальной инженерии[1]. «Культурные индустрии – проводники экономических, социальных и культурных изменений», – так называется один из подразделов «Культурных индустрий» [5, с. 20].

Заметим: в «Диалектике Просвещения» упор сделан именно на разрушение, изменение идей, носящее деструктивный характер. В «Культуриндустрии» технология проходит как бы фоном протекания процесса девальвации смыслов. Хотя, как пишет П. Андерсон, энтузиазма по поводу технологий, обеспечивающих производство смыслов, который еще можно увидеть у Брехта и Беньямина, говоривших о том, что технологии могут (и должны) быть освоены искусством для того, «чтобы достичь массовой аудитории», у авторов «Диалектики Просвещения» уже нет [5, с. 68–70].

Что же произошло в сфере производства смыслов, что принесло некоторое спокойствие исследователям культуры полвека спустя? Ответ, думается, надо искать в изменении положения интеллектуала в сфере общественного производства. Думается, что использование здесь понятия общественного, а не духовного производства имеет смысл, так как меняется и форма, и содержание процесса. Если духовное производство как обработка людей людьми производит общественное сознание в форме идей, то сегодня этот процесс нельзя представить без проникновения в него индустриальных механизмов и без обратного влияния этих идей на саму индустрию[2]. Это уже приводит к изменению положения субъекта (агента)[3] духовного производства в общественном производстве в целом. Область духовного производства перестает быть некоторой четко отделенной сферой общественной жизни, и его субъект (агент) теряет свое особое положение в социальной структуре. З. Бауман пишет о новой «революционной стратегии» в понимании культуры, которая «предполагает глобальное переосмысление роли и социального положения интеллектуала, так что метафорическое выражение «законодатель» становится по отношению к нему неадекватным и возникает необходимость в другой метафоре – в образе «переводчика» [8]. Очевидно, что роль законодателя интеллектуал играет в домодерновой культуре, переводчика – в культуре постмодерна. Новой и отчасти революционной эта стратегия уже быть перестала, но от этого не потеряла своей актуальности, так как может помочь понять перенос акцента с производства смыслов на производство механизмов трансляции. Но не будем спешить.

Итак, рассуждения об интеллектуале в современном ему обществе Бауман начинает с обращения к теории интеллигенции А. Грамши [9]. Грамши вводит понятие органической интеллигенции, которая формируется из господствующего класса. Соответственно, представители этой органической интеллигенции как раз и производят общественное сознание в форме идей, в которых частный интерес выражается как всеобщий. Кроме того, Грамши использует понятие технической интеллигенции, говоря о том, что производство идей требует механизмов и институций для их распространения. Так, школьный учитель не открыл законы термодинамики, но доносит знание об этих законах до школьника, транспонировав его в нужную языковую и понятийную тональность. Иными словами, производство идей требует создания инфраструктуры для их распространения. Причем разные идеи требуют разных инфраструктурных сценариев и разных инструментов. Фактически Грамши говорит о необходимости технологического обеспечения процесса духовного производства или о том, что субъект духовного производства как минимум двойственен, а то и тройственен, если учесть, что органическая интеллигенция основной социальной группы вступает в отношения с интеллигенцией предыдущего господствующего слоя, которую Грамши называет традиционной, в борьбе за гегемонию[4].

Но позволим себе несколько усложнить картинку, дополнив понятийный ряд Грамши с учетом наблюдений Баумана понятием неорганической интеллигенции не как особой подгруппы интеллигенции (органическая – техническая), а как особого ее, интеллигенции, статуса в эпоху модерна, что еще больше усложнит структуру интеллигенции уже не как особой группы людей, находящейся в определенных отношениях синонимии с господствующим

[1] Заметим разницу между траекторией становления женщиной, животным и др., у Ж. Делеза, где это траектории индивидуальных стратегий и принципа соседства [см. 6, с. 7–10].

[2] Об этом взаимовлиянии пишет, например, В. Беньямин в работа «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [7, с. 16–64].

[3] Будем писать в скобках (агент), так как где-то нам придется развести эти две роли.

[4] Вопрос о гегемонии, интереснейший сам по себе мы не будем затрагивать в этой статье.

классом и со всем обществом, но как институции[5]. Бауман указывает на очень интересную черту интеллектуала, которая проявилась в эпоху модерна. Пришедшая к власти буржуазия, не имевшая политического опыта, была вынуждена призывать себе в помощь интеллектуалов, органическую интеллигенцию уходящего господствующего класса, которая занимала в эпохе модерна несколько ступеней в общественной иерархии: учителя, являющиеся «учителями нравственности, миссионерами и образцами для всех остальных», постепенно превратились в маловлиятельную в политическом плане группу, что усилилось в ситуации провозглашения свободы «государства от идеологии – читай, от тех, кто идеологию сочиняет». Последние пытались утешиться, изображая разжалование легитимации как «кризис легитимности».

Учитывая еще и фактор разнообразия форм разворачивания капиталистических отношений, интеллектуал, который фактически был пролетарием умственного труда, уже не мог производить идеи в логике органической интеллигенции. «Органические интеллектуалы даже при желании вряд ли сумели бы изгладить следы своего присутствия из собственных творений или хотя бы затушевать их» [8]. Рекрутированный интеллектуал модерна вынужден создавать не идеи и смыслы, а приемлемые формы их распространения, уже не напечатлевая свою волю и чаяния на продукт своей деятельности. Выражая не свои, а чужие смыслы, решая чужие задачи и прорисовывая механизмы реализации чужих целей, интеллектуал становится «неорганическим» духовным протезом господствующего социального слоя. Позволим себе предположить, что капитализм так и не создал свою органическую интеллигенцию, зафиксировав интеллектуала в положении пролетария умственного труда, а процесс, который У. Бек назвал индивидуализацией социальных классов, фактически ликвидировал возможность адекватного понимания интеллектуалом своего места в общественном производстве.

Если в домодерновом обществе субъект духовного производства имел тройственную структуру, но при этом был целостным субъектом, что обусловливалось так называемой «предустановленной гармонией» мыслящего, того, за кого мыслит мыслящий и того, кто задал горизонт этой мысли [11, с. 215], то представитель неорганической интеллигенции становится в лучшем случае агентом некоторого субъекта, ставящего перед ним цели и задачи, утрачивая собственную субъектность. Эта утрата компенсируется раздражением, ненавистью и пренебрежением к представителям как традиционной, так и технической интеллигенции, ставшей рядовым актором процесса[6]. Очень хорошо подобный процесс описывает Д. Гербер в «Бредовой работе», фиксируя внимание на отчуждении работника от своего труда, потере им ощущения значимости своей деятельности, что выражается в странной смеси снобизма и ненависти со стороны работодателя и уязвимости и депрессивности работника [см.: 12, с. 9–16]. Таким образом, интеллектуал, встроенный в систему общественного производства как агент чужой субъектности, может решать задачу всеобщности только в логике разработки процедур элементаризации потребителя. Потребитель потребляет, и потребление становится самоцелью в индустрии производства неразличимых безликих представителей массы. Иными словами, его уже не трогает: «То обстоятельство, что всем их персонажам, за исключением негодяев, сущностная тождественность навязывается вплоть до изъятия тому сопротивляющихся физиономий, таких, например, которым, как в случае Гарбо, не скажешь запросто "Привет, сестрёнка", поначалу весьма значительно облегчает жизнь кинозрителям. Их уверяют в том, что им вовсе и не нужно быть иными, чем они есть, и что все это точно с таким же успехом могло бы удаться и у них без того, чтобы от них потребовали бы чего-то такого, к чему считают они себя неспособными. Но одновременно им намекают и на то, что от усилия тут совсем не было бы проку, потому что буржуазное счастье уже более никак не связано с поддающимся вычислению результатом их собственного труда» [4, с. 183]. И в выработанной ситуации привычки к тотальной неразличимости, конечно, девальвация идей и смыслов уже не вызывает чувства горечи и досады. Уверенность «в том, что культурное производство и потребление изменились меньше, чем хотят нас уверить некоторые обозреватели» как раз и возникает как защитная реакция на понимание своего зависимого положения. Все хорошо и стабильно. Ведь легче представить конец света, чем конец капитализма, как писал М. Фишер [13]. Капитализм,

[5] Такую сложную структура субъекта (агента) духовного производства мы фактически описывали в статье, посвященной проблеме кризиса теории в современной философии. Субъект познания в классическом домодерновом обществе также представлен как сложная тройственная структура, которую и унаследует субъект (агент) духовного производства [10, с. 62–73].

[6] Вспомним кому только не приписываемую фразу «войну выигрывает учитель» и посмотрим на сегодняшнее положение учителя в обществе. Учитель, представитель технической интеллигенции, низведен сегодня до работника сферы услуг (при всем уважении к представителям этой важной в социуме сферы). Между тем, Грамши отмечает очень важную вещь: социальная деградация технической интеллигенции вскоре приводит к кризису всей социальной системы [9]. Кстати, иллюстрирует он этот тезис примером с потерей монополии в военной сфере, в которой фактически каждый сеньор имеет определенные навыки ведения военных действий, что, по, мнению Грамши, и стало началом кризиса феодализма. Кроме того, в этой органической интеллигенции шло свое разделение труда: появлялась управленческая аристократия, которая отделилась от создателей смыслов. Конечно, это именно мнение, но оно имеет реальные основания.

ставший действительно глобальным и в этом глобализме уже изживающий самого себя, создал и изживающую самою себя прослойку интеллигенции[7].

Может ли в такой ситуации возникнуть альтернативная академия, другой формат деятельности интеллектуала, другой дискурс, иной, незападный тип идеологии как системы идей, тем более что, как мы видим, существующий формат фактически закрыл вопрос о создании смыслов? Сможет ли российский философ не просто изучать русскую философию, а мыслить в ее традиции на поле социальной философии, онтологии, гносеологии, эпистемологии – список можно продолжать? Вопрос этот касается любой незападной традиции[8]. Думается, да. Мы не сможем сейчас сказать, какова может быть структура нового субъекта духовного производства, это предмет отдельного разговора. Но мы можем назвать точки его возможного роста. Они заложены и находятся в той же самой природе интеллектуала, в его внутренней расколотости. Интеллектуал, особенно в области гуманитарной, продолжает оставаться частично представителем традиционной интеллигенции. Он не может быть полностью встроен в индустриальные рамки, до конца не теряет свою индивидуальную форму деятельности, чем если не разрывает логику омассовления интеллектуальной деятельности, то препятствует процессу тотализации этой логики. И главное – он может и должен говорить на своем родном языке[9]. Потеря языка прежде всего сказывается в утрате индивидуальности и самоидентичности. Удивительно точно эту власть чужого языка выразил К. Леви-Стросс, когда писал о том, что не смог перевести свою собственную статью, написанную по-английски, на французский язык, обнаружив, что писал не то, что хотел, а что позволил ему «его английский». Тогда так ли уж альтернативен европейскому дискурсу мультикультурализма мультинатурализм Эдуарду Вивейруша де Кастру, пишущего свои «Каннибальские метафизики» [18] не по-португальски, а по-французски? Так ли уж естественен маоизм Сартра? Конечно, есть Ж. Деррида, который говорит про себя: «я – французский еврей из Алжира» и описывает последовательный переход к французскому языку, который его (а не он) выбирает для жизни [19]. В художественной литературе ситуация несколько иная, там музыка языка (а любой язык создает свою музыку) позволяет играть со смыслами, производя иную, новую гармонию. В теории же «дьявол играет с нами, когда мы не мыслим точно» [20], – говорил М. Мамардашвили. Но сама возможность слушать биение смыслов в языке родной культуры у интеллектуала остается. Что отнюдь не означает, что дискурс сегодняшней академии для него станет чужим и закрытым. Тем более при «всемирной отзывчивости русской души».

[7] О характере этого феномена мы писали в статьях «Ветер недоперемен» и «Интеллигенция между властью и обществом» [14; 15].

[8] Отметим здесь работу Шемякина «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», где автор, рассматривая отношение европейской культуры к миру за пределами Европы, пишет, что «дилемму , вставшую перед неевропейскими народами, можно определить следующим образом: можно ли стать свободными, оставаясь самими собой (т.е. китайцами, индийцами, арабами, латиноамериканцами, русскими и т.п.), или для этого необходимо превратиться в составную часть Запада, потеряв, тем самым, собственную цивилизационную идентичность» [16, с. 5].

[9] Связь возможности не-европейской мысли с языком анализирует Ю. Хуэй в работе «Пост-Европа» [17, с. 8, 13, 33, 122].

Литература:

1. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Logos-altera: Esse homo, 2006. 256 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Подгот. к печати И.И. Прейс, А.А. Уйбо; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1956. 615 с.
3. Кутырев Диалектика Света (К 70-летию книги Э. Хоркхаймера, Т. Адорно «Диалектика Просвещения»). Статья 1. Диалектика (конца) Света // Философия и культура. 2018. № 5. С. 24–38.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Культуриндустрия. Просвещение как обман масс // Диалектика просвещения. Философские фрагменты. «Медиум» «Ювента». М., С-Пб.1997. С. 149–210.
5. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова; под ред. М. Маяцкого. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2011 (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 208 с.
6. Жиль Д. Критика и клиника / Пер. с франц. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. Послесловие и примеч. С.Л. Фокина. СПб.: Macihna. 2002. 420 с.
7. Вальтер Б. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / Предисловие, составление, перевод и примечания С.А. Ромашко; Немецкий культурный центр имени Гете. М.: Медиум. 1996. 240 с.

8. Бауман З. Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html (дата обращения: 31.03.2011).
9. Грамши А. Формирование интеллигенции / Тюремные тетради. URL: https://royallib.com/book/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe.html
10. Агапов О.Д., Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. «Сопротивление теории»: “to” vs “of” (о кризисе теоретического знания в эпоху «плоских» онтологий) // Наследие веков. 2025. № 3. С. 62–73.
11. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука-Аттикус. 2010. 288 с.
12. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.; Владивосток: Ад Маргинем Пресс, 2018. 440 с.
13. Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ультра-культура 2.0, 2010. 138 с.
14. Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Ветер недоперемен. Родина, которой присягали… // Материалы Всеросс. науч. конф. с международным участием, посвященной 100-летию образования СССР; (Н. Новгород, 14-15 октября 2022 г.) / Под ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. Н. Новгород: Изд-во Приволжского исслед. мед. ун-тета, 2022. С. 210–220.
15. Терещенко Н.А. Интеллигенция между властью и обществом // В мыслях о своевременном и ином: материалы Всеросс. науч. конф., посв. 150-летию со дня рожд. М. Горького (Н. Новгород, 21-22 апреля 2018 г.). Нижний Новгород: Изд-во Приволжского исследов. мед. ун-та, 2018. С.191–201.
16. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука. 2001. 391 с.
17. Юк Хуэй Пост-Европа. М.; Владивосток: Ад Маргинем Пресс. 2025. 176 с.
18. Кастру Э.В. де Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.; Владивосток: Ад Маргинем Пресс; Москва. 2017. 216 с.
19. Деррида Ж. Последнее интервью. URL: https://idavirus.livejournal.com/52458.html/ (дата обращения: 02.09.2024)
20. Мамардашвили М.К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно... // Театр. 1989. № 3. С. 88–96.

From Cultural Industries to Spiritual Production

Tereshchenko N.A., Shatunova T.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the article lies in the question of the reasons for dominance of Western strategies and patterns in modern scientific, philosophical, artistic practices. The purpose of the article is to try to discover the possibility of forming a subject capable, operating with the strategies of today's academic culture, nevertheless to begin the process of using their own intellectual, artistic, social traditions. The novelty of the study consists in the authors' attempt to see the solution to this problem in two planes: firstly, in the plane of analyzing changes in the nature of the subjectivity of the modern intelligentsia, since modern total capitalism does not create an organic intelligentsia that expresses the interests of capital as universal. The organic intelligentsia is replaced by the so-called intellectuals - inorganic intelligentsia, generated at the end of modernity in the process of recruiting by various parts of the capital of their own agents from the traditional intelligentsia of previous eras. Secondly, the authors show that in theory, the imperceptible substitution of the concept of spiritual production by the term "cultural industry" marks serious processes of transformation of spiritual production and leads to the loss of subject qualities by a modern intellectual who loses the ability to create human meanings, and reproduces instead of them mechanisms or technologies for creating another product – an indistinguishable mass of consumers. The scientific and practical component of the article is seen in the authors' attempt to find some points of growth of a new subjectivity, capable of mastering the traditions of their own culture and joining the process of spiritual production as the production of meanings and the production of a social person and society as a result.

Key words: spiritual production, cultural industries, organic intelligentsia, loss of subjectivity, forms of broadcasting meanings

УДК 316.334.3:314.15:711.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-343-354

Социально-демографические и инфраструктурные проблемы малых городов-спутников Набережночелнинской агломерации: социологический анализ

Хамитов Данил Динарович
Аспирант кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность исследования обусловлена процессами урбанизации и формирования городских агломераций в России, где малые города-спутники сталкиваются с серьезными социально-демографическими и инфраструктурными проблемами. Особую значимость приобретает изучение развития Набережночелнинской агломерации как одной из наиболее динамично развивающихся территориальных кластеров Республики Татарстан.

Цель исследования – комплексный анализ социально-демографических дисбалансов и инфраструктурных ограничений в малых городах-спутниках Набережночелнинской агломерации, выявление ключевых проблем и разработка рекомендаций по их решению.

Научная новизна заключается в применении социологического анализа для оценки интеграционных процессов в агломерации, выявлении критических точек развития малых городов-спутников и разработке механизмов их преодоления.

Методология исследования включает количественные и качественные методы: статистический анализ демографических показателей, социологический опрос 400 респондентов, расчет индекса поляризации восприятия.

Основные результаты исследования показали: критическую демографическую поляризацию с высоким коэффициентом нагрузки пожилыми людьми (до 479,24 на 1000 трудоспособных); массовый отток молодого трудоспособного населения; серьезные проблемы транспортной инфраструктуры (64 % неудовлетворенности общественным транспортом); высокий уровень усталости населения от маятниковой миграции (69 %); дефицит координации в сфере коммунального и градостроительного управления (66–75 %).

Практическая значимость работы состоит в разработке конкретных рекомендаций по модернизации транспортной системы, укреплению институционального управления и снижению социально-экологической нагрузки в малых городах-спутниках.

Исследование демонстрирует, что отсутствие эффективной управленческой интеграции и низкое качество базовой инфраструктуры формируют социальный дискомфорт, подрывая доверие жителей к концепции развития агломерации.

Ключевые слова: *агломерация, город-спутник, Набережночелнинская агломерация, социально-демографические проблемы, транспортная инфраструктура, маятниковая миграция, демографическая нагрузка*

Для цитирования: *Хамитов Д.Д. Социально-демографические и инфраструктурные проблемы малых городов-спутников Набережночелнинской агломерации: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 343–354. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-343-354.*

Развитие систем расселения в Российской Федерации характеризуется активным процессом формирования крупных городских агломераций, концентрирующих экономическую активность и человеческий капитал. Набережночелнинская агломерация, представляет собой один из наиболее динамично развивающихся территориальных кластеров Республики Татарстан. Особую актуальность приобретает проблема утраты жизнеспособности малых городов в условиях соседства с крупными агломерационными центрами. Теоретическое осмысление роли малых городов в территориально-отраслевой организации страны остаётся важным направлением исследований [1]. Л.Р. Кузьмина подчёркивает существенную роль малых и средних городов в поддержании региональной устойчивости. Однако на практике, как отмечают М.А. Антонова, Д.Р. Хусяинова, Е.И. Воронова [2], многие из них сталкиваются с системными трудностями, связанными с дефицитом рабочих мест и износом основных фондов.

Концепция агломерации, разработанная А.А. Колосковой [3], предполагает тесную функциональную взаимосвязь между центром и периферией. Однако на практике часто происходит поляризация ресурсов, когда они концентрируются в крупном центре. При этом А.А. Дембич и Ю.А. Закирова [4], анализируя пространственное планирование Набережных Челнов, указывают на сложность процессов, происходящих внутри такого крупного образования. В идеале агломерационный эффект должен стимулировать развитие спутников, но часто он работает по принципу поляризации, концентрируя ресурсы в одном месте. В.В. Маркин, В.В. Воронов и В.М. Пешкова [5] отмечают, что роль малых городов в государственной политике пространственного развития требует специального социального моделирования региональных стратегий для предотвращения их маргинализации.

Социально-демографические проблемы малых городов проявляются наиболее остро. Л.В. Иваненко [6] и Е.Е. Иродова [7] выделяют общие трудности развития малых городов, среди которых наиболее ощутим дисбаланс возрастного и полового состава населения. Статистические данные [8; 9] по Республике Татарстан подтверждают тенденцию к старению населения в периферийных муниципальных образованиях и миграционный отток молодежи в крупные центры. О.О. Смирнов и В.А. Безвербный [10] исследовали потенциал развития секторов экономики малых городов, выявив, что именно отсутствие возможностей для самореализации является главной причиной демографического спада. Ю.В. Медяник [11] рассматривал схожие тенденции на примере города Лениногорска, подтверждая региональный характер этих вызовов. К.В. Борисова и М.К. Беляев [12] предлагают рассматривать пути развития малых городов сквозь призму городизации, комфортизации и корпоративизации хозяйства, что подразумевает активное создание привлекательной социальной и экономической среды. Т.В. Ускова и И.А. Секушева [13] подчеркивают важность стратегических приоритетов, направленных на удержание населения и повышение качества жизни.

Второй блок проблем касается инфраструктурного обеспечения. Эффективность функционирования города напрямую зависит от состояния его инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры. Е.В. Уфимцева с соавторами [14] предлагают систему показателей для оценки комплексного развития городской инфраструктуры, которая применима и к малым городам. С точки зрения транспортного сообщения, что критически важно для городов-спутников, Центр экспертизы и инжиниринга [15] провел оценку состояния общественного транспорта в Набережночелнинской агломерации. А.В. Роговая [16] отмечает, что практика реализации региональных стратегий часто не достигает своей цели именно из-за игнорирования специфики инфраструктурных потребностей малых городов. Социокультурный потенциал, который исследуют М.Ф. Черныш и В.В. Маркин [17], также тесно связан с инфраструктурой, поскольку культурные и образовательные учреждения требуют соответствующего материально-технического обеспечения.

Целью социологического исследования является анализ социально-демографических дисбалансов и инфраструктурных недостатков, характерных для периферийных поселений Набережночелнинской агломерации.

Социологический анализ направлен на то, как недостатки инфраструктуры влияют на повседневную жизнь жителей, их удовлетворенность местными условиями и, как следствие, на социально-демографическую устойчивость поселений Набережночелнинской агломерации.

Социологический анализ основан на объективной оценке данных Росстата по Республике Татарстан, динамике численности, возрастно-половой структуре и коэффициенте демографической нагрузки для выявления дисбалансов между ядром и периферией агломерации. Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса совершеннолетних жителей в таких муниципальных образованиях агломерации, как Набережные Челны, Елабужский, Заинский, Мамадышский, Менделеевский, Нижне-

камский и Тукаевский районы. Сбор эмпирических данных осуществлялся смешанным способом, при котором основной акцент сделан на онлайн-анкетировании через местные социальные медиаресурсы, чтобы оперативно охватить большое количество респондентов. Для обеспечения статистической надежности анализа было собрано 400 анкет.

Социологический анализ социально-демографических дисбалансов и инфраструктурных ограничений в малых городах-спутниках Набережночелнинской агломерации основан на статистических данных, которые помогли объективно оценить текущее состояние. Изначальное внимание уделено динамике численности и структуре населения (см. табл. 1).

Анализ численности населения Набережночелнинской агломерации, представленный в таблице 1, показывает концентрацию человеческого капитала в городских округах, прежде всего в Набережных Челнах. Городской округ Набережные Челны насчитывал на начало 2025 г. 548 221 чел., что значительно превышает показатели любого из прилегающих муниципальных районов. Разница в абсолютных цифрах между ядром и его спутниками, такими как Елабужский, Заинский, Мамадышский и Менделеевский районы, колоссальна. Спутники, имеющие население от 29 994 до 86 096 чел., демонстрируют зависимость от крупного соседа.

При сравнении данных за начало 2025 г. и среднегодовых показателей за 2024 г., заметна неравномерная динамика. В то время как численность населения в городском округе Набережные Челны показывает прирост (или минимальное снижение), многие муниципальные районы, особенно Заинский, Мамадышский и Менделеевский, характеризуются небольшим, но устойчивым уменьшением числа жителей в среднем за год. Сельское население муниципальных районов, например Тукаевского, который полностью сельский (52 574 чел.), испытывает давление из-за отсутствия адекватной инфраструктуры и ограниченных возможностей для занятости, что провоцирует перемещение жителей либо в районные центры, либо непосредственно в Набережные Челны.

Логическим продолжением изучения численности населения становится анализ его возрастно-половой структуры, которая отражена в таблице 2.

Таблица 1

Численность населения Набережночелнинской агломерации (на начало 2025 г. и в среднем за 2024 г.), чел. [9]

Наименование территории	На начало 2025 г.			В среднем за 2024 г.		
	всего	городское	сельское	всего	городское	сельское
Республика Татарстан	4019606	3083366	936240	4011311	3076265	935046
Городские округа						
город Набережные Челны	548221	548221	X	546302	546302	X
Муниципальные районы						
Елабужский	86096	74451	11645	85784	74105	11679
Заинский	51449	38363	13086	51833	38606	13227
Мамадышский	39455	15819	23636	39577	15797	23780
Менделеевский	29994	22371	7623	30140	22456	7684
Нижнекамский	276801	254596	22205	276608	254405	22203
Тукаевский	52574	X	52574	51857	X	51857

Таблица 2

Соотношение численности мужчин и женщин по основным возрастным группам Набережночелнинской агломерации, в 2024 г. (городское и сельское население) [8]

Наименование территории	Удельный вес в общей численности, %		На 1000 мужчин приходится женщин			
			Всего	В том числе в возрасте		
	мужчины	женщины		моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
Всего по республике	46,7	53,3	1142	946	936	2271
Городские округа						
Набережные Челны	45,9	54,1	1180	948	979	2400
Муниципальные районы						
Елабужский	47,3	52,7	1116	933	927	2253
в т.ч. МО г. Елабуга	46,9	53,1	1132	926	955	2347
Заинский	47,4	52,6	1111	941	870	2160
в т.ч. МО г. Заинск	46,3	53,7	1159	941	953	2237
Мамадышский	48,6	51,4	1059	952	785	2202
Менделеевский	47,8	52,2	1092	944	862	2354
Нижнекамский	47,6	52,4	1101	911	900	2180
в т.ч. МО г. Нижнекамск	47,3	52,7	1114	911	922	2240
Тукаевский	50,3	49,7	986	937	780	1707

Соотношение численности мужчин и женщин выявило диспропорции, влияющие на брачность, рождаемость и трудовой потенциал. В целом по республике на 1000 мужчин приходится 1142 женщины. В городских округах, Набережные Челны, этот показатель несколько выше (1180), и отражает общероссийскую тенденцию феминизации населения, особенно в урбанизированных центрах. Дисбаланс по республике наблюдается в группе старше трудоспособного возраста, где на 1000 мужчин приходится 2271 женщина. В Набережных Челнах ситуация аналогична (2400 женщин). Хотя в трудоспособном возрасте соотношение близко к норме (около 900–950 женщин на 1000 мужчин), в группе старше трудоспособного возраста наблюдается критическое превышение женщин над мужчинами в Заинском (2160), Мамадышском (2202) и Менделеевском (2354) районах. Рекордсменом выступает Тукаевский район, где на 1000 мужчин старшего возраста приходится всего 1707 женщин, что, на первый взгляд, выглядит аномалией. Однако сам Тукаевский район выделяется соотношением 986 женщин на 1000 мужчин в общей численности населения. Общая тенденция для малых городов и районов состоит в сохранении высокой феминизации старшего поколения, что сопряжено с высокой демографической нагрузкой и требует развития соответствующей социальной инфраструктуры. Удельный вес мужчин (47,3–48,6 %) в большинстве районов спутниках выше, чем в ядре (45,9 %), что указывает на различие в миграционных процессах.

Выявленные диспропорции в соотношении мужчин и женщин находят свое отражение и в качественных характеристиках возрастного профиля исследуемых территорий. Динамика и структура возрастных групп населения представлена в таблице 3.

Таблица 3

Коэффициент демографической нагрузки Набережночелнинской агломерации на трудоспособное население (на начало 2024 г.) [8]

Наименование территории	Все население		
	На 1000 жителей трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособного	В том числе:	
		детей и подростков (0-15)	лиц старше трудоспособного возраста
Всего по республике	743,45	336,17	407,28
Городские округа			
Набережные Челны	735,41	339,52	395,90
Муниципальные районы			
Елабужский	703,05	331,98	371,07
в т.ч. МО г.Елабуга	679,52	331,92	347,60
Заинский	758,03	291,73	466,30
в т.ч. МО г.Заинск	744,35	319,21	425,15
Мамадышский	795,80	316,57	479,24
Менделеевский	724,81	329,46	395,35
Нижнекамский	736,74	329,56	407,18
в т.ч. МО г.Нижнекамск	729,87	339,15	390,71
Тукаевский	810,39	342,82	467,57

Согласно данным таблицы 3, средний показатель демографической нагрузки по республике составляет 743,45 чел. нетрудоспособного возраста на 1000 трудоспособных. В Набережных Челнах коэффициент немного ниже (735,41), что свидетельствует о высокой экономической эффективности и относительно молодой структуре ядра агломерации. Наибольшая нагрузка приходится на муниципальные районы, которые выступают в роли спутников. Тукаевский (810,39), Мамадышский (795,80) и Заинский (758,03) районы демонстрируют самые высокие коэффициенты. Изучение структуры нагрузки показывает, что в Набережных Челнах нагрузка на детей (339,52) и на лиц старше трудоспособного возраста (395,90) относительно сбалансированы. В районах с максимальной нагрузкой, например в Мамадышском и Заинском, доминирует нагрузка лицами старше трудоспособного возраста (479,24 и 466,30 соответственно). Анализ выявляет последствия миграционного оттока молодых трудоспособных граждан из малых городов в ядро агломерации, где возможности для заработка и развития воспринимаются как более привлекательные.

Далее анализируем инфраструктурные ограничения, которые во многом определяют социально-демографические дисбалансы (рис. 1).

Рис. 1. Оценка состояния инфраструктуры городского хозяйства Набережночелнинской агломерации в 2024 г., балл [15]

На рисунке 1 видно, что при общем уровне организационной зрелости в 4 балла и сумме баллов 25 система кажется достаточно развитой. Однако детальное рассмотрение отдельных показателей выявляет острые места, которые влияют на комфортность жизни, особенно в периферийных зонах.

Наиболее низкую оценку получили два показателя: транспортные средства (2 балла) и мониторинг и контроль оплаты проезда (2 балла). Низкий балл за состояние транспортных средств указывает на проблему физического износа подвижного состава, который используется для обслуживания маршрутов. Устаревание парка негативно сказывается на безопасности, регулярности и комфорте перевозок. Для жителей малых городов-спутников, которые вынуждены ежедневно пользоваться общественным транспортом для маятниковой миграции к местам работы в ядре, несовершенство подвижного состава является ежедневной проблемой. Низкий балл за мониторинг и контроль оплаты проезда, со своей стороны, указывает на неэффективность системы управления финансовыми потоками и сбора выручки, что в итоге ограничивает возможности для инвестиций в модернизацию того самого изношенного парка. Высокие оценки по таким показателям, как виды регулярных перевозок (5 баллов) и уровень топологической сложности (5 баллов), показывают, что сама по себе идея организации сети и разнообразие доступных видов транспорта (автобусы, трамваи) развиты на высоком уровне.

Чтобы проиллюстрировать проблему подвижного состава, важно изучить детали маршрутной сети и подвижного состава Набережночелнинской агломерации, представленные в таблице 4. Общее количество транспортных средств составляет 387 единиц, что обеспечивает показатель 55 транспортных средств на 100 000 жителей. Приемлемый коэффициент дублирования маршрута (0,19) и непрямолинейности (1,5) указывают на рациональное планирование маршрутов в ядре агломерации.

Однако серьезная проблема сосредоточена в распределении транспортных средств по классам. Доля автобусов составляет 82 % всего парка, при этом 71 % от общего количества автобусов приходится на малый класс. В условиях высокой маятниковой миграции из городов-спутников в Набережные Челны использование малого класса транспорта приводит к перегрузкам в часы пик, снижению комфорта пассажиров и частым нарушениям графика движения из-за невозможности оперативно принять всех желающих. Набережночелнинская агломерация не обладает достаточным резервом вместимости для эффективного обслуживания межмуниципальных и наиболее загруженных городских маршрутов.

Наконец, модель и состояние рынка перевозок, описанные в таблице 5, помогут понять причины, препятствующие решению инфраструктурных проблем.

Из данных таблицы 5 видно, что в Набережночелнинской агломерации доминируют маршруты, работающие по регулируемым тарифам (97 %), тогда как нерегулируемые тарифы занимают всего 3 %.

Таблица 4

Оценка конфигурации маршрутной сети и распределения транспортных средств Набережночелнинской агломерации [15]

Показатель	Единица измерения	Значение
1. Конфигурация маршрутной сети		
- Коэффициент непрямолинейности маршрута	%	1,5
- Коэффициент дублирования маршрута	%	0,19
- Средняя длина межостановочного перегона в маршрутах ядра агломерации	м	525
2. Распределение транспортных средств		
- Общее количество транспортных средств	единиц	387
- Количество транспортных средств на 100 000 жителей	единиц	55
- Доля трамваев	%	18
- Доля автобусов	%	82
в том числе по классам:		
- автобусы большого класса	%	2
- автобусы большого и среднего класса	%	9
- автобусы малого класса	%	71

Таблица 5

Оценка экономической модели и рынка перевозок в Набережночелнинской агломерации [8]

Показатель	Единица измерения	Значение
1. Экономическая модель перевозок		
Доля маршрутов регулярных перевозок в общем числе маршрутов по регулируемым тарифам	%	97
Доля маршрутов регулярных перевозок в общем числе маршрутов по нерегулируемым тарифам	%	3
2. Состояние рынка перевозок		
Количество перевозчиков	единиц	5
Среднее количество маршрутов, обслуживаемых одним перевозчиком	маршрутов	13
Доля маршрутов, обслуживаемых перевозчиками единолично	%	100
Доля маршрутов, обслуживаемых перевозчиками государственной или муниципальной формы собственности	%	18
Среднее количество транспортных средств на одного перевозчика	единиц	78

Рынок перевозок характеризуется участием пяти перевозчиков, которые в среднем обслуживают по 13 маршрутов каждый. Хотя среднее количество транспортных средств на одного перевозчика составляет 78 единиц, факт единоличного обслуживания маршрутов сигнализирует о фрагментации рынка и отсутствии механизмов консолидации для эффективного управления ресурсами и закупками нового транспорта. Доля маршрутов, обслуживаемых государственными или муниципальными перевозчиками, составляет 18 %, что говорит о значительной роли частного бизнеса (82 %) в сфере перевозок.

Для получения актуальных данных о восприятии населением выявленных социально-демографических и инфраструктурных проблем был проведен массовый опрос жителей, чье постоянное место жительства находится в малых городах-спутниках Набережночелнинской агломерации. Результаты проведенного опроса, обобщенные в таблице 6, демонстрируют социологический срез проблем, которые ранее были идентифицированы на основе статистических данных.

Таблица 6

Результаты массового опроса жителей малых городов-спутников Набережночелнинской агломерации (*N* = 400)

№	Вопрос и вариант ответа	Удельный вес ответов, %
1	Возраст респондентов	35–45 лет
2	Насколько Вы удовлетворены доступностью и удобством пользования социальными объектами (школы, больницы, спорткомплексы) и объектами торговли в пределах всей Набережночелнинской агломерации?	
	Удовлетворенность высокая (4–5 баллов)	28,0
	Неудовлетворенность (1–2 балла)	54,5
3	Считаете ли Вы, что границы агломерации расширили Ваши возможности для поиска работы (единый рынок труда)?	
	Да, расширили	56,0
	Нет, не изменили	32,0
4	Удовлетворены ли Вы тем, как организован общественный транспорт между Вашим городом/районом и Набережными Челнами (единая маршрутная сеть, пересадочные узлы)?	
	Удовлетворенность высокая (4–5 баллов)	19,5
	Неудовлетворенность (1–2 балла)	64,0
5	Замечаете ли Вы улучшение или координацию коммунальных услуг (водоснабжение, теплоснабжение, вывоз отходов) благодаря интеграции с другими районами агломерации?	
	Да, замечаю улучшение/координацию	15,0
	Нет, ситуация прежняя или хуже	75,0

Продолжение таблицы 6

№	Вопрос и вариант ответа	Удельный вес ответов, %
6	Считаете ли Вы, что условия для инвесторов в Вашем городе/районе стали привлекательнее благодаря координации с Набережными Челнами?	
	Да, стали привлекательнее	12,5
	Нет, изменений нет / Затрудняюсь ответить	71,0
7	Как Вы оцениваете уровень согласованности (координации) взимания местных налогов и сборов в разных муниципальных образованиях агломерации?	
	Согласованность высокая / Средняя	21,0
	Согласованность отсутствует / Не знаю	68,5
8	Ощущаете ли Вы, что строительство и развитие территории координируются по единым, согласованным правилам?	
	Да, ощущаю	16,5
	Нет, не ощущаю	66,0
9	Считаете ли Вы, что у жителей агломерации сформиро-вано единое информационное пространство (общие новости, общие электронные сервисы, публичность планов)?	
	Да, сформировано	27,0
	Нет, не сформировано	58,0
10	Влияет ли развитие агломерации на Ваш личный уровень жизни и возможности (карьера, образование, досуг) в положительную или отрицательную сторону?	
	В положительную сторону (4–5 баллов)	61,0
	В отрицательную сторону (1–2 балла)	39,0
11	Какую степень усталости Вы испытываете от ежедневных поездок в Набережные Челны и обратно (маятниковая миграция)?	
	Высокую или очень высокую (4–5 баллов)	69,0
	Низкую или среднюю (1–3 балла)	31,0
12	Беспокоит ли Вас тенденция строительства жилья вблизи промышленных зон и сокращение зеленых насаждений в Вашем городе/районе?	
	Да, беспокоит очень сильно	77,0
	Нет, не беспокоит	12,0
13	Как, по Вашему мнению, агломерационные процессы повлияли на экологическую обстановку (загрязненность воздуха, уровень шума) в Вашем населенном пункте?	
	Повлияли положительно	9,5
	Повлияли отрицательно	60,0
14	Согласны ли Вы, что приток населения в агломерацию привел к нехватке социальных объектов (школы, детские сады) и росту стоимости недвижимости?	
	Да, согласен	74,5
	Нет, не согласен	15,0
15	Считаете ли Вы, что развитие Набережночелнинской агломерации усиливает отток населения из районов, находящихся за ее пределами?	
	Да, усиливает	58,0
	Нет, не усиливает	23,0

Анализ данных опроса четко очерчивает основные проблемы, с которыми сталкиваются жители малых городов-спутников. Респонденты, средний возраст которых составляет 35–45 лет, то есть наиболее активная, трудоспособная часть населения, подтверждают наличие серьезных дисбалансов. Несмотря на высокую частоту маятниковой миграции, восприятие качества транспортной инфраструктуры остается крайне негативным. 64 % опрошенных не удовлетворены организацией общественного транспорта между своим городом/районом и Набережными Челнами (вопрос 4). Низкая оценка организации маршрутной сети и пересадочных узлов подтверждает необходимость срочной модернизации и унификации транспортной системы. 69 % респондентов испытывают высокую или очень высокую степень утомления от ежедневной маятниковой миграции (вопрос 11). Длительные и некомфортные поездки, вызванные размещением населения на обширной территории, являются прямым фактором снижения качества жизни и продуктивности.

Удовлетворенность доступностью социальных и торговых объектов в границах всей агломерации также невысока: 54,5 % выразили неудовлетворенность (вопрос 2). Хотя более половины опрошенных (56 %) признают, что агломерационные границы расширили возможности для поиска работы (вопрос 3), то есть рынок труда стал единым, отсутствие удобного и доступного транспорта обесценивает этот потенциал.

Вопросы, касающиеся координации муниципального управления, выявляют серьезные институциональные барьеры. Подавляющее большинство жителей (75 %) не замечают улучшения или координации коммунальных услуг благодаря интеграции (вопрос 5). Схожая ситуация наблюдается в оценке градостроительной координации, где 66 % не ощущают, что генпланы и правила застройки координируются по единым правилам (вопрос 8). Аналогично, 71 % респондентов либо не видит изменений в привлекательности условий для инвесторов, либо затрудняется оценить координацию (вопрос 6). Оценка согласованности местных налогов и сборов также показывает, что 68,5 % не видят координации или не осведомлены о ней (вопрос 7). Подобные результаты свидетельствуют о том, что управленческие механизмы агломерации функционируют неэффективно или являются непубличными, а также приводят к отсутствию доверия со стороны населения. Единое информационное пространство также не сформировано, о чем заявляют 58 % опрошенных (вопрос 9), что осложняет информирование граждан о планах развития.

Агломерационные процессы, с точки зрения жителей, приносят отрицательные социальные и экологические последствия. 39 % респондентов считают, что развитие агломерации отрицательно влияет на их личный уровень жизни и возможности (вопрос 10). Главными социальными проблемами, вызванными притоком населения, признаны нехватка социальных объектов (школы, детские сады) и рост стоимости недвижимости – с этим согласны 74,5 % (вопрос 14).

Экологические проблемы также вызывают сильное беспокойство. 60 % опрошенных считают, что агломерационные процессы отрицательно повлияли на экологическую обстановку, а 77 % серьезно обеспокоены строительством жилья вблизи промышленных зон и сокращением зеленых насаждений (вопросы 12, 13). Такая ситуация указывает на недостаточный экологический контроль и несоблюдение норм градостроительного проектирования в условиях ускоренного развития. Наконец, 58 % жителей полагают, что развитие Набережночелнинской агломерации усиливает отток населения из районов, находящихся за ее пределами (вопрос 15). Социологический опрос подтвердил проблемы «внутренней» миграции, при которой агломерация, концентрируя ресурсы, притягивает человеческий капитал из удаленной периферии.

Для наглядного представления на рисунке 2 указан разрыв между позитивным восприятием и уровнем неудовлетворенности населения социально-демографическими и инфраструктурными проблемам развития Набережночелнинской агломерации. На диаграмме сплошная линия отражает процент респондентов, давших положительную или удовлетворительную оценку (первый вариант ответа), а пунктирная линия – неудовлетворительную оценку (второй вариант ответа).

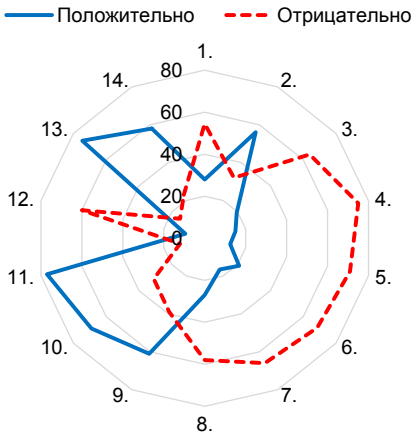

Рис. 2. Разрыв восприятия агломерационных процессов

Анализ подтверждает наличие диспропорций в развитии (оранжевая линия). Транспорт и коммунальная инфраструктура имеют наиболее острые «болевые точки». Институциональный дефицит резко доминирует в вопросах, касающихся координации управленческих процессов. Влияние на экологическую обстановку и обеспокоенность строительством жилья вблизи промышленных зон

показывает, что ускоренное развитие агломерации происходит за счет ухудшения качества среды обитания. Единственным крупным сегментом является оценка расширения возможностей для поиска работы, которая означает, что агломерация уже состоялась как единый рынок труда. Однако позитивный эффект нейтрализуется высокой усталостью от маятниковой миграции, необходимой для доступа к этим рабочим местам.

Социальные последствия подтверждают наличие проблем высокой обеспокоенности по сокращению зеленых насаждений и притоком населения, который вызвал нехватку социальных объектов и рост цен. В целом разрыв восприятия агломерационных процессов показывает, что, несмотря на функциональное объединение рынка труда, отсутствие видимой управленческой координации и критически низкое качество инфраструктуры (особенно транспорта и ЖКХ) формируют социальный дискомфорт.

Для количественного подтверждения выявленных диспропорций рассчитаем Индекс поляризации восприятия (ИПВ). Этот индекс показывает чистый перевес негативных оценок над позитивными [13]. Индекс поляризации восприятия (ИПВ) по каждому вопросу, рассчитан по формуле:

ИПВ = Удельный вес отрицательных ответов – Удельный вес положительных ответов (1)

Положительное значение ИПВ (ИПВ > 0) свидетельствует о преобладании неудовлетворенности и остроте проблемы. Отрицательное значение (ИПВ < 0) указывает на преобладание удовлетворенности или положительного восприятия. Ниже представлена таблица 7 с результатами расчета.

Анализ выявил ряд критических и экстремальных зон неудовлетворенности (ИПВ > +40,0), концентрирующихся вокруг проблем управления и инфраструктуры. В категории инфраструктурных и управленческих провалов самый высокий показатель зафиксирован по координации коммунальных услуг (ИПВ = +60,0), что свидетельствует о том, что жители абсолютно не видят и не ощущают заявленной интеграции в сфере ЖКХ. Схожим образом, высокий ИПВ по инвестиционным процедурам

Таблица 7

Индекс поляризации восприятия (ИПВ) социально-демографических и инфраструктурных проблем развития Набережночелнинской агломерации

Вопросы	Уд. вес положит. ответов (П), %	Уд. вес отриц. ответов (О), %	Индекс поляризации восприятия (ИПВ = О – П)	Уровень поляризации (Интерпретация)
Доступность социальных и торговых объектов	28,0	54,5	+26,5	Высокая неудовлетворенность
Формирование единого рынка труда	56,0	32,0	-24,0	Преобладание позитивного восприятия
Организация пассажирского транспорта (маршруты)	19,5	64,0	+44,5	Критическая неудовлетворенность
Координация коммунальных услуг	15,0	75,0	+60,0	Экстремальная неудовлетворенность
Координация систем разрешительных процедур (Инвестиции)	12,5	71,0	+58,5	Экстремальная неудовлетворенность
Координация систем налогообложения (Местные налоги)	21,0	68,5	+47,5	Критическая неудовлетворенность
Координация систем градорегулирования (Генпланы)	16,5	66,0	+49,5	Критическая неудовлетворенность
Формирование единого информационного пространства	27,0	58,0	+31,0	Высокая неудовлетворенность
Влияние агломерации на личный уровень жизни	61,0	39,0	-22,0	Преобладание позитивного восприятия
Усталость от маятниковой миграции	31,0	69,0	+38,0	Высокая неудовлетворенность (Усталость)
Строительство вблизи промзон и сокращение зел. насаждений	12,0	77,0	+65,0	Экстремальная обеспокоенность
Влияние агломерации на экологическую обстановку	9,5	60,0	+50,5	Критическая неудовлетворенность
Нехватка соц. объектов и рост стоимости недвижимости	15,0	74,5	+59,5	Экстремальная обеспокоенность
Отток населения из районов за пределами агломерации	23,0	58,0	+35,0	Высокая неудовлетворенность (Консенсус проблемы)

(ИПВ = +58,5) демонстрирует полное отсутствие публичного эффекта от координации систем для инвесторов. Кроме того, нехватка социальных объектов и рост цен (ИПВ = +59,5) отражает болезненный социальный консенсус о негативных последствиях стихийного притока населения. Что касается территориального развития, высокий ИПВ в сферах экологии (ИПВ = +50,5) и градорегулирования (ИПВ = +49,5) показывает, что нерегулируемое расширение территории и уплотнение застройки воспринимаются как прямая угроза качеству жизни и окружающей среде. В категории транспортного коллапса организация пассажирского транспорта (ИПВ = +44,5) получила критически высокий индекс, подтверждая, что транспортная проблема является системным барьером для развития агломерации. Как социальное следствие плохой транспортной координации, усталость от маятниковой миграции (ИПВ = +38,0) также является высоким показателем, отражающим значительное снижение качества жизни активного населения. При этом выявлены и зоны относительного успеха (ИПВ < 0), где зафиксировано преобладание позитивного восприятия. Формирование единого рынка труда (ИПВ = -24,0) является главным позитивным фактором, поскольку жители признают расширение доступа к рабочим местам. Также, несмотря на все проблемы, значительная часть респондентов положительно оценивает влияние агломерации на личный уровень жизни (ИПВ = -22,0), связывая свое развитие (образование, карьера) с возможностями, предоставляемыми близостью к ядру.

Таким образом, расчет ИПВ объективно выделил управленческую и коммунальную координацию (ИПВ +60) и транспортную доступность (ИПВ +45) как наиболее критические проблемы, требующие первоочередного решения для сбалансированного развития Набережночелнинской агломерации.

Результаты, полученные в ходе социологического и статистического анализа, выявили проблемы малых городов-спутников Набережночелнинской агломерации, демонстрируя разрыв между функциональной интеграцией и стратегическим управлением территорией. Демографическая ситуация, по статистическим данным, показывает, что агломерация продолжает концентрировать человеческий капитал, в то время как периферийные районы, такие как Заинский, Мамадышский и Тукаевский, демонстрируют устойчивый отток молодежи и, как следствие, критически высокую демографическую нагрузку на старшее поколение. В этих районах нагрузка лицами старше трудоспособного возраста достигает экстремальных значений (например, 479,24 в Мамадышском районе на 1000 трудоспособных), что, согласно исследованиям, является прямым индикатором старения периферии и ослабления ее потенциала воспроизводства рабочей силы [8]. Молодое трудоспособное население вынуждено ежедневно совершать маятниковую миграцию, поскольку именно в ядре агломерации сосредоточены основные экономические возможности, которые подтверждаются положительным, хотя и нейтрализованным, восприятием единого рынка труда. Статистический анализ транспортного парка объясняет причины этой неудовлетворенности тем, что подавляющее доминирование автобусов малого класса в условиях высокой загруженности маршрутов приводит к перегрузкам, снижению комфорта и нарушению графиков [12].

Второй, не менее острый блок проблем – институциональный дефицит в сфере управления, где ИПВ достигает экстремальных значений. В отсутствие такой координации ускоренное развитие агломерации приводит к тяжелым социально-экологическим последствиям. Экстремальный ИПВ зафиксирован по обеспокоенности строительством жилья вблизи промзон и нехватке социальных объектов на фоне роста цен. Результаты опроса показывают, что нерегулируемый приток населения и уплотнение застройки происходят за счет ухудшения качества среды обитания и не сопровождаются адекватным развитием социальной инфраструктуры, что является общей проблемой для быстрорастущих агломераций.

Устранение проблем Набережночелнинской агломерации должно основываться на переходе от функциональной интеграции к управляемой, стратегической агломерации. Рекомендации по устранению выявленных проблем:

1. Модернизация транспортной системы. Необходимо провести полную ревизию транспортного парка, заменив автобусы малого класса на большой и средний класс подвижного состава на межмуниципальных маршрутах, связывающих спутники с ядром. Следует создать единую диспетчерскую службу и внедрить унифицированную электронную систему оплаты проезда и мониторинга, которая обеспечит прозрачность финансовых потоков и повысит инвестиционную привлекательность рынка. Для стимулирования конкуренции и качества обслуживания необходимо реструктурировать рынок перевозок, исключив стопроцентное единоличное обслуживание маршрутов одним перевозчиком. Необходим переход от фрагментарного управления транспортными потоками к разработке эффективной транспортной сетки, ориентированной на минимизацию времени в пути между основными точками и повышение доступности рабочих мест и социальных объектов. Основным этапом станет привлечение экспертов и специалистов, чтобы разработать скоростные маршруты (экспресс-сеть), маршрутизацию экспресс-маршрутов, связывающих крупные центры агломерации (Набережные Челны – Нижнекамск и Набережные Челны – Елабуга) с минимальным количеством промежуточных остановок. Для

обеспечения высокой скорости и эффективности, предлагаются решения по организации движения, применение транспорта повышенной вместимости (большой/средний класс) и создание приоритетных проездов на ключевых участках (например, использование автобусных полос или реорганизация светофорного регулирования). Важно предусмотреть организацию транспортно-пересадочных узлов (ТПУ) на въездах в ядро для эффективной интеграции экспресс-маршрутов с внутригородским транспортом. При этом необходимо обеспечить взаимосвязь с рабочими местами и туризмом, гарантируя удобный доступ к основным промышленным зонам и, в случае Елабуги, к туристическим объектам.

Наконец, в рамках интеграции и мультимодальности, необходимо разработать механизмы внедрения единой системы оплаты для скоростных маршрутов. Важно изучить возможность использования существующей или создания новой пригородной железнодорожной инфраструктуры (например, городская электричка или регулярные рельсовые автобусы) как наиболее скоростного вида транспорта на большие расстояния.

Реализация данной меры приведет к сокращению среднего времени в пути между Челнами, Нижнекамском и Елабугой, существенно повысит привлекательность жизни в городах-спутниках и будет стимулировать локальное развитие, помогая сбалансировать рынки труда и снизить чрезмерную нагрузку на ядро агломерации – Набережные Челны. Дополнительный экологический эффект будет достигнут за счет переключения части маятниковых мигрантов с личного транспорта на эффективный и скоростной общественный.

2. Укрепление институционального управления. Для устранения дефицита координации следует создать постоянно действующий и наделенный реальными полномочиями Межмуниципальный координационный совет (МКС) с участием глав всех районов и Набережных Челнов. Обязательным требованием должна стать публикация планов и отчетов о согласованности действий в сфере ЖКХ, градостроительства и налоговой политики. Необходимо разработать и внедрить единые стандарты муниципальных услуг и градостроительных регламентов для всей территории агломерации. Стратегия развития Набережночелнинской агломерации требует целенаправленного стимулирования локального развития и создания рабочих мест непосредственно в малых городах-спутниках для снижения чрезмерной маятниковой нагрузки на Набережные Челны и обеспечения сбалансированного экономического роста всей территории агломерации.

Массовое ежедневное перемещение трудовых ресурсов в ядро (маятниковая миграция) создает колоссальное напряжение на транспортную, социальную и инженерную инфраструктуру Набережных Челнов. Развивая рабочие места локально, можно сократить количество ежедневных поездок, снизить пробки, уменьшить износ дорожной сети и оказать положительный экологический эффект, сокращая выбросы. Этот подход способствует многополярному развитию, где каждый город-спутник становится не просто «спальным районом», а полноценным центром экономической активности. В Нижнекамске и Елабуге необходимо использовать их существующий потенциал для дальнейшего привлечения инвестиций и диверсификации экономики. При этом Елабуга требует особого внимания, так как помимо промышленного развития, следует подчеркивать и развивать её уникальную роль как туристического и историко-культурного центра. Создание новых рабочих мест в сфере услуг, гостиничном бизнесе и ремеслах, связанных с туризмом, будет способствовать экономическому росту и сохранению культурного наследия.

Целенаправленная политика по развитию локальных рабочих мест обеспечивает равномерное распределение капитала и возможностей, делает жизнь на периферии комфортной и привлекательной, снижает социальное напряжение, связанное с длительными поездками, и способствует созданию устойчивой, сбалансированной и конкурентоспособной агломерации в целом.

3. Снижение социально-экологической нагрузки. Решение проблемы высокой обеспокоенности строительством должно включать мораторий на уплотнительную застройку вблизи промышленных зон и обязательное внедрение единого зеленого каркаса агломерации. Инвестиции в социальную инфраструктуру (детские сады, школы) должны быть приоритетно направлены в малые города-спутники, чтобы сбалансировать миграционные потоки и снизить маятниковую нагрузку на ядро, делая жизнь на периферии более комфортной и привлекательной. Необходимо привлечь внимание администрации, крупных предприятий, их профкомов, районных администраций, чтобы создать постоянно действующую рабочую группу по этому вопросу с реальными полномочиями по мониторингу, согласованию экологических программ и контролю выбросов, устанавливая четкие цели по снижению воздействия на окружающую среду.

Проведенное исследование выявило, что развитие Набережночелнинской агломерации носит противоречивый характер. С одной стороны, наблюдается успешная функциональная интеграция в сфере рынка труда, что является позитивным достижением, поскольку значительная часть жителей ощущает расширение возможностей для карьеры и образования. С другой стороны, эта функциональная успешность полностью нивелируется системными провалами в сфере инфраструктурного и институционального обеспечения. Индекс поляризации

восприятия недвусмысленно указал на две наиболее острые болевые точки: критическую неудовлетворенность общественным транспортом и полное отсутствие ощутимой координации в управлении коммунальными и градостроительными процессами. Агломерационные процессы, вместо повышения качества жизни, вызывают социальный дискомфорт, выражающийся в усталости от маятниковой миграции, обострении экологических проблем и дефиците социальной инфраструктуры. Управленческие механизмы агломерации остаются непубличными и неэффективными, провоцируя недоверие со стороны населения. Для реализации полного потенциала Набережночелнинской агломерации необходимо пересмотреть стратегию развития, сделав акцент на скорейшей модернизации транспортной системы и формировании реальных, публичных и работающих механизмов межмуниципального управления.

Литература:

1. Кузьмина Л.Р. Сущность и роль малых и средних городов в системе территориально-отраслевой организации страны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2016. № 16 (237). С. 16–23.
2. Антонова М.А., Хусяинова Д.Р., Воронова Е.И. Малые города России: проблемы и пути решения // Вестник Академии знаний. 2025. № 2(67). С. 84–88.
3. Колоскова А.А. Проблемы и перспективы формирования агломераций на территории Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10-1. С. 34–40.
4. Дембич А.А., Закирова Ю.А. Проблемы пространственного планирования г. Набережные Челны в постсоветский период // Вестник МГСУ. 2020. № 5. С. 641–654.
5. Маркин В.В., Воронов В.В., Пешкова В.М. Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. С. 271–286.
6. Иваненко Л.В. Проблемы развития малых городов. Инновационные подходы к менеджменту // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2021. № 2 (36). С. 55–62.
7. Иродова Е.Е. Социально-экономическое положение малых городов: проблемы и перспективы развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2018. № 4 (38). С. 14–19.
8. Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2024 г.: Стат. сборник. Казань: Татарстанстат, 2024. 142 с.
9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. Население. URL: https://16.rosstat.gov.ru/naselenie
10. Смирнов О.О., Безвербный В.А. Потенциал развития секторов экономики малых городов России: современные тенденции // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 62–74. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74.
11. Медяник Ю.В. Тенденции социально-экономического развития малых и средних городов (на примере города Лениногорска Республики Татарстан) // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 10. С. 2489–2504. DOI: 10.18334/epp.10.10.111072.
12. Борисова К.В., Беляев М.К. Развитие малых городов сквозь призму городизации, комфортизации и корпоративизации хозяйства // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. № 4 (68). URL: https://eee-region.ru/article/6815/ (дата обращения: 12.05.2023).
13. Ускова Т.В., Секушева И.А. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 56–70. DOI: 10.15838/ esc.2021.1.73.5.
14. Уфимцева Е.В., Волчкова И.В., Данилова М.Н., Шадейко Н.Р., Подопригора Ю.В., Селиверстов А.А. Формирование системы показателей оценки комплексного развития городской инфраструктуры // Вопросы управления. 2016. № 3 (21). С. 81–91.
15. ЦЭИ. Оценка состояния общественного транспорта в Набережночелнинской агломерации. URL: https://gorod.infraeconomy.com/naberezhnochelninskaya
16. Роговая А.В. Проблемы развития малых городов России: практика реализации региональных стратегий // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4.
17. Черныш М.Ф., Маркин В.В. Социокультурный потенциал малых городов России: сборник статей / ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин // ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. 212 с.

Socio-Demographic and Infrastructural Problems of Small Satellite Towns of the Naberezhny Chelnya Agglomeration: a Sociological Analysis

Khamitov D.D.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the study is due to the processes of urbanization and the formation of urban agglomerations in Russia, where small satellite cities face serious socio-demographic and infrastructural problems. Of particular importance is the study of the development of the Naberezhnye Chelny agglomeration as one of the most dynamically developing territorial clusters of the Republic of Tatarstan.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of socio-demographic imbalances and infrastructural constraints in small satellite towns of the Naberezhnye Chelny agglomeration, identification of key problems and development of recommendations for their solution.

The scientific novelty lies in the application of sociological analysis to assess integration processes in an agglomeration, identify critical points in the development of small satellite towns and develop mechanisms to overcome them.

The research methodology includes quantitative and qualitative methods: statistical analysis of demographic indicators, a sociological survey of 400 respondents, and the calculation of the perception polarization index.

The main results of the study showed: critical demographic polarization with a high burden factor for the elderly (up to 479.24 per 1,000 able-bodied people); massive outflow of the young able-bodied population; serious problems of transport infrastructure (64 % dissatisfaction with public transport); high level of population fatigue from pendulum migration (69 %); lack of coordination in the field of municipal and urban planning management (66–75 %).

The practical significance of the work consists in developing specific recommendations for the modernization of the transport system, strengthening institutional management and reducing the socio-environmental burden in small satellite towns.

The study demonstrates that the lack of effective management integration and the poor quality of the basic infrastructure create social discomfort, undermining residents' confidence in the concept of agglomeration development.

Keywords: agglomeration, satellite town, Naberezhnye Chelny agglomeration, socio-demographic issues, transport infrastructure, migration, demographic load, sociological survey

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-355-358

Когнитивная парадигма социального управления в цифровом обществе

Щекотин Евгений Викторович
Кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии, истории и права
Сибирского государственного университета
водного транспорта (Новосибирск)

Актуальность исследования обусловлена появлением новых управленческих подходов, обусловленных процессом цифровой трансформации общества. В этой связи актуальной задачей является исследование возможностей применения управленческих подходов, основанных на цифровых технологиях, таких как управление на основе данных, в социальном управлении. Цель научного исследования – обоснование применения управления на основе данных в социальном управлении. Научная новизна исследования заключается в уточнении понятия «управление на основе данных». Научная значимость состоит в рассмотрении управления на основе данных и доказательного подхода в рамках когнитивной парадигмы социального управления.

Ключевые слова: *социальное управление, управление на основе данных, доказательный подход, цифровая трансформация, цифровое общество, когнитивный подход*

Для цитирования: *Щекотин Е.В. Когнитивная парадигма социального управления в цифровом обществе // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 355–358. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-355-358.*

Стремительное вторжение цифровых технологий в повседневную жизнь людей закономерно отражается и в области управления. Зонтичный термин «цифровая трансформация», который приобрел огромную популярность в последние 10 лет достаточно точно отражает ориентацию современной теории и практики управления на внедрение различных цифровых технологий в деятельность самых разных организаций. Государство и бизнес на разных уровнях стремятся использовать выгоды, которые несет с собой цифровизация общества и жизни человека в целом. Проявлением этого стремления является формирование такого управленческого подхода, как управление на основе данных (*data-driven decision making*), который получает все более широкое распространение. В данной статье будет рассмотрена возможность использования этого подхода в социальном управлении, а также его сущность.

В целом можно отметить, что само понятие «управление на основе данных», так же как и понятие «цифровая трансформация», в настоящее время сложно назвать теоретически проработанными подходами, скорее, это набор конкретных практик и решений на основе цифровых технологий, применение которых позволяет организациям более эффективно достигать своих целей. Самое простое определение управления на основе данных «включает в себя сбор, анализ и интерпретацию данных для обоснования бизнес-решений» [1]. Однако закономерно возникает вопрос: разве не любое управление нуждается в информационном обеспечении и не предполагает анализ и интерпретацию собранной информации для принятия обоснованных управленческих решений?

Как представляется, здесь скрывается более глубокое различие, которое нечасто артикулируется в явном виде. Управление на основе данных обычно противопоставляется управлению, которое опирает-

ся на опыт и интуицию. Опыт и интуиция играют решающую роль в ситуации, когда управленческое решение необходимо принимать в условиях недостатка данных и информации, что, соответственно, затрудняет прогнозирование дальнейших событий.

Здесь нужно сделать небольшое отступление и обсудить различие между информацией и данными. В русском языке это различие менее заметно в сравнении с английским. В англоязычной литературе данные (*data*) обозначают сырые, неструктурированные и неупорядоченные разрозненные факты, информация же (*information*) – это данные, которые были обработаны, структурированы и проанализированы [2]. Таким образом, если рассматривать принятие решения как структурированный процесс, то это последовательные этапы, которые приводят к определенному решению.

В доцифровую эру основным источником данных в управлении служили органы чувств человека. Однако в силу определенной ограниченности нашего разума из этих данных можно извлечь достаточно ограниченный объем информации для принятия решений. Поэтому всегда сохраняется опасность, что какие-то важные параметры ситуации остались неизвестными и, соответственно, не были учтены. Таким образом, недоступность полной информации традиционно являлась одним из ключевых факторов, ограничивающих принятие эффективных решений.

Однако с наступлением эпохи цифровизации, по мере того как жизнь людей все больше переходит в онлайн-мир, этот фактор становится все менее критичным. Более существенным становится вопрос, как работать с потоком данных, которые генерируют люди и технические устройства, как извлекать из этого потока полезную информацию. Использование искусственного интеллекта значительно облегчает процесс извлечения информации из массивов «сырых» данных.

Как нам представляется, суть управления на основе данных – это организация извлечения полезной информации из разнообразных потоков данных, которые доступны современной организации, и использование этой информации для принятия управленческих решений. Как показывают исследования, управление на основе данных способствует повышению качества принимаемых решений [3]. Безусловно, этот подход не является универсальным лекарством от всех организационных проблем, он имеет ряд существенных недостатков, самым серьезным из которых является низкое качество данных.

Нужно подчеркнуть, что управление на основе данных является инновацией в первую очередь для социального управления. Для управления техническими устройствами этот подход является совершенно обычной практикой. Автоматизированные системы управления сегодня широко используются в самых различных устройствах и приборах. Цифровизация общества создает соблазн перенести принципы и решения, работающие в технических устройствах, на различные социальные объекты.

В этом отношении управление на основе данных тесно связано с другим подходом, который получил широкое распространение в последние тридцать лет – с доказательным подходом (*evidence-based approach*). Доказательный подход сформировался в медицине и сегодня очень широко используется в социальной сфере, получив наименование доказательной политики или доказательной практики. Дж. Барон выделяет два ключевых элемента доказательной политики: 1) применение строгих методов исследований, в частности рандомизированных контролируемых испытаний, для сбора достоверных доказательств о том, «что работает» для улучшения условий жизни людей; и 2) использование таких доказательств, чтобы направлять государственные и частные ресурсы на программы, практики и методы лечения, доказавших свою эффективность [4, с. 41].

Доказательный подход также используется в современном менеджменте (*evidence-based management*), хотя и подвергается вполне обоснованной критике в том, что касается практики применения в деятельности конкретных организаций [5]. Применение доказательного подхода в деятельности организации опирается на следующие практики: систематическое накопление и анализ организационных данных; изучение и обсуждение научных исследований, направленные на решение конкретных проблем организации; принятие решений на основе наилучшей доступной исследовательской и организационной информации.

Резюмирую краткий обзор, можно заключить, что управление на основе данных и доказательный подход в социальном управлении являются двумя разновидностями управленческого подхода, который нацелен на принятие решений, имеющих строгое и четкое обоснование. Различие заключается в том, что в рамках доказательного подхода обоснованием служит эксперимент на основе рандомизированных контролируемых испытаний, в случае же управления на основе данных функцию обоснования выполняют большие массивы данных, которые могут использоваться для построения предсказательных моделей.

Теперь обратимся к понятию социального управления. Под социальным управлением в широком смысле слова будем понимать «управление всеми и любыми общественными процессами в отличие от управления в биологических и технических системах» [6, с. 537]. В социологии выделяется четыре основных подхода к управлению – системный, синергетический, феноменологический и когнитивный [7]. В рамках данной статьи не будем обсуждать специфику каждого из указанных подходов в связи с ограниченным объемом статьи.

Несколько подробнее остановимся на когнитивном подходе, так как управление на основе данных является одной из форм реализации этого подхода на практике. Когнитивный подход акцентирует внимание на внедрении различных форм знания в практику управления организацией. «Под знаниями (т.е. знаниями организации) понимается совокупность профессиональных навыков сотрудников и информации, которая доступна организации (в любой форме – знания в голове человека или иная информация) и которая может быть использована (применена) сотрудниками в процессе выполнения своих ежедневных операций ради достижения бизнес-целей организации» [8, с. 21].

В предыдущих работах автор, обсуждая когнитивный подход в социальном управлении и не будучи еще знакомым с концепцией управления на основе данных, в качестве примера практической реализации этого подхода приводил использование экспертного и научного знания в деятельности организации. Спустя десять лет этот перечень форм знания, доступного организации, можно дополнить знаниями, извлеченными из данных, которые находятся внутри и вне организации.

В начале статьи мы акцентировали внимание на необходимости различения данных и информации. В контексте социального управления это различие необходимо дополнить еще одним различением – информации и знания. Так, например, Ч. Цинс отмечает, что информация – это определенный тип знания, который связан с эмпирическим опытом. Если данные, как мы выше отмечали, – это набор отдельных сигналов и фактов, информация – это данные, которые были проанализированы и из которых извлечены полезные сведения, то знания – это мысли (или смыслы), которые присутствуют в разуме человека и которые представляют то, во что мы верим [9].

Строго говоря, информация далеко не всегда является знанием, так как идеи и мысли, существующие в разуме человека, не всегда соотносятся с получаемой информацией. Ч. Цинс приводит достаточно убедительную иллюстрацию предложенного различения: шум работающего двигателя автомобиля является данными, информацией в этом случае будет понимание того, что двигатель запущен и автомобиль движется. От себя добавим, что для опытного водителя из этого шума можно извлечь информацию о состоянии двигателя. Знанием же здесь будет наше представление о том, что мы можем управлять этим движением, переключая соответствующие рычаги и педали.

Социальное управление в таком контексте предстает как управление знаниями в указанном выше смысле – как набора некоторых утверждений, в реальность которых мы верим. Информация и знания могут быть когерентными друг другу, когда на основе извлеченной из данных информации мы формируем стойкую убежденность в правильности тех или иных утверждений. Это можно назвать опытом. Но информация может и не согласовываться с нашими знаниями в ситуации принятия управленческого решения – это крайне важный момент. В цифровом обществе, используя аналитику, искусственный интеллект и управление на основе данных, мы делегируем функцию принятия такого решения определенному алгоритму, который свободен от знаний в рассмотренном выше смысле.

В случае социального управления, когда объектом управления выступают предельно сложные сущности – социальные объекты, ключевым вопросом является сбор данных, из которых можно получить информацию. Дефицит информации о социальных объектах всегда был наиболее серьезным препятствием в социальном управлении. С развитием разнообразных цифровых платформ, которые концентрируют данные о поведении людей, эта проблема кажется практически решенной.

Литература:

1. What Is Data Driven Decision Making? // Quantive. 2025. URL: https://quantive.com/resources/articles/data-driven-decision-making#what-is-data-driven-decision-making? (дата обращения: 26.09.2025).
2. Data vs. Information // Diffen. 2025. URL: https://www.diffen.com/difference/Data_vs_Information (дата обращения: 26.09.2025).
3. Korherr P., Kanbach D.K., Kraus S., Mikalef P. From intuitive to data-driven decision-making in digital transformation: A framework of prevalent managerial archetypes // Digital Business. 2022. № 2(2). P. 100045.
4. Baron J. A Brief History of Evidence-Based Policy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2018. № 678(1). P. 40–50.
5. Martelli P.F., Hayirli T.C. Three perspectives on evidence-based management: rank, fit, variety // Management Decision. 2018. № 56(10). P. 2085–2100.

6. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 608 с.
7. Щекотин Е.В. Социальное управление в турбулентном обществе: вопросы безопасности и риска // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 87–92.
8. Управление знаниями. Теория и практика: учебник / Под ред. А.И. Уринцова. М.: Изд-во Юрайт. 2014. 255 с.
9. Zins Ch. Conceptual Approaches for Defining Data, Information, and Knowledge // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2007. № 58(4). P. 479–493.

The Cognitive Paradigm of Social Management in a Digital Society

Shchekotin E.V.
Siberian State University of Water Transport (Novosibirsk)

The relevance of the research is due to the emergence of new management approaches due to the process of digital transformation of society. In this regard, an urgent task is to explore the possibilities of applying management approaches based on digital technologies, such as data-driven decision making, in social management. The purpose of the research is to substantiate the application of data-driven decision making in social management. The scientific novelty of the research lies in clarifying the concept of "data-based decision making". The scientific significance lies in the consideration of data-driven management and an evidence-based approach within the framework of the cognitive paradigm of social management.

Keywords: social management, data-driven decision making, evidence-based approach, digital transformation, digital society, cognitive approach

УДК 658
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-359-365

Административные и экономические факторы экономической безопасности предприятий теплоэнергетики

Варакин Игорь Николаевич
Аспирант факультета управления, экономики и права
Института социальных и гуманитарных знаний (Казань)

Актуальность статьи обусловлена необходимостью активного использования рычагов государственной поддержки предприятий теплоэнергетической отрасли, так как данная отрасль находится под жестким контролем и регулированием со стороны государства.

Цель статьи – выявление административных и экономических методов государственной поддержки предприятий теплоэнергетики для разработки рекомендаций по применению этих методов с целью повышения экономической безопасности предприятия.

Выявлены административные и экономические рычаги государственного регулирования деятельности производителей тепловой энергии. Проведена их группировка по различным критериям. Показана связь между методами регулирования и критериями экономической безопасности предприятия. Проведен анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации, показано их значение для активизации процессов роста эффективности энергопотребления на предприятиях теплоэнергетики.

Ценность проведенного исследования заключается в выявлении связи между отдельными рычагами административного и экономического регулирования и критериями экономической безопасности предприятия.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, административные рычаги, экономические рычаги, государственное регулирование, нормативно-правовая база, критерии безопасности*

Для цитирования: *Варакин И.Н. Административные и экономические факторы экономической безопасности предприятий теплоэнергетики // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 359–365. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-359-365.*

Важным элементом анализа состояния дел в теплоэнергетической отрасли является исследование административных и экономических рычагов через призму нормативно-правовой базы в области энергетики, энергосбережения и повышения энергетической безопасности. Это обусловлено тем, что внедрение мероприятий по росту экономической безопасности предполагает высокие требования к квалификации исполнителей, понимание сложности и комплексности проблем энергосбережения, а также необходимость комплексного рассмотрения ситуации с различных сторон.

Вопросам государственного регулирования деятельности предприятий теплоэнергетической отрасли посвящены труды большого числа исследователей, в частности С.Н. Зайковой [1], Т.В. Усковой [2], О.Ю. Кирилловой [3]. Технические вопросы обоснования критериев энергоэффективности объектов представлены в труде Е.Е. Можаева [4].

Целесообразным представляется выявление методов административного и экономического регулирования деятельности теплоэнергетической отрасли, оказывающих влияние на экономическую безопасность предприятий.

Для оценки экономической безопасности предприятия нами были определены четыре области – надёжность, результативность, открытость и экономичность. Каждая из областей экономической безопасности включает в себя комплекс критериев, более детально раскрывающих содержание конкретной области. Оценка критериев осуществляется через ряд конкретных частных целевых показателей, применение которых позволяет повысить технологичность оценки, мониторинга и управления экономической безопасностью предприятий теплоэнергетики.

Достижение данных показателей требует грамотного понимания и использования методов административного и экономического регулирования предприятий теплоэнергетики, так как эти методы оказывают существенное влияние на экономическую безопасность предприятий.

Нами выявлены методы административного и экономического регулирования предприятий теплоэнергетики и показано их влияние на целевые показатели экономической безопасности (рис. 1).

Во многих случаях энергоснабжающие организации могут рассматривать рынок энергосбережения как очень доходный вид деятельности, который может принести дополнительные финансы для самой энергоснабжающей организации, а также обеспечить взаимовыгодное сотрудничество между потребителями и производителями.

В связи с этим целесообразно выявить экономические рычаги, заложенные в нормативных правовых актах в области повышения энергетической эффективности и энергосбережения.

В 2018 г. распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.04.2018 № 703-р был утвержден Комплексный план мероприятий по повышению энергетической эффективности экономики Российской Федерации [5]. В соответствии с данным планом предусмотрено заключение 2000 энергосервисных контрактов в бюджетных организациях к 2030 г.

Выгода от энергосервисных контрактов заключается в системном снижении потребления ресурсов и оптимизации затрат.

Для заказчика ключевыми преимуществами являются:

1. Отсутствие капитальных вложений. Энергосервисная компания реализует мероприятия по повышению энергоэффективности за счет собственных или заемных средств.

2. Снижение операционных расходов. Сокращение физического потребления электроэнергии, топлива и воды обеспечивает прямую экономию бюджета потребителя.

3. Переход оборудования в собственность. По истечении срока действия контракта модернизированные объекты остаются у заказчика.

Для энергосервисной компании доход формируется за счет части достигнутой экономии, что позволяет окупить инвестиции и получить прибыль. Данная модель позволяет теплоснабжающим организациям рассматривать рынок энергосервисных контрактов как дополнительный источник доходов. Это направление особенно привлекательно благодаря наличию у их специалистов глубоких компетенций и практических навыков в области энергосберегающих технологий.

Общая стоимость заключенных в 2022 г. энергосервисных контрактов составила 17,4 млрд руб. На динамику показателя суммарной стоимости энергосервисных контрактов су-

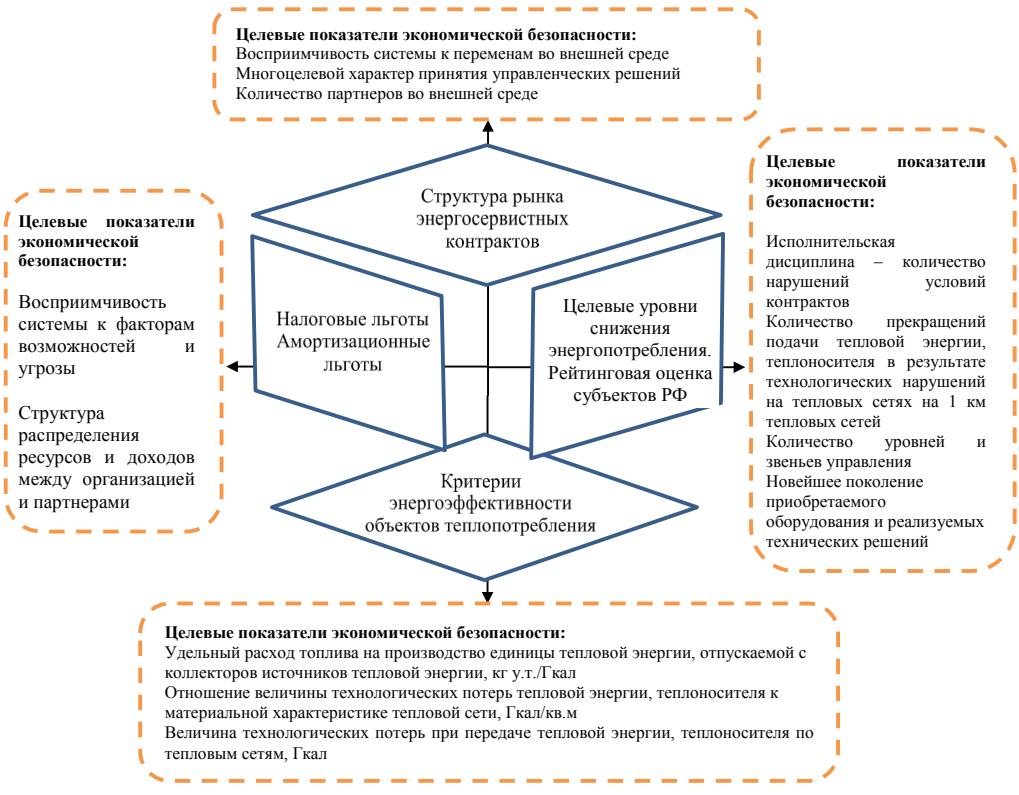

Рис. 1. Административные и экономические рычаги в сфере экономической безопасности предприятий теплоэнергетики

щественное влияние оказывает соотношение контрактов разных ценовых сегментов. Наибольший рост стоимостного объема энергосервисного рынка отмечен в 2018 г. и в 2021 г. за счет количества заключенных дорогостоящих контрактов в сегменте более 100 млн руб. [6].

В 2022 г. количество таких контрактов значительно снизилось (на 60 %) и составило 14 ед. (в 2021 г. – 35 энергосервисных контрактов стоимостью более 100 млн руб.), что привело к снижению общего объема рынка на 69,6 %, с 57,5 млрд руб. до 17,4 млрд руб.

В сегменте контрактов стоимостью менее 100 млн руб. по итогам 2022 г. наблюдается широкий охват различных отраслей: контракты заключались в бюджетной сфере (82,6 %), в коммунальном хозяйстве (0,7 %), на объектах уличного освещения (15,4 %), в электроэнергетике (0,7 %), в транспортной отрасли (0,2 %) и в пожарно-спасательной отрасли (0,4 %).

Данный факт подтверждает целесообразность развития компетенций энергоснабжающих организаций в области повышения энергоэффективности бюджетного сектора, а также освоения сегмента уличного освещения.

Об этом также свидетельствует структура распределения контрактов стоимостью свыше 100 млн руб., где доли электроэнергетики и систем уличного освещения составили 42,9 % каждая (рис. 2).

Интересным трендом является развитие энергосервисных проектов по установке систем автоматизации планирования, мониторинга, оптимизации процессов потребления энергии на основе искусственного интеллекта и цифровых двойников. Так, в 2022 г. было заключено 25 контрактов стоимостью 24,9 млн руб.

Рассматривая энергосервисные контракты, важно оценить их по разным критериям, например количеству контрактов и стоимости контрактов. По числу реализованных проектов лидирует направление, связанное с повышением эффективности использования электрической энергии при внутреннем освещении (154 контракта), второе место занимают контракты по системам отопления зданий (125 контрактов), число контрактов по уличному освещению составляет 86, число контрактов по внутреннему и наружному освещению равно 106 (табл. 1).

Динамика рынка энергосервисных услуг в России в 2022–2025 гг. свидетельствует о его динамичном развитии. Так, в 2022 г. было заключено 571 контракт (557 контрактов стоимостью менее 100 млн руб., 14 контрактов стоимостью более 100 млн руб.) на сумму 17,4 млрд руб. в 56 субъектах РФ. В 2023 г. заключено 40 контрактов суммарной стоимостью 49,1 млрд руб.

В 2024 г. в ценовом сегменте менее 100 млн руб. наибольшее количество контрактов (35,6 %) и почти половина совокупной стоимости (49,6 %) пришлись на системы отопления зданий – 148 контрактов на сумму 2,16 млрд руб. Внутреннее освещение заняло второе место по распространённости (34,9 %; 145 контрактов) и третье по стоимостному объёму (17,3 %; 754,1 млн руб.).

Таблица 1

Распределение контрактов стоимостью менее 100 млн руб. по направлениям энергосберегающих мероприятий в 2022 г.

№	Предмет контракта	Количество		Стоимость	
		ед.	%	млн руб.	%
1	Внутреннее освещение	154	27,6	595,6	13,1
2	Системы топления зданий	125	22,4	1296,9	28,6
3	Внутреннее и наружное отопление	106	19	436,4	9,6
4	Уличное освещение	85	15,4	1789,4	39,5
5	Наружное освещение	34	6,1	19,7	0,4
6	Системы автоматизации на основе ИИ и цифровых двойников	25	4,5	24,9	0,5
7	Комплексные проекты	19	3,4	109,6	2,4
8	Электрические сети	2	0,4	83,0	1,8
9	Системы учета электроэнергии	2	0,4	51,4	1,1
10	Системы водоснабжения, водоотведения и канализации	1	0,2	69,6	1,5
11	Тепловое насосное оборудование	1	0,2	29	0,6
12	Оборудование центрального теплового пункта	1	0,2	19	0,4
13	Котельные	1	0,2	8,3	0,2
14	Общий итог	557	100	4529,8	100

Источник: Министерство экономического развития. Государственный доклад о состояния энергосбережения и повышения энергетической эффективности в РФ [6].

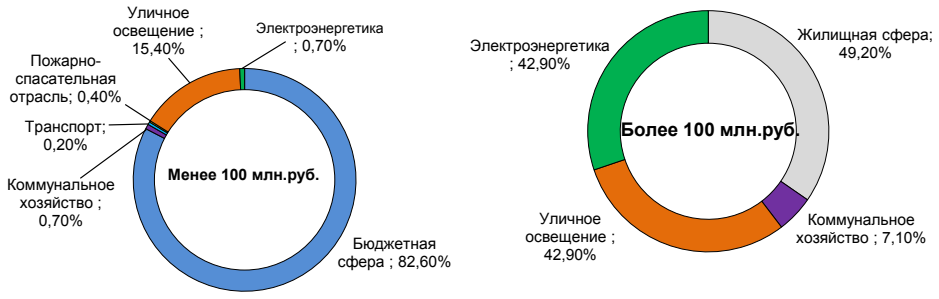

Рис. 2. Количественное распределение энергосервисных контрактов по отраслям и ценовым сегментам, 2022 г. [6]

Таким образом, можно отметить прямое влияние рынка энергосервисных контрактов на такую область экономической безопасности предприятий теплоэнергетики, как открытость к изменениям во внешней среде.

Также большое значение имеет Постановление Правительства Российской Федерации от 08.12.2022 № 2253 «Об утверждении Правил предоставления публично-правовой компанией "Фонд развития территорий" финансовой поддержки бюджетам субъектов Российской Федерации за счет средств публично-правовой компании "Фонд развития территорий" на модернизацию систем коммунальной инфраструктуры на 2023–2027 годы и о внесении изменений в положение о правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации» [7]. Данное постановление определяет правила предоставления субсидий на региональные программы модернизации.

В рамках этого постановления были сформированы конкретные инструменты для финансирования модернизации коммунальной инфраструктуры. Среди них можно выделить следующие:

Финансовая поддержка бюджетов субъектов РФ. ФРТ предоставляет средства на модернизацию систем коммунальной инфраструктуры. Для этого необходима утверждённая региональная программа с определёнными параметрами: перечнем мероприятий, сроком реализации, планируемой стоимостью и источниками финансирования.

Специальные казначейские кредиты. Это форма инфраструктурных бюджетных кредитов, которые федеральное правительство выдаёт субъектам федерации по льготным условиям. Средства выделяются на срок до 15 лет под 3 % годовых. Данное направление регулируется Постановлением Правительства РФ от 31.03.2023 № 525 «Об утверждении Правил предоставления Федеральным казначейством бюджетам субъектов Российской Федерации бюджетных кредитов за счет временно свободных средств единого счета федерального бюджета и о внесении изменения в пункт 12.1 Положения о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации» [8].

Займы юридическим лицам. ФРТ предоставляет займы за счёт привлечённых средств Фонда национального благосостояния. Займы даются на период не более 25 лет с погашением основной суммы долга, начиная с пятого года. Процентная ставка по займам, которые предоставляет ФРТ, составляет 3 % годовых. Данные займы регулируются постановлением Правительства РФ от 02.02.2022 № 87 «О предоставлении публично-правовой компанией "Фонд развития территорий" за счет привлеченных средств Фонда национального благосостояния займов юридическим лицам, в том числе путем приобретения облигаций юридических лиц при их первичном размещении, в целях реализации проектов по строительству, реконструкции, модернизации объектов инфраструктуры, и о внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации» [9].

Соответственно, энергоснабжающие организации могут активно претендовать на средства «Фонда развития территорий» при разработке и реализации планов прокладки новых и замены старых теплосетей.

Благодаря средствам «Фонда развития территорий» с 2022 г. в России осуществлено введение более 240 объектов жилищно-коммунального хозяйства, среди которых находятся котельные, водозаборы и очистные сооружения, а также обновлено свыше 1,3 тыс. км коммунальных сетей [10].

В 2024 г. завершены строительно-монтажные работы по 704 проектам, модернизировано 11 объектов производственного значения, обновлено более 3 тыс. км коммунальных сетей.

В первом полугодии 2025 г. введено 38,5 км коммунальных сетей, что позволило обеспечить качественные услуги для 134,5 тыс. чел.

Таким образом, взаимодействие с ключевыми источниками финансирования инфраструктурных проектов оказывает существенное влияние на повышение надежности и результативности как приоритетных областей экономической безопасности предприятия.

Важным инструментом развития рынка энергосбережения и роста энергетической эффективности являются целевые уровни снижения энергопотребления государственными (муниципальными) учреждениями суммарного объема потребляемых энергоресурсов.

Данные целевые значения уровней энергопотребления являются примерами мер административного воздействия на субъекты энергопотребления и являются обязательными к исполнению государственными учреждениями, что создает условия для развития рынка энергосбережения.

На уровне субъектов Российской Федерации происходит рейтинговая оценка субъектов РФ, что позволяет сравнивать достижения различных субъектов РФ в области энергетической эффективности. Условия рейтинговой оценки субъектов РФ определены в Приказе Минэкономразвития России от 21.11.2022 № 636 «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке эффективности реализации государственной политики и нормативно-правового регулирования в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности на региональном уровне» [11].

Следует отметить, что рейтинговая оценка субъектов РФ позволяет привлечь внимание руководства регионов к проблеме роста энергоэффективности и обеспечить эффективное взаимодействие

энергоснабжающих организаций с региональными властями.

Для комплексного повышения энергоэффективности зданий и сооружений требуется принятие соответствующих мер в области строительной отрасли. В связи с этим целесообразно отметить Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г.» [12].

В рамках данной стратегии заложены меры по повышению энергоэффективности объектов строительства, что создает условия для рационального и предсказуемого энергопотребления различными объектами. В частности, в рамках данной стратегии предлагаются к реализации следующие меры:

– обеспечение ежегодной замены сетей инженерно-технического обеспечения на уровне не ниже 5 % их общей протяжённости;

– снижение аварийности за счет регулярного мониторинга сетей теплоснабжения.

В свою очередь, изучение и использование данной стратегии при формировании планов развития энергоснабжающих организаций позволяет задавать более высокие стандарты производственной деятельности и повышать качество контроля над затратами при производстве теплоэнергии.

Важным инструментом обеспечения экономической безопасности предприятий теплоэнергетики является также повышение точности прогнозов уровня энергопотребления. С этой целью в Российской Федерации в 2010 г. была создана Государственная информационная система в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности в соответствии со ст. 23 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) [13].

В данной информационной системе есть модуль управления энергосбережением, включающий сведения о заключении энергосервисных договоров, о ходе и результатах мероприятий в жилищном фонде, о нарушениях законодательства об энергосбережении и повышении энергетической эффективности, об объёме и структуре производства, потребления и передачи энергоресурсов, об оснащённости приборами учёта используемых энергетических ресурсов объектов жилищного фонда, о нормативных правовых актах об энергосбережении и повышении энергетической эффективности, реализуемых на территориях муниципальных образований.

Данная информация позволяет предприятиям теплоэнергетики разрабатывать прогнозы энергопотребления и планировать необходимые объемы производства теплоэнергии.

В свою очередь, уровень потребления тепловой энергии тесно связан с мерами, направленными на повышение энергоэффективности объектов энергопотребления.

Для развития стимулов к энергосбережению Правительством Российской Федерации в рамках Постановления Правительства Российской Федерации от 27.09.2021 № 1628 «Об утверждении Правил установления требований энергетической эффективности для зданий, строений, сооружений и требований к правилам определения класса энергетической эффективности многоквартирных домов» утверждены требования энергетической эффективности к объектам энергопотребления [14].

Кроме того, определенные экономические рычаги были также определены в рамках Постановления Правительства РФ от 09.09.2023 № 1473 «Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации "Энергосбережение и повышение энергетической эффективности"» [15]. Одной из целей программы было снижение энергоёмкости ВВП на 35 % к 2035 г. по отношению к уровню 2019 г.

Важность этого постановления обусловлена возможностью применения мер налогового стимулирования: применение повышающего коэффициента к норме амортизации (пп. 4 п. 1 ст. 259.3 НК); предоставление льгот по налогу на имущество организаций (п. 21 ст. 381 НК); инвестиционного налогового кредита (пп. 5 п. 1 ст. 67 НК);

Среди данных инструментов наиболее привлекательным для предприятий является применение повышающего коэффициента к норме амортизации, а также предоставление льгот по налогу на имущество предприятий. Так, в 2022 г. сумма начисленной амортизации при применении к основной норме амортизации специального коэффициента составила 16,4 млрд руб., в частности: по объектам (за исключением зданий), имеющим высокую энергетическую эффективность (14,4 млрд руб.).

С 2025 г. были введены федеральные преференции по налогу на имущество для компаний электроэнергетической отрасли согласно Закону от 29.10.2024 № 362-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16].

Льготами по налогу на имущество и налоговыми послаблениями могут воспользоваться следующие виды организаций: организация, управляющая единой национальной (общероссийской) электрической сетью; системообразующие территориальные сетевые организации; территориальные сетевые организации; иные владельцы объектов электросетевого хозяйства, переданных во владение и пользование системообразующим территориальным сетевым организациям.

Льгота применяется к следующим объектам имущества: линии электропередачи, трансформаторные и иные подстанции, распределительные пункты классом напряжения до 35 киловольт включительно; кабельные линии электропередачи и оборудование, предназначенное для обеспечения электрических связей и осуществления передачи электрической энергии, вне зависимости от класса их напряжения.

Как показано в работе Л.С. Мокиной [17], инвестиционный налоговый кредит в целом оказался невостребованным инструментом, так как зачастую у предприятий отсутствуют основания для получения подобной льготы, а также незначительную выгоду от получения данного вида кредита.

По итогам статьи можно сделать следующие выводы:

1. В России активно развивается нормативно-правовая база в сфере энергопотребления и деятельности предприятий теплоэнергетики. Для повышения энергоэффективности государство комплексно применяет как административные, так и экономические рычаги управления.

2. Механизмы государственного регулирования тесно связаны с системой управления предприятием через конкретные критерии эффективности. Их грамотное использование позволяет оптимизировать внутренние процессы и повысить общую результативность энергоснабжающих организаций.

3. Растет значимость участия энергоснабжающих организаций в государственных программах регионального развития и проектах по повышению энергоэффективности потребителей. Это открывает доступ к дополнительному финансированию из федерального и региональных бюджетов, снижая инвестиционную нагрузку на само предприятие.

Литература:

1. Зайкова С.Н. Государственное регулирование цен (тарифов) в Российской Федерации: административно-правовой аспект: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 247 с.
2. Ускова Т.В., Барабанов А.С. Жилищно-коммунальное хозяйство муниципалитета: состояние, проблемы, тарифное регулирование: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 88 с.
3. Антимонопольное и тарифное регулирование в системе государственного контроля Российской Федерации: учеб. / Под ред. О.Ю. Кирилловой. М.: ИНФРА-М, 2024. 293 с.
4. Можаев Е.Е., Арефьев Н.В., Сафронов Н.С. Правила определения класса энергетической эффективности и маркировки объектов. В 2 ч. Ч. 1.: практическое руководство / Под общ. ред. Е.Е. Можаева. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 502 с.
5. Распоряжение Правительства России от 19.04.2018 № 703-р «Комплексный план мероприятий по повышению энергетической эффективности экономики Российской Федерации» // СПС Гарант.
6. Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в российской федерации в 2022 году. URL: https://sro19.ru/UPLOAD/2024/03/25/Gosudarstvennyi_doklad_Energosberezhenie_v_RF_v_2022_godu_11294.pdf (дата обращения: 19.12.2025).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.12.2022 № 2253 «Об утверждении Правил предоставления публично- правовой компанией «Фонд развития территорий» финансовой поддержки бюджетам субъектов Российской Федерации за счет средств публично-правовой компании «Фонд развития территорий» на модернизацию систем коммунальной инфраструктуры на 2023–2027 годы и о внесении изменений в положение о правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Постановление Правительства РФ от 31 марта 2023 г. № 525 «Об утверждении Правил предоставления Федеральным казначейством бюджетам субъектов Российской Федерации бюджетных кредитов за счет временно свободных средств единого счета федерального бюджета и о внесении изменения в пункт 12.1 Положения о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации» // СПС Гарант.
9. Постановление Правительства РФ от 02.02.2022 № 87 «О предоставлении публично-правовой компанией "Фонд развития территорий" за счет привлеченных средств Фонда национального благосостояния займов юридическим лицам, в том числе путем приобретения облигаций юридических лиц при их первичном размещении, в целях реализации проектов по строительству, реконструкции, модернизации объектов инфраструктуры, и о внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации» // СПС Гарант.
10. Фонд развития территорий ввёл 246 объектов ЖКХ с 2022 года. URL: https://www.ridus.ru/fond-razvitiya-territorij-vvel-246-obektov-zhkh-s-2022-goda-559298.html (дата обращения: 20.02.2026).

11. Приказ Минэкономразвития России от 21.11.2022 № 636 «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке эффективности реализации государственной политики и нормативно-правового регулирования в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности на региональном уровне» // СПС КонсультантПлюс.
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г.» // СПС Гарант.
13. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025). URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500643 (дата обращения: 28.01.2026).
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.09.2021 г. № 1628 «Об утверждении Правил установления требований энергетической эффективности для зданий, строений, сооружений и требований к правилам определения класса энергетической эффективности многоквартирных домов» // СПС Гарант.
15. Постановление Правительства РФ от 09.09.2023 № 1473 «Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности» // СПС Гарант.
16. Закон от 29.10.2024 № 362-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант.
17. Мокина Л.С., Сумкина О.В., Шадурская М.М. Анализ применения инвестиционного налогового кредита как инструмента финансирования инновационной экономики в российской практике // Креативная экономика. 2018. № 1. Т. 12. С. 59–71.

Administrative and Economic Factors of Economic Security for Heat and Power Engineering Enterprises

Varakin I.N.
Institute of Social and Humanitarian Knowledge (Kazan)

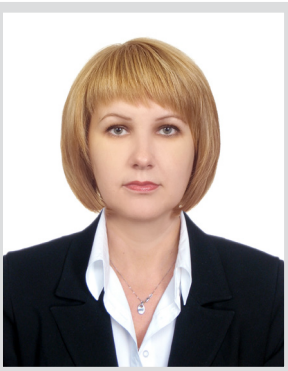
The relevance of the article is due to the need to actively use the levers of state support for enterprises in the heat and power industry, as this industry is under strict government control and regulation. The purpose of the article is to identify the administrative and economic methods of state support for heat and power industry enterprises in order to develop recommendations for their application in order to improve the economic security of the enterprise. The article identifies the administrative and economic levers of state regulation of the activities of consumers and producers of thermal energy. These levers are grouped according to various criteria. The article shows the relationship between the methods of regulation and the criteria of economic security of the enterprise. The article analyzes the regulatory acts of the Russian Federation and shows their importance for enhancing energy efficiency at thermal power plants.

The value of this research lies in identifying and analyzing the relationship between individual administrative and economic regulation levers and the criteria of an enterprise's economic security.

Keywords: administrative levers, economic levers, government regulation, legal framework, efficiency criteria

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-366-372

Молодежная политика государства как фактор формирования ценностных ориентаций патриотической направленности современной российской молодежи

Малышева Алевтина Юрьевна
Аспирант кафедры социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

В статье раскрыты основные направления молодежной политики патриотической направленности и механизмы их реализации, в данном контексте рассмотрена проблема формирования ценностей современной российской молодежи. Цель настоящего научного исследования заключается в изучении основных направлений развития патриотизма в рамках осуществления молодежной политики в России, а также их влияния на формирование ценностных ориентаций молодежи.

Методология исследования включает исторический анализ, посредством которого раскрыты основные понятия исследования в историческом контексте. Общелогические методы позволили проанализировать нормативно-правовые акты, регламентирующие реализацию молодежной политики, рассмотреть основные направления молодежной политики, включая патриотическое воспитание молодежи, и особенности его осуществления.

В ходе исследования рассмотрены основные направления патриотического воспитания молодежи, проанализированы действующие федеральные программы и проекты, выявлены ключевые механизмы формирования ценностных ориентаций. Особое внимание уделено изучению современных инструментов патриотического воспитания, включая образовательные и социальные проекты.

Научная значимость работы выражается в обобщении материала по проблеме формирования ценностных ориентаций патриотической направленности молодежи в процессе реализации молодежной политики. Работа имеет практическое значение, которое заключается в возможности применения материалов в работе социологов, занимающихся вопросами формирования патриотизма молодежи. В процессе изучения направлений молодежной политики и особенностей ее реализации были сделаны следующие выводы. Одной из целей молодежной политики является создание равных условий для духовного, интеллектуального, культурного, профессионального развития, самореализации молодежи. Осуществление данной цели возможно благодаря многообразию программ, федеральных проектов, направленных на патриотическое, духовно-нравственное развитие молодежи. Многие из заявленных проектов успешно реализуются, способствуя развитию и укреплению государства.

Ключевые слова: *молодежь, ценность, ценностные ориентации, молодежная политика, патриотизм, образование, семья*

Для цитирования: *Малышева А.Ю. Молодежная политика государства как фактор формирования ценностных ориентаций патриотической направленности современной российской молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 366–372. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-366-372.*

В современных условиях глобализации и трансформации общественных отношений особую актуальность приобретает проблема развития и ценностных ориентаций молодежи. Государственная молодежная политика становится одним из приоритетных направлений социального развития, поскольку молодое поколение является ключевым ресурсом будущего страны. Социальная значимость исследования обусловлена тем, что молодежь как наиболее динамичная социальная группа подвергается комплексному влиянию различных факторов: глобализационных процессов; цифровизации общества; трансформации ценностных установок; изменения социокультурной среды. Проблемная ситуация характеризуется такими тенденциями, как: преобладание материальных ценностей над духовными; снижение значимости традиционных семейных ценностей; формализация образовательного процесса; деформации в системе ценностных ориентаций и др. Такие серьезные изменения в ценностных ориентациях молодежи не должны оставаться без внимания, так как молодое поколение является будущим страны, его опорой.

На протяжении истории на молодежь возлагались серьезные надежды и ожидания, именно поэтому поддержка государства в развитии молодежи имеет колоссальное значение. В России молодежная политика является самостоятельным направлением в структуре общей политики государства, отвечающим требованиям современных условий, учитывающим особенности возрастного периода «молодежь» как особого этапа развития индивида. Данный этап характеризуется своими особенностями – психологическими, физиологическими, социальными, на основе которых происходит развитие личности будущего гражданина.

На законодательном уровне молодежь, молодые граждане представляют собой социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно [1]. Исследователь С.О. Елишев дает следующее определение понятию «молодежь»: «Молодежь – это социально-демографическая группа (поколение людей в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет), находящаяся в своем развитии на стадии становления и обретения социальной зрелости, а именно – процессе усвоения основных социальных ролей и функций, выбора жизненного пути, самоопределения, самоидентификации и осознания своих ценностей и интересов, своего места в мире» [2]. С.О. Елишев является сторонником интеграционного подхода к исследованию понятия «молодежь». Особенности данного подхода раскрыты также в трудах таких ученых, как Ю.А. Зубок, В.А. Луков, Н.Л. Смакотина, В.И. Чупров [3–6]. Интеграционный подход предполагает объединение в понятии «молодежь» следующих компонентов:

– психофизиологические и психологические особенности молодежи;

– место и функции молодежи в структуре общества;

– социокультурные ценности и интересы молодежи как социальной группы;

– участие молодежи в общественной жизни;

– особенности самоидентификации и самоопределения [3].

Данный подход, по мнению автора статьи, является наиболее полным, раскрывающим понятие «молодежь» в соответствии с особенностями возрастного периода.

Приближаясь к нижней границе возраста молодежи, определенного законодательством, молодой человек обладает достаточно осознанными личностными убеждениями, интересами и предпочтениями, которые в дальнейшем получают свое развитие, имеют свойство претерпевать изменения, испытывая влияние внешних факторов, таких как ближайшее окружение (семья, друзья), уровень экономического, политического, культурного развития государства, средства массовой информации, глобальная сеть Интернет. То есть молодые люди примерно к 14 годам имеют свой багаж ценностных ориентаций, основанный на семейных ценностях и внешнем влиянии.

Безусловно, ценностные ориентации будущей личности закладываются еще в семье. Семейные традиции, обычаи и образцы поведения формируют базовое понятие ценностных ориентаций индивида.

Проблема ценностных ориентаций имеет, несомненно, междисциплинарный характер и изучалась в контексте таких наук, как философия, психология, политология, культурология. С точки зрения социологии, ценности представляют собой некий набор значимых для индивида установок поведения, которыми он руководствуется в повседневной жизнедеятельности.

Рассмотрим более подробно, что представляют собой понятия «ценность» и «ценностные ориентации» в историческом ракурсе. Впервые к категории ценностей обратился Вильгельм Дильтей. По его мнению, ценности тесно связаны с чувствами индивида. В зависимости от того, какие эмоции мы испытываем по отношению к тем или иным возникающим в обществе ценностям, мы принимаем или отвергаем их, а принятие такого решения происходит на эмоциональном уровне, в результате возникают жизненные ценности, которыми мы руководствуемся в разных жизненных ситуациях [7, с. 128].

Обращаясь к отечественной социологической школе, стоит упомянуть А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова: «Под ценностными ориентациями мы понимаем установку личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества… Это тот компонент структуры личности, ко-

торый представляет собой некоторую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы» [8, т. 2, с. 199].

Опираясь на ценности, принятые в семье, в сочетании с факторами внешней среды, формируются ценности, на которые индивид ориентируется всю дальнейшую жизнь. Чтобы формирование ценностных ориентаций происходило в правильном направлении, необходимо расставление правильных приоритетов и задач на уровне государства, что и предпринято в федеральном законе от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [1].

Молодежная политика представляет собой многообразие нормативно-правовых, финансово-экономических, кадровых и иных мероприятий, которые осуществляются в процессе межведомственного взаимодействия при участии институтов гражданского общества с целью создания условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности.

На основе принципов молодежной политики, заключающихся в сочетании интересов личности, общества и государства, а также опираясь на комплексный, научный и стратегический подход при осуществлении молодежной политики, можно выделить основные направления молодежной политики. Отметим некоторые из них: патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи; обеспечение защиты прав и законных интересов молодежи; содействие образованию молодежи, поддержка молодых ученых; содействие участию молодежи в добровольческой (волонтерской) деятельности [1].

В условиях развития современного российского общества, сложной ситуации на мировой политической арене наиболее актуален вопрос патриотизма – любви к своей Родине. Молодые люди выступают тем ориентиром, который будет поддерживать, развивать, реализовывать и транслировать будущим поколениям культурно-историческое наследие и традиционную систему ценностей. Для осуществления патриотического воспитания как одной из важнейших ценностей современной российской молодежи на государственном уровне успешно реализован Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование». Проект направлен на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. В стране набирают популярность многочисленные конкурсы, олимпиады, проекты, посвященные вопросам патриотизма. Например, Всероссийский конкурс наставников «Быть, а не казаться», направленный на совершенствование механизмов патриотического воспитания и развитие института наставничества (реализуется с 2024 г.). Исследовательский конкурс «Семейная память», связанный с изучением истории героев семьи, принимавших участие в Великой Отечественной войне. Всероссийский проект служения «Твой герой», способствующий успешной социальной адаптации военнослужащих – участников боевых действий. «Диалоги с героями» – всероссийский проект, дающий возможность молодым людям пообщаться с героями России, услышать истории героических сражений и подвигов соотечественников. Просветительский проект «Без срока давности», посвященный сохранению исторической памяти о трагедии мирного населения СССР в период Великой Отечественной войны. На образовательных площадках проводятся форумы патриотической направленности, организуются встречи с героями страны, в том числе при участии Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» [9]. Мероприятия по формированию патриотизма включены в образовательный процесс школ, средних специальных учебных заведений, вузов [10]. Комплекс данных мероприятий, проведенных в различных регионах нашей страны, дал свои положительные результаты. Так, по данным социологического исследования студенческой молодежи, проведенного в 2024 г. под руководством Минобрнауки совместно со Всероссийским центром изучения общественного мнения на платформе «Неравнодушный человек», в области духовно-нравственных ценностей преобладающими являются патриотические установки (56 %), гражданская идентичность является одной из ведущих (58 %), а главные эмоции, испытываемые студентами по отношению к России – любовь (54 %) и гордость (54 %) [11].

Одним из документов, регламентирующих развитие патриотизма в Российской Федерации, является Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодёжи в Российской Федерации до 2028 года» [12]. В данном документе предусмотрены следующие направления развития патриотизма:

– реализация комплекса дополнительных профессиональных программ патриотической направленности;

– грантовая поддержка проектов, направленных на патриотическое воспитание и духовно-нравственное воспитание молодежи;

– реализация всероссийских проектов и программ, в том числе, ежегодное проведение Международного патриотического форума, Конкурса «НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДЫ-2025» [12].

Все направления являются последовательными составляющими программы по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи, каждое направление подразумевает наличие ответственных лиц и конкретные сроки реализации.

Патриотическое воспитание молодежи в нашей стране происходит планомерно, в этот процесс вовлечена не только молодежь как демографическая группа, но и школьники, их родители, а также старшее поколение. Участие в форумах, конкурсах активизирует не только развитие чувства патриотизма, но и интеллектуальное развитие, расширение кругозора, знакомство с новыми людьми, развитие взаимоотношений в семье, укрепление связей между поколениями. Следовательно, происходит как внутриличностное развитие, так и развитие новых коммуникаций, приобретение нового опыта. Патриотическое воспитание способствует развитию других ценностных ориентаций – постигается ценность семейных взаимоотношений, происходит духовно-нравственное обогащение человека и гражданина.

Рассмотрим более подробно мероприятия патриотической направленности и особенности их реализации под руководством Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), которые нашли отражение в Докладе о положении молодежи в Российской Федерации за 2024 г. (табл. 1).

Проведенный анализ мероприятий, направленных на патриотическое воспитание современной российской молодежи, дает основание утверждать, что осуществление молодежной политики в данном направлении многогранно и имеет в своей основе системный подход. Об этом говорит большое количество разнообразных программ и проектов, осуществляемых на образовательных площадках российских вузов, а также в специализированных центрах (к примеру, Центр специальной подготовки и патриотического воспитания молодежи и студентов на базе военного учебного центра ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»). С целью эффективной реализации инициатив привлекаются и другие организации – ОАО «Российские железные дороги» и АНО «Невский Баталист» – для осуществления проекта «Поезд Победы». Мероприятия проводятся в очном формате и онлайн, что позволяет охватить наибольшее количество заинтересованных участников. В рамках мероприятий патриотической направленности реализуются различные формы работы: практические занятия, лекции, мастер-классы, что также расширяет возможности получения информации, приобретения навыков и опыта практической деятельности. Для педагогов и преподавателей организованы курсы повышения квалификации, нацеленные на улучшение уровня компетенций и совершенствование подходов в области патриотического воспитания. География проектов обширна и охватывает многочисленные регионы России и ближнее зарубежье. В проектах задействованы школьники и студенты, учителя и преподаватели вузов. Многочисленное количество участников говорит о доступности проектов и программ для разных возрастных категорий и в целом о популярности патриотизма.

Таким образом, по состоянию на конец 2024 г. реализован целый комплекс мероприятий, направленных на воспитание патриотизма среди молодежи многих регионов России. Системный подход в осуществлении патриотического воспитания, как одного из важнейших направлений молодежной политики, позволяет достичь основных ее целей: развитие чувства гордости за свою страну, привитие ценности служения Отечеству, формирование активной гражданско-патриотической позиции [11].

Несмотря на комплексный подход к вопросу развития патриотических ценностей со стороны государства, существуют и некоторые аспекты, требующие принятия конкретных решений.

Одним из таких аспектов является неизбежное отчуждение молодых людей от молодежных организаций вследствие окончания обучения, что может привести к определенным трудностям на стадии профессионального становления, нарушению преемственности в осуществлении патриотического развития индивида. Одним из возможных вариантов решения данного вопроса может быть налаживание контактов между работодателем и молодежными организациями патриотической направленности, деятельность которых предоставит более широкие возможности в области профессионального роста индивида и его развитие в социальной сфере.

Второй аспект связан с тем, что в среде молодежи отсутствует четкий образ будущего государства. Чтобы построить этот образ, необходим комплексный подход, предполагающий создание положительного и привлекательного будущего посредством укрепления традиционных российских ценностей, внедрения современных цифровых платформ, реализации образовательных программ и программ просветительского характера.

Третий аспект включает трудности, связанные с непосредственным участием в патриотических проектах. Многие мероприятия требуют онлайн-регистрации, подача заявок и документов осуществляется посредством ссылок, что требует наличия интернет-ресурсов. Для некоторых районов это проблематично, так как есть определенные сложности с интернетом. Решение данного вопроса последовательно реализуется, что привлечет большее количество молодежи к мероприятиям духовно-нравственной и патриотической направленности.

Итак, на уровне государства существует большое количество актуальных федеральных программ, национальных проектов, направленных на развитие молодежи. Одним из приоритетных направлений молодежной политики считается патриотическое воспитание молодого поколения. Следует сказать, что подавляющее большинство инициатив реально претворяется в жизнь и работает как на федераль-

Таблица 1

Основные мероприятия и результаты патриотического воспитания молодежи

№ п/п	Мероприятие	Место проведения	Период проведения	Участники	Результаты
1.	Всероссийская акция «Георгиевская лента»	89 субъектов Российской Федерации	24 апреля – 9 мая 2024 г.	Представители органов государственной власти, ВОД «Волонтеры Победы»	Распространено более 3 млн ленточек
2.	Международная военно-историческая экспедиция «Западный фронт. Варшавское шоссе»	д. Цветовка Барятинского района Калужской области	22 апреля – 1 мая 2024 г.	более 100 представителей молодежного крыла ООД «Поисковое движение России», среди которых студенты, аспиранты, обучающиеся учреждений СПО	В рамках Экспедиции были обнаружены останки 10 бойцов Красной Армии, которые погибли в ходе военных столкновений в 1941 г.
3.	Просветительская программа «Школа поисковика»	на территории Российской Федерации	ежегодно с 2015 г.	более 200 юных поисковиков (участников)	Проведено 17 лекций, 5 мастер-классов и практических занятий
4.	Обучение по программе повышения квалификации специалистов сферы гражданского и патриотического воспитания в онлайн-формате	76 субъектов Российской Федерации	с 21 по 31 мая 2024 г.	400 участников	Повышение уровня компетенций, совершенствование подходов к патриотическому воспитанию
5.	Проект «Твой Герой»	на территории Российской Федерации	реализуется с февраля 2023 г.	военнослужащие, в том числе добровольцы, прошедшие службу в зоне специальной военной операции (более 1000 чел.)	Реализация образовательных программ, проведение семинаров, содействие в трудоустройстве, обеспечение информационного освещения подвигов военнослужащих – участников Проекта «Твой Герой»
6.	Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь»	на территории Российской Федерации	по состоянию на 2024 г.	452 студенческих патриотических клуба	Дорожная карта развития Ассоциации на 2024 г.; календарный план мероприятий Ассоциации на 2024/25 учеб. год; методические рекомендации по реализации проектов «Я горжусь. Герои» и «Я горжусь. Наставники»; проект методических рекомендаций по организации гражданского просвещения для студентов вузов; 4 образовательных мастер-класса для активистов Ассоциации
7.	Патриотический форум «Россия объединяет»	на территории Российской Федерации	в декабре 2024 г.	200 представителей студенчества новых субъектов РФ	Представлены образовательные программы «Лидеры перемен» и «Медиадесант»
8.	Учебно-методические комплексы для вузов	Центр спец. подготовки и патриотического воспитания молодежи и студентов на базе военного учебного центра ФГБОУ ВО «МИРЭА – РТУ» г. Москва	2024 г.	13 341 чел.	Обучение молодежи навыкам начальной военной подготовки, физической культуры, защиты от чрезвычайных ситуаций, территориальной и гражданской обороны
9.	Проект «Поезд Победы»	84 города Российской Федерации	2024 г.	222 674 посетителя	Увековечивание памяти о подвиге советского народа в борьбе с фашизмом во время Второй мировой войны, сохранение наследия и формирование преемственности общенародных ценностей
		23 города Республики Беларусь	с 2021 г.	47 828 посетителей	
10.	Модуль «Великая Отечественная война: без срока давности»	на территории Российской Федерации	2023–2024 учебный год	448 вузов (678 845 студентов с участием более 6 500 преподавателей и сотрудников вузов)	Гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи

ном, так и на региональном уровнях, способствуя духовному развитию молодежи, воспитывая чувства любви и гордости за свою страну. Благодаря проведению патриотических мероприятий, развиваются личностные качества индивида, возрастает чувство любви к своей родине, гордость и уважение к героям своей страны. Участие в подобных проектах носит характер массовости, что имеет свои положительные последствия: между людьми возникает сплоченность, чувство общности, принадлежности к единому народу. Молодежная политика России представляет собой многоуровневую систему последовательных мероприятий, направленных на развитие и поддержку молодежи разных возрастных групп, то есть способствует формированию ответственных, патриотически направленных, гармонично развитых граждан общества, способных обеспечить будущее государства. Эффективная реализация молодежной политики предполагает применение системного подхода, который объединяет деятельность государства, учреждений образования, работодателей, профессиональных организаций. Благодаря совместной и систематизированной работе данных факторов возникает благоприятная среда для гармоничного развития молодежи и ее активного включения в социально-экономическую жизнь государства, обеспечивая тем самым успешное и активное развитие в долговременной перспективе.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 22.04.2024 № 95-ФЗ, от 28.12.2024 № 550-ФЗ, от 23.07.2025 № 258-ФЗ) // СПС Гарант.
2. Елишев С.О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 23 (3). С. 200–223.
3. Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 31–55.
4. Луков В.А. Концептуализация молодежи в XX веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 13.
5. Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты: моно- графия. М.: Университет, кн. дом, 2009. 241 с.
6. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи: уч. М.: Норма, 2011. 335 с.
7. Дильтей В. Описательная психология. СПб: «Алетейя», 1996. 153 с.
8. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. М.: Мысль, 1965. Т. 2. 504 с.
9. Официальный интернет-ресурс, рассказывающий о национальных проектах России, затрагивающих все сферы жизни: от рождения и воспитания детей до профессионального развития и активного долголетия. URL: https://национальныепроекты.рф/about/ (дата обращения: 14.02.2026).
10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Гарант.
11. Доклад о положении молодежи Российской Федерации за 2024 г. URL: https://youthlib.mirea.ru/ (дата обращения: 17.03.2026).
12. Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодёжи в Российской Федерации до 2028 года». URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-23102025-n-2970-r-ob-utverzhdenii/ (дата обращения: 27.01.2026).

Youth Policy of the State as a Factor in the Formation of Value Orientations of Patriotic Orientation of Modern Russian Youth

Malysheva A.Yu.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

The article reveals the main directions of youth policy of patriotic orientation and the mechanisms of their implementation, in this context the problem of the formation of values of modern Russian youth is considered. The purpose of this research is to study the main directions of the development of patriotism in the framework of youth policy in Russia, as well as their impact on the formation of value orientations of young people.

Achieving this goal involves the implementation of the following tasks: a review of literary sources, the study of the directions of youth policy aimed at the development of patriotism in the Russian Federation, as well as the features of the formation of values of the younger generation. To solve the tasks, the historical method was used, through which the main concepts of the study in the historical context are revealed. General logical methods made it possible to analyze the normative legal acts regulating the implementation of youth policy, to consider the main directions of youth policy, including patriotic education of young people, and the features of its implementation. As a result, the features of the implementation of patriotic education of young people and its impact on the formation of values were revealed.

The scientific significance of the work is expressed in the generalization of the material on the problem of the formation of value orientations of patriotic orientation of young people in the process of implementing youth policy. The work is of practical importance, which lies in the possibility of using the materials in the work of sociologists dealing with the formation of patriotism of young people. In the process of studying the directions of youth policy and the features of its implementation, the following conclusions were made. One of the goals of youth policy is to create equal conditions for spiritual, intellectual, cultural, professional development, and self-realization of young people. The implementation of this goal is possible thanks to a variety of programs, federal projects aimed at the patriotic, spiritual and moral development of young people. Many of the announced projects are being successfully implemented, contributing to the development and strengthening of the state.

Keywords: youth, value, value orientations, youth policy, patriotism, education, family

УДК 347.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-373-378

Отграничение юридического комплаенса от смежных понятий

Попов Михаил Андреевич
Аспирант юридического института
Сибирского федерального университета (Красноярск)

Термин «комплаенс» активно используется представителями различных научных направлений, в частности, юриспруденции, экономической теории и менеджмента. Наряду с комплаенсом в этих науках используются понятия, которые на первый взгляд имеют много общего с ним. Однако в научной литературе вопрос о соотношении данных понятий и понятия комплаенса недостаточно разработан на доктринальном уровне. Целью данной работы является анализ сходств и различий комплаенса с такими понятиями, как внутренний контроль, управление рисками и аудит. Автор, на основе методов контекстного анализа, исторического метода, а также общенаучных методов приводит аргументацию, обосновывающую самостоятельное значение комплаенса как частно-правового явления. На основе анализа смежных понятий автор предлагает собственное определение понятия комплаенс-системы в юридическом лице, что может стать основой для дальнейшей научной дискуссии о роли и месте комплаенса в современной юриспруденции.

Ключевые слова: *комплаенс, комплаенс-система, внутренний контроль, аудит, управление рисками, риск-менеджмент*

Для цитирования: *Попов М.А. Отграничение юридического комплаенса от смежных понятий // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 373–378. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-373-378.*

Обсуждение вопросов, связанных с комплаенсом в юридическом лице, в последнее время всё чаще встречается на страницах научных журналов в сфере юриспруденции, экономики и менеджмента.

Термин «комплаенс» имеет междисциплинарный характер. И.Ю. Греков, М.А. Сторчевой рассматривают место комплаенса в социальных науках через его соотношение с правом, этикой, менеджментом, экономической теорией, психологией, социологией, бизнес-информатикой, теорией регулирования [1, с. 11–28].

Однако нами было замечено, что большинство авторов, сфера научных интересов которых специализируется на юриспруденции, рассуждают о данном явлении в отрыве от существующих и давно использующихся теоретиками и практиками из различных научных областей таких понятий, как внутренний контроль, управление рисками, аудит.

Вместе с тем авторами, работающими в сфере экономики, аудита, менеджмента зачастую игнорируется самостоятельное значение комплаенса, его неразрывная связь с правовыми науками, так как комплаенс по своей сути представляет собой способ саморегулирования деятельности юридического лица путем создания самой организацией обязательных правил поведения для лиц, которые являются причастными к деятельности такой организации (работников, руководителей, агентов, представителей и т.д.), то есть чьи действия с точки зрения гражданского оборота являются действиями самого юридического лица.

Цель создания таких обязательных правил поведения состоит в обеспечении деятельности компании в рамках законодательных требований (в широком смысле), а также в минимизации рисков несения

юридическим лицом убытков в связи с недобросовестными или неразумными действиями указанных выше лиц.

В связи с этим, важное значение приобретает определение самого понятия «комплаенс» и его разграничение со смежными понятиями. С целью выработки подхода к соотношению указанных понятий необходимо провести анализ как действующего законодательства, правоприменительной практики, мнений ученых, а также оценить историю их возникновения и развития.

Комплаенс и риск-менеджмент

Под управлением рисками в теории менеджмента понимаются все организационные меры и процессы, которые внедряются в юридическом лице для выявления, оценки, контроля и мониторинга рисков и которые позволяют планомерно с ними справляться [2, с. 33].

В ГОСТ Р 51897-2021 под риск-менеджментом понимаются скоординированные действия по руководству, контролю и управлению организацией с учетом риска. При этом понятия риск-менеджмент, менеджмент риска и управление рисками являются синонимами [3].

Риск представляет собой влияние неопределенности на достижение поставленных целей [4]. При этом указанное влияние согласно, одной из точек зрения на понятие риска, может быть также положительным [5, с. 128].

Создание комплаенс-системы невозможно без использования достижений риск-менеджмента, так как комплаенс ориентирован на минимизацию вероятности наступления особых видов рисков, которые принято называть «комплаенс-рисками».

Ю.В. Апухтиным и М.С. Кудиновой комплаенс-риск определяется как возможное несоблюдение требований законодательства, нормативных документов, стандартов и правил надзорных органов и т.д. [6, с. 158].

По мнению В.С. Манохина, комплаенс-риск представляет собой «вероятность наступления негативных правовых последствий в процессе деятельности участников правоотношений, которая закреплена нормативными правовыми актами или правоприменительной практикой» [7, с. 14].

Согласно позиции ФАС России, для обеспечения функционирования антимонопольного комплаенса хозяйствующему субъекту необходимо определить круг релевантных для него требований антимонопольного законодательства. При этом, комплаенс-риском является риск нарушения именно нормативных правовых актов [8].

В.Ф. Попондопуло и Д.А. Петров понимают комплаенс-риски шире. В качестве цели комплаенса, помимо предотвращения рисков нарушения требований нормативных правовых актов и предписаний контролирующих органов, они указывают на необходимость обеспечения соответствия деятельности организации складывающейся правоприменительной практики, макроэкономическим факторам, требованиям принципов разумности, справедливости и добросовестности, положениям актов толкования, обыкновения делового оборота и даже существу обязательств [9]. Авторы определяют комплаенс как систему управления указанными рисками.

Таким образом, комплаенс-система, как и риск-менеджмент, предполагает необходимость управления рисками. Комплаенс-риск в свою очередь состоит в вероятности наступления неблагоприятных последствий в виде совершения юридическим лицом либо лицами, деятельность которых может быть вменена самому юридическому лицу (работниками, руководителями, лицами, действующими по поручению юридического лица и др.), нарушения обязательных требований.

Под обязательными требованиями предлагается понимать: 1) положения нормативных и индивидуальных правовых актов, изданных компетентными органами в установленном порядке, а также сложившуюся практику правоприменения по конкретному вопросу (условно их можно назвать актами первого уровня); 2) положения локальных актов, внутренних документов, политик, стандартов и иных актов саморегулирования, принятых юридическим лицом самостоятельно (соответственно, акты второго уровня, собственно комплаенс-акты).

Стоит отметить, что в литературе указывается на наличие такого вида комплаенса, как «регуляторный комплаенс». При нем акцент делается лишь на соблюдении внешних по отношению к деятельности юридического лица правил поведения [1, с. 9] (по указанной выше классификации его действие ограничивается первой группой обязательных требований). Представляется, что комплаенс-система в любом случае не может функционировать без актов саморегулирования, так как даже для минимизации чисто регуляторных рисков в компании должны быть разработаны соответствующие внутренние механизмы.

Необходимо учитывать, что в ряде случаев акты саморегулирования могут изменяться либо утверждаться по указанию компетентного органа. *S.J. Griffith* определяет комплаенс как внутреннюю структуру управления, навязываемую компании извне правоприменительными органами [10, с. 1].

Подобные случаи встречаются и в отечественной правоприменительной практике. Так, антимонопольным органом в деятельности хозяйствующего субъекта было выявлено нарушение ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Федеральный закон «О защите конкуренции») в связи с предоставлением преимущественных условий одному из участников процедуры закупки и нарушением самой процеду-

ры. С целью недопущения таких нарушений антимонопольный орган выдал хозяйствующему субъекту предписание о внесении изменений в Единый стандарт закупок и иные локальные акты (которые по сути являются элементами комплаенс-системы), содержавших положения, которые противоречили действующему законодательству. Законность указанного требования контролирующего органа подтвердили все судебные инстанции, включая Верховный Суд РФ [11].

Комплаенс и внутренний контроль

Внутренний контроль в том или ином виде существует в любом субъекте, осуществляющем хозяйственную деятельность [12, с. 126].

На первых этапах своего развития представления о внутреннем контроле полностью основывались на бухгалтерском учете [13, с. 107].

Постепенно, начиная с середины XIX в., вследствие усложнения экономических отношений, появления большого количества наемных работников, отделения функций владения собственностью от управления предприятием процедуры внутреннего контроля стали усложняться, хотя всё еще имели тесную связь с бухгалтерским учетом [12, с. 129].

Следующий этап развития внутреннего контроля, охватывающий вторую половину XIX – начало XX вв., ознаменовался развитием корпораций и резким увеличением темпов экономического развития. На данном этапе происходит усложнение внутренней структуры компаний, а также возрастает количество операций, совершаемых ими. В указанный период внутренний контроль отделяется от бухгалтерского учёта, формируется в самостоятельную систему. Хотя основной задачей системы по-прежнему оставался контроль за денежными потоками, к функциям внутреннего контроля стали относиться координирование действий, следование установленным в компании процедурам, соблюдение действующего законодательства [12, с. 129].

Начиная со второй половины XX в. завершается создание системы внутреннего контроля, в том числе появляются нормативные акты, содержащие требования по организации такой системы. Основной задачей системы внутреннего контроля становится повышение эффективности бизнеса [12, с. 131].

Завершающий этап формирования системы внутреннего контроля, начавшийся в конце XX в., предполагает переход к риск-ориентированному подходу в системе управления. Важнейшей задачей системы внутреннего контроля становится предотвращение рисков путем их идентификации и оценки. Происходит смешение понятия системы внутреннего контроля в том числе с понятием риск-менеджмента [12, с. 133].

Переход к риск-ориентированному подходу при организации системы внутреннего контроля оказал существенное влияние на ее функционирование. По сути, в настоящий момент, риск-ориентированный подход является необходимым элементом управленческих процессов для субъекта предпринимательской деятельности [14, с. 43].

По мнению Т.В. Каковкиной, отличия традиционного и риск-ориентированного внутреннего контроля состоят в том, что в первом случае проводится проверка бухгалтерской отчетности, и сама проверка носит периодический характер. При риск-ориентированном внутреннем контроле происходит совершенствование процессов управления и контроля, которое имеет текущий, длительный и непрерывный характер. Кроме того, во втором случае деятельность ориентирована на повышение эффективности бизнес-процессов [15, с. 38].

Таким образом, современный этап развития системы внутреннего контроля предполагает использование риск-ориентированного подхода в качестве сущностного содержания. Следовательно, система внутреннего контроля в настоящее время в организациях строится по модели управления рисками, что совпадает по своей сути с комплаенс-системой.

По нашему мнению, комплаенс, а точнее комплаенс-систему, необходимо считать частью системы внутреннего контроля, действующей в юридическом лице, так как по справедливому замечанию И.Ю. Грековой и М.А. Сторчевого, комплаенс с точки зрения менеджмента является одной из функций организации, причем, связанной как с функцией управления, так и с функциональной областью управления [1, с. 16–17].

Изменение подходов к осуществлению внутреннего контроля в юридическом лице в отечественной практике начало происходить с 1990-х гг. При этом использующееся в отечественном законодательстве понятие «внутренний контроль» появилось вследствие неточной замены известного уже в те времена за рубежом понятия «комплаенс», что привело к их смешению, хотя термин «внутренний контроль» (*internal control*) в иностранных юрисдикциях имеет собственное значение [1, с. 8].

Не проводится указанное разделение (комплаенс и внутренний контроль) и в современных рекомендательных актах компетентных органов. Так, согласно письму Банка России, внутренний контроль осуществляется советом директоров, исполнительными органами и работниками на всех уровнях управления. Внутренний контроль направлен на обеспечение не только соблюдения применимого законодательства, но и нормативных актов в широком смысле и внутренних нормативных документов организации. В организациях для достижения наилучшего результата рекомендуется создавать единую систему управления рисками и внутреннего контроля (СУРиВК), так как внутренний контроль предполагает в том числе и управление рисками на операционном и процессном уровнях. При этом

управление рисками предопределяет условия организации внутреннего контроля [16].

Практическую применимость объединения понятий внутреннего контроля и управления рисками для целей обеспечения эффективной деятельности хозяйствующего субъекта подтверждает тот факт, что многие крупные организации утвердили единые политики по организации системы управления рисками и внутреннего контроля (например, ПАО «Россети Центр и Приволжье», ПАО «Газпром», ПАО АНК «Башнефть» и др.) [17–19].

Комплаенс также использует риск-ориентированный подход [20, с. 14] и предполагает наличие мероприятий по выявлению и минимизации рисков [21, с. 130]. С точки зрения теории управления, комплаенс-функция составляет деятельность руководителя и специального отдела в организации. При этом для характеристики комплаенса с точки зрения юриспруденции имеет значение обеспечение деятельности юридического лица в соответствии с обязательными требованиями, а в качестве вторичного проявления – обеспечение соответствующей деятельности лиц, поведение которых может быть вменено в качестве поведения самого юридического лица.

Комплаенс и аудит

Аудит по отношению к организационной структуре может быть внутренним и внешним [22, с. 87].

На законодательном уровне определение понятия внешнего аудита содержится в Федеральном законе от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», согласно которому он направлен лишь на независимую проверку бухгалтерской (финансовой) отчетности [23]. Напротив, внутренний аудит осуществляется сотрудником компании, его целью является повышение эффективности бизнес-процессов и осуществление контроля за всей финансово-хозяйственной деятельностью [22, с. 88].

Принято выделять следующие этапы становления аудита:

1. Подтверждающий аудит (конец XIX – 30-е гг. XX вв.). Он заключался в сплошной проверке документов [24], оценке достоверности бухгалтерской отчетности и иных актов [25, с. 38].

2. Системно-ориентированный аудит (40-е – 80-е гг. XX в.). Объектом аудиторской оценки и проверки становится система, которая контролирует деятельность юридического лица, то есть система внутреннего контроля [24]. Наличие эффективной системы внутреннего контроля в таком случае снижает затраты на проведение аудита.

3. Риск-ориентированный аудит (конец XX в.). Его основными особенностями являются возможность выборочной проверки, а также тесное взаимодействие внутреннего и внешнего аудита [24].

Как пишет С.Н. Орлов, внутренний контроль, управление рисками и внутренний аудит являются взаимосвязанными элементами одной системы. Основными функциями внутреннего аудита являются оценка эффективности внутреннего контроля и управления рисками юридического лица, своевременное доведение результатов этой оценки и соответствующих рекомендаций до исполнительного органа [26, с. 14, 49].

При этом, по мнению С.Н. Орлова, для организации современного внутреннего аудита необходимо применение риск-ориентированного подхода [26, с. 66].

В теории бухгалтерского учета некоторыми авторами комплаенс рассматривается как отдельный вид аудита [27, с. 6]. Допуская существование отдельной модели аудита, предполагающей оценку соответствия деятельности лица требованиям законодательства, отметим, что комплаенс, в том значении, в котором он используется представителями юридической науки, по своей сути более относится к понятию системы внутреннего контроля.

При этом, как отмечает F. Erasmus, комплаенс не может быть полностью сведен к деятельности аудитора, так как он интегрирован в текущий организационный процесс, в то время как аудит действует в разное время и направлен в прошлое [2, с. 33].

В разъяснениях ФАС России относительно применения ст. 9.1 Федерального закона «О защите конкуренции», посвященной вопросам создания и функционирования системы антимонопольного комплаенса в хозяйствующих субъектах, указано на необходимость для ответственных лиц принятия мер по контролю за функционированием указанной системы. При этом данный контроль может осуществляться в том числе с использованием внешнего и внутреннего аудита [8]. Таким образом, проведение аудита, по мнению антимонопольного органа, не является обязательным для функционирования эффективной комплаенс-системы, хозяйствующему субъекту допустимо ограничиться мониторингом достижения основных показателей комплаенс-программы.

Таким образом, в настоящее время аудит также основывается на риск-ориентированном подходе и направлен на проверку эффективности системы внутреннего контроля. Аудит может быть частью системы внутреннего контроля (внутренний аудит), а может проводиться независимым лицом (внешний аудит).

В любом из указанных случаев предметом проверки при аудите является эффективность функционирования системы внутреннего контроля, и, следовательно, ее части – комплаенс-системы.

Выводы

Внутренний аудит направлен на оценку эффективности функционирования системы внутреннего контроля в юридическом лице. Иногда для указанной цели может использоваться также внешний аудит. На современном этапе развития и внутренний

контроль, и аудит основываются на применении риск-ориентированного подхода, что означает направление большего количества ресурсов (финансовых, временных, трудовых и т.д.) в области повышенного риска.

Комплаенс представляет собой часть системы внутреннего контроля, направленную на обеспечение соответствия деятельности юридического лица в целом, а также деятельности отдельных связанных с ним лиц (сотрудников, членов органов управления, дочерних компаний и т.д.) нормативным и индивидуальным правовым актам, издаваемым компетентными органами. Такое соответствие обеспечивается принятием в юридическом лице актов саморегулирования, которые направлены на создание границ должного и возможного поведения всех причастных к деятельности организации лиц, будь то работники, руководители, представители, агенты и т.д.

Комплаенс основывается на риск-ориентированном подходе, в связи с чем при организации комплаенс-системы применяются достижения риск-менеджмента. Оценка эффективности комплаенс системы может проводиться (и, как правило, проводится) посредством внутреннего и внешнего аудита.

Литература:

1. Грекова И.Ю., Сторчевой М.А. Комплаенс как область научных исследований // Актуальные исследования в области комплаенса и этики бизнеса: сборник статей. Москва: Юнити, 2025. С. 5–36.
2. Erasmus F. Anreizbasierte Regulierung von Corporate Compliance. Ein rechtsvergleichender Beitrag zur Entwicklung der Rechtsgrundlagen von Compliance im deutschen Wirtschaftsrecht. Augsburg: Nomos, 2014. 319 p.
3. Приказ Росстандарта от 11.11.2021 № 1489-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 51897-2021 «Менеджмент риска. Термины и определения» // СПС КонсультантПлюс.
4. Приказ Росстандарта от 10.12.2019 № 1379-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 31000-2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство» // СПС КонсультантПлюс.
5. Трунцевский Ю.В., Карпович О.Г. Оценка коррупционных рисков компании: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2022. 272 с.
6. Апухтин Ю.В., Кудинова М.С. Банкротный комплаенс как правовой инструмент в делах о банкротстве // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 157–170.
7. Манохин В.С. Юридический комплаенс (теория, техника, практика): дисс. … канд. юрид. наук. Владимир, 2024. 255 с.
8. Разъяснения Президиума ФАС России от 02.07.2021 № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» // СПС КонсультантПлюс.
9. Попондопулов В.Ф., Петров Д.А. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 102–114.
10. Griffith S.J. Corporate governance in an era of compliance // Wm. & Mary L. Rev. 2015. Vol. 57:2075. 66 p. URL: https://wmlawreview.org/sites/default/files/8-Griffith%20Text.pdf
11. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2021 № 305-ЭС21-4401 по делу № А40-3569/2020 // СПС КонсультантПлюс.
12. Белогина Н. С. Периодизация развития и современное состояние внутреннего финансового контроля // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 126–137.
13. Сунгатуллина Р.Н., Хузин А.Р. История развития внутреннего контроля // Казанская наука. 2014. № 12. С. 106–109.
14. Панков В.В., Тартаршвили Т.Т. Аудит эффективности системы управления рисками коммерческого банка // Международный бухгалтерский учет. 2010. № 6. С. 43–49.
15. Каковкина Т.В. Риск-ориентированный подход в практике внутреннего контроля и аудита // Все для бухгалтера. 2014. № 3. С. 36–40.
16. Информационное письмо Банка России от 01.10.2020 № ИН-06-28/143 «О рекомендациях по организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров (наблюдательного совета) по аудиту в публичных акционерных обществах» // СПС КонсультантПлюс.
17. Политика по организации системы внутреннего контроля ПАО АНК «Башнефть». URL: https://bashneft.ru/files/iblock/91c/politika_sistema_upravleniya_riskami.pdf.
18. ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/f/posts/93/485406/risk-internal-control-policy.pdf.

19. ПАО «Россети Центр и Приволжье». URL: https://mrsk-cp.ru/about/internal_control_and_risk-management/the-system-of-internal-control-and-risk-management/ (дата обращения: 15.11.2025).
20. Курицын Я.Д. Трудоправовой комплаенс как способ предупреждения нарушений трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 12–14.
21. Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2023. 320 с.
22. Аганина Р.Н., Алексеева Д.Г., Арзуманова Л.Л. [и др.]. Аудит & комплаенс: закон, доктрина, практика / Ответ. редактор И.В. Ершова; МГЮА. М.: Проспект, 2022. 304 с.
23. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
24. Чикурова С.С. Эволюционное развитие российской аудиторской деятельности: переход от внешнего аудита к внутреннему // Научный журнал Фундаментальные исследования. URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39732 (дата обращения: 17.11.2025).
25. Новоселов И.В. Основанный на риске внутренний аудит современное направление развития внутреннего аудита // Известия Байкальского государственного университета. 2009. № 4. С. 38–41.
26. Орлов С.Н. Внутренний аудит в современной системе корпоративного управления компанией: практ. пособие. М.: ИНФРА-М, 2019. 284 с.
27. Якимова В.А. Развитие теории и методологии комплаенс-контроля общественно значимых организаций в аудиторской деятельности: автореф. дисс. … д-ра эконом. наук. Оренбург, 2023. 43 с.

Distinction Between Legal Compliance and Related Concepts

Popov M.A.
Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

The term "compliance" is used by representatives of various academic fields, including law, economics, and management. Along with compliance, these disciplines employ concepts that, at first glance, have much in common with it. However, the relationship between these concepts and compliance remains insufficiently doctrinally explored in the academic literature. The purpose of this paper is to analyze the similarities and differences between compliance and internal control, risk management, and audit. Using contextual analysis, historical methods, and general scientific methods, the author presents an argument substantiating the independent significance of compliance as a private law phenomenon. Based on an analysis of related concepts, the author provides her own definition of a compliance system in a legal entity, which may serve as the basis for further academic discussion of the role and place of compliance in modern jurisprudence.

Keywords: compliance, compliance system, internal control, audit, risk management, risk management

УДК 343.341.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-379-384

Сравнительная характеристика деликвентных молодежных формирований на примере территориальных группировок и объединений футбольных хулиганов

Рыбушкин Николай Николаевич
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Дунин Олег Николаевич
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Намазов Эльмир Салманович
Аспирант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета, майор полиции

Неформальные молодежные объединения представляют высокий интерес для криминологической науки, поскольку данная среда несет повышенные риски, связанные с потенциальной криминализацией лиц подросткового и юношеского возраста.

Целью исследования выступает характеристика общих признаков, присущих делинквентным неформальным молодежным объединениям, на примере территориальных молодежных группировок г. Казани и объединений футбольных хулиганов. Задачами исследования выступают: определение исторической периодизации рассматриваемых делинквентных молодежных объединений, основной направленности деятельности данных объединений, анализ их внутренней структуры. В работе использована местная судебная практика.

Идентичность участников казанских делинквентных группировок основана на территориальной принадлежности – общности проживания на одной улице или микрорайоне города. Идентичность в фанатском движении определялась поддержкой конкретной футбольной команды. Основой направленностью деятельности рассматриваемых молодежных делинквентных формирований выступает совершение насильственных преступлений в отношении участников враждебных группировок или фанатских объединений, так называемых «фирм».

Политика государства по противодействию молодежным делинквентным формированиями на сегодняшний день привела к значительному снижению криминальной активности территориальных группировок и объединений футбольных хулиганов.

Ключевые слова: *неформальные делинквентные молодежные формирования, молодежные делинквентные территориальные группировки, футбольные хулиганы, «казанский феномен», «околофутбол», групповая преступность*

Для цитирования: *Рыбушкин Н.Н., Дунин О.Н., Намазов Э.С. Сравнительная характеристика деликвентных молодежных формирований на примере территориальных группировок и объединений футбольных хулиганов // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 379–384. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-379-384.*

Стремление молодых людей оформляться в неформальные объединения делинквентной направленности хорошо известно криминологической науке. Естественный процесс групповой социализации подростков под воздействием внутренних и внешних факторов может носить деформированный характер, когда молодые люди относят себя к неформальным, общественно вредным объединениям, включаясь в деятельность криминальных и околокриминальных структур. Внешние контуры и внутреннее наполнение различных неформальных структур могут отличаться в зависимости от региональных особенностей, а также особенностей, накладываемых исторической и политической повесткой. Неизменными же остаются деструктивная направленность деятельности некоторых неформальных молодежных объединений и присущие им общие признаки: наличие особой идеологии, относительно сложная внутренняя структура, субкультурные элементы (жаргон, символика, музыка и т.п.), а самое главное – жесткое деление на «своих» и «чужих», на основе которого представители молодежных объединений совершают насильственные преступления, лишенные корыстной мотивации.

Подробнее рассмотрим особенности деструктивных неформальных молодежных объединений на примере казанских территориальных делинквентных группировок и хулиганских фанатских формирований, так называемых «околофутбольных фирм».

Периодизация существования территориальных делинквентных группировок в Казани представляет значительный интерес для криминологической науки. Первый этап связан с возникновением во второй половине 1970-х гг. территориальных протогруппировок как стремительно криминализирующихся дворовых компаний, переходящих к систематическому совершению насильственных преступлений в отношении лиц, проживающих в границах соседнего территориального образования. Наиболее известным территориальным образованием того периода выступала банда «Теплоконтроль», часть участников которой была осуждена за бандитизм в 1979 г. Второй этап связан с возникновением в 1980-е гг. в Казани значительного количества территориальных делинквентных формирований, характеризующихся сложной внутренней структурой, специфической системой норм – «пацанских понятий», стремлением к экспансионной деятельности – борьбе с враждебными группировками, так называемой «войне за асфальт». Третий период – 1990-е гг. – характеризуется переориентированием группировок на получение экономической прибыли за счет совершения вымогательств и иных преступлений корыстной направленности, значительным увеличением среднего возраста участников группировок. На рубеже 1990-х и 2000-х гг. часть группировок оказалась разгромленной правоохранительными органами. Улучшение же уровня жизни населения, постепенное обретение обществом новых моральных ориентиров – традиционных ценностей, появление альтернативных форм досуга снизили популярность группировок среди казанских подростков.

Тем не менее на сегодняшний день на профилактическом учете продолжают состоять подростки – участники территориальных делинквентных формирований. Отдельные группировки сохраняют свою активность, хотя деятельность гораздо менее заметна, особенно по сравнению с прошлыми годами.

Периодизация существования объединений футбольных фанатов уходит в 1970-е гг. прошлого века, когда болельщики московского «Спартака» начали посещать выездные матчи своей команды, первый же крупный инцидент связан с драками между фанатами данной команды и фанатами киевского «Динамо» в 1987 г. [1, с. 217]. В начале 1990-х гг. вследствие масштабного экономического и идеологического кризиса, поразившего российское государство, происходит уменьшение интереса к футболу и посещению матчей, особенно выездных. Начало второму этапу существования деструктивных формирований, связанных с культурой поддержки футбольных команд, было положено в середине 1990-х гг., когда возникают первые организованные объединения болельщиков, предназначенные для силового противостояния болельщикам других команд – так называемых «околофутбольных фирм», или же просто «фирм». Первыми подобными объединениями выступили «*Flints Crew*» болельщиков московского «Спартака» и «*Red Blue Warriors*» ЦСКА. Столкновения фанатских группировок носили скорее спонтанный характер, в драках широко использовалось оружие и предметы, используемые в его качестве. Третий этап, 2000–2010 гг., характеризуется увеличением количества фанатских группировок, напри-

мер, среди болельщиков ЦСКА, помимо «*Red Blue Warriors*» выделяются «Ярославка», «*Gallant Steed*» и др. Формируется особый, присущий российским футбольным хулиганам свод норм, регламентирующих правила поведения в групповых драках, характеризуемый полным отказом от использования холодного оружия (что выгодно отличает российских фанатов от балканских или турецких). На четвертом этапе, с конца 2010 г. в связи с усилением мер по охране общественного порядка как на стадионах, так и на улицах городов, противостояние болельщиков перемещается в лесопарковые и пригородные зоны, где драки происходят по предварительной договоренности, с урегулированным числом участников. Некоторый закат футбольного хулиганства связан с активной профилактирующей деятельностью правоохранительных органов и приуроченным к Чемпионату мира 2018 г. введением *Fan ID* (паспорта болельщика, наличие которого выступает обязательным условием посещения футбольных матчей и который не выдавался активным нарушителям общественного порядка – в том числе членам «околофутбольных фирм»).

Идентичность участников казанских деликвентных группировок основана на территориальной принадлежности – общности проживания на одной улице или в микрорайоне города. Эту идентичность можно проследить по наименованиям группировок, привязанным к городским географическим обозначениям, как официальным – «Тукая», «Космонавтов», «Первые Горки», «56 квартал», так и народным – «Мебелька», «Хитрый двор», «Дом обуви». Национальность, религия и раса не имели значения при определении принадлежности к территориальной деликвентной группировке.

Идентичность в фанатском движении определялась поддержкой футбольной команды: «*Union*», «*Gladiators*», «*Mad Butchers*» – «фирмы» болельщиков «Спартака»; «Capitals» – московское «Динамо»; «*Vikings*» – «Локомотив»; «*Troublemakers*» – «Торпедо». При этом исторически могло складываться, что в пределах одной территории доминировали болельщики одной команды («Ярославка» – по названию железнодорожной ветки, объединяющей болельщиков «ЦСКА» со станций Лось, Мытищи и проч.; участники фанатских «фирм», поддерживающих московское «Торпедо», проживали в Южном административном округе Москвы, вокруг автозавода ЗИЛ и Стадиона имени Э.А. Стрельцова). В отличие от казанских территориальных группировок, для участников фанатских «фирм» играла роль национальная идентичность и они могли придерживаться праворадикальных экстремистских взглядов.

Важное отличие между идеологией участников территориальных деликвентных группировок и футбольными хулиганами заключается в том, что первые, в отличие от вторых, в той или иной степени выступают проводниками криминальной субкультуры и придерживаются некоторых правил, принятых в тюремном мире. Последнее вовсе не свойственно участникам фанатских «фирм», не совершающим преступления общеуголовной направленности в отрыве от противостояния с противоборствующими болельщиками.

Совершение насильственных преступлений в ходе силового противостояния с враждебными группировками выступало основной задачей существования территориальных делинквентных группировок. В начале-середине 1980-х гг. складываются основные союзы группировок Казани, определяющие общую политику и направленность уличных столкновений – так называемой «войны за асфальт». При этом первоначально союзы складывались вокруг двух наиболее активных противоборствующих молодежных группировок: «Теплоконтроль» (союзники: «Мирный», «Павлюхино», «Тукая» и пр.) и «Ново-татарская слобода» (союзники: «Газовая-Халева», «Борисково» и пр.).

В ходе почти 50-летней истории отношения между группировками неоднократно менялись, особенно при появлении экономического интереса в их деятельности к рубежу 1980–1990 гг. Насильственные столкновения между молодежными группировками зачастую лишены экономической мотивации. Некоторые конфликты нашли отражение в народной памяти, например, «Ледовое побоище» – произошедшее в первой половине 1980-х гг. столкновение между ОПФ «Жилплощадка» и ОПФ «Грязь» на льду Лебяжьего озера в Казани. Обе группировки привлекли к столкновению своих союзников, прибывшие на место сотрудники советской милиции предотвратили массовые беспорядки [2, с. 344–366].

Столкновения между территориальными группировками происходили и в более позднее время: так, «в процессе существования у участников организованной группы и группировки «Седьмовские» возникали конфликты с представителями иных противоправных формирований г. Казани. Так, 2 июня 2011 г. участниками группировки «Первомайские» Г. и И. на почве личных неприязненных отношений был избит один из участников группировки «Седьмовские». В ответ на это 3 июня 2011 г. участниками группировки «Седьмовские» был избит участник группировки «Первомайские» М., что привело к еще большему обострению конфликта между участниками указанных противоправных формирований. Ожидая ответных действий со стороны участников группировки "Первомайские", 3 июня 2011 г. на сборе участников организованной группы и группировки "Седьмовские", проходившем в лесопосадке, расположенной у пос. Вознесенское Советского района г. Казани, её руководитель, с целью усиления криминального влияния руководимой им группы, а также с целью дестабилизации обстановки вну-

три группировки "Первомайские", принял решение организовать вооруженное нападение на участников указанной выше группировки, разработал план предстоящего преступления и распределил роли» [3]. В результате указанного конфликта погиб потерпевший, не имеющий отношения к группировкам.

Основной смысл существования фанатских «фирм» – *силовое противодействие* враждебным хулиганским группировкам. Вражда между болельщиками российских футбольных клубов имеет достаточно давнюю, уходящую еще в советский период историю. Среди московских болельщиков традиционно ярко был выражен антагонизм между фанатами «Спартака» и «ЦСКА». Фанаты московского «Динамо» поддерживали союзнические отношения с болельщиками «ЦСКА» и враждовали со «спартаковцами». Также можно отметить давнюю вражду между болельщиками московских футбольных команд и фанатами санкт-петербургского «Зенита», основанную в том числе на взаимной антипатии и противопоставлении «первой» и «второй» столиц России. Следует отметить при этом постепенное расхождение в болельщицкой среде интересов лиц, увлекающихся футболом как таковым, и лиц, чья активность связана с деятельностью хулиганских группировок, в первую очередь – массовыми силовыми противостояниями. Хулиганы, состоящие в «околофутбольных фирмах», могут не знать актуальные составы поддерживаемых ими футбольных команд, положение в турнирной таблице. Различные фанатские группировки, поддерживающие одну футбольную команду, иногда могут враждовать между собой: так, в фанатской среде получили определенную огласку конфликт между представителями поддерживающих московское «ЦСКА» фанатских группировок «*Gallant Steeds*» и «*Kids*» [4].

В 90-х – начале 2000-х гг. основным местом столкновений футбольных болельщиков были общественные места. Широкий резонанс вызвали следующие столкновения: 1 мая 1995 г. на станции московского метро «Сокольники» между группировками «*Flints Crew*» («Спартак») и «*Red Blue Warriors*» («ЦСКА»), закончившиеся победой последних; 31 марта 2001 г. столкновение на станции московского метро «Китай-Город» между группировками, поддерживавшими «Спартак» и «ЦСКА», победа спартаковцев; 11 марта 2006 г. столкновение между теми же хулиганами «Спартака» и «ЦСКА» около московской станции метро «Улица 1905 года», победа болельщиков «ЦСКА» [см.: 5, с. 200–215]. В Санкт-Петербурге 15 апреля 2000 г. около Большого проспекта произошли столкновения между болельщиками московского «Динамо» и фанатами санкт-петербургского «Зенита», в результате которых погиб 15-летний петербуржец [6]. В этот период в столкновениях широко использовалось холодное оружие и подручные средства.

Со второй половины 2000-х гг. столкновения футбольных группировок, в результате профилактической работы правоохранительных органов, трансформируются. Местом так называемых «забивов» – организованных массовых драк, о проведении которых достигается предварительное соглашение, оговаривается состав и количество участников, – становятся лесопарковые зоны, вдали от внимания прохожих и сотрудников полиции. Также происходит постепенный отказ от использования в драках холодного оружия, видеозаписи групповых столкновений размещаются на тематических форумах, получают широкую огласку в среде футбольных хулиганов.

Отдельные рецидивы футбольного насилия по настоящее время имеют место в периферийных населенных пунктах, где на матчах местных команд не применяется система Fan-ID. Так, болельщики футбольной команды города Сельцо (Брянская область) были осуждены за насильственное хулиганство в отношении болельщиков футбольной команды из города Брянска, совершенное 27 августа 2023 г. [7].

Структура казанской территориальной деликвентной группировки поставлена в зависимость от возрастного деления ее участников. И.М. Гильманов дает следующую стратификацию: «Скорлупа» – 10–12 лет, «Супера» – 13–14 лет; «Молодые» – 15–16 лет; «Середнячки» – 17 лет; «Старшие» – 18–20 лет; «Старики» – старше 21 года [8, с. 61]. Следует отметить, что данные обозначения не являются универсальными для всех группировок города. Например, «скорлупа» или «шелуха» как категория для обозначения наиболее молодой возрастной категории группировщиков использовалась в Кировском, Московском и Ленинском (в настоящее время разделен на Ново-Савиновский и Авиастроительный) районах Казани. В Приволжском, Вахитовском и Советском районах самых молодых группировщиков могли называть «Чиграши», «Зеленые» (микрорайон Горки) или нейтральной категорией «Первый возраст».

Также в реальности количество возрастов могло быть значительно меньше заявленных выше шести. «Самый младший возраст – это 15–16 лет. Они собирались около школы № 41 4–5 раз в неделю, ничем практически не занимались, просто собирали деньги… Следующий возраст после самых младших – это ребята 17–19 лет. Они собирались около стоянки, где раньше было кафе «Тургай», на берегу озера Кабан. Затем следовал возраст ребят 19–22 лет, куда входил и он сам. Их возраст сдавал в «общак» в среднем по 1000 руб. в месяц. Собирались они в комбинате «Здоровье». На вершине иерархии находился «Старший возраст», управляющий деятельностью группировки» [9].

Возраст участников фанатских группировок варьируется от 15 до 25 лет [10, с. 147]. При этом

структура фанатских «фирм» не включает в себя сложного возрастного деления, внутри них можно выделить две группы на основании занимаемого в хулиганской группировке положения: «основа» – наиболее авторитетные хулиганы, как правило, более возрастные и зарекомендовавшие себя в массовых драках; «молодежный состав» – новички в околофутбольном движении, еще не заработавшие авторитет в насильственных столкновениях. Анонимный интервьюируемый фанат московского «Спартака» приводит следующую информацию относительно внутренней структуры фанатских объединений: «Лидер, далее первый состав (в среднем до сорока человек), молодежный (до пятидесяти), есть и так называемое "окружение" плюс административный состав – бухгалтер, скауты, водилы, доктора…». Скауты в хулиганских группировках непосредственно не участвуют в совершении насильственных преступлений, выполняют функции разведчиков, выслеживают представителей враждебных группировок.

Характерной особенностью хулиганских группировок выступает их дробление на основную организацию и молодежный состав. Так объединение «*Young Crew*» болельщиков московского «Спартака» позиционировалось как молодежное крыло «*Flint Crew*», получившая широкую известность как самостоятельная «фирма» московского «ЦСКА» «*Kids*», изначально являлась молодежным подразделением «*Red Blue Warriors*».

В настоящее время целенаправленная политика государства по противодействию молодежным делинквентным формированиям принесла определенные успехи, что привело к значительному снижению криминальной активности как казанских территориальных молодежных группировок, так и столичных «околофутбольных» фирм. Тем не менее молодежная субкультурная среда не утратила способность порождать криминогенные формирования как экстремистской, так и общеуголовной направленности. В качестве примера можно привести историю с «ЧВК Редан», когда часть субкультурной молодежи из числа фанатов японской мультипликации объединились для участия в массовых драках [11]. Столкновение между представителями «ЧВК Редан» и «кварталовской»[1] молодежью около казанского торгового центра «Парк-Хаус» было профилактировано сотрудниками уголовного розыска и подразделений по делам несовершеннолетних УВД по г. Казани в 2023 г. Невыученные уроки прошлого приводят к их обязательному повторению, поэтому внимание криминологической науки и правоохранительных органов должно быть обращено на субкультурные молодежные формирования в целях недопущения их дальнейшей криминализации.

[1] «Кварталовские» (ударение на третий слог) – собирательное название союза территориальных ОПФ, базирующихся в части Ново-Савиновского района г. Казани: «39-квартал», «37-квартал», «27 квартал» и другие. 17 сентября 2008 г. в отношении наиболее криминально активных участников ОПФ Верховным судом РТ был вынесен приговор.

Литература:

1. Артамонова Я.В., Барсуков С.С. Роль субкультуры футбольных фанатов в формировании экстремистских настроений в молодежной среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 216–222.
2. Беляев М.В. Бандитский Татарстан-3. Казань: АО «ТАТМЕДИА» «ПИК Идел-Пресс», 2025 370 с.
3. Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 25 февраля 2013 г. по Уголовному делу № 2-22/2013 // Документ опубликован не был.
4. Интервью с представителем K.I.D.S. (ЦСКА) // Спортс.ру. URL: https://www.sports.ru/football/blogs/2187075.html (дата обращения: 20.01.2026).
5. Козлов В.В. Фанаты: Прошлое и настоящее российского околофутбола. СПб.: Амфора, 2008. 365 с.
6. Футбол требует жертв? // Фонтанка.ру. URL: https://www.fontanka.ru/2001/04/13/66517789/ (дата обращения: 20.01.2026).
7. В городе Сельцо Брянской области футбольные болельщики осуждены за хулиганство // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета РФ по Брянской области. URL: https://bryansk.sledcom.ru/news/item/1920940/ (дата обращения: 20.01.2026).
8. Гильманов И.М. Криминологическая характеристика антиобщественных подростково-молодежных группировок Республики Татарстан: По материалам Казани, Елабуги и Набереж. Челнов: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 1995. 175 с.
9. Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 23 января 2002 г. по Уголовному делу № 02п-01/5 // Документ опубликован не был.
10. Ветерков А.И. Футбольные фанаты современной России: анализ социокультурного феномена // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. С. 146–148.
11. Что такое «ЧВК Редан»? История «движения», существует ли оно на самом деле и как связано с драками подростков // Лента.Ру. URL: https://lenta.ru/articles/2024/12/19/chvk-redan-chto-eto/ (дата обращения: 20.01.2026).

Comparative Characteristics of Delinquent Youth Formations Using the Example of Territorial Groups and Associations of Football Hooligans

Rybushkyn N.N., Dunin O.N., Namazov E.S.
Kazan (Volga Region) Federal University

Informal youth groups are of great interest to criminological science, as this environment carries increased risks associated with the potential criminalization of adolescents and young adults.

The aim of this study is to characterize the common characteristics of delinquent informal youth groups, using Kazan's regional youth groups and football hooligan associations as examples. The objectives of the study are to determine the historical periodization of these delinquent youth groups, the primary focus of their activities, and their internal structure. Local judicial practice is used in the study.

The identity of members of Kazan's delinquent groups is based on territorial affiliation – community residence on the same street or neighborhood in the city. Identity within the fan movement was defined by support for a specific football team. The primary focus of these youth delinquent groups is the commission of violent crimes against members of rival groups or fan associations, so-called «firms». State policy to combat youth delinquent groups has to date led to a significant reduction in criminal activity by territorial groups and associations of football hooligans.

Key words: informal delinquent youth groups, youth delinquent territorial groups, football hooligans, «Kazan phenomenon», «okolo-football», group crime

УДК 343.241
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-385-389

Понятие вредоносности деяния и ее учет при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков

Сундурова Оксана Федоровна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ» (Казань), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Проведенное в статье исследование позволяет выявить сущность и соотношение категорий «вредоносность преступления» и «общественная опасность деяния» применительно к преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркотики). Вредоносность преступления характеризуется степенью тяжести негативного влияния противоправного деяния на объекты уголовно-правовой охраны и выражается в индивидуальном и коллективном ущербе от употребления наркотиков. Рассмотрены отдельные виды вредоносности: физическая, экономическая, моральная и социально-психологическая, демонстрируя широту спектра негативных последствий распространения наркотиков. Автор указывает, что общественная опасность выступает комплексной категорией, объединяющей качественные и количественные критерии (уровень вредоносности, частоту повторяемости и распространенность, признаки субъектов и способов совершения преступлений). Обоснованно утверждение, что именно совокупность вредоносности и распространенности определенных видов преступлений позволяет устанавливать высокий уровень их общественной опасности. Приведен сравнительный анализ отечественных и зарубежных концепций относительно критериев криминализации деяний, позволяющих интегрировать национальные и международные правовые доктрины в российскую практику борьбы с наркопреступностью. Проведенное исследование показало, что сущность вредоносности является важнейшей составляющей понимания общественной опасности преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и выявило необходимость дальнейшего изучения ее роли в процессе формирования эффективной уголовной политики государства.

Ключевые слова: *вредоносность, общественная опасность, наркотики, преступление, уголовная ответственность, здоровье населения*

Для цитирования: *Сундурова О.Ф. Понятие вредоносности деяния и ее учет при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 385–389. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-385-389.*

Вредоносность преступления – это категория уголовного права, характеризующая степень тяжести негативного влияния совершенного преступления на охраняемые законом общественные отношения. Вредоносность деяния показывает, насколько сильно негативное влияние конкретного преступления на защищаемые государством ценности, безопасность, порядок и законные интересы отдельных

граждан и всего общества в целом. Вредоносность может проявляться в различных формах, например: физическое повреждение, экономические убытки, моральные унижения и нарушение прав собственности. При совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, вредоносность принимает разнообразные формы, затрагивающие как индивидуальные, так и социальные аспекты.

Индивидуальная вредоносность проявляется: *в физическом воздействии*, поскольку употребление наркотических средств негативно сказывается на физическом состоянии организма, вызывая заболевания различных органов; *в психологическом влиянии*, которое проявляется в быстро формирующейся наркотической зависимости, борьба с которой является труднопреодолимой. Разрушается личность, снижаются интеллектуальные способности и способности адекватно воспринимать реальность; в социальной изоляции такого лица, поскольку теряется контакт с семьей, друзьями и обществом, происходит изоляция от нормальной жизни и высока вероятность попадания в криминальную среду.

Коллективная вредоносность включает в себя: распространение преступности: преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, способствуют росту преступности, коррупции и организованной преступности, дестабилизируя общество и правопорядок; экономические потери, заключающиеся в расходах государства на борьбу с наркобизнесом, лечение зависимых, реабилитационные программы и профилактику наркомании, что увеличивает нагрузку на бюджет; демографический кризис: высокая смертность среди молодых людей, употребляющих наркотики, ведет к сокращению трудоспособного населения, уменьшению рождаемости и ухудшению демографической ситуации в целом. Эти формы вредоносности подчеркивают серьезность проблемы с незаконным оборотом наркотиков и необходимость комплексного подхода в борьбе с ней.

Соотношение вредоносности деяния и общественной опасности деяния рассмотрим на примере преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Эти деяния наносят серьезный ущерб человеку и обществу, поскольку нарушается физическое и психическое здоровье потребителей; увеличивается число заболеваний, формируется зависимость, ведущая к деградации личности и социальным проблемам; повышается риск совершения насильственных действий и суицидальных попыток под воздействием наркотиков. Эти факторы определяют вредоносность рассматриваемых преступлений, показывая конкретные негативные последствия для отдельного индивида и общества в целом.

Таким образом, общественная опасность деяний выражается в широком спектре негативных социальных явлений, вызванных распространением наркотиков. Общественная опасность определяется масштабностью последствий нарушения закона: чем больше ущерб интересам общества и государства, тем выше общественная опасность. Общественная опасность – это способность деяния нанести существенный вред охраняемым законом интересам общества, государства или отдельных лиц.

К критериям оценки причиненного вреда при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, относятся: 1) характер вреда, который определяет вид общественных отношений, которым наносится ущерб преступлением; 2) степень тяжести последствий учитываемая путем оценки масштабов ущерба, нанесенного деянием; 3) способ совершения преступления, оказывающий влияние на оценку его общественной опасности. Некоторые способы являются наиболее опасными и приводят к более тяжким последствиям (п. «б» ч. 2 ст. 228^1, п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ); 4) субъект преступления, поскольку некоторые категории преступников представляют большую угрозу обществу. Например, лица, в чьих действиях содержится рецидив преступлений; лица, совершившие преступление в отношении несовершеннолетнего лица (п. «в» ч. 4 ст. 228^1, п. «а» ч. 3, п. «а» ст. 230 УК РФ); лица, совершившие преступления в группе (п. «а» ч. 3, п. «а» ч. 4 ст. 228^1, п. «а» ч. 2 ст. 228^4 и др. ст.); лица, привеченные к административной ответственности за аналогичное деяние (ст. 230^3 УК РФ); 5) место и обстановка, в которой было совершено преступление, имеют значение при оценке его общественной опасности (п. «а» ч. 2 ст. 228^1 УК РФ).

Таким образом, общественная опасность преступления представляет собой комплексный критерий, включающий характер и степень вреда, способ совершения, субъекта преступления и обстоятельства, при которых оно было совершено. Эти факторы учитываются судом при квалификации содеянного и назначении наказания.

Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ определяется их вредоносностью. Вредоносность в научной литературе чаще всего рассматривается как возможно причиненный вред в будущем, связь которого с преступлением не всегда представляется очевидной. Н.Ф. Кузнецова утверждала, что ведущими и определяющими общественной опасности всей совокупности преступлений выступают объект и последствие преступления [1, с. 60–64; 2, с. 69]. Самого факта установления какого-либо поступка, причиняющего вред кому-либо, недостаточно для признания его либо общественно опасным, либо общественно полезным. Для такой оценки необходимо понимать, какое место этот поступок занимает в системе общественных связей и отношений. Объект посягательства представляется необходимым элементом при установле-

нии общественной опасности деяния. Преступное последствие и вред, причиненный преступлением, не являются равными по значению понятиями, поскольку последствие, это вред, наступающий в результате совершения преступления, который закреплен в статье нормы Особенной части УК РФ. Вред, причиненный преступлением, представляет собой более широкое понятие наступления социальных последствий совершенного преступления. Так, при незаконном обороте наркотиков не следует сводить последствия лишь к приобретению или хранению этих запрещенных средств или веществ и наступлению их только в отношении одного или нескольких лиц, их надо рассматривать более широко, с точки зрения причинения социального вреда обществу.

Уровень общественной опасности деяния устанавливается путем учета его вредоносности и распространенности. В литературе некоторыми авторами определяются возможные кумулятивные модели уровня общественной опасности. Так, например, А.Д. Нечаев, выделяет девять моделей [3, с. 158]. Преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, свойственно сочетание максимальной вредоносности и распространенности, что свидетельствует о высоком уровне общественной опасности данных преступлений и сохранении уголовно-правового запрета. Эти деяния являются распространенными, имеют тенденцию к росту, особенно в молодежной среде. Не все авторы признают распространенность деяния как самостоятельный признак, поскольку отсутствие судебной практики не всегда демонстрирует необходимость декриминализации преступления [4, с. 107; 5, с. 30–31]. И.М. Гальперин отмечал, что распространенность – это количественный фактор, имеющий существенное значение с точки зрения криминализации деяний, позволяющий оценить целесообразность издания правовой нормы, рассчитанной на частое применение [6, с. 59]. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. содержит положение, согласно которому при криминализации следует учитывать степень распространенность деяний, значимость ценностей, на которые осуществляется посягательство, и существенность причиняемого вреда [7]. В дальнейшем Конституционный Суд РФ не менял свою позицию [8].

Зарубежными авторами выделяются различные концепции общественной опасности деяния. Например, концепция легального морализма утверждает, что законодательство должно не только регулировать поведение людей, но и формировать их внутренние убеждения, внедрять в общество моральные принципы, используя силу закона. Право используется для морализации общества. Поэтому сторонники этой концепции рассматривают аморальность как критерий криминализации, что приводит к дискуссиям о том, следует или нет, осуществить криминализацию потребления наркотиков [9; 10].

Существует концепция вреда и предупредительных теорий наказания, согласно которой вред необходимое, но не единственное основание для криминализации [11, с. 372; 12, p. 114]. Именно концепция вреда, предложенная Миллем, лежит в основе дискуссий о пределах общественной терпимости. Принцип вреда – это принцип негативной свободы (в отличие от позитивной свободы), то есть свободы от внешнего вмешательства и ограничений. Индивид суверенен над своим собственным разумом и телом, а действия, не представляющие угрозы для других, не являются делом государства. Некоторые преступления, предусмотренные законом, нарушают его. К этой категории относятся преступления, связанные с пороками. Некоторые люди рассматривают их как действия, свободно совершаемые всеми вовлеченными сторонами, и, следовательно, они должны находиться вне сферы вмешательства государства. Например, продажа наркотиков, незаконные азартные игры, проституция и порнография в прежние времена осуждались по моральным соображениям, а не по соображениям причинения вреда. Поскольку традиционная мораль сегодня не так сильно влияет на общественное мнение, как в прошлом, дискуссии об этих видах деятельности теперь сосредоточены на причинении вреда. Смещение акцента с морали на вред приводит к включению условия в виде согласия в определение преступления, связанного с пороками. Если стороны, участвующие в порочной деятельности, согласны свободно участвовать в ней, воспринимая её приятной или полезной, то такие действия некоторыми лицами признаются безвредными, поскольку любой вред, который может возникнуть в результате такой деятельности, предположительно причиняется только тем, кто решил в ней участвовать. Если закон вмешивается в деятельность тех, кто занимается подобными действиями, принцип причинения вреда осуждает это как неоправданное и снисходительное посягательство на их свободу [11, с. 372]. На основе концепции Дж. Милля была разработана концепция Г. Харта, в которой была развита идея о цели установления санкции за совершение преступления, направленной на предупреждение вреда, который может быть причинен другим лицам, или оскорбление других лиц или в определенных случаях причинение вреда самому себе [13, p. 417].

Существует смешанная концепция, которая сочетает в себе рассмотренные выше признаки. Её представителем является Дж. Фейнберг. Он настаивал, что кроме причиненного вреда следует учитывать оскорбительность совершенного деяния; запрет надо поддержать, поскольку он является эффективным средством предупреждения оскорбления других лиц [14].

Выделяется концепция патернализма, которая состоит в том, что государство должно заботиться о своих гражданах, однако при этом не нарушать их права и свободы. Например, государство заботится о здоровье населения, устанавливая уголовную ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Представителем отечественной науки, разработавшим концепцию вредоносности, является С.В. Познышев. Он исходил из того, что преступлением может быть только вредоносное отношение к другим людям, а не к себе, вредоносное для других лишь как пример поведения, когда люди лишены всей суммы полезностей, которые они бы получили, если бы не поведение этого субъекта [15, с. 50]. Концепция вредоносности поддерживается в российской научной литературе, однако высказываются предложения о замене категории общественной опасности на вредоносность, а также формулируются более широкие взгляды на содержание общественной опасности преступления, включая в нее [16] или наряду с ней [17, с. 38] учет личности. Н.А. Нокомонов и другие авторы придерживаются мнения, что в понятии преступления следует указать существенность вреда [18, с. 24]. Н.Ф. Кузнецова в более ранний период времени отмечала, что существенность вреда не может охватить формальные преступления и такие, в которых нет вреда [1, с. 62].

А.Д. Нечаев, соглашаясь с тем, что имеют право на существование различные подходы к содержанию общественной опасности, учитывающие вину и другие конститутивные признаки состава преступления, личность преступника и другие обстоятельства, в то же время отмечает, что место данных подходов лежит вне плоскости криминализации (декриминализации) деяний [3, с. 140]. Мы исходим из того, что при криминализации деяний, за которые наступает уголовная ответственность лиц, ранее подлежащих административной ответственности (ст.ст. 116^1, 158^1, 230^3 УК РФ), как раз учитывается общественная опасность личности, которая и влияет на привлечение к уголовной ответственности.

Литература:

1. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
2. Иванов Н.Н. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации: монография. М.: Проспект, 2016. 80 с.
3. Нечаев А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 331 с.
4. Коробеев А.И. Причины преступлений в свете теории криминализации // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве: межвузовский сб. / отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1983. С. 99–109.
5. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. 210 с.
6. Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство// Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 47–76.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П/2001 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.
8. Конституционный Суд РФ. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/ (дата обращения: 01.02.2026).
9. Moor M. Placing Blame: a General Theory of the Criminal Law. Oxford, 2010. 872 p.
10. Duff R.A. Political Retributivism and Legal Moralism // Virginia Journal of Criminal Law. 2012. Vol. 1. № 1. P. 179–204.
11. Миль Дж. О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / Отв. ред. М. А. Абрамов. М.: Наука, 1995. С. 288–392. URL: http://az.lib.ru/m/millx_d_s/text_1859_on_liberty.shtml (дата обращения: 01.03.2026).
12. Hurcourt B.E. The Collapse of the Harm Principle // The J. CRIM. L. & CRIMINOLOGY. 1999. Vol. 90. № 1. P. 109–194.
13. Renzo M. Law, Liberty and Morality: Fifty Years On // Criminal Law and Philosophy. 2013. Vol. 7. P. 417.
14. Feinberg J. Tye Moral Limits of Criminal Law. Vol. 2. Offense to Others. Oxford. 1985. 255 p.
15. Познышев С.В. Учебник уголовного права. Очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права: в 2 т. Т. I. Общая часть: уче. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 300 с.
16. Нокомонов В.А. «Криминализация» административного права или административный произвол криминализации? // Библиотека криминалиста. Научный журнал 2013. № 2(7). С. 208–213.
17. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014. 352 с.
18. Нокомонов В.А. Современная российская уголовная политика: желаемое и действительное // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы 4-й Межд науч.-практ. конф., 25–26 января 2007 г. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 22–25.

The Concept of Harmfulness of an Act and its Consideration when Committing Crimes Related to Illegal Drug Trafficking

Sundurova O.F.
University of Management «TISBI» (Kazan),
Kazan Branch Russian State University of Justice

The research conducted in this article allows us to identify the essence and relationship between the categories of "harmfulness of a crime" and "social danger of an act" as they apply to crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances (hereinafter drugs). The harmfulness of a crime is characterized by its severity. The negative impact of illegal acts on the objects of criminal law protection, measuring the individual and collective harm from drug use. Individual types of harm are considered: physical, economic, moral, and socio-psychological, demonstrating the wide range of negative consequences of drug trafficking. The author points out that the social danger is. A comprehensive category combining qualitative and quantitative criteria (level of harm, frequency of occurrence and prevalence, signs of perpetrators, and methods of committing crimes). It is reasonable to assert that it is the combination of harm and prevalence of certain types of crimes that allows us to establish a high level of social danger for them. A comparative analysis of domestic and international concepts regarding the criteria for criminalizing offenses is presented, allowing for the integration of national and international legal doctrines into Russian practices in combating drug-related crime. The study demonstrated that the essence of harmfulness is a crucial component in understanding the social danger of drug-related crimes and highlighted the need for further study of its role in the development of effective state criminal policy.

Key words: harmfulness, public danger, drugs, crime, criminal liability, public health

УДК 338.2:343.81
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-390-395

Развитие взаимодействия исправительных учреждений с государственными и коммерческими заказчиками как стратегическое направление повышения экономической безопасности региона

Сымчаан Долаана Романовна
Главный экономист УФСИН России по Республике Тыва (Кызыл)

Чернышов Илья Николаевич
Кандидат экономических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры экономики, менеджмента,
организации производственной деятельности и трудовой
адаптации осужденных Академии ФСИН России (Рязань)

Савина Ольга Васильевна
Доктор сельскохозяйственных наук,
профессор кафедры экономики, менеджмента, организации
производственной деятельности и трудовой адаптации
осужденных Академии ФСИН России (Рязань)

В работе исследован потенциал учреждений уголовно-исполнительной системы в развитии региона, а также выявлены факторы, благоприятствующие региональному развитию. Изучены демографические показатели региона. Исследована динамика привлечения к труду осужденных к лишению свободы за последние пять лет. Проведен анализ структуры товарной продукции производственных подразделений УИС по Республике Тыва в разрезе категорий заказчиков. Показано, что развитие взаимовыгодного сотрудничества учреждений УИС с региональными субъектами экономики через широкую систему мер государственной поддержки создаст предпосылки для развития региона и повышения экономической безопасности региона.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, производственная деятельность УИС, трудовая адаптация осужденных, экономическая безопасность региона*

Для цитирования: *Сымчаан Д.Р., Чернышов И.Н., Савина О.В. Развитие взаимодействия исправительных учреждений с государственными и коммерческими заказчиками как стратегическое направление повышения экономической безопасности региона // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 390–395. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-390-395.*

В обстоятельствах нестабильности внешней обстановки государства вопросы укрепления экономической безопасности страны выходят на первый план. Сбалансированное территориальное развитие

становится основополагающей задачей, важной для национальной безопасности страны.

Учреждения уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), располагая значительными трудовыми ресурсами и производственным потенциалом, играют существенную роль в обеспечении не только регионального развития, но и страны в целом. Тем не менее экономический потенциал исправительных учреждений реализуется не в полной мере. При формировании стратегий социально-экономического развития регионов возможности учреждений УИС остаются вне внимания. Внедрение потенциала исправительных учреждений в региональные экономические планы может способствовать созданию новых рабочих мест, развитию местных производств и увеличению налоговых поступлений в бюджет страны [1].

Для эффективного использования экономического потенциала исправительных учреждений необходимо проводить комплексный анализ их деятельности, выявлять возможности для сотрудничества с хозяйствующими субъектами региона и разрабатывать механизмы поддержки инновационных проектов, реализуемых в исправительных учреждениях.

Пространственное развитие территории подвержено влиянию множества различных факторов ввиду своей многогранности и динамики. Каждый регион России обладает уникальным сочетанием таких факторов. Изучение и классификация этих факторов важны для анализа уровней регионального развития, выявления тенденций и специфики региональной дифференциации, а также определения потенциальных точек роста [2].

Проведение системного анализа факторов и препятствий помогает выработать рекомендации для эффективного стратегического управления социально-экономическим развитием регионов.

Следовательно, выявление значимых факторов и изучение особенностей взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы с участниками региональной экономики в контексте организации трудовой занятости осужденных представляют собой актуальную проблему, требующую научного осмысления и изучения.

Цель работы – изучить потенциал производственных подразделений уголовно-исполнительной системы в развитии региона и выявить факторы, способствующие активному использованию этого потенциала.

Основными информационными источниками для проведения анализа процессов взаимодействия производственного сектора УИС и субъектов региональной экономики являются данные ведомственной статистической отчетности. В частности, были использованы сведения о привлечении к труду осужденных, объемах выпуска товаров, работ и услуг учреждениями УИС, а также данные об их основных потребителях в 2021–2025 гг. Также предметом анализа была структура товарной продукции производственных подразделений УИС Республики Тыва в разрезе основных категорий потребителей продукции исправительных учреждений региона:

– учреждений и органов УИС;

– государственных и муниципальных закупок (без учета УИС);

– коммерческих организаций.

Данный подход позволяет выявить коммерческую составляющую продукции, производимой исправительными учреждениями, и уточнить направления взаимодействия производственных подразделений уголовно-исполнительной системы с субъектами региона. Это станет основой для выработки рекомендаций по стратегическим направлениям дальнейшего развития региона и повышения его экономической безопасности.

Экономическое развитие региона строится на основополагающих законах производственной микроэкономики. Ведущими показателями, определяющими уровень и направление дальнейшего экономического развития, являются социально-экономические показатели [2].

Современная экономическая реальность выдвигает на первый план острую проблему состояния трудового потенциала страны в целом и каждого региона в частности. Ключевой вопрос заключается в том, кто составит основу рабочей силы, способной трансформировать экономические планы в конкретные результаты, выраженные в основных экономических показателях.

Современная демографическая ситуация в стране характеризуется устойчивым сокращением численности экономически активного населения, что неизбежно ведет к уменьшению трудового потенциала. Это создает серьезные вызовы для социально-экономического развития, ограничивая возможности экономического роста.

Для комплексного анализа данной проблемы рассмотрим население Республики Тыва в двух ключевых аспектах: как социальную общность (совокупность людей, проживающих на определенной территории) и как экономический ресурс (участников производственных процессов). Динамика демографических показателей в Республике Тыва приведена в таблице 1. Исследование охватывает период с 2021 по 2025 гг. и основывается на достоверных статистических данных [3].

Анализ данных, представленных в таблице 1, свидетельствует о постепенном приросте общей численности населения при снижении общих коэффициентов рождаемости и естественного прироста населения региона.

За исследуемый период общая численность населения региона увеличилась на 1,6 %. Также положительной тенденцией является незначительный

Таблица 1

Динамика демографических показателей в Республике Тыва за 2021–2025 гг. [3]

Наименование показателя	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темпы прироста 2025/21 гг., %
Население на конец года, тыс. чел.	333,0	332,6	337,3	337,5	338,5	1,6
Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел. населения)	19,2	17,9	16,9	15,8	15,9	-17,2
Население в трудоспособном возрасте, % от общей численности	54,7	55,5	56,8	56,9	55,0	0,3
Изменение численности населения (прирост за год в процентах)	0,9	-0,1	1,4	0,1	0,3	-66,7
Коэффициент демографической нагрузки (на 1000 чел. трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов)	825	828	792	766	776	-5,9

рост доли трудоспособного населения на 0,3 %. Однако данный показатель колебался в течение пяти лет: пик роста пришелся на 2024 г., затем началось снижение практически до уровня 2021 г. (55 %). Подобные скачки свидетельствуют о нестабильности демографической базы трудоспособного населения региона. Тем не менее за исследуемый период произошло снижение коэффициента демографической нагрузки на трудоспособное население на 5,9 %, что является положительным моментом.

Подробнее проанализируем возрастную структуру населения региона (рис. 1).

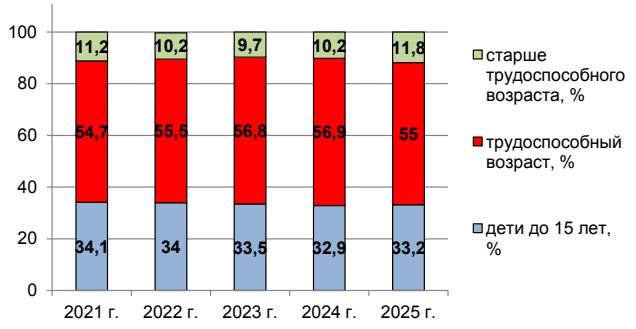

Рис. 1. Возрастная структура населения Республики Тыва за 2021–2025 гг. [3]

Как видим, в исследуемый период наблюдается постепенная тенденция увеличения численности населения трудоспособного возраста. Однако при такой положительной динамике демографических показателей имеет место отрицательная тенденция рождаемости населения – упала численность детей в возрасте до 15 лет. Также из данных таблицы 1 видно, что показатель рождаемости снизился с 19,2 родившихся на 1000 чел. в 2021 г. до 15,9 в 2025 г., т.е. на 17,2 %. Отрицательная динамика рождаемости в регионе создает угрозу будущим ресурсам трудоспособного населения. Низкая доля детей, подростков и молодежи создает недостаток молодых кадров в будущем, а также снижает потенциал рабочей силы. Происходит процесс старения населения, растет доля пожилых и снижается доля молодежи. В этих условиях особого внимания заслуживает специфическая категория трудовых ресурсов – лица, осужденные к лишению свободы.

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы характеризуется формированием предпосылок для создания эффективной модели взаимодействия с обществом. ФСИН России разработал перечень мероприятий, направленных на организацию производственной деятельности, где значительное внимание уделяется сотрудничеству с федеральными и региональными властями, а также сторонними организациями [4]. Учитывая важность трудовой адаптации осужденных в процессах их успешной ресоциализации, государственная поддержка в форме получения государственных и муниципальных заказов приобретает ключевое значение. Успешная реализация таких программ может положительно сказаться на социально-экономических показателях региона [5; 6].

В этой связи представляет интерес анализ статистических данных ФСИН России о численности трудоспособных осужденных в учреждениях УИС региона и объемах производимой ими продукции, товаров и услуг.

Рассмотрим показатели, характеризующие деятельность УИС Республики Тыва по привлечению осужденных к труду. На рисунке 2 показана структура численности трудоспособных осужденных в УФСИН России по Республике Тыва в динамике за пять лет. Как видим, в 2021–2025 гг происходило снижение общей численности трудоспособных осужденных, подлежащих обязательному привлечению к труду – за пять лет данный показатель снизился в 2,4 раза. Вместе с тем сокращалась доля осужденных, не обеспеченных рабочими местами. Так, если в 2021–2022 гг. 57,7–52,9 % трудоспособных осужденных не было обеспечено рабочими местами, то в 2023–2025 гг. доля не привлеченных к труду осужденных снизилась до 30,2–33,3 %, что в целом является положительным моментом. Однако доля свободных трудовых ресурсов среди осужденных

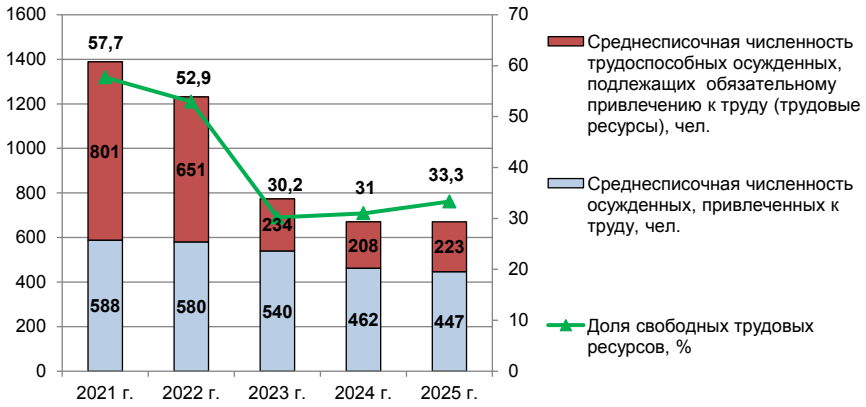

Рис. 2. Структура численности трудоспособных осужденных в УФСИН России по Республике Тыва в 2020–2025 гг.*

в исправительных учреждениях Республики Тыва все еще достаточно высока, что требует создания дополнительных рабочих мест.

Проведем структурный анализ объемов производства, выполненных работ и оказанных услуг исправительными учреждениями региона с точки зрения потребителей товарной продукции.

Представленные в таблице 2 данные показывают значительную структурную разнонаправленность между категориями заказчиков товарной продукции. На фоне общего роста объемов производства в 2023–2024 гг. доля отдельных категорий заказчиков кардинально меняется.

Преобладающая доля выпущенной продукции приходится на внутрисистемные заказы в рамках самообеспечения учреждений УИС, несмотря на снижение её в анализируемом периоде на 7,2 %. Вместе с тем мы видим рост спроса от сторонних организаций и исполнительной власти субъекта РФ. Доли этих категорий заказчиков существенно выросли, тогда как доли и объемы для внутренних нужд и органов местного самоуправления снизились. Данная тенденция указывает на повышение интереса во взаимодействии от заказчиков регионального уровня, тогда как доля федеральных заказчиков остается стабильно низкой 2,9–3,1 %.

В Республике Тыва реализуются региональные государственные программы, которые являются основными источниками финансирования мероприятий, проводимых для развития различных отраслей региона, в том числе и с привлечением производственного сектора УИС [7]. За анализируемый период производственными учреждениями УФСИН России по Республике Тыва значительные объемы заказов для нужд органов исполнительной власти региона были обеспечены за счет исполнения государственных контрактов на поставку металлических изделий, швейной продукции, а также предоставление услуг по строительству домов для детей-сирот.

Отмечается ориентированность сотрудничества производственного сектора УИС с региональными властями на национальные виды производства, что играет важную роль в поддержании и укреплении национальной безопасности региона.

Мы видим стабильную динамику и увеличение заинтересованности региональных властей субъекта и коммерческих структур региона в развитии взаимодействия с производственным сектором УИС, что говорит о начавшемся процессе интеграции УИС в обеспечение развития региона.

Учреждения уголовно-исполнительной системы по Республике Тыва располагают производственными площадями и мощностями, ориентированными на организацию таких производств, как производство швейной продукции, мебели, металлоизделий, деревообработки, сувенирной продукции, продуктов питания, ремонт автотранспортных средств. Согласно Стратегии пространственного развития

Таблица 2

Структура объема производства товаров, выполненных работ и оказанных услуг, связанных с привлечением осужденных к труду, УФСИН России по Республике Тыва за 2023–2025 гг.*

Категории заказчиков	Объем производства товаров, выполненных работ и оказанных услуг					
	2023 г., тыс. руб.	Доля в общем объеме, %	2024 г., тыс. руб.	Доля в общем объеме, %	2025 г., тыс. руб.	Доля в общем объеме, %
для нужд уголовно-исполнительной системы	31 349,48	35,2	25 127,52	27,8	17 930,04	28,0
для нужд федеральных органов исполнительной власти	2 615,48	2,9	3 560,09	3,9	1 972,6	3,1
для нужд органов местного самоуправления	23 013,82	25,8	10 982,2	12,1	1 989,98	3,1
для нужд органов исполнительной власти субъекта РФ	10 385,09	11,7	30 429,77	33,6	9 381,0	14,6
для нужд сторонних организаций	21 676,30	24,3	20 362,41	22,5	32 770,73	51,2
ВСЕГО	89 040,17	100	90 461,99	100	64 044,35	100

* Источник: статистическая отчетность ФСИН России, расчеты авторов.

Российской Федерации на период до 2030 г., данные направления производственной деятельности соответствуют перспективной экономической специализации Республики Тыва, что создает хорошие предпосылки для развития взаимодействия государственных и коммерческих структур с исправительными учреждениями региона [8].

Такое взаимодействие приносит выгоду обеим сторонам: учреждения уголовно-исполнительной системы решают задачи трудоустройства осужденных, а региональные власти уменьшают нагрузку на региональный бюджет [9]. Это приобретает особую актуальность в связи с тем, что в настоящее время трудовой и производственный потенциал исправительных учреждений используется недостаточно эффективно с точки зрения развития региональной экономики. При этом уголовно-исполнительная система располагает значительными ресурсами, позволяющими не только удовлетворять государственные нужды, но и активно взаимодействовать с бизнес-сообществом. Такое сотрудничество могло бы способствовать развитию малого и среднего предпринимательства, одновременно решая важные социальные задачи: профессиональную адаптацию осужденных, формирование у них трудовых навыков и, в конечном итоге, увеличение доли экономически активного населения в регионе [4; 5].

Таким образом, развитие взаимодействия государственных и коммерческих структур с исправительными учреждениями региона в плане создания производств, соответствующих перспективной экономической специализации Республики Тыва, подкрепленное широкими мерами государственной поддержки, имеет хорошие перспективы для улучшения экономической ситуации в регионе. Реализация такого взаимодействия создает экономическую устойчивость для местных производителей, обеспечивает условия для роста валового регионального продукта Республики Тыва и в целом отвечает стратегическим направлениям повышения экономической безопасности региона.

Литература:

1. Козин М.Н. Пенитенциарная экономика России в условиях санкционных рисков: целевые ориентиры и последствия // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3. № 1. С. 16–21.
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2024: Стат. сб. М.: Росстат, 2024. 852 с. URL: http:// sl.rosstat.gov.ru› storage/mediabank/sep_…
3. Статистический ежегодник Республики Тыва 2024: Стат.сб. Красноярск: Красноярскстат, 2024. 339 с.
4. Радченко Е.П., Соловьев Д.Ю. Государственно-частное партнерство и перспективы развития производственного сектора уголовно-исполнительной системы в ближайшие годы // Безопасность бизнеса. 2020. № 1. С. 30–32.
5. Родионов А.В. Основы формирования и реализации уголовно-исполнительной политики в сфере привлечения осужденных к труду: проблемы и направления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 49–58.
6. Чернышов И.Н. Развитие производственной базы исправительных учреждений: краткий анализ и факторы влияния // Преступление, наказание, исправление. V Межд. пенитенциарный форум, приуроченный к проведению в 2021 г. в РФ Года науки и технологий: сб. тезисов выступлений и докладов участников. Рязань, 2021. С. 307–311.
7. Постановление Правительства Республики Тыва от 24.12.2018 № 638 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года». URL:http://publication.pravo.gov.ru›document/1700201812280002
8. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http: //kremlin.ru›acts/bank/47046
9. Мошненко О.В. К вопросу об эффективности производственного сектора уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1–4). № 4. С. 652–656.

Development of Cooperation Between Correctional Institutions and Government and Commercial Customers as a Strategic Direction for Improving the Economic Security of the Region

Symchaan D.R.
Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Tyva (Kyzyl)
Chernyshov I.N., Savina O.V.
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan)

The article examines the potential of penitentiary institutions in the development of the region, as well as identifies factors contributing to regional development. Demographic indicators of the region have been studied. The dynamics of the recruitment of persons sentenced to imprisonment over the past five years has been studied. The analysis of the structure of commercial products of the UIC production units in the Republic of Tyva in the context of consumer categories is carried out. It is shown that the development of mutually beneficial cooperation between SIS institutions and regional economic entities through a broad system of government support measures will create prerequisites for the development of the region and increase the economic security of the region.

Keywords: penal enforcement system, production activities of the penal enforcement system, labor adaptation of convicts, economic security of the region

УДК 330.34
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-396-402

Институциональная трансформация энергетического рынка России в условиях цифровизации

Хабибуллина Лариса Васильевна
Первый заместитель председателя Государственного комитета Республики Татарстан по тарифам (Казань)

Актуальность темы исследования обусловлена стратегической значимостью энергетики для российской экономики, применением цифровых технологий в качестве драйвера изменений, необходимостью институциональных преобразований, связанных с адаптацией нормативно-правовой базы, трансформацией системы взаимоотношений субъектов энергорынка и развитием новых бизнес-моделей.

Цель исследования направлена на выявление и систематизацию ключевых институциональных изменений для оценки эффективности существующих механизмов регулирования энергетического рынка и разработки обоснованных рекомендаций по усовершенствованию его работы.

Задачи исследования связаны с выявлением институциональных ограничений и проблемных вопросов для разработки модели и перспективных направлений развития энергетического рынка.

Предметом исследования в статье является институциональная трансформация энергетического рынка России в условиях цифровизации. В работе проанализированы этапы развития энергетического рынка, выявлены их сильные и слабые стороны, предложены пути развития и перехода на следующий этап.

Актуализирован потенциал развития энергетического рынка, предложен механизм реинвестирования в отрасль. Определена необходимость институциональных изменений в сфере электроэнергетики в условиях цифровизации для внедрения технологий блокчейн и смарт-контрактов.

Ключевые слова: *энергетический рынок, институциональная трансформация, энергопотребление, цифровизация*

Для цитирования: *Хабибуллина Л.В. Институциональная трансформация энергетического рынка России в условиях цифровизации // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 396–402. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-396-402.*

Энергетический рынок России прошел и продолжает проходить через значительные институциональные преобразования, меняющие характер взаимоотношений между всеми его участниками.

Нами на основе изучения исторической ретроспективы выделены пять этапов реформирования трансформации институциональной структуры энергетического рынка.

Первому этапу (до 1992 г.) характерна советская модель в виде вертикально-интегрированной монополии, а именно Министерства энергетики СССР. По словам А. Конопляника, президента Фонда развития энергетической и инвестиционной политики и проектного финансирования (ЭНИПиПФ), из доклада для конференции «ЭКСПО 2010, Россия, Москва. Ресурсы, технологии, идеи – путь к единому миру» 2010 г.: «В 1970–1980 годы произошло осознание того, что выход на современные уровни энергопотребления и энергопроизводства делает невозможным обеспечение надежности, беспере-

бойности эффективного энергоснабжения за счет "старых" инструментов монопольного рынка. Произошел переход от стратегии развития рынков, базирующейся на философии "энергетической независимости", к стратегии, основанной на философии "энергетической взаимозависимости" основных игроков на энергетических рынках. Он отметил, что к началу 90-х годов, к моменту выхода России на международную арену в качестве самостоятельного субъекта международного права и политики, строящего свою экономическую политику по иным, отличным от предыдущих десятилетий принципам, новая институциональная структура мирового нефтяного рынка была уже фактически сформирована» [1].

Переходному, или второму этапу (1992–2003 гг.) важно выделить формирование начальной рыночной структуры. В этом периоде произошли основные изменения, связанные с:

– созданием РАО «ЕЭС России» (1992 г.) – холдинга, объединяющего генерацию, распределение всех видов сетей и сбытовую составляющую;

– принятием Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [2] и Федерального закона от 14.04.1995 № 41-ФЗ «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации» [3], как основополагающие законы в формировании взаимоотношений в сфере электроэнергетики;

– формированием федерального оптового рынка электроэнергии и мощности, как центра ответственности за распределение объемов электрической энергии по регионам страны;

– появлением первых независимых производителей электроэнергии, как отдельных участников системы;

– созданием региональных энергетических комиссий для регулирования цен и тарифов.

Третьему этапу (2003–2008 гг.) реформирования отрасли электроэнергетики, по нашему мнению, присуще:

– принятие пакета законов о реформировании электроэнергетики;

– разделение по видам деятельности: генерация, передача, сбыт;

– формирование оптового рынка электроэнергии и мощности, с созданием администратора торговой системы и НП «Совет рынка» [4], как регулятора рынка;

– начало функционирования конкурентных сегментов рынка – рынка на сутки вперед и балансирующего рынка;

– реорганизация РАО «ЕЭС России» с созданием оптовых генерирующих компаний, объединяющих электростанции, территориальных генерирующих компаний [5], включающих теплоэлектроцентрали, межрегиональных распределительных сетевых компаний, федеральной сетевой для управления Единой национальной электрической сетью;

– приватизация генерирующих активов и привлечение частных инвестиций посредством создания механизма договоров на предоставление мощности.

В четвертом, постреформенном периоде (2009–2014 гг.) произошла консолидация и корректировка в части развития конкурентных механизмов и государственного регулирования:

– консолидация сетевых активов в рамках холдинга «Россети»;

– введение института «гарантирующих поставщиков» на розничном рынке;

– усиление государственного контроля в стратегических сегментах сетевого комплекса, гидро- и атомных генерациях;

– формирование долгосрочных рынков мощности;

– корректировка правил оптового рынка для снижения волатильности цен;

– создание технологической инфраструктуры рынка системных услуг.

В настоящее время перед сферой электроэнергетики стоят новые вызовы и актуализирована ее адаптация (2015 г. – по настоящее время):

– создание институциональной базы для возобновляемой энергетики;

– формирование рынка тепловой энергии путем перехода к модели «альтернативной котельной»;

– развитие микрогенерации – правовое оформление статуса «активных потребителей»;

– институционализация цифровой трансформации энергетики.

На рисунке 1 показана структура Единой энергетической системы (ЕЭС), объединенной энергосистемы (ОЭС) и территориально-производственных комплексов с акцентом на планирование энергопотребления, генерацию, распределение и магистральную передачу электроэнергии.

Представленная на рисунке 1 схема отражает функционирование энергосистемы до начала распада СССР. В этот период новые мощности создавались с ориентиром на рост потребления, согласованность которого обеспечивалась единством планирования и единоначалием уровня территориально-производственных комплексов (ТПК) [6]. Ввод новых мощностей генерации и сетей был синхронизирован с планами развития ТПК, которые де-факто были единственными потребителями электроэнергии и мощности.

Современная институциональная структура взаимодействия в рамках функционирования энергетического рынка включает такие ключевые институты регулирования как:

– Министерство энергетики Российской Федерации, которое определяет и отслеживает стратегическую политику по развитию энергетических рынков;

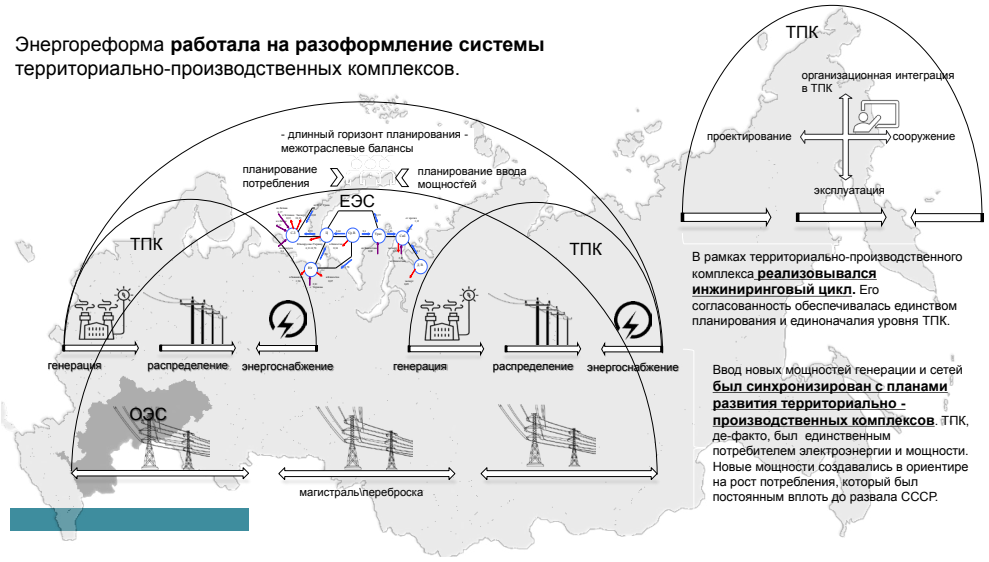

Рис. 1. Институциональное изменение схемы электроснабжения (разработано автором)

– Федеральная антимонопольная служба отвечает за формирование нормативно-правой базы по регулированию цен и тарифов, контроль в части принятых тарифных решений и предотвращает монополистическую деятельность;

– Системный оператор обеспечивает технологическую координацию рынка энергетических ресурсов;

– Ассоциация «Некоммерческое партнерство «Совет рынка» разрабатывает правила рынка и контролирует их соблюдение.

– Энергетический рынок России имеет уникальные характеристики, обусловленные географическими, историческими и экономическими факторами.

Географические особенности энергетического рынка России определяются резким дисбалансом: 90 % запасов топлива и 80 % гидроэнергетического потенциала сосредоточены в Азиатской части (Сибирь, Дальний Восток), тогда как 80 % населения и основных потребителей – в Европейской части.

Климатическим условиям характерен суровый климат: средняя зимняя температура от -4°C до -48°C в разных регионах, а также высокая сезонность потребления с разницей между зимним и летним пиком до 30–40 %.

Экономический дисбаланс формирует распределение гидроэнергетических ресурсов, из которых 80 % экономически эффективного потенциала сосредоточено в Сибири и на Дальнем Востоке, при этом разрыв в электропотреблении между регионами достигает семикратного значения, например: Московская энергосистема показывает уровень 14000 кВт·ч/чел в год, а Северо-Кавказские республики – менее 2000 кВт·ч/чел в год.

Энергодефицитными регионами остаются Центр, Северо-Запад, Юг страны, а энергоизбыточными – Сибирь и частично Урал.

Выработка электрической энергии в целом по Российской Федерации, по данным Росстата, превысила с 2025 г. 1130 млрд кВт.ч., где превалирует выработка теплоэлектростанциями 635 млрд кВт.ч. или 56 % (табл. 1). Прирост к 2024 г. составляет 1,3 %, а за 10 лет – 9,1 %. При этом выработка теплоэлектростанциями снижается по сравнению с 2024 г. на 2 %, за 10 лет на 7,6 % [7].

Увеличение показателя возобновляемых источников энергии (без ГЭС) свидетельствует, что под влиянием изменений в энергетической политике и развития новых технологий мир вступает в этап четвертого энергетического перехода к широкому использованию возобновляемых источников энергии и вытеснению ископаемых видов топлива. Однако темпы этих изменений и скорость перехода связаны с высокой неопределенностью.

Таблица 1

Выработка электрической энергии по Российской Федерации [7]

Период	Генерация, всего, млрд кВт.ч	ТЭС	АЭС	ГЭС	ВИЭ (без ГЭС)*
2015 г.	1 036	687	195	165	<1
2017 г.	1 070	712	202	153	1,4
2019 г.	1 092	718	208	178	3,9
2020 г.	1 064	685	215	183	5,4
2022 г.	1 126	680	222	200	7,7
2023 г.	1 115	648	223	204	8,5
2025 г.**	1 130	635	225	208	9–10

Примечание:
* ВИЭ – солнце, ветер, биомасса (без крупных ГЭС).
** 2025 – оценка/прогноз Минэнерго РФ и профильных агентств.

Термин «энергетический переход» был предложен В. Смилом, чешско-канадским ученым, специализирующимся в области энергетики, окружающей среды и истории технологий, и используется «для описания изменения структуры первичного энергопотребления и постепенного перехода от существующей схемы энергообеспечения к новому состоянию энергетической системы» [8]. Текущий энергопереход – это очередной, уже четвертый сдвиг в серии аналогичных фундаментальных структурных преобразований мирового энергетического сектора. С количественной точки зрения энергопереход можно определить как 10 % сокращение доли рынка определенного энергоресурса за 10 лет [9].

Важно обратить внимание на то, что «объем экономического потенциала – величина переменная во времени и определяется прежде всего, обеспеченностью страны другими видами топливно-энергетических ресурсов, социальными аспектами, а также уровнем ее интеграции в мировую экономику, что определяет темпы роста энергопотребления и наиболее экономичные источники его покрытия» [10].

Величина экономического потенциала России «составляет немногим более 50 % от технического потенциала. Темпы развития экономики России замедлились вследствие ряда причин: продолжающегося мирового экономического кризиса, введения в отношении России экономических санкций, снижения цен на нефть на мировом рынке» [10].

Анализируя энергетический рынок с точки зрения институциональной трансформации, необходимо выделить следующие проблемные вопросы.

Первой и основополагающей проблемой остается незавершенность формирования конкурентной среды. Сохранение высокой концентрации на энергетическом рынке снижает эффективность конкурентных механизмов ценообразования и может требовать специальных мер регуляторного контроля для предотвращения необоснованного роста цен и злоупотреблений рыночной властью [11]. Кроме того, это создает барьеры для новых участников рынка, а также способствует доминированию государственных компаний в ключевых сегментах.

Второй проблемой остается сохранение механизма перекрестного субсидирования между группами потребителей [12]. Сумма перекрестного субсидирования в целом по Российской Федерации за 2025 г. достигла 339 721 млн руб. Озвученный объём перекрёстного субсидирования превышает прошлогодний показатель примерно на 40 млрд руб. Согласованный Правительством Российской Федерации на 2022 г. объём перекрёстного субсидирования составлял 241,2 млрд руб. В 2023 г. речь шла уже о 291,4 млрд руб., в 2024 г. – о превышении порога в 300 млрд руб. [13].

При этом становится все труднее свести ее к нулю ввиду перераспределения долей по группам потребителей электрической энергии.

Перекрестное субсидирование – это ценовая дискриминация, при которой для одних покупателей (потребителей) устанавливается цена выше предельных издержек, а для других – ниже предельных издержек, что позволяет в общем итоге иметь цены, равные средним издержкам.

Третьей актуальной проблемой важно выделить синхронизацию трансформаций различных сегментов энергетического рынка. То есть происходит опережающее развитие одних сегментов и отставание других при несогласованности преобразований в электроэнергетике и теплоснабжении [14].

Заключительной проблемой являются институциональные пробелы для внедрения новых технологий и бизнес-моделей, выраженные недостаточной регламентацией рынка накопителей энергии, отсутствием четких правил для агрегаторов спроса и неполным правовым оформлением технологий блокчейн.

Действующее федеральное законодательство часто не учитывает новые модели взаимодействия. Отсутствует специальное законодательство для блокчейн-приложений в энергетике, и неоднозначен юридический статус смарт-контрактов. Также определена необходимость интеграции с существующей инфраструктурой в условиях увеличения числа потенциальных точек кибератак. Существуют определенные противоречия внедрения цифровых инноваций с текущими правилами функционирования энергетических рынков. Для примера можно рассмотреть фактическое наличие неиспользуемой резервной мощности электрической энергии, которое, по данным «Россетей», достигает 60 %. В целом по России резерв мощности составляет порядка 133 ГВт [15].

Причины, по которым возникла эта ситуация, достаточно неоднозначны:

а) снижение потребления организациями за счет изменения характера нагрузок, сокращения объемов производства и количества выпускаемой продукции;

б) ошибочная оценка потенциала развития производства на этапе строительства;

в) использование собственной генерации на крупных предприятиях за счет ухода от оплаты услуг по передаче электрической энергии [15].

Анализируя энергетический рынок России, можно отметить, что «к числу наиболее значимых движущих сил относится демографическое и социально-экономическое развитие. В целом рост численности населения стимулирует потребление энергии». При этом «стремительная урбанизация в городские мегаполисы отражает и поддерживает этот растущий и меняющийся спрос. Ожидается, что в ближайшие несколько десятилетий электричество станет самым популярным источником энергии. Уровень потребления электроэнергии на душу населения резко возрастет» [16] и не только посредством увеличения численности, но и с учетом внедрения в повседневную жизнь более современных технологий.

Однако есть и другое сопоставление рассматриваемым тезисам, например, «под влиянием цифровых технологий будут меняться модели потребления как в промышленности, так и в быту, что сказывается на межотраслевых партнерствах и стимулирует более рациональное использование энергоемких активов. Благодаря инновациям в производственных и технологических процессах, включая внедрение аддитивных технологий, автоматизацию и роботи-

зацию, традиционное производство станет менее энергоемким» [16].

Анализ свидетельствует, что имеется неопределенность, которую хорошо иллюстрирует разброс оценок ключевых прогнозных показателей, характеризующих будущее энергетики России.

Действующая система энергоснабжения работает линейным способом, т.е. от генерации через сети и сбыт к единому потребителю. Переход к новой модели позволит создать трехмодульную архитектуру, позволяющую работать с инновационными решениями и создавать конкурентный рынок (рис. 2) [17].

На основе рисунка 2 мы выделяем следующие перспективы развития энергетического рынка:

1) увеличение существующих мощностей энергетического рынка. К 2042 г. мощности необходимо увеличить на 18 %, до 299,3 ГВт. К 2050 г. мощности должны достичь отметки в 331,2 ГВт, то есть вырасти примерно на 30 % к уровню 2023 г. [18];

2) развитие возобновляемой энергетики. По данным Ассоциации развития возобновляемой энергетики, по состоянию на конец 2025 года совокупная установленная мощность ВИЭ-генерации в России достигла 7,21 ГВт, т.е. выросла на 15 % к показателю прошлого года. В 2026 г. запланировано более чем двукратное увеличение объёмов ввода новых объектов ВИЭ-генерации, из которых около 90 % придутся на солнечные и ветровые электростанции [19];

3) активное использование систем накопления энергии. Для повышения устойчивости энергосистемы Министерством энергетики Российской Федерации рассматривается возможность использовать накопители по всей стране [18]. Что, в свою очередь, даст старт появления «активных» и «пассивных» потребителей. У первых появится возможность реализовывать нереализованный ресурс обратно на рынок электроэнергии, тем самым зарабатывая на этом процессе. При этом вторая группа потребителей просто не заметит разницы и ухудшения качества от перенаправления потоков.

На основе проведенного анализа нами сделан вывод, что в настоящее время в условиях значительной неопределенности стоит масштабная задача по строительству практически новой системы электроэнергетики России.

Текущий энергетический переход уникален ввиду не столько глобальных масштабов, сколько его институциональных особенностей. Все предыдущие переходы являются результатом сочетания объективных технологических, экономических и социальных факторов. Текущий переход, инициированный волюнтаристским изменением глобальной институциональной среды, основан на понимании того, в каком направлении должно развиваться общество. При этом появление актуальной *ESG*-повестки повлияло на текущий трансформационный процесс, первоначально развивавшийся исключительно благодаря законодательной и финансовой поддержке ряда государств, изменив его на самоподдерживающийся характер.

До 2042 г. в стране предстоит ввести порядка 88 ГВт различной генерации, что требуется для обеспечения растущего потребления. Получается, что на первый план выходит задача по механизму управления спросом на электроэнергию и мощностью в дефицитных районах до момента строительства необходимой генерации, что, по словам Главы Минэнерго РФ С. Цивилева, «без перехода к проактивной модели развития энергетики экономика страны начнет стагнировать», что будет связано с тем, что она своевременно не получит требуемых энергетических мощностей.

Внедрение цифровых технологий и смарт-контрактов трансформирует электроэнергетику от централизованной модели к более гибкой, демократичной и эффективной системе с активным участием потребителей и малой распределенной генерации, что соответствует мировой тенденции движения к интеллектуальным энергетическим системам. Что позволит использовать имеющиеся резервы мощностей целенаправленно и высвободит ресурс для дальнейшего обновления энергетической системы страны.

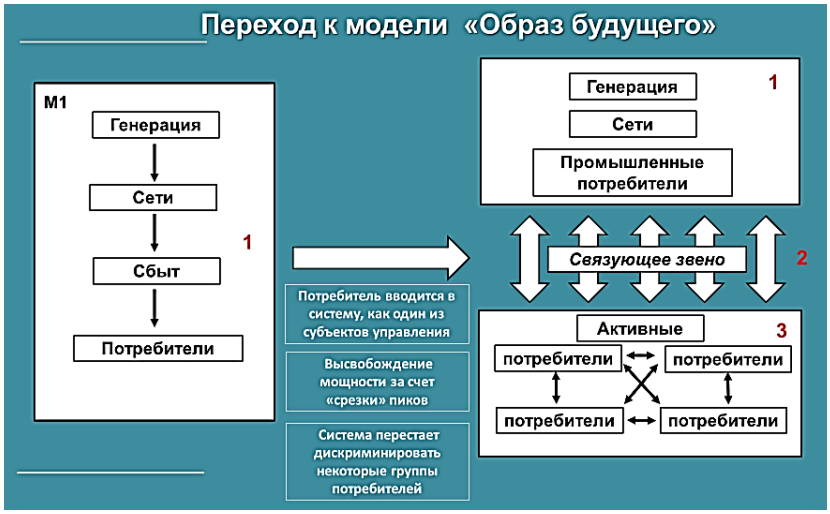

Рис. 2. Схема модели перспективного развития энергетического рынка Российской Федерации [17]

Литература:

1. Конопляник А. Глобализация энергетических рынков: эффективность, либерализация, единые «правила игры», международное право // ЭКСПО 2010, Россия, Москва. Ресурсы, технологии, идеи – путь к единому миру: сб. тезисов доклада (Москва, 05.11.2001). URL: https://konoplyanik.ru/ru/publications/302/302.htm
2. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 25.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС Гарант.
3. Федеральный закон от 14.04.1995 № 41-ФЗ «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации» // СПС Гарант.
4. Официальный сайт Ассоциации «НП Совет рынка». URL: https://www.np-sr.ru/
5. Официальный сайт системного оператора Единой энергетической системы (СО ЕЭС). URL: https://www.so-ups.ru/
6. Хабибуллина Л.В., Груничев А.С. Механизм реализации инновационного вектора высокотехнологичных разработок в энергетической сфере (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 468–472. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-468-472.
7. Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: www.fedstat.ru
8. Smil V. Energy and Civilization: A History. MIT Press. 2017. 552 p.
9. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 года» // СПС Гарант.
10. Ваксова Е.И., Подковальников С.В., Соловьев Д.А., Тиматков В.В. Роль гидроэнергетических ресурсов России в перспективном развитии инфраструктурной сети и энергетических рынков Евразии // Энергетическая политика. 2016. № 6. С. 107–114.
11. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В., Казачкина Н.А., Кириллова О.В. Технологическое присоединение в сфере теплоснабжения, электроэнергетики, водоснабжения и водоотведения. Казань: ООО «Логос-Пресс», 2023. 148 с.
12. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В., Гареев О.Р., Кириллова О.В. Основы ценообразования в области регулируемых тарифов в электроэнергетике. Казань: ООО «Логос-Пресс», 2023. 240 с.
13. Официальный сайт Министерства энергетики РФ. URL: https://minenergo.gov.ru/
14. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В. О вопросах реализации инновационного вектора энергетической политики // Экономический вестник Республики Татарстан. 2023. № 1. С. 5–8.
15. Маневич Ю.В. Мощный резерв // Энергетическая политика. 2019. https://energy-policy.ru/moshhnyj-rezerv/business/2019/11/14/
16. Белостоцкая А. Новый взгляд на будущее энергетики. Сценарии развития до 2050 года. Дискуссионный доклад // Московская школа управления СКОЛКОВО. 42 с. URL: https://courses.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2018-03-19_ru.pdf
17. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В. Создание центра компетенций по высокотехнологичным разработкам в области энергетики (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 427–430. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-427-430.
18. Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2050 года» // СПС Гарант.
19. Официальный сайт Ассоциации развития возобновляемой энергетики (АРВЭ). URL: https://rreda.ru/

Institutional Transformation the Russian Energy Market in the Context of Digitalization

Khabibullina L.V.
State Tariff Committee of the Republic of Tatarstan (Kazan)

The relevance of the research topic is due to the strategic importance of energy for the Russian economy, the use of digital technologies as a driver of change, the need for institutional transformations related to the adaptation of the regulatory framework, the transformation of the system of relations between energy market entities, and the development of new business models.

The purpose of the study is to identify and systematize key institutional changes in order to assess the effectiveness of existing energy market regulation mechanisms and develop sound recommendations for improving their operation.

The research objectives are to identify institutional constraints, problematic issues, and promising areas for developing a model and improving the energy market.

The subject of the article is the institutional transformation of Russia's energy market in the context of digitalization. The paper analyzes the stages of development of the energy market, identifies the strengths and weaknesses of each stage, and proposes ways to develop and transition to the next stage of development.

The potential for developing the energy market has been updated, and a mechanism for reinvesting in the industry has been proposed. The need for institutional changes in the electricity sector in the context of digitalization has been identified in order to implement blockchain technologies and smart contracts.

Keywords: energy market, institutional transformation, energy consumption, and digitalization

УДК 343.163
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-403-407

Актуальные вопросы использования комплексного подхода при рассмотрении обращений граждан в органах прокуратуры

Шеставин Денис Андреевич
Аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью комплексного подхода при работе с обращениями граждан в органах прокуратуры. Цель научного исследования заключается в разработке и обосновании наиболее эффективных способов реализации комплексного подхода при работе с обращениями граждан в органах прокуратуры. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи исследования: выявить практические трудности реализации комплексного подхода в деятельности органов прокуратуры; разработать рекомендации по совершенствованию прокурорской деятельности в сфере рассмотрения обращений; предложить пути преодоления выявленных проблем.

Научная значимость исследования состоит в раскрытии отдельных теоретических положений комплексности в работе с обращениями граждан и предложении авторского раскрытия отдельных понятий. Практическая значимость заключается в определении особенностей применения комплексного подхода и раскрытии данных особенностей. Результаты научного исследования представлены в виде практических рекомендаций для оперативных работников органов прокуратуры, направленных на совершенствование использования комплексного подхода при рассмотрении и разрешении обращений граждан.

Ключевые слова: *обращения граждан, органы прокуратуры, комплексный подход*

Для цитирования: *Шеставин Д.А. Актуальные вопросы использования комплексного подхода при рассмотрении обращений граждан в органах прокуратуры// Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 403–407. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-403-407.*

Обращения граждан являются одним из важных элементов правового диалога между населением и органами публичной власти, поскольку, с одной стороны, представляют собой инструмент «охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина», с другой – отражение «реального положения дел в той или иной сфере общественных отношений» [1].

Ключевую роль в системе органов государственной власти по вопросам защиты прав заявителей осуществляют органы прокуратуры. Кроме того, обращения граждан «важны не только для заявителей, но и для системы прокуратуры в целом» [2, с. 109], так как позволяют анализировать состояние законности на поднадзорной территории и планировать прокурорскую деятельность.

При защите прав граждан на обращение в органы публичной власти прокуроры руководствуются как общими принципами – «законности, единства и централизации, независимости, обязательности исполнения требований прокурора, гласности», так и специальными – «всеобщего права на обращение в государственные органы и органы местного само-

управления, свободного и добровольного направления обращений, подведомственности рассмотрения обращений, полноты и объективности рассмотрения обращений, обязательности принятия обращений к рассмотрению, бесплатности рассмотрения обращений, ответственности за нарушение законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан» [3, с. 15]. Ранее в диссертационных работах ряда исследователей отмечалась необходимость использования принципа комплексного подхода к рассмотрению обращения [4, с. 17; 5, с. 17]. Так, по мнению Ю.Н. Алистратова, обозначенный принцип формирует «единую методику и методологию в работе с обращениями граждан, а также координацию деятельности органов, их рассматривающих, контроль за их работой» [4, с. 17]. Нельзя не согласиться с указанной позицией, поскольку комплексное исследование обращения позволяет качественно рассмотреть и разрешить его.

В настоящее время прокуроры ориентированы на применение комплексного подхода при рассмотрении и разрешении обращений граждан, результаты комплексного анализа обращений используются для «прогнозирования и планирования надзорной деятельности» [6]. В прокурорской практике имеется ряд положительных примеров использования указанного подхода. Так, в первом полугодии 2023 г. прокуратурой Орловской области при проверке обращений предпринимателей о нарушении сроков оплаты за исполненные контракты применялся комплексный подход, что позволило добиться погашения задолженности на сумму 286,1 млн руб. [7]. В первом полугодии 2024 г. прокуратурой Нижегородской области в деятельности одной из организаций выявлено завышение платы за стационарное обслуживание. В ходе вмешательства органов прокуратуры заявителям произведен перерасчет на сумму более 450 тыс. руб. При этом полученные в ходе надзорной деятельности результаты применены в рамках комплексного подхода: прокурорами проведены аналогичные проверочные мероприятия в регионе. По результатам которых в 14 районах области выявлены нарушения прав более 500 инвалидов и престарелых, приняты меры прокурорского реагирования [8]. Вместе с тем определение особенностей комплексного подхода в полной мере не сформулировано, что требует настоящего теоретического осмысления с целью формирования и предложения единообразия в использовании комплексного подхода при рассмотрении и разрешении обращений граждан.

Называя комплексный подход «способом осуществления исследовательской (на ранних этапах работы) и практической деятельности», М.С. Бакулина определяет его как один или несколько методов исследования объекта, «при которых осуществляется сбор разносторонней информации о нем при помощи наиболее коротких причинно-следственных отношений, минуя менее явные внутренние взаимосвязи, и направленных на постижение сути конкретных явлений и процессов» [9, с. 172]. Полагаем, что комплексный подход в работе с обращениями граждан представлен как метод познавательной деятельности прокурора по установлению фактов и доводов, изложенных в обращении, через проведение законных, полных, объективных и всесторонних проверочных мероприятий. При подтверждении доводов заявителя осуществляется многоаспектное принятие совокупности мер, направленных на восстановление законности, прав, свобод и законных интересов обратившегося, привлечение всех виновных лиц к установленной законом ответственности, а также дальнейший анализ и планирование прокурорской деятельности с учетом полученных результатов.

При комплексном подходе «внимание уделяется не только конкретному объекту познания, но и его взаимосвязи с иными объектами в смежной сфере деятельности», поэтому использование такового обусловлено «сложностью, взаимосвязанностью и взаимозависимостью объектов социального познания» [10, с. 103]. Комплексный характер прокурорской проверки позволяет проводить «исследование сложных нарушений, имеющих не единичные последствия», сочетая «друг с другом меры прокурора, определяемые взаимосвязанными функцией надзора и ненадзорными функциями прокурора» [11, с. 193]. В уголовно-правовой сфере комплексный подход к изучению прокурором материалов проверки сообщения о преступлении исследователями рассматривается «как система взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимообусловленных действий, направленных на исследование деятельности уполномоченных лиц по проверке информации, содержащейся в сообщении о преступлении; выявление положительных и отрицательных факторов и оценку степени их воздействия на результаты этой деятельности (как промежуточные, так и итоговый); выявление неиспользованных возможностей по установлению наличия (отсутствия) основания для возбуждения уголовного дела; оценку итогового результата» [12, с. 29].

Использование комплексного подхода при работе с обращениями граждан имеет отличительные особенности. Позволим себе отнести к ним следующие характеристики: а) многоаспектность действий при проведении проверочных мероприятий; б) эффективное взаимодействие с заявителем; в) обязательный выход на место; г) проверку идентичных правоотношений; д) принятие комплекса необходимых мер прокурорского реагирования; е) последующее использование результатов проверки.

Предлагаем рассмотреть каждую составляющую отдельно.

Многоаспектность действий при проведении проверочных мероприятий представляет собой методическую процедуру по проведению исследования прокурором не только доводов, указанных в обращении, но и тех фактов, которые становятся известными оперативному работнику в рамках осуществляемых проверочных мероприятий. Исполнителем устанавливаются первопричины нарушения, дается надлежащая правовая оценка общественных отношений, информация о которых изложена в обращении.

Прокурор при проведении проверочных мероприятий сочетает имеющийся опыт, накопленный им и коллегами. В ходе проверки рекомендуется осуществлять взаимодействие с заявителем, в случаях пробельности обращения либо отсутствия необходимой информации принимаются меры по уточнению таковых.

Ст. 10 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусмотрено, что государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо обеспечивают рассмотрение обращения «в случае необходимости – с участием гражданина, направившего обращение» [13]. Вместе с тем перечень «случаев необходимости» привлечения граждан для рассмотрения обращения законодателем не определен. Форма и способы вовлечения заявителя нормативно не раскрыты. Н.В. Малявкина и О.Е. Алексикова отмечают потребность в законодательном закреплении возможности заявителям «самостоятельно определять необходимость собственного участия в процессе» рассмотрения и разрешения обращения [14, с. 28].

Отдельно следует отметить, что в ст. 10 специализированного закона не определен порядок обеспечения органами публичной власти предусмотренной возможности участия заявителя в рассмотрении своего же обращения. Полагаем, что обозначенный вопрос требует отдельного научного осмысления и нормативной проработки, поскольку отсутствие регламентации указанной процедуры способно сформировать неоднородную правоприменительную практику.

При проведении прокурорской проверки оперативным работником осуществляется выход на место. Так, в Указании Генерального прокурора Российской Федерации от 06.03.2020 № 137/9 подчиненным предписано проверять с выездом на место обращения о систематическом ущемлении прав, многочисленных или грубых нарушениях закона [6]. Вызывают интерес термины «систематическое ущемление прав» и «грубые нарушения», определения которых не раскрываются, что создает возможность альтернативных интерпретаций обозначенных оценочных понятий в условиях правоприменения.

Под «систематическим» С.И. Ожегов понимает что-то повторяющееся, следующее определенной системе [15, с. 624]. В ст. 120 Налогового кодекса Российской Федерации законодателем при определении термина грубого нарушения правил учета доходов и расходов и объектов налогообложения используется понятие «систематическое», раскрываемое как «два раза и более в течение календарного года» [16]. И.А. Юрченко на примере ч. 5 ст. 190 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации соотносит систематичность с двумя критериями: «временны́м критерием (нарушения должны быть совершены в течение года, пока они сохраняют свои правовые последствия» и количественным «достаточно всего лишь двух нарушений общественного порядка» [17, с. 168–169]. М.А. Нагоева также отмечает, что для раскрытия «содержания систематичности используются два критерия – количественный и качественный» и предлагает понимать под систематичностью «многократное совершение тождественных или однородных действий, связанных единой направленностью и представляющих собой единую линию поведения» [18, с. 113]. С.А. Иванов отмечает, что для систематичности характерны направленные на одни и те же общественные отношения действия тождественного характера, совершаемые «одним и тем же лицом», а также отсутствие «значительных разрывов во времени» между таковыми [19, с. 157].

Таким образом, под систематическим ущемлением прав предлагаем понимать совокупность повторяющихся, эквивалентных, коррелированных и противоречащих нормам права действий в рамках определенного временного промежутка одного и того же субъекта (субъектов) в отношении одних и тех же правоотношений.

Под дефиницией «грубый» С.И. Ожегов подразумевает что-то недостаточно проработанное [15, с. 126]. В ст.ст. 9.1 и 9.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях законодателем раскрываются определения «грубых нарушений требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» и «грубых нарушений норм и правил в области использования атомной энергии», под которыми понимаются такие нарушения, которые привели «к возникновению непосредственной угрозы жизни или здоровью людей» [20]. Вместе с тем обозначенные определения характерны для указанных составов административных правонарушений и не могут в полной мере применяться к работе с обращениями граждан в органах прокуратуры. По мнению А.А. Спиридонова, грубым нарушением является нарушение «прав человека с применением физического или морального насилия, выражающим явное неуважение к человеку, либо полным их игнорированием и несоблюдением» [21, с. 26]. Ю.Г. Федотова в грубом

нарушении отмечает «явный циничный характер» [22, с. 46]. Применительно к определению «грубого нарушения общественного порядка» А.В. Рагулин понимает «существенное негативное отклонение от общепринятых правил поведения, которое препятствует нормальному функционированию системы общественных отношений, обеспечивающей спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работу учреждений, предприятий и организаций» [23, с. 60].

Таким образом, под грубыми нарушениями предлагаем понимать принятие действий, направленных на причинение значимых притеснений прав, влекущих непосредственную угрозу жизни и (или) здоровью окружающих с помощью применения любых форм насилия.

Проверяющий прокурор, помимо основных проверочных мероприятий в рамках поступившего обращения, осуществляет параллельный мониторинг аналогичных правоотношений и при наличии необходимых оснований инициирует проверку таковых. При этом оперативному работнику рекомендуется взаимодействовать с органами, осуществляющими контрольно-надзорные мероприятия, с целью получения дополнительных сведений в исследуемых общественных отношениях.

По результатам проведенной проверки и при подтверждении доводов заявителя исполнителем готовится справка, в которой излагаются результаты рассмотрения обращения и предложения по его разрешению. На основании доклада прокурор-руководитель делает соответствующие выводы и принимает полную совокупность мер прокурорского реагирования для объективного и окончательного разрешения обращения.

Органы прокуратуры детально анализируют результаты проверки. Прокурор комплексно оценивает совокупность факторов, сложившихся на поднадзорной территории и послуживших поводом для волеизъявления гражданина. Полученные в ходе комплексной прокурорской проверки сведения в дальнейшем используются для прогнозирования и планирования прокурорской деятельности.

Подводя итог вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Внедрение комплексного подхода при работе с обращениями граждан в органах прокуратуры содействует надлежащей реализации принципов законности, объективности и всесторонности рассмотрения обращения. Проведение прокурорской проверки с учетом принципа комплексности способно в полной мере обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина. Тем не менее, определение особенностей комплексного подхода сохраняет актуальность. Формулирование признаков комплексности позволит сформировать совокупность наиболее эффективных мероприятий по обеспечению законности реализации конституционного права граждан на обращение. Предложенные определения оценочных понятий предоставляют возможность минимизировать широкое толкование таковых в правоприменительной практике.

Литература:

1. Иванов С.А. Понятие и юридическая природа систематичности в уголовном праве России // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 156–158.
2. Багмет А.М., Бычкова Е.И. Некоторые проблемы реализации конституционного права граждан на обращения в органы государственной власти и органы местного самоуправления // Российская юстиция. 2021. № 3. СПС КонсультантПлюс.
3. Титов А.А. Право граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти: конституционно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Орел, 2018. 197 с.
4. Беляков П.А. Защита прокурором права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 30 с.
5. Алистратов Ю.Н. Право граждан на обращения в государственные органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 20 с.
6. Маслов Б.В. Институт обращений граждан в административном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 23 с.
7. О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 06.03.2020 № 137/9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Обзор состояния работы по рассмотрению обращений в органах прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2023 года : Информационное письмо Заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 26.09.2023 № 25-06-2023. Документ официально опубликован не был.

9. Обзор состояния работы по рассмотрению обращении в органах прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2024 г. : Информационное письмо Заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 26.09.2024 № 25-08-2024. Документ официально опубликован не был.
10. Бакулина М.С. Системный и комплексный подходы: сходство и различие // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 2. С. 168–173.
10. Манукян А.Р., Канкулов А.Х. К вопросу о применении комплексного подхода при решении уголовно-правовых проблем // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 103–104.
11. Головко И.И. Комплексный подход в осуществлении и организации деятельности прокурора // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С. 189–199.
12. Данилова Н.А., Васильева А.С. К вопросу о необходимости комплексного подхода к изучению прокурором материалов проверки сообщения о преступлении // Криминалистъ. 2020. № 1 (30). С. 28–32.
13. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
14. Малявкина Н.В., Алексикова О.Е. Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 2. С. 20–29.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус.яз., 1986. 797 с.
16. Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ «Налоговый кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
17. Юрченко И.А. Признаки «систематичность», «неоднократность», «злостность» в Уголовном кодексе РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ // Юридическая наука в Китае и России. 2017. № 1. С. 168–176.
18. Нагоева М.А. Систематичность в уголовном законодательстве Российской Федерации // Современный учёный. 2018. № 1. С. 113–116.
19. Иванов С.А. Понятие и юридическая природа систематичности в уголовном праве России // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 156–158.
20. Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС Гарант.
21. Спиридонов А.А. Институт парламентских расследований в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 36 с.
22. Федотова Ю.Г. Массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина: теоретические и практические проблемы // Современное право. 2013. № 6. С. 39–46.
23. Рагулин А.В. К вопросу о содержании понятий «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» как элементов объективной стороны хулиганства // Евразийская адвокатура. 2017. № 3 (28). С. 59-62.

Topical Issues of Using an Integrated Approach when Considering Citizens' Appeals to the Prosecutor's Office

Shestavin D.A.
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The relevance of the research topic is due to the importance of an integrated approach when dealing with citizens' appeals to the prosecutor's office. The purpose of scientific research is to establish the most effective ways to implement an integrated approach in this area. The objectives of the study are to identify existing theoretical and practical problems of using an integrated approach in dealing with citizens' appeals, identify ways to overcome them, as well as suggestions for improving prosecutorial activities. The scientific significance of the research consists in the disclosure of certain theoretical provisions of complexity in dealing with citizens' appeals and the proposal of the author's disclosure of certain concepts. The practical significance is expressed in identifying the features of an integrated approach and disclosing them. The results of the scientific research are presented in recommendations to the operational staff of the prosecutor's office to improve the use of an integrated approach in the consideration and resolution of citizens' appeals.

Keywords: appeals from citizens, prosecutor's offices, an integrated approach

УДК 342.951:351.82
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-408-411

Административно-правовое регулирование цифровой трансформации высшего образования: новые вызовы и подходы

Шулындин Лев Сергеевич
Аспирант юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность выбранной области исследования обуславливается необходимостью анализа и оценки государственной правовой политики России в области образования через проблемы отечественного цифрового образовательного права. Целью исследования ставится рассмотрение правовых и организационных барьеров, которые препятствуют реализации основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования, перечисленных в отраслевом законодательстве и гарантированных законодателем. Научная и практическая значимость работы состоит в анализе конкретных правовых ситуаций и складывающихся тенденций, подчеркивающих разобщенность практики и правовых положений, а также обращении внимания на аспекты, требующие всестороннего правового регулирования. Ценность проведённого исследования видим в рассмотрении объекта (отечественное образование) в новых для него правотворческих и правоприменительных тенденциях (развитии цифрового образовательного права), отражающихся в политических решениях, порой противоречащих государственной правовой политике.

Ключевые слова: *образование, государственная правовая политика, цифровое право, цифровое образовательное право, правоприменение, цифровая среда*

Для цитирования: *Шулындин Л.С. Административно-правовое регулирование цифровой трансформации высшего образования: новые вызовы и подходы // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 408–411. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-408-411.*

Государственная правовая политика является неотъемлемым элементом сбалансированного развития любой отрасли права, выступая в роли её сопровождения и сигнализируя об идеологической составляющей такого развития, а также об ориентирах, которые порой необходимо считывать между строк нормативных актов. Одним из актуальных направлений государственной правовой политики в сфере отечественного образования является развитие цифрового образовательного права. Целью данного исследования является освещение и изучение проблем, возникающих при реализации указанного направления, актуальность которых выявляется практикой и проявляется через общие пробелы правового регулирования образовательного права, ранее остававшиеся менее заметными.

Соотношение правотворчества (в виде идеологического и программного ориентира) и правоприменения (как реализация поставленных задач конкретными решениями уполномоченных органов и участников образовательных отношений) представляет собой проблемную область, обосновывающую задачи исследования.

Образовательное право удивительно восприимчиво к общим тенденциям развития современного российского общества, на нём не могут не сказаться «явления духовно-нравственного искажения российских правовых ценностей, сформированных

предшествующими столетиями», а также «состояния неопределенности, отчужденности отечественного правосознания, детерминированных политикой деидеологизации постсоветского периода», на которые указывают в своей работе ученые [1]. Пристальное внимание к векторам развития цифрового образовательного права поднимает вопросы правового воспитания, социализации и самоидентификации участников образовательного процесса на новый уровень, ведь появляется своеобразный «посредник» – цифровая среда.

Цифровое образовательное право является частью цифрового права, которое развивается стремительно, сохраняя при этом свою качественно иную сущность, отличную от классического права. Как отмечает В.Н. Синюков, оно характеризуется принципиально иной «регуляторной средой, рассчитанной на цифровые трансакции, умело подстраивающиеся к социологической реальности» [2]. Живое право сложно уместить в жёсткие рамки, поэтому правовое регулирование должно быть гибким и своевременным, обеспечивая права и законные интересы всех участников образовательного процесса без перекосов в какую-либо сторону. К сожалению, на практике существуют определенные барьеры, затрудняющие полноценное цифровое правоприменение в образовательной сфере.

К примеру, необходимы следующие законодательные решения:

• закрепить дефиницию цифрового образовательного права, разграничив электронное, дистанционное, онлайн и иные формы образования;

• определить характер цифровой трансформации отрасли образования, оговорив субъективные права и обязанности как традиционных участников образовательного процесса, так и новых субъектов (образовательных платформ и т.д.);

• установить и унифицировать показатели внедрения цифровых технологий для каждого субъекта РФ;

• сформировать правовые условия внедрения и использования инновационных цифровых технологий в образовательной сфере.

Таким образом, требуется системная нормативная институционализация цифрового образовательного права, поскольку оно предполагает существование особых цифровых правоотношений, участников которых сложно идентифицировать и аутентифицировать. Для образовательного процесса это губительно, ведь появляется возможность не просто скрыть свои данные, а запустить автономные программные боты или агент-боты, которые с учётом развития технологий искусственного интеллекта, могут обойти индивидуальную авторизацию и заменить любого из участников образовательного процесса.

Нам близко замечание В.А. Вайпана, указавшего на то, что у каждой цифровой платформы есть собственные стандарты функционирования в цифровой среде, что затрудняет создание специализированной цифровой среды доверия [3]. Приведём пример из нашей практической жизни. Информационно-коммуникационная образовательная платформа «Сферум» наряду с регистрацией непосредственно на указанной платформе требует авторизацию через социальную сеть «ВКонтакте», согласно правилам которой «Пользователем Сайта является физическое лицо, зарегистрированное на Сайте в соответствии с установленным настоящими Правилами порядком, достигшее возраста, допустимого в соответствии с законодательством Российской Федерации для акцепта настоящих Правил, и обладающее соответствующими полномочиями» [4]. Двойная регистрация на стороннем ресурсе противоречит положениям Письма Минпросвещения России, указывающим, что «ИКОП "Сферум" доступна всем участникам образовательного процесса, включая учеников с особыми образовательными потребностями и индивидуальными возможностями» [5].

Налицо противоречивость в правовом регулировании вопроса о пользователях образовательной платформы: все ли ученики, осваивающие общее образование, могут ими быть? Что делать в случае, если законный представитель против регистрации, а сам ученик нет, правом не регулируется. Кроме прочего, остается проблемным вопрос массового сбора персональных данных подобными сайтами, платформами и иными цифровыми ресурсами, абсолютно не гарантирующими их сохранность, что повышает риск не просто передачи данных иным лицам, но и создает условия для манипулятивного, даже преступного воздействия на участников образовательных отношений через использование личных данных детей, семей, учителей и административных работников системы образования. Вспомним, как часто в последнее время мошеннические схемы закольцованы на данных, предоставляемых школе (звонок якобы от администрации школы, от медицинской сестры и т.д.) [6].

Данная ситуация иллюстрирует организационные барьеры качественного и эффективного развития цифрового образовательного права, ведь порождает недоверие к подобным платформам у всех участников образовательного процесса, от деятельной помощи которых зависит поддержка молодой и «живой» подотрасли права.

Кроме того, согласно Распоряжению Правительства РФ, «платформа «Сферум» позволяет проводить онлайн-занятия, совершать видеозвонки, общаться в чатах, делиться документами и вести информационный канал общеобразовательной организации» [7]. Эта деятельность предполагает использование авторских текстов, графических материалов, аудио- и видеоматериалов, которые являются объектами авторского права и становятся

объектом незаконного использования или распространения, в том числе посредством социальной сети «ВКонтакте» [8]. А ведь подобный творческий материал может быть подготовлен не только учителем или преподавателем, но и учеником, у которого гораздо меньше инструментов для защиты результатов интеллектуальной деятельности, особенно в случае, если законные представители не окажут должного внимания этой проблеме.

Особым организационно-правовым барьером, препятствующим развитию цифрового образовательного права, является отсутствие законодательно поощряемой конкуренции между информационно-коммуникационными образовательными платформами, которые используются школой, а не отдельно взятыми инициативными учениками, самостоятельно проходящими онлайн-курсы, онлайн-семинары.

То есть глобально, с упоминанием в Распоряжениях Правительства РФ, Письмах Минпросвещения России, у платформы «Сферум» конкурентов нет, ведь правосубъектность онлайн-курсов, платформ, семинаров, конференций и т.д. законодательно не определена. А использование «Сферума» на практике становится обязанностью общеобразовательной школы и педагогических работников, недаром относительно недавно вышло Письмо Министерства просвещения РФ, упоминающее об обращении А.Б. Вифлеемского по вопросу принуждения педагогических работников городского округа Семёновский Нижегородской области к регистрации в информационных системах и использования в образовательном процессе информационно-коммуникационных платформ [9].

И не удивительны тогда предложения депутата Госдумы Я. Лантратовой ввести обязательное лицензирование образовательных услуг, создать саморегулируемую организацию для аккредитации блогеров и контроля качества контента, разграничив образовательные и информационно-консультативные услуги [10]. Кроме того, нужно помнить, что по действующему законодательству индивидуальные предприниматели, осуществляющие образовательную деятельность непосредственно, не являются соискателями лицензии на осуществление образовательной деятельности, то есть им она не требуется, о чём прямо говорится в Письме Рособрнадзора [11].

Возникает двойственная ситуация: с одной стороны, существует платформа, о которой упоминают правоположения соответствующих органов, не закрепляя при этом должный уровень контроля за системой регистрации на данной платформе, учета и хранения персональных данных её пользователей; с другой стороны, альтернативные ресурсы в виде онлайн-курсов, онлайн-школ и учителей-блогеров лишь номинально относятся к субъектам цифрового образовательного права, а точнее, к поставщикам информационно-консультативных услуг, формально оставаясь вне правового регулирования в части контроля качества образовательных услуг.

Цифровое образовательное право требует не только создания цифровой образовательной среды, но и обеспечения качественного правового регулирования, которое позволило бы нивелировать правовые, организационные и иные барьеры в правоприменении, чтобы оставаться праву действительно «живым», а государственной правовой политике в сфере образования – эффективной, жизнеспособной, а самое главное – идеологически выверенной, ведь идеология есть план развития, а он должен быть предельно чётким и органичным историческому развитию российского образования.

Подводя итог вышесказанному, хотим заметить, что на примерах нерешенных проблем цифрового образовательного права возможно рассмотреть те дефекты государственной правовой политики в области образования, которые требуют скорейшего разрешения, ведь, несмотря на заявление вице-премьера Д.Н. Чернышенко о том, что «цифровизация должна служить поддержкой учителю, позволяя ему больше времени уделять ученикам» [12], практика показывает совершенно иной крен развития цифрового образовательного права. И тогда даже незыблемые принципы общедоступности и бесплатности образования, декларируемые в Конституции Российской Федерации, как справедливо отмечает Р.Ф. Степаненко, при реализации на практике имеют существенные расхождения, которые «негативно отражаются на формировании поведенческих моделей подрастающего поколения» [13]. Так, прежде всего следует привести политические задачи в согласование с правовыми принципами образовательной отрасли права, ведь цифровая его модель должна развиваться в том же правовом поле, не нарушая права и свободы участников образовательных отношений. Направлением дальнейшего исследования могут стать правоприменительные практики использования цифрового образовательного контента, программного обеспечения «Цифровой платформы MAX» и иных проектов, активно внедряемых в образовательное пространство с целью стать частью цифрового образовательного права.

Литература:

1. Степаненко Р.Ф., Солдатова А.В., Степаненко Г.Н. Современные проблемы правового воспитания: теоретико-правовые и социально-философские аспекты // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 24–27. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_24.
2. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica (Русский закон). 2019. № 9(154). С. 9–18.
3. Вайпан В.А. Понятие и правовая природа цифрового права // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 10–17.
4. Правовая информация. URL: https://vk.com/legal (дата обращения: 01.03.2025).
5. Письмо Минпросвещения России от 10.07.2023 № 04-ПГ-МП-24169 «О предоставлении обучающимся равных возможностей для освоения учебных программ в дистанционном формате» // СПС КонсультантПлюс.
6. Рыбакова К. Мошенники начали звонить детям якобы от имени школьной медсестры. URL: https://vm.ru/news/1266229-moshenniki-nachali-zvonit-detyam-yakoby-ot-imeni-shkolnoj-medsestry (дата обращения: 20.11.2025).
7. Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2021 N 3427-р» // СПС КонсультантПлюс.
8. Решение Арбитражноо суда Новгородской области (АС Новгородской области) от 29 июня 2020 г. по делу № А44-2151/2020. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/P5VI63s4kNbx/?ysclid=ltygq72m86126930852 (дата обращения: 01.03.2025).
9. Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 19.04.2024 г. № 04-ПГ-МП-19065-доп «Об информации по обращению» // СПС Гарант.
10. Блогеров хотят заставить получать лицензию на обучение, пишут СМИ. URL: https://ria.ru/20240722/blogery-1961120777.html (дата обращения: 01.03.2025).
11. Письмо Рособрнадзора от 25.11.2022 № КО-21120/08-16005 «По вопросу лицензирования образовательной деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
12. Цифровизация должна служить поддержкой учителю, заявил Чернышенко. URL: https://ria.ru/20250226/chernyshenko-2001666302.html (дата обращения: 01.03.2025).
13. Степаненко Р.Ф. Право на образование несовершеннолетних: общеправовые проблемы // Права несовершеннолетних: правовое регулирование и проблемы реализации в условиях современного общества: сб. науч. трудов: сб. материалов / Кол. авторов; под ред. О.С. Рыбаковой. Москва: РУСАЙНС, 2022. С. 110–116.

Administrative and Legal Regulation of the Digital Transformation of Higher Education: New Challenges and Approaches

Shulyndin L.S.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the chosen field of research is determined by the need to analyze and evaluate Russia's state legal policy in the field of education through the problems of domestic digital educational law. The purpose of the study is to consider the legal and organizational barriers that hinder the implementation of the basic principles of state policy and legal regulation of relations in the field of education, listed in the sectoral legislation and guaranteed by the legislator. The scientific and practical significance of the work consists in analyzing specific legal situations and emerging trends that emphasize the separation of practice and legal provisions, as well as drawing attention to aspects that require comprehensive legal regulation. The value of the conducted research is seen in the consideration of the object (domestic education) in new law-making and law enforcement trends (the development of digital educational law), reflected in political decisions, sometimes contradicting state legal policy.

Keywords: education, state legal policy, digital law, digital educational law, law enforcement, digital environment

УДК 342
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-412-416

К вопросу о требовании Федерального закона России «О политических партиях» к численности региональных отделений политических партий

Заляев Рустем Ильхамович
Кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Заляев Рамиль Ильхамович
Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Высшей школы востоковедения – Восточный разряд Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируется требование Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» к численности региональных отделений политических партий, которое косвенно запрещает создание и деятельность региональных и местных политических партий в контексте возможности коллективной самоорганизации индивидов в политические партии на региональном и местном уровнях власти. Рассматриваются различные точки зрения на требования Федерального закона «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий, в том числе к требованию численности региональных отделений политических партий, положения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, в которых содержится оценка этого требования, а также теоретико-правовой подход, применимый к анализу проблемы законодательных требований к созданию и деятельности политических партий в России. Предлагаются рекомендации по развитию партийного законодательства в России с целью расширения участия круга коллективных субъектов в общественной жизни на региональном и местном уровне власти.

Ключевые слова: *политические партии, правовой статус политических партий, Федеральный закон России «О политических партиях», право на объединение, региональные политические партии, муниципальные политические партии*

Для цитирования: *Заляев Р.И., Заляев Р.И. К вопросу о требовании Федерального закона России «О политических партиях» к численности региональных отделений политических партий // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 412–416. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-412-416.*

Федеральный закон РФ от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее – Федеральный закон «О политических партиях», ФЗ № 95-ФЗ) содержит требования к созданию и деятельности политических партий: требования к численности членов политических партий и к численности ре-

гиональных отделений политических партий. Требования Федерального закона «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий неоднократно менялись. В первоначальной редакции Федерального закона были установлены требования о том, что «политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов РФ» и «в политической партии должно состоять не менее десяти тысяч членов политической партии» (п. 2 ст. 3) [1]. В 2012 г. законодателем в Федеральный закон были внесены изменения, которые существенно снизили требование к численности членов политической партии в России. Что касается требования к численности региональных отделений политической партии, то оно, с незначительными изменениями, сохранилось. В настоящее время согласно подп. «а» п. 2 ст. 3 Федерального закона от 02.04.2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях», «в политической партии должно состоять не менее 500 членов» и «политическая партия должна иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом в субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии» [1]. Законодательное требование к численности региональных отделений политических партий косвенно запрещает создание и деятельность региональных и местных политических партий. Возникает вопрос анализа законодательного требования к численности региональных отделений политических партий и, следовательно, запрета в России создания и деятельности региональных и местных политических партий в контексте возможности коллективной самоорганизации индивидов в политические партии на региональном и местном уровнях власти.

Обсуждение вопроса требований Федерального закона «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий

Надо отметить, что во время обсуждения вопроса о принятии в России специального закона о политических партиях, среди депутатов Государственной Думы Российской Федерации стоял вопрос и о возможности создания и деятельности в России региональных и местных политических партий. Депутатами Государственной Думы было предложено несколько проектов Федерального закона о политических партиях, некоторые из которых предусматривали возможность создания и деятельности межрегиональных, региональных и местных политических партий. Например, Независимым институтом выборов и Институтом федерализма и гражданского общества был подготовлен собственный инициативный проект федерального закона, который назывался «О гарантиях многопартийности и правовом статусе политических объединений в Российской Федерации». Автором законопроекта является доктор юридических наук В.В. Лапаева. Законопроект предполагал возможность создания и деятельности межрегиональных, региональных и местных политических объединений (ст. 5) [2].

В.В. Лапаева, обосновывая положение своего законопроекта, закрепляющее возможность создания и деятельности межрегиональных, региональных и местных политических объединений, отмечает, что ее «законопроект сохраняет межрегиональные, региональные и местные партии и вводит их в сферу регулирования закона о гарантиях многопартийности, что, в свою очередь, является гарантией против ограничения политического плюрализма и многопартийности на региональном и местном уровнях» [3]. Далее В.В. Лапаева делает важное уточнение: «Вместе с тем идея запрета региональных партий родилась не на пустом месте. В ней есть резоны, связанные с наличием в регионах страны опасных тенденций к национальному и религиозному сепаратизму и экстремизму. Но из этой проблемы несложно найти другой, вполне приемлемый с точки зрения права выход, а именно запрет на создание политических объединений по национально-этническому или конфессиональному признакам. Предлагаемый инициативный законопроект закрепляет запрет на создание политических объединений по национально-этническому и религиозному признакам» [3]. Как известно, был принят проект Федерального закона «О политических партиях», который закрепляет существование в России только общефедеральных политических партий (п. 2, ст. 3) [4].

Принятие Федерального закона «О политических партиях», в том числе, положения закона, содержащие требования к созданию и деятельности политических партий, вызвали в российском обществе неоднозначные оценки. Часть общества считала, что они являются необходимыми для дальнейшего развития партийной системы России. Однако некоторые считали, что они являются чрезмерно высокими и нарушают ряд положений Конституции России, в том числе и ст. 30 (ч. 1), которая закрепляет право индивидов на объединение и свободу деятельности общественных объединений. Спор перешел и в юридическую плоскость, когда вопрос соответствия требований Федерального закона «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий положениям Конституции России в 2005 и 2007 гг. стал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что требования закона не противоречат положениям Конституции России, в том числе и положению о праве на объединение и свободе деятельности общественных объединений [5; 6]. В то же время Европейский суд по правам человека, рассмотрев жалобу представителей «Республиканской партии России» на предмет соответствия Решения

Верховного суда РФ о ликвидации «Республиканской партии России» ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в 2011 г. вынес Постановление, что «имело место нарушение ст. 11 Конвенции» (п. 90, п. 131) [7]. Таким образом, вопрос оценки требований Федерального закона России «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий, в том числе требования к численности региональных отделений политических партий на соответствие праву индивидов на свободу объединения, порождает разные мнения и требует дальнейшего изучения.

После выхода Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Республиканская партия России против России» ряд известных российских ученых подвергли критике его обоснованность. Например, В.Е Чуров, Б.С. Эбзеев обосновывая требования Федерального закона России «О политических партиях» к численности членов и к численности региональных отделений политических партий, подчеркнули, что требования были установлены исходя из учета исторического этапа развития страны, которая относительно недавно начала процесс перехода к демократии. Из этого, по мнению авторов, проистекает необходимость поэтапного формирования устойчивой многопартийной системы, способной гарантировать политическое волеобразование многонационального народа Российской Федерации [8].

В.Д. Зорькин, выступая в 2012 г. с докладом на Международной конференции «Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности» также приводит серьезные аргументы в пользу запрета региональных политических партий в России. Он отметил, что «политико-партийная система должна учитывать исторические, политические, социокультурные, этнорелигиозные особенности страны и, что в условиях крайне болезненных социально-политических последствий "парада суверенитетов", который прокатился по России, «институт региональных политических партий вполне способен оказаться механизмом провоцирования сепаратизма или даже инициирования государственного распада» [9]. При этом он обращает внимание собравшихся на важную оговорку Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в котором подчеркивается, что «указанное ограничение носит временный характер и с отпадением породивших его обстоятельств должно быть снято» [9].

В целом, сторонники требований Федерального закона «О политических партиях» к численности членов политических партий и к численности региональных отделений политических партий считали, что, во-первых, введение требований будет вести к укрупнению политических партий в России, снижению числа малочисленных политических партий, которые не имеют серьезной электоральной поддержки и дезориентируют выбор избирателя, и тем самым будет способствовать лучшему отражению воли избирателей при выборах, и, во-вторых, будет эффективно защищать партийную систему от создания и деятельности сепаратистских и националистических политических партий, которые могут угрожать целостности и стабильности государства.

Научные подходы к анализу требований к созданию и деятельности политических партий

Ученые предлагают различные подходы к анализу требований к созданию и деятельности политических партий, в том числе требования к численности региональных отделений политических партий. Например, известный отечественный правовед В.В. Лапаева в деле теоретического осмысления проблемы ограничения законом прав и свобод человека, в том числе проблемы ограничения права на свободу объединения, предлагает использовать либертарную концепцию правопонимания. По мнению В.В. Лапаевой, «позиция либертарной концепции в вопросе ограничения прав человека состоит в следующем: право человека может быть ограничено законом только с целью защиты других прав человека и только в той мере, в какой это не нарушает принцип формального равенства при осуществлении данного права» [10, с. 105]. В.В. Лапаева считает, что «с точки зрения принципа равенства, очевидно, что ограничение такой ценности, как права человека, может быть оправдано лишь необходимостью защиты равнозначной ценности. Следовательно, единственным основанием для ограничения права человека является необходимость предотвращения такого злоупотребления этим правом, которое связано с его использованием в ущерб другим правам человека» [10, с. 106].

Основываясь на либертарной концепции правопонимания, В.В. Лапаева предлагает логику правовых рассуждений, которая может быть использована при рассмотрении проблемы законодательных требований к созданию и деятельности политической партии в России. В.В. Лапаева отмечает, что, «прежде всего, следует исходить из того, что с точки зрения Конституции РФ закрепление в законе требований к минимальной численности политической партии является конституционно приемлемым ограничением права граждан на объединение в том случае, если оно соответствует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Интерпретируя данную норму в контексте положения ст. 2 Конституции РФ о приоритете прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, следует признать, что права гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это осуществляется для защиты других прав человека… В рассматриваемом нами случае законодатель мог исходить из того, что право граждан на объединение в политические партии следует

ограничить для защиты прав граждан на участие в управлении делами государства» [11, с. 26–27].

В.В. Лапаева полагает, что «если законодатель считает, что без указания в законе требований к численности партии невозможно предотвратить участие в выборах под видом политических партий различного рода клановых организаций (что может дезориентировать избирателей и привести к искажению их воли), то он вправе ввести требование к минимальной численности партии. Такое требование является гарантией против злоупотребления статусом политической партии» [11, с. 27]. Таким образом, можно хорошо видеть эффективность либертарной концепции правопонимания в анализе проблемы обоснования законодательных требований к созданию и деятельности политической партии в России.

Важным источником, содержащим объяснение цели установления законодателем требования к численности региональных отделений политических партий в России, являются решения Конституционного Суда РФ. Как было сказано выше, вопрос о конституционности требований, в том числе требования к численности региональных отделений политических партий, был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в 2005 г. Анализ постановления Конституционного Суда РФ показывает, что, во-первых, целью установления федеральным законодателем требования к численности региональных отделений политических партий является необходимость формирования крупных общенациональных политических партий, которые выражают интересы значительной части граждан Российской Федерации, предотвращение создания множества малочисленных партий, не имеющих достаточной поддержки и которые могут дезориентировать избирателя (п. 3.1, п. 3.3), во-вторых, – обеспечение целостности и стабильности государства путем предотвращения создания и деятельности региональных политических партий, которые могут способствовать развитию сепаратистских и националистических идей (п. 3.2, п. 3.3) [5].

Завершая анализ законодательного требования Федерального закона «О политических партиях» к численности региональных отделений политических партий, которое косвенно вводит запрет создания и деятельности в России региональных и местных политических партий, следует сказать следующее:

Во-первых, что касается проблемы «множества малочисленных партий», которая является одним из доводов обоснования введения высоких требований Федерального закона «О политических партиях» к численности членов и региональных отделений политических партий, что ведет также к косвенному запрету региональных и местных политических партий. Действительно, до принятия в России Федерального закона «О политических партиях» существовали достаточно либеральные законодательные требования к созданию и деятельности политических партий, и в выборах участвовало значительное число общественно-политических объединений, что дезориентировало избирателей и негативно влияло на процесс волеизъявления граждан. Однако, на наш взгляд, существовал путь, который позволял, не прибегая к запрету региональных и местных политических партий, существенно снизить на федеральном уровне число малочисленных общественно-политических объединений – это введение закрепленных в Федеральном законе России «О политических партиях» требований к созданию и деятельности политических партий в форме: «политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов РФ» и «в политической партии должно состоять не менее десяти тысяч членов политической партии» исключительно для общественно-политических объединений федерального уровня деятельности. Данный подход, на наш взгляд, позволил бы решить во многом проблему множественности общественно-политических объединений на федеральном уровне деятельности и одновременно сохранить деятельность региональных и местных политических партий.

Во-вторых, что касается вопроса обоснования запрета в России региональных политических партий, утверждается, что они могут способствовать развитию сепаратистских и националистических идей, и тем самым угрожать целостности и стабильности государства Действительно, существует определенная связь между региональным уровнем деятельности политических партий и возможностью создания сепаратистских и националистических политических партий. Однако эта связь небезусловная. Во-первых, не все региональные политические партии могут быть сепаратистскими или националистическими. На региональном уровне могут действовать партии с традиционной политической идеологией, защищающие общенациональные ценности. Во-вторых, не все региональные партии, отстаивающие интересы региона, будут являться сепаратистскими или националистическими; они могут сочетать региональные интересы с общенациональными.

В-третьих, в законодательстве России уже существует способ решения проблемы защиты от создания и деятельности сепаратистских и националистических партий – это отдельные положения Конституции России (п. 5, ст. 13) и Федерального закона «О политических партиях» (ст. 9), которые запрещают создание и деятельность сепаратистских и националистических политических партий [1; 12].

Таким образом, исследование показало необходимость поиска оптимального баланса между требованиями к организации партийной системы и обеспечением конституционных прав граждан на

свободу объединения. Предложенные подходы могут способствовать совершенствованию партийного законодательства и развитию демократических институтов в России.

Литература:

1. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 14.07.2001) // СПС КонсультантПлюс.
2. Инициативный проект федерального закона «О гарантиях многопартийности и правовом статусе политических объединений в Российской Федерации» // Выборы. Законодательство и технологии. 2000. № 11. URL: http://www.vibory.ru/journal/journ11/j11arta4.html (дата обращения: 30.01.26)
3. Лапаева В.В. Закон о политических партиях: в чем суть альтернативных подходов // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 11–18.
4. Проект Федерального закона № 43556-3 «О политических партиях» (окончательная ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21.06. 2001). Внесен Президентом РФ // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.02.2005 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2007 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» // СПС Консультант Плюс.
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 12.04.2011 по делу «Республиканская партия России [Republican Party of Russia] против Российской Федерации» (жалоба № 12976/07) (I Секция) (European Court of Human Rights. // СПС КонсультантПлюс.
8. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Утраченные иллюзии (о Постановлении Европейского суда по правам человека по делу Республиканская партия России против России) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 6. С. 28–38.
9. Зорькин В.Д. Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 1–11.
10. Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 103–115.
11. Лапаева В.В. Законодательное требование к численности политической партии как ограничение конституционного права на объединение: критерии правомерности // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 25–34.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с измен., одобр. в ходе общеросс.голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

On the Issue of the Requirement of the Russian Federal Law "On Political Parties" for the Number of Regional Branches of Political Parties

Zalyaev Rustem I., Zalyaev Ramil I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the requirement of the Russian Federal Law "On Political Parties" for the number of regional branches of political parties, which indirectly prohibits the creation and operation of regional and local political parties in the context of the possibility of collective self-organization of individuals into political parties at the regional and local levels of government. Various points of view are considered regarding the requirements of the Federal Law of Russia "On Political Parties" for the establishment and operation of political parties, including the requirement for the number of regional branches of political parties, the provisions of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which assess this requirement, as well as a theoretical and legal approach applicable to the analysis of the problem of legislative requirements for creation and activity of political parties in Russia. Recommendations are proposed for the development of party legislation in Russia in order to expand the participation of a range of collective actors in public life at the regional and local levels of government.

Keywords: political parties, legal status of political parties, Federal Law of Russia "On Political Parties", right to association, regional political parties, municipal political parties

УДК 316.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-417-421

Образ виктимблейминга в произведениях зарубежной и отечественной литературы

Каштанова Ольга Владимировна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского национального исследовательского
технологического университета

Статья рассматривает феномен виктимблейминга сквозь призму анализа художественной литературы. Цель данной статьи – показать, как писатели разных эпох выражали в произведениях свое отношение к изучаемому явлению. Используемый автором дискурс-анализ позволяет не только выявить скрытые механизмы, посредством которых ответственность переносится с агрессора на жертву, но и раскрыть исторические и культурные особенности, укорененные в общественном сознании стереотипы и предрассудки, формирующие основу обвинений, а также определить влияние социальных институтов на распространение виктимблейминга. Подобный анализ может стать аргументом в пользу создания программ для улучшения работы правоохранительных органов и способствовать разработке эффективных методов поддержки жертв насилия.

Ключевые слова: *виктимблейминг, вина, агрессор, жертва, насилие, сексуальное насилие*

Для цитирования: *Каштанова О.В. Образ виктимблейминга в произведениях зарубежной и отечественной литературы // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 417–421. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-417-421.*

В современном обществе всё больше внимания уделяется вопросам защиты прав человека. Особенно остро стоит проблема виктимблейминга.

Виктимблейминг – это обвинение жертвы в насилии или преступлении над ней. При этом жертвы преступления сами несут ответственность за происходящее с ними [1, с. 79].

Хотя термин появился только в XX в., внимание к этому явлению и его отражение в художественной литературе имеет более давнюю историю.

Среди произведений эпохи Средневековья особое место занимает «Божественная комедия» Данте Алигьери, в которой ярко выражена идея божественного возмездия. Грешники в этом произведении несут наказание за свои грехи и испытывают мучения. Хотя это и не виктимблейминг в современном понимании, сама концепция предполагает, что возмездие является закономерным следствием совершенного проступка. Кроме того, в тексте присутствует завуалированная идея, согласно которой вина за произошедшее перекладывается с внешних обстоятельств на самого человека.

Еще одно произведение – роман XVIII в. «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» Даниэля Дефо. Писатель рассказывает о жизни и злоключениях женщины, ставшей ввиду ряда обстоятельств преступницей. Может показаться, что сказанное не имеет прямого отношения к виктимблеймингу, если обратить внимание на то, как Дефо описывает обстоятельства, с которыми сталкивается Молль, какие ее промахи влияют на ее дальнейшую судьбу. Однако это, безусловно, можно рассматривать как факт воздействия установок и норм общества на жизнь человека и отношение к нему окружающих.

В целом литература XVIII в., а затем и XIX в. ярко демонстрирует характерные черты этих эпох. В произведениях того времени часто встречается идея «справедливого мира», согласно которой люди

получают по заслугам. Их страдания рассматриваются как закономерное следствие их поступков, недостатков или чрезмерных желаний. Это позволяет обществу оправдывать существующие несправедливости и сохранять иллюзию контроля над происходящим.

В XIX в. написано много произведений. Среди них:

1. Энн Бронте: «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». В романе рассказывается о трудной судьбе Хелен Грэхем, которая вынуждена была с достоинством преодолевать все испытания и лишения. Она столкнулась с неприятием и осуждением со стороны соседей, которые не могли понять ее замкнутость и отстраненность.

Главная героиня, пережив предательство и жестокость своего супруга, тем не менее постоянно сталкивается с последствиями своего прошлого. Несмотря на боль, причинённую ей мужем, общество осуждает её. Однако Хелен не сдаётся, преодолевает все трудности и в итоге обретает счастье.

Родная сестра Энн Бронте, Шарлотта, примерно в этот же период написала не менее известное произведение – «Джейн Эйр». Обе писательницы, несмотря на разницу в стилях написания их романов, обращали взор читателя на весьма острые социальные проблемы, о которых было принято умалчивать в то время: вопросы женской эмансипации, особенности семейной жизни и социальной справедливости.

Возникает вопрос о том, как отражение специфики викторианской эпохи, описанной в романах указанных писателей, связано с темой виктимблейминга. Ответ обусловлен историческим, социальным и культурным контекстом. В анализируемых произведениях описываются ситуации, в которых жертвы сталкиваются с недопониманием и осуждением, а иногда и с активным порицанием, что делает их жизнь еще более сложной и невыносимой. По всей вероятности, это связано с общим восприятием мужской и женской ролей в обществе. В сущности, женщина того времени – пассивное и бесправное существо, во всем зависимое от своего мужа, беспрекословно выполняющее его волю. В таком мире любое иное поведение осуждается и жертва автоматически становится виновной, а агрессор воспринимается как «носитель естественного мужского права на доминирование» [2, с. 114–120].

2. Мэри Шелли и роман «Франкенштейн, или Современный Прометей». В данном произведении описываются искажающие реальность механизмы перекладывания вины с виновника на жертву, причины оправдания агрессора и создания системы обвинений и самообвинений. Разберем сказанное на примере:

– Виктор Франкенштейн рассматривает своё творение исключительно как научный эксперимент. Когда тот завершается катастрофой, ученый решает, что больше не хочет быть причастным к страданиям и преступлениям своего создания.

То, что происходит дальше, делает творение жертвой предрассудков, чудовищем за которым закреплен статус не заслуживающего сострадания монстра. И именно этот механизм стигматизации превращает чудовище в жертву общественного порицания и осуждения, а это, в свою очередь, приводит к череде непоправимых последствий.

– Автор романа стремится сказать, что для общества монстр – преступник, для которого характерна скорее врожденная порочность, нежели поведение, продиктованное влиянием каких-либо внешних обстоятельств. И поэтому при прочтении романа читатель почти не встречает героев, способных осознать причинно-следственную связь между преступлениями и реакцией на изоляцию и жестокость.

– В романе описан своего рода парадокс: с одной стороны, Франкенштейна мучает вина за содеянное, но при этом внешне для всех он остается жертвой, а не виновником случившегося. С другой стороны, его желание поймать монстра в финале произведения есть ни что иное, как попытка искупить вину за содеянное. Однако это не может исправить то, что он совершил.

– Структура повествования показывает, что и монстр, и Франкенштейн, каждый в отдельности – и преступник, и жертва одновременно. Подобная неоднозначность позволяет утверждать, что не все так просто на первый взгляд, что нельзя судить о чем-то лишь на основании обрывочных знаний и отдельных суждений.

3. Пьеса «Гроза» Александра Николаевича Островского представляет собой ещё один повод для размышлений о проблеме виктимблейминга. Посмотрим на историю Катерины. Когда раскрылась правда о её любви к Борису, она оказалась в тисках жестокого осуждения и давления. Через этот образ автор демонстрирует, как общественное осуждение и изоляция способны разрушить жизнь человека. Произведение также иллюстрирует, как безразличие окружающих и их собственные беды могут привести к безысходности.

4. Фёдор Михайлович Достоевский и его роман «Преступление и наказание». Соня Мармеладова встречает непонимание и осуждение со стороны общества из-за своего трудного жизненного пути. Несмотря на то, что она оказалась в сложной ситуации из-за внешних факторов, вместо поддержки и сочувствия она сталкивается с презрением и неприятием со стороны окружающих.

5. Повесть Антона Павловича Чехова «Убийство». В данном произведении также можно встретить проявления виктимблейминга, хотя и в скрытой форме. Например, когда автор описывает жизнь и взаимоотношения двух братьев, их характеры, образ жизни и религиозные убеждения, становится

очевидно, что оба брата уделяют чрезмерное внимание отдельным аспектам своей жизни. Одно дело, если они осознают свои ошибки и стремятся их исправить, и совсем другое – когда они начинают поучать и осуждать других, что приводит к бесконечным конфликтам и трагедиям.

Описываемые события происходят в российской провинции. Здесь традиции и суеверия играют важную роль в жизни людей, а замкнутость и ограничение кругозора способствуют распространению слухов, предрассудков и нетерпимости. В таком обществе, не способствующем диалогу, конфликты естественны.

С точки зрения окружающих и общества в целом, финал взаимодействия между героями предсказуем и имеет определенную закономерность: конфликт не может оставаться просто конфликтом, а смерть – одним из возможных его исходов. Пострадавший – это не просто человек, наказанный за свои действия и обреченный на искупление. Он становится жертвой системы, где существуют определенные правила и запреты. Поэтому говорить о том, что жертва заслужила свою участь, поскольку сама виновата в случившемся, не совсем корректно.

Это лишь некоторые примеры виктимблейминга, встречающиеся в художественной литературе обозначенного ранее периода.

Во второй половине XX столетия, когда мир переживал бурное развитие «второй волны феминизма», возникло множество научных исследований, посвящённых различным социальным проблемам, в том числе теме сексуального насилия. В этих трудах авторы рассматривали, как общество, правоохранительные органы и средства массовой информации часто возлагают вину за произошедшее на жертву.

Работа над изменением общественного сознания проводится также через активистов, стремящихся донести до всех ту неизвестную правду, которая порой не видна при невнимательном подходе к изучаемому вопросу.

Тема виктимблейминга активно обсуждается в кино и театре и тем самым привлекает внимание к необходимости изменения системы, где никто иной, как именно жертва, считается виновной. Как пример – опубликованная в 1963 г. книга «Загадка женственности» Бетти Фридан. В ней писательница анализирует роль женщин в послевоенные годы и критикует представления о женской роли.

Еще один пример – «Обвинение жертвы» – опубликованная в 1971 г. книга психолога Уильяма Райана, в которой автор описывает анализируемое понятие в современном значении. В частности, виктимблейминг, по мнению психолога, это «идеология, которая применяется для оправдания расизма, несправедливости в отношении чернокожих граждан Америки» [3, с. 20].

В научных кругах, помимо широко известного термина «обвинение жертвы», используется еще одно значимое понятие – «изнасилование, спровоцированное жертвой», введенное в 1967 г. исследователем Менахемом Амиром. В его определение Амир включает такую существенную характеристику, как «жертва проявляла недостаточное сопротивление или добровольно оказывалась в опасной ситуации». Тем самым ученый как бы встает на сторону преступника, обвиняя во всем лишь жертву. Однако есть и другой вывод, к которому приходит исследователь: «Такое поведение (жертвы) не делает преступников невиновными, но позволяет нам считать некоторых из этих мужчин, по крайней мере, менее виновными. Это заставляет задуматься о том, что жертва также несёт ответственность за то, что с ней произошло» [4]. В свете сказанного снова выделим примеры из художественной литературы XX в.:

1. В романе Теодора Драйзера «Американская трагедия» рассматривается влияние социальных условий и жизненных обстоятельств на поведение людей. Через образы Роберты Олден и Клайда Гриффитса автор раскрывает механизмы виктимблейминга.

Роберта представлена как молодая женщина из бедной семьи, работавшая на фабрике. После её трагической гибели общество осуждает её, навешивая ярлык виновницы своих бед. В тексте романа встречаются фразы: «поддавшаяся на уговоры», «потерявшая честь», «сама ставшая виновницей того, что с ней случилось», которые подтверждают это.

По мере развития сюжета становится ясно, что в американском обществе начала XX века жертва автоматически превращается в виновницу. Это обусловлено господством гендерных стереотипов (женщина, вступившая в связь вне брака, подвергается осуждению, тогда как аналогичное поведение мужчины вызывает снисхождение), классовым неравенством (Роберта – работница фабрики, Клайд – племянник богатого фабриканта Сэмюэля Грифитса), а также давлением общественности и СМИ (очевидцы событий того времени предпочитают версию, в которой Роберта «сама провоцирует трагедию», а не Клайд предстает хладнокровным убийцей).

Положение Роберты усугубляется, когда становится известно о её беременности. В суде её представляют как навязчивую и морально деградировавшую женщину с низким социальным статусом и ограниченными финансовыми ресурсами. Её изображают неудачницей, которая не смогла предотвратить случившееся.

Еще один герой романа – Клайд. Его образ с самого начала вызывает симпатию у читателя: он всегда улыбается, безукоризненно одет и производит приятное впечатление. Однако по мере развития сюжета его образ претерпевает радикальные изме-

нения: из положительного персонажа он превращается в хладнокровного убийцу и злодея.

Жизнь Клайда, полная неожиданных поворотов, на самом деле не так уж и удивительна. Он является воплощением стремления к «американской мечте» – успеху в обществе, поражённом вирусами классового неравенства, культа денег и иллюзорного благополучия. Клайд – очередная жертва внешних обстоятельств, а не своих собственных пороков.

2. «Девушка с татуировкой дракона» (в оригинале: «Мужчины, которые ненавидят женщин») Стига Ларссона напрямую не раскрывает изучаемый вопрос. Тем не менее, автор показывает, как общество, игнорируя и оправдывая проявление насилия, поощряет распространение виктимблейминга.

Обсуждаемое произведение – не просто роман с определенным сюжетом. Это еще и описание исторического контекста. Стига Ларссона можно считать ярым противником нацизма. Создавая данное произведение, он опирался на собственный журналистский и жизненный опыт.

«Каждой части романа предшествует определенная статистическая сводка: 18 % женщин Швеции хоть раз подвергались угрозам со стороны мужчины, 48 % женщин Швеции подвергались насилию со стороны какого-нибудь мужчины, 13 % женщин Швеции подвергались формам сексуального насилия за рамками сексуальных отношений, 92 % женщин Швеции, подвергшихся сексуальному насилию, при последнем случае насилия не заявляли об этом в полицию» [5, с. 35]. И этот краткий обзор буквально в каждой строчке повторяет: «насилие» – «сексуальное насилие» – «насилие в отношении женщин».

Возникает вопрос первостепенности: что для автора важнее – предложить читателю поразмышлять над темой нацизма или же обратить внимание на проблему сексуального насилия над женщинами? И здесь ответ на данный вопрос нельзя считать простым. Переход от фашизма как такового к тем, кто его пропагандирует, позволяет автору поставить своего рода знак равенства между фашизмом и насилием, вернее, между пропагандой идей фашизма и формой его осуществления. Снова возникают вопросы: разовым ли было это насилие или же систематическим? В отношении кого оно проявлялось и чем, в итоге, завершилось и закончилось ли вообще? Ответ Стиг Ларссон дает посредством описания биографий героев романа. Внутри одной выделенной семьи насилие становится основной формой взаимоотношений между супругами, родителями (в нашем случае – отцом) и детьми. И если для старшего поколения (Готфрида) насилие – способ выражения фашистских идей (например, идеи чистоты расы и борьбы с евреями), то для младшего поколения (его сына Мартина) насилие – источник наслаждения, способ обретения власти над теми, кто самостоятельно не может себя защитить.

Мартин, как и еще один герой романа Бьюрман – уважаемые и состоятельные люди. Внешне они ничем не примечательны. Однако нужно понимать, что этим хотел сказать автор: зло и человеческие пороки никуда не исчезли, что под маской внешне респектабельного человека может скрываться настоящее чудовище, снимающее с себя ответственность за происходящее и всецело перекладывающее ее на слабых и беззащитных.

3. Роман Кейт Элизабет Рассел «Моя тёмная Ванесса» – еще один нестандартный взгляд на тему виктимблейминга. В произведении жертва воспринимает ситуацию через призму сложных психологических процессов, которые искажают действительность и побуждают ее брать на себя часть вины. Роман подчеркивает, что даже если жертва, находясь под влиянием манипуляций, верит в добровольность совершаемого деяния, это не означает отсутствие факта насилия, особенно по отношению к несовершеннолетним.

«Моя тёмная Ванесса» показывает, как виктимблейминг становится инструментом контроля агрессора по отношению к жертве.

Сущность виктимблейминга заключается в укреплённых социальных стереотипах и предвзятых установках. Общество склонно искать простые объяснения сложных ситуаций, и обвинение жертвы является своего рода психологической защитой, которая позволяет окружающим чувствовать себя в безопасности. Это происходит ввиду устойчивой убежденности членов общества в том, что жертва должна была быть готова к возможным негативным последствиям. И поэтому должна была предпринять меры для избежания трагедии. Следовательно, часть ответственности за совершенное деяние автоматически перекладывается на потерпевшего, смягчая тем самым преступление агрессора.

Причины виктимблейминга проявляются в стремлении человека защитить себя от столкновений с окружающим миром и в невозможности контролировать хаос вокруг. С психологической точки зрения построение закономерностей и логических связей помогает упорядочить этот хаос и избежать связанной с ним тревоги: «Если ты будешь вести себя хорошо, плохие вещи с тобой не произойдут» или «Если не провоцировать, то неприятностей не будет». Из желания создать понятную и ясную реальность возникает идея о разделении ответственности между жертвой и преступником.

Однако с изменением различных типов общественной морали появляются совершенно иные решения. Женщины стали все чаще противостоять насилию, перестали замалчивать проблемы, говорить открыто, заявляя, что они подвергались домашнему насилию, насилию со стороны руководителя, а также стали снимать фильмы и сериалы на эту тему. Это явление стало освещаться и в СМИ. Имена тех,

кто подвергал жертв насилию, стали появляться в передачах (например, Харви Вайнштейн).

Таким образом, виктимблейминг является серьёзной социальной проблемой, которая требует осознания, изучения и устранения через работу с общественными стереотипами, усиление образовательных программ и обеспечение поддержки для жертв правонарушений.

Литература:

1. Бендрикова А.Ю. Виктимблейминг: социологический аспект изучения // Образование и проблемы развития общества. 2018. № 1 (5). С. 79–83.
2. Рябков М.Н. Гендерные стереотипы и общественное сознание в романе Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» // Текст в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. унт-та, 2005. С. 114–120.
3. Корецкая М.А., Иваненко Е.А., Савенкова Е.В. Виктимблейминг и теодицея: теологические корни веры в справедливость страданий жертвы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2019. № 2 (26). С. 19–58.
4. «Она сама виновата: что такое виктимблейминг». URL: https://burninghut.ru/viktimblejming/ (дата обращения: 14.12.2025).
5. Бельский И.О. Проблема неофашизма в романе С. Ларссона «Девушка с татуировкой дракона» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 33–38.

The Image of Victimblaming in the Works of Foreign and Domestic Literature

Kashtanova O.V.
Kazan National Research Technological University

The article examines the phenomenon of victimblaming through the prism of fiction analysis. The purpose of this article is to show how writers from different eras expressed their attitude to the phenomenon under study in their works. The discourse analysis used by the author makes it possible not only to identify hidden mechanisms by which responsibility is transferred from the aggressor to the victim, but also to reveal historical and cultural features, stereotypes and prejudices rooted in the public consciousness that form the basis of accusations, and to determine the influence of social institutions on the spread of victimblaming. Such an analysis can become an argument in favor of creating programs to improve the work of law enforcement agencies and contribute to the development of effective methods of support for victims of violence.

Keywords: victimblaming, guilt, aggressor, victim, violence, sexual violence

УДК 004.8
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-422-426

Интеллект и разум в системе творческого мышления человека и машины

Нуруллин Рафаиль Асгатович
Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии
Института социально-философских наук
Казанского (Приволжского) федерального университета

Создание искусственного интеллекта (ИИ) угрожает человечеству попаданием в зависимость от современных вычислительных систем и, как следствие, быстрой деградацией мыслительных способностей человека. Это неизбежно влечет за собой необходимость четкого определения человеком своего места в системе становления новых отношений в информационной цивилизации.

Определение места человека в новой системе развивающихся цивилизационных отношений предполагает поиск необходимых критериев распознавания двух форм интеллектуальной деятельности. Интеллект связан с творчеством, поэтому дефиниции распознавания человеческого и машинного интеллектов необходимо искать в особенностях формирования нового. Решение этого вопроса должно позволить человеку сосредоточиться исключительно на тех формах возможного творчества, на которые никто и ничто другое не способно.

Правильное отражение разграничения сфер деятельности человеческого и машинного интеллекта должно позволить перестроить всю систему общественных отношений. Оптимизация в первую очередь потребуется в системах воспитания и образования для формирования необходимой личности; бюрократических структурах для организации управления обществом; в бизнес-структурах в направлении тотальной автоматизации производства благ цивилизации.

Анализ работ мыслителей Немецкого классического идеализма о разуме позволил построить мостик от прошлого к современному концептуальному признанию творческого потенциала человеческого и машинного интеллекта. Все это позволяет, с одной стороны, разграничить понятия разума и интеллекта, а с другой – определить новое место человека в культуре цивилизации, которое будет определять, а не определяться развитием ИИ.

ИИ всегда функционирует в поле уже имеющихся знаний всех культур, которыми располагает информационная сеть современной цивилизации. Но машинный интеллект не обладает разумом, а потому неспособен работать в области краевых задач мышления. Только разум человека, связанный с высшими формами организации бытия: обществом, Космосом и Богом, способен работать в области генерации принципиально новых идей.

Ключевые слова: *разум, рассудок, восприятие, творчество, интеллект, искусственный интеллект*

Для цитирования: *Нуруллин Р.А. Интеллект и разум в системе творческого мышления человека и машины // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1 С. 422–426. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-422-426.*

В связи с развитием систем искусственного интеллекта (ИИ) все более остро встает вопрос о месте человека в системе отношений современной культуры и цивилизации. В ближайшем будущем человек все более будет вынужден считаться с внедрением во все сферы жизни систем ИИ и даже делить с ним сферы интеллектуальной деятельности. Достижение качественно нового уровня отношений человеческого и машинного интеллектов требует своего диалектического решения. Выявление целостности нового уровня и типа бытия человечества связано с выделением несводимых друг к другу специфических сторон проявления человеческого и машинного интеллектов. Все это продиктовано необходимостью обеспечения их совместного существования не путем взаимного уничтожения, а путем стремления к единству, действующего на принципах дополнительности. При всей схожести работы естественного и искусственного интеллектов эти феномены не могут являться тождественными, а потому для своего распознавания требуют выявления в их функционировании принципиальных различий. Осуществление задуманной цели нуждается в получении четких определений понятий разума и интеллекта, без которых говорить об управлении или положительном/отрицательном влиянии систем ИИ на людей и жизнь социума не может иметь места. Общим как для разума, так и интеллекта является то, что эти феномены исторически связываются с процессами творчества. Поэтому различия, думается, надо искать в особенностях создания чего-то нового посредством креативного и творческого мышлений.

Во все времена философам было интересно, как человек научился что-то придумывать, исходно не умея это делать [1, с. 80]. Эту способность нестандартного творческого мышления человека философы определили в качестве разума [2, с. 6–12]. Способность разума выходить за пределы наличного знания к новым смыслам трудно объяснить, исходя из анализа только нижних этажей организации материи – архитектуры мозга человека, отвечающих в организме за биологические процессы и инстинкты. Достижение определенного уровня развития человеческого мозга, связанного с формированием сетевой структуры функционирования его больших полушарий, выступает лишь необходимым условием для возникновения разума, где достаточные условия, видимо, все же обусловлены метацелостными свойствами человека, которые могли быть спровоцированы высшими уровнями организации бытия. А потому при объяснении феномена разума как способности мышления выходить за свои биологические границы в разные периоды истории европейской мысли не обходилось без апелляции к высшим уровням существования, организованного феноменами коллективного разума, общества, человечества, Космоса, Бога.

Первым делом необходимо разобраться с такими дефинициями мышления, как разум и интеллект. Ближе всего к современному философскому обоснованию функций человеческого разума подошел И. Кант. Он заметил, что каждая из созданных систем представлений о мире, хотя и имеет свои правильные существующие аспекты отражения, все же всегда оказывалась ограниченной лишь авторским взглядом. Все концепции строятся на декларативном признании или абсолютизации того или иного аспекта многомерного Единого бытия, и в таком авторском виде эти концепции существуют в культуре человечества как бы сами по себе рядом с множеством других, вплоть до противоположных систем мышления, созданных другими мыслителями на абсолютизации других сторон бытия. Поэтому, в отличие от частных наук, которые никогда не претендуют в своих выводах на универсализм, на сегодня нельзя сказать, что у человечества на Земле имеется одна общая система философских взглядов на мир, которая с развитием познания все время лишь уточнялась бы и совершенствовалась [3, с. 41]. Отсюда, по Канту, эти возникающие противоречия не могут принадлежать миру самому по себе, а скорее будут относиться к ограничениям и несовершенству мышления самого человека. Поэтому, по мнению Канта, внимание философов необходимо переориентировать с моделирования внешнего мира на отражение мышления человека, с целью определения границ его познавательных возможностей [3, с. 44].

По Канту, иррациональная составляющая отражения выступает необходимым систематизирующим условием на всех уровнях мышления: чувственного восприятия, рассудка и собственно, самого разума. Если чувственное восприятие отвечает за целостное понимание как «знания для себя» при помощи «априорных форм созерцания пространства и времени», то рассудок позволяет человеку достичь трансцендентального уровня знаний, который сегодня можно интерпретировать как способ выхода познания к всеобщему и объективному знанию посредствам достижения интерсубъективности. Именно через рассудочное общение люди преодолевают субъективность суждений, и знания становятся «знаниями для других». Но никакая созданная человеческим рассудком понятийная модель (теория, концепция) познаваемого не может составлять тождества с изучаемым оригиналом, то есть с «вещами самими по себе». Известно, что любое основание для рационального мышления в начале приходит к человеку иррационально. Да и само рациональное как закон тождества бытия и мышления держится лишь на вере в свои априорные положения рассудка [4, с. 42–68]. Другими словами, мы просто верим в безусловность законов логики [5, с. 26–34].

Выход человеческого сознания к пониманию своей ограниченности становится возможным бла-

годаря априорным формам разума, данным человеку в виде идей: Космоса, Души и Бога, которые по отношению к человеку имеют асимптотическую сущность, а потому человек лишь знает о них только то, что они существуют как недостижимые для рассудка человека символы знания о своем незнании. Поэтому на любом уровне познания сознание человека всегда, рано или поздно на уровне практического разума оказывается у границ знания своего незнанием. Все это создает необходимые условия для направленного бесконечного познания человеческого мышления, которое за конечное время никогда не может достичь знаний о мире таким, каков он есть сам по себе. Отсюда человек знает мир не сам по себе, а лишь на уровне явлений, а именно может знать мир настолько, насколько смог мысленно сконструировать его в голове на уровне феноменального бытия [6, с. 266–287].

Ценность кантовской концепции познавательного мышления человека заключается в её эвристическом потенциале для последующих исследований. Следует отметить, что Кант, решая одни проблемы восприятия и описания системности, одновременно оставил после себя новые проблемы, ставшие точками кристаллизации для дальнейших философских измышлений, например, связанных с обоснованием: 1) мира как совокупности «вещей самих по себе» и 2) априорных форм созерцания, рассудка и разума. Дальнейшая попытка подвести основание под кантовские априорные формы дала начало целому направлению философской школы Классического немецкого идеализма – учениям И. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля [7, с. 2–21].

И. Фихте (1762–1814) подверг критике Канта. Кант как первооткрыватель системного мышления, отличного от механицистского понимания, который позволил объяснить способность субъекта выходить к созерцанию целостности объекта благодаря априорным формам чувственности, рассудка и разума, все же не смог уйти от абсолютизации своего открытия, подняв значимость системности до уровня достаточного основания научности. Если в системе Фихте подставить под индивидуальное «я» кантовского субъекта, то априорные формы мышления получают основание в лице деятельности Абсолютного «Я». По сути, индивидуальное «я» оказывается в цепи обратной связи самопознания Абсолютного «Я», которое в бесконечном познавательном движении к себе в общем-то теряет свой Абсолютный статус. Получается, что Бог есть выражение бесконечно развивающегося Разума.

Возникает вопрос: «А надо ли Абсолюту развиваться, который и так все знает?» или «Что это за Абсолют, которому надо развиваться?» [8, с. 43–53].

Этой же участи не избежал и Ф. Шеллинг (1775–1854). Исходным в его философии является тождество объекта и субъекта, и он использует принцип развития Фихте по отношению к деятельности субъекта. Шеллинг концентрирует свое внимание на проблемах натурфилософии и видит свою задачу в раскрытии последовательности развития природы от низшего к высшему. Природа рассматривается как жизнь Разума от бессознательного состояния до сознательного. Он переносит на природу законы развития абсолютного «Я» Фихте и пытается построить диалектику развития природных процессов. В целом же при всех прозрениях у Шеллинга все равно получился саморазвивающийся Абсолют [9, с. 75–80].

Г. Гегель (1770–1831) в «Логике» сделал акцент на рациональном познании в понятиях, но только на основе не формальной логики, а диалектической. По Гегелю, именно законы диалектики находятся в основе теории развития всех природных процессов и мышления. Развитие понятий протекает по схеме: тезис, антитезис, синтез. Такой тройной цикл, по Гегелю, проходят все явления в природе, обществе и культуре. Этот цикл повторяется многократно до достижения высшего синтеза, пока не будет достигнута «Абсолютная Истина» – как мыслящая самою себя идея [10, с. 376–388].

Таким образом, можно констатировать, что если Кант определял человеческий разум как бесконечное стремление к отражению безусловного, то Фихте и Шеллинг в попытке подвести под кантовскую систему мышления разумное основание не обратили внимание на то, что Разум Абсолюта, обосновывающий разум человека, сам должен куда-то бесконечно развиваться под действием разума еще более высокого порядка и т.д.

Что касается определения интеллекта, то оно возникает из представлений Фомы Аквинского, который причислял интеллект к бытию Бога, а разум – человеку. Более развернутую картину мышления, по которой можно выйти к дифференциации понимания разума и интеллекта мы находим у Гегеля. Гегель понял, что тот, кто управляет развитием, сам по определению не может развиваться как Разум, а потому метафизически замкнул свою философию на совершенный, как ему тогда казалось, германский мир [11, с. 117–166]. Логически это правильно, поэтому, говоря о Разуме Абсолюта, можно говорить лишь на уровне Его Интеллекта, который всегда вынужден действовать в системе собственных знаний.

По сути, интеллект формально работает как разум с одним существенным различием. Если разум нацелен на поиск принципиально нового знания или на творческое раскрытие неизвестного путем вопрошания за пределы наличных знаний в область фундаментальных знаний формально-возможного бытия, то интеллект прежде всего работает в поле реально-возможного знания. В мышлении Абсолюта для Бога нет ничего нового и неожиданного, тогда как эта творческая деятельность Бога с позиций

восприятия человека в познании выступает для него чудом осознания неожиданности бытия. Так как человеку в своем измерении (или в системе своих возможностей) не видна деятельность Бога. Поэтому Интеллект Бога – это работа в поле «знания Богом своего знания».

Все это позволяет фрактально соотнести суждения мыслителей прошлого о Божественном Интеллекте с представлениями о человеческом интеллекте и системах ИИ. Можно сказать, что вся интеллектуальная творческая деятельность человека протекает в виде «знания своего знания». К такому же типу мышления можно отнести искусственные вычислительные системы, созданные человеком в виде систем ИИ, которые будут составлять интеллектуальное творчество в его креативном понимании (из существующих знаний создавать новые знания). Отсюда можно получить определение интеллекта как способность к креативному мышлению, под которым, с позиций человеческой деятельности, понимается способность к изобретениям и инновациям, в то время, как говоря о разуме, имеется в виду способность к творческим открытиям и новациям.

Из всего сказанного следует, что понятия разума и интеллекта отражают несколько разные аспекты мышления как в лице человека, так и в лице предельного актуально-бесконечного Бога. Разум как обращенность мышления за границы наличного знания можно приписать только человеческому мышлению. Человек по рождению вынужден отражать бесконечный мир (как в сторону микро-, так и в сторону Мегамира от себя), исходя из центра собственного сознания, поэтому он как часть этого большого и сложного мира не может быть сложнее высших структур его сформировавших: общества, Космоса и Бога. Но именно благодаря тому, что человек, оказавшись под их имманентным покровительством, оказывается способным бесконечно развивать во времени свой разум и интеллект. Современный уровень развития культуры привел человечество к становлению информационной цивилизации. Если цивилизация, развитие которой определяется производством благ (вещей и услуг), стремится к планетарной глобализации, то национальные культуры, как производители уникальных идей-ценностей не тяготеют к унификации и предпочитают сохранить свои ценностные начала в системе удобств цивилизации. Развитие информационной цивилизации привело к бурному развитию сетевых структур. На этом фоне изобретение квантовых вычислительных систем привело к созданию систем ИИ, которые должны положить начало тотальной автоматизации всего того, что алгоритмируется (бюрократия, бизнес и др.). В этих условиях актуальным становится необходимость четкого определения человеком своего места в мире, что поднимает вопрос различения более тонких структур внутри самого феномена человеческого и искусственного интеллектов. В отличие от разума, интеллект может функционировать только в области информационной избыточности, обеспеченной большими массивами данных и знаний из достижений всех культур на Земле, блуждающих в информационной сети цивилизации. На получение определения интеллекта натолкнули рассуждения Г. Гегеля о конечном Разуме Бога, где Бог оказывается в плену собственных идей. Поэтому приходится говорить не о разуме Бога, а Его интеллекте. От рассуждений о мышлении Абсолюта, фрактально опускаясь на нижние этажи организации мышления человека и систем ИИ, имеем, что машинный интеллект всегда оказывается функционирующим пусть и в большом, но все же в ограниченном информационном поле образов, идей и знаний всех культур, существовавших и существующих в информационном поле цивилизации человечества на Земле. Отсюда следует, что система ИИ способна к творчеству, но только в духе инновационного мышления, то есть ИИ способна выходить к новым знаниям из комбинаций уже существующего в базе данных знаний, добытых всем человечеством за все время своего исторического бытия. ИИ функционирует подобно работе мышления креативного инженера. Человеческое мышление тоже способно работать в этом жанре творчества, но он, в отличие от машины, может идти дальше, так как он не замкнут лишь системами земной культуры, а одновременно выступает существом космическим. И только человеческий интеллект, как имеющий структурную связь с системами больших порядков с обществом, человечеством, Космосом и Богом (кому как нравится, так как это не принципиально), оказывается способным творить принципиально новое знание и совершать открытия.

Литература:

1. Гуревич П.С. Философия культуры: учеб. для высшей школы. М.: Издат. дом NOTA BENE, 2001. 532 с.
2. Загребин М.В., Буренков С.В. Разум как вид ума // Современные философские исследования. Вестник Московского областного университета. 2020. № 4. С. 6–12.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

4. Нуруллин Р.А. Субъектность как центральное понятие сближения естественного и гуманитарного знаний // Постнеклассическая наука и вызовы современности. Тальятти: Изд-во ИССТЭ, 2024. 118 с. Гл. 5. С. 42–68.
5. Ерахтин А.В. Кантовский априоризм и эволюционная эпистемология // Вестник Ивановского государственного университета. 2017. Вып. 2(17). С. 26–34.
6. Гайденко П.П. Иммануил Кант: от субстанции к субъекту, от бытия к деятельности // История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Книжный дом, 2011. 376 с.
7. Рябоконь В.В. Кантовская вещь-в-себе: аналитическая интерпретация // Analytica. 2023. Т. 8. С. 2–21.
8. Длугач Т.Б. Иоганн Готлиб Фихте // Ценности и смыслы. 2012. № 4(20). С. 43–53.
9. Истюфеев А.В. Идея историзма в натурфилософии Ф.Шеллинга как идея активности познания // Вестник Оренбургского государственного университета: История западной и отечественной философии. 2009. № 7(101). С. 75–80.
10. Богатырев Д.К. Гегель // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып.3. № 3(18). С. 376–388.
11. Мотрошилова Н.В. История философии в системе Гегеля // Историко-философский ежегодник. 2020. Т. 35. С. 117–166. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.37.29.001

Intelligence and Reason in the System of Creative Thinking of Humans and Machines

Nurullin R.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The invention of artificial intelligence (AI) systems threatens humanity with becoming dependent on modern computing systems and, as a consequence, the rapid degradation of human mental abilities. This inevitably entails the need for a person to clearly define his place in the system of formation of new relations in the information civilization.

The determination of a person's place in the new system of developing relations in civilization presupposes the search for the necessary criteria for recognizing the two forms of intellectual activity that have emerged today. Intelligence is associated with creativity, therefore, definitions of recognition of human and machine intelligence must be sought in the features of the formation of the new. The solution to this problem should allow a person to focus exclusively on those forms of possible creativity that no one and nothing else is capable of.

A clear delineation of the spheres of activity of human and machine intelligence should enable a restructuring of the entire system of social relations. Optimization will be primarily required in the education and upbringing systems to develop the necessary personality; bureaucratic structures to organize the governance of society; and business structures to fully automate the production of the benefits of civilization.

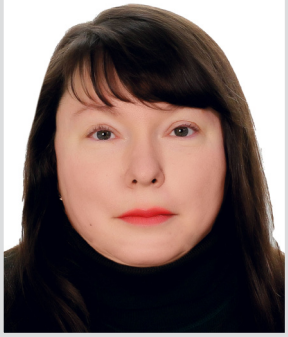
An analysis of the works of German classical idealist thinkers on the mind has allowed us to build a bridge from the past to the modern conceptual recognition of the creative potential of human and machine intelligence. All this allows us, on the one hand, to distinguish between the concepts of reason and intelligence, and on the other, to define a new place for humans in the culture of civilization, which will determine, and not be determined by, the development of AI.

Value and scientific novelty. AI always operates within the field of already existing knowledge of all cultures that the information network of modern civilization has at its disposal. But machine intelligence does not possess reason, and therefore is incapable of working in the area of boundary-value problems of thinking. Only the human mind, connected with the highest forms of organization of existence: society, the Cosmos and God, is capable of working in the field of generating fundamentally new ideas.

Keywords: mind, reason, perception, creativity, intellect, artificial intelligence

УДК 336.1 : 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-427-431

Авария на Чернобыльской АЭС: социально-экономические последствия для России спустя 40 лет

Терешкина Наталия Евгеньевна
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента на транспорте
Сибирского государственного университета путей сообщения

Халтурина Ольга Альбертовна
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры информационно-аналитического обеспечения
и бухгалтерского учета Новосибирского государственного
университета экономки и управления

Актуальность исследования определяется 40-летием со дня крупнейшей техногенной катастрофы XX в. – аварии на Чернобыльской АЭС, последствия которой до сих пор оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие пострадавших территорий России. Исследование последствий аварии приобретает особую значимость в контексте обеспечения радиационной безопасности и социальной защиты пострадавших граждан.

Цель исследования заключается в комплексном анализе социально-экономических последствий чернобыльской катастрофы для России, оценке эффективности государственной поддержки пострадавших граждан и выявлении основных тенденций в сфере обеспечения ядерной безопасности.

Научная и практическая значимость работы состоит в систематизации данных о последствиях аварии, анализе динамики государственной поддержки пострадавших граждан и оценке эффективности реализованных мер. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования системы социальной защиты и повышения эффективности мер по преодолению последствий радиационных катастроф.

Основные результаты исследования показали: значительное увеличение числа получателей социальной поддержки с 2020 по 2023 гг.; рост объемов государственного финансирования мер поддержки; непрерывное увеличение количества пенсионеров из числа пострадавших; существенные изменения в государственной политике по обеспечению ядерной безопасности.

Несмотря на значительные успехи в преодолении последствий аварии, исследование выявило необходимость дальнейшего совершенствования системы социальной защиты пострадавших граждан и поддержания мер по обеспечению радиационной безопасности.

Ключевые слова: *Чернобыльская АЭС, радиационная авария, социально-экономическое воздействие, защита пострадавших граждан*

Для цитирования: *Терешкина Н.Е., Халтурина О.А. Авария на Чернобыльской АЭС: социально-экономические последствия для России спустя 40 лет // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 427–431. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-427-431.*

Авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая 26 апреля 1986 г., представляет собой беспрецедентную техногенную катастрофу XX столетия. Данный инцидент квалифицируется как крупнейшая в истории антропогенная экологическая катастрофа по степени радиоактивного загрязнения биосферы, оказавшая долгосрочное воздействие на жизнедеятельность миллионов людей проживающих в основном на территориях России, Беларуси и Украины.

Для унификации и оценки значимости происшествий в ядерной энергетике в 1990 г. Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) была сформирована Международная шкала ядерных и радиологических событий (*INES*), которая представляет собой средство для оперативного информирования общественности о значимости происшествий на объектах ядерной сферы, их потенциальных последствиях и фактическом радиологическом воздействии. Шкала *INES* имеет семь уровней: события уровней с 1 по 3 классифицируются как инциденты, а уровней с 4 по 7 – как аварии [1]. К *INES* 7 отнесены две радиационные аварии на АЭС в мире – Чернобыльская и Фукусима-1 (произошла в 2011 г.).

В результате взрыва 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС в атмосфере оказалось примерно 80 различных изотопов, наиболее летучими из которых были изотопы йода (^{131}I, ^{132}I, ^{133}I, ^{135}I), цезия (^{134}Cs и ^{137}Cs) и теллура (^{132}Te). Наибольшее количество в воздухе было выявлено изотопа ^{131}I, срок полураспада которого составляет 8 дней [2, с. 5], а начало организованной массовой эвакуации жителей города-спутника Припять (население составляло 47,5 тыс. чел.), расположенного по прямой в 3 км от станции, было осуществлено только на второй день после аварии (спустя 36 часов). Остальная 30-километровая зона эвакуировалась в последующие дни, общее количество вывезенного населения составило 119 тыс. чел. Официальное сообщение об аварии появилось только на третьи сутки [3, с. 8]. В целом по результатам катастрофы радиоактивному воздействию подверглось приблизительно 4,9 млн чел. в европейской части, площадь территории составила свыше 130 тыс. км^2 [4, с. 111]. На начало 2024 г. радиоактивное загрязнение фиксируется примерно в 11 тыс. российских населенных пунктах [5]. Но к 2024 г. в России были официально упразднены последние территории, сохранявшие статус зон отчуждения после чернобыльской аварии.

Наибольшие стратегические ошибки после аварии, по мнению авторов и других исследователей [2–4], были связаны с действиями работников станции, которые в первое время частично информировали высшее руководство о произошедшем, а также последующим сокрытием самими руководителями этого факта от общественности. Все это привело к тому, что часть необходимых мер по ликвидации последствий не была своевременно реализована, а после 1988 г. на этот процесс наложился усугубляющийся политический кризис в государстве.

Необходимо отметить, что последствия этой катастрофы в первую очередь нарушили фундаментальные права граждан, гарантированные Конституцией, включая право на благоприятную окружающую среду, жизнь, охрану здоровья, неприкосновенность жилища и имущества, свободу передвижения и выбор места пребывания. Причиненный ущерб носит необратимый характер и не может быть полностью компенсирован в рамках существующих гражданских, административных и уголовно-правовых механизмов.

В связи с тем, что причиненный вред является необратимым и трудно поддающимся точной стоимостной оценке, на государство возлагается обязанность стремиться к его максимально возможному возмещению в рамках имеющихся ресурсов. В признание особого характера ущерба государство реализует систему компенсационных мер, включающих денежные выплаты и предоставление иных форм материальной поддержки.

Правовые основы государственной политики в сфере социальной защиты граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие чернобыльской катастрофы, включая ликвидаторов ее последствий, действительно установлены Законом РФ от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (далее – Закон № 1244-1). Социальная поддержка указанной категории лиц представляет собой систему гарантий, установленных данным законом и иными нормативно-правовыми актами. Нормы указанного закона применяются во взаимосвязи с положениями федерального законодательства в области пенсионного обеспечения, установления минимального размера оплаты труда, социального страхования, а также бюджетного законодательства [6]. Порядок практической реализации Закона № 1244-1 определяется подзаконными нормативными актами Правительства РФ.

Помимо отдельного закона, направленного на защиту граждан, в течение 1992–2000 гг. в России был реализован комплекс мер по охране и реабилитации здоровья населения, а также по восстановле-

нию радиоактивно загрязненных территорий. Этот комплекс действовал в рамках ряда федеральных целевых программ (ФЦП), включая: ФЦП по защите населения РФ от воздействия последствий чернобыльской катастрофы; ФЦП «Дети Чернобыля» и ФЦП «Жилье ликвидаторам» на выполнение которых в указанный период было направлено около 46 млрд руб. (в ценах 2000 г.). С 2002 по 2010 гг., а затем и до 2015 г. функционировала ФЦП «Преодоление последствий радиационных аварий», объемы финансирования которой составили 4,9 и 8,5 млрд руб. соответственно [7; 8].

Функционирующие ФЦП охватывали до 19 субъектов РФ, на территории которых проживало более 3 млн чел., подвергшихся воздействию неблагоприятных факторов вследствие радиационных аварий. Ключевыми направлениями программных мероприятий являлись: строительство объектов социальной и инженерной инфраструктуры; повышение качества и доступности специализированной медицинской помощи для пострадавших лиц и групп риска; информационное сопровождение и социально-психологическая реабилитация граждан, подвергшихся радиационному воздействию; повышение уровня готовности сил и средств МЧС России к действиям по минимизации последствий радиационных аварий.

После 2015 г. основные мероприятия по преодолению последствий радиационных аварий были переданы с федерального на региональный уровень, а базовые направления переориентировались на комплексную защиту населения, радиационный контроль, организацию работ по ликвидации последствий и снижению рисков в рамках общего законодательства, включая закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения», с участием МЧС и ГК «Росатом».

В России официальные статистические данные по численности пострадавших в чернобыльской катастрофе, которые проживают на территории страны, и их социально-экономическому благополучию отсутствуют в открытом доступе. Основываясь на цифрах Национального радиационно-эпидемиологического регистра (НРЭР), содержащего сведения о всех пострадавших от радиации гражданах (в том числе от ПО «Маяк», его сбросов радиоактивных отходов в реку Теча и Семипалатинского полигона), который ведет Минздрав РФ, общее число зарегистрированных в нем лиц составляет 832,9 тыс. чел., а состоят на учете 314,9 тыс. чел. [9].

Более точные показатели касательно численности и оказываемых государством мер социальной поддержки пострадавших граждан можно проанализировать из данных Социального фонда России, Росстата и Единой межведомственной информационно-статистической системы, которые отражены в таблице 1.

Исходя из данных таблицы 1, можно сделать следующие выводы:

– с 2022 г. по сравнению с 2020 г. наблюдается значительное увеличение числа граждан, которые стали получать меры социальной поддержки в соответствии с Законом № 1244-1, в 17,2 раза; в 2024 г. наблюдается их уменьшение в сравнении с 2022 г. в 1,3 раза;

– соответственно, по причинам роста численности граждан и индексации размеров различных мер

Таблица 1

Государственная поддержка и численность, пострадавших в результате радиационных или техногенных катастроф в России [10–13]

Наименование показателя	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г	2024 г.
Граждане, получившие меры социальной поддержки в соответствии с Законом № 1244-1 (коды 5010000–5013100), тыс. чел.	143,9	357,5	2474,2	2527,3	1884,6
Годовые темпы роста, %	х	248,4	692,1	102,1	74,6
Общий размер начислений по мерам социальной поддержки в соответствии с Законом № 1244-1, млрд руб.	405	1599	6998	8359	19279
Годовые темпы роста, %	х	394,8	437,6	119,4	230,6
Граждане, получающие ЕДВ в соответствии с Законом № 1244-1, тыс. чел.	1412,9	н/д	н/д	1355,2	1329,5
Годовые темпы роста, %	х	-	-	95,9	98,1
Граждане, пострадавшие в результате радиационных или техногенных катастроф, получающие государственную пенсию, тыс. чел.	475,1	487,3	505,8	524,9	544,3
Годовые темпы роста, %	х	102,6	103,8	103,8	103,7
Средний размер пенсии граждан, пострадавших в результате радиационных или техногенных катастроф, руб.	12997,1	13854,3	14731,5	17338,8	18358,0
Годовые темпы роста, %	х	106,6	106,3	117,7	105,9
Годовая инфляция, %	4,9	8,4	11,9	7,4	9,5
Изменение темпа роста размера средней пенсии к годовой инфляции, %	х	-1,8	-5,6	10,3	-3,6

их социальной поддержки выросли суммы начислений в 47,6 раза в 2024 г. по сравнению с 2020 г.;

– численность получателей ежемесячной денежной выплаты (ЕДВ) в соответствии с Законом № 1244-1, напротив, незначительно уменьшилась к 2024 г. в 1,06 раза в сравнении с 2020 г.;

– количество пострадавших в результате радиационных или техногенных катастроф, получающих государственную пенсию, к 2024 г. увеличилось в 1,15 раза в сравнении с 2020 г.;

– прослеживается ежегодное увеличение среднего размера государственной пенсии в 1,4 раза в 2024 г. по отношению к 2020 г., но рост годовой инфляции за анализируемый период превышает темпы роста среднего размера пенсий. Исключением является только 2023 г., что говорит о том, что граждане, достигшие пенсионного возраста в соответствии с Законом № 1244-1, становятся беднее.

В заключение необходимо выделить следующие итоги спустя 40 лет после чернобыльской аварии:

– реализован системный переход к обновленной концепции безопасности функционирования АЭС в России. На всех атомных станциях были проведены дополнительные исследования потенциальных аварийных сценариев и путей их нейтрализации, а также осуществлена соответствующая модернизация систем безопасности;

– пересмотрены критерии размещения атомных станций. Установлены четкие нормативы допустимого расстояния от АЭС и АТЭЦ до городов, объектов культурного и социального назначения, рекреационных, биосферных и исторических заповедников в зависимости от численности населения и мощности станции;

– сформирован непрерывный мониторинг уровня радиации в местностях рядом с потенциально опасными ядерными объектами, к данным которого есть свободный доступ населения и других стейкхолдеров;

– произошла трансформация подходов в области государственного управления и регулирования ядерной безопасности. Был принят ряд законодательно-нормативных актов, заложивших основы национальной системы государственного регулирования в атомной отрасли, а также ратифицирован ряд ключевых международных конвенций.

Но необходимо отметить, что значительные риски и потенциальная опасность от неработающей Чернобыльской АЭС остаются и по сей день в связи с проведением СВО и активизацией провокаций со стороны недружественных стран Запада и Украины. Так, фиксировались случаи попадания беспилотных летательных аппаратов по новому защитному конфайнменту станции, возведенному в 2019 г.

Литература:

1. ИНЕС. Руководство для пользователей международной шкалы ядерных и радиологических событий. МАГАТЭ. Вена, 2010. 250 с. URL: https://www.iaea.org/ru.
2. Герасимов Г.А., Фигге Д. Чернобыль: двадцать лет спустя // Клиническая и экспериментальная тиреоидология. 2006. Т. 2 № 2. С. 5–14.
3. Российский национальный доклад: 35 лет чернобыльской аварии. Итоги и перспективы преодоления ее последствий в России. 1986-2021 / Под общ. ред. Л.А. Большова; ФГБУН Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН. М.: Академ-Принт, 2021. 104 с.
4. Мухамеджанова Е.Р., Акатьев В.А. Анализ крупнейших аварий на радиационных объектах и их влияние на темпы развития атомной энергетики в мире // Глобальная ядерная безопасность. 2017. № 3 (24). С. 110–114.
5. Данные по радиоактивному загрязнению территории населенных пунктов Российской Федерации цезием - 137, стронцием - 90 и плутонием - 239+240 / Под ред. С.М. Вакуловского. Обнинск, ФГБУ «НПО «Тайфун», 2024. 224 с.
6. Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». URL: https://docs.cntd.ru/document/9034360
7. Постановление Правительства РФ от 29.08.2001 № 637 «О федеральной целевой программе «Преодоление последствий радиационных аварий на период до 2010 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/901797123
8. Постановление Правительства РФ от 29.06.2011 № 523 «О федеральной целевой программе «Преодоление последствий радиационных аварий на период до 2015 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/902289201.
9. Национальный радиационно-эпидемиологический регистр. URL: http://www.nrer.ru/information.html.
10. Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13877.
11. Численность пенсионеров по категориям пенсионеров, состоящих на учете в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/62165#.
12. Открытые данные // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/opendata/.
13. Таблица уровня инфляции по месяцам в годовом исчислении. URL: https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции.

Chernobyl Nuclear Power Plant Accident: Socio-Economic Consequences for Russia after 40 years

Tereshkina N.E.
Siberian State University of Railway Transport
Khalturina O.A.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The relevance of the study is determined by the 40th anniversary of the largest man-made disaster of the 20th century, the Chernobyl nuclear power plant accident, the consequences of which still have a significant impact on the socio-economic development of the affected territories of Russia. The study of the consequences of an accident is of particular importance in the context of ensuring radiation safety and social protection of affected citizens.

The purpose of the study is to comprehensively analyze the socio-economic consequences of the Chernobyl disaster for Russia, assess the effectiveness of government support for affected citizens, and identify key trends in nuclear safety.

The scientific and practical significance of the work consists in systematization of data on the consequences of the accident, analysis of the dynamics of state support for affected citizens and assessment of the effectiveness of implemented measures. The results of the study can be used to improve the social protection system and increase the effectiveness of measures to overcome the consequences of radiation disasters.

The main results of the study showed: a significant increase in the number of recipients of social support from 2020 to 2023; an increase in government funding for support measures; a continuous increase in the number of pensioners affected; significant changes in government policy to ensure nuclear safety.

Despite significant progress in overcoming the consequences of the accident, the study revealed the need for further improvement of the social protection system for affected citizens and the maintenance of radiation safety measures.

Keywords: Chernobyl nuclear power plant, radiation accident, socio-economic impact, protection of affected citizens

УДК 316.77
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-432-437

«Эффект кобры» в публичном пространстве: к методу исследования

Шайхитдинова Светлана Каимовна
Доктор философских наук,
профессор кафедры национальных и глобальных медиа
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается феномен «эффект кобры», которым автор определяет результативность решений в тех случаях, на развитие которых существенное влияние оказывает публичное пространство. Актуальность исследования обусловлена активной медиатизацией социальной среды, в контексте которой сложность разрешения проблемных ситуаций многократно возрастает. Рассмотрев ряд таких ситуаций, автор на их примере указывает, что их полноценный анализ не обеспечивается линейной логикой, поскольку она приводит к обратному результату.

Объектом исследования выступают социальные феномены публичного пространства, демонстрирующие эффект кобры. В качестве иллюстративных кейсов рассматриваются ситуации, которые связаны с такими явлениями, как медианасилие и «инфоцыганство», а также с известным «Филадельфийским экспериментом». На их примере автор поднимает проблему преодоления при их рассмотрении влияния линейной нарративности, которой наделены, как правило, ситуации, развитие которых определяется публичным пространством. Обосновывается актуальность комплексного аналитического подхода, учитывающего сложность диссипативных систем.

Научная новизна работы заключается во введении в научный дискурс инструментальной метафоры «эффект кобры». Таким образом были подведены под общий знаменатель явления, которые рассматривались в несвязанных между собой аспектах. Также была сформулирована методологическая проблема при рассмотрении объектов этого ряда. Автор обосновывает необходимость интеграции микро- и макроориентаций в социологическом анализе для более эффективного понимания и управления социальными процессами в публичном пространстве. В качестве одного из направлений анализа рассматривается символический интеракционизм.

Практическая значимость работы состоит в обосновании важности интегративного подхода к сложным публичным феноменам, нацеленного на предотвращение негативных последствий управленческих решений в медиатизирующейся среде.

Ключевые слова: *«эффект кобры», публичное пространство, филадельфийский эксперимент, интеграция микро- и макроанализа*

Для цитирования: *Шайхитдинова С.К. «Эффект кобры» в публичном пространстве: к методу исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 432–437. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-432-437.*

«Эффект кобры» прямого отношения к публичному пространству не имеет. Термин родился в колониальной Индии, власти которой назначили награду за убитых кобр: змеи наносили ущерб сельскому хозяйству. Но предприимчивые индийцы начали их разводить, чтобы получать деньги. То есть решение привело к обратному результату. Подобный прецедент наблюдался в Афганистане, где решили платить за уничтожение маковых посевов. В ответ их начали сеять специально под предпринятую акцию. Таким образом, попытка решить проблему лишь усугубила её. Основная причина видится в том, что, принимая рациональное решение, чиновники недооценивали сложность ситуации и ее иррациональные контексты.

Характеристики этого плана применимы и к такому сложносоставному объекту, как публичное пространство. Для их раскрытия обратимся к показательному кейсу под названием «Филадельфийский эксперимент». Он проводился в годы Второй мировой войны в США, однако благодаря тому самому «эффекту кобры» известен и российской аудитории.

В 1943 г. была проведена операция с участием американского эсминца «Элдридж», который с помощью сильного электромагнитного поля хотели сделать «невидимым» для подводных мин и радаров. Однако в ходе эксперимента «что-то пошло не так», и судно с его экипажем, находившееся на Филадельфийской военно-морской верфи ВМС США, вдруг исчезло в буквальном смысле (и, как потом «выяснилось», оказалось в трехстах километрах от этого места). Когда корабль появился снова, несколько моряков были буквально впечатаны в металлические конструкции судна, некоторые члены команды сошли с ума. Об этом гласит легенда, которая десятилетиями формируется вокруг фабулы, получившей хождение в публичном пространстве [1]. Ее распространению способствовали публикации в прессе, а также книга «Филадельфийские и другие эксперименты НЛО», написанная продавцом автозапчастей Морисом Джессапом, где он рассказывает о своем опыте взаимодействия с невидимыми кораблями. Десять лет спустя он написал еще одну книгу об эксперименте «Аргумент в пользу НЛО». Легенда была экранизирована в 1984 г. в виде фильма о путешествиях во времени под названием «Филадельфийский эксперимент». Несмотря на то что фильм лишь отдалённо основан на предыдущих описаниях «Эксперимента», он помог раскрыть основные элементы оригинальной истории. Российской аудитории известна кинолента «Люди в черном». Она основывается на серии комиксов, однако идея секретной реальности, в которой под прикрытием существуют агенты Джей и Кей, созвучна концепции филадельфийской легенды, долгое время преодолевающей любое официальное отрицание событий.

В продолжительной беседе о Филадельфийском эксперименте и о том, как продолжает жить история о нем [2], ведущая телевизионной программы КРИПТО (канал «Совершенно секретно») Екатерина Шергова спрашивает у своего собеседника писателя Сергея Голубицкого, не предпринимались ли попытки со стороны военных опровергнуть фантастические домыслы вокруг ситуации, возникшей из-за мистификации неких слухов. «Предпринимались, и не раз», – ответил собеседник. В 1990-х гг. военно-морской флот США дал окончательный ответ на вопрос о Филадельфийском эксперименте, заявив, что это была выдумка. Однако после этого заявления многие исследователи начали искать судовые журналы, которые якобы пропали. Упоминается также, что в 1999 г. ветераны «Элдриджа» собрались вместе и заявили, что они не верят в Филадельфийский эксперимент. После этого заявления появилась информация, что в 2000 г. были найдены судовые журналы, но они, по свидетельству очевидцев, «были подделаны и переписаны». Из беседы Шерговой и Голубицкого мы также узнаем, что новые исследователи Дебра Каннинг и Говард Строум начали изучать эту тему и нашли «новые факты и доказательства». Они обнаружили, что «Элдридж» на самом деле был торговым кораблем, а не военным, и что он перевозил немецких военнопленных. Они также нашли секретные рапорты, в которых сообщалось о странных событиях, связанных с Экспериментом.

На этом примере мы видим, как вымышленная история, несмотря на официальные усилия по предотвращению ее распространения, начинает жить своей жизнью, и любые попытки прекратить развитие ситуации только «подливают масла в огонь». Очевидно, для того, чтобы таким образом сработал «эффект кобры», требуется совпадение нескольких факторов. Свою роль сыграла своевременно написанная книга с детальным описанием подобного «опыта очевидца», «видевшего исчезающие корабли». Так некие слухи были концептуализированы, была добавлена эмоция, и массовая аудитория получила захватывающий сторителлинг [3]. Привлекательным также стало ощущение мистической тайны, которая скрывается за этой ситуацией. Остроту придала секретность операции. Сенсационные публикации в СМИ, научно-фантастические экранизации некоторых идей легенды – все это усилило позиции общественного мнения. Мистификация слухов, думается, стала возможной в немалой степени еще и потому, что была принята массовой аудиторией в условиях военного времени, когда люди искали отдыха в фантазийных сюжетах, приоткрывающих «дверь в другую реальность». В дальнейшем история была вписана в тренды промышленной революции, вокруг которых благодаря изобретениям Николы Теслы (родился в 1943 г.) в области радиотехники и электроинженерии также сложился ореол

некой тайны. Так «городская легенда» о Филадельфийском эксперименте сделалась реальностью публичного пространства, которую уже невозможно опровергнуть.

Если рассматривать описанный кейс в социологической перспективе, то можно заметить, что его продолжительность обеспечивается конфликтом интересов представителей двух парадигмально противоположных интерпретаций случившегося. Позиция властей, которая доносится до населения в виде официального отрицания какого-либо события («ничего не произошло»), сталкивается с позицией населения, которое с большим доверием отнеслось к информации публичного пространства, насыщенной живописными деталями, эмоциями, прогнозами и тайнами, свидетельствующими об обратном. Власти действуют в парадигме социального управления массами, сформированной на макросоциологическом уровне. Реакцию публики, выраженную в поддержке другой точки зрения, – а также в том, что появляются новые исследования легенды, создаются художественные произведения, организуется обсуждение в прессе и на телевидении, – можно отнести к уровню микросоциологии.

Поляризацию микро- и макроориентаций Дж.Ритцер называет одной из тенденций, характерных для большинства теорий XX в. По его мнению, для движения к интеграции этих ориентаций их необходимо рассматривать в единстве с объективно-субъективным континуумом. Макрообъективный уровень включает, соответственно, масштабные материальные явления: общество, бюрократию и технологию. Макросубъективный уровень охватывает масштабные нематериальные явления, такие как нормы и ценности. Микрообъективность подразумевает частные сущности, типа действия и взаимодействия; микросубъективность соотносится с частными ментальными процессами, с помощью которых люди конструируют социальную реальность [4, с. 418, 420].

Представляется, что игнорирование точек зрения из другого уровня во взгляде на объект может выступить запускающим механизмом «эффекта кобры». Это звучит особенно актуально по отношению к феноменам публичного пространства. Приведу два примера из своей преподавательской практики. Речь идет о двух темах, включенных мной в курс по экологии медиапространства для магистрантов университетского отделения журналистики. Первая тема: медианасилие; вторая – «инфоцыганство». Проблемность данных тем выражается в невысоком интересе к ним со стороны общественного мнения. «Эффект кобры» срабатывает на этих направлениях как бы «наоборот»: известно о вредоносном характере этих явлений, общественными активистами предприняты усилия по борьбе с ними, однако ожидаемого результата нет. Для ответа на вопрос, почему так происходит, надо, как нам видится, рассматривать не ситуации, как таковые, а то, как они проявляют себя в публичном пространстве и на каких позициях интерпретируются.

Термин «медианасилие» не имеет строгого юридического определения, поскольку представляет собой явление, оценка которого во многом зависит от субъективных ощущений наблюдателей. Речь идет об отражении насилия на экране, либо о создании художественными средствами образов, насыщенных агрессией, ненавистью и враждой. Хотя вопрос об угрозах обществу, исходящих от разного рода медиа, ставится в течение всего XX в., работы ученых по этой теме в странах с хорошо развитыми медиакоммуникациями стали известными и популярными с 60-х гг. после изучения содержания, заполняющего эфирное время крупнейших американских телекомпаний [5, с. 194]. Исследования медианасилия не прекращаются по сей день в связи с тем, что информационное поле постоянно пополняется технологическими новинками, которые обнаруживают новые и новые аспекты в рассмотрении проблемы. Одним из таких аспектов выступает, к примеру, вовлечение в индивидуализированные коммуникации потребителей с неокрепшей психикой – детей, подростков, молодежи. Автономность потребления медиаконтента у этих групп риска с прогрессом медиа продолжает расти. Другой аспект – развитие иммерсивных технологий, позволяющих пользователю пережить ситуацию так, как будто он является непосредственным участником события.

Исследование вредных последствий для ментального здоровья граждан от медианасилия активно началось в России в постсоветские годы. Сошлемся на коллективный труд ученых по информационной безопасности, вышедший в начале 2000-х гг. [6]. Однако культурные усилия по сохранению экологии публичного пространства не выводят к должному результату. Похоже, дает о себе знать тот самый «эффект кобры». А именно: любая попытка внести в актуальную повестку вопросы о необходимости освоить нормы, связанные с формированием и распространением какого-либо контента на публичных площадках, воспринимается общественностью как посягательство на свободу мнений и способов их выражения. Опросы представителей потенциальной аудитории различных медиа по этой теме, проведенные под нашим руководством М.А. Абдрахмановой [7], свидетельствуют, что медианасилие в российском общественном сознании не рассматривается как социальная проблема (то есть проблема общественного масштаба).

Вторая тема связана с явлением «инфоцыганства». Это слово считается некорректным, поскольку вызывает аналогию с мошенниками. Оно было включено в активный оборот в связи с судебными процессами над блогерами-миллионниками, нару-

шавшими своей теневой манипулятивной деятельностью в публичном пространстве действующее законодательство. Их разоблачение получило огласку с выходом в 2021 г. фильма Ксении Собчак «Как инфоцыгане продают воздух» [8]. Термин получил отрицательное значение. Это подтвердил и проводившийся нами в различных группах магистрантов пилотажный экспертный опрос. Участники сформулировали в своих ответах признаки деятельности, которые дают основания для того, чтобы отнести ее к «инфоцыганской»:

1) Эта деятельность (то есть активность, имеющая конкретную цель) осуществляется преимущественно в публичной сфере (в своем блоге, на своей странице, в актовых залах и т.п.).

2) Субъект деятельности, как правило, не имеет базового профильного образования по предмету, по которому он выдает себя специалистом.

3) Субъект деятельности зачастую преувеличивает свои личностные достоинства и достижения в области деятельности, которую представляет.

4) В свои выступления и высказывания для интервью субъект деятельности может включить словесную рекламу своей продукции, которая может относиться, а может и не относиться, к предмету его деятельности.

5) Речь и иные характеристики выступления субъекта могут быть насыщены манипулятивными приемами.

6) Нет возможности проверить качество предлагаемого информационного продукта (советы, рецепты, рекомендации, инструкции и т.п.), его эффективность научно не подтверждена.

«Эффект кобры» проявляет себя на этом направлении в том, что меры по «очистке» публичного пространства от «инфоцыган» государством приняты, а меньше их не стало, – скорее, наоборот. Здесь напрашивается вывод, который был нами сделан по отношению к теме медианасилия [9]: ряд действующих гносеологических моделей осмысления новоявленных феноменов цифровой среды необходимо расширить. Ведущей среди них сегодня продолжает оставаться «объективистски-реалистская» модель, как ее называет С.И. Максимов [10], или «натуралистически-эссенциалистская», в трактовке М.П. Завьяловой [11]. Для этой модели характерно признание сохраняющих свою устойчивость натуралистических, природных, сущностей. На данных позициях публичное пространство предстает как историческое явление, начало развитию которого положили демократические практики собраний индивидов для обсуждения общественно значимых вопросов [12, с. 251]. Тенденции развития сфер публичности определяются идеей социального государства. «Вредные» новообразования цифровой среды, такие как медианасилие и инфоцыганство, данная модель не различает. А если и различает, то рассматривает их как второстепенные, надстроечные. Общественная реакция наступает только когда фиксируются осязаемые проявления вреда – рост тревожности в обществе, плохая демографическая ситуация, поднявшаяся статистика по самоубийствам детей и т.п.

Важно отметить, что исследователи, которые предпринимают типологизацию существующих в науке и в практике моделей осмысления реальности, не призывают к их «замене». Они поднимают проблему их совместимости. Эта проблема сопровождает гуманитарные и социальные науки в течение всего времени их развития. Чем интенсивней это развитие происходит, тем актуальней становится вопрос сочетания существующих и новых подходов.

Обратимся с этих позиций к рассмотренным нами кейсам о медианасилии и об «инфоцыганстве». Рассмотрим, интеграция каких макро- и микропозиций могла бы стать здесь плодотворной для анализа методологической площадкой.

Причина, по которой «страшные истории» и фотоснимки вновь и вновь появляются в виде криминальной хроники на экране – как указывают ее создатели – рыночная: «Они хорошо продаются». Это значит, что СМИ на данном направлении следят не за общественной значимостью устрашающей информации, а за наращиванием качеств ее товарности – натурализированной подачей, акцентом на страданиях, драматизацией столкновений и многим другим, что затрагивает инстинкт безопасности массового человека и превращает его в преданного зрителя. Таким образом, именно аналитическая бизнес-модель, которую мы относим к макрообъективному уровню [4], позволяет нам объяснить причины «эффекта кобры», возникающего в ответ на мероприятия, не вписывающиеся в заданный дискурс. Микросубъективный уровень, который выражается в последствиях просмотра вредного контента для ряда социальных групп, необходимо интегрировать в макросубъективный уровень, представляющий ментальное здоровье нации, и с этих позиций выдвигать требования рыночникам.

«Инфоцыганство», напротив, не исчерпывается бизнес-подходом. Ведущей аналитической моделью здесь, с нашей точки зрения, должна выступить методология символического интеракционизма, трактующего реальность как непрерывно творимый в процессах коммуникации продукт. Становление личности рассматривается в зависимости от трансляции жизненного опыта другими индивидами, от взаимодействия с ними [13]. «Инфоцыганство», блогерство, экспертность выглядят на этом направлении естественными формами поведения. Первый термин отсылает нас к термину «цыганщина», который используется в дизайне интерьеров и одежды как синоним стиля «бохо» (пишут, что бохо имеет общие корни со словом «богемцы» – так в средние

века в Западной Европе называли цыган, приходивших со стороны Богемии). Эстетика бохо – этого управляемого хаоса с его броскостью, сочетанием несочетаемого и богемностью – как нельзя лучше подходит для метафоры, характеризующей поведение «инфоцыган» в публичном пространстве.

Тот, кто злоупотребил этой ролью – обогатился, не платил налоги, занимался теневым бизнесом – не вписывается в порядок данного дискурса (мошенники – это проблема регулирования рынков, которой занимается макросоциология). Современный дискурс символического интеракционизма определяется «информационной экономикой», главная опасность которой не в том, что она создает условия для мошеннических схем. «Информационная экономика», согласно А. Ашкерову, предстает технологией превращения образовательных и исследовательских институций в сервисные организации. Сегодня «интеллектуал» не только не претендует на сколько-нибудь значимую миссию в обществе, но даже не может сформулировать, зачем она нужна. Знание, сделавшись товаром, «оптимизировалось» до узкоспециальных сведений, а интеллектуал сделался экспертом [14]. А. Кожаринова, анализируя феномен медиаэксперта, отмечает, что профессиональные компетенции (компетенции «знатока») отступают на задний план. Становятся важными инструментальные компетенции адаптатора знания, аксиологические компетенции «сортировщика» разных знаниевых систем [15].

Социальной базой «инфоцыган», толкуемых в широком смысле слова, выступают переквалифицировавшиеся в рыночников интеллектуалы. Их на этот путь выводит современная социокультурная ситуация. Обесценивая значимость фундаментальных знаний и значимость труда интеллектуала, его сподвижническую роль в обществе, данная ситуация выводит на передний план прикладные стороны знаниевых продуктов. «Инфоцыганский» эксперт продает их в магической и мифологической упаковке, поскольку именно таким образом легче всего избежать личной ответственности за невыполнение обещаний, данных покупателям [16].

Подведем общий итог. Приведенные в данной статье проблемные кейсы различны по характеру, но их объединяет то, что они связаны с публичным пространством. Их проблемность выражается в том, что рациональная попытка разрешить заключенные в них противоречия, не только не достигает нужного результата, но и ведет к результату обратному. Этот эффект нами назван «эффектом кобры» по аналогии с историческими ситуациями, касающимися других сфер жизни и произошедшими в другие исторические периоды. С нашей точки зрения, для понимания явлений, связанных с публичным пространством важно производить анализ с разных аналитических проекций. Это обеспечивается сочетанием в социологической перспективе микро- и макроориентаций. В теории и на практике они, как правило, противопоставляются друг другу, однако сегодня, как никогда, актуальна их интеграция.

Литература:

1. Филадельфийский эксперимент. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Philadelphia_Experiment> (дата обращения: 24.11.2025).
2. Беседа Шерговой с Голубицким (Программа КРИПТО на канале «Совершенно секретно»). URL: https://yandex.ru/video/preview/9363062296714270594?ask_summarization=1&t=292 (дата обращения: 24.11.2025).
3. Генцарь-Осипова М., Синюкова М., Крокова Т. Продающий сторителлинг. М.: Издат. дом «Комсомольская правда», 2022. 231 с.
4. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Пер. с англ. А. Байкова и Л. Лисицыной. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
5. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ / Пер. с англ. М.: Издат. дом «Вильямс», 2004. 432 с.
6. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2-х т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. М.: Аспект-Пресс, 2002. 335 с.
7. Абдрахманова М.А. Проблема медианасили в текстах СМИ: автореф. дисс. … канд филол. наук. Казань, 2018. 23 с.
8. Как инфоцыгане продают воздух. Фильм К. Собчак. URL: https://vk.com/video-219232089_456244942?ysclid=m7hno26eb515319728 (дата обращения: 24.11.2025)
9. Шайхитдинова С.К. К проблеме нормативного регулирования медианасилия: понятие и модели осмысления // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. № 1. С. 30–35.
10. Максимов С.И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6. С. 41–54.

11. Завьялова М.П. Проблема совместимости натуралистически-эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов в познании и преобразовании социальных объектов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 102–112.
12. Аберкромби Н. Хилл С., Брайан С. Тернет Социологический словарь / Пер с англ. Под ред С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1997. 420 с.
13. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступит. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
14. Ашкеров А. Экспертократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Издат. дом «Европа», 2009 171 с.
15. Кожаринова А.Р. Феномен «медиаэксперт»: от накопления знания в науке к конструированию информации в массовой культуре // Ученый совет. 2016. URL: https://panor.ru/articles/fenomen-mediaekspert-ot-nakopleniya-znaniya-v-nauke-k-konstruirovaniyu-informatsii-v-massovoy-kulture/82275.html# (Дата обращения: 24.11.25)
16. Шайхитдинова С.К. Как эксперты становятся «инфоцыганами» // Агзамовские чтения – 2024: материалы междунар. конф. Казань, 2024. С. 474–480.

The "Cobra Effect" in the Public Space: to the Research Method

Shaykhitdinova S.K.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the phenomenon of the "cobra effect," which the author uses to define the effectiveness of solutions in cases where the public space has a significant impact on the development of the situation. The relevance of the study is due to the active mediatization of the social environment, which increases the complexity of resolving problematic situations. By examining a number of such situations, the author demonstrates that a linear approach does not provide a comprehensive analysis, as it can lead to the opposite result.

The object of the study is the social phenomena of the public space that demonstrate the cobra effect. As illustrative cases, the author examines situations related to phenomena such as media violence and "info-gypsyism," as well as the well-known "Philadelphia Experiment." Through these examples, the author raises the issue of overcoming the linear narrative approach that is typically associated with situations that are influenced by the public space. The article highlights the importance of a comprehensive analytical approach that takes into account the complexity of dissipative systems.

The scientific novelty of this work lies in the introduction of the "cobra effect" instrumental metaphor into scientific discourse. This has allowed for the unification of phenomena that were previously considered in unrelated aspects. Additionally, a methodological challenge has been identified in the analysis of these objects. The author argues for the integration of micro- and macro-perspectives in sociological analysis to better understand and manage social processes in the public sphere. Symbolic interactionism is considered as one of the analytical approaches.

The practical significance of the work lies in substantiating the importance of an integrative approach to complex public phenomena aimed at preventing the negative consequences of managerial decisions in a mediatized environment.

Keywords: "Cobra effect", public space, Philadelphia experiment, integration of micro- and macro-analysis

УДК [316.334:21] : 316.356-055.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-438-441

Религиозное обращение женщин из православия в ислам в современном российском обществе: социологический анализ

Вайсбург Александра Владимировна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Религиозное обращение (конверсия) женщин из православной в исламскую веру в последние годы получило значительное распространение и вызвало бурную социальную реакцию со стороны населения. Особенно это проявляется при демонстрации процесса религиозной конверсии женщинами в сети Интернет. В статье представлены результаты контент-анализа комментариев и реакций пользователей видеохостинга YouTube на видеоматериалы о переходе женщин из православной в мусульманскую религию. В ходе исследования выявлены размеры, эмоциональная окраска комментариев и ответов на них. Исследованы актуальность комментариев и ответов по отношению к теме видео, форма и характер коммуникации между участниками, тип реакции на комментарии (графическая, текстовая или отсутствие реакции). Результаты данного исследования помогут понять механизмы формирования общественных реакций на религиозную конверсию женщин, оценить значимость цифровых коммуникаций и выявить логику взаимодействия участников интернет-пространства по данной тематике.

***Ключевые слова**: религия, женщины, YouTube, комментарии, видео, конверсия, ислам*

***Для цитирования:** Вайсбург А.В. Религиозное обращение женщин из православия в ислам в современном российском обществе: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 438–441. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-438-441.*

В настоящее время под влиянием процессов глобализации, миграции и усиления межкультурных контактов особую значимость приобретает изучение религиозного обращения – «процесса перехода личности из одной конфессиональной системы в другую или принятия религиозных убеждений после периода неверия» [1, с. 7]. Согласно социологическому подходу, религиозное обращение рассматривается как форма адаптации личности к меняющимся социальным условиям, включающая в себя усвоение культурных норм, традиций, изменение индивидуальных психологических мотивов в соответствии с религиозными взглядами [2, с. 465].

Мотивы и механизмы религиозного обращения, а также гендерные особенности данного процесса рассмотрены в работах: Л.М. Курбановой [3], Т.В. Ивановой [4], Ф.А. Мухаммедовой [5], А.В. Смирнова [6], Н.А. Петровой [7].

Современные исследования конверсии предлагают рассматривать её как динамический процесс. Классическая модель Льюиса Рамбо описывает обращение в несколько этапов: поиск, кризис, встреча с новой религиозной традицией, принятие доктрины, проверка и интеграция в общину [8, с. 276]. В этой логике изменение повседневных привычек – питания, одежды, семейных ролей – предстает не случайным набором практик, а результатом постепенного вплетения религиозных норм в жизнь. Параллельно с этим антрополог Виктор Тёрнер объясняет конверсию через концепт лиминально-

сти: человек оказывается в переходном состоянии «между мирами», лишается прежних социальных маркеров и вынужден выстраивать новую идентичность [9, с. 243].

Особое внимание заслуживает феномен межрелигиозного перехода при обращении в ислам. В последние десятилетия наблюдается рост интереса к исламу как среди коренного населения, так и среди мигрантов в разных странах, включая Россию. Этот процесс имеет не только религиозное, но и ярко выраженное социокультурное измерение: он связан с поиском личной идентичности, стремлением к социальной интеграции или, напротив, к самоограничению от доминирующих культурных моделей. Анализ причин, мотивов и последствий обращения в ислам позволяет выявить закономерности взаимодействия религиозного и социального пространства, а также понять, каким образом религиозная принадлежность влияет на социальную структуру и мировоззрение личности.

Переход в другую религию представляет собой не только изменение системы убеждений, но и комплексное преобразование идентичности, повседневных практик, социальных связей и норм поведения. В случае обращения в ислам трансформация затрагивает широкий спектр сфер: рацион и пищевые практики, нормы одежды и телесного поведения, семейные и гендерные роли, ритуалы и календарные обычаи. Этот процесс невозможно понять исключительно как духовный акт; он имеет выраженное социокультурное измерение, переплетая личные изменения с общественными ожиданиями и культурными традициями [8, с. 164]. Более того, подобные переходы становятся индикаторами более масштабных социальных процессов, таких как глобализация, миграция и культурная гибридизация [10, с. 213]. Обращение в ислам показывает, как личная идентичность может быть встроена в систему глобальных ценностей и транснациональных сообществ [3, с. 172].

Религиозный переход можно понимать как своеобразную социальную драму, ритуализированное «новое начало». Дополняя эти модели, современные авторы обращают внимание на роль медиа и глобальных коммуникаций, которые ускоряют процесс религиозного поиска и упрощают доступ к исламским знаниям [3, с. 112].

В октябре 2025 г. методом контент-анализа было проведено исследование на тему «Реакция пользователей видеохостинга *YouTube* на видео о переходе женщин из православной в мусульманскую религию». Всего было проанализировано 4000 комментариев (исходные комментарии, $N = 1285$, с детализацией по 815 критериям; ответы на комментарии, $N = 3183$) на видео-интервью: «Я теперь не просто Танюха»; «Замуж за Араба из Дубая! Сказка или Ад? Вторая Жена, Многоженство»; «Русская Мусульманка: Приняла Ислам в 16 лет | Ушла из Христианства в Ислам»; «Вторая жена Араба из Дубая. Реальная история из Москвы в Дубай. Многоженство | Эмираты»; «Тайны Второй жены Араба! Многоженство, развод, мифы про арабов». Интервью принадлежат девушкам, которые перешли из православия в ислам. Анализ охватил различные аспекты пользовательского взаимодействия: эмоциональную окраску, тематическую релевантность, характер коммуникации и демографические характеристики участников обсуждения. Автор благодарит студентов 3 курса направления подготовки «Социология» Тверского государственного технического университета Д.М. Мосину, Т.С. Ермакову, Д.В. Аладину, за участие в организации и проведении контент-анализа.

Анализ показал, что провокативные сообщения играют ключевую роль в динамике обсуждений: такие комментарии значительно чаще становятся отправной точкой для дальнейшего диалога и способствуют росту вовлеченности.

Отрицательные комментарии продемонстрировали ещё более выраженную способность инициировать конфликтные ветки обсуждения. Статистическое соотношение количества реакций показало, что именно негативная тональность вызывает наиболее интенсивные споры.

Выявлено также, что эмоциональные комментарии, независимо от их знака, привлекают внимание пользователей в большей степени, чем нейтральные сообщения. Это подчёркивает важность эмоционального фактора в структуре цифровой коммуникации.

При этом позитивные высказывания чаще выполняют функцию одобрения и поддержки, однако редко становятся основой для продолженных обсуждений. Они демонстрируют низкий потенциал для расширенной дискуссии по сравнению с негативными и ироничными репликами.

Гендерная динамика коммуникации показала неоднозначные результаты. Среди комментаторов мужского пола 88,5 % высказываний имеют преимущественно позитивную окраску относительно обсуждений на тему конверсии женщин из православия в мусульманство – это самый высокий показатель по всем категориям. При этом доля позитивных комментариев у женщин – чуть более трети (39,5 %). Мужчины действительно чаще включались в спорные и аргументированные обсуждения, проявляя склонность к анализу и рационализации, однако их количественное участие было заметно ниже (95 % мужчин против 82 % женщин). Женщины, напротив, формировали большинство комментариев и демонстрировали широкий спектр эмоциональных реакций.

Религиозная принадлежность становится одним из ключевых факторов, определяющих эмоциональную направленность комментариев. Причём важно не только количественное соотношение религиоз-

ных групп, но и модальность их поведения. В исходных комментариях мусульманская аудитория, составляющая почти треть массива, демонстрирует почти полную поддержку конверсии женщин (95,7 %) – фактически каждый принадлежащий к ним комментарий выражает солидарность, сочувствие или одобрение. Это создаёт эффект внутренней общинной сплочённости: переход в ислам воспринимается как позитивное изменение, которое заслуживает поддержки. Православные же, составляющие лишь около 5 % массива исходных комментариев, вносят диспропорционально большую долю критики (на 30 % больше, чем мусульмане), однако их влияние на эмоциональный фон исходного уровня остаётся ограниченным, прежде всего из-за малочисленности. У тех, кого невозможно было отнести к какой-либо конфессии (примерно 66 %), тональность комментария почти наполовину преимущественно негативная или провокативная (46,6 %).

В целом динамика коммуникации выявила преобладание кратких реплик, характерных для пассивных пользователей, и решающее влияние активного меньшинства, формирующего содержательные и развернутые комментарии. Исходные комментарии по объему в основном малые (51,8 %) и средние (38,2 %). Распределение ответов на комментарии очень похоже: малые (53,8 %), средние (34,5 %), большие (11,7 %). Такая классификация может указывать на то, что лаконичность является универсальной чертой коммуникации на всех уровнях. Конфликтные и ироничные сообщения становились главными катализаторами обсуждений, в то время как нейтральные комментарии вносили стабилизирующую функцию, но не оказывали существенного влияния на развитие дискурса. Структура коммуникации преимущественно парная, и лишь небольшая часть веток обсуждения демонстрирует глубокую последовательность ответов, сопровождающуюся ростом эмоциональной напряженности.

Наблюдается интересная тенденция: чем положительней комментарий под видео, тем он короче (69,9 %), а комментарии с отрицательной эмоциональной окраской чаще длинные (47,6 %). В комментариях на комментарии динамика практически схожа: длинные комментарии в большинстве остаются отрицательными (55 %), а малые преимущественно нейтральными (36,4 %). Можно сделать вывод, что скептики и критически настроенные пользователи склонны писать больше.

По мере углубления дискуссии позитивные реакции отступают, а эмоциональное напряжение усиливается. Ответы чаще становятся спором, чем поддержкой.

Большинство комментариев (59,5 %) размещаются в групповой форме, то есть как ответы в дискуссии, и именно здесь эмоции становятся острее. При этом почти четыре из десяти (37,3 %) положительно окрашенных комментариев приходятся на этот формат, тогда как среди одиночных высказываний – более двух третей (67,6 %). Это означает, что поддержку чаще выражают вне дискуссии – как разовое, искреннее одобрение, не требующее продолжения спора.

Напротив, отрицательная эмоциональная окраска почти вдвое чаще встречается в групповой коммуникации: каждый третий (30,1 %) из таких комментариев – это ответ в споре, тогда как среди одиночных – лишь каждый шестой (15,8 %). То же касается иронии или сарказма: в групповых обсуждениях такие реакции – каждая шестая (17,1 %), а в одиночных – менее одной из тринадцати (7,3 %).

Активность участников демонстрирует классический паттерн социального взаимодействия: большинство комментаторов проявляют пассивное участие в обсуждениях. Среди авторов исходных комментариев пассивных пользователей большинство – 85,6 %. Среди авторов ответов – 73, 7 %. Активные пользователи в ответах – каждый третий–четвертый (26,3 %, против 14,4 % авторов исходных комментариев).

Анализ взаимосвязи эмоциональной окраски ответов на комментарий и характера участия пользователей в дискуссии о конверсии женщин из православия в ислам показывает выраженную поляризацию между активными и пассивными участниками. Активные комментаторы формируют эмоционально заряженное поле дискуссии – более половины их высказываний (55,7 %) носят отрицательный характер, что демонстрирует их склонность к критической и конфронтационной позиции. Пассивные участники демонстрируют значительно более сбалансированное распределение эмоциональных реакций. Отрицательные высказывания составляют лишь около трети комментариев (32,5 %), в то время как нейтральную позицию разделяют более трети пассивных пользователей (38,5 %).

Основное противоречие в восприятии темы религиозной конверсии проходит по линии вовлеченности пользователей: активное меньшинство формирует негативный эмоциональный фон дискуссии, в то время как пассивное большинство сохраняет более взвешенную и даже склонную к поддержке позицию.

Доминирующей окраской коммуникации в комментариях на видео выступает аргументированная дискуссия – почти 3/4 (74,8 %), каждый седьмой комментарий содержит провокационные высказывания (16,3 %) и лишь каждый четырнадцатый – эмоциональный спор (7,4 %).

Каждый третий исходный комментарий выражает поддержку конверсии женщин (37,1 %). Уточнение/вопрос (29,2 %) и несогласие/спор (28,3 %) также являются частой тактикой. Самой непопулярной формой взаимодействия выступает конфликт/оскорбление (5,4 %). В ответах же, наоборот, каж-

дый третий комментарий содержит несогласие/спор (35,2 %). При этом высока доля уточнений/вопросов (30,2 %), что говорит о развитии дискуссии.

При анализе типов реакций на комментарии графические реакции (лайки/дизлайки) являются доминирующей формой обратной связи. На них приходится более половины всех откликов (63,3 %). Это может указывать на то, что пользователи в большинстве своем предпочитают быстрое и невербальное выражение мнения. Текстовые ответы составляют примерно каждый третий комментарий (36,7 %), что демонстрирует значительную, но меньшую долю пользователей, готовых к развернутому взаимодействию на тему религиозной конверсии женщин.

В заключение следует отметить, что проведённое исследование не только позволило выявить механизмы формирования общественных реакций на религиозную конверсию, но и продемонстрировало значимость цифровых коммуникаций для анализа современных социальных процессов. Полученные данные могут быть использованы в дальнейших социологических и религиоведческих исследованиях, направленных на изучение трансформации религиозной идентичности, поведения пользователей в онлайн-среде и влияния эмоционального контента на динамику общественных обсуждений. Результаты исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к изучению религиозных и культурных процессов в условиях цифровизации, а также важность развития аналитических инструментов, позволяющих глубже понять логику взаимодействия пользователей в медийных пространствах.

Литература:

1. Пронина Т.С., Талалаева Е.Ю. Миграция и религия: основные направления исследований // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 7–26.
2. Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г., Кофанова Е.Н. Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 465–492.
3. Курбанова Л.М. Роль медиа в формировании исламской идентичности. Казань: Казанский университет, 2015. 280 с.
4. Иванова Т.В. Гендерные аспекты религиозной конверсии. М.: МГУ, 2012. 350 с.
5. Мухаммедова Ф.А. Переход к халяльному рациону: социокультурные аспекты. Уфа: Башкирский университет, 2018. 220 с.
6. Смирнов А.В. Исламская община как социальный институт. СПб.: СПбГУ, 2016. 310 с.
7. Петрова Н.А. Религиозная конверсия и идентичность: социологический анализ. М.: ВШЭ, 2014. 275 с.
8. Рамбо Л.Л. Конверсия: процесс изменения религиозной идентичности. М.: РГГУ, 2004. 320 с.
9. Тёрнер В.Г. Социальная драма: анализ социальной ситуации. СПб.: Алетейя, 2007. 256 с.
10. Кузнецова И.И. Миграция и религиозная идентичность: опыт новообращённых. Новосибирск: НГУ, 2017. 330 с.

Religious Conversion of Women from Orthodoxy to Islam in Contemporary Russian Society: a Sociological Analysis

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

The religious conversion of women from the Orthodox to the Islamic religion has become widespread in recent years and has received a strong social reaction from the population. Especially when demonstrating the process of religious conversion by women on the Internet. The article presents the results of a content analysis of comments and reactions of YouTube video hosting users to videos about the transition of women from the Orthodox to the Muslim religion. The study revealed the size and emotional coloring of the comments and responses to them. The relevance of comments and responses in relation to the topic of the video, the form and color of communication (type of interaction) between participants, and the type of reaction to comments (graphical, textual, or no reaction) were investigated. The results of this study will help to understand the mechanisms of forming public reactions to women's religious conversion, the significance of digital communications, and the logic of interaction between participants in the online space on this topic.

Keywords: religion, women, YouTube, comments, video, conversion, Islam

УДК 37.013.42
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-442-446

Социокультурный медиапроект как инструмент приобщения к традиционным ценностям обучающихся в школьной среде

Зиятдинова Эльмира Мансуровна
Кандидат политических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Фатыхова Диана Рустэмовна
Кандидат политических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Современная школа как один из важнейших социальных институтов сегодня решает колоссальный спектр задач: итегрирования современных образовательных технологий с ориентиром на цифровизацию; переориентация на преподавание, где в центре должен быть ученик, занимающий проактивную позицию в обучении; открытость и прозрачность образовательного процесса через генерирование на постоянной основе сообщений в медиапространство; популяризация традиционных ценностей и патриотических ориентиров для подрастающего поколения.

В условиях соперничества с социальными сетями, вирусными видео и мемами, зачастую искажающими «картину мира» современных школьников, образовательным организациям также приходится включаться в процесс генерирования информации для своей аудитории: в доступной для них форме создавать сообщения для подрастающего поколения о базовых представлениях о морали, добре и зле, ценностях семьи, дружбе, взаимопомощи, гордости за отчизну и уважении к ее истории. Данная статья посвящена описанию модели внедрения медиапрактики в педагогической деятельности. Цель исследования – дать характеристику возможностям применения медиапроекта как инструмента приобщения к традиционным ценностям обучающихся. В этой связи были рассмотрены перспективы использования системы «обучения действием» в школьном образовании через разработку социокультурных медиапроектов. Авторы пришли к выводу о том, что вовлечение обучающихся в школьной среде к созданию медиапроекта, при соблюдении ряда условий, способствует популяризации традиционных ценностей среди молодого поколения.

Ключевые слова: *социокультурный медиапроект, медиапространство, медиаконтент, традиционные ценности, школьное образование*

Для цитирования: *Зиятдинова Э.М., Фатыхова Д.Р. Социокультурный медиапроект как инструмент приобщения к традиционным ценностям обучающихся в школьной среде // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 442–446. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-442-446.*

Современное медиапространство представляет собой постоянно меняющуюся сферу: появляются новые платформы, техники и технологии подготовки медиаконтента. Особая роль сегодня принадлежит новым алгоритмам и искусственному интеллекту, которые определяют, какие именно публикации попадают в поле зрения аудитории, включая и школьников. Взросление школьников происходит в условиях господства коротких видеоформатов (*short-form content*), тотальной персонализации информационной ленты. Юные пользователи формируют идентичность в условиях гиперинформационного давления и высокой визуальной плотности цифровой среды. Как отмечают исследователи, все это создает «фильтры пузырей», в рамках которых пользователи могут оказаться замкнутыми в информационных пространствах, ограниченных их предпочтениями и ранее просмотренными материалами [1]. Следствием такого неконтролируемого цифрового контента у современных школьников могут развиваться когнитивные искажения, формироваться ложные ценности и представления, деструктивные модели поведения, связанные с информационной перегрузкой.

В этом смысле школьные медиа и социокультурные медиапроекты, напротив, могут стать пространством получения проверенной и надежной информации, местом сопричастности к тому, что происходит в школе [2]. В школьной медиапрактике зачастую сами учащиеся становятся главными создателями медиаконтента. Только они могут произвести интересный, доступный контент для своих сверстников. А роль педагога в этом – аккуратно направлять их, поощряя критическое осмысление предмета изучения, применяя практику «обучения действием», вовлекая учеников в создание творческого продукта.

Подход «обучение действием» (от англ. «*action learning*») разработан профессором Манчестерского университета, международным консультантом в области управления предприятиями Регом Ревансом. По мнению автора, классическая система образования построена на получении готовых знаний, в то время как «обучение действием» в большей степени ориентировано на получение знания из собственного опыта. Так, в «обучении действием» упор делается не на традиционные инструкции, готовые знания и критическое обсуждение выполненных заданий, а на постижение сути [3, с. 34–39].

Применение подхода «обучение действием» в практике высшего образования широко применяется как за рубежом, так и в нашей стране. Он также может быть успешно интегрирован и в систему среднего образования. Так, активно применяется опыт запуска в образовательной школьной среде программы, включающей ведение социокультурных медиапроектов, направленных на формирование и усиление медиаграмотности, навыков творческого мышления с опорой на духовно-нравственные ценности и патриотизм.

Социокультурный школьный медиапроект представляет собой целенаправленную творческую инициативу учащихся по созданию медиаконтента (видео, блоги, газеты, соцсети) на социально значимую тему, развитие культурной среды школы/города и формирование активной жизненной позиции самих учащихся.

Успешная реализация подобных медиапроектов позволяет достигнуть решения ряда образовательных, культурных, социальных задач в образовательной среде:

– через доступный для школьников медиаконтент аккумулируется интерес к изучению истории, культуры, искусства и литературы своей страны и мира, расширяя границы познания через погружение школьников в отдельные темы;

– школьники вырабатывают умения поиска, анализа, обобщения информации: работа над созданием медиапроектов развивает способность искать и обрабатывать данные, сопоставлять источники, делать выводы;

– на выходе школьники создают уникальный образовательный продукт, доступный сверстникам независимо от образовательной организации, времени и пространства;

– через реальный результат учащиеся видят применение своих знаний, полученных на уроках на практике;

– развивают свои коммуникативные навыки: улучшается качество публичных выступлений, приобретаются умения аргументированно защищать свою точку зрения;

– создание медиапроектов требует раскрытия творческих способностей школьников, способствуя их самореализации.

В свою очередь, подготовка медиапроектов в интернете имеет ряд отличительных особенностей, связанных со спецификой глобальной информационно-коммуникационной среды:

1. Глобальность: интернет-проект доступен широкой аудитории независимо от места и времени пребывания пользователей.

2. Интерактивность: благодаря комментариям, лайкам и другим интерактивным элементам авторы проекта могут получать быструю обратную связь от пользователей.

3. Простота и доступность: возможности различных платформ позволяют начинающим авторам легко и быстро запускать и развивать проекты.

4. Непрерывность: контент может обновляться и корректироваться при необходимости мгновенно.

5. Мультимедийность: широкие возможности работы с разными типами контента (текст, звук, графика и видео), что способствует развитию твор-

ческих навыков путем экспериментов с жанрами и формами подачи информации.

Как правило, социокультурные школьные медиапроекты реализуются в интернете в следующих формах:

1. Авторский блог – персональная страница создателя на какой-либо платформе, где публикуется уникальный контент. Блоги, как правило, ориентированы на узкую аудиторию, заинтересованную в теме и в авторе: контент представлен в различных мультимедийных форматах.

2. Сообщество или группа в социальной сети − группа пользователей-единомышленников, в которой участники взаимодействуют друг с другом и контентом. Реализация медиапроекта предполагает активную работу с аудиторией через интерактивные форматы (опросы, конкурсы, розыгрыши) и игровые механики.

3. Рубрики в существующих сообществах социальных сетей – создание рубрики в ранее созданном сообществе (например, сообществе школы) позволяет проще набрать аудиторию и взаимодействовать с ней.

4. Подкасты – серия тематических выступлений, лекций или обсуждений, с которыми слушатели могут взаимодействовать в удобное для них время.

5. Интернет-издание – онлайн-ресурс, объединяющий различные виды контента (статьи, подкасты, видео, фотографии), который может стать полноценной платформой для презентации различных инициатив.

6. Мультимедийный лонгрид − расширенный текстовый материал, дополненный фотографиями, графикой, анимацией и видео, призванный глубоко увлечь аудиторию за счет включения в онлайн текст интерактивных элементов.

Выбор конкретного формата для школьного социокультурного медиапроекта будет зависеть от коммуникационной задачи, тематики и подготовленности самих авторов. Формат авторского блога подходит в тех ситуациях, когда важен личный взгляд автора на культурные процессы, явления, творчество. Особенность данного формата заключается в том, что он требует некоторой экспертности автора в определенной теме.

Создание сообщества перспективно тогда, когда необходимо сформировать комьюнити людей, связанных общими интересами. Введение рубрики в уже существующую группу будет полезно, если есть задача расширить аудиторию, повысить популярность конкретной темы или вопроса, привлечь дополнительную активность на текущей платформе. Подкасты, уже знакомые и популярные у молодого поколения, являются удобным форматов для представления аудиоинформации пользователям смартфонов, когда тема может быть раскрыта в рамках серии эпизодов. Интернет-издание подходит для комплексного представления культурных проектов, охватывающих разнообразные темы с регулярными публикациями. Мультимедийный лонгрид предусматривает подачу большого объема информации в удобной форме, позволяя привлечь внимание к серьезным социальным и культурным проблемам.

Сам процесс подготовки медиаконтента в контексте школьного проекта носит учебно-развивающий характер. Школьники могут иметь базовые навыки съемки видео, записи подкаста, создания визуальных элементов, написания текстовых материалов или прийти в проект, не имея такого опыта. Как бы то ни было, преподавателю-координатору медиапроекта необходимо выстроить образовательную программу, которая позволит совершенствовать навыки подготовки медиаконтента, обучать новичков через конкретное действие (в парадигме «обучения действием»). Получение новых навыков создания медиаконтента, может стать весомым поводом для участия ребят в работе над школьным медиапроектом.

Дополнительным мотивом привлечения школьников к проектной работе может стать опыт участия в профильных конкурсах. Так, в 2025 г. доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского федерального университета Э.М. Зиятдинова выступила координатором медиапроекта «Классики подскажут» творческого коллектива школьников из г. Зеленодольска Республики Татарстан в участии в международном фестивале-конкурсе «Мой друг! Отчизне посвятим души прекрасные порывы!».

Цель медиапроекта «Классики подскажут» – популяризировать среди школьников старших классов произведения русской классической литературы, несущие идеи гуманизма, милосердия, высоких нравственных идеалов и патриотизма через их связь с вопросами, с которыми учащиеся сталкиваются в повседневной жизни.

Задачи проекта:

– выявить темы, которые волнуют школьников-старшеклассников;

– отобрать соответствующие фрагменты из произведений классической литературы;

– подготовить в графическом редакторе визуальные элементы – карточки с цитатами;

– создать медиатекст, сопровождающий публикацию.

Основным каналом коммуникации с аудиторией стал созданный авторами проекта канал в сети *Telegram*, в котором через цитаты из произведений отечественной литературы авторы находят ответы на злободневные вопросы школьников. Каждая публикация рубрики «Классики подскажут» посвящена теме, которая волнует старшеклассников и связана с ситуациями из повседневной жизни. Как справиться с тревогой? [4] Как изменить жизнь, чтобы стать счастливым? Что самое ценное в жиз-

ни? [5]. Как провести каникулы максимально продуктивно, с пользой для себя и накопить силы для новых свершений? [6]. Эти и другие вопросы обыгрываются в шуточном диалоге с писателями и поэтами. Ответы на них читатель находит в цитатах от авторов произведений русской литературы, которые показывают многогранность заявленной проблемы, возможность ее решения разными путями и раскрывают нравственные ориентиры: идеалы, умение отличить черное от белого, служение Отечеству, патриотизм и др.

Текст публикации лаконичный, состоит из коротких смысловых абзацев. Имеет дружеский, неформальный характер, что создает ощущение живого общения. Чтобы удержать внимание, автор наполняет текст средствами выразительности для придания сообщению эмоциональности. В тексте используется прием обращения через вопрос читателю. Композиция публикации включает три слагаемых: подводка к теме, которая раскрывает актуальность публикации и вызывает интерес прочитать дальше. В этой части истории появляются ученицы – авторы рубрики. Данный прием позволяет усилить интерес читателя к сообщению через личностную идентификацию. Далее следует основная часть, в которой дается информация о рубрике и показывается польза информации в карточках. Эти акценты направляют подписчика к прочтению и призваны «снять» возражение в виде вопроса: «А зачем мне это читать?». В конце включена информация, которая стимулирует оставить комментарии и реакции.

По результатам первого заочного тура медиапроект «Классики подскажут» стал победителем фестиваля-конкурса «Мой друг! Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» в номинации «Интернет».

Таким образом, вовлечение обучающихся в школьной среде к созданию медиапроекта, способного популяризировать традиционные ценности, возможно при условии выполнения трех ключевых условий: первое – тематика медиапроекта должна объединять отсылку к произведениям, к историческим событиям, процессам, личностям, несущим воплощение традиционных ценностей, и в то же время они должны быть понятны и знакомы школьникам, быть связаны с их заботами и интересами; второе – координирующую роль в создании медиапродукта должна принадлежать педагогу, который осуществляет управление проектом, берет на себя полную ответственность за нравственную и юридическую составляющую, идею и ее реализацию; третье – создание мотивационной «цепочки» участия школьников в медиапроекте, включая возможность публичной презентации работы, получения навыков подготовки медиапродукта, участие в профильных конкурсах и получение бенефитов.

Литература:

1. Богдановская И.М., Углова А.Б., Низамутдинов Б.А., Никольская А.С. Современные практики медиапотребления у студенческой молодежи // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 2. URL: https://mir-nauki.com/PDF/10PSMN223.pdf (дата обращения: 20.12.2025).
2. Шагаева А.Ю., Сенькевич Т.В., Зиятдинова Э.М., Бондарев Ю.Ю. По строгим правилам искусства: метод. пособие. М.: Изд. дом Вахрамеева, 2025. 88 с.
3. Зиятдинова Э.М., Фатыхова Д.Р. Применение технологии «обучение действием« в медиаобразовании // Материалы Всероссийской научно-образовательной конференции с международным участием (Казань, 25 марта 2025 г). Казань: Изво Казанского университета, 2025. Ч. 1. С. 34–39.
4. Как справиться с тревогой и страхом перед экзаменом? // Официальный телеграм-канал МБОУ «Лицей № 9 имени А.С. Пушкина Зеленодольского муниципального района Республики Татарстан. URL: https://t.me/imaspushkina/6735 (дата обращения: 02.02.2026).
5. Что самое ценное и важное в жизни? // Официальный телеграм-канал МБОУ «Лицей № 9 имени А.С. Пушкина Зеленодольского муниципального района Республики Татарстан. URL: https://t.me/imaspushkina/6793 (дата обращения: 02.02.2026).
6. Как провести каникулы максимально продуктивно, с пользой для себя и накопить силы для новых свершений? // Официальный телеграм-канал МБОУ «Лицей № 9 имени А.С. Пушкина Зеленодольского муниципального района Республики Татарстан. URL: https://t.me/imaspushkina/6894 (дата обращения: 02.02.2026).

Socio-Cultural Media Project as a Tool for Introducing Students to Traditional Values in the School Environment

Ziyatdinova E.M., Fatykova D.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

Modern school, as one of the most important social institutions, today addresses a vast spectrum of tasks: integrating modern educational technologies with a focus on digitalization; shifting towards student-centered teaching where the learner takes a proactive role in education; ensuring openness and transparency of the educational process through constant generation of messages in the media space; promoting traditional values and patriotic orientations for the younger generation.

In the context of competition with social networks, viral videos, and memes that often distort the "worldview" of modern schoolchildren, educational organizations also have to engage in the process of generating information for their audience: creating messages in an accessible form for young people about basic concepts of morality, good and evil, family values, friendship, mutual assistance, pride in the homeland, and respect for its history.

This article describes a model for implementing media practice in pedagogical activities. The research objective is to characterize the possibilities of using a media project as a tool for introducing students to traditional values. In this regard, the prospects of using the "learning by doing" system in school education through the development of socio-cultural media projects have been considered. The authors conclude that involving students in the school environment in creating a media project, subject to certain conditions, contributes to the popularization of traditional values among the younger generation.

Keywords: socio-cultural media project, media space, media content, traditional values, school education

УДК 658.715 + 658.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-447-452

Интеграция *ESG* и систем оценки поставщиков в развитие устойчивых цепочек поставок

Коверзнев Артем Николаевич
Глобальный категорийный менеджер по закупкам
BSH Hausgeräte GmbH (Мюнхен, Германия)
ORCID 0009-0003-5911-4117

Шарапова Екатерина Рамилевна
Начальник отдела закупок и ВЭД
ГК Прометей (Санкт-Петербург)
ORCID 0009-0004-7476-5855

Исследование актуально в условиях растущих требований к устойчивости и прозрачности цепочек поставок. Цель работы – изучить современные инструменты оценки и развития поставщиков, включая системы PSPM, PIP и сертификацию, с интеграцией ESG-метрик. Задачи включали анализ механизмов мотивации, формирования системы KPI и контрактных стимулов, а также выявление методов повышения зрелости поставщиков. Научная и практическая значимость заключается в разработке модели системного управления партнёрскими отношениями, способствующей снижению рисков и повышению эффективности. Основные результаты показывают, что интеграция оценки, мотивации и устойчивых практик формирует управляемые и конкурентоспособные цепочки поставок, подтверждая новизну предложенного подхода.

Ключевые слова: *устойчивое развитие, PSPM (Professional Supplier Performance Management), PIP (Plan for Improvement), сертификация поставщиков, ESG-практики, мотивация и монетизация оценки, управление цепочками поставок*

Для цитирования: *Коверзнев А.Н., Шарапова Е.Р. Интеграция ESG и систем оценки поставщиков в развитие устойчивых цепочек поставок // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 447–452. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-447-452.*

Введение

В последние годы устойчивое развитие перестало быть исключительно добровольной инициативой или элементом корпоративного имиджа и стало обязательным аспектом регуляторных требований и стратегического управления в глобальных цепочках поставок. Переход от этических принципов к нормам [1; 2] сделал экологические, социальные и управленческие факторы ключевыми ориентирами при формировании стратегий развития поставщиков. Эти факторы объединяются в *ESG*-критерии: *Environment* – окружающая среда, *Social* – социальная ответственность (например, детский труд), *Governance* – управление (например, противодействие коррупции).

Сегодня компании стремятся не только соблюдать базовые нормы, но и создавать цепочки поставок, устойчивые к климатическим, социальным и регуляторным рискам. Усиление нормативного давления в ЕС, Великобритании, США и России требу-

ет учитывать такие риски на всех уровнях цепочек поставок. В этом контексте *ESG*-повестка становится не опцией, а обязательным условием для участия в стратегических закупках, формируя новый стандарт управления поставщиками [3].

Содержание устойчивости: три измерения зрелости

Концепция *ESG* включает три взаимосвязанных компонента: экологические, социальные и управленческие измерения (см. табл. 1).

Методы внедрения устойчивости в программы развития поставщиков

Начальной точкой интеграции принципов устойчивого развития в практику развития поставщиков обычно служит процедура самооценки. Она проводится с помощью стандартизированных анкет, которые дают целостное представление об уровне зрелости поставщика в *ESG*-измерениях. Анкеты структурированы по ключевым блокам и включают количественные и качественные показатели: наличие политик по охране труда, стратегии снижения выбросов CO_2, сертификацию *ISO* (например, *ISO* 14001, *ISO* 45001[3]), а также прозрачность *SCM*[4] и соблюдение норм корпоративной этики.

Широкое распространение получили анкеты, основанные на международных стандартах и платформах. Например, анкета *EcoVadis* используется более 90 000 компаниями и охватывает четыре домена: экологическую ответственность, социальную политику, деловую этику и управление поставщиками [4; 5].

***SAQ*-опросник как часть *ESG* инициативы и не только**

SAQ (Self-Assessment Questionnaire) – инструмент самооценки, разработанный в рамках инициативы *Drive Sustainability* и широко используемый в автомобилестроении. Он охватывает условия труда, права человека и устойчивое снабжение. Аналогично анкеты *CDP* применяются для оценки климатической зрелости поставщиков, включая выбросы парниковых газов, стратегии декарбонизации и климатические риски.

Альтернативой глобальным платформам служат внутренние опросники, адаптированные под отраслевые особенности и цели компании, основанные на принципах *GRI*[5], *ISO* 26000[6] и Руководящих принципах ООН. Они позволяют быстро выявить риски и приоритетные зоны развития.

Анкеты самооценки являются ключевым инструментом начальной диагностики: систематизируют данные, создают основу для диалога и становятся отправной точкой для *ESG*-аудита, согласования плана корректирующих действий и внедрения инициатив. По результатам формируется план улучшений: внедрение вторичной упаковки, *LED*-освещения, модернизация оборудования и переход на многоразовые контейнеры, что повышает экологическую эффективность и снижает совокупные затраты.

Таблица 1

Компоненты *ESG*

Компонент *ESG*	Значение
Экологический	Такие параметры, как уровень выбросов углекислого газа, энергоэффективность, степень использования вторичных и переработанных материалов, сертификация экологического менеджмента (например, ISO 14001[1]) и энергоуправления (ISO 50001). Это измерение напрямую связано с анализом жизненного цикла продукции (*Life Cycle Assessment)* и полной стоимостью владения (TCO[2])
Социальный	Соблюдение прав человека, наличие безопасных условий труда, исключение детского и принудительного труда, охрана труда и вовлечённость поставщиков в социальные программы. Компании, демонстрирующие зрелость в этом измерении, как правило, имеют меньше инцидентов, связанных с трудовыми нарушениями, и более устойчивы к репутационным рискам
Управленческий	Вопросы прозрачности структуры собственности, соблюдения антикоррупционной политики, надлежащего уровня внутреннего контроля и соответствия национальному и международному праву

Источник: составлено авторами.

Для стратегически важных категорий критично иметь достоверную информацию о поставщике [6]. Опросник целесообразно включать следующие блоки:

Общая информация: юридическое лицо, адрес производства, контакты, структура собственности – для прозрачности и оценки юридических и операционных условий.

Управление и персонал: распределение сотрудников, квалификация ключевых специалистов, наличие ответственных за работу с заказчиком, качества и устойчивого развития – отражает формализацию процессов и готовность к сотрудничеству.

Производственные мощности и инфраструктура: установленная мощность, фактическая загрузка, число смен, гибкость

[1] *ISO* 14001 – это международный стандарт, устанавливающий требования к системе экологического менеджмента (СЭМ) организации.

[2] *TCO (Total Cost of Ownership*) – это совокупная стоимость владения, которая включает в себя все прямые и косвенные затраты, связанные с приобретением, использованием, поддержкой и утилизацией продукта или актива на протяжении всего его жизненного цикла.

[3] *ISO* 45001 – это международный стандарт, устанавливающий требования к системам менеджмента охраны труда и здоровья на рабочем месте.

[4] *SCM (Supply Chain Management*) – управление цепями поставок.

[5] *GRI (Global Reporting Initiative*) – Глобальная инициатива по отчетности, которая предоставляет стандарты для компаний по отчетности об устойчивом развитии.

[6] *ISO* 26000 – это международный стандарт, предоставляющий руководящие указания по социальной ответственности для всех типов организаций.

переналадок, ассортимент, планы расширения и автоматизации – позволяет оценить риск срыва сроков и готовность к росту заказов.

Система качества: наличие сертификатов (*ISO* 9001[7]), внутренние процедуры контроля, данные по дефектности и рекламациям, результаты предыдущих аудитов – оценивает зрелость системы, а не только формальное соответствие стандартам [7].

Современные программы оценки поставщиков включают *блоки экологической и социальной ответственности*: энергопотребление, управление отходами, соблюдение трудового законодательства, охрана труда и вовлечённость в сообщество. Даже при отсутствии строгого регулирования базовые *ESG*-практики служат индикатором зрелости и потенциала роста.

Финансово-экономическая информация – оборот, ключевые клиенты, инвестиционные планы и структура затрат – позволяет оценить устойчивость бизнеса и готовность к долгосрочным обязательствам. Полезны также данные о международном опыте, участии в цепочках глобальных брендов и технической или языковой готовности к сотрудничеству.

Эти блоки формируют всестороннюю картину поставщика, выходящую за рамки прайс-листа, и служат основой для осознанного выбора стратегического партнёра, рассматривая развитие поставщика как инвестицию в устойчивость и конкурентоспособность цепочки.

Следующий этап после анализа анкеты – экспресс-оценка «быстрая диагностика») с участием заказчика. Она подтверждает корректность данных и дополняет их внешней экспертизой на основе стандартов, отраслевого опыта и межфункционального взгляда команды.

Документ экспресс-оценки краткий и структурированный, заполняется специалистами закупок, качества, логистики и инженерии на основе анкеты, очных визитов и истории взаимодействия. Оцениваются зрелость процессов, управленческая модель, способность к изменениям, соблюдение стандартов и базовая «цифровая гигиена», включая ведение записей, внутреннюю аналитику и регулярность проверок.

Каждый раздел экспресс-оценки строится по шкале зрелости – от отсутствия процессов до системного управления с обучением персонала и культурой непрерывного улучшения. Основные направления включают:

• Организационная устойчивость: стабильность команды, вовлечённость руководства, система внутреннего контроля;

• Производственные процессы: состояние оборудования, стандарты операций, визуальные инструкции, эффективность контрольных точек;

• Логистика и материальный поток: входной и выходной контроль, автоматизация, FIFO[8], кросс-докинг[9] учёт запасов;

• Цифровизация и документооборот: электронный обмен данными, структурированность отчётов, аналитические инструменты;

• Устойчивое развитие и охрана труда: управление отходами, мониторинг энергопотребления, учёт инцидентов, безопасные условия работы.

Оценка ведётся по качественным шкалам – от «требует внимания» до «соответствует передовым практикам», при этом цель – не выставление балла, а обозначение траектории развития. Итоговый документ отражает зрелость поставщика и помогает оценить совместимость по процессам и корпоративной культуре.

Таким образом, экспресс-аудит интерпретирует декларативные данные анкеты с фактическими наблюдениями, позволяя адаптировать программу развития под сильные и слабые стороны конкретного поставщика. Таким образом, экспресс-оценка после самооценки выступает не формальной проверкой, а инструментом калибровки взаимодействия и подготовки индивидуального плана развития, в котором поставщик участвует активно, на основе доверия, данных и общих целей.

Показатели эффективности как механизм устойчивого управления

Система *KPI*[10] становится ключевым инструментом закрепления *ESG* в развитии поставщиков. В современных моделях отслеживаются, например:

• удельные выбросы CO_2 на единицу продукции;

• доля вторичных материалов;

• результаты внешних социальных и экологических аудитов;

• индекс зрелости поставщика по критериям устойчивости.

Показатели *ESG* интегрируются в контрактные обязательства: договор может предусматривать ежегодную отчётность по углеродному следу, достижение заданной доли переработанных материалов или проведение ежегодного *ESG*-аудита. Несоблюдение этих условий может влечь санкции и штрафные меры.

[7] *ISO* 9001 – это международный стандарт, устанавливающий требования к системе менеджмента качества (СМК) организации.

[8] *FIFO (First In, First Out*) означает «первым пришёл – первым ушёл» и является методом учета или организационной системой, в которой первыми обрабатываются или списываются те элементы, которые поступили раньше других. Это особенно актуально для складского учета и логистики, где важно использовать в первую очередь те запасы или товары, которые были получены ранее.

[9] Кросс-докинг – это логистическая операция по прямой транспортировке грузов с минимальным или нулевым хранением, когда товар с входящего транспорта сразу перегружается в исходящий. Это процесс сквозного складирования, исключающий традиционный этап хранения на складе, и позволяющий оптимизировать цепочку поставок от поставщика к покупателю.

[10] *KPI (Key Performance Indicators*) – это ключевые показатели эффективности, представляющие собой числовые метрики для оценки результативности и достижения поставленных целей.

Устойчивость как язык нового партнёрства

ESG-подход формирует новую архитектуру доверия. В отличие от 2010-х гг., когда развитие поставщиков фокусировалось на качестве, логистике и себестоимости, в 2020-х гг. приоритет смещается к прозрачности, экологической зрелости и социальной ответственности. Эффективное управление рисками цепочек требует вовлечения поставщиков в устойчивую трансформацию на ранних этапах.

Таким образом, *ESG* в программах развития поставщиков становится не дополнением, а основой конкурентоспособности всей цепочки, обеспечивая надёжных партнёров и устойчивые преимущества на глобальных рынках.

Контракты, мотивация и бонусы. От оценки к действию: монетизация *Supplier Scorecard* как инструмент зрелого партнёрства

Создание мотивирующей архитектуры остаётся ключевой задачей программ развития поставщиков. Без ощутимой ценности для поставщика – экономической, стратегической или имиджевой – развитие превращается в односторонний процесс, где инвестирует только покупатель. В современных условиях компании всё чаще используют монетизацию *Scorecard*: результаты оценки эффективности напрямую влияют на коммерческие условия, включая корректировку цен, приоритетность в тендерах, бонусы и гарантированные объёмы.

Эффективная реализация требует прозрачных процессов, соблюдения регламентов и фиксированных в договорах правил расчёта, что снижает субъективность и формирует справедливую систему. Градации оценки (зелёная, жёлтая, красная зона) позволяют заранее согласовать «правила игры» и избежать конфликтов.

На практике поставщик с высокими показателями получает бонусы и доступ к проектам без повторного аудита, а ухудшение показателей приводит к корректировке условий. Обратимость системы позволяет возвращать преференции при улучшении, укрепляя доверие. Метрики оценки интегрируются в коммерческие переговоры, обеспечивая экономическую обратную связь, а не наказание.

Техническая реализация включает расчёт бонусов и штрафов на основе весов *KPI*, сценарные анализы и цифровые шаблоны переговоров, что повышает предсказуемость и управляемость, при этом соблюдаются нормативные и антимонопольные требования.

Таким образом, монетизация *Scorecard* переводит оценку поставщика из области доверия в управляемую систему мотивации, снижает транзакционные издержки, повышает предсказуемость поведения и формирует зрелое, взаимовыгодное партнёрство.

Инструменты развития поставщика: сертификация и периодическая система оценки (*PSPM*)

Развитие поставщиков на основе сертификации и системы периодической оценки (*PSPM*) становится ключевым элементом современных моделей управления цепями поставок. Эти инструменты позволяют не только фиксировать текущее состояние контрагента, но и оказывать системное влияние на его организационную зрелость, операционные процессы и уровень управленческой дисциплины. Сертификационные подходы и регулярные механизмы оценки формируют инфраструктуру доверия, прозрачности и взаимных обязательств между заказчиком и поставщиком.

Сертификация как вектор развития

Сертификация формально подтверждает соответствие поставщика требованиям в области качества, экологического менеджмента, охраны труда, социальной ответственности и устойчивого развития. Она может быть обязательной (например, *ISO* 9001) или частью программы развития поставщика с сопровождением повышения зрелости [8].

Процесс обычно включает предсертификационную диагностику и gap-анализ, план развития с обучением персонала, подготовкой документации и внедрением процедур (управление несоответствиями, корректирующие действия), а также итоговый аудит аккредитованным органом с выдачей сертификата на три года.

Интеграция сертификации в программы развития формирует единый операционный подход, выступает инструментом согласования стандартов и условиями допуска к новым проектам. Дополнительно сертификация позволяет фиксировать цели в контракте, стимулировать участие в тендерах и снижать риски при привлечении новых поставщиков.

Периодическая *PSPM* как инструмент развития

Система периодической оценки поставщиков (*Professional Supplier Performance Management, PSPM*) является ключевым инструментом управления современными цепочками поставок. Она представляет собой структурированный процесс оценки поставщика по *KPI* с анализом данных, формированием рейтинга, обратной связью и корректирующими действиями. При правильной интеграции *PSPM* становится инструментом развития, позволяя ставить цели, выявлять проблемные зоны и инициировать улучшения.

Основные задачи *PSPM*: отслеживание прогресса, формализация обратной связи, согласование целей на следующий период, запуск корректирующих мероприятий и создание мотивационной системы через рейтинг, доступ к заказам и участие в проектах [9].

Стандартная *Scorecard* охватывает шесть направлений: качество, логистика, коммерция, инновации,

устойчивое развитие и сервис, с *KPI*, взвешенными в итоговой оценке. Частота оценок зависит от категории поставщика: стратегические – каждые два года, активные – ежегодно. Оценка может быть односторонней или включать самооценку поставщика.

Результатом является рейтинг с присвоением статуса («партнёр» – «кандидат на замену»), определяющий дальнейшее сотрудничество, план улучшений (*PIP*[11]) и корректировку объёмов. Поставщики с высокими показателями получают финансовые и нефинансовые стимулы: участие в проектах, рост объёмов и бонусы.

Монетизация оценки поставщика: экономические стимулы через *PSPM*

Монетизация показателей *PSPM* связывает результаты оценки поставщика с коммерческими условиями: высокие показатели обеспечивают бонусы и преференции, низкие – корректировку объёмов, штрафы или включение *PIP*. *PIP* фиксирует цели, зоны развития, сроки и ответственных, а прогресс отслеживается через *Gemba*-сессии, повышая достоверность оценки. Интеграция *PSPM* и *PIP* создаёт единую архитектуру развития поставщиков, переход от диагностики к улучшениям и мотивации, формируя зрелые, устойчивые и управляемые цепочки поставок.

Заключение

Интеграция систем *PSPM, PIP* и сертификации обеспечивает системное развитие поставщиков, связывая оценку эффективности с мотивацией и коммерческими условиями. Такой подход повышает прозрачность, снижает операционные и стратегические риски, укрепляет доверие и формирует устойчивые цепочки поставок. Применение *ESG*-метрик и регулярных аудитов позволяет создавать зрелые, управляемые партнерства, ориентированные на долгосрочные цели и непрерывное совершенствование процессов.

Литература:

1. Ahi P., Searcy C. A comparative literature analysis of definitions for green and sustainable supply chain management // Journal of Cleaner Production. 2013. № 52. P. 329–341. DOI: 10.1016/j.jclepro.2013.02.018.
2. Montabon F., Pagell M., Wu Z., Wasserman M.E. Making sustainability sustainable // Journal of Supply Chain Management. 2016. № 52(2). P. 11–27. DOI: 10.1111/jscm.12103.
3. Jüttner U., Peck H., Christopher M. Supply chain risk management: Outlining an agenda for future research // International Journal of Logistics Management. 2007. № 18(2). P. 197–210. DOI: 10.1080/13675560310001627016.
4. Trent R.J. Strategic Supply Management: Creating the Next Source of Competitive Advantage. Florida: J. Ross Publishing, 2007. ISBN 978-1932159677.
5. Monczka R.M., Handfield R.B., Moncka R.M., Scannell T.B., Ragatz G.L., Frayer D.J. New product development: Strategies for supplier integration. ASQC/Quality Press, 2000. ISBN 9780357710890.
6. Monczka R.M., Handfield R.B., Giunipero L.C., Patterson, J.L. Purchasing and Supply Chain Management (7th ed.). Boston: Cengage Learning, 2020. ISBN 9780357710890.
7. Krause D.R., Handfield R.B., Scannell T.V. An empirical investigation of supplier development: Reactive and strategic processes. Journal of Operations Management. 1998. № 17(1). P. 39–58. DOI: 10.1016/S0272-6963(98)00030-8.
8. Krause D.R., Scannell T.V. Supplier development practices: Product- and process-based projects // Journal of Supply Chain Management. 2002. № 38(2). P. 36–53. DOI: 10.1111/j.1745-493X.2002.tb00125.x.
9. Christopher M. Total cost of ownership as a hidden source of sustainable savings. In Logistics & Supply Chain Management (5th ed., pp. 123-128). Pearson Education, 2016. ISBN 978-1-292-08379-7

[11] *PIP (Performance Improvement Plan*) – это план повышения производительности, формальный документ, который создается для поставщика, чья работа не соответствует ожиданиям.

Integration of ESG and Supplier Evaluation Systems in the Development of Sustainable Supply Chains

Koverznev A.N.
BSH Hausgeräte GmbH (Munich, Germany)
Sharapova E.R.
Prometheus Group (Saint Petersburg)

The study is relevant in the context of increasing demands for sustainability and transparency in supply chains. The aim of the research is to examine contemporary tools for supplier evaluation and development, including PSPM, PIP, and certification systems, with the integration of ESG metrics. Tasks included analyzing motivation mechanisms, KPI formation, and contractual incentives, as well as identifying methods to enhance supplier maturity. The scientific and practical significance lies in developing a model of systematic management of partnership relations, contributing to risk reduction and efficiency improvement. The main results demonstrate that integrating evaluation, motivation, and sustainable practices forms manageable and competitive supply chains, confirming the novelty of the approach.

Keywords: sustainable development, PSPM (Professional Supplier Performance Management), PIP (Plan for Improvement), supplier certification, ESG practices, evaluation motivation and monetization, supply chain management

УДК 347.78
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-453-457

Личные неимущественные права на результаты творческой деятельности, созданные в области онлайн-образования

Макаров Тимофей Григорьевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время вопросы интеллектуальной собственности становятся ключевыми для сферы онлайн-образования, поскольку онлайн-школы заинтересованы в охране и защите результатов творческого труда, которые используются в учебном процессе.

Цель статьи – проведение анализа теоретических и практических аспектов личных неимущественных прав на результаты творческой деятельности, созданные в области онлайн-образования. Задачи исследования: теоретическое изучение конкретных личных неимущественных прав на результаты творческой деятельности, созданные в области онлайн-образования, выявление проблемных сторон их применения и защиты.

Практическая значимость исследования заключается в рассмотрении актуальных вопросов личных неимущественных прав на результаты творческой деятельности, созданные в сфере онлайн-образования. Результаты исследования могут быть интересны практикующим юристам в сфере интеллектуальной собственности и онлайн-образования, а также научному сообществу, занимающемуся проблемами права интеллектуальной собственности и образовательного права.

Проведенный анализ показал, что успешное применение и защита личных неимущественных прав на результаты творческой деятельности, созданные в области онлайн-образования, позволяет повысить авторитет и эффективность онлайн-образования.

Ключевые слова: *онлайн-образование, онлайн-школа, личные неимущественные права, право авторства, право на авторское имя, право на неприкосновенность произведения, результаты творческой деятельности, эксперт, продюсер, слушатели*

Для цитирования: *Макаров Т.Г. Личные неимущественные права на результаты творческой деятельности, созданные в области онлайн-образования // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 453–457. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-453-457.*

Онлайн-образование сегодня приобрело небывалую популярность. Количество открываемых в Российской Федерации онлайн-школ с каждым годом увеличивается. Создатели онлайн-школ неизбежно сталкиваются с вопросами интеллектуальных прав на разрабатываемые ими или привлеченными для образовательного процесса специалистами результаты творческой деятельности. Вдобавок ко всему, результаты творческой деятельности могут создаваться с помощью систем искусственного интеллекта, в связи с чем возникает вопрос об авторстве на такие результаты. Использование в учебном процес-

се онлайн-школы чьих-либо творческих продуктов, вне всякого сомнения, не должно нарушать интеллектуальные права и, в частности, личные неимущественные права авторов. Если такие нарушения все же происходят, это влечет крайне неблагоприятные последствия для онлайн-школы. Прежде всего, это репутационная составляющая. Когда слушатели онлайн-школы узнают, что в образовательном процессе были использованы учебные материалы с нарушением личных неимущественных интеллектуальных прав, доверие к онлайн-школе падает, количество слушателей снижается. Соответственно, онлайн-школа теряет клиентов и прибыль. Во избежание подобных негативных последствий необходимо должным образом создавать и использовать учебный контент. Если говорить о сфере онлайн-образования, то в ней создаются преимущественно объекты авторского права: лекции, презентации, видеоуроки, практикумы, глоссарии, методические рекомендации по изучению дисциплин, тестовые задания, задачи, творческие задания, учебно-методические пособия, учебные пособия, учебники и т.д. В настоящем исследовании речь пойдет о личных неимущественных правах на объекты авторского права, созданные для учебного процесса в онлайн-школе.

В соответствии со ст. 6 *bis* Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений «независимо от имущественных прав автора и даже после уступки этих прав он имеет право требовать признания своего авторства на произведение и противодействовать всякому искажению или иному изменению этого произведения, а также любому другому посягательству на произведение, способному нанести ущерб чести или репутации автора» [1].

Согласно ст.ст. 1265–1269 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2] личными неимущественными авторскими правами являются право авторства, право на авторское имя, право на обнародование произведения, право на его отзыв, а также право на неприкосновенность произведения. Проанализируем каждое из данных прав применительно к области онлайн-образования.

Право авторства, упомянутое законодателем в ст. 1265 ГК РФ, означает право считаться автором соответствующего произведения. При любом использовании произведения необходимо указывать, кем оно создано. Данная обязанность крайне важна особенно в сфере образования и онлайн-образования в частности. Для подготовки к учебным занятиям преподаватели онлайн-школ используют огромное количество источников, в том числе созданных экспертами других онлайн-школ. Невозможно представить себе лекцию без ссылок преподавателя на учебные и научные труды в соответствующей предметной области. Когда педагог делает ссылки на те или иные работы, тем самым он соблюдает право авторства «своих коллег по цеху». Нарушение права авторства можно рассматривать в качестве одного из самых грубых нарушений авторских прав. По сути, получается, что если эксперт онлайн-школы, готовя учебные материалы, не делает ссылки на использованные им труды, он присваивает чужие творческие мысли себе, тем самым совершая плагиат.

Следующим личным неимущественным авторским правом является право на авторское имя. Оно предусмотрено также в ст. 1265 ГК РФ. Данное право означает возможность использования произведения как с указанием авторства, так и без такого указания, т.е. анонимно. Если эксперт онлайн-школы хочет, чтобы созданные им произведения использовались с указанием его авторства, он может указать свое оригинальное имя либо придумать себе псевдоним.

В состав права на авторское имя входит не только возможность автора избирать способ обозначения его имени при опубликовании произведения, но и право требовать от всех третьих лиц указания избранного им имени при любом использовании произведения [3, с. 73–75].

Использование произведения под оригинальным именем с точки зрения действия исключительного права для преподавателя выгоднее, нежели использование произведения под псевдонимом или анонимно. Дело в том, что если произведение обнародовано под псевдонимом или анонимно, срок действия исключительного права на него «истекает через семьдесят лет, считая с 1 января года, следующего за годом его правомерного обнародования», тогда как если произведение обнародовано под оригинальным именем автора, «исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора» (ст. 1281 ГК РФ). Таким образом, срок действия исключительного права на произведение, обнародованное под псевдонимом или анонимно, гипотетически может истечь при жизни автора, и тогда его произведение перейдет в т.н. общественное достояние, т.е. произведением в этом случае можно будет воспользоваться «без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения» (ст. 1282 ГК РФ).

Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15, «при опубликовании произведения анонимно или под псевдонимом издатель, имя или наименование которого обозначено на произведении, при отсутствии доказательств иного считается представителем автора в соответствии с законом и в этом качестве может защищать права автора и обеспечивать их осуществление» [4].

Еще одним личным неимущественным авторским правом является право на неприкосновенность произведения, закрепленное в ст. 1266 ГК

РФ. Смысл данного права в том, что при любом использовании произведения запрещено без согласия автора вносить в него какие-либо изменения. Не рассматривается как нарушение права на неприкосновенность произведения «цитирование в оригинале и в переводе в научных, полемических, критических, информационных, учебных целях, в целях раскрытия творческого замысла автора правомерно обнародованных произведений в объеме, оправданном целью цитирования» (ст. 1274 ГК РФ). Особенно это актуально для сферы образования и онлайн-образования в частности. При создании лекций, презентаций, видеоуроков и других произведений для онлайн-обучения авторам часто приходится прибегать к цитированию в учебных целях. Да и сами обучающиеся онлайн-школ при выполнении тех или иных заданий, при подготовке итоговых аттестационных работ, выпускных квалификационных работ неизбежно цитируют труды в соответствующей предметной области. Без этого не может быть создано ни одно учебное произведение. Важным является объем цитирования. Он должен быть оправдан целью цитирования. Безусловно, это является оценочной категорией. В законе не указывается процент цитирования, который можно квалифицировать как оправданный целью цитирования. В каждом конкретном случае этот процент свой. Говоря о праве на неприкосновенность произведения, следует отметить, что оно касается таких изменений произведения, которые не сопряжены с созданием нового произведения на основе имеющегося. В связи с этим если эксперт онлайн-школы берет чьи-то готовые авторские учебные произведения и без согласия их авторов вносит в них изменения (снабжает комментариями, включает новые разделы и т.п.), то, вне всякого сомнения, такой эксперт нарушает право на неприкосновенность. Размещение измененных таким экспертом произведений на платформе онлайн-школы неправомерно.

Согласно п. 1 ст. 1266 ГК РФ, если при жизни автор в письменной форме выразил волю на внесение в его произведение каких-либо изменений, то после его смерти это возможно с согласия правообладателя и при условии, что изменения не повлекут искажения замысла автора и целостность произведения не будет нарушена. Это означает, что если эксперт онлайн-школы хочет изменить учебное произведение своего умершего коллеги, он может это сделать с согласия его наследников и при условии, что целостность произведения будет сохранена, а творческий замысел не искажен.

К числу личных неимущественных прав автора относится также право на обнародование произведения (ст. 1268 ГК РФ). В данном случае речь идет о возможности публичной огласки произведения, которая юридически обеспечена. Автор самостоятельно решает вопрос о готовности его произведения для доведения до неопределенного круга лиц, а также о том, где, когда и как его произведение будет обнародовано. Применительно к области онлайн-образования обнародованием учебного произведения может считаться его размещение на платформе соответствующей онлайн-школы, где доступ к нему могут получить любые граждане, обучающиеся в данной онлайн-школе, круг которых является неопределенным. Произведение автора может быть обнародовано и после его смерти, но при условии, что «обнародование не противоречит воле автора произведения, определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и тому подобном)».

Тесным образом связано с правом на обнародование право на отзыв произведения (ст. 1269 ГК РФ). Данное право означает, что у автора есть возможность отказа от принятого об обнародовании произведения решения до фактического обнародования произведения и при условии, что правообладателю либо пользователю такого произведения возмещаются причиненные таким решением убытки.

Причинами, по которым автор решает отозвать свое произведение, могут быть найденные в нем ошибки или неточности, изменение взглядов и позиций автора и многие другие. В любом случае при отзыве произведения от автора не требуется обоснование уважительности таких причин [5, с. 267–268].

Следует отметить, что согласно ст. 208 ГК РФ на требования о защите личных неимущественных прав, в том числе авторских, исковая давность не распространяется. Сколько бы ни прошло лет с момента, когда эксперт онлайн-школы узнал о нарушении своих личных неимущественных авторских прав на созданные им учебные материалы, в любое время он имеет возможность обращения в суд за защитой нарушенных личных неимущественных прав. Это означает, что защита личных неимущественных авторских прав на результаты творческой деятельности, созданные в области онлайн-образования, не ограничивается какими-либо временными рамками. Такую защиту можно осуществлять бессрочно. Для сферы онлайн-образования это является крайне важным обстоятельством в силу того, что учебный контент остается актуальным долгое время для обучающихся. Если он используется с нарушением личных неимущественных авторских прав, защитить нарушенные права можно в любое время с даты обнаружения незаконно размещенного на платформе онлайн-школы образовательного контента.

Произведения, используемые в сфере онлайн-образования, могут быть созданы в соавторстве. В связи с этим важным является достижение соглашения между соавторами об использовании таких произведений. К сожалению, бывают случаи, когда один из соавторов использует созданное в соавторстве произведение самовольно: заключает лицензионный

договор, дающий пользователю право использовать произведение. При этом произведение используется с указанием имени только одного из соавторов, тогда как часть этого произведения создана другим соавтором, к которому правонарушитель не обращался за получением разрешения на использование произведения. Тем самым нарушаются личные неимущественные права соавтора, который имеет право обжаловать данные действия в суде. В качестве примера подобного дела можно привести Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 5-КГ23-51-К2, анализ которого приведен в п. 8 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 [6]. Верховный Суд РФ в указанном пункте Обзора отметил следующее: «Размещение в сети «Интернет» созданного в соавторстве произведения, образующего неразрывное целое, или его части одним из соавторов без согласия других соавторов или иного законного основания является неправомерным».

Также в указанном Обзоре приводится весьма интересный вывод, который имеет принципиальное значения для области онлайн-образования. Речь идет о п. 13, в котором Верховный Суд РФ указал: «Отсутствие информации об авторе произведения в цитируемом источнике в сети "Интернет" не освобождает лицо, допустившее последующее цитирование произведения без указания автора, от применения ответственности, предусмотренной пунктом 1 статьи 1251 Гражданского кодекса Российской Федерации. … Лицо, не имея в своем распоряжении информации об авторе или о правообладателе произведения, а также об условиях его использования, должно самостоятельно отказаться от использования произведения с целью не допустить возможного нарушения прав третьих лиц».

Кроме того, в п. 98 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7] отмечается следующее: «При применении норм пункта 1 статьи 1274 ГК РФ, определяющих случаи, когда допускается свободное использование произведения без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования, необходимо иметь в виду», что «положениями подпункта 1 пункта 1 статьи 1274 ГК РФ допускается возможность цитирования любого произведения, в том числе фотографического, если это произведение было правомерно обнародовано и если цитирование осуществлено в целях и в объеме, указанных в данной норме». Безусловно, под правомерным подразумевается обнародование произведения с указанием имени автора.

Таким образом, можно сделать важный вывод: если эксперт онлайн-школы нашел в сети «Интернет» какой-либо учебный материал без указания, кто является его автором, от использования такого материала следует воздержаться. Отсутствие подобного указания не освободит эксперта от ответственности по ст. 1251 ГК РФ.

Подводя итог настоящему исследованию, можно заключить, что грамотное осуществление и защита личных неимущественных прав авторов на результаты творческой деятельности, созданные для сферы онлайн-образования, служат укреплению репутации и росту результативности данной образовательной модели.

Литература:

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений: [Парижский Акт, ВОИС. 1971. 24 июля] // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. С. 3.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 декабря.
3. Савельева И.В. Правовое регулирование отношений в области художественного творчества. М., изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. 141 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 №15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2006. 28 июня. № 4103.
5. Мэггс П.Б., Сергеев А.П. Интеллектуальная собственность. М.: Юристъ, 2000. 396 с.

6. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024). URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33621/?ysclid=mhbse8jzlp44607848 (дата обращения: 29.10.2025).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27773/?ysclid=mhbwd460b409877174 (дата обращения: 29.10.2025).

Personal Non-Property Rights to the Results of Creative Activity Created in the Field of Online Education

Makarov T.G.
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan branch of the Russian State University of Justice

The relevance of the article is due to the fact that currently intellectual property issues are becoming key for the field of online education, since online schools are interested in protecting and protecting the results of creative work that are used in the educational process.

The purpose of the article is to analyze the theoretical and practical aspects of personal non-property rights to the results of creative activity created in the field of online education. The objectives of the research are the theoretical study of specific personal non-property rights to the results of creative activity created in the field of online education, as well as the identification of problematic aspects of their application and protection.

The practical significance of the research lies in the consideration of topical issues of personal non-property rights to the results of creative activity created in the field of online education. The results of the study may be of interest to practicing lawyers in the field of intellectual property and online education, as well as to the scientific community dealing with intellectual property law and educational law.

The analysis showed that the successful application and protection of personal non-property rights to the results of creative activity created in the field of online education makes it possible to increase the credibility and effectiveness of online education.

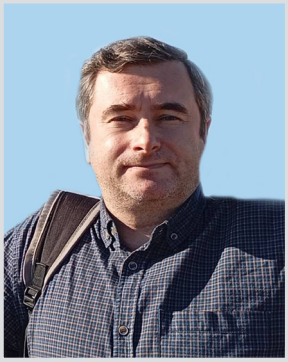
Keywords: online education, online school, personal non-property rights, the right of authorship, the right to the copyright name, the right to inviolability of the work, the results of creative activity, expert, producer, listeners

УДК 338.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-458-463

Развитие научно-популярного туризма в Хибинском массиве: потенциал, потребительский спрос и перспективы

Фомин Александр Алексеевич
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры туризма, гостеприимства и сферы обслуживания
Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина

Жуков Павел Викторович
Старший преподаватель
кафедры туризма, гостеприимства и сферы обслуживания
Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина

Фёдорова Елизавета Валерьевна
Менеджер ООО «Фирма Маклай»
(Санкт-Петербург, г. Колпино)

В статье рассматривается актуальный сегмент туристского рынка – научно-популярный туризм на примере Хибинского горного массива. Обосновывается значимость региона как уникального минералогического объекта, формирующего устойчивый спрос на специализированные познавательные программы. На основе анализа существующих туристских предложений и результатов авторского социологического опроса (N = 250) выявляются мотивационные установки, ожидания и барьеры целевой аудитории. Определяется высокая готовность к участию в научно-экспедиционных турах (77 % респондентов) при выраженном интересе к историко-археологическому и геолого-минералогическому контенту. Статья содержит практические рекомендации по проектированию и продвижению комплексных туристских продуктов, гармонично сочетающих образовательную ценность, комфорт и безопасность, что способствует диверсификации туристского предложения в Арктической зоне РФ.

Ключевые слова: *научно-популярный туризм, экспедиционный туризм, Хибинский массив, минералогическое наследие, потребительский спрос, Арктическая зона РФ, туристский потенциал*

Для цитирования: *Фомин А.А., Жуков П.В., Фёдорова Е.В. Развитие научно-популярного туризма в Хибинском массиве: потенциал, потребительский спрос и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 458–463. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-458-463.*

Современный этап развития туристской индустрии характеризуется процессами сегментации и специализации, обусловленными растущим запросом потребителей на уникальные, содержательные и персонализированные турмаршруты. Особое место в этом ряду занимает научно-популярный туризм, синтезирующий рекреационную функцию с углубленным образовательным компонентом. Данное направление становится драйвером развития территорий, обладающих ярким природным и культурно-историческим наследием, способствуя не только экономическому росту, но и формированию общественного интереса к науке и экологии.

Актуальность исследования потенциала научно-популярного туризма (НПТ) в Хибинском горном массиве (Кольский полуостров) обусловлена совокупностью факторов. Во-первых, Хибины признаны ключевым минералогическим регионом мирового значения, что создает уникальную ресурсную базу для тематических программ [1]. Во-вторых, наблюдаемая в последние годы динамика расширения данного сегмента на российском рынке указывает на формирование устойчивого потребительского спроса. В-третьих, развитие НПТ в Арктической зоне Российской Федерации соответствует стратегическим задачам пространственного развития и диверсификации экономики макрорегиона, выходя за рамки сугубо ресурсной модели.

Однако успешная реализация туристского потенциала Хибин требует комплексного анализа не только ресурсной составляющей, но и глубинных мотивов, ожиданий и восприятий потенциальных потребителей.

Цель исследования – оценить потенциал развития научно-популярного туризма в Хибинском массиве на основе анализа существующего предложения туроператоров и изучения потребительских предпочтений, мотиваций и осведомленности жителей Северо-Запада России.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие *задачи*:

• проанализировать современное состояние и специфику предложения научно-популярных туров в Хибинах на примере продуктов ведущих операторов;

• систематизировать тематическое разнообразие маршрутов на основе анализа исторических и современных литературных источников;

• выявить уровень осведомленности, интересы и готовность к участию в НПТ среди потенциальной целевой аудитории;

• определить ключевые факторы привлекательности и возможные барьеры для развития данного направления;

• разработать практические рекомендации по проектированию и продвижению научно-популярных туристских программ в регионе.

Методологическую основу исследования составили системный и структурно-функциональный подходы. Работа базируется на анализе труда 1931 г. «Путеводитель по Хибинским тундрам» под редакцией А.Е. Ферсмана русского и советского минералога, академика РАН [2]. В нем В.Ю. Фридолин описывает кольцевой маршрут вокруг горной станции АН СССР через массив Кукисвумчорр. Маршрут сочетает научно-познавательную и ландшафтную ценность, а также знакомит с исторически значимой инфраструктурой академических исследований. Среди индустриально-познавательных маршрутов выделяется разработка Г.Н. Соловьянова – путь от рудника Кукисвумчорр через рудник Юкспор до обогатительной фабрики в Хибиногорске (сейчас Кировск). Принцип «от месторождения к продукту» дает возможность проследить полную цепочку добычи и переработки апатито-нефелиновых руд, оценив масштаб индустриального освоения региона [3].

В «Путеводителе по Хибинским тундрам» представлено несколько маршрутов, посвященных минералого-геологическим маршрутам. Н.Н. Гуткова предлагает два варианта:

1) Маршрут Хибиногорск – ущелье Гакмана – плато Юкспора (30 км, 9–12 ч) с акцентом на долину минералов, где можно увидеть астрофиллит, эгирин, юкспорит и натролит.

2) Маршрут Хибиногорск – ущелье Рамзая – ст. Хибины (39 км, 10–15 ч) более сложный, рассчитанный на опытных туристов.

В.И. Осинкий представил маршрут ст. Хибины – Большие и Малые Наволоки, ориентированный на изучение нефелиновых песков и их проявлений в естественных обнажениях [3]. В совместной работе с Н.Н. Гутковой он описал маршрут Пулозеро – Ловозеро, нацеленный на знакомство с диатомовыми землями и озером Сейтъявр, что позволяет наблюдать уникальные геологические и ландшафтные объекты региона [3].

Для туристов, сочетающих познавательный и рекреационный компоненты, интересен маршрут Хибиногорск – Юкспориок – Расвумчорр – Апатитовый отрош (10 ч). Его преимуществом является доступность начала в городе Хибиногорск, возможность ночлега в стандартных домах и детальное знакомство с ландшафтами и геологией по историческим тропам 1930-х гг.

Особую группу составляют экспедиционно-водные маршруты. Г.Д. Рихтер описал маршрут «Монче-тундры» от ст. Имандра, включающий водные переходы и сложные рельефы. Маршрут опирается на геологические исследования 1929 г., которые заложили основу изучения Заимандровских тундр и медно-никелевых руд [3].

Таким образом, литературные источники отражают широкий спектр туристских возможностей Хибин: от индустриально-производственных и

минералогических до спортивно-рекреационных маршрутов. Каждый из них имеет четкую тематическую направленность, что позволяет дифференцировать их по целевой аудитории.

Эмпирическую часть исследования составили результаты авторского социологического опроса, проведенного в 2025 г. Выборка составила 250 респондентов, проживающих в Северо-Западном федеральном округе РФ. Выборка репрезентативна по возрастному составу (основная группа 25–45 лет) и сбалансирована по гендерному признаку (69 % женщин, 31 % мужчин), что позволяет учитывать гендерные особенности восприятия.

Для сбора данных использовалась электронная анкета, включающая блоки вопросов, направленные на:

• определение ассоциаций с Арктической зоной РФ;

• оценку стратегической значимости Арктики;

• выявление приоритетных направлений развития региона;

• измерение уровня осведомленности о понятии «научно-популярный туризм» и конкретных программах в Хибинах;

• оценку интереса к различным научным направлениям в контексте туризма;

• выявление готовности к участию в экспедиционных турах.

Обработка данных осуществлялась методами количественного (статистический анализ, построение диаграмм распределения) и качественного (контент-анализ открытых ответов) анализа.

Анализ предложения научно-популярных туров в Хибинах

Современный рынок туруслуг Хибин и Кольского полуострова предлагает диверсифицированные продукты, рассчитанные на разные целевые группы: от однодневных экскурсий для начинающих до многодневных экспедиционных программ для профессионалов-геологов. Типичная продолжительность – 1–8 дней. Ключевой особенностью является комбинированный формат, включающий трансфер на внедорожной технике (внедорожники, снегоходы) и пешие отрезки протяженностью 3–10 км, что обеспечивает баланс доступности и насыщенности. Размещение, как правило, организовано на турбазах в Кировске или Апатитах, гарантируя логистическую связность и бытовой комфорт.

Ярким примером является оператор «Норд Стоун», предлагающий 6–8-дневные программы. Его тематические маршруты демонстрируют комплексный подход, интегрирующий геологический, исторический и экологический контент:

• Тур «Минералогические редкости отвалов Умбозерского рудника» совмещает геологическое знакомство с Ловозерскими тундрами и осмысление антропогенного воздействия.

• Маршрут «Медвежьей тропой по Пирротиновому ущелью» фокусируется на истории геологоразведки 1920–1930-х гг.

• Программа «По следам первопроходцев» реконструирует путь первых советских геологов, предлагая сбор образцов лопарита – первого минерала, открытого в Хибинах.

• Тур «Научная станция "Тиетта" и молибденитовый рудник» (8,5 км) объединяет мемориальный, ландшафтный и минералогический компоненты: от истории научной станции Академии наук до осмотра молибденитового месторождения, разведанного в 1927–1934 гг. Маршрут иллюстрирует эволюцию геологического освоения Хибин и причины сворачивания работ из-за технологических сложностей.

Данные продукты иллюстрируют общую тенденцию: смещение от сугубо спортивного или рекреационного туризма к смыслонасыщенным программам с сильным образовательным нарративом.

Потребительский спрос: результаты социологического опроса

Исследование выявило ряд значимых тенденций в восприятии целевой аудиторией. В рамках социологического опроса респондентам был предложен блок вопросов, посвященных Арктике. Одним из ключевых стал вопрос о главном признаке, позволяющем отнести регион к Арктической зоне РФ (АЗРФ). Участникам необходимо было выбрать один из трех содержательных вариантов либо указать, что они затрудняются с ответом. Анализ результатов показал, что большинство респондентов – 48 % – определяют принадлежность территории к АЗРФ через призму природных условий, выделяя такие характеристики, как вечная мерзлота, тундра и экстремальные температуры, что свидетельствует о преобладании в общественном сознании естественно-научного подхода. Значительно меньшая доля участников (28 %) ориентируется на географический критерий – выход к Северному Ледовитому океану, тогда как нормативно-правовой статус, подразумевающий официальное включение в перечень АЗРФ на основании закона, выбрал лишь 22 % опрошенных. Полученные данные наглядно демонстрируют, что в обыденном сознании жителей СЗФО при определении принадлежности территории к Арктической зоне доминируют неформальные, природно-географические критерии (рис. 1).

В ходе опроса респондентам предложили оценить степень согласия с утверждением «Арктика – это стратегически важный регион для России» по пятибалльной шкале (от 1 – «Полностью не согласен» до 5 – «полностью согласен»). Результаты демонстрируют ярко выраженную поддержку тезиса: 39 % участников поставили максимальный балл, еще 22 % выбрали вариант «4 балла». В совокупности это составляет 61 % респондентов, однозначно

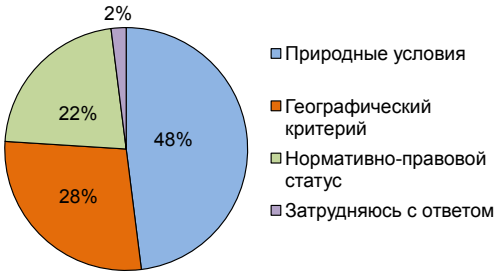

Рис. 1. Определение принадлежности территории к Арктической зоне, %

признающих стратегическую значимость Арктики для страны.

В рамках исследования восприятия арктической тематики и научно-популярного туризма среди жителей СЗФО был задан вопрос о задачах освоения Арктики и уровне осведомленности о специфическом сегменте туристской деятельности – научно-популярном туризме.

Респондентам предполагалось выбрать 2–3 наиболее значимых направления из предложенного списка. Результаты продемонстрировали четкую иерархию приоритетов: безусловным лидером стала добыча полезных ископаемых, которую отметили 64 % участников опроса, что отражает устойчивое восприятие Арктики как ресурсной базы страны. На втором месте оказалось развитие Северного морского пути (59 %), подчеркивая осознание респондентами транспортно-логистического потенциала региона. Третью позицию заняло изучение климата и изменений окружающей среды (42 %), а туризм и научные экспедиции отметили 41 % опрошенных (рис. 2).

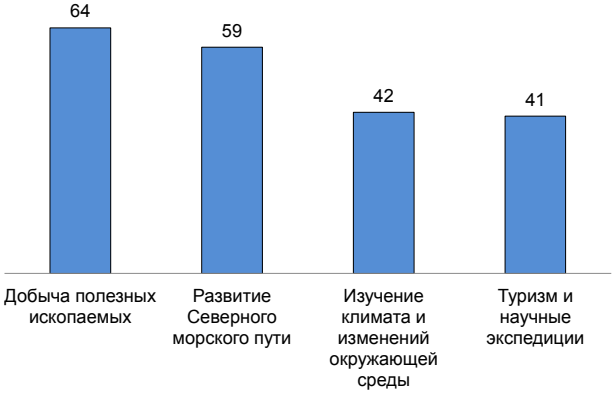

Рис. 2. Наиболее значимые направления развития Арктики, %

На вопрос об осведомленности в отношении термина «научно-популярный туризм» 29 % респондентов заявили о знакомстве с понятием и способности дать определение, а 41 % – что слышали термин, но не уверены в его точном содержании. При этом 8 % впервые столкнулись с ним в ходе опроса.

Анализ осведомленности об организационных экспедициях и туристских маршрутах в Хибинах продемонстрировал достаточно высокий фоновый уровень знаний: подавляющее большинство респондентов – 64 % подтвердили, что слышали о таких программах в общих чертах, тогда как 17 % оказались подробно знакомы с несколькими конкретными программами. Лишь 11 % опрошенных заявили, что впервые столкнулись с подобной информацией. Эти данные свидетельствуют о сформированном общественном представлении о возможностях арктического туризма, хотя глубина знаний остается дифференцированной (рис. 3).

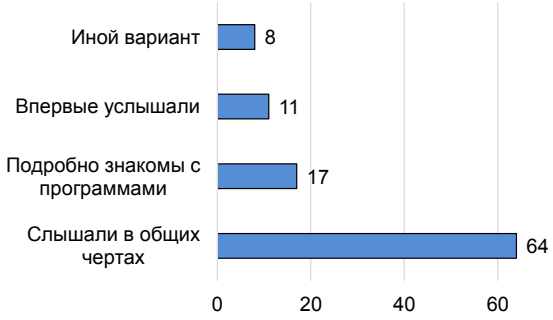

Рис. 3. Осведомлённость об экспедициях и туристских маршрутах в Хибинах, %

При выявлении наиболее привлекательных научных направлений респонденты обозначили четкую иерархию интересов. Наибольший отклик получила археология и освоение Арктики – 74 %, что демонстрирует высокую вовлеченность аудитории в исторические нарративы и сюжеты первопроходцев. Второе место заняла геология и минералогия – 62 %, отражая устойчивый интерес к природному потенциалу и геологическому строению арктических территорий.

Ключевым индикатором потенциала развития научно-популярного туризма стала оценка готовности респондентов к участию в подобных маршрутах. Результаты выявили выраженный интерес к данному формату: 48 % участников отметили, что заинтересованы и рассмотрели бы предложение, а еще 29 % сразу бы согласились на участие. В совокупности 77 % опрошенных проявили позитивный настрой к перспективе туров. При этом 18 % заняли нейтральную позицию, подчеркнув, что решение будет зависеть от конкретных условий участия (рис. 4).

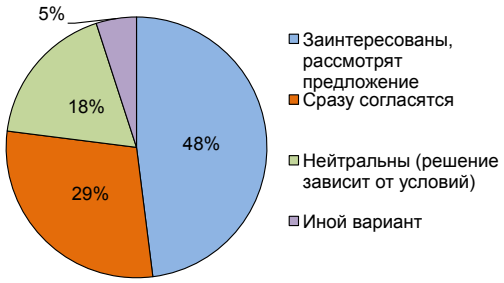

Рис. 4. Анализ готовности респондентов к участию в научно-популярных экспедиционных турах, %

Таким образом, исследование демонстрирует, что, несмотря на разную степень детализации знаний о конкретных маршрутах, целевая аудитория проявляет устойчивый интерес к научно-популярному освоению Арктики. Наибольшую привлекательность имеют историко-археологические аспекты и геологическое разнообразие региона. Успешная реализация программ научно-экспедиционного туризма возможна при условии разработки программ, гармонично сочетающих насыщенный познавательный контент с продуманными условиями участия, отвечающими ожиданиям современной аудитории.

Полученные данные свидетельствуют о наличии значительного нереализованного потенциала. Целевая аудитория (25–45 лет) проявляет устойчивый интерес к глубоким познавательным программам с сильным историческим нарративом и возможностью практического взаимодействия с объектом изучения (например, сбор образцов). Выявленный диссонанс между высокой готовностью к участию (77 %) и относительно невысокой детальной осведомленностью о конкретных предложениях указывает на необходимость усиления информационно-коммуникационной работы туроператоров и региональных властей.

Ключевыми факторами успеха для развития НПТ в Хибинах являются:

1. Комплексность продукта: удачное сочетание исторического, геологического и природного компонентов в едином маршруте.

2. Дифференциация по уровню сложности: наличие предложений как для широкой аудитории (комфортные туры с трансфером), так и для туристов-энтузиастов, туристов-исследователей.

3. Научное сопровождение: участие экспертов-геологов, историков, краеведов повышает образовательную ценность тура, его «престижность», удовлетворяет запрос на знания и экспертность. В целом можно говорить о растущем тренде на научную составляющую в поездке, где гостям премиального сегмента интересно провести часть путешествия в сопровождении археолога, геолога, астронома и других научных специалистов. Потребителей привлекает возможность стать частью научного или творческого процесса – участвовать в полевых работах орнитологов с проживанием на отдаленной биостанции или в заброшенном индустриальном поселке [6].

4. Управление восприятием рисков: ясное информирование об условиях участия, мерах безопасности (особенно с учетом лавинной опасности зимой), что позволяет снизить психологический барьер.

Сформулированные проблемы – транспортная доступность, лавиноопасность, качество сервиса – остаются актуальными и требуют системных решений на уровне развития инфраструктуры и подготовки кадров.

Проведенное исследование подтверждает высокий потенциал Хибинского массива как территории для развития научно-популярного туризма. Научно-популярный туризм в Хибинах является актуальным и перспективным направлением, способствующим диверсификации экономики Арктической зоны РФ и популяризации ее природного и научного наследия. Успех коммерческих программ зависит от их способности гармонично сочетать насыщенный познавательный контент с продуманной логистикой, обеспечением комфорта и безопасности. Ключевыми мотивирующими факторами для целевой аудитории выступают погружение в исторический нарратив (тематика первопроходцев) и возможность практического взаимодействия с геологическими объектами.

Существенным барьером для масштабирования направления остается недостаточная информированность аудитории о конкретных возможностях, а также инфраструктурные и сезонные ограничения региона.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СПС Гарант.
2. Гуткова Н.Н., Осинский В.И. и др. Маршруты по Хибинским тундрам // Путеводитель по Хибинским тундрам / Под ред. А.Е. Ферсмана. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1931. IV. 166 с.
3. Ферсман А.Е. (ред.) Путеводитель по Хибинским тундрам. / Под ред. А.Е. Ферсмана. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1931. IV. 166 с.
4. Соловьянов Г.Н. Индустриально-познавательные маршруты Хибин // Вестник туристских исследований. 2018. № 4. С. 45–52.
5. Рихтер Г.Д. Экспедиционно-водные маршруты Кольского полуострова. М.: Географгиз, 1960. 178 с.
6. В России растет спрос на активные туры с участием ученых-исследователей. URL: https://ratanews.ru/news/general/v-rossii-rastet-spros-na-aktivnye-tury-s-ucastiem-ucenyx-issledovatelei

Development of Popular Science Tourism in the Khibiny Massif: Potential, Consumer Demand and Prospects

Fomin A.A., Zhukov P.V.
A.S. Pushkin Leningrad State University

Fedorova E.V.
LLC «Firm Maclay» (St. Petersburg, Kolpino)

The article examines the current segment of the tourist market – popular science tourism on the example of the Khibiny mountain range. The importance of the region as a unique mineralogical object, forming a steady demand for specialized educational programs, is substantiated. Based on the analysis of existing tourist offers and the results of the author's sociological survey (N = 250), the motivational attitudes, expectations and barriers of the target audience are revealed. There is a high willingness to participate in scientific expedition tours (77 % of respondents) with an expressed interest in historical, archaeological, geological and mineralogical content. The article contains practical recommendations on the design and promotion of comprehensive tourism products that harmoniously combine educational value, comfort and safety, which contributes to the diversification of the tourist offer in the Arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: popular science tourism, expedition tourism, Khibiny massif, mineralogical heritage, consumer demand, Arctic zone of the Russian Federation, tourist potential

Для заметок